

Российский государственный гуманитарный университет
Институт языкознания Российской Академии наук

Вопросы языкового родства
Международный научный журнал

№6 (2011)

ВЯР

Москва 2011

Russian State University for the Humanities
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Journal of Language Relationship
International Scientific Periodical

Nº6 (2011)

Moscow 2011

Редакционный совет:

Вяч. Вс. ИВАНОВ (Москва – Лос-Анджелес) / председатель

Х. АЙХНЕР (Вена)

М. Е. АЛЕКСЕЕВ (Москва)

В. БЛАЖЕК (Брно)

У. БЭКСТЕР (Анн Арбор)

В. Ф. ВЫДРИН (Париж)

М. ГЕЛЛ-МАНН (Санта-Фе)

А. Б. ДОЛГОПОЛЬСКИЙ (Хайфа)

Ф. КОРТЛАНДТ (Лейден)

А. ЛУБОЦКИЙ (Лейден)

А. Ю. МИЛИТАРЕВ (Москва)

Л. ХАЙМАН (Беркли)

Редакционная коллегия:

В. А. ДЫБО (главный редактор)

Г. С. СТАРОСТИН (заместитель главного редактора)

Т. А. МИХАЙЛОВА (ответственный секретарь)

К. В. БАБАЕВ

А. В. ДЫБО

А. С. КАСЬЯН

О. А. МУДРАК

И. С. ЯКУБОВИЧ

Журнал основан К. В. БАБАЕВЫМ

Advisory Board:

Vyach. Vs. IVANOV (Moscow–Los Angeles, Calif.) / Chairman

M. E. ALEXEEV (Moscow)

W. BAXTER (Ann Arbor, Mich.)

V. BLAŽEK (Brno)

A. B. DOLGOPOLSKY (Haifa)

H. EICHNER (Vienna)

M. GELL-MANN (Santa Fe, New Mexico)

L. HYMAN (Berkeley)

F. KORTLANDT (Leiden)

A. LUBOTSKY (Leiden)

A. YU. MILITAREV (Moscow)

V. F. VYDRIN (Paris)

Editorial Staff:

V. A. DYBO (Editor-in-Chief)

G. S. STAROSTIN (Managing Editor)

T. A. MIKHAILOVA (Editorial Secretary)

K. V. BABAEV

A. V. DYBO

A. S. KASSIAN

O. A. MUDRAK

I. S. YAKUBOVICH

Founded by Kirill BABAEV

УДК 81(05)
ББК 81я5

Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. Акад. наук. Ин-т языкознания; под ред. В. А. Дыбо. — М., 2011. — № 6. — xxvi + 260 с. — (Вестник РГГУ: Научный журнал; Серия «Филологические науки. Языкознание»; № 16(78)/11).

Journal of Language Relationship: International Scientific Periodical / Russian State University for the Humanities; Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics; Ed. by V. A. Dybo. — Moscow, 2011. — No. 6. — xxvi + 260 p. — (RSUH Bulletin: Scientific Periodical; Linguistics Series; No. 16(78)/11).

ISSN 1998-6769

<http://www.jolr.ru>
journal@nostratic.ru

Дополнительные знаки: С. Г. Болотов
Add-on symbols by S. G. Bolotov

Подписано в печать 29.07.2011. Формат 60×90/8.
Бум. офсетная.
Печать офсетная. Тираж 1050 экз.
Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в «Наша Полиграфия», г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99

Table of Contents / Содержание

Table of Contents / Содержание	vii
Contributors / Сведения об авторах	ix
Note for Contributors / Будущим авторам	x
Владимиру Антоновичу Дыбо 80 лет (30 апреля 2011 г.)	xi
A l'occasion du 80 ^{ème} anniversaire de Vladimir Antonovitch Dybo (30 avril 2011)	xiii
Список печатных работ В. А. Дыбо / Bibliography of V. A. Dybo	xvi

Articles / Статьи

<i>Kirill Babaev</i> . On the reconstruction of some tense/aspect markers in Proto-Mande	1
[К. В. Бабаев. К реконструкции некоторых видовременных показателей праманде]	
<i>John D. Bengtson, Václav Blažek</i> . On the Burushaski–Indo-European Hypothesis by I. Čašule	25
[Дж. Бенгтсон, В. Блажек. О бурушаски-индоевропейской гипотезе И. Чашуле]	
<i>Alexei Kassian</i> . Annotated 50-item wordlist of the basic lexicon of the Ancient Greek language (the idiolect of Herodotus)	65
[А. С. Касьян. Опыт составления аннотированного 50-словного списка базисной лексики для древнегреческого языка (идиолект Геродота)]	
<i>Iliia Peiros</i> . Some thoughts on the problem of the Austro-Asiatic homeland	101
[И. И. Пейрос. Некоторые мысли относительно проблемы австроазиатской прародины]	
<i>George Starostin</i> . On Mimi	115
[Г. С. Старостин. О языках мими]	
<i>Gábor Takács</i> . Lexica Afroasiatica XI	141
[Г. Такач. Lexica Afroasiatica XI]	
<i>Miguel Valério</i> . Hani-Rabbat as the Semitic Name of Mitanni	173
[М. Валерио. Хани-Раббат — семитское название Митанни]	

Discussion Articles / Дискуссионные статьи

<i>Leonid Kulikov</i> . Drifting between passive and anticausative. True and alleged accent shifts in the history of Vedic <i>-ya</i> -presents	185
[Л. И. Куликов. Между пассивом и антикаузативом: действительные и мнимые акцентные сдвиги в истории ведийских <i>-ya</i> -презентов]	
<i>Alexei Kassian</i> . Some considerations on Vedic <i>-ya</i> -presents	198
[А. Касьян. Некоторые соображения по поводу ведийского <i>-ya</i> -презенса]	
<i>V. A. Dybo</i> . Относительно др.-инд. <i>-ya</i> -глаголов	200
[V. A. Dybo. On Vedic <i>-ya</i> -presents]	
<i>Leonid Kulikov</i> . Reply to replies	210
[Л. И. Куликов. Ответ на ответы]	

Book reviews / Рецензии

- Ю. В. НОРМАНСКАЯ, А. В. ДЫБО. Тезаурус: Лексика природного окружения
в уральских языках, 2010
(М. А. Живлов / Mikhail Zhivolov) 217
- Angela MARCANTONIO (ed.). The Indo-European Language Family:
Questions about its Status, 2009
(И. С. Якубович / Iуа Yakubovich) 227

Periodic reviews / Периодика

- The Journal of Indo-European Studies. Vol. 37, № 3–4, 2009
(Т. А. Михайлова / Tatyana Mikhailova) 234

Reports / Хроника

- Шестые традиционные чтения памяти С. А. Старостина,
Москва, РГГУ, 24–25 марта 2011 г. (Л. В. Клименченко / Lyubov' Klimenchenko) 238
[The 6th Traditional Conference in Memory of S. A. Starostin, Moscow, RSUH, March 24–25, 2011]
- Научные чтения к 80-летию В. А. Дыбо, Москва, РГГУ, 5 мая 2011 г.
(Е. В. Коровина / Evgeniya Korovina) 241
[Conference in honor of the 80th jubilee of Vladimir Dybo, Moscow, RSUH, May 5, 2011]
- VII Международный семинар по балто-славянской акцентологии,
Москва, РГГУ, 7–9 июля 2011 г. (И. П. Котоедов / Ivan Kotoedov) 243
[7th International Workshop on Balto-Slavic Accentology, Moscow, RSUH, July 7–9, 2011]
- Конференция «Изоляты в Африке», Лион, 3–4 декабря 2010 г.
(К. Н. Прохоров / Kirill Prokhorov) 247
[“Isolates in Africa”, Lyons, Laboratoire Dynamique du Langage, December 3–4, 2010]

Сведения об авторах

- Бабаев Кирилл Владимирович* — канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник Сектора компаративистики Института языкознания РАН (Москва), babaev@yandex.ru
- Бенгтсон Джон* — Ассоциация изучения языка в доисторический период, Миннесота, jdbengt@softhome.net
- Блажек Вацлав* — проф. Масарикова университета, Брно, blazek@phil.muni.cz
- Валерио Мигель* — студент археологического отделения факультета социальных и гуманитарных наук Нового Лиссабонского университета, mfg_valerio@yahoo.com
- Дыбо Владимир Антонович* — доктор филол. наук, чл.-кор. Академии РАН, зав. Центром компаративистики ИВКА РГГУ (Москва), vdybo@mail.ru
- Живлов Михаил Александрович* — канд. филол. наук, науч. сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва), zhivlov@yandex.ru
- Кассьян Алексей Сергеевич* — канд. филол. наук, преп. Центра компаративистики ИВКА РГГУ, н.с. отдела индоевропейских языков Института языкознания РАН (Москва), a.kassian@gmail.com
- Клименченко Любовь Владимировна* — студентка Института лингвистики РГГУ (Москва), lyu.klimenchenko@gmail.com
- Коровина Евгения Владимировна* — студентка Центра компаративистики ИВКА РГГУ (Москва), varna0@gmail.com
- Котоедов Иван Петрович* — студент Института лингвистики РГГУ (Москва), catfood@gmail.com

Contributors

- Kirill V. Babaev* — candidate of sciences (Philology), lead researcher, Department of Comparative Studies, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), babaev@yandex.ru
- John D. Bengtson* — Association for the Study of Language in Prehistory, Minnesota, jdbengt@softhome.net
- Václav Blažek* — professor, Masaryk University, Brno, blazek@phil.muni.cz
- Vladimir Dybo* — doctor of sciences (Philology), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of Center for Comparative Linguistics, Russian State University for the Humanities (Moscow), vdybo@mail.ru
- Alexei Kassian* — candidate of sciences (Philology), researcher, Center for Comparative Linguistics, Russian State University for the Humanities; researcher, Department of Indo-European Studies, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), a.kassian@gmail.com
- Lyubov' Klimenchenko* — student, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities (Moscow), lyu.klimenchenko@gmail.com
- Eugenia Korovina* — student, Center for Comparative Linguistics, Russian State University for the Humanities (Moscow), varna0@gmail.com
- Ivan Kotoedov* — student, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities (Moscow), catfood@gmail.com
- Leonid I. Kulikov* — candidate of sciences (Philology), Ph.D. (Leiden University); associated member and lecturer at Leiden University, Institute of Linguistics; doctorant of Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), L.Kulikov@hum.LeidenUniv.nl

- Куликов Леонид Игоревич* — канд. филол. наук, Ph.D. (Лейденский университет); доцент Лейденского университета; докторант сектора типологии Института языкознания РАН (Москва), L.Kulikov@hum.LeidenUniv.nl
- Михайлова Татьяна Андреевна* — доктор филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ (Москва), tamih.msu@mail.ru
- Ослон Михаил Владимирович* — канд. филол. наук, сотрудник Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН (Москва), neoakut@gmail.com
- Пейрос Илья Иосифович* — доктор филол. наук, Институт Санта Фе (Нью-Мексико, США), ilia@santafe.edu
- Прохоров Кирилл Николаевич* — сотрудник отдела этнографии народов Африки, Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Санкт-Петербург), bolshoypro@gmail.com
- Старостин Георгий Сергеевич* — канд. филол. наук, зав. кафедрой истории и филологии Дальнего Востока ИВКА РГГУ (Москва), gstarst@rinet.ru
- Такач Габор* — научный сотрудник отдела египтологии Будапештского университета, Венгрия, gabtak@datatrans.hu
- Якубович Илья Сергеевич* — кандидат филол. наук, научный сотрудник Института мировой культуры МГУ (Москва); Ph.D. (Linguistics and Near Eastern Studies, University of Chicago), sogdiana783@gmail.com

- Tatyana Mikhailova* — doctor of sciences (Philology), professor, Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology, Moscow State University (Moscow), tamih.msu@mail.ru
- Mikhail Oslon* — candidate of sciences (Philology), Department of typology and comparative linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), neoakut@gmail.com
- Ilia Peiros* — doctor of sciences (Philology), visiting researcher, Institute of Santa Fe (New Mexico, USA), ilia@santafe.edu
- Kirill Prokhorov* — researcher, Department of Africa, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (St. Petersburg), bolshoypro@gmail.com
- George Starostin* — candidate of sciences (Philology), Head of Department of the history and philology of the Far East, Institute of Eastern Cultures and Antiquity, RSUH (Moscow), gstarst@rinet.ru
- Gabor Takács* — researcher, Department of Egyptology, Eotvos Lorand University, Budapest, Hungary, gabtak@datatrans.hu
- Miguel Valério* — M. A. student of Archaeology, Faculty of Social and Human Sciences, New University of Lisbon, mfg_valerio@yahoo.com
- Ilya Yakubovich* — candidate of sciences (Philology), research associate, Institute of World Cultures, Moscow State University; Ph.D. (Linguistics and Near Eastern Studies, University of Chicago), sogdiana783@gmail.com
- Mikhail Zhivlov* — candidate of sciences (Philology), researcher, Department of Uralo-Altaic Studies, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), zhivlov@yandex.ru

Note for Contributors

Journal of Language Relationship welcomes submissions from everyone specializing in comparative-historical linguistics and related disciplines, in the form of original articles as well as reviews of recent publications. All such submissions should be sent to the managing editor:

G. Starostin
Institute of Oriental Cultures and Antiquity
Russian State University for the Humanities
125267 Moscow, Russia
Miuskaya Square, 6
E-mail: journal@nostratic.ru

Articles are published preferably in English or Russian, although publication of texts in other major European languages (French, German, etc.) is possible. Each article should be accompanied with an abstract (not exceeding 300 words) and keywords.

For more detailed guidelines on article submission and editorial policies, please see our Website at: <http://www.jolr.ru> or address the editorial staff directly at journal@nostratic.ru.

Будущим авторам

Журнал *Вопросы языкового родства* принимает заявки на публикацию оригинальных научных статей, а также рецензий, от всех, кто специализируется в области сравнительно-исторического языкознания и смежных дисциплин. Рукописи можно высылать непосредственно заместителю главного редактора по адресу:

125267 Москва
Миусская площадь, д. 6
Российский государственный гуманитарный университет
Институт восточных культур и античности
Г. Старостину
E-mail: journal@nostratic.ru

Предпочтительные языки публикации — английский или русский, хотя возможна также публикация статей на других европейских языках (французский, немецкий и т. п.). К каждой статье обязательно прикладывается резюме (не более 300 слов) и список ключевых слов.

Подробнее о требованиях к оформлению рукописи, редакционной политике журнала и т. п. Вы можете узнать на нашем сайте по адресу: <http://www.jolr.ru>, или же непосредственно обратившись к редакции по электронной почте (journal@nostratic.ru).

Владимиру Антоновичу Дыбо 80 лет (30 апреля 2011 г.)

В этом году в Москве прошли целых три лингвистических конференции по случаю юбилея В. А. Дыбо. Кроме чисто хронологического значения — а это более чем полувековая веха блестящей научной деятельности крупнейшего учёного, — этот юбилей даёт прекрасную возможность оценить необычайную широту его научных интересов. В своих докладах на этих конференциях коллеги и ученики Владимира Антоновича затронули такие разнообразные темы, как балто-славянская, индоевропейская и уральская акцентология, глоттохронология, сравнительная тюркология и кавказология, а также другие интересующие В. А. Дыбо области, в большинстве из которых проявил себя его компаративистский гений. Доклады в очередной раз продемонстрировали роль юбиляра в этих научных областях, которые вряд ли достигли бы своего сегодняшнего уровня без его активного и руководящего участия.

Так, именно Владимиру Антоновичу обязана современная акцентология своими важнейшими достижениями. Обрисуем вкратце главные этапы тернистого пути, пройденного этой дисциплиной, пережившей в последние десятилетия беспрецедентный взлёт. Новая эра славянской акцентологии началась с публикации в 1957 г. революционного труда Хр. Станга «*Slavonic Accentuation*»¹, который порвал с заблуждениями зашедшей к тому времени в тупик «классической акцентологии» начала XX века. Новый — парадигматический — подход впервые позволял обозреть целостно и систематически весь массив имеющихся данных, до сих пор казавшихся беспорядочными и слабо мотивированными. В числе прочего, Станг доказал генетическое тождество подвижной славянской и литовской акцентных парадигм (а.п. с и а.п. 3), тем самым отрицая правомерность так называемого закона Фортунатова, являвшего собой краеугольный камень «классической акцентологии».

По Стангу, в славянском языке исконно было три акцентных парадигмы (*a*, *b*, *c*), которые восходили к индоевропейской эпохе. Именно в этом и было слабое место его реконструкции. Сразу осознав фундаментальную важность труда Станга, но также изъяны в его концепции, В. А. Дыбо начал большую теоретическую работу, призванную, по его первоначальному замыслу, привести к реабилитации закона Фортунатова в славянском. Однако довольно быстро он обнаружил в системе определённые закономерности, из которых вытекали важные выводы: оказалось, что акцентные парадигмы *a* и *b* дополнительно распределены в зависимости от типа корня, что неожиданным образом сводило набор балтославянских акцентных типов до двух парадигм: неподвижной и подвижной². Этому открытию нашлось применение в анализе кельто-

¹ STANG, Christian. *Slavonic accentuation*. Oslo, 1957.

² В то время подвижность отождествляли с греко-арийской окситонезой, т.е. ударением на окончании, в отличие от баритонезы, соответствовавшей накоренному ударению (неподвижности). Реконструкция балтославянской системы, основанная на

италийского материала, проведённом В. А. Дыбо в 1961 г.³ и доказавшем, что эти же две парадигмы существовали в других индоевропейских языках.

Так родилась новая теория индоевропейского ударения. Главной чертой, отличавшей её от всех прежних теорий, была применимость одного и того же *морфонологического* принципа ко всей системе в целом (т.е. ко всем частям речи), так что материал, состоящий из крайне разнообразных отдельных фактов, подчинился небольшому набору весьма простых правил. Все словоформы праязыка теперь стали представимы в виде цепочки морфем с акцентными свойствами («валентностями») одного из двух возможных типов, что исчерпывающе определяет поведение их ударения. Это позволило В. А. Дыбо приступить — впервые в истории языкознания — к реконструкции *целой акцентной системы праязыка* (в данном случае праславянского).

Когда были очерчены основные контуры славянской и балтославянской акцентной системы, вся масса накопленных данных — в частности, по глаголам — была подвергнута тщательному анализу для получения подробной классификации засвидетельствованных форм и реконструкции их эволюции. К началу 70-х годов В. А. Дыбо опубликовал большое число отдельных статей, по которым уже тогда можно было составить довольно полное представление о праславянской акцентной системе⁴. Однако различные «ненаучные» обстоятельства препятствовали выходу в свет обобщающей монографии. Наконец, в 1981 г. В. А. Дыбо сумел выпустить «Славянскую акцентологию»⁵, фундаментальный труд, по сей день служащий точкой отсчёта для большинства акцентологов⁶.

Параллельно с реконструкцией праславянского ударения, В. А. Дыбо и его ученики изучали балтийскую систему⁷, в области ударения тесно связанную со славянской, а также связь балтославянского ударения с индоевропейским⁸. Оказалось, что балтославянскую систему можно вообразить почти как некую акцентологическую действительность, с точностью, о какой приходится лишь мечтать в описаниях многих живых языков. Свойственные балтославянской морфеме акцентные типы (каковых было по меньшей мере два), образующие акцентные парадигмы (подвижную и неподвижную) имени и глагола, морфонологические законы словообразования, поведение акцента в синтагме — все эти особенности позволили сделать ряд обобщений, приведших к открытию *новой типологической разновидности* акцентных систем, дотоле совершенно неизвестной — *морфонологизованных парадигматических акцентных систем*. Были описаны и проанализированы и другие системы этого типа⁹, находящиеся на разных стадиях эволюции. Это привело к «тонологической гипотезе» их происхождения¹⁰. Согласно этой гипотезе, возникновению таких систем

этом открытии В. А. Дыбо была уточнена в 1963 г. его другом и сотрудником В. М. Иллич-Свитычем в фундаментальном труде «Именная акцентуация в балтийском и славянском». С тех пор закон, объясняющий происхождение а.п. *b*, известен как «закон Дыбо — Иллич-Свитыча».

³ Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // *Вопросы славянского языкознания*. М., 1961. Вып. 5.

⁴ Основные работы того времени: Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста // *Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР*. М., 1961. № 30. О реконструкции ударения в праславянском глаголе // *Вопросы славянского языкознания*. М., 1962. Вып. 6. Фрагмент праславянской акцентной системы (Формы-enclitomena в аористе *i*-глаголов) // *Советское славяноведение*. М., 1968. № 6. Закон Васильева-Долобо и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском // *Вопросы языкознания*. М., 1971. № 2. О фразовых модификациях ударения в праславянском // *Советское славяноведение*. М., 1971. № 6. — И многие другие.

⁵ *Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском*. М., 1981.

⁶ За это время вышло несколько важных монографий других авторов. Здесь стоит упомянуть две весьма разные работы: KORTLANDT, Frederik. *Slavic Accentuation*. Lisse, 1975 и GARDE, Paul. *Histoire de l'accentuation slave*. Paris, 1976, во второй из которых дана реконструкция, основанная главным образом на работах Дыбо (что в сочетании с теоретической ясностью изложения делает эту книгу прекрасным введением в проблематику), тогда как первая исходит из совершенно иных принципов, хотя и принимает во внимания реконструкцию Дыбо (так, «закон Дыбо — Иллич-Свитыча» играет в ней существенную роль).

⁷ Например: ДЫБО В. А. К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском // *Балтославянские исследования* 1980. М., 1981. С. 65—89.

⁸ ДЫБО В. А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. II. Западнокавказские акцентные системы как аналог балто-славянской // *Балто-славянские исследования* 1987. М., 1989. С. 238—248. НИКОЛАЕВ С. Л. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // *Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод*. М., «Наука», 1989. С. 46—109.

⁹ Западнокавказская акцентная система и проблема ее происхождения // *Конференция. Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов*. М., 1977. Просодическая система тубу (группа теда-канури) — начало трансформации тональной системы в систему парадигматического акцента? // *Африканское историческое языкознание. Проблемы реконструкции*. М., 1987.

¹⁰ ДЫБО В. А., НИКОЛАЕВ С. Л., СТАРОСТИН С. А. A Tonological Hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems // *Estonian papers in phonetics*. Tallinn, 1978.

предшествует состояние, при котором каждая морфема обладает «регистра́льным тоном». Сочетания разных морфем дают «акцентные кривые», а сами постепенно теряют свой тон, который в итоге проявляется лишь как абстрактный признак, т.н. «валентность». Система эволюционирует дальше к более продвинутым состояниям, при которых ударение становится всё более и более «категориальным», т.е. определяется уже не акцентологическими, а иными факторами.

Таким образом, можно сказать, что сравнительное изучение акцентных систем исторических языков обогатило индоевропейскую реконструкцию, ранее претендовавшую лишь на «сегментный» уровень праформ, новым — «супрасегментным» — аспектом, который индоевропейцы ранее не рассматривали (кроме «очевидных» случаев вроде ступеней чередования корня и т.п.)

Триумфальное шествие сравнительной акцентологии началось с ряда блестящих открытий В. А. Дыбо и продолжается сегодня при участии его многочисленных учеников и сподвижников, занимающихся немалым числом языковых групп с целью обогащения наших представлений о генетическом и типологическом аспектах акцентологической эволюции языка.

Другая область знания, чьё выживание было бы под вопросом, если бы не усилия Владимира Антоновича, — это ностратическое языкознание. В. М. Иллич-Свитыч, отец современной ностратики, проделал грандиозную работу по сбору данных из сотен языков для создания ностратической реконструкции и словаря. После трагической кончины Иллич-Свитыча в 1966 г., помешавшей ему завершить дело своей жизни, В. А. Дыбо взял на себя труднейшую задачу осуществить великий замысел друга. Результат — выход в свет (в 1971, 1976 и 1984 гг.) трёх томов словаря под редакцией В. А. Дыбо¹¹, который существенно доработал и расширил материал и теорию Иллич-Свитыча. Благодаря этому обстоятельству ностратическое языкознание стало плодотворной и строгой отраслью, объединившей немало специалистов мирового масштаба.¹²

Количество замыслов, которые успел осуществить В. А. Дыбо на протяжении своего научного пути — весьма внушительно. Не менее внушительна их широта, для большинства «обычных лингвистов» невообразимая. Но Владимир Антонович и не думает останавливаться на достигнутом. На вопрос, заданный ему на дне рождения: «А что бы вы сами себе пожелали?», именинник ответил: «Желаю себе наконец начать акцентологическую реконструкцию ностратического». А потом добавил: «Конечно, сперва закончив индоарийскую.» Значит, нам, ученикам и почитателям таланта Владимира Антоновича, нечего волноваться: триумфальное шествие продолжается.

С днём рождения, Владимир Антонович!

М. Ослон и редакция журнала

A l'occasion du 80ème anniversaire de Vladimir Antonovitch Dybo (30 avril 2011)

Trois conférences linguistiques ont déjà eu lieu cette année à Moscou en l'honneur de l'anniversaire du Prof. Dybo, anniversaire qui, outre sa signification chronologique – puisqu'il marque plus d'un demi-siècle d'activité scientifique brillante du grand linguiste, – présente une excellente occasion d'évaluer l'ampleur extraordinaire de ses intérêts scientifiques. Les collègues et les élèves de Vladimir Antonovitch ont, dans leurs exposés, touché à une grande variété de sujets, tels que l'accentologie balto-slave, indoeuropéenne et ouralique, la glottochronologie, la turcologie et la caucasologie comparées, aussi bien que d'autres domaines qui intéressent le Prof. Dybo et dans la plupart desquels s'est manifesté son génie de comparatiste. Les exposés offerts au cours de ces conférences jubilaires ont encore une fois démontré le rôle du Prof. Dybo dans ces domaines, qui n'auraient sûrement pas atteint leur niveau actuel sans sa participation active et déterminante.

¹¹ Иллич-СВИТЫЧ В. М. *Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь*. В 3 тт. / Под ред. В. А. ДЫБО. М.: Наука, 1971, 1976, 1984.

¹² Таких как, например, крупнейший русский языковед С. А. Старостин, тоже, увы, скоропостижно скончавшийся (в 2005 г.).

Ainsi, c'est au Prof. Dybo que l'accentologie moderne doit maints de ses réalisations importantes. Retraçons brièvement ici les étapes principales du chemin épineux traversé par cette discipline, qui a connu depuis quelques décennies un essor sans précédent. La nouvelle ère de l'accentologie slave vint avec la publication en 1957 par Chr. Stang de son œuvre révolutionnaire « Slavonic Accentuation »¹, qui rompit avec les illusions de « l'accentologie classique » du début du XXème siècle, quand celle-ci se trouvait déjà, paraissait-il, dans une voie sans issue. La nouvelle approche était largement paradigmatique, dans le sens qu'elle permit d'envisager de façon systématique et intégrale les données qui auparavant ne semblaient que chaotiques et peu motivées. Entre autres, Stang prouva l'identité génétique du paradigme accentuel mobile slave (p.a. c) avec celui du lituanien (p.a. 3), niant en même temps la validité de la loi dite de Fortounatov, qui constituait la pierre angulaire de la théorie de « l'accentologie classique ».

D'après Stang, le slave a toujours possédé trois paradigmes accentuels (*a*, *b*, *c*) remontant à l'époque indoeuropéenne, et c'est précisément là que gisait le point faible de sa reconstruction. S'étant immédiatement rendu compte de l'importance fondamentale de l'ouvrage de Stang, mais aussi des défauts de sa conception, V. A. Dybo commença un grand travail théorique qui devait, selon son dessein initial, mener au rétablissement de la loi de Fortounatov en slave. Pourtant, il a assez vite discerné dans le système certaines régularités dont découlaient de très importantes conclusions. A savoir, les paradigmes accentuels *a* et *b* semblaient se trouver dans une distribution complémentaire en fonction du type de racine, ce qui, de façon inattendue, réduisait le répertoire de types accentuels balto-slaves primitifs à deux paradigmes uniques: immobile et mobile². Cette découverte trouva son application dans l'analyse des données celto-italiques conduite par V. A. Dybo en 1961³, qui prouva que ces deux paradigmes ont existé ailleurs dans les langues indoeuropéennes.

C'est ainsi qu'est née la nouvelle théorie de l'accentuation indoeuropéenne. Le trait principal qui la différenciait de toutes les théories accentologiques précédentes était l'applicabilité du même principe *morphologique* au système dans sa totalité (c'est-à-dire à toutes les parties du discours), de telle manière que le matériau formé par un ensemble extrêmement varié de faits individuels obéissait à un petit nombre de règles très simples : toutes les formes des mots de la langue primitive pouvaient désormais être considérées comme une chaîne de morphèmes à propriétés accentuelles (« valences ») de l'un des deux types possibles, ce qui déterminait, de façon exhaustive, le comportement de leur accent. Cela a permis à V. A. Dybo d'entamer, pour la première fois dans l'histoire de la linguistique, la reconstruction d'un *système accentuel entier d'une protolangue* (du protoslave).

Les grandes lignes du système accentuel slave et balto-slave ayant été tracées, tout l'ensemble des données disponibles — en particulier, le système verbal — a été soumis à une analyse minutieuse afin d'arriver à une classification détaillée des formes attestées et d'en restituer l'évolution. Au début des années 70, V. A. Dybo avait déjà publié un grand nombre d'articles isolés qui donnaient, dans leur ensemble, un tableau assez complet du système accentuel protoslave.⁴ Pourtant, un ouvrage intégral tardait encore à paraître pour des raisons « extralinguistiques ». Finalement, en 1981 V. A. Dybo réussit à publier sa « Славянская акцентология »⁵, un livre fondamental qui sert encore aujourd'hui de point de repère pour la plupart des accentologues⁶.

¹ STANG, Christian. *Slavonic accentuation*. Oslo, 1957.

² A l'époque, on identifiait le type mobile avec l'oxitonèse gréco-aryenne, c'est-à-dire l'accent sur la terminaison, à la différence de la baritonèse qui correspondait à l'accent sur la racine (le type immobile). La reconstruction du système balto-slave, basée sur cette découverte de V. A. Dybo, a été concrétisée en 1963 par son ami et collaborateur V. M. Illitch-Svitytch dans l'œuvre fondamentale « Imennaya akcentuaciya v baltiiskom i slavyanskom ». La loi qui définit l'origine du p.a. *b* est, dès lors, connue sous le nom de « la loi de Dybo — Illitch-Svitytch »

³ Sokraschenie dolgot v kel'to-italiiskikh yazykakh i ego znachenie dlya balto-slavyanskoi i indoevropeiskoi akcentologii // *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija*. M., 1961. Vyp. 5.

⁴ Les articles principaux à consulter : Udarenie slavyanskogo glagola i formy staroslavyanskogo aorista // *Kratkie soobshcheniya Instituta slavyanovedeniya AN SSSR*. M., 1961. № 30 ; O rekonstrukcii udareniya v praslavyanskom glagole // *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija*. M., 1962. Vyp. 6 ; Fragment praslavyanskoi akcentnoi sistemy (Formy-enclinema v aoriste *i*-glagolov) // *Sovetskoe slavyanovedenie*. M., 1968. № 6 ; Zakon Vasil'eva-Dolobko i akcentuaciya form glagola v drevnerusskom i srednebolgarskom // *Voprosy yazykoznanija*. M., 1971. № 2 ; O frazovykh modifikatsiyakh udareniya v praslavyanskom // *Sovetskoe slavyanovedenie*. M., 1971. № 6. — et bien d'autres.

⁵ *Slavyanskaya akcentologiya: Opyt rekonstrukcii sistemy akcentnykh paradigmat v praslavyanskom*. M., 1981.

⁶ Quelques livres importants ont été entre-temps publiés par d'autres auteurs. On doit mentionner ici deux ouvrages très différents: KORTLANDT, Frederik. *Slavic Accentuation*. Lisse, 1975 et GARDE, Paul. *Histoire de l'accentuation slave*. Paris, 1976, dont le second présente une reconstruction basée principalement sur les travaux de Dybo (ce qui, grâce à la clarté théorique de l'exposé, en fait une excellente introduction à la problématique), tandis que le premier part de principes très différents, tout en tenant compte, lui aussi, de la reconstruction de Dybo (la loi de Dybo — Illitch-Svitytch, par exemple, y joue un rôle essentiel).

Parallèlement à la reconstruction de l'accent protoslave, V. A. Dybo et ces élèves étudiaient l'accent balte⁷, étroitement lié à celui-là, aussi bien que la relation du balto-slave à l'indoeuropéen⁸ en ce qui concerne l'accent. Il s'est trouvé que le système baltoslave peut être envisagé presque comme une réalité accentologique, avec une précision qui n'est que désirée pour bien des langues vivantes. Les types accentuels propres au morphème baltoslave (qui sont au moins au nombre de deux) formant les paradigmes accentuels (mobile et immobile) du nom et du verbe, les lois de la dérivation morphologique, le comportement de l'accent dans le syntagme — toutes ces particularités ont permis de faire certaines généralisations qui ont mené à la découverte d'une nouvelle variété typologique de systèmes accentuels complètement inconnue jusqu'alors — *les systèmes accentuels paradigmatiques morphologisés*. D'autres systèmes de ce type sur divers stades d'évolution ont été décrits et analysés⁹, d'où l'« hypothèse tonologique » de leur genèse¹⁰. Selon cette hypothèse, les systèmes de ce type proviennent d'un état caractérisé par un « ton de registre » lexical propre à tous les morphèmes. Ceux-ci se combinent pour former des « courbes accentuelles » en perdant éventuellement leur propre ton qui alors ne se manifeste qu'en tant que trait abstrait dit « valence accentuelle ». Le système continue à évoluer vers des états plus avancés où l'accent devient de plus en plus « catégoriel », c'est-à-dire déterminé par des facteurs non-accentologiques.

On peut donc dire que la reconstruction de l'indo-européen, qui ne prétendait qu'au niveau « segmental » des protoformes, s'est enrichie, grâce à l'étude comparée des systèmes accentuels des langues attestées, d'un aspect « suprasegmental » que les comparatistes n'avaient jamais auparavant abordé (sauf dans les cas les plus « évidents » comme les degrés d'alternance de la racine, etc.).

La marche triomphale de l'accentologie comparée a commencé avec une série de découvertes brillantes de V. A. Dybo et se poursuit aujourd'hui avec la participation de ses nombreux élèves et collaborateurs qui étudient bien des groupes linguistiques pour approfondir notre compréhension des aspects génétiques et typologiques de l'évolution accentologique de la langue.

Un autre domaine dont la survie aurait été peu probable sans les efforts de Vladimir Antonovitch est la linguistique nostratique. V. M. Illitch-Svitytch, le père de la linguistique nostratique moderne, entreprit un travail titanesque pour recueillir les données de centaines de langues en vue d'une reconstruction et d'un dictionnaire nostratiques. Suite à la mort tragique d'Illitch-Svitytch en 1966, qui l'empêcha d'achever l'œuvre de sa vie, ce fut à V. A. Dybo d'assumer la tâche formidable de réaliser le grand dessein de son ami. Le résultat fut la publication (en 1971, 1976 et 1984) des trois tomes du dictionnaire sous la rédaction de V. A. Dybo¹¹ qui a beaucoup développé et amplifié les données et la théorie de V. M. Illitch-Svitytch. Grâce à cela, la linguistique nostratique est devenue un terrain d'études prolifique et rigoureux qui réunit de nombreux spécialistes à échelle mondiale¹².

Depuis le début de sa carrière scientifique, le Prof. Dybo a accompli un nombre très impressionnant de projets dont l'ampleur n'est point concevable à la plupart des « linguistes ordinaires ». Mais le Prof. Dybo ne se repose pas sur ses acquis. A la question qu'on lui a posée lors de son anniversaire: « Quel vœu feriez-vous pour vous-même ? » Vladimir Antonovitch a répondu : « Ce serait de commencer enfin la reconstruction accentologique du nostratique. » Puis il a ajouté : « Bien-sûr après avoir fini celle de l'indo-aryen. » Nous, ses élèves et ses admirateurs, pouvons donc nous rassurer : la marche triomphale continue.

Joyeux anniversaire, cher Maître !

M. Osłon et la rédaction de la revue

⁷ Par exemple: DYBO V. A. K voprosu o sisteme porozhdeniya akcentnykh tipov proizvodnykh imen v prabaltiiskom // *Balto-slavyanskije issledovaniya*. 1980. M., 1981. S. 65—89.

⁸ DYBO V. A. Balto-slavyanskaya akcentnaya sistema s tipologicheskoi tochki zreniya i problema rekonstrukcii indoevropskogo akcenta. II. Zapadnokavkazskie akcentnye sistemy kak analog balto-slavyanskoi // *Balto-slavyanskije issledovaniya* 1987. M., 1989. S. 238—248. NIKOLAEV S. L. Balto-slavyanskaya akcentuacionnaya sistema i ee indoevropskie istoki // *Istoricheskaya akcentologiya i sravnitel'no-istoricheskii metod*. M., «Nauka», 1989. S. 46—109.

⁹ Zapadnokavkazskaya akcentnaya sistema i problema ee proiskhozhdeniya // *Konferenciya. Nostraticheskie yazyki i nostraticheskoe yazykoznanie. Tezisy dokladov*. M., 1977. Prosodicheskaya sistema tubu (gruppa teda-kanuri) — nachalo transformacii tonal'noi sistemy v sistemu paradigmaticeskogo akcenta? // *Afrikanskoe istoricheskoe yazykoznanie. Problemy rekonstrukcii*. M., 1987.

¹⁰ DYBO V. A., NIKOLAYEV S. L., STAROSTIN S. A. A Tonalogical Hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems // *Estonian papers in phonetics*. Tallinn, 1978.

¹¹ ILLICH-SVITYTCH V. M. *Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov: Sravnitel'nyi slovar'*. V 3 tt. / Pod red. V. A. DYBO. M.: Nauka, 1971, 1976, 1984.

¹² Comme, par exemple, le grand linguiste russe S. A. Starostine, mort prématurément, lui aussi, en 2005.

Список печатных работ В. А. Дыбо

Диссертации

1962

1. Проблема соотношения двух балто-славянских рядов акцентных соответствий в глаголе (слав. \acute{a} : лит. \acute{a} : лтш. \acute{a} и слав. \hat{a} : лит. \hat{a} : лтш. \hat{a}). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1962, 151 с. Работа защищена 10 мая 1962 г. в Институте славяноведения АН СССР.

1978

2. Опыт реконструкции системы праславянских акцентных парадигм. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, тт. 1—2. Приложение: Фразовая модификация ударения в праславянском (Закон Васильева—Долобко). М., 1978, 379 + 263 с. Работа защищена 20 февраля 1979 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР.

Монографии

1978

3. Опыт реконструкции системы праславянских акцентных парадигм. Автореферат докторской диссертации. М., 1978. 50 с.

1981

4. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., «Наука», 1981. 272 с.

1984

5. В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь ($p - q$). (По карточкам автора). М., «Наука», 1984. 136 с. [Критический анализ материала карточек В. М. Иллич-Свитыча в свете фактов, ставших доступными после 1966 года, и авторская работа над текстом были проведены совместно с А. В. Дыбо, библиография и списки сокращений составлены Р. В. Булатовой].

1990

6. Основы славянской акцентологии. М., «Наука», 1990. 284 с. (в соавторстве с С. Л. Николаевым и Г. И. Замятиной).

1993

7. Основы славянской акцентологии. Словарь. т. 1, вып. 1. М., «Наука», 1993. 333 с. (в соавторстве с С. Л. Николаевым и Г. И. Замятиной).

2000

8. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. 1. М., «Языки русской культуры», 2000. 736 с.

Предисловия

(вводные статьи к книгам других авторов или к отдельным их разделам и комментарии к ним)

1971

9. От редактора // Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь ($b - k$). М., «Наука», 1971. С. i—xxxvi.

10. О принципах построения словаря. (Там же. С. 105—106).
 11. Сравнительно-фонетические таблицы. (Там же. С. 147—171).

1976

12. От редактора // *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (*l — ž*). Указатели. М., «Наука», 1976. С. 3—4.

1977

13. Работы Ф. де Соссюра по балтийской акцентологии // *Фердинанд де Соссюр*. Труды по языкознанию. М., «Прогресс», 1977. С. 583—597.

1987

14. Книга Хенрика Бирнбаума и современные проблемы праязыковой реконструкции // *Хенрик Бирнбаум*. Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции. М., «Прогресс», 1987. С. 5—16.
 15. Комментарии. (Там же. С. 494—509).
 16. [Комментарии к статье Н.С. Трубецкого] «О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства» // *Н.С. Трубецкой*. Избранные труды по филологии. М., «Прогресс», 1987. С. 425—427.

2007

17. [Комментарий к статье С. А. Старостина «A tonological hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems»] // С. А. Старостин. Труды по языкознанию. М., «Языки славянских культур», 2007. С. 866—868.
 18. [Комментарий к статье С. А. Старостина «Preliminary remarks on accent correspondences between some languages of Dagestan»] // Там же. С. 868.
 19. [Комментарий к статье С. А. Старостина «Некоторые соответствия индоевропейских долгот и ударений»] // Там же. С. 868—869.
 20. [Комментарий к статье С. А. Старостина «Реконструкция праабхазоадыгской системы согласных»] // Там же. С. 869.
 21. [Комментарий к статье С. А. Старостина «Парадигматические классы индоевропейского глагола»] // Там же. С. 870—872.

Работы, опубликованные в научной периодике и в сборниках

1958

22. О древнейшей метатонии в славянском глаголе // Вопросы языкознания, 1958, №6. С. 55—62.

1961

23. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, №30. М., 1961. С. 33—38.
 24. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания, №5. М., 1961. С. 9—34.

1962

25. [Резюме выступления на подсекции «Фонетика и фонология славянских языков» IV. Съезда славистов] // IV Международный Съезд славистов. Материалы дискуссии. Том 2: Проблемы славянского языкознания. М., «Наука», 1962. С. 350—352).

1963

26. О реконструкции ударения в праславянском глаголе // Вопросы славянского языкознания, №6. М., 1963. С. 3—27.

27. Об отражении древних количественных и интонационных различий в верхнелужицком языке // Серболужицкий лингвистический сборник. М., Издательство АН СССР, 1963. С. 54—83.
28. К истории славянской системы акцентуационных парадигм // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., «Наука», 1963. С. 70—87. (Совместно с В. М. Иллич-Свитычем).
29. [Ответ на вопрос:] «Какви са резултатите от сравнителното изследване на славянската акцентология?» // Славянската филология. Том I : Отговори на въпросите за научната анкета по езикознание. София, 1963. С. 76—77.

1966

30. Болгарский текст в русской минее XVII в. // *Byzantinobulgarica*. II. Sofia, 1966, p. 279—301. (Совместно с В. А. Кучкиным).
31. Владислав Маркович Иллич-Свитыч (1934—1966) // ИЮЛЯ АН СССР, 1966, 6. С. 563—564. (Совместно с А. Б. Долгопольским).

1967

32. Памяти В. М. Иллич-Свитыча // Советское славяноведение. 1967, 1. С. 72—75. [С Библиографией печатных трудов В. М. Иллич-Свитыча (с. 76—77), составленной И. Е. Можяевой].

1968

33. О некоторых неясных вопросах отражения праславянских акцентно-интонационных и количественных отношений в верхнелужицком языке // *Beiträge zur sorbischen Sprachwissenschaft*. Bautzen, 1988, S. 64—73.
34. Акцентология и словообразование в славянском // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., «Наука», 1968. С. 148—224.
35. Фрагмент праславянской акцентной системы (формы *enclimena* в аористе *i*-глаголов) // Советское славяноведение. 1968, №6. С. 66—77.
36. Accentuation and derivation in Slavic languages // *Mezinárodní sjezd slavistů 6*. Praha 1968. Resume přednášek, příspěvků a sdělení. Praha, 1968.

1969

37. Среднеболгарские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (*Praesens*) // Вопросы языкознания, 1969, 3. С. 82—101.
38. Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (*Praesens*) // Вопросы языкознания. М., 1969, 6. С. 114—122.

1970

39. О законе Л. Л. Васильева — М. Г. Долобко // Кузнецовские чтения. Тезисы. М., 1970. С. 7.
40. Фрагмент праславянской акцентной системы. (Ударение прилагательных с суффиксом *-ьк-*) // Советское славяноведение. 1970, №5. С. 46—57.
41. О рефlekсах индоевропейского ударения в афганском // Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания. Тезисы докладов. М., 1970. С. 10—14.

1971

42. О фразовых модификациях ударения в праславянском // Советское славяноведение. 1971, №6. С. 77—84.
43. К вопросу об ударении производных прилагательных (прилагательные с суффиксом *-ан-*) // Сборник за филологију и лингвистику, књ. XIV/1, Нови Сад, 1971. С. 7—24.
44. К классификации среднеболгарских акцентных систем (предварительные итоги) // Исследования по славянскому языкознанию: Сборник в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна. М., «Наука», 1971. С. 63—70.
45. Закон Васильева—Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском // Вопросы языкознания. 1971, 2. С. 93—114.

1972

46. Акцентные типы презенса глаголов с *ъ* и *ь* в корне в праславянском // Вопросы языкознания. 1972, 4. С. 68–79.
47. Реконструкция ударения *l*-причастия от глаголов на *-иѡ-* и *-i-* в праславянском // Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972. С. 86–104.
48. Об уральском вокализме // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Тезисы докладов. М., 1972. С. 35–37.
49. О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Тезисы докладов. М., 1972. С. 38–44.

1973

50. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Кузнецовские чтения. 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973. С. 8–10.
51. Материалы по исторической акцентологии болгарского языка. I. Именное ударение в восточных среднеболгарских текстах XIII–XIV вв. // Известия на Института за български език, XXII, София, 1973. С. 151–210.
52. Вклад В. М. Иллич-Свитыча в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских и ностратических языков // Советское славяноведение. 1973, №5. С. 82–91. (Совместно с А. Б. Долгопольским и А. А. Зализняком).
53. Ударение притяжательных прилагательных на *-ъj-* в праславянском // Лингво-типологические исследования, I. М., «Наука», 1973. С. 202–230.

1974

54. Акцентные типы производных в праславянском // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., «Наука», 1974. С. 233–242.
55. Фрагмент праславянской акцентной системы. Выбор акцентных типов у прилагательных с суффиксом *-ъsk-* // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., «Наука», 1974. С. 243–257.
56. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. I. Именная акцентуация // Балто-славянские исследования. М., «Наука», 1974. С. 67–105.

1975

57. Закон Васильева-Долобо в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета) // International journal of Slavic linguistics and poetics. XVIII, 1975, p. 7–81.

1977

58. Именное ударение в среднеболгарском и закон Васильева—Долобо // Славянское и балканское языкознание. М., «Наука», 1977. С. 189–272.
59. Западнокавказская акцентная система и проблема ее происхождения // Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». Тезисы. М., 1977. С. 41–45.

1978

60. Ностратическая гипотеза. (Итоги и проблемы) // ИАН СССР. Серия литературы и языка. Т. 37, вып. 5, 1978. С. 400–413.
61. Тонологическая гипотеза генезиса индоевропейских акцентных систем // Конференция «Проблемы реконструкции». Тезисы докладов. М., 1978. С. 56–61.
62. A tonological hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems // Estonian papers in phonetics. 1978. Tallinn, 1978, p. 16–20. (Совместно с С. Л. Николаевым и С. А. Старостиним).
63. К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском // Конференция «Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом». 11–15 декабря 1978 г. Предварительные материалы. М., 1978. С. 79–80.

1979

64. Реконструкция системы акцентных парадигм в праславянском // Сборник за филологију и лингвистику. XXII/1. Нови Сад, 1979. С. 37—71.
65. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. (Акцентологический статус конечноударных форм а.п. с в праславянском) // *Valcanica: лингвистические исследования*. М., «Наука», 1979. С. 85—101.

1980

66. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. I. Балто-славянский прототип праславянской акцентной системы // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., «Наука», 1980. С. 91—150.

1981

67. К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском // Балто-славянские исследования. 1980. М., «Наука». С. 65—89.

1982

68. О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайкавской языковой области // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Knj. VI. 1982, s. 101—134.
69. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумный (материалы к реконструкции). I. Реконструированное распределение в целом. Замечания по классификации и реконструкции глагольных классов. Материалы к реконструкции распределения акцентных типов у презенсов I группы // Балто-славянские исследования. 1981. М., «Наука», 1982. С. 205—261.

1983

70. Еще к вопросу о балто-славяно-германских акцентологических соответствиях // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. Тезисы докладов. М., 1983. С. 16—18.
71. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумный (материалы к реконструкции). II. Некоторые дополнения и уточнения к характеристике ряда древних южнославянских акцентных систем презенса. III. Материалы к реконструкции распределения акцентных типов у презенсов II группы. Балто-славянские истоки описанного распределения // Балто-славянские исследования. 1982. М., «Наука», 1983. С. 3—67.
72. Теоретические основы праславянского акцентологического словаря // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. М., «Наука», 1983. С. 47—60. (Совместно с Р. В. Булатовой и А. А. Зализняком).
73. Theoretical principles of a Proto-Slavonic accentological dictionary // IX Международный съезд славистов. Резюме докладов и письменных сообщений. М., «Наука», 1983. С. 11. (Совместно с Р. В. Булатовой и А. А. Зализняком).

1984

74. Ностратическая макросемья и проблема ее временной локализации // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. 5. М., 1984. С. 3—20. (Совместно с В. А. Терентьевым).
75. Слово в акцентологическом сравнительно-историческом словаре // Слово в грамматиках и словарях. М., «Наука», 1984. С. 211—215. (Совместно с Р. В. Булатовой).
76. Словообразование и акцентология. Акцентологические архаизмы как источник для реконструкции акцентных типов производящих // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. Тезисы международного симпозиума. М., 1984. С. 81—87.

1985

77. Проблемы изучения отдаленного родства языков // Вестник АН СССР. 1985, №2. С. 55—66. (Совместно с И. И. Пейросом).

1986

78. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумный (материалы к реконструкции). IV. Материалы к реконструкции распределения акцентных типов у глаголов на *-ne-* с корнями на гласные и сонанты // Балто-славянские исследования. 1984. М., «Наука», 1986. С. 112—134.

1987

79. On the origin of morphonemicized accent systems.// Proceedings XI-th ICPh. The Eleventh International Congress of Phonetic Sciences. August 1—7, 1987, Tallinn, Estonia, U.S.S.R. Vol. 2, Tallinn, 1987, p. 404—406.
80. Словообразование и акцентология. Акцентологические архаизмы в производных как источник для реконструкции акцентных типов производящих // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987. С. 142—149.
81. Просодическая система тубу (группа теда-канури) — начало трансформации тональной системы в систему парадигматического акцента? [ч. I] // Африканское историческое языкознание. М., «Наука», 1987. С. 458—557.
82. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумный (материалы к реконструкции). V. Новые данные по глагольной акцентуации среднеболгарских текстов тырновской группы // Балто-славянские исследования 1985. М., «Наука», 1987. С. 181—209.
83. Программа «Реконструкция и типология просодических систем»: методологические основы и проблемы // Материалы всесоюзной конференции «Теория лингвистической реконструкции» (Москва, 11—13 января 1988 г.). М., 1987. С. 34—42.

1988

84. Проблема акцентологических диалектизмов в праславянском // X международен конгрес на славистите. София, 14—22 септември 1988 г. Резюмета на докладите. София. 1988. С. 7.
85. Проблема акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 31—66.

1989

86. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. II. Глагольная акцентуация. а) Формы презенса // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., «Наука», 1989. С. 106—147.
87. К проблеме раннеславянского диалектного членения // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Материалы к дискуссиям на Международной конференции (Москва, 29 мая — 2 июня 1989 г.). Ч. 2, М., 1989. С. 66—92. (Совместно с С. Л. Николаевым).
88. Типология и реконструкция парадигматических акцентных систем // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., «Наука», 1989. С. 7—45.
89. Сопоставительное изучение морфонологизованных акцентных и тоновых систем и их синхронное описание // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. Тезисы докладов и сообщений советско-польской конференции 3—5 октября 1989 г. М., 1989. С. 13—14.
90. Акцентологический комментарий к Норовской псалтыри // Норовская псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV века: В 2-х ч. / Изд. подг. Е. В. Чешко, И. К. Бунина, В. А. Дыбо, О. А. Князевская, Л. А. Науменко. София: Издательство Болгарской академии наук, 1989. С. 93—114.
91. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. II. Западнокавказские акцентные системы как аналог балто-славянской. 1. Некоторые дополнения к реконструкции балто-славянской акцентной системы // Балто-славянские исследования 1987. М., «Наука», 1989. С. 238—248.
92. Indo-European and East Nostratic Velar Stops // Reconstructing Languages and Cultures. Abstracts and Materials from The First International Interdisciplinary Symposium on Language and Prehistory. Ann Arbor, 8—12 November, 1988 (edited by Vitaly Shevoroshkin). Bochum, 1989. (Перевод части работы № 53).

1990

93. К вопросу о типах систем парадигматического акцента // Конференция «Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе». Памяти Иллич-Свитыча. 6—9 февраля 1990 г. Тезисы докладов. М., 1990.
94. Comparative-Phonetic Tables for Nostratic Reconstructions // Proto-Languages and Proto-Cultures. Materials from The First International Interdisciplinary Symposium on Language and Prehistory. Ann Arbor, 8—12 November, 1988 (edited by Vitaly Shevoroshkin). Bochum, 1990. (Перевод работы № 9).
95. О ритмической концепции Л. Г. Герценберга в пуштунской акцентологии // Вопросы иранистики и алановедения (Научная конференция, посвященная 90-летию В.И. Абаева). Владикавказ, 18—20 октября 1990г. Тезисы докладов. Владикавказ, 1990. С. 10—12.
96. Ностратические языки // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 338—339 (в соавторстве с В. А. Терентьевым).
97. Шахматова закон // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 587—588.

1991

98. К вопросу о происхождении морфонологизированных акцентных систем // *Studia Slavica: Языкознание. Литературоведение. История. История науки: К 80-летию Самуила Борисовича Бернштейна*. М., «Наука», 1991. С. 106—111.

1993

99. Праславянская акцентология и лингвогеография // XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993. Доклады российской делегации. М., «Наука», 1993. С. 65—88 (совместно с Г. И. Замятиной и С. Л. Николаевым).
100. В защиту некоторых традиционных этимологий // Принципы составления этимологических и исторических словарей языков разных семей. М., 1993. С. 18—22.

1994

101. Accentuation processes in the languages of Teda-Kanuri group and problem of origin of paradigmatic accent systems (Акцентуационные процессы в языках группы Теда-Канури и проблема происхождения парадигматических акцентных систем) // *St. Petersburg Journal of African Studies (SPBJAS)*, Number 2. St. Petersburg., 1994, p. 29—50.
102. Морфонологический анализ, внешнее сравнение и сопоставление в лингвистической реконструкции // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 197—219.
103. Язык — этнос — археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Язык — культура — этнос. М., 1994. С. 39—51.
104. Accentuation processes in the languages of Teda-Kanuri group and problem of origin of paradigmatic accent systems (end) (Акцентуационные процессы в языках группы Теда-Канури и проблема происхождения парадигматических акцентных систем [окончание]) // *St. Petersburg Journal of African Studies (SPBJAS)*, Number 3. St. Petersburg, 1994, p. 27—44.

1995

105. Акцентуационные процессы в языках группы теда-канури и проблема происхождения парадигматических акцентных систем // Московский лингвистический журнал. № 1. С. 236—279. [По сравнению с №№ 101 и 104 содержит анализ тональных классов глагольной *sk*-группы канембу, обнаруживающих соответствие с тональными классами 2 глагольной группы тубу].

1996

106. Новые данные по диалектологии среднеболгарских акцентных систем // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., «Индрик», 1996. С. 356—382.
107. Владислав Маркович Иллич-Свитыч как компаративист // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, № 6 (Ноябрь-декабрь), 1996. С. 56—78.

1997

108. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология. I. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и её компаративистские и типологические основания // *Studia linguarum*. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., 1997. С. 53—189.

1998

109. Праславянское ударение тематических глаголов с корнями на шумные и акцентно-морфологическое правило образования первичных форм аориста в старославянском // *Международный филологический сборник в ознаменование 150-летия со дня рождения Ф. Ф. Fortunatova / Под ред. В. П. Гудкова*. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 116—139.
110. Проблема закона де Соссюра-Фортунатова // Тезисы докладов Международной научной конференции «Проблемы сравнительно-исторического языкознания в сопряжении с лингвистическим наследием Филиппа Федоровича Fortunatova». М., 1998. С. 32—34.
111. Новые данные и материалы по балто-славянской акцентологии // *Проблемы славянского языкознания*. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998. С. 5—70. (Совместно с С. Л. Николаевым)
112. О системе акцентных парадигм в прусском языке. (Материалы к акцентологии прусского языка. I.) // *Славяноведение* 1998, № 3. С. 5—18.
113. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. II. Западнокавказские акцентные системы как аналог балто-славянской // *Балто-славянские исследования* 1997. М., «Индрик», 1998. С. 118—205

1999

114. Праславянская акцентная система как отображение индоевропейской системы тонов // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Ročník 68, Praha, 1999, s. 115—120.

2000

115. Язык — этнос — археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы), II // *Язык как транслятор культуры*. М., 2000. С. 50—100.
116. Типология и генезис парадигматических акцентных систем // *Евразийское пространство: звук и слово*. Международная конференция. 3—6 сентября 2000. Тезисы и материалы. М., 2000. С. 29—33.
117. Сахарская семья — шестая группа афразийских языков? // *Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия*. Доклады и тезисы международной конференции. 29 мая — 2 июня 2000 г. М., 2000. С. 49—60.
118. Владислав Маркович Иллич-Свитыч как компаративист // *Славяноведение*, № 5, 2000. С. 3—19.
119. Из балто-славянской акцентологии. Проблема закона Fortunatova и поправка к закону Ф. де Соссюра // *Балто-славянские исследования* 1998—1999. М., «Индрик», 2000. С. 27—82

2002

120. Balto-Slavic Accentology and Winter's Law // *Studia linguarum*. 3/2, M., 2002, p. 295—515.
121. Язык — этнос — археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы), III // *Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте)*. М., 2002. С. 453—476.

2003

122. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // *Славянское языкознание*. XIII Международный съезд славистов, Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М., «Индрик», 2003. С. 131—161.
123. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // *Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы*. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 22—24 января 2003 года. М., 2003. С. 63—65.
124. Еще раз о «властях предрержащих» // *Русистика, Славистика, Лингвистика*. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag. München, Verlag Otto Sagner, 2003, S. 123—133.

125. Язык — этнос — археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 22—24 января 2003 года. М., 2003. С. 65—79.
126. Результаты реконструкции балто-славянской акцентной системы и проблема генезиса парадигматических акцентных систем // Свет памяти. Сборник научных статей и библиографических материалов памяти выдающегося отечественного языковеда профессора Московского государственного университета Петра Саввича Кузнецова (1899—1968 гг.). Омск, 2003. С. 299—327.

2004

127. Правило Селищева—Вайана в праславянском // Отцы и дети московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. С. 192—205.
128. Загадка Л. Л. Васильева // Отцы и дети московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. С. 302—307.
129. В защиту некоторых забытых или отвергнутых положений сравнительно-исторической фонетики славянских языков // Славянский вестник: Вып. 2: К 70-летию В.П. Гудкова. М., 2004. С. 83—110.
130. Язык — этнос — археологическая культура. (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. М., 2004. С. 125—141.
131. Акцентология // Большая российская энциклопедия, т. 1. С. 393—394.

2005

132. Работы Е. Д. Поливанова по японским акцентным системам и общая акцентология // Актуальные вопросы японского и общего языкознания. Памяти И. Ф. Вардуля. М., 2005. С. 101—176.
133. Балтийская сравнительно-историческая и литовская историческая акцентологии // Аспекты компаративистики, 1. М., РГГУ, 2005. С. 176—213.
134. On Illič-Svityč study «Basic features of the protolanguage of the Nostratic language family» // Nostratic sentential conference: the Pécs papers. Pécs, 2004, pp. 115—119.

2006

135. Западнокавказская акцентологическая реконструкция // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте. V международная научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова 31 января — 3 февраля 2006 г. М., 2006. С. 26—31.
136. Сравнительно-историческая акцентология, новый взгляд: по поводу книги В. Лефельдта «Введение в морфологическую концепцию славянской акцентологии» // Вопросы языкознания, 2006. №2. С. 3—27.
137. Порождение акцентных типов производных имен в балтийском // Балто-славянские исследования, XVII. М., «Индрик», 2006. С. 116—249.
138. Язык — этнос — археологическая культура. (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы), IV // Глобализация-этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. Кн. I. М., 2006. С. 75—94.
139. The system of generation of derivatives' accent types in Balto-Slavic // Second International Workshop on Balto-Slavic Accentology (IWoBA II) 1—3 September 2006 Copenhagen. Abstracts. Copenhagen, 2006. P. 7—8.
140. Рефлексы индоевропейских слоговых долгих плавных и носовых в кельто-италийских языках. В защиту концепции Х. Педерсена // Кельто-славика — 2. Second international colloquium of Societas celto-slavica. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 14—17 сентября 2006 г. М., 2006. С. 40—41.

2007

141. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология (глагольная акцентная система западных индоевропейских языков) // Tones and Theories: Proceedings of the International Workshop on Balto-Slavic Accentology. Zagreb, 2007, p. 47—73.
142. Западнокавказская акцентологическая реконструкция // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспектах. МГУ. М., 2007. С. 88—113.

143. Рефлексы индоевропейских слоговых долгих плавных и носовых в кельто-италийских языках (В защиту концепции Х. Педерсена) // *Аспекты компаративистики*, 2. М., РГГУ, 2007. С. 11—27.
144. The significance of West Caucasian accent system for researching Balto-Slavic and Japanese accent // *IWoBA. International Workshop on Balto-Slavic Accentology. Programme and Abstracts*. Leiden, 2007, p. 12.
145. The system of accent paradigms in the Prussian verb // *IWoBA. International Workshop on Balto-Slavic Accentology. Programme and Abstracts*. Leiden, 2007, p. 11.
146. Русское ударение и его происхождение. (Проблема генезиса парадигматических акцентных систем) // *Русский язык в странах СНГ и Балтии*. М., ОИФН РАН, 2007.

2008

147. Индоевропейские диалекты и балто-славянская акцентология // *Языковые контакты в аспекте истории. VI Международная научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию*. Москва, МГУ, 29—31 января 2008. М., 2008. С. 39—40.
148. Германское сокращение индоевропейских долгот, германский «Verschärfung» (закон Хольцмана) и балтославянская акцентология // *Аспекты компаративистики*, 3. М., РГГУ, 2008. С. 537—608.
149. Система порождения акцентных типов производных в балто-славянском праязыке и балто-славянская метатония // *Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов*. Охрид, 10—16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 145—182.

2009

150. Система порождения акцентных типов производных в балто-славянском праязыке // *Stressing the past. Papers on Baltic and Slavic accentology* edited by Thomas Olander, Jenny Helena Larsson. Rodopi, Amsterdam — New York, 2009, p. 21—45.
151. О системе акцентных парадигм в прусском языке // *Балто-славянские исследования*. XVIII. М., «Языки славянских культур», 2009. С. 131—182.
152. Система порождения акцентных типов производных в балто-славянском праязыке и балто-славянская метатония // *Вопросы языкового родства [Journal of Language Relationship]*, №2, 2009. С. 25—64.
153. Paradigmatic Accent Systems, Their Typology and Genesis // *FDSL 8. Formal Description of Slavic Languages*. December 2—5, 2009. University of Potsdam, Potsdam/Germany, 2009. S.21—24.
154. Еще о балто-славянском словообразовании и правилах порождения акцентных типов производных // *Сравнительно-историческое языкознание*. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции. М., 2009. С. 33—39.

2010

155. Акцентологическая система прагерманского глагола (первичные глагольные основы) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского*. 21—23 июня 2010 г. Часть I. Санкт-Петербург, Наука, 2010. С. 240—275.
156. Дополнения к 3-му тому «Опыта сравнения ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча. 1 // *Вопросы языкового родства [Journal of Language Relationship]*, № 3, 2010. С. 1—12. (В соавторстве с А. В. Дыбо.)
157. *ē/ī-* и *ē/e-* глаголы в балто-славянском и их акцентные типы // *Слова. Концепты. Мифы*. К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева. М., «Индрик», 2011. С. 143—157.

2011

158. Еще о балтославянско-германских акцентных соответствиях. (Парадигматический выбор акцентных типов в прагерманском глаголе) // *Elena Stadnik-Holzer (Hrsg.) Baltische und slavische Prosodie. International Workshop on Balto-Slavic Accentology IV (Scheibbs, 2.—4. Juli 2008)*. Scheibbs Internationaler Sprachhistorische Tage I. Peter Lang. Internationaler Verlag der Wissenschaften, Frankfurt am Main — Berlin — Bern — Bruxelles — New York — Oxford — Wien, 2011. Ss. 39—60.
159. Балтославянская акцентология и германская геминация согласных (В защиту теории Ф. Клуге) // *Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании*. Материалы VII Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию (Москва, 31 января—2 февраля 2011 г.), М., 2011. С. 75—88.

160. Классическая индоевропейская реконструкция и балто-славянская акцентология // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна: Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н., проф. С. Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г. Москва. М., МГУ, 2011; с. 22–31.
161. Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии // Лексика, этимология, языковые контакты: Сборник посвящается юбилею Д. И. Эдельман. М., 2011. Отв. ред. Е. К. Молчанова. М., 2011. С. 92–167.
162. Значение западнокавказской акцентной системы для изучения балто-славянской и японских акцентных систем // Accent Matters. Papers on Balto-Slavic accentology. Edited by Tijmen Pronk, Rick Derksen. Rodopi, Amsterdam — New York, 2011; pp. 66–84.
163. Система акцентных парадигм в прусском глаголе // Accent Matters. Papers on Balto-Slavic accentology. Edited by Tijmen Pronk, Rick Derksen. Rodopi, Amsterdam — New York, 2011; pp. 85–95.
164. Относительно др.-инд. *-ya*-глаголов (ответ Л. И. Куликову) // Вопросы языкового родства [Journal of Language Relationship], № 6, 2011. С. 200–210.

Рецензии

1957

165. [Рец. на кн.:] J. Pokorný. Indogermanisches Wörterbuch // Вопросы языкознания, 1957, №2. С. 144–145.

1958

166. [Рец. на кн.:] H. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Lfng. 1–4 // Лексикографический сборник, вып. 3, М., Институт языкознания РАН, 1958.
167. [Рец. на кн.:] E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Lfng. 1–5 // Лексикографический сборник, вып. 3, М., Институт языкознания РАН, 1958.
168. [Рец. на кн.:] В. Георгиев. Словарь критских микенских надписей // Лексикографический сборник, вып. 3, М., 1958, Институт языкознания РАН.

1960

169. [Рец. на кн.:] L. Sadnik. Slavische Akzentuation // Вопросы языкознания, 1960, №6. С. 113–119.

1962

170. [Рец. на кн.:] Chr. Stang. Slavonic accentuation // Структурно-типологические исследования, вып. 3, М., 1962. С. 220–225.

1964

171. [Рец. на кн.:] V. Kiparski. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache // КСИС АН СССР, вып. 41, М., 1964. С. 78–85.

2003

172. [Рец. на кн.:] Т. Б. Лукинова. Числівники в слов'янських мовах (порівняльно-історичний нарис). Київ, 2000 // Этимология 2000–2002. М., 2003, 246–251.

2007

173. [Рец. на кн.:] Vladimir Orel. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden-Boston: Brill, 2003 // Этимология 2003–2005. М., 2007. С. 348–361.

On the reconstruction of some tense/aspect markers in Proto-Mande

The paper discusses the origins and diachronic development of predicative markers of tense / aspect, mood and negation in the languages of the Mande family (West Africa). The analysis contains a survey of hypotheses regarding the genesis of the structure of verbal clauses in Mande from a typological standpoint, as well as a tentative reconstruction of some of the Proto-Mande predicative markers or their lexical sources.

Keywords: Mande, Niger-Congo, verbal system, TAM marking, predication, negation marking, comparative research, reconstruction.

0. Introduction

In the present article, an approach is made towards the reconstruction of several elements of the verbal grammar in the proto-language of the Mande language family. Structurally, it will consist of roughly two sections: a discussion on the reconstruction of syntactic patterns of the verbal clause in Proto-Mande, and a proposal on certain verbal markers of tense/aspect, modality, and polarity, which may be postulated for Proto-Mande. The article is by no means a full-fledged reconstruction of the system of grammatical marking on the verb in the proto-language; I would rather view the stage of my research which I am describing below as collecting most reliable and promising comparanda and building up initial hypotheses for further analysis.

Any comparative research is built on a thoroughly balanced sample of languages, carefully chosen from all major branches of the genetic stock. To justify the Proto-Mande nomination, any proposed reconstruction should find support in the two major branches, Eastern and Western; this binary division at the root is not disputed by any of the present-day scholars I know of. However, the predicative markers that we are dealing with are mostly characterised by very limited length: from 1 to 2 phonemes, more rarely 3 to 4 phonemes. In order to compare such short items, it is highly advisable to provide cognate forms and corresponding meanings in no less than two to three groups of each branch. The tonal patterns of the compared forms must also be taken into account, and tonal differences should be explained. According to the most recent classification by Vydrin [2009a], the Eastern branch encompasses Bisa-San, Boko-Busa, and Southern groups; the Western one is comprised of Manden, Mokole, South-Western, Vai-Kono, Soso-Jalonke, Soninke-Bozo, Samogo, and Bobo groups.

1. Mande verbal system reconstruction: state of the art

The task of reconstructing the verbal system of the Proto-Mande language¹ is certainly on the agenda of contemporary comparative studies in this language family. Rebuilding of any

¹ This paper is elaborated within the framework of the international project “Proto-Niger-Congo: Comparison and Reconstruction” (<http://www.nigercongo.com>).

proto-language starts with a thorough system of regular phonetic correspondences, as a prerequisite of morphological, syntactic or lexical conclusions. This is exactly what was initiated in the second half of the twentieth century: three major works published in the 1970s [Long 1971; Поздняков 1978; Bimson 1978] dealt with the reconstruction of the phonological system of the proto-language (even though two of them, namely Long's and Bimson's, only considered the Western branch of the family). Later, additional reconstructions of the proto-language consonantism were proposed by Grégoire [1988], Kastenholz [1996], and, for certain groups of languages within Mande, by Vydrin [2006a, 2007] and Schreiber [2008].

More recently, some papers devoted to the reconstruction of elements of morphosyntax have emerged. Vydrin [2006b] worked with plural marking and elements of nominal classification. Dwyer [1987–88] attempted to reconstruct the proto-language nominal derivational affixes and the system of numerals. There is an upcoming paper presenting an initial step in reconstructing Proto-Mande person markers [Babaev, in press].

In the meantime, the verbal system has enjoyed considerably less attention on the part of comparative linguists.

A complete reconstruction of the verbal system of a proto-language would certainly include both the morphosyntactic and the lexical levels. To be even more precise, such a reconstruction for Proto-Mande would require the analysis of the complex of the following sub-domains:

1. The syntax of the clause and the verb phrase (VP).
2. The expression of grammatical meanings of the verb, more specifically, tense, aspect, modality, and polarity.
3. The marking of person, number, and possibly other categories of the verb's arguments, in case this marking is made on the verb or overlaps somehow with verbal categories proper.
4. Argument derivation, i. e. the formation of grammatical meanings by means of a shift of the verb's arguments (passivisation, causativisation, etc.).
5. Word formation, including reduplication, affixal derivation and nominalisation of the verb.

The first issue out of these five has been widely discussed in recent decades. Scholars were concerned with the origins of the syntactic system of the verbal clause in Mande, in general, and the origins of predicative markers as a specific category indicating temporal, aspectual, and modal meanings of the predicate, in particular (see section 3 for more details on this). At the same time, the projection of the phonetic shape and meanings of the predicative markers as lexical items, as well as verbal derivation morphemes, onto the Proto-Mande level was only briefly touched upon in the literature.

Research in this field has become easier with the recent breakthrough in both descriptive and typological (synchronic as well as diachronic) research on the languages of West Africa. Within the Mande family, we have observed the appearance of more and more grammars and manuals, mostly for the languages of Manden, Mokole, Jogo-Jeri, Southern, and South-Western groups. More and more papers are written in accordance with the modern criteria for quality grammar descriptions, accompanied with tone-marking and extensive textual material, which allow to penetrate deeper into the analysis of the morphosyntax. For external comparison purposes, a number of research works have emerged recently, analysing the diachronic development and synchronic state of TAM systems of various language families within Niger-Congo, including Bantu [Nurse 2007], Benue-Congo [Anyanwu 2010], Kwa [Ameka & Kropp Dakubu 2008], and Kru [Marchese 1986]. Typology of verbal grammatical categories of tense and aspect

is the focus of at least three recent collections of papers: [Heine & Nurse 2000; Creissels 2005; Heine & Nurse 2008].

2. Syntax of the verbal clause and syntactic origins of predicative markers

The Mande languages share the predominantly isolated type of syntactic structure, with only a slight injection of agglutination and concatenation. This leads to the fact that reconstructing verbal morphology means no less than reconstructing the syntax of the clause, since most of the verbal grammar is expressed by unbound elements within the analytic construction or the whole clause. Such elements, expressing the grammatical meanings of the predicate of the clause, will be called predicative markers² in the present paper.

The basic word order in Mande is S-O-V-X, where X stands for indirect oblique objects of the verb, expressed by postposition phrases. Mande languages avoid double direct object marking, so there may be only one object noun phrase (NP) preceding the predicate.

Moreover, as Tröbs [2003] rightly states for Manden, the generation of complex analytic constructions all over the Mande family is cyclic: an older construction is constantly growing obsolete, replaced by a newer one, and at some stage they coexist in the language.

There are three positions within the clause where predicative markers can be situated. Within the basic word order scheme, these positions are marked by figures:

(1)	S	(2)	O	V	(3)
-----	---	-----	---	---	-----

Each of the three types of predicative markers can serve as the sole expressor of the verbal meanings:

1) initial markers (IMs), cf. in Mwan:

- (1) *Bāā è gē làkrùù wà b́éè mēē bō sró*
 OPT 3SG go school village and people stay calm
 ‘Let her go to school, and the people will take rest’ [Perekhvalskaya 2006].

2) post-subject markers (PSMs), cf. in Zialo:

- (2) *Gà wò nè-jè-y nènè*
 1SG PROSP 1SG-mother-DEF greet
 ‘I will greet my mom’ [Babaev 2011: 124].

3) post-predicate markers (PPMs), cf. in Bambara:

- (3) *Wáràbilé-nù dòn-nà dá fè*
 monkey-PL penetrate-PFT door/DEF through
 ‘Monkeys penetrated through the door’ [Vydrin 2008].

In most languages at least some of the meanings are expressed by a combination of two markers in different positions; below, I will pay more attention to this phenomenon.

² Cf. other synonymous terms across the literature: construction markers, verbal auxiliaries, predicate markers, etc.

The inventory of TAM meanings of the verb in Mande is not too extensive. There is a well known lack of a distinct boundary between aspect and tense, characteristic of most families of African languages [Fleisch 2000]. In most Mande languages, tense as a grammatical category seems to play a more marginal role in the verbal system, and one should rather see the latter as a system of aspectual oppositions, each of which has a link to a particular time plan. For instance, the prospective aspect presumes future action, the perfective is connected with the past, and the resultative links the past action with its result in the present.

Just as probably everywhere in West Africa, the basic aspectual opposition lies between imperfective and perfective aspects. Both terms in fact encompass clusters of meanings: the perfective aspect in most cases includes punctive action in the past and the completive (resultative) meaning of an action which ended in the past but also impacts the present. The peculiar «factive» aspect which denotes (a) past time for verbs expressing action and present, (b) undefined time for verbs expressing state [Welmers 1973] also lies within the domain of the perfective. The imperfective aspect may include progressive, habitual and future action; the last one is often called the prospective aspect in this regard, denoting the nearest, highly probable future action.

The most widespread modal meanings include the irrealis, whose typology has yet to be analysed in depth: habitually, it encompasses the distant future, the potential and conditional moods, as well as varieties of the negative polarity (often with the addition of a specific negation marker). The other modal forms witnessed across the family are the imperative, the prohibitive and the optative, though the last one occurs considerably rarer.

2.1. Initial predicative markers

The initial predicative markers constitute the least studied group — probably due to their being relatively rare. In fact, I have only spotted them in a few languages of the Southern group and one language of the South-Western group (Loko). In this latter language, there are two IMs, identical in segmental shape but differing by tone:

- (4) *Ká tí hélé ló-à*
 AOR 3PL elephant see-RES
 ‘They saw an elephant’ [Kimball 1983: 47]

- (5) *Kà ηgúlú-ná í gúlà*
 IPF treeDEF 3SG fall
 ‘The tree was falling’ [Kimball 1983: 50].

The high-tone morpheme *ká* marks the aorist; the verb is also modified by the perfective PPM *-à/-ηgà*. The low-tone *kà* is a marker that serves two purposes: it indicates the imperfect, i. e. either a past progressive or past habitual action, and (with a different series of person markers) the optative mood. The modal usage of this morpheme has parallels among the other representations of IMs, notably in Southern Mande. In fact, the Mwan language only uses the IM *ḅāā* in modal utterances, see (1) above. A similar IM of modality is observed in the neighbouring Kru languages, cf. in Grebo:

- (6) *B-a du nè*
 HORT-1PL измельчать 3SG
 ‘Let us pound it’ [Marchese 1986: 24–25].

The whole construction may be interpreted as one complex sentence with two clauses: the main one, represented by the single verb in the imperative, and a subordinate one. Such multi-clausal optative sentence structures are widely witnessed cross-linguistically, cf. English *Let me take you down* or Russian *Пусть это вас больше не тревожит* 'Let it not disturb you anymore'. The optative meaning is often expressed by a subjunctive form of the verb, cf. Latin *Sit fur at est bonus imperator* 'Let him be a thief, but he's a good emperor'.

If we accept this hypothetical suggestion, the Loko IMs may potentially be associated with the South-Western Mande verb **ká* 'to see, to do, to be' (Kpelle *káa*, Looma *kà*, Mende *ká*) [Leidenforst & McKay 2005: 67; Prost 1967: 159; Innes 1969: 37], which has some external parallels, cf. Bozo (Jenaama) *kay* 'see' [Vydrin 2009a: 137]. The low tone of the optative/imperfect marker in Loko may be explained by the subjunctive semantics: indeed, in South-Western Mande we observe a proto-language variation in tone between markers of the 3rd person in main and subordinate clauses. Since *kà* was originally a verb, it had to be a finite form, so the incorporation of a tonal person marker (either high tone for aorist or low tone for optative / imperfect) seems natural.

A modal origin of TA markers in the initial position in the clause is further confirmed by markers of the prohibitive mood. In Guro (Southern Mande), the same IM is used to indicate prohibition and the subjunctive mood with a negative polarity (both require an additional PPM):

(7) *Te i go lo*
 NEG 2SG go NEG
 'Do not go!';

(8) *Te é wē míni lo*
 NEG 3SG wine drink NEG
 '(I wish) he does not drink wine' [Benoist 1969: 68].

Concerning the origin of the Guro IM, I support the verbal etymology, see details on Proto-Mande **té* below.

2.2. Post-subject predicative markers and nomino-periphrastic constructions

PSMs are the most widespread markers of verbal meanings in Mande languages, and probably the ones that are most discussed in the literature. Syntactically, they almost exclusively serve as proclitics, not in relation to the verb itself, but to the verb phrase, allowing the direct object to separate them from the predicate. This position is also used by person markers in those Mande languages where they constitute a category distinct from personal pronouns (see [Creissels 2005] for more details), cf. in Looma (South-Western):

(9) *Fòlòmò yà vá*
 Folomo 3SG come
 'Folomo will come' [Sadler 2006: 63].

There is a clear tendency across the Mande languages to avoid series of PSMs: the language prefers to merge them into a fused portmanteau marker which, consequently, expresses the whole set of grammatical meanings for both the predicate and its key arguments. The verb itself often remains in its base form, cf. in Mende (South-Western):

- (10) *Ngéè ná wíé síná*
 1SG that do tomorrow
 ‘I will not do it tomorrow’ [Innes 1971: 151].

This cumulation technique has led to the peculiar system of person marking in some of the groups of the family (Southern, Eastern, South-Western), where person markers form over a dozen of series bearing different temporal, aspectual and modal meanings (as well as polarity indication); they are generated by the incorporation within of former clitical TAM markers.

In some of the languages where two PSMs are still present, one can observe their fusion in fast colloquial speech or in dialects.

It is crucial that in a vast number of languages of the family the verbal meanings are expressed not by a sole PSM, but rather by a stable combination of one PSM and one PPM, so that the whole construction has the shape of the following example from Looma:

- (11) *Nà yà sà vââ zù*
 3SG PSM now come PPM
 ‘He is coming now’ [Sadler 2006: 63].

Just as mentioned above, the origins and the syntactic status of PSMs of tense/aspect and modality have been widely discussed in the literature. One of the first ideas of their etymology was brought in [Heine & Reh 1984] who argued that the constructions similar in structure to that of (11) demonstrate the result of grammaticalisation of formerly full-fledged verbs. In the zenith of the grammaticalisation theory, this point of view was fully supported in several articles by Claudi [Claudi & Mendel 1991; Claudi 1994]. The claim made by this “verbal” theory of the genesis of PSM was, upon first glance, quite logical: it proposed a gradual loss of lexical status of full-fledged verbs, first turning into auxiliary verbs, and then into unchangeable predicative markers. Originally these verbs were followed by NPs headed by nouns of action, which were later reinterpreted as proper verbs. As for the PPM sometimes occurring at the closure of the whole construction, that was an original noun of locative semantics (“locative noun”, as Heine & Reh [1984: 209f.] tend to call it). The whole transformation, according to this theory, must have looked like this (where VNP is verbal noun phrase):

(I)	S	V	VNP	LOC
	↓	↓	↓	↓
(II)	S	PSM	VP	PPM

In the case when verbal noun represents transitive semantics, the VNP will include a direct object, even though the whole VNP is the direct object itself for the original verb in (I). But, the object within the VNP will be reconsidered as the direct object of the “new” verb in (II).

The idea looks especially appealing for such constructions as the progressive aspect, cf. an example from Kono [Claudi 1994: 214]:

- (12) *Tambá è musu yan-dà*
 Tamba 3SG.be.at wife look.for-LOC
 ‘Tamba is looking for a wife’, lit. ‘Tamba is at wife-looking’.

The stage of grammaticalisation where the auxiliary has not yet lost its ability to attach TA markers is also widely witnessed, most evidently in progressive and prospective constructions; cf. two more examples from Kono:

- (13) *Mbé tá-à fitɔŋ*
 1SG.PROG go-PROG Freetown
 ‘I am going to Freetown’;
- (14) *è tá-à à dyánué-à*
 3SG.PROG go-PROG 3SG friend.DEF-LOC
 ‘She is going to her friend’ [Claudi 1994: 200].

Accepting the origin of this type of analytic constructions from such a periphrasis, one should admit that the original word order at some stage of the proto-language was SVO, with the object represented by a VNP. This is exactly the conclusion that Claudi and her colleagues come to, stating that this

“development as outlined for Mande is responsible for all synchronically existent cases of SOV order in Niger-Congo” [Claudi 1994: 218].

In Mande, some of the most widespread PSMs are indeed most easily etymologised from full-fledged verbs still in use in the language, cf. an example from Boko (Eastern Mande):

- (15) *Wá su mɔ́*
 1PL FUT come
 ‘We will come’ [Prost 1976: 199], where *su* is derived from *su/sua* ‘come, return’ [Jones 2004a: 279].

Such processes are not always restricted to the prehistoric stage of language development: some contemporary tongues of the family demonstrate fairly recent progressive and prospective expressions generated from the same nomino-periphrastic constructions, cf. an example from Looma (South-Western Mande):

- (16) *Fòlòmò yà zà vàà zù*
 Folomo COP today come PP
 ‘Folomo is coming today’ [Sadler 2006: 77], lit. ‘Folomo is in coming today’.

The closest relatives of Looma also know the postposition *su/zu* ‘in’, but not the progressive construction of this kind, which is a distinct Looma innovation. The copula *ka/ya* used in (16) is usually etymologised based on the verb **ka* ‘be, do, see’ [Vydrin 1987: 87].

Another confirmation for the theory of locative periphrasis is the nature of Mande verbs; in almost any language, they can build nominal derivatives by means of simple conversion. In Mende (South-Western Mande), the lexeme *tɔ́* means both ‘see’ and ‘seeing, sight’. The distinction between the two terminal categories lies in the syntactic position in the clause and the rules of syntactic complementation: for instance, the verb cannot be a dependent constituent of the postposition phrase, nor may it be modified by a definite or referential morpheme. The noun, in its turn, may not attach temporal or aspectual markers (if these are applicable in the

language). Since, however, verbs and nouns convert into each other without any modification, the hypothesis of interpreting a combination [VN + LOC] as [V + PPM] is rather viable.

Cross-linguistically, nominal periphrasis is a well-known means of constructing new analytic progressives, futures and other tense/aspect meanings. This is exactly the evolution path that is being asserted by scholars of the grammaticalisation theory: in [Bybee & al. 1994], it is stated that the formation of the imperfective aspect starts with nomino-periphrastic constructions initially marking the progressive, but later extended to meanings of habitual and prospective aspects, altogether forming the imperfective cluster [Bybee & Dahl 1989: 56f.; Bybee & al. 1994: 275f.]. Both German *Ich bin am Kochen* ‘I am cooking’, lit. ‘I am at cooking’, and English *I am a-waiting*, derived from *I am at waiting*, are exact parallels of this type of periphrastic progressive constructions. English *I am going to sing* extends the progressive meaning to the (near) future tense. In West Africa, the periphrasis is also in frequent use: besides Claudi’s [1994] examples from Ewe, the tense/aspect constructions in Kru languages, geographically adjacent to the Mande area, are mostly explained by means of exactly this kind of periphrasis, with the postulation of the proto-language SVO-type word order [Marchese 1986].

The locative periphrasis hypothesis described above used to be the ruling theory of the genesis of Mande-type verbal constructions, supported by the authority of Bernd Heine. In recent years, however, some critical voices started to appear, challenging the idea of the exclusively verbal origins of Mande predicative markers. At least four papers [Bearth 1995; Creissels 1997a, b; Kastenholz 2003] revised the views described by Claudi and proposed their solutions to the problem of the genesis of PSMs and analytic TAM constructions in Mande³.

The principal objections expressed in the papers listed above may be summarised as follows:

1. The proto-language SVO-type word order which one has to postulate following the nominal periphrasis theory is never met across Mande. In Kru and Kwa languages mentioned above for typological parallels, it is a frequent syntactic feature: Kru languages, for example, are characterised by the “mixed system” demonstrating both OV and VO patterns, cf. examples from Dewoin (17) and Wobé (18):

(17) $\bar{5}$ *ní* *pī* *sāyè*
 3SG NEG cook meat
 ‘He does not cook meat’;

(18) $\bar{5}$ *sē* *gbū* *pō*
 3SG NEG house build
 ‘He did not build a house’ [Marchese 1986: 24]⁴.

No example of a Mande language with a SVO word order can be found, so the projection of this pattern to the Proto-Mande type, as Claudi [1994] implies, seems doubtful from a comparative point of view. She presents some evidence suggesting remnants of VO order in Mande, but Kastenholz [2003: 38] is right to call the given data incorrect. So, Creissels is right to note [1997a: 8] that

³ It should be mentioned that none of the four papers consider the whole of Mande family: Creissels restricts his research to the Mande group, Kastenholz only analyses Western Mande (Manden, Vai-Kono, and Mokole groups), Bearth limits his analysis to Southern Mande.

⁴ Cf. a similar case of Songhai demonstrating a gradual diachronic shift of word-order type [Creissels 1997b: 8].

“one must assume that this shift from SVOX to SOVX took place very early in the history of the Mande languages, since the order OV suffers no exception in the syntax of the present-day Mande languages”⁵.

As this statement implies, the idea of reconstructing a feature for the proto-language without finding its reflections in any historical descendant languages will always remain subject to criticism.

2. A substantial share of synchronic Mande PSMs that Claudi [1993, 1994] derives from the reinterpretation of full-fledged verbs do not actually require a locative postposition (PPM) to follow the predicate, so PSM is the only marker of verbal meanings. This is the situation with most aspectual construction in Manden languages, cf. examples from Bambara:

(19a) *Mùsò bɛ táá*
 woman PROG go
 ‘A woman is going’;

(19b) *Mùsò ná táá*
 woman FUT go
 ‘A woman will go’;

(19c) *Mùsò ká táá*
 woman DEB go
 ‘A woman should go’ [Creissels 2005].

Claudi explains this phenomenon as loss of the locative element which has become redundant because of the logical stress on PSM as the tense/aspect marker. The same explanation is found in [Marchese 1986] as far as the Kru languages are concerned. In certain languages of the Mande family, PPM indeed tend to shorten and probably lose their segmental value, cf. Tura (Southern Mande) *nû-à* ‘come-FUT’ vs. more archaic (in use back in the 1970s by older speakers) *nû-bà* with the locative postposition *ba* ‘at’ [Bearth 1995: 98].

Naturally, one cannot provide examples for all cases where no PPM is witnessed at the synchronic state because of the lack of historical data.

The second complication is created by those TAM-constructions where no trace of PSM is witnessed, and the grammatical meanings of the verb are expressed solely by PPM. This is the case, for instance, with the stative construction in Maninka and the perfective one in Bambara (both Manden group):

(20) *Wo fa-nɛn sanin na*
 that fill-PFT gold with
 ‘That was filled with gold’ [Hoover 2000: 94];

(21) *Mùsò táá-rá*
 woman go-PFV
 ‘A woman went / has gone’ [Creissels 2005].

⁵ Heine [1980] supported the idea that the SVO > SOV shift could have taken place back in Niger-Congo, but, unfortunately, I cannot go beyond the scope of the present paper to discuss this suggestion.

Claudi [1994: 209–212] explains this as the result of PSM deletion, but the data to prove this are insufficient. In languages of the South-Western group, for instance, a number of verbal tense/aspect meanings are expressed by a PPM, while the (obligatory) person marker, occupying the post-subject position, stays in the so called “basic” form, cf. in Bandi:

- (22) *Ŋgí* *lì-ŋgó* *táa* *ḥu*
 1SG.BASIC go-PFT town in
 ‘I went to the town’ [Heydorn 1940/41].

Provided a PSM once existed between the subject marker and the predicate, it would have been absorbed into a fused morpheme with the former, as it happened in many other constructions in Bandi. Thus, the idea of the full-fledged verb once located in a PSM position seems dubious for Bandi — and for its closest relatives.

Bearth was probably the first to note an important distribution between the “clear” cases of locative periphrasis and more problematic ones. This distribution seems to lie within the morphosyntactic domain:

“Almost all transparent cases of derivation from nominal ... periphrasis are aspectual forms denoting states, action in progression, or contingency, i. e. aspects whose tendency to be expressed by locational metaphors is universally attested” [1995: 112].

To this short list I can also add future action: these four grammatical meanings cover the much larger part of the evidence provided in [Claudi & Mendel 1991; Claudi 1993, 1994].

In the previous section, I already mentioned cases where the absence of any traces of PSMs prevents the reconstruction of locative sentences: most of these cases mark perfective aspects and past actions as opposed to imperfective aspects and present/future actions. In the South-Western Mande languages of Bandi, Mende, and Zialo, all affirmative past and perfective meanings are expressed by PPMs, while all meanings of the imperfective cluster are indicated by means of a PSM (realised in the form of specific series of fused person markers) plus, optionally, a locative PPM. In Bambara and some other Manden idioms, the perfective aspect is the only meaning expressed by a PPM rather than a PSM. The list of examples may be prolonged.

3. Interestingly enough, Bearth [1995: 115] would challenge one of the principles of grammaticalisation in general:

“... It is difficult to maintain that ‘each grammatical morpheme ultimately derives from a lexical word, historically [Claudi & Mendel 1991: 38]”.

In saying this, Bearth advocates his view on the deictic origins of the predicative *ké* marker in Tura, which he traces back to an auxiliary rather than a full-fledged lexeme in the proto-language. This is in fact connected with the following point of objection, dealing with specific etymologies of predicative markers.

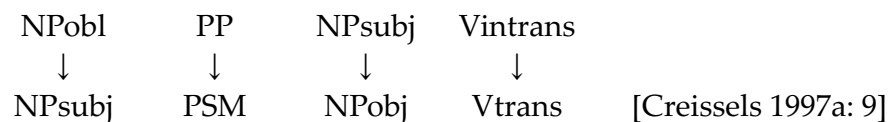
4. Much doubt was cast on the explanation of the origins of some particular PSMs and PPMs in certain Mande languages. A microscope look always reveals cracks. Bearth [1995] presented a detailed analysis of predicative marking in the Tura language, showing that at least some of Tura PPMs may not be derived from postpositions for a phonological reason: while all postpositions in the language carry high, low or (for longer ones) mid-low tone, PPMs show

mid-high tone. Bearth also challenges the free conversive derivation between nouns and verbs in the proto-language, showing that this is not the case at least in Southern Mande.

Kastenholz [2003], in his turn, rejects the verbal origin of the Manden copulative PSM *bé*. While Claudi [1994: 204] tends to reconstruct its original meaning as ‘to be at’, i. e. locational semantics, Kastenholz argues that, according to the synchronic data from Manden tongues, “‘to be at’... is not an adequate metalinguistic rendering of the function of *bé*” [2003: 39]. He also finds the verbal status of the copula doubtful because it is never attested as a fully-fledged verb across Mande.

2.3. Alternative hypotheses of PSM/PPM genesis

It was Creissels [1997a, b] who elaborated on an alternative hypothesis to explain complicated cases in Manden languages where the locative periphrasis seems dubious. He suggested (following an earlier idea in [Bird & Kendall 1986]) that the PSMs are originally nominal postpositions, parts of oblique object phrases which were topicalised and transferred to the left part of the sentence — a general practice widely observed across Mande. This process took place in sentences with stative or any other intransitive verbs, which, subsequently, acquired the transitive perfective meaning. The transformation could have looked as follows:

Transition of a stative sentence (“The letter is written”, Creissels’ example) to a topicalised one (“As for me, the letter is written”) and, further, into a perfective one (“I have the letter written”) is logically quite possible.

A similar idea was proposed by Creissels based on evidence from hortative constructions. He claims that hortative mood markers (also located in the PSM position in Manden languages) might have originated from postpositions due to reanalysis of the sentence structure. An example from French: *A Jacques de jouer* ‘for Jacques to play’ is his explanation of how the postposition phrase may be moved to the beginning of the clause.

In favour of the “postpositional” hypothesis of the PSM origins is the fact that both postpositions and PSMs are always placed following the NP — whether subject or oblique. Moreover, etymologically, the PSMs analysed by Creissels are identical or quite similar to postpositions of the same language. The hypothesis would explain a seemingly weird “split” structure of perfective marking in Manden, where affirmative transitive and all negative clauses use a PSM, whereas affirmative intransitive clauses use a PPM.

At the same time (as he admits himself), against this idea is the absence of prototypical topicalised sentences with an initial postposition phrase in synchronic Manden evidence, and the typological rarity of such constructions in West Africa in general.

Bearth [1995] also recognised the validity of nomino-periphrastic constructions as the source of some of the analytic verbal complexes in the Southern Mande languages of Dan and Tura to which his paper is devoted. At the same time, he rejected the mechanistic interpretation of each and every PSM as a former lexical verb. In his paper, he presents cases of predicative markers from Southern Mande languages that he derives from proto-language sentence deictic morphemes, trying to ground his hypothesis on typological, functional and discourse-pragmatic observations of predicative marking in the language in general. Unfortunately, only very little concrete comparison is given to trace the PSMs of Tura or Dan to their proto-language ancestors:

Bearth only compares the Tura PSM *ké* with the identical Soninke morpheme (referring to a NP only), to make a firm conclusion that the marker “goes back to Proto-Mande” [1995: 109].

Kastenholz [2003] seeks more comparative evidence to challenge the idea of the verbal origins of PSMs. Several Western Mande PSMs analysed in his paper are compared with relevant postpositions to find more proof for Creissels’ views. Two other morphemes, progressive/imperfective **bé* and the copulative/progressive **yé*, are traced back to the same copula of a non-verbal, independent origin. The idea that Kastenholz puts into his conclusions is the same as that of both Creissels and Bearth: “*we have to assume the possibility of multiple sources*” for Mande predicative markers.

Some other views on the non-verbal genesis of PSMs have been expressed. To give an impression of the spectrum of possible etymologies, I will briefly touch upon a few of them.

In the closely related Soso and Jalonke (Western Mande), progressive PPM is surely derived from the nominal lexeme *fe* ‘thing’, cf. Soso:

- (23) *N-ma dii i siga-fe minden?*
 1SG -POSS child 2SG go-PROG where
 ‘My child, where are you going?’ [Plungian & Urmanchieva 2006].

In Jalonke, the morpheme still preserves nominal characteristics:

- (24) *A mini fee-n’ i a kwi*
 3SG exit thing-DEF at 3SG in
 ‘It is about to get out of it’ [Lüpke 2005: 124].

In the northern dialects of Looma (South-Western Mande), the habitual PSM *da* is normally derived from *da* ‘usually’. The verb is not followed by any PPM, but the imperfective series of person markers is required:

- (25) *Folomo ya da kale-i bε*
 Folomo 3SG.IPFV HAB fish-DEF catch
 ‘Folomo [usually] fishes’ [Prost 1967: 66].

The progressive PSM of Gban (Southern Mande) *lé* is identical with the adverb ‘still, so far’ and may well be derived from it [Zhel'tov 2002: 54] (it is also possible that they both ultimately derive from the same verb).

Omitting some highly suspicious, even though poetic, etymologies of this kind⁶, I should mention that cross-linguistically, the adverbial origin of PSMs is postulated for some Kru languages: e. g., in Grebo temporal markers are all transparent reflections of adverbs of time, which may refer to the past, present or future:

- (26) *Né dú-da blà*
 1SG pound-T rice
 ‘I pounded rice the day before yesterday’, from *da* ‘the day before yesterday’ [Marchese 1986: 254].

⁶ Hamlyn [1935] suggested that the Mandinka potentialis PSM *si* originates from the adverb *sina* ‘tomorrow’, which, in its turn, consists of *si* ‘sun’ and *na* ‘come’.

3. Implications on Proto-Mande predicative markers

This discussion is essential to show the main thesis of those who are opposed to Claudi's ideas: their point is not to nullify the hypothesis of the periphrastic origin of TA constructions in Mande, but rather to diversify the sources of their genesis, offering more plausible solutions where the periphrastic theory seems unconvincing. Creissels is absolutely correct when he says:

“Claudi's hypothesis seems quite reasonable, and my purpose is not to challenge it... However, the hypothesis that the category of PM appeared, in the history of the Mande languages, as the result of the decategorialization of ancient auxiliaries does not necessarily imply that the claim that every present day member of this category is the reflex of an ancient auxiliary” [Creissels 1997a: 7–8].

The views described above are essential for any work on reconstructing the shape and meaning of particular predicative morphemes for the Proto-Mande language stage: a task that, so far, has attracted but very limited attention from researchers. The present section will be devoted to the comparison of several markers of tense / aspect and polarity which are attested across the family, and the attempt to establish their proto-language ancestor forms and meanings.

3.1. Prospective **nà*

The PSM *na* is found in various genetic units within the Mande language family as a marker of the action envisaged in the nearest future, or the intention to conduct the action soon. The general meaning can be thus called prospective, though other terms have been used to indicate it as well: ingressive, inchoative, and proximal future.

This is the most frequent meaning I can trace across the family, but not the only one. As it often happens cross-linguistically, the prospective meaning may spread to the progressive or any sort of ongoing action which is to be finished in the nearest future. As such, this marker may encompass the progressive aspect acquiring a more general imperfective value.

- (27) *A na goro xunbane* (Soninke/Soninke-Bozo)
 3SG PSM grind tomorrow
 ‘She will grind tomorrow’ [Urmanchieva & Plungian 2006];
- (28) *Mùsú nà tóbìlì là* (Kagoro/Manden)
 woman PSM cook PPM
 ‘A woman will cook’ [Vydrin 2001: 138];
- (29) *Mùn nà à ɲóòn dēyn dēyn* (Dzuun/Samogo)
 1PL.EXCL PSM 3SG eat little little
 ‘We will eat it little by little’ [Solomiac 2007: 263];
- (30) *N na dyo mi* (Seenku/Samogo)
 1SG PSM water drink
 ‘I will drink water’ [Prost 1971: 53];
- (31) *À nà dùgó tùgó* (Bobo/Bobo)
 3SG PSM millet sow
 ‘He will sow millet’ [Le Bris & Prost 1981: 246].

In the Manden group, the construction is often finalised by the locative particle *la*. A sign of a PPM is seen in Bobo where the verb is acquiring a higher tone on the last syllable.

In Vai (Vai-Kono), the construction has not been fully grammaticalised yet, and the marker of the aspectual meaning still acts as an auxiliary verb ‘to come’, capable of attaching tense/aspect morphemes. The meaning of the construction is again prospective:

- (32) *Mɔɛnui na-a salaŋ nama so a*
 people/DEF come-FUT bridge new build PPM
 ‘The people are about to build a new bridge’ [Heydorn 1971: 179].

The PPM *a* has an allomorph *da* after nasal consonants, which makes it a direct cognate of the Manden PPM above.

According to Welmers’ study of Vai, a copulative PSM may also be included into the picture, giving the understanding of a slightly different grammaticalisation path:

- (33) *À bè ná nà kéŋ só nà*
 3SG COP come PPM house build PPM
 ‘He is going to build a house’ [Welmers 1976: 97].

This way of turning an original copulative construction into a prospective verbal form is easily compared with prospective aspect marking in some other Manden languages. There, the prospective meaning is expressed by means of PSMs *yénà* and *bénà* which may be derived from a combination of the copula and the auxiliary verb ‘to come’:

- (34) *Ń bénà séwéri ké* (Dyula/Manden)
 1SG PSM something write
 ‘I am going to write something’ [Sangaré 1984: 320].

Copulae *bɛ* and *yɛ/ye* are used almost everywhere across Manden and Mokole languages in progressive and, in general, imperfective constructions. The widespread semantic overlap between imperfective, progressive and prospective could influence the combined usage of the two markers. It is notable that, while *na*, *bɛ* and *yɛ* can be used to mark the imperfective cluster of meanings, neither *bɛ* nor *yɛ* are used to mark exclusively the prospective meaning.

The marker that may be reconstructed on the basis of the comparanda listed above must have had a low tone: **nà*. Its distribution does not allow us to trace it back to Proto-Mande, but only to Proto-Western Mande, with a seeming absence of reliable cognates in the Eastern branch of the family. Moreover, it seems that even in Proto-Western Mande it did not complete the entire process of grammaticalisation, and acted as an auxiliary verb within the analytic construction with a prospective meaning. At least this is what may be suggested, based on data from Vai.

If the PSM was still understood as a verbal lexeme **nà* ‘to come’ in the proto-language, it becomes clear why we are unable to spot it in Eastern Mande. There, the verb **nà* ‘to come’ was replaced by different lexical items which, logically, occupied the position of **nà* in prospective constructions. These include **nū* in Southern Mande and **pá/*bá* in South-Western Mande, both of which serve as PSMs in complex constructions with the same meaning.

Now the question arises whether we can reconstruct the second (post-predicate) element of the periphrastic construction for any stage of the proto-language. At this stage, the answer is no: evidence for *dalla* as the locative PPM in this construction comes from Vai-Kono and Manden groups, but is not found elsewhere.

Indeed, we can find some confirmations of this grammaticalisation technique in Mande as well: for instance, in Southern Mande negation markers are often derived from Proto-Mande verbs **ban* ‘deny’ and **do* ‘leave’ [Vydrin, ms.]. There are some possible cognates in Mande as well: cf. Bokobaru *te* ‘prohibit, deprive’ [Jones 2004b: 173] or Bambara *te* ‘deny, not be’.

In this regard, it would be useful to present some external evidence from Niger-Congo languages, already noted by Greenberg: Proto-Bantu **ta* ‘not have’, Temne, Limba (“Atlantic”) *ta* ‘not be’, etc.

A similar, but not identical, idea was expressed by Denis Creissels [1997b]. Discussing negation in the languages of the Manden group, he states that **tɛ́* acts there not only as an imperfective negation marker, but also as a negative copula in existential sentences. In the Malinke language (dialect of Kita), existential clauses use *NTE* instead of *TE* elsewhere in Manden. Creissels takes this form as a combination of **N* (negation marker) and **TE* (copulative verb ‘to be’). The former is explained as a reflection of **mV*, a well-established negation morpheme mostly used in perfective sentences (see below). The latter is compared with the existential verbs found in Bobo and Bisa, two other Mande languages, as well as, externally, with various ‘be’-like verbs, found across Niger-Congo [1997b: 11].

This hypothesis seems to me weaker than the previous one. First of all, from the distributional standpoint: the affirmative verb **te* ‘to be’ is never found in Mande, whereas the negative meaning is represented quite widely, as shown above. In Bisa, Bobo, and Vai, the existential copula (acting also sometimes as a PSM in imperfective constructions) is *ti* but never *te* or *tɛ* [Tröbs 2003], and I am puzzled at how this *ti* could be compared with the back-vowel form *ta* that is found in some groups of Mande. In Niger-Congo languages, the existential verb is found indeed, but, for instance, in Bantu it is reconstructed as **di*, which is certainly farther from **ta/*tɛ* than the Bantu negative verb **ta*. I do not exclude, however, the possibility of a genetic relationship between **ti/*di* ‘to be’ and **ta/*tɛ* ‘not to be’.

Another obstacle is the assumption that the **mV* negation marker is a part of *NTE* found in Kita. The nasal element is only found in one dialect of one language, but nowhere else in Manden. We can certainly suggest its early assimilation, but in this case I assume that it would have left traces at least in the system of initial consonant alternations in such languages as South-Western Mande, where the proto-language **ntV* would have given **tV*, with a “strong” initial consonant, in all positions. Still, we observe that, following a final vowel of the preceding word, the negation marker there changes into the “weak” form **lV* (Bandi *là*, Kpelle *là*, Looma *lá/lɛ́*).

The combination of **mV* and **tV* is also not an entirely spotless idea. We should admit that across Manden, there is a distinct differentiation between negation strategies for perfective and imperfective meanings, and **má* can certainly be reconstructed only as a perfective negation morpheme for Proto-Manden. Its opposition with **tɛ́* is strictly adhered to in almost all Manden dialects, and I see no reason in merging the two markers into one.

At the same time, I should note that the form **ntV* is also a valid reconstruction: I have found Jeri (Jogo-Jeri) *ndɛ* (an allomorph of *tɛ*) and Soninke *ntá* which, together with Kita Malinke *ntɛ*, permit us to preliminarily postulate Proto-Western-Mande **ntá/*ntɛ́*. I will not, however, speculate on the origins of the nasal prefix without further evidence.

The evidence seems to be in favour of the reconstruction of **ta/*tɛ* as the negation marker which was probably grammaticalised from the respective negative verb already in Proto-Mande.

3.3. Imperfective **ma*

The morpheme under discussion in this subsection has been spotted all over Mande. It may be reconstructed as a noun with a locative meaning ‘surface, on the surface’: this is the

semantics of the lexeme that we can still observe in some of the tongues of the family (e. g., South-Western, Vai-Kono). In some other languages, however, the noun has already been grammaticalised into a postposition which has lost all nominal functions and may only head an indirect object phrase, cf. Mende *tíbù mà* ‘on the table’ [Innes 1971: 64]. The spectrum of meanings has sometimes been extended from mere locative ones, as in Looma:

- (40) *Bó è lù-ì mà*
 3SG/tell 2SG son-DEF PP
 ‘Tell it to your son’ [Sadler 2006: 20].

The appearance of *ma* as a PPM in imperfective constructions, especially accompanied by the PSM of verbal origin, lies within the framework of the theory of locative periphrasis described above. Such constructions are found in various groups of the family:

- (41) *Nánjà vâ lì má* (Bandi/South-Western)
 1SG PSM go PPM
 ‘I am leaving’ [Bandi, ms.: II, 10];
- (42) *A kedi-ye sebe-ma* (Soso/Soso-Jalonke)
 3SG paper-PL write-PPM
 ‘He [usually] writes letters’ [Shluinsky 2006: 332];
- (43) *Too on summun ma nde!* (Jalonke/Soso-Jalonke)
 today 1PL chat PPM IRR
 ‘Today we will chat!’ [Lüpke 2005: 123];
- (44) *Mí kpánkà kònò-mò ñē* (Seenku/Samogo)
 1PL cassave cultivate-PPM NEG
 ‘We do not [usually] cultivate cassava’ [Prost 1971: 53] (?);
- (45) *Kùè cée í sǝrǝ-mà ò* (Yaure/Southern)
 1PL.EXCL NEG 2SG insult-PPM NEG
 ‘It is not we who will insult you’ [Vydrin, ms.: 39];
- (46) *Ā dā yì fáánè mà* (Guro/Southern)
 1SG come day all PPM
 ‘I come every day’ [Benoist 1969: 56].

In Zialo (South-Western), postpredicative *mà* is no longer obligatory. It is still in use in debitive and some progressive constructions, but may well be omitted: an evidence of the gradual loss of PPMs and the focus on PSM as principal temporal/aspectual indicators [Babaev 2011].

The projection of **ma* onto the Proto-Mande level seems justifiable, based on comparative data presented above. However, there is always a chance that the imperfective constructions were formed independently in each of the branches at a later stage, using a common locative periphrasis pattern. An indirect proof of the proto-language origins of the imperfective **ma* would be the discovery of a language which has lost this morpheme as a postposition, but preserved it as a predicative marker. This is not the case with the list given above: in all these languages, *ma* is still a productive locative postposition.

3.4. Perfective **da/*la*

This PPM with a perfective meaning is found in a sufficient number of groups to be reconstructed for Proto-Mande. It appears as *da* and may alternate with *ra* or *la* in a postvocalic position.

- (47) *Sǔ* *bòrì-dà* (Malinké/Manden)
horse/DEF run-PPM
‘The horse ran’ [Creissels 2009: 160];
- (48) *Mògóórí* *tága-rà* *sènéé* *rá* (Dyula/Manden)
people/DEF leave-PPM field PP
‘The people have gone to the field’ [Sangaré 1984: 197];
- (49) *Kaiε* *don-da* *keηε* *lɔ* (Vai/Vai-Kono)
man enter-PPM house PP
‘The man entered the house’ [Heydorn 1971: 173];
- (50) *À* *kìnɔ̀-rà* *tèlè* *fèlà* *kɔ̀ɔ* (Lele/Mokole)
3SG sleep-PPM day two PP
‘He slept for two days’ [Vydrin 2009b];
- (51) *Dio* *berì-rε* (Jeri/Jogo-Jeri)
child beat-PPM
‘The child is beaten’ [Vydrin 1999a: 95].

Apart from this usage, the **da/*la* form has left some traces in the South-Western Mande perfective PPM **-a* which is attested in five of the six languages of the group. The omission of **l-* in auxiliary morphemes is a common process in South-Western Mande: cf. the assimilation of copula *lɔ* into *-ɔ* in Loko and Mende, or the shortening of negative *la* > *-a* in Bandi. The perfective marker **-a* in South-Western Mande may be tentatively compared to **da/*la* elsewhere. The same might be true for Mwan (Southern) *-à*, again indicating the perfective aspect. It is notable that in Vai, *-a* is another allomorph of *-da* appearing postvocally: *anu jεlε-a* ‘they returned’ [Heydorn 1971: 173].

Another cognate is found in the grammaticalised perfective PSM of various Western Mande tongues, derived from the finite verbal form of the verb ‘to finish’:

- (52) *Mùsà* *à* *wòrì’* *bàrà* *bán* (Dyula/Manden)
Musa 3SG money/DEF PSM finish
‘Musa’s money has finished’ [Braconnier 1989: I, 52];
- (53) *Xiixɔl-la* *bant’* *ee* *suxu* (Jalonke/Soso-Jalonke)
Sleep.envy-DEF PSM 3PL seize
‘Are they sleepy? (lit. ‘Has the wish to sleep taken them?’) [Lüpke 2005: 124];

Note also *ara/bará* in Koranko (Mokole) [Kastenholz 1987], to complete the picture. Vydrin [1999b] reconstructs the protoform of this perfective marker as **ban-Da*; I would probably

postulate **ban-da* and admit that we have enough evidence to reconstruct Proto-Western-Mande **da* as the perfective PPM.

Its origin from the locative noun **da* ‘place’, attested across Western Mande, is a probable hypothesis. If we accept the witty idea of Creissels that postpositions might reappear as PSMs following the topicalisation of indirect object phrases, this allows us to explain two cases of **da* in the PSM position: in Soninke (Soninke-Bozo) (54), and in Kpelle (South-Western) (55):

(54) *A da yinbe lo kurukurun wa*
 3SG PSM fire let granary PP
 ‘He has burned the granary’ (lit. ‘He has let the fire into the granary’) [Urmanchieva & Plungian 2006];

(55) *Ŋà-á Pépè wò béléáá káá*
 1SG-PSM Pepe POSS sheep see
 ‘I have seen Pepe’s sheep’ [Konoshenko 2009].

In Kpelle, the perfective morpheme *á* (Liberian *â*) has almost merged with the person marker; however, in Liberian dialects it still shows no fusion process and may be regarded as a syntactically separate morpheme comparable with PPM **-a* in other South-Western Mande languages.

I do not have enough evidence from Eastern Mande languages to supplement the evidence given above. Perfective PPMs are frequently found as *-a*, but I have no confirmation that this form should belong to the same cognate set. For the moment, I have to limit the reconstruction to Proto-Western-Mande.

3.5. Perfective negative **má*

This PSM is also reconstructible for Proto-Western Mande on the basis of evidence from Manden, Mokole, Jogo-Jeri, Vai-Kono, Soninke-Bozo, and Bobo:

(56) *Sékú má tigà sènè* (Bambara/Manden)
 Sekou PSM ground.nut cultivate
 ‘Sekou did not cultivate ground nut’ [Creissels 2007];

(57) *À máà nàà kúnún* (Kakabe/Mokole)
 3SG PSM come yesterday
 ‘He did not come yesterday’ [Vydrina 2008: 18];

(58) *Bakari ma daga Bamako* (Soninke/Soninke-Bozo)
 Bakari PSM go Bamako
 ‘Bakari did not go to Bamako’ [Soninke, ms.: 150];

(59) *Mù má kì bèènà* (Vai/Vai-Kono)
 1PL PSM sleep well
 ‘We did not sleep well’ [Welmers 1976: 84].

(60) *À má bèrè gá* (Bobo)
 3SG PSM fall NEG
 ‘It did not fall’ [Le Bris & Prost 1981: 232].

Phonetically, dialectal variants of this morpheme occur as *mo*, *maa*, but the diversity is not wide. The semantics of this marker is also quite uniform, covering meanings of the perfect, the aorist, the general past tense (preterite), etc. In Bozo (Soninke-Bozo) and Jeri (Jogo-Jeri), this PSM is in use in subjunctive, dependent clauses, in Jeri also in conditional ones. In Soso (Soso-Jalonke), the meaning of *mā* is primarily prohibitive. The whole cluster of these meanings, therefore, may be called «irrealis»: quite a widespread grammeme in Mande and, beyond that, in West African languages.

In Manden, Mokole and some other languages the perfective / irrealis meanings of this PSM are accompanied by the existential sense — *má* acts as a copula:

- (61) *Sila ma dyana*
 road COP long
 ‘The road is not long’ [Ellenberg, ms.].

The genesis of **má*, which is a reliable Proto-Western Mande root, is unclear. In Maninka, the perfective negation marker is *man / maŋ* (variable tone), possibly a retention of a proto-language triphonemic form. I did not manage to find a reliable lexical source for this marker, and would rather postulate it as a negative copula for Proto-Western Mande already.

4. Conclusions

These preliminary remarks aim at summarising the hypotheses and views on the origins of predicative markers in Mande, and at proposing a very short inventory of morphemes that look as more or less reliable candidates for the proto-language.

Descending onto group level, we predictably find more cognates and thus, more opportunities for successful reconstruction. Tröbs [2003] has showed much uniformity in imperfective markers and existential copulas in Manden, and some of his conclusions may probably be projected onto a higher level (although hardly onto Proto-Western Mande). The drastic reduction of morphemic form in Eastern Mande (especially Southern Mande languages) has led to the V-shape of the majority of markers or, even further, turned them into suprasegmental morphemes. This makes me quite cautious concerning the interpretation of any Eastern Mande evidence, and therefore, prevents me from postulating Proto-Mande markers. A more thorough study of tonal correspondences between auxiliaries in various Mande groups will inevitably present more interesting comparative conclusions.

Finally, it is highly advisable to look more attentively for external comparative data, an issue I have touched upon only briefly, for lack of space. Morphemes such as predicative markers do not migrate across areal language unions, and similarities between the families are almost always due to genetic relationship. Comparing the Mande data listed above with the available data in neighbouring and especially distant Niger-Congo languages, such as Ijoid, Bantu, or Kordofanian, may provide more evidence for their Proto-Mande origins.

List of Abbreviations

AOR	aorist	DEM	demonstrative	HORT	hortative
COP	copula	EXCL	exclusive	IM	initial marker
DEB	debitive	FUT	future	INCL	inclusive
DEF	definite marker	HAB	habitual	IPF	imperfect

IPFV	imperfective	PL	plural	PROSP	prospective
IRR	irrealis marker	PM	predicative marker	PSM	post-subject marker
LOC	locative	POSS	possessive	RES	resultative
NEG	negation marker	PP	postposition	SG	singular
OPT	optative	PPM	post-predicate marker	T	tense marker
PFT	perfect	PROG	progressive	TAM	tense/aspect and modality
PFV	perfective	PROH	prohibitive		

Literature

- (*A Bandi Grammar*). Manuscript. Monrovia: The Institute for Liberian languages. Vols. I–II.
- AMEKA, F. & M. E. KROPP DAKUBU (eds). 2008. *Aspect and Modality in Kwa Languages*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- ANYANWU, R.-J. 2010. *Tense, Aspect, and Mood in Benue-Congo Languages*. Köln: Rüdiger Köppe.
- BABAEV, K. 2011. *Zialo: The Newly Discovered Mande Language of Guinea*. München: LINCOM Europa.
- BEARTH, T. 1995. Nominal periphrases and the origin of the predicative marker in Mande languages — an alternative view. *Afrikanistische Arbeitspapiere* 41: 89–117.
- BENOIST, J.-P. 1969. *Grammaire gouro*. Lyon: Afrique et Langage.
- BIMSON, K.D. 1978. *Comparative Reconstruction of Proto-Northern-Western Mande*. Ph.D. Thesis. Los Angeles: University of California.
- BIRD, C. & M. KENDALL. 1986. Postpositions and auxiliaries in Northern Mande: syntactic indeterminacy and linguistic analysis. *Anthropological Linguistics* 28 (4): 389–403.
- BRACONNIER, C. 1989. *Dioula d’Odiéne (Parler de Samatiguila): Dictionnaire et études de linguistique descriptive*. Thèse pour le doctorat d’état. Grenoble: Université de Grenoble III.
- BYBEE, J. & Ö. DAHL. 1989. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language* 13,1: 51–103.
- BYBEE, J., PERKINS, R. & W. PAGLIUCA. 1994. *The evolution of grammar: aspect, tense and modality in the languages of the world*. Chicago & London: University of Chicago.
- CLAUDI, U. & D. MENDEL. 1991. Noun/verb distinction in Egyptian Coptic and Mande: a grammaticalization perspective. *Ägypten im afro-orientalischen Kontext. Afrikanistische Arbeitspapiere*. Köln: Institut für Afrikanistik. Pp. 31–53.
- CLAUDI, U. 1993. *Die Stellung von Verb und Objekt in Niger-Kongo-Sprachen. Ein Beitrag zur Rekonstruktion historischer Syntax*. (Afrikanistische Monographien, 1). Cologne: University of Cologne.
- CLAUDI, U. 1994. Word order change as category change. PAGLIUCA, W. (ed.). *Perspectives on grammaticalization*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins. Pp. 191–231.
- CREISSELS, D. 1997a. Postpositions as a possible origin of certain predicative markers in Mande. *Afrikanistische Arbeitspapiere* 50: 5–17.
- CREISSELS, D. 1997b. Une tentative d’explication de particularités typologiques de la négation en mandingue. *Mandenkan* 32: 3–21.
- CREISSELS, D. 2005. A typology of subject and object markers in African languages. E. K. E. VOELTZ (ed.). *Studies in African languages typology*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins. Pp. 445–459.
- CREISSELS, D. 2007. A sketch of Bambara argument structure. *Workshop on Grammar and Processing of Verbal Arguments*. Leipzig, 20–21 April, 2007.
- CREISSELS, D. 2009. *Le malinké de Kita. Un parler mandingue de l’ouest du Mali*. Köln: Rüdiger Köppe.
- DWYER, D. 1987–88. Towards Proto-Mande Morphology. *Mandenkan*, no. 14/15. Pp. 139–152.
- ELLENBERG. *Maninka-English Dictionary*. Manuscript.
- FLEISCH, A. 2000. *Lucazi Grammar*. Köln: Rüdiger Köppe.
- GIVÓN, T. 1975. Negation in languages: pragmatics, function, ontology. *Stanford Working Papers in Universals* 18: 58–116.
- GRÉGOIRE, Claire. 1988. An Attempt to Reconstruct Labial Consonants in Mande. DOMINICY, M. & J. DOR (eds). *Phonological reconstruction, problems and methods. Belgian Journal of Linguistics*, 3. Bruxelles: Editions de l’Université de Bruxelles. Pp. 101–155.

- HAMLIN, W. T. 1935. *A short study of the Western Mandinka language*. London: The Crown Agents for the Colonies.
- HEINE, B. 1980. Language typology and linguistic reconstruction: The Niger-Congo case. *Journal of African Languages and Linguistics* 2: 95–112.
- HEINE, B. & D. NURSE (eds). 2000. *African Languages — An Introduction*. Cambridge: Cambridge University press.
- HEINE, B. & D. NURSE (eds). 2008. *A Linguistic Geography of Africa*. Cambridge: University Press.
- HEINE, B. & M. REH. 1984. *Grammaticalization and Reanalysis in African Languages*. Hamburg: Buske.
- HEYDORN, R. 1940/41. Die Sprache der Bandi im nordwestlichen Liberia. *Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen*. Vol. 2. Pp.81–114, 188–217.
- HEYDORN, R. 1971. The Vai language in Liberia. *Afrika und Übersee*, Band 54. Pp. 149–205.
- HOOVER, C.L. 2000. *Tense and Aspect. Maninka Narrative Discourse*. M.A. Thesis. Arlington: Univ. of Texas.
- INNES, G. 1969. *A Mende-English Dictionary*. Cambridge: Cambridge University Press.
- INNES, G. 1971. *A Practical Introduction to Mende*. London: School of Oriental and Classical Studies.
- JONES, R. 2004a. *Boko Dictionary*. München: LINCOM Europa.
- JONES, R. 2004b. *Bokobaru Dictionary*. München: LINCOM Europa.
- KASTENHOLZ, R. 1987. *Das Koranko. Ein Beitrag zur Erforschung der Nord-Mande-Sprachen*. Bonn: Mundus.
- KASTENHOLZ, R. 1996. *Sprachgeschichte im West-Mande. Methoden und Rekonstruktionen*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 1996, 281 S.
- KASTENHOLZ, R. 2003. Auxiliaries, grammaticalization, and word order in Mande. *Journal of African Languages and Linguistics*, 24: 31–53.
- KIMBALL, L. 1983. *A Description of the Grammar of Loko*. Freetown: Institute for Sierra Leonean Languages.
- KONOSHENKO, M. 2009. Tonal Systems of nouns in Guinean and Liberian Kpelle. *Исследования по языкам Африки*, вып. 3 [Исследования по языкам Африки, 3]. P. 169–176.
- LE BRIS, P & A. Prost. 1981. *Dictionnaire bobo-français*. Paris: SELAF.
- LEIDENFROST, T. & J. MCKAY. 2005. *Kpelle–English Dictionary with a Grammar Sketch and English–Kpelle Finderlist*. Moscow (USA): Palaverhut Press.
- LONG, R. 1971. *A Comparative Study of the Northern Mande Languages*. Ph.D. Thesis. Bloomington: Indiana University.
- LÜPKE, F. 2005. *A grammar of Jalonke argument structure*. Ph.D. Thesis. Nijmegen: Radboud Universiteit.
- MARCHESE, L. 1986. *Tense, Aspect and the Development of Auxiliaries in Kru Languages*. Arlington: University of Texas.
- MONTEIL, C. 1932. *La Langue des Bozo: Population de pêcheurs du Niger*. Pp. 261–317.
- NURSE, D. 2007. *Tense and Aspect in Bantu*. Oxford: Oxford University Press.
- PEREKHVALSKAYA, E. 2006. The verbal system of Mwan. *Papers of the Institute of Linguistic Research*. Vol. 2, part 2. St.Petersburg: Nauka. Pp. 296–322. [Перехвальская, Е. В. 2006. Глагольная морфонология языка муан. // Труды Института лингвистических исследований. Т. 2, Ч. 2. СПб: «Наука». Стр. 296–322.]
- PLUNGIAN, V. & A. URMANCHIEVA. 2006. To the description of the verbal system of Soso (compared to Jalonke). VINOGRADOV, V. & A. KOVAL (eds). *Papers on African Languages — 2005*. Moscow: Institute of Linguistics for the Russian Academy of Sciences. Pp. 187–202. [В. А. ПЛУНГЯН, А. Ю. УРМАНЧИЕВА. К описанию глагольной системы языка сусу (в сопоставлении с джалонке) // В. А. ВИНОГРАДОВ, А. И. КОВАЛЬ (ред.). *Исследования по языкам Африки — 2005*. М.: ИЯз РАН, 2006, 187–202.]
- POZDNIAKOV, K. 1978. *The Mande languages: A comparative and historical analysis*. Ph.D. thesis. Moscow: Institute of Linguistics for the Academy of Sciences of the USSR. [К. И. ПОЗДНЯКОВ. *Языки манде: Сравнительно-исторический анализ*. Кандидатская диссертация. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1978.]
- PROST, A. 1967. *Lé loghoma, esquisse grammaticale suivie de textes et d'un glossaire*. Documents linguistiques, no. 13. Dakar: Institut fondamental de l'Afrique Noire.
- PROST, A. 1971. *Eléments de sembla: phonologie, grammaire, lexicque*. Afrique et langage: Documents, 5. Lyon.
- PROST, A. 1976. *Essai de description grammaticale de la langue boko ou boussa de Ségbana (Dahomey)*. Abidjan: Ann. Univ. Abidjan, série H, t. IX.
- SADLER, W. 2006 [1949]. A complete analysis of the Looma language. *Mandenkan*, 42, 2006 [1949]. Pp. 5–109.
- SANGARE, A. 1984. *Dioula de Kong (Côte d'Ivoire): phonologie, grammaire, lexicque et textes*. Thèse de 3ème cycle. Grenoble: Univ. de Grenoble III.
- SCHREIBER, H. 2008. Copula Constructions. Mande: a Preliminary Overview. *Mandenkan* 44, pp. 63–77.
- SHLUINSKY, A. 2006. A polysemy habitualis — futurum: marker *-ma* in Soso. *Papers on African languages — 2005*. Moscow: Institute of Linguistics for the Russian Academy of Sciences. Pp. 332–344. [ШЛУИНСКИЙ, А. Б. 2006.

- Полисемия хабиитуалис-футурум: показатель *-та* в языке сусу // *Исследования по языкам Африки* — 2005. М.: ИЯ РАН. Стр. 332–344.]
- SOLOMIAS, P. 2007. *Phonologie et morphosyntaxe du dzuungoo de Samogohiri*. Thèse doctorale. Lyon: Université Lumière Lyon 2.
- Soninke-French-English Dictionary*. Manuscript. Asawan Library, <http://www.asawan.org/>
- TRÖBS, H. 2003. On the origin of some predicative markers in imperfective constructions. *Manding*. *Mandenkan* n° 38 — p. 1–14.
- URMANCHIEVA, A. & V. PLUNGIAN. 2006. The verbal system of Soninke: grammatical variation and dialectal diversity. *Papers of African languages* — 2005. Moscow: Institute of Linguistics for the Russian Academy of Sciences. Pp. 187–203. [УРМАНЧИЕВА, А. Ю., В. А. ПЛУНГЯН. 2006. Глагольная система сонинке: грамматическая вариативность и диалектное членение // *Исследования по языкам Африки* — 2005. М.: ИЯ РАН. Стр. 187–203.]
- VYDRIN, V. 1987. *The Looma Language*. Moscow: Nauka. [ВЫДРИН В. Ф. 1987. *Язык лоома*. Москва: Наука.]
- VYDRIN, V. 2001. *Esquisse contrastive du kagoro (Manding)*. Köln: Rüdiger Köppe.
- VYDRIN, V. 2006a. On the Reconstruction of the Phonological Type and Nominal Morphology of Proto-Mande. *Works of the Institute of Linguistic Research*, vol. 2, no. 2. Pp. 9–252. St. Petersburg: Nauka. [ВЫДРИН, В. Ф. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // *Труды Института лингвистических исследований*. Т. II, ч. 2. СПб., 2006. Стр. 9–252.]
- VYDRIN, V. 2006b. Personal Pronouns in South Mande. *Works of the Institute of Linguistic Research*, vol. 2, no. 2. Pp. 327–413. St. Petersburg: Nauka. [ВЫДРИН, В. Ф. Личные местоимения в южных языках манде // *Труды Института лингвистических исследований*. Т. 2, ч. 2. СПб: Наука. Стр. 327–413.]
- VYDRIN, V. 2007. South Mande reconstruction: Initial consonants. *Aspects of comparative linguistics 2* [Аспекты компаративистики 2]. *Orientalia et classica XI: Труды Института восточных культур и античности*. Moscow, 2007. С. 409–498.
- VYDRIN, V. 2008. *The Vatana language: A manual*. St.Petersburg: St.Petersburg University. [ВЫДРИН, В. Ф. 2008. *Язык бамана: Учебное пособие*. СПб: СПбГУ.]
- VYDRIN, V. 2009a. On the Problem of the Proto-Mande Homeland. *Journal of Language Relationship*, vol. 1. Pp. 107–142.
- VYDRIN, V. *Negation in South Mande*. Manuscript.
- VYDRINA, A. 2008. *The phonological system of Kakabe*. St.-Petersburg: St.Petersburg University. [ВЫДРИНА, А. В. 2008. *Фонологическая система языка какабе*. Курсовая работа. СПб: СПбГУ.]
- VYDRINE, V. 1999. Compte-rendu: Holger Tröbs. Funktionale Sprachbeschreibung des Jeli (West-Mande). *Mande languages and linguistics*; Vol. 3. Köln: Köppe, 1998. *Mandenkan* 35: 95–99.
- VYDRINE, V. 2009b. Esquisse de la langue lélé (groupe mokolé). *Mandenkan* n° 45. P. 29–104.
- WELMERS, W. 1973. *African Language Structures*. Berkeley — Los Angeles — London: University of California.
- WELMERS, W. 1976. *A Grammar of Vai*. Berkeley: Univ. of California.
- ZHELTOV, A. 2002. Syntax, deixis and pragmatics: grammar with no borders or super-flectivity in an analytic language (a brief sketch of the verbal system of Gban). *The Southern Mande: Linguistics in African Rhythm. Materials of St. Petersburg Expedition to Cote d'Ivoire*. St. Petersburg: Evropejskij Dom. Pp. 39–61. [ЖЕЛТОВ, А. Ю. 2002. Синтаксис, дейксис и прагматика: грамматика без границ или суперфлексивность в аналитическом языке (краткий очерк глагольной системы языка гбан) // *Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар*. СПб: «Европейский Дом». С. 39–61.]

В статье обсуждаются вопросы происхождения и диахронического развития грамматических показателей времени / аспекта, наклонения и отрицания глагола в языках семьи манде (Западная Африка). Работа содержит обзор гипотез и точек зрения относительно генезиса глагольных предложений в языках манде с точки зрения типологии, а также пробную реконструкцию некоторых грамматических показателей глагола в языке семьи манде или их лексические источники.

Ключевые слова: реконструкция, сравнение, языки манде, языки нигер-конго, африканские языки, праязык, время, аспект, наклонение, полярность, грамматические показатели, глагольная система

On the Burushaski–Indo-European hypothesis by I. Čašule*

The paper deals with a relatively recent hypothesis, put forward by the scholar I. Čašule, according to which the Burushaski language, traditionally considered an isolate, actually belongs to the Indo-European linguistic stock. The authors approach Čašule's hypothesis from the comparative side, evaluating phonological, morphological, and lexical arguments in its favour side by side with the corresponding arguments in favour of the Dene-Caucasian hypothesis, according to which Burushaski forms a separate one-language branch of the vast macrofamily that also includes Na-Dene, Sino-Tibetan, North Caucasian, Basque, and Yeniseian languages.

It is concluded that arguments for the Dene-Caucasian status of Burushaski quantitatively override the Indo-European-Burushaski hypothesis by a very large margin; suggested Indo-European connections are either highly unsystematic (when it comes to phonetic correspondences), sporadic and insufficient (in morphology), or practically non-existent (in basic lexicon). Consequently, all of the resemblances between Indo-European and Burushaski must be ascribed to (a) recent contacts between Burushaski and Indo-Aryan languages, (b) chance resemblances, or (c) in a very small number of cases, traces of «ultra-deep» relationship that do not represent exclusively «Indo-European-Burushaski» connections.

Keywords: Indo-European linguistics, Burushaski language, macrocomparative linguistics, Dene-Caucasian macrofamily, language isolates.

Over the last two decades, Ilija Čašule has published a monograph (Čašule 1998) and an article (Čašule 2003) in which he attempts to show that the Burushaski language — traditionally considered an isolate — is a member of the Indo-European language family. One of the authors has already published a critique of the 1998 monograph (Bengtson 2000). In this article we shall mainly be dealing with the 2003 article in JIES, and all page number references will be to the latter work.

While we agree with Čašule that there are some affinities between Burushaski (Bur) and Indo-European (IE), we do not consider Bur a part of the IE family, or even of the postulated deeper macro-family to which IE belongs (Nostratic or Eurasiatic), and we intend to show that

* We are deeply indebted to the work of the late Sergei A. Starostin, who, in the last few months of his life, worked intensively on the Burushaski language and its relationship with Dene-Caucasian languages. The results can be seen in his DC phonology and glossary, and EHL/ToB etymological databases (see References). Since his father's passing Georgiy (George) Starostin has continued to work with us and we are grateful to him. We are thankful for useful comments from Elena Bashir, Bertil Tikkanen, and Michael Witzel. We are also deeply thankful to the Evolution of Human Language Project, Santa Fe Institute, and Murray Gell-Mann, and the Centre for the Interdisciplinary Research of Ancient Languages and Older Stages of Modern Languages (MSM 0021622435), Masaryk University Brno, for their support.

a large part of the resemblances between Bur and IE can be explained as areal, *i.e.*, the results of long-term contact and borrowing — in both directions — between Bur and surrounding IE languages.¹

However, we shall not simply demolish Čašule’s hypothesis without providing what we consider a better, more plausible, and more probable alternative for the classification of this fascinating (Bur) language. We shall present evidence that Bur is more likely a member of the Dene-Caucasian (or Sino-Caucasian) macro-family. This is of course not a new idea: it was pre-figured long ago by scholars such as Karl Bouda, O. G. TAILLEUR, V. N. TOPOROV, and others. Recently this hypothesis has been given a firmer grounding using traditional historical linguistic methods: see, e.g., Bengtson (1997a, 2001a, 2008a), Blažek & Bengtson (1995), Starostin (n.d., 2005a, 2005b). While it is not possible to present all the evidence for this latter view (see the references), we think some salient aspects of the phonology, morphology, and lexicon of Bur are enough to indicate the greater probability of its Dene-Caucasian (DC) affiliation.²

Phonology

At first glance Čašule’s comparison of IE and Burushaski phonology seems impressive. An ample number of examples is cited, and superficially it seems that Čašule (henceforth “Č”) has made a good case for a correspondence between IE and Burushaski phonology. However, on closer examination a number of problems appear.

(a) Some “Bur” words cited for comparison are actually loanwords from Indo-Aryan or Iranian languages. Thus, *dumáš* ‘cloud of dust, smoke, water’ (p. 31) is clearly borrowed from Old Indic³ *dhūmāḥ* ‘smoke, vapor, mist’⁴ (even the accent is the same); *púrme* ‘beforehand, before the time’ (p. 34) is isolated in the Bur lexicon and looks like a derivative of OI **purima-* > Pali *purima-* ‘earlier’ (CDIAL 8286; cf. Eng. *former*); *badá* ‘sole, step, pace’ (p. 40) appears to be from OI *padám* ‘step, pace, stride’ (CDIAL 7747), and perhaps others.

(b) Some comparisons adduced in support of the correspondences are semantically tortuous if not utterly dubious. For example, IE **d^heu-* ‘to die, to lose conscience (sic)’ ~ Bur *diú* ‘lynx’ (p. 36); IE **h₂erǵ-nt-om* ‘white (metal), silver’ ~ Bur *hargín* ‘dragon, ogre’, etc.

(c) The proposed correspondences are not consistent and do not form a coherent system. For example, IE **ǵ*, **ǵ^h* are said to correspond to Bur *g* (voiced velar stop) or *ǵ* (voiced uvular fricative) (p. 39), apparently in free variation, but in Bur *bérkat* ‘summit, peak, crest; height’ (pp. 30, 35) IE **ǵ^h* is matched with Bur *k* (voiceless velar stop), in Bur *buǵhéni* ‘a type of goat’ (p. 31) IE **ǵ* is matched with Bur *qh* (aspirated uvular stop or affricate), and in Bur *je, já* ‘I’ (p. 72) IE **ǵ^h* is matched with Bur *j* [ǰ = dǰ]. IE **k^w* is said to correspond to Bur *k* (voiceless velar stop) (p. 38), but in Bur *-sógut* ‘the side of the body under the arm; bosom’ (p. 30) it is matched with Bur *ǵ* (voiced uvular fricative), while in Bur *waq* ‘open the mouth, talk’ (p. 38) it is matched with Bur *q* (voiceless uvular stop). PIE **w* (**u*) becomes Bur *w* in *waq* ‘open the mouth,

¹ The authors accept Nostratic/Eurasiatic and Dene-Caucasian as working hypotheses that represent, in our opinion, the best available explanations for language classification in northern Eurasia (see, e.g., Bengtson 2008b, Blažek 2003, 2008).

² For some history of the DC hypothesis see e.g. Bengtson (1994), Blažek & Bengtson (1995), Peiros (1988), Ruhlen (1996, 1998a, 2001).

³ Old Indic (OI) here encompasses Vedic and Classical (Sanskrit) forms of OI.

⁴ H. Berger (p.c. to author Bengtson) regarded Bur *dumáš* as a loanword from Indic (CDIAL 6849). See Bengtson (2001b, p. 185).

talk’ (p. 38),⁵ but *b* in *buđóo* ‘rinsing water; water that becomes warm in the sun’ (p. 31).⁶ For Č the Bur uvulars (*q*, *qh*, *ğ*) are merely variants of the velars and do not form an historical class of their own (but see [d.3] below).

(d) Č totally overlooks (or minimizes) many distinctive features of the Burushaski phonological system. These features include (1) the retroflex stops, (2) the phoneme /y/, (3) the uvular consonants, (4) the tripartite sibilant contrast /š ~ ś ~ s/, and (5) the cluster *-lt-*, and the *t-* ~ *-lt-* alternation (corresponding, we think, to Dene-Caucasian lateral affricates). We reproduce below (with minor modifications) the table of Burushaski consonants presented by Berger (1998, I: 13):

uvular	velar	retroflex	dental	retroflex	palatal	laminal	labial
				ʂ	ś	s	
qh	kh	ṭh	th	çh	čh	ch	ph
q	k	ṭ	t	ç	č	c	p
ğ	g	ḍ	d	ǰ	j	z	b
	ŋ		n				m
h		r	l	y			

Table 1

(1) **The retroflex stops.** Č (pp. 26–27) claims “We do not know the genesis of the retroflex consonants in Bur ... we cannot know with certainty whether Bur originally possessed aspirates and cerebrals or whether these phonemes were acquired from IndoAryan.” Although Č does not discuss it, the DC hypothesis provides a ready explanation for at least some of the retroflex consonants in Bur:⁷

- Bur **giṭ* ‘anus; vulva; intestines with inner fat’ < **girt* or **gilt* ~ Caucasian: PEC **kwilṭV* (Dargwa *kuḷṭa* ‘belly, stomach’, Agul *guṭul* ‘kidney’, etc.)⁸ ~ PY **giṭd* ‘fat’: Ket, Yug *kiṭt*, Kott *kīr*, Arin *ki* (NCED 711, CSCG 119)
- Bur **-phaṭ* ‘gizzard, stomach of fowl’ < **phart* ~ Caucasian: PEC **pHVrṭwV* (Bezhta *pirṭi* ‘lung, bladder’, Archi *paṭṭi* ‘large intestine’, etc.)⁹ ~ Basque **e-purdi* ‘buttocks, rump’ (NCED 871, CSCG 160)¹⁰
- Bur **ğiṭ* ‘slime’¹¹ < **ğirt* ~ Caucasian: PEC **λwirdi* (Avar *xwerd* ‘pus’, Agul *furd* ‘dung’, etc.) ~ Basque **lirdi* ‘drivel, saliva’ ~ PST **lṽt* ‘mucus, phlegm’ (Tibetan *lud* ‘phlegm, mucus; manure, dung’, etc.) (NCED 763, LDC 19, CSCG 132)

⁵ See CSCG (p. 8) for an alternative comparison with DC.

⁶ Cf. instead OI **buḍyati* ‘sinks’, Marathi *buḍbuḍ* ‘sound of bubbling’, etc. (CDIAL 9272).

⁷ It is important to note that **ṭ* in Nikolaev’s & Starostin’s Caucasian reconstructions does not denote a retroflex stop but rather a *glottalized* stop (similarly with other glottalized obstruents: *ṭ*, *ç*, *č*, *ç*, *ḍ*, *ǰ*, *k*, *q*). On the other hand, in this paper *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍ*, *ç*, *çh*, *ǰ*, *y* in Burushaski words always denote retroflex obstruents.

⁸ Some Caucasian words, e.g. Udi *gurdak* ‘kidney’, Tabasaran *gurdum* id., seem to reflect influence of Persian *gurde* ‘kidney’. Perhaps in some cases there is a blend of the Persian word with Proto-Lezgian **k:wirṭ-* (*k:wilṭ-*?) (thanks to E. Bashir, pc.).

⁹ *q* represents a pharyngealized vowel, also (confusingly) written *al*, where *l* represents the *paločka* in the Cyrillic orthography of Caucasian languages (Catford 1977: 296).

¹⁰ Assuming a semantic development such as ‘large intestine > colon > rectum > buttock’ in Basque. Cf. OI *gudā-* ‘intestine, entrail, rectum, anus’, Sindhi *guī* ‘anus, posterior’, etc. (CDIAL 4194).

¹¹ ‘Schlamm (feucht oder ausgetrocknet)’ (Berger 1998). E. Bashir (pc.) suggests possible Indo-Aryan origin: cf. Panjabi *giḍḍ* ~ *gidd* ‘matter that accumulates in the corner of the eye’.

- Bur **čhaḍ-úm* ‘narrow’¹² < **čhard-* ~ Caucasian: PEC **čHVrdV* ‘narrow’ (Avar *č:edera-b*, Dargwa Akushi *čarṭa*, etc.) ~ PY **toʔd-* (~ **coʔd-*) ‘shallow (of a river)’ (NCED 387, CSCG 199)
- Bur **gaṭú* ‘clothes’ < **gart-* ~ Caucasian: PEC **gwiṛdwV* ‘a kind of clothing’ (Avar *gordé* ‘shirt’, Dargwa Akushi *gurdi* ‘dress’, etc.) ~ PY **χʊʔt(ir₁)* ‘cloth, felt’ > Arin *qot, kot* ‘trousers’, etc. (NCED 449, CSCG 223)

These examples suggest that the Proto-DC intervocalic clusters **-lt-*, **-rʔ-*, **-rd-* regularly correspond to Bur retroflex consonants. While this process does not account for all occurrences of retroflex consonants in Burushaski, it does indicate a very old origin of the retroflex series that is analogous to the origin of retroflexes in Indo-Aryan.¹³ (See below for the development of a new cluster /lt/ in Bur.)

(2) The Bur phoneme /y/. Č (p. 25) briefly mentions Bur /y/, but it has no real place in his IE-Bur phonology. As far as we can see, /y/ figures in only one of Č’s Bur-IE comparisons, that of Bur *ḡuy-aṅ* ‘hair’ with IE **gour-* ‘hair’ (p. 32). Č provides no explanation of why IE **r* becomes Bur /y/ in just this one case.¹⁴ This seems to us a very unsatisfactory treatment of this important Bur phoneme. Before presenting our view of the genesis of /y/, some further information is necessary:

Burushaski and Ḍomāki (an Indo-Aryan language spoken in parts of the Burushaski-speaking area)¹⁵ have an unusual consonant [y], variously described as “a fricative *r*, pronounced with the tongue in the retroflex (‘cerebral’) position” (Morgenstierne 1945), “a kind of *r* ! *y* and *ž*” (Lorimer 1937: 72), “a voiced retroflex sibilant with simultaneous palatal-dorsal narrowing” (Berger 1998), “a curious sound whose phonetic realizations vary from a retroflex, spirantized glide, to a retroflex velarized spirant” (Anderson, ms.). Because of the elusive character of this sound, it has been transcribed in various ways; for example, the word for ‘my father’, transcribed here as *áya*, is found in the literature as *aiyah*, *álya*, *āgha*, *aya*, or *ara*.

As noted by Morgenstierne (1945), Bur [y] in loanwords from Indo-Aryan derives from the retroflex sound **r*, which in turn can come from **t*, **d*, **dh*. Morgenstierne and Berger cite the examples:

- Bur (H,N) *day* ‘fat, strong, robust’ < OI *dr̥dha-* (Beiträge 36, no. 3.35)
- Bur (H,N) *báyum* ‘mare’ < **vaḍam-* = OI *vaḍabā-* (Beiträge, ibid.)
- Bur (H) *páayo*, (N) *páyo*, (Y) *pálu* ‘wedge’ < OI *pāṭaka-* (Beiträge 24, no. 3.13)
- Bur (H, N) *kiláay* ‘beesting curds’ = Late OI *kilāṭa* ‘cheese’ (but see further below)

Note also:

- [y] is heard in the Hunza and Nager dialects, but not in Yasin (“Werchikwar”), where [y] either corresponds to zero (as in *ba* for *bay* ‘millet’) or a different phoneme: Yasin *pálu* ‘wedge’ ~ (H) *páayo*, (N) *páyo*; Yasin *khaç* ‘(stony) shore, bank’ ~ (H, N) *khay*, etc.;

¹² The variant (Y, H) *č(h)an-úm* appears to be contaminated by the verb *du-č(h)an-*.

¹³ “The development **lt* > retroflex is evident also from early Indo-Aryan, and later again in the Prakrits. Nostraticists explain Dravidian retroflexes in the same way. This areal tendency should probably not be attributed to influence of Dravidian (which is not seen in the early Rgveda), but as an areal feature of the Northwest (of Greater India), as seen in Bur, Pashto, Old Indic of the Rgveda, and later also Khotanese Saka.” (M. Witzel, pc.)

¹⁴ /y/ is also seen in Č’s comparison of Bur *biy* ‘butter’ with IE **pī-* ‘fat’ (p. 40), though no IE suffix corresponding to Bur *-y* is proffered.

¹⁵ Ḍomāki, an endangered language, is spoken in the village of Mominabad (Hunza) and in a couple of villages in Nager (B. Tikkanen, p.c.).

- Berger (1998 I: 22, note 8) also finds [y] similar to the Tamil sound commonly transcribed as *l*;
- Place names confirm the ancient affinity of [y] with [l] or other laterals: Bur *Námáy* = Normal; *Punyáāy* = Punial (Lorimer 1937: 73);
- The Bur word (H, N) *kiláay* ‘Quark aus Biestmilch’ is found in Vedic as *kilāla*- ‘beestings, a sweet drink’ (Witzel 1999: 3), also in Khowar as *kilāl*, *kilāri*;
- Some Indo-Aryan dialects (including those of some Vedic texts) have/had a retroflex *l* corresponding to the *ḷ* of Classical OI,¹⁶ as in Ved. *nīlá*- ‘nest’ = Skt. *nīḷa*- < PIE **nizdó*-.

With that background, we propose that Burushaski [y] — apart from loanwords — ultimately derives from laterals (**l*, **l̥*) and clusters involving laterals (e.g., **l̥c*, **l̥č*, **l̥χ*, **fil*) in Proto-DC. The following examples support this interpretation:

- Bur **ḡay* ‘thread, strand (in weaving)’ ~ Caucasian: Lezgi *kal* = *ḡal* ‘thread’, etc. < PEC **χālV* ‘sinew, thread’ (NCED 1067) ~ Basque: **ha[l]i* ‘thread, yarn, filament, wire’
- Bur **khiy* > (H,N) *khiy* ‘leaf’, (Y) *khi-án* ‘(fallen) leaves’ ~ Caucasian: Tindi *koli*, Abkhaz *a-ḡála* ‘sheaf’, etc. < PNC **k̥əwł̥V̄* (NCED 690).
- Bur **qhiyé* > (H,N) *qhiyé* ‘(single, small) stones, gravel’ ~ Caucasian: Archi *ḡ^wil* ‘rock, cliff’, Abkhaz *a-ḡ^wa-rá* ‘rocky river bank’, etc. < PNC **ḡwitā* (NCED 939)
- Bur **bay*, (Y) *ba* ‘(small-grained) millet’ ~ Caucasian: Chechen *borc* ‘millet’, etc. < PNC **bōl̥cwi* (NCED 309, CSCG 15)
- Bur **huy-* ‘to dry’¹⁷ ~ Caucasian: Dargwa Urakhi = *irč-/uč-* ‘to roast, fry’, etc. < PEC **=i[l]čwĒ* ‘to roast, fry, dry’ (NCED 633, CSCG 103)
- Bur **huyóo* > (H,N) *huyóo* ‘wool animal, sheep’ ~ Caucasian: Chechen *ḡāχa-r* ‘lamb’, Andi *iχo* ‘sheep, ewe’, etc. < PNC **ḡilχU* (NCED 247, CSCG 265)
- Bur **ḡuy* ‘hair’¹⁸ ~ Caucasian: Chechen *ēχang* ‘woollen thread, yarn’, Rutul *arχ* ‘spring wool’, Tsakhur *arχ* ‘autumn wool’, etc.¹⁹ < PEC **ḡālχV* ‘wool’ (NCED 242) ~ Basque **ulhe* ‘hair, wool’
- Bur **ḡaqáy(-um)* ‘bitter; unsweetened; sour’ > *ḡaqáy(-um)* (H,N), *qaqám* (Y) ~ Caucasian: Archi *ḡala* ‘bitter’, Khinalug *ḡilez* ‘salty’, Ubykh *ḡaqá* ‘sweet’, etc. < PNC **ḡěfilV* (~ *-t-*) (NCED 912) ~ PY **qVqVr* ‘gall; bitter’ ~ Basque: **kerac* ‘bitter, sour; stench’ (CSCG 236)²⁰

The following examples indicate DC lateral suffixes (**-alV*, **-ulV*, **-ilV*) with the reflexes /ay/, /uy/ in Bur:

- Bur **tumáy* ‘shell of nut, fruit stone’ ~ Caucasian: Archi *ḡummul* ‘grape’, Budukh *ḡombul* ‘plum’, etc. < Proto-Lezgian **ḡum(:)ul* (beside suffixless Chechen, Ingush, Batsbi *ḡum* ‘marrow; kernel of fruit, nut’) < PNC **ḡūmhV* ‘kernel, nut, fruit-stone; marrow’ (NCED 1004, CSCG 205)

¹⁶ “The Rgveda originally did not have [retroflex *l*] but acquired it only during [oral] transmission, by c. 500 BCE. And Pāṇini also does not have it in his grammar ... He does not even have the vowel *l* [l̥], just the vowel *r* [r]. The later Vedic (Post-Rgveda) record is quite checkered [in regard to retroflex *l*]. The Delhi area and some texts east and south of it had such a retroflex. ... [retroflex *l*] is now found in the mountain area of Indo-Aryan, from the Afghan border to the western Nepalese border.” (M. Witzel, p.c.).

¹⁷ (H, N) *b-úy-*, (Y) *b-u-*, *du-hu-*.

¹⁸ (Y) *ḡóyan*, (H,N) *ḡuyán* ‘hair’ (both with ordinary /y/), (N) *-thóḡuy* ‘fine hair of small children’, also in (H) *phul-ḡúuy*, (N) *phur-ḡúuy* ‘feather’.

¹⁹ /χ/ denotes the Caucasian pharyngealized voiceless uvular affricate = NCED /χI/.

²⁰ For semantics, cf. Albanian *ëmbël* ‘sweet’, Armenian *amokh* ‘sweet’, maybe cognate with Latin *amārus* ‘bitter’, Old Swedish *amper* ‘sauer, scharf, bitter’, etc.

- Bur (N) *-pháǵuy* ‘stick, walking-stick’ (beside [H] *-pháǵo*) ~ Caucasian: Andi *moq’ol* ‘ceiling’ (beside suffixless Avar *moq’*: ‘pole’, Tsez *maq* ‘short stick, rod’,²¹ etc.) < PNC **bhānqǎ* ‘pole, post’ ~ Basque **makila* ‘stick, cane’ (beside Bizkaian *mak-et* ‘club’, with a different suffix)²² (NCED 295, CSCG 14)
- Bur *qarúuyo* (H), *ǵarúuyo* (N) ‘heron’ ~ Basque **kuřV(-lo)* ‘crane’ (Bizkaian, Gipuzkoan *kurrillo*, *kurlo*, Zuberoan *khürlo*, vs. suffixless Low Navarrese *kurru*, Roncalese *kurri*);²³ Caucasian words for ‘crane’ display a variety of suffixes and reduplications: cf. Chechen *karbuli* = *ǵarǵuli*, Andi *q:urru*, Karata *q:uru-n*, Adyge *q:araw* ‘crane’, etc. < PNC **ǵārāǵwV* beside the simplex **ǵwVrV* (NCED 914–5, CSCG 237).

We believe we have shown that the Bur phoneme /y/ is an integral feature of the language, and that only the DC model provides a plausible explanation of its origin.

(3) The uvular consonants. The Bur uvular consonants, as a class, are totally ignored by Č, to whom /q/, /qh/, and /ǵ/ are simply erratically occurring variants of /k/, /kh/, and /g/. We intend to show that the Bur uvulars constitute a class of importance and long standing in the language, and can be derived from the DC uvulars.²⁴

- Bur *qarúuyo* ~ *ǵarúuyo* ‘heron’ ~ Basque **kuřV(-lo)* ‘crane’ ~ PNC **ǵārāǵwV* / **ǵwVrV* ‘crane’ (see above)
- Bur **qVt-* > *-qat* (H), *-qhat* (N), *-qet-araŋ* (Y) ‘armpit’ ~ Caucasian: Avar *me-héd* ‘brisket (chest of animal)’, Bezhta *vade* = *ǵade* ‘brisket’ < PEC **qVdV* (NCED 897) ~ PY **qot-* (~*χot-*) ‘in front, before’ (cf. Eng. *abreast*, etc.) (CSCG 170)
- Bur **qorqor-* > (H) *qorqór* ‘soft porous stone’, (N) *qoqór* ‘small stones’ ~ Caucasian: Dargwa *q:arq:a* ‘stone’, etc. < PEC **GörGV*²⁵ ~ Basque **gogoř* ‘hard’
- Bur **quś-* > (Y) *quś* ‘armpit (of clothing)’ ~ Caucasian: PNC **ǵHwačǐ* ‘hole, hollow’ > Chamalal *q:učǎ* ‘vagina’, Lezgi *quč* ‘armpit’, etc. (NCED 922, CSCG 176)
- Bur. **qaq-* ‘dry, hungry’ ~ PY **qV[(?)G]i-* ‘dry’: Kott *xújga*, Arin *qoija*, etc. ~ PNC **GwiGwǎr:* Lak *q’a-q’-* ‘dry’, etc. (CSCG 223)
- Bur **qhaś-* > *-qhásin* (H,N) ‘hind end, arse’, *-xásan* (Y) ‘female sex organ’ ~ Caucasian: Udi *qoš* ‘behind’, etc. < PEC **-VqV* (NCED 1026)
- Bur **qhát-* > *-qhát* (H,N), *-xát*, *-xat* (Y) ‘mouth’ ~ Caucasian: Lak *qit* (dial. *q^wit*, *qut*) ‘Adam’s apple, beak’, etc.²⁶ < PEC **qwǎti* (NCED 905, CSCG 172)
- Bur **qhurc* ‘dust’ ~ Caucasian: Tsez, Khwarshi *qec* ‘dirt, mud, slush’, Lezgi *χanc* ‘a layer of hardened dirt’, etc. < PNC **qānVčwV* (NCED 884, CSCG 169)

²¹ /ǵ/ denotes a pharyngeal vowel = NCED /aI/.

²² The supposed derivation of **makila* from Latin *bacilla* (pl.) ‘sticks’ (Trask 2008: 281) seems to us to be rather a case of chance resemblance. Lat. *bacilla* cannot account for the Bizk. form *maket*. Lat. *bacillum*, *baculum* are themselves suspect, having the rare PIE phoneme **b-*, and reflexes of PIE **bak-* (if it existed) are found only in western IE languages for which hypothetical DC-like substrata have been supposed.

²³ One could suspect derivation of the Basque words from Romance (cf. Latin *grūs*, Italian *gru*, French *grue*, Spanish *grúa*, *grulla*), but the Basque words always have initial /k/ vs. Romance /g/, and in Romance a lateral suffix is found only in the Castilian variant *grulla*, where we can suspect Vasconic influence, or a blend of Romance *grúa* + Basque *kurrillo*. The Basque simplex forms Low Navarrese *kurru*, Roncalese *kurri* are parallel to the Caucasian simplex forms such as Andi *q:urru*, Karata *q:uru-n* ‘crane’ (NCED 915).

²⁴ In Basque all DC uvulars become velars /k, g/ or the spirant /h/; in a few cases **G^w* > **g^w* > /b/.

²⁵ < **GörqV* or **qörGV*?

²⁶ /i/, /u/ denote pharyngealized vowels = NCED /iI/, /uI/.

- Bur **qhái* ‘revenge’ ~ PY **χV(?)j-* ‘to be angry’ ~ Caucasian: Udi *χuj* ‘anger’, Dargwa *qa* ‘oath’, etc.²⁷ < PEC **qwějV̄* (NCED 901, CSCG 171)
- Bur *-qhúrpat* (H,N), *-xórpēt* (Y) ‘lung’ ~ ? Cauc.: Tsez *χoṭori*, Lak *hutru*, etc. ‘lung’ < PEC **qwalθV(rV̄) ~ *χwalθV(rV̄)* (NCED 901) ~ ? Basque **hauspo* ‘bellows, lungs’ (LDC 22)²⁸
- Bur **qhVltá* ‘sack, pocket’ > (H) *qhiltá*, (N) *qháltá*, (Y) *xalt(y)á* ~ Caucasian: Akhwakh *q:ēḷe* ‘sack, pillow’, etc. < PEC **GHřrλwV* (NCED 457, CSCG 55)
- Bur **ğaqáy(-um)* ‘bitter; unsweetened; sour’ ~ PNC **q̄ēhlV* ~ PY **qVqVr* ‘gall; bitter’ ~ Basque **keraç* ‘bitter, sour; stench’, etc. (see above)
- Bur **ğul* ‘grudge, enmity, hatred’ ~ Caucasian: Avar *ƙ^wel* = *ğ^wel* ‘gossip, rumor; abuse’, Khinalug *qol* ‘offence’, etc. < PEC **Gwāltho* (NCED 465) ~ PY **qə(?)r-* (χ-) ‘angry’ ~ Basque **bVrhao / *bVraho* ‘curse, blasphemy’ (CSCG 55)
- Bur **cháğur* ‘chest or box for grain or meal’ ~ Caucasian: Avar *cağúr* = *cağúr* ‘corn bin, barn’, Chechen *cχar* ‘penthouse’, etc. < PEC **cVGVr-* (NCED 328, CSCG 189)
- Bur *ğónderes*, *ğondoles* (Y) ‘water that runs over many stones’ ~ Cauc.: Botlikh *ƚadaru* = *ğadaru* ‘stream, brook’, Lak *qtara* ‘mountain stream’, etc. < PEC **GHwadVrV* (NCED 478, CSCG 185)
- Bur **ğórqu-* > *ğúrqun* (H), *ğúrquc* (N), *ğórkun* (Y) ‘frog’ ~ Caucasian: Tindi *qorq:u*, *qoq:u*, Khinalug *qurqor*, Kabardian *ħandər-q:ˀāq:ˀa*, etc. ‘frog’ < PNC **q̄wVrVq̄V̄* (NCED 942) ~ PY **xəʔr-* ‘frog’ > Ket, Yug *ɹʔl*, Arin *kere* (CSCG 243)
- Bur **ltağ* > *tağ* (Y) ‘branch, shoot’²⁹ ~ Caucasian: Avar *λ:ox*: ‘stubble’, etc. < PEC **λhwāχV* ‘stick, chip’ (NCED 778, CSCG 137)
- Bur **ğay* ‘thread, strand (in weaving)’ ~ PEC **χātV* ‘sinew, thread’ ~ Basque **ha[l]i* ‘thread, yarn, filament, wire’ (see above)

The Bur uvulars are thus far from being merely peripheral and erratic variations of the velars: they constitute an integral series in the Bur phonological system that cannot be understood apart from the DC context from which they arose.

(4) The tripartite sibilant (and sibilant affricate) contrast. A sibilant contrast with three points of articulation that carries through to sibilant affricates, though ignored by Č, is a significant feature of Burushaski phonology that did not exist in Proto-IE,³⁰ but is characteristic of Caucasian languages as well as of Basque. Below is the Burushaski system as outlined by Berger (1998, I: 13):

laminal	palatal	retroflex
s	ś	ʂ
ch	čh	çh
c	ć	ç
z	j	ḷ

Table 2

²⁷ /a/ denotes a pharyngeal vowel = NCED /aI/.

²⁸ A questionable comparison. At the very least, there have been some irregular changes and/or contaminations, e.g. Basque **hauspo* with **hauç* ‘dust’, etc.

²⁹ See below for the correspondence of Bur *t-* with Caucasian lateral affricates.

³⁰ Unlike most IE languages, Old Indic had a triple contrast (*s*, *ś*, *ʂ*). We suggest that this was an areal feature acquired by early Indic as its speakers sojourned in the Hindu-Kush area. “A good point again about the three sibilants in IA: Iranian only has two (*š* and *s*). I agree with your assessment as an areal feature: again the NW [northwestern Greater India]. Note that many other forms result from the NW predilection for ‘bending back the tongue’: (PIE) **rēk’s* > **rāçš* > **rāçš* > (Skt) *rāṭ* (nom. ‘the king’).” (M. Witzel, p.c.).

This is very similar to the slightly more complex system reconstructed for Proto-Caucasian (NCED, p. 40; palatal = hissing-hushing):

hissing	palatal	hushing
s	ś	š
z	ź	ž
c	ć	č
ʒ	ʒ̣	ẓ̌
ç	ć̣	č̣

Table 3

And cf. the more simplified system of Basque (Hualde 1991):

lamino-alveolar	apico-alveolar	palatal
s	ś	š
c	ć	č

Table 4

In the Basque orthographic system the sounds /s/, /ś/, /š/, /c/, /ć/, /č/ are denoted by the letters *z, s, x, tz, ts, tx*, respectively.

We think it interesting that this characteristic DC pattern has been maintained to the present day in widely separated descendant languages. Naturally, there have been extensive changes, but the systems as a whole have remained.

The following comparisons are typical of the Bur system of sibilants and affricates and their relationship to those of other DC languages. Note that some of the phonetic correspondences are complex, and CSCP (Starostin 2005b) should be consulted for the details.

- Bur *'-s 'heart, mind' ~ Caucasian: Ubykh *p-sa* 'soul, spirit', Bezhta, Hunzib *has* 'sky, cloud, fog', etc. < PNC *ʒəm̩sa ~ Basque *faise 'wind' ~ Yeniseian: PY *ʔes 'God, sky' (NCED 243, CSCG 263)³¹
- Bur *'-so[m] 'kidney'³² ~ Caucasian: Chechen *sam-g* 'sausage (made from a large intestine)', Akhwakh *s:e* 'sinew, muscle', etc. < PEC *śēhmV / *hēm̩śV ~ Basque *sain 'vein, nerve, root' (NCED 959, CSCG 187)³³
- Bur *-sV̄sVn 'elbow'³⁴ ~ Caucasian: Udi *sun* 'elbow', Lak *s:an* 'foreleg, paw', etc. < PEC *śīnǝ ~ Basque *san-ko 'leg, calf, foot, paw', etc. (NCED 963, CSCG 187)
- Bur *sán 'spleen' ~ Caucasian: Archi *s:am* 'gall', Dargwa *sumi 'gall, anger', etc. < PNC *čwǎj̄mǝ ~ Basque *beHa-su[m] 'gall' (NCED 329, LDC 18, CSCG 22)

³¹ For semantics, cf. Rumanian *inimă* 'heart, soul, mind,' etc. < Latin *anima* 'wind, air, breath, spirit, mind', etc.

³² Underlying *m* found in the plural form '-somuc.

³³ Starostin (CSCG 187) adds the following Sino-Tibetan forms: PST *siəm 'heart, soul' > Old Chinese *səm 'heart'; Tibetan *sem(s)* 'soul; think', *b-sam* 'thought'; Burmese *simh* 'to conceive, be in the charge of'; Lushai *thiam* 'to know'; Lepcha *a-sóm* 'spirit, breath', etc. For semantics, cf. e.g. Skt. *hīra-* 'band, strip, fillet', *hīrá* 'vein, artery'; Gk. χορδή 'gut, cord, string'; Lat. *hīra* 'empty gut'; Lith. *žarnà* 'intestine, small intestine'; Ger. *Garn* 'yarn, thread, net', Eng. *yarn*, etc. (IEW I: 604); Turkish *böbrek* 'kidney'; Proto-Tungus-Manchu *pugi- / *puki- 'intestines, stomach' Proto-Japanese: *púnkúri 'testicles' (ToB).

³⁴ (Y) -sésen, (H, N) -súsun.

- Bur **-sú[m]* ‘umbilical cord, navel’³⁵ ~ Caucasian: Dargwa *zu* ‘navel’, Khinalug *c’um* id., etc. < PEC **zǝnʔǝ* (NCED 1096, CSCG 249)
- Bur **sa* ‘sun, day, month’ ~ Caucasian: Lak *s:aw* ‘sky’, Botlikh *ziwu* ‘day’, etc. < PNC **zǝwǝ* (NCED 1092, CSCG 248)
- Bur **sum* ‘sprout, shoot; tail; spout (of a vessel)’ ~ Caucasian: Lak *c’un* ‘spout (of a vessel)’, Chechen *c’om* ‘trunk’, etc. < PEC **cǝmV* (~ **zǝmV*) (NCED 367, CSCG 249)
- Bur **sesin-* ‘clear, clean’ ~ Caucasian: Chechen *c’ena* ‘clean, pure’, Abaza *b-zi* ‘good’, etc. < PNC **Hǝzǝm-* ~ Basque **susen* ‘right, correct, just’ (NCED 552, LDC 189, CSCG 64)³⁶
- Bur **-sqa* ‘(on one’s) back’ ~ Caucasian: Proto-Abkhaz-Tapant **zak^wa* ‘back’ ~ Basque **bi-ska-r̄* ‘back; crest, hill’ ~ PY **suga* / **ʔuska* ‘back, backwards’ (ToB)
- Bur **bus* ‘sheaf (of grass, hay)’ ~ Caucasian: Chechen *buc* ‘grass’, Adyge *wacə* id., etc. < PNC **wǝcV̄* (NCED 1053, CSCG 219)
- Bur **kūs* ‘wonder, sorcery’ ~ Caucasian: Ingush *kust* ‘bearing, appearance, figure’, Archi *kus* ‘habit’, etc. < PEC **kwǝjǝV* ~ Basque **hoć* ‘noise, sound; fame, reputation; longing, mania’, etc. ~ Yeniseian: PY **k[uʔu]s* ‘idol, ghost’ (NCED 710, CSCG 118)
- Bur **bas* ‘wooden plow’ ~ Caucasian: Karata *bec:e* ‘wooden plow’, Abkhaz *a-pǝza* ‘plow-share’, etc. < PNC **pVrVcǝ* (NCED 877, CSCG 164)
- Bur **mos* ‘mud avalanche’ ~ Caucasian: Agul *mes* ‘mould’, etc. < PEC **mǝswV* ~ PY **puʔs* ‘mould’ (NCED 296 [note], CSCG 141)
- Bur **ši* ‘fireplace, hearth’ ~ Caucasian: Ingush *c’i* ‘fire’, Lak *c’u* id., Abkhaz *á-m-ca* id., etc. < PNC **cǝjǝ* ~ Basque **su* ‘fire’ (NCED 354, CSCG 23)
- Bur **še[m]* ‘wool’³⁷ ~ Caucasian: Lezgi *r-çam* ‘eyebrow’ (< **‘eye-wool’*), Chechen *çoçqam* id., etc. < PEC **çhwǝme* ~ Basque **sama-r̄* ‘fleece, mane; chamarra’, etc. ~ Yeniseian: PY **cǝje* ‘hair’ ~ PST **chām* ‘hair (of head)’ > Kanauri *cam* ‘wool, fleece’, etc. (NCED 364, CSCG 27)
- Bur **sulú* ‘driftwood’³⁸ ~ Caucasian: Tindi *c:ela* ‘rod’, Abkhaz *á-c’la* ‘tree’, etc. < PNC **cǝʔV* ~ **cǝʔV* ~ PST **Cal* ~ **Cəl* ‘wood’ (NCED 362, CSCG 26)
- Bur **-sǝn* ‘limbs, body parts’ ~ Caucasian: Lezgi *çum* ‘shin-bone’, Bezhta *ǝc* ‘knuckle-bone’, etc. < PEC **Hçwǝjnǝ* ~ Basque **soin* ‘shoulder, upper back’, etc. (NCED 555, CSCG 66)
- Bur **son* ‘blind’ ~ Caucasian: Lak *çan* ‘darkness’, Ubykh *ža* ‘black’, etc. < PNC **çǝwnV* (NCED 352, CSCG 24)
- Bur **sóq-um* ‘wide, broad’ ~ Caucasian: Dargwa Chirag *çaq^w-* ‘high’, Kabardian *-šx^wa* ‘big’, etc. < PNC **çHǝqwV* ~ Basque **aško* ‘much, many’, **aški* ‘enough’ ~ PST **cǝk* ~ **žǝk* ‘enough, sufficient’ (NCED 386, CSCG 36)
- Bur **súsun* ‘(child’s) penis’ ~ Caucasian: Lezgi *çuç* ‘spout (of a tea-pot)’, Kryz *çič* ‘clitoris, ring-stone’, etc. < PEC **cǝçV* ~ Basque **soc* ‘spigot, faucet’ (NCED 367, CSCG 28)
- Bur **sǝ* ‘dried leaves, stalks, roots’, etc. ~ Caucasian: Avar *š:waji* ‘small chaff’, Khinalug *pšä* ‘bread’, etc. < PNC **sǝwǝ* ~ Basque **osi* ‘germ of grain, shoot that becomes a head of grain’ ~ PST **sej* ‘seed, fruit’ (NCED 977, CSCG 195)
- Bur **quś-* ‘armpit (of clothing)’ ~ Lezgi *quç* ‘armpit’, etc. (see above)
- Bur **aúsi-* ‘guest’³⁹ ~ Caucasian: Chechen *hǝša* ‘guest’, Ubykh *pça* id., etc. < PNC **HVǝwǝ* ~ PY **ʔǝç* (**çá-*) ‘guest’ ~ Basque **hauso* ‘neighbor’ (NCED 612, LDC 179, CSCG 83)

³⁵ Underlying *m* found in the plural form *-súimuc*.

³⁶ The semantic values in some languages apparently reflect the development: ‘clean > pure > good > correct, right’.

³⁷ Underlying final *m* found in the plural form *šémij*.

³⁸ “consider Kalasha [şulá] ‘firewood’ ... with an IA etymology (T 12349 [< OI *śalākā* f. ‘any small stake or stick’])” (E. Bashir, p.c.).

- Bur **śi* / **ši* / **šu* ‘to eat’ ~ Caucasian: Tsez, Khwarshi =aç- ‘to eat’, Tindi *c:a-* ‘to drink’, etc. < PEC *=V_čV ~ Basque **auśi*-ki ‘to bite’ ~ Yeniseian: PY **sī-* ‘to eat’ ~ PST **zha* id. (NCED 1017, CSCG 209)
- Bur **şuqúr* ‘sour, to sour’ ~ Caucasian: Andi *ç:ik:u* ‘sour’, etc. < PEC **çākwV* ‘sour, raw’ ~ PST **sāk* ‘bitter, pungent’ (NCED 356, CSCG 24)
- Bur **şúli* ‘tube, pipe’⁴⁰ ~ Caucasian: Avar (dial.) *şulu* ‘pipe’, Hunzib *şelu* ‘horn’, etc. < PEC **şwōł(H)V* ~ Basque **sulfio* ‘hole, cave’ (NCED 978, CSCG 195)
- Bur **şinj* ‘milk’ ~ Caucasian: Chechen *şin* ‘udder’, Andi *ş:iwu*, *ş:imu* ‘milk’, etc. < PNC **şām?V* ~ Basque **e-Sene* ‘milk’ ~ PY **de(?)n* ‘nipple, milk’ (NCED 982, CSCG 196)
- Bur **ltiş* > **tiş* ‘wind’ ~ PEC **λ[a]rčV* ‘movement of air’ > Khwarshi *łaca* ‘wind’, Tindi *łaç:u* ‘voice, shout’, etc. (NCED 767, CSCG 134)
- Bur **hiş* ‘breath’⁴¹ ~ Caucasian: Chechen *hožu* ‘odor’, Ingush *haž*, Batsbi *haič* < Proto-Nakh **hač* ‘odor’ ~ Basque **hač* ‘breath; stench’ (LDC 17)
- Bur **-meş* ‘finger, toe’ ~ Caucasian: Kryz *miček* ‘nail, claw, hoof’, etc. < PEC *(H)*mičV* ~ *(H)*mičV* ~ Yeniseian: Ket *bēs-taq*⁵ ‘index finger’ (NCED 819 [as **mičV* ~ **mičV*], LDC 38, CSCG 77)
- Bur **muş-* > *muşk* (H, N, Y) ‘wood, thicket’, *muş-qú* (H, N) ‘branches with leaves’ ~ Caucasian: Dargwa *murç* ‘rod, stick, vine’, Abkhaz *a-mčá* ‘wood, firewood’, etc. < PNC **mučU* / **čumU* ~ Basque **moškoř* ‘trunk of a tree’ < **moš-ko-ř* (NCED 833, CSCG 147)
- Bur **-ci-* ‘to kindle’ ~ Caucasian: Abkhaz *a-cá* ‘hot’, Rutul =*isa-* ‘to roast (grain)’, etc. < PNC *=*ērčĀ* ~ Basque **i-se-(ki)* ‘to set fire, kindle, burn’, etc. ~ PST **cha* ‘hot’ (NCED 415, CSCG 48)
- Bur **ca-* ‘to stand’ ~ Caucasian: Lak =*a-c’a-* ‘to stand’, Akhwakh *heč’-* ‘to stand up, raise’, etc. < PEC **HērčV-* ~ Basque **e-ašV* (standard *jaso*, *jasan*) ‘to lift, raise, support, bear’, etc. ~ Yeniseian: PY **ta-*, **pa-ta-* ‘to stand up’ (NCED 562, CSCG 67)
- Bur **bácin* ‘shank, hind leg above the hock’ ~ Caucasian: Chamalal *bec^w* ‘knee (of animal), thigh’, Tsez *besi* ‘fist’, etc. < PEC **b[ə]čV* ~ Basque **borc* ‘five’ (< *‘hand’) ~ Yeniseian: PY **bałt-* ‘knee’ ~ PST **pūt(-s)* ‘knee’ (NCED 291, CSCG 19)
- Bur **bac* ‘small terrace between mountains, grown with grass’ ~ Caucasian: Akhwakh *beča*, Tindi *besa* ‘mountain’, etc. < PEC **wīce* ~ Basque **bašo* ‘forest, desert’ (NCED 1053, CSCG 217)
- Bur **-ncu* ‘paternal aunt’ ~ Caucasian: Chechen *nēca* ‘maternal aunt or uncle’, Abkhaz *áca* ‘sister-in-law, daughter-in-law’, etc. < PNC **nEčV* ~ **čEnV* ~ Basque **neś-ka* ‘girl, unmarried young woman’ (NCED 322, CSCG 153)
- Bur **-jēc-* ‘to see’⁴² ~ Caucasian: Hunzib =*āč-* ‘to see’, Ubykh *ča-* ‘to know’, etc. < PNC *=*āmčĒ* ~ Basque **e-ncu-n* ‘to hear’ ~ Yeniseian: PY **?Vt-* ‘to know’ ~ PST **siə(H)* ‘to know, think’ (NCED 262, CSCG 4)
- Bur **phunc* ‘dew’ ~ Caucasian: Lak *pič* ‘dew, sweat’, Dargwa *penč* ‘resin’, etc. < PNC **pīnčwĀ* ~ Yeniseian: PY **piłt* ‘glue’ (< *‘resin’)
- Bur **qhurc* ‘dust’ ~ Caucasian: Tsez *qec* ‘dirt, mud, slush’, etc. (see above)

³⁹ (Y) *aísen*, *aúsin*, pl. *aúsu*, (H, N) *oósin*, pl. *oóso*. “The word is also present in Shina *ōōšo* ‘guest’, where it is most probably < Burushaski (despite highly dubious derivation in Turner 427 < Skt. **apadeśya-*)” (CSCG 83). “I think that this is probably an IA element. There are a considerable number of words in Khovar in which the initial *aw-* element is related to a meaning of ‘separateness, distance’, e.g. *a(u)werik* ‘to take away’ or *awizá* ‘relative’, which seem to show the IA *apa-* element. This again would seem to be more likely to be an old IA loan” (E. Bashir, p.c.).

⁴⁰ ‘Gewehrlauf; Schnabel (an einem Gefäß); Rohr zum Anblasen des Feuers’ (Berger 1998).

⁴¹ (Y, H, N) *hiş* ‘breath’, (Y) also *-héş* ‘breath’, (H, N) *hĩş* ‘sigh’ (with secondary nasalization).

⁴² “The reconstruction of Bur. ‘to see’ would probably be **-jēc-*. The double vowel suggests that there may once have been a consonant (probably /g/ or /h/) between the vowels.” (B. Tikkanen, p.c.)

- Bur **chágur* ‘chest or box for grain or meal’ ~ Caucasian: Avar *cavúr* = *cağúr* ‘corn bin, barn’, etc. (see above)
- Bur **chigír* ‘goat’ ~ Caucasian: Lak *çuku* ‘goat’, Andi *ç:ekir* ‘kid’, etc. < PEC **žikV̄* / **kizV̄* ~ Basque **sikiro* ‘castrated ram’ (NCED 1094, CSCG 187)
- Bur **chul-* ‘male breeding stock’⁴³ ~ Caucasian: Andi *çora* ‘heifer’, Agul *luç* ‘heifer’, etc. < PEC **HçwālV̄* ~ **HlīçwV̄* ~ Basque **čahal* ‘calf’ (NCED 556)
- Bur **ć(h)iki* > (Y) *ćiki* ‘small’ ~ Caucasian: Tabasaran *žiq:i* ‘short’, Chamalal *çik:u-b* ‘small, short’, etc. < PNC **žikwǞ* ~ Basque **ćiki* ‘small’ ~ Yeniseian: Kott *thūki* ‘short’ (NCED 1108, LDC 194, CSCG 197)
- Bur *ć(h)argV* > (Y) *ćargé* ‘flying squirrel’ ~ Caucasian: Adyge *cax^{wa}* = *cəğ^{wa}* ‘marten, mouse’, Chechen *šaťqa* ‘weasel’, etc. < PNC **cārgwV* ~ Basque **śagu* ‘mouse’ ~ Yeniseian: PY **sa?qa* ‘squirrel’ ~ PST **sreŋ(H)* ‘weasel, squirrel, mongoose,’ etc. (NCED 322, CSCG 21)⁴⁴
- Bur **mičil* / **bičil* ‘pomegranate’ ~ Caucasian: Chechen *hamc* ‘medlar’, Khinalug *mič* ‘apple’, etc. < PNC **šamcō* ~ Basque **mahaná* ‘grape’ (NCED 237, CSCG 267)
- Bur **čhap* ‘flesh, meat’ ~ Caucasian: Bezhta *šebo* ‘liver’, Chechen *žim* ‘kidney’, etc. < PNC **žawV* ~ Basque **šab-el* ‘belly’ ~ Yeniseian: PY **tVpVl-* ‘spleen’ (NCED 1106, CSCG 196)⁴⁵
- Bur **čhemil* ‘poison’ ~ Caucasian: Tsakhur *čřřima-n* ‘sour’, Khinalug *mič* ‘sour’, etc. < PNC **fmVjčwǞ* / **hčwVjmV* ~ Basque **šamin* ‘bitter, pungent, piquant; choleric’ (NCED 521, CSCG 93)
- Bur **čhađ-úm* ‘narrow’ ~ Caucasian: Akushi *čarťa*, etc. (see above)
- Bur **čhağé-*: (Y) *čagé* ‘jackdaw’, (H) *čhağén* ‘crow with a red beak’ ~ Caucasian: Chechen *čēvag* = *čēğag* ‘magpie’, Lezgi *čav* = *čag* ‘jackdaw, rook’, etc. < PEC **čām^{wā}* (NCED 381, CSCG 35)
- Bur **čhiš* ‘mountain’ ~ Caucasian: Chechen *čiz* ‘amulet (stone)’, Lak *čuča* ‘small stone’, etc. < PEC **čāčwV* ~ Basque **činča* ‘small stone, pebble’ ~ Yeniseian: PY **čizs* ‘stone’ (NCED 382, LDC 114, ToB)
- Bur **čhaš* ‘thorn’ ~ Caucasian: Akhwakh *žaza* ‘thorn, prick’, Ubykh *caca* ‘spit’, etc. < PNC **žāžē* ~ Basque **ša(r)ši* ‘bramble, thorn’ (NCED 1090, CSCG 248)⁴⁶
- Bur **žām* ‘distant relative’ ~ Caucasian: Tabasaran *žam* ‘bridegroom’, Ingush *zame* ‘best man’, Lak *mač:a* ‘kinsman’, etc. < PEC **žāmV* / **māžV* (NCED 1101, CSCG 251)
- Bur **žal-* / **žal-* ‘(long) hair’⁴⁷ ~ Caucasian: Godoberi *žali* ‘fringe, forelock’, Bezhta *žaro* ‘horse’s mane’, etc. < PEC **žāthī* (NCED 1101, CSCG 251)
- Bur **muž-óq* ‘fringe, bunch of hair (on cow’s tail)’ ~ Caucasian: Chechen *merz* ‘hair (in horse’s tail)’, Archi *močor* ‘beard’, etc. < PEC **mēčuri* (NCED 800, CSCG 150)
- Bur **žó-* ‘to come’⁴⁸ ~ Caucasian: Kabardian *-žə-* ‘(to move) back’, Avar *=ač-in-* ‘to come’, etc. < PNC **=ičwǞ* ~ Basque **e-uci* ‘to let, leave, permit’ (NCED 627, CSCG 101)

⁴³ (Y) *culá* ‘fertile billy-goat’, *culdár* ‘bull’, (H, N) *chulá* ‘billy-goat, drake’, *chindár* ‘bull’.

⁴⁴ This etymon exhibits a wide range of semantic variation, though all pertaining to rodents or mustelids. Within the Caucasian family the meanings include ‘weasel’, ‘marten’ and ‘mouse’. According to NCED (p. 322) Georgian *ciq’wi* ‘squirrel’ is a loanword from East Caucasian. In Basque the stem **śagu* or its variant **šat-* (prob. from **šag-t-*, with a fossilized oblique marker) is used for other animal names, such as **śagu-sahař* ‘bat’ (lit. ‘mouse-old’), **šat-hor* ‘mole’ (lit. ‘mouse-dog’), **šat-iču* ‘field-mouse’ (lit. ‘mouse-blind’).

⁴⁵ This etymology may not hold together in all its parts, because of phonological difficulties. See the note in CSCG (p. 196).

⁴⁶ This root, with two successive sibilant/affricates, has apparently been subject to various assimilations and dissimilations. Cf. also Spanish *zarza* ‘bramble, blackberry bush’ (OSp *sarça*), probably of Vasconic origin (the 17th c. Basque writer Oihenart had *čarci*: Trask 2008: 337).

⁴⁷ (Y) *jaláš* ‘hairy’, (H) *-jal* ‘strip (of cloth)’, *jaléi*, *jalii* ‘beard (of goat)’, (H, N) *jaláli-min* ‘long hair (of people)’.

⁴⁸ (Y) *jə-*, (H, N) *ju-* (with retroflex /j/).

(5) **The cluster /lt/, and the *t-* ~ *-lt-* alternation.** In the course of a thorough study of Bur phonology one becomes aware of the cluster /lt/ and the fact that in certain verbs as well as nouns there is a frequent alternation of initial dental stops /t-, th-/ with medial lateral-dental clusters /-lt-/. The dental stops occur in both noun and verb stems in word-initial position, while the lateral-dental clusters occur in the same stems when they occur after a prefix. For example, in Bur (H, N) *-ltúr* ‘horn’ is a bound morpheme and can only occur with a possessive prefix, such as *a-ltúr* ‘my horn’, *gu-ltúr* ‘thy horn’, while in the Yasin dialect ‘horn’ is simply *tur*, a free morpheme. The underlying form of all these is **-ltúr* ‘horn’ (thus Starostin, ToB). In a verb such as *turú-* ‘fall apart, disintegrate’ the cluster /lt/ appears in prefixed forms such as (absolutive or converb circumflex) *nultúr* ‘having fallen apart’ (with analogical variants *nutúr*, *nutúru*). The underlying root is thus **-ltúr-* ‘to fall apart’, etc. (Starostin, ToB).

It should be noted that Klimov & Edel’man (1972; see also *Beiträge* p. 80, no. 10.9) formulated an ingenious hypothesis that several of the words discussed here, and others that denote paired nouns (**-ltúr* ‘horn’, **-ltúmal* ‘ear’, **-lten* ‘bone’, etc.) contain a prefix **-lt-* derived from the numeral ‘two’ (see below under Numerals). While we admit this solution is inventive, we think it is an example of the dangers of relying solely on internal reconstruction. For example, the existence of external cognates to Bur **-ltúr* ‘horn’, namely Avar *λ:ar* ‘horn’, Basque **adař* ‘horn’, and others (see below), would require that this prefixing of the numeral ‘two’ must have taken place already in Proto-Dene-Caucasian. Furthermore, the existence of other Bur words with initial (or underlying) **lt-*, and no semantic content of pairing, e.g. Bur **ltús* ‘grave’, **ltap* ‘leaf’,⁴⁹ and of words for paired body parts such as Bur **qVt-* ‘armpit’, *-qhúrpat* ~ *-xórpət* (Y) ‘lung’, **-so[m]* ‘kidney’, **-sV̄sVn* ‘elbow’ (see above) that lack the supposed **-lt-* prefix, indicates to us that it is probably only fortuitous that some words with initial **lt-* denote paired objects.

The following examples show both the internal Burushaski alternation of the initial dental stop *t-* with the medial clusters *-lt-*, and the regular correspondence of both with Caucasian lateral affricates. In the following comparisons /*λ̥*/ denotes a voiceless lateral affricate = [tʃ], /*λ̥̹*/ denotes a glottalized lateral affricate = [tʃ̥], and /*λ*/ denotes a voiced lateral affricate = [dʃ]:

- Bur **-ltúr* ‘horn’ > (Y) *tur* / (H, N) *-ltúr* ‘horn’ (bound form) ~ PEC **λwřV* ‘horn; braid, mane’ (Avar *λ:ar*, Chechen *kur*, etc.)⁵⁰ ~ Basque **adař* ‘horn’ (< **a-rdař*) (NCED 771, CSCG 134)
- Bur **-lten* > (Y) *ten* ‘bone’ / (H, N) *-ltn* ‘bone’ (bound form); (Y) *tanc*, (H, N) *-ltánc* ‘leg’ ~ PEC **λwVnʔV* ‘groin; part of leg’ (Avar *λ:an* ‘groin’, etc.) ~ PST **lən* ‘shin, ankle’ (NCED 785, CSCG 139–140)
- Bur **ltap* > (Y) *tap* ‘leaf’, (H, N) *tap* ‘petal, page’ / (Y) *du-ltápi-*, (H, N) *du-ltápu-* ‘to wither’ ~ PNC **λāpi* ‘leaf’ (Lak *čapi* ‘leaf’, etc.) ~ Basque **lapař* ‘bramble’⁵¹ ~ PY **jāpe* ‘leaf’ ~ PST **lāp* ‘leaf’ (NCED 774, CSCG 136)
- Bur **ltopo*, **(l)tultopo* > (H, N) *tópo*, *tultópo* ‘a kind of thin bread of leavened dough’ ~ PEC **HārĹāpV* (Tsez *Ĺepeli* ‘a pastry made of barley flour’, Lak *arč:ap* ‘a food made of barley flour, curds, butter, and rice’, etc.) (NCED 546, CSCG 63)
- Bur **-ltúr-* > (H, N) *turú-* / *nu-ltúr* / *-túr(u)*, (Y) *túr-*, *du-ltúr-* ‘to fall apart, disintegrate, be cut into pieces’, etc. ~ PEC **=ēλwV(l)* ‘to burst, tear’ (Hunzib =*uλ-*, etc.) ~ Basque **leheř* ‘to

⁴⁹ The underlying form **ltap* is indicated by the verb **du-ltápV-* ‘to wither’.

⁵⁰ In Avar (and Andian and Tsezian languages, and Archi) Proto-Caucasian lateral affricates are, by and large, preserved as such. In Nakh, Lak, Dargwa, Khinalug, and Lezgian languages (except Archi, which has velarized lateral affricates) lateral affricates have largely been replaced by lateral resonants, velars, or uvulars (NCED); cf. Catford (1977), Starostin (2005b). However, under certain conditions there are velar reflexes in the first group of languages as well.

⁵¹ For the semantics, cf. the IE etymology that includes Skt. *tṛṇa-* ‘grass, herb, straw’ and Eng. *thorn*, etc.

burst, smash’ ~ PY **ʔil* ‘to break, split’ ~ PST **rūt* ~ **ruat* ‘to demolish, ruin’ (NCED 413, CSCG 105)

- Bur **-ltá-* > (H,N) *tá-* / *-ltá-*, (Y) *tá-* ‘to follow,’ etc ~ PEC **=VmχV* ‘to go, come’ (Hunzib *=ēχ-* ‘to go, walk’, etc.) ~ Basque **urten* ‘to go out, leave’ (NCED 1026, CSCG 212)
- Bur **-ltál-* > (H, N) *-ltáli-*, (Y) *-ltáli-* ‘to wind, turn’, *tálen-* / *-ltálen-* ‘to go round’, etc.⁵² ~ PNC **χwīri* ~ **rīχwi* ‘wheel, vehicle’ > Chechen *lāra* ‘oval cradle runners; fan of the mill wheel’, Agul *fur* ‘wheel’, etc. ~ PST **r[ua]t* ‘round, roll, wheel’ (CSCG 134)
- Bur **ltul-* > (H, N) *-ltúl-*, (Y) *túl-* / *-ltúl-* ‘to saddle’, *tilíhanj*, *teléhanj* ‘saddle’, (H, N) *tilíanj* id. ~ PEC **χwitē* ‘saddle’ (Avar *χ:ili*, Lak *kili*, etc.) (NCED 783, LDC 160, CSCG 139)⁵³
- Bur **-ltán-* > *tan-* (*tán-*) / *-ltán-* ‘to pound (objects)’ ~ PEC **=VχVw* ‘to beat, hit’ (Avar *χ:ab-* ‘to beat, hit; burst, shoot’, Andi *χ:a-hun*, *χ:a-ɬun* to burst, shoot’, etc.) ~ Basque **labur* ‘short’ (< **pounded down*) (NCED 1023, ToB)
- Bur **-lté-* > (Y) *té-* / *-lté-* ‘to swear’ / (H, N) *te-ɣ* ‘oath’ ~ PEC **HiłV* ‘to say’ (Ingush *le-*, *al-* ‘to say’, Hunzib *iχ-* ‘to call’, etc.) ~ PY **ʔV(ʔ)l-* ‘to speak’ ~ PST **lǎ* ‘speak, speech’ (NCED 572, CSCG 70)
- Bur **-ltá-* > *tá-* / *-ltá-* ‘to put on (shoes, stockings)’ ~ PEC **=ōmłV* ‘to put on (trousers, shoes)’ (Andi *=iχ:in-* ‘to put on [shoes, footwear, trousers], etc.) (NCED 861, CSCG 130)

In the following examples the Burushaski initial dental stop *t-* corresponds with Proto-Caucasian lateral affricates:

- Bur. **(l)tam*⁵⁴ > (H, N) *tam dél-* ‘to swim, bathe, wash’ ~ PEC **χHwemV* ‘liquid’ (adj.) > Avar *χ:ami-ja-*, Archi *λ:ama-t:u-* id., etc. ~ Basque **limuri* ‘moist, humid; slippery’, etc. ~ PST **liam* ‘to soak’, etc. (CSCG 134)
- Bur **(l)tiš* > **tiš* ‘wind’ ~ PEC **χ[a]rčV* ‘movement of air’, etc. (see above)
- Bur **(l)tul* > (Y) *tul* ~ (H) *tol* ‘snake’ ~ PEC **wHōrχwVłV* ‘snake’⁵⁵ (Avar *boróx* ‘snake’, Lak *Vikhli bārčalu* ‘snail’) ~ PY **ʔurol* ‘leech’ ~ PST **rūt* ~ **rūt* ‘snake’ (NCED 1048, CSCG 218)
- Bur **(l)tal* > *tal* ‘palate; eyelid’⁵⁶ ~ PEC **HχalV* ‘mouth, jaw’ (Tindi *erχ:i* ‘jaw’, Tsakhur, Rutul *γal* ‘mouth’, etc.) ~ PY **jíl-* ‘gills’ (NCED 589, CSCG 75)
- Bur **(l)tal* > **tal* ‘dove’ ~ PEC **χeχē* (Avar *χ:iχ:i* ‘a kind of songbird’, Lezgi *kek* ‘cock’, etc.) (NCED 776, ToB)
- Bur **(l)tal* > (H) *tal* ‘belly, stomach’ ~ PEC **HlaχV* / **HχalV* ‘liver’ (Avar *ɬul*, Tindi *relaχ:*, Lak *t:ilik*, Lezgi *leq*, etc.) (NCED 586, CSCG 76)

⁵² With other derivatives: see Berger (1998).

⁵³ This comparison raises interesting questions about the spread of horsemanship and the saddle, implying that this was prior to the diaspora of the western Dene-Caucasian languages. If the split between Vasco-Caucasian and Burusho-Yeniseian took place about 10 kya (see below: Postscript), and domestication of horses only ca. 6 kya, with the saddle even later, it is difficult to reconcile genetic transmission of the word in both Caucasian and Bur. Another, probably likelier, possibility is that an equestrian culture bequeathed a word such as **χuli*, **tluli* ‘saddle’ to both Cauc and Bur separately, with subsequent usual developments in each language.

⁵⁴ The notation **(l)t-* means that the /l/ is only assumed from circumstantial evidence, since the correspondences are the same as in known Bur alternations of *t-* / *-lt-*.

⁵⁵ This appears to be an old compound. Only the second element is compared with Bur **tul*.

⁵⁶ “Skr. *tālu-* ‘palate’ [is] exactly matching Burushaski *tal* ‘palate’ — which is usually regarded as borrowed from Indian, but in fact also would be quite a regular reflex of [PDC] **Hχ#V*” (CSCG 75–76). The Sanskrit word, which has no clear Indo-European etymology, is thus probably one of the words adopted from Burushaski when Proto-Indic speakers entered the Indian subcontinent. See Witzel (1999).

- Bur **(l)tápi* > (H,N) *tápi* ‘stone terrace’ ~ PEC **χěp̄V̄* (Chechen *laba* ‘shed, peak of cap’, Avar *χeb* ‘stone’, etc.) ~ Basque **lape* ‘shelter under an eave’⁵⁷ ~ PST **t-lēp* ‘flat, tablet, etc.’ (NCED 777, LDC 32, CSCG 137)
- Bur **(l)tur* ‘cross-beam in door’ > (H) *tul*, (N) *tur* ~ PEC **χwārHV* (Tsez *χe* ‘bridge, stairs’, Tindi, Karata *χ:eru* ‘bridge’, etc.) (NCED 783, ToB)
- Bur **(l)tağ* > *tağ* (Y) ‘branch, shoot’ ~ PEC **χfwāχV* ‘stick, chip’ (see above)
- Bur **(l)tharén-* > (H, N) *tharén-um* ‘narrow’⁵⁸ ~ PNC **=iχ̣ilV* ‘thin’ (Avar *teréna-b*, Agul *ķille-f*, etc.) ~ Basque **lirain* ‘slender, svelte, lithe’ (NCED 639, CSCG 105)
- Bur **(l)tan-* > (H, N) *táno* ‘colon (lower bowel of animal)’, *táno*, *tanéelo* ‘bastard, of lowly birth’⁵⁹ ~ PNC **Hχ̣ōnū* ‘bottom’ (Avar *ṭinu* ‘bottom’, Archi, Lezgi *kan id.*, etc.) ~ PST **t-lāŋ* ‘floor’ (NCED 590, LDC 169)
- Bur **(l)talí* > (H) *talí* ‘slope (of a mountain)’ ~ PEC **χātū* ‘stone’ (Avar *ṭálu* ‘rock, rocky plateau’, Bezhta *χalo* ‘stone’, etc.) (NCED 773, CSCG 136)
- Bur **(l)téne* > (Y) *téne* ‘year before last’, (H, N) *tén-dili* ‘last year’ ~ PNC **Hχ̣w̄inV̄* ‘winter, year’ (Avar *χ:in* ‘winter’, Bezhta *χi* ‘year’, etc.) (NCED 591, CSCG 76)
- Bur **(l)tur-* > (Y) *tur-ćún*, (H, N) *tur-śún* ‘marmot’ ~ PNC **LārV* ~ **χārV* ‘hare’ (Ingush *lerg*, Karata *χ:an-ķala*, etc.) (NCED 788, ToB)
- Bur **(l)ter* > (H, N, Y) *ter* ‘summer pasture, mountain pasture’ (‘Hochweide, auf die das Vieh im Sommer getrieben wird’) ~ Avar *lol* ‘open enclosure (for sheep)’, Archi *χoli* ‘yard, place in front of the house’, etc. < PEC **LwēŋV* (NCED 791) ~ Basque **laře* ‘pasture, meadow’ ~ PST **rāl* ‘fence, framework’ (CVST II: 56, no. 204)
- Bur **(l)tar-* > (H, N, Y) *tar-ínj* ‘skin bag’ ~ PNC **Lōli* ‘color, skin’ (Avar *χ:er* ‘color’, Dargwa **k:uli* ‘(sheep)skin’, etc.) ~ Basque **lařu* ‘skin, leather’ (NCED 789, CSCG 130)

This development of initial **lt-* > *t-* in Bur partially converges with that in one Caucasian language, Avar (specifically northern Avar: see NCED, pp. 52, 102), where the glottalized affricate PNC/PEC **χ*, **χw* yields *ṭ* (glottalized dental stop). (The fuller forms of the following comparisons are found above.):⁶⁰

- Bur **táno* ‘colon (of animal), bastard’ ~ Avar *ṭinu* ‘bottom’ < PNC **Hχ̣ōnū*
- Bur **talí* ‘slope (of a mountain)’ ~ Avar *ṭálu* ‘rock, rocky plateau’ < PEC **χātū*
- Bur **tápi* ‘stone terrace’ ~ Avar (dial.) *ṭeb* ‘millstone, whetstone’ < PEC **χěp̄V̄*
- Bur **tal* ‘belly, stomach’ ~ Avar *ṭul* ‘liver’ < PEC **Hχ̣alV*
- Bur **tharén-um* ‘narrow’ ~ Avar *teréna-b* ‘thin’ < PNC **=iχ̣ilV*

Hermann Berger, the authority on Bur, ventured some Basque-Burushaski lexical comparisons in his early works (Berger 1956, 1959). In his last published work (Beiträge: 2008), Berger acknowledged this early interest, and reckoned that a relationship between Bur and other non-Indo-European remnant languages was thinkable but not demonstrable.⁶¹ Nevertheless, Berger (1959, p. 26, note 34) discovered the correspondence of Basque initial **l-* = Bur

⁵⁷ ‘refugio bajo el alero de un tejado / abri sous un avant-toit’ (Azkue).

⁵⁸ Aspirated /th/ is probably due to pretonal syllabic position. Note the similar *-n-* extension in Bur, Avar, and Basque.

⁵⁹ S. A. Starostin preferred to compare this Bur word instead with PNC **lanā* ‘bottom’ (CSCG 131).

⁶⁰ But not the tense affricates **χ*, **χw*, which remain in Avar as *χ:* (or velarize to *ķ:* under certain conditions; see NCED pp. 52–54).

⁶¹ “... eine Beziehung zum Baskischen und anderen nicht-indoarischen Restsprachen [ist] zwar denkbar, aber bei dem heutigen Entwicklungsstadium dieser Sprachen nicht mehr zu beweisen ist” (Beiträge, p. 1).

initial **t(h)-*, which we consider valid (as developments of DC lateral affricates), based on the following examples:

- Bur **tápi* ‘stone terrace’ ~ Basque **lape* ‘shelter under eaves’⁶²
- Bur **ter* ‘summer pasture’ ~ Basque **laře* ‘pasture, meadow’
- Bur **tar-ín* ‘skin bag’ ~ Basque **laŗu* ‘skin, leather’
- Bur **tap* ‘leaf; petal, page’ (< **ltap*) ~ Basque **lapaŗ* ‘bramble’
- Bur **tam dél-* ‘to bathe’, etc. ~ Basque **limuri* ‘moist, humid; slippery’
- Bur (H, N) *turú-*, (Y) *túr-* ‘to fall apart’, etc. (< **-ltúr-*) ~ Basque **leheŗ* ‘to burst, smash’
- Bur **(l)tharén-* ‘narrow’ ~ Basque **lirain* ‘slender, svelte, lithe’

The following examples (in addition to several above) confirm the correspondence of Burushaski medial *-lt-* with Caucasian lateral affricates. The reflex *-lj-* = [lʒ] occurs in a few words, apparently from **lti*, **ltja-*:

- Bur **díltar* ‘buttermilk’⁶³ ~ PNC **rĥǎλwǎ* ‘milk’ (Tsez *riλ* ‘butter’, Avar *rax* ‘milk’, etc.) (NCED 949, LDC 153, CSCG 183)
- Bur **(y)alt-* > (H, N) *giyált* ‘spoon, scoop’⁶⁴ ~ PEC **jǎ[l]λwV* ‘wooden shovel’ (Lezgi *jirf*, Bezhta *āko*, etc.) ~ Basque **śafharde* ‘pitchfork; dinner fork; rake’⁶⁵ ~ PST **jok* ‘scoop, ladle’ (NCED 673, CSCG 113)
- Bur **yult* > (H, N) *yult* ‘time, (right) moment’⁶⁶ ~ PNC **λǎjV* ‘time, day’ (Akhwakh *λa-li-ge* ‘in the daytime’, že-*λa* ‘today’, etc.) ~ Basque **ordu* ‘time, hour, occasion’ (NCED 766, CSCG 133)
- Bur **yáltar* > (H,N) *yáltar* ‘upper leafy branches of a tree, crown of a tree’, etc.⁶⁷ ~ PEC **ĥǎλVIV* (Avar *ĥarλ:él* ‘branch, bough’, Tsez *aλiru* ‘pod’, etc.) ~ Basque **adaŗ* ‘branch’ (< **ardaŗ*)⁶⁸ (CSCG 91)⁶⁹
- Bur **-ltáltar-* > (H) *-ltáltar*, (N) *táltar* ‘foreleg (of a quadruped), shoulder (of horse), ‘human arm’ (sometimes)⁷⁰ ~ PNC **HluλĚ* ~ **λulHV* ‘arm’ (Avar *ruλ:* ‘arm, shoulder’, Archi *λ:ol* ‘shoulder-blade, foreleg (of animal)’, etc.) ~ PST **t-lǔH* / **t-lǔ-k* (?) ‘hand, arm, wing’ (NCED 588, CSCG 138)
- Bur **maltás* ‘butter’ ~ PEC **nhěλV* (Chechen *nalχa* ‘butter’, Archi *naλ:* ‘milk’, etc.) (NCED 849, CSCG 146)

⁶² See the complete DC etymology (CSCG 137) for semantic developments: original meaning probably something like ‘flat slab of stone’. Chechen and Ingush also have the meaning ‘shed’, possibly originally a crude outbuilding with roof made of stone slabs.

⁶³ Bur initial *d-* ~ Caucasian **r* is the regular initial reflex: see CSCP, p. 41.

⁶⁴ Bur *giyált* appears to be a compound of the verb *giy-* ‘pour’, etc. + *-yált* or *-ált*.

⁶⁵ The Basque word appears to be an old compound: **śa-* + **fharde* (with obscure first element).

⁶⁶ In stem-final position we would expect **yul* (see below). In this case there was probably a variation between **yul* (in absolute final position) vs. **yult-* (preceding inflectional suffixes), with analogical leveling to the latter.

⁶⁷ Cf. also (H,N,Y) *galtár* ‘small twig’, (H,N) *giltír* ‘pod, husk (of peas, beans, etc.)’.

⁶⁸ In Basque this word has merged phonetically with **adaŗ* ‘horn’ (see above).

⁶⁹ The correspondence of Bur **y-* = **j-* ~ PNC initial **ĥ-* is recurrent: cf. Bur **yaŗ-is* ‘head’ ~ PEC **ĥwōmdV* ‘brain, head’ (below).

⁷⁰ (Y) ‘projecting breasts’ (‘hervorstehende Brüste’).

- Bur **harált* ‘rain, rain cloud’⁷¹ ~ PEC **rĕnĭwV* ~ **rĕnĭwV* ‘cloud, fog’ (Chechen *doχk* ‘fog’, Khinalug *unḱ* ‘cloud’, etc.)⁷² ~ Basque **lanbro* ‘fog, mist, drizzle’⁷³ ~ PST **rēŋ* ‘drop, rain’ (NCED 947, CSCG 179)
- Bur **alt-* ‘two’, **w-ált-* ‘four’ ~ PWC **p(:)əλə* ‘four’ (Ubykh *p̄λə*, etc.)⁷⁴ ~ PST **P-lij* ‘four’ ~ Basque **lau-* ‘four’ (NCED 314, CSCG 212)
- Bur **baltí* ‘front room of house, veranda’ ~ PEC **bũlĭV* ‘house’ (Hunzib *buλi* ‘at home’, Lak *burča-lu* ‘threshold’, Hurrian *purli* ‘house’, etc.) ~ Basque **borda* ‘cottage, cabin, stable’ (NCED 312, LDC 158, CSCG 15)
- Bur **-ltV-r* ‘to show’ > (Y) *’-ltar-*, *’-ltir-*, (H, N) *’-ltir-* ~ PEC **ʔiĭV* ‘to look’ (Chamalal *ĭ:i-d*, Tabasaran *lig-*, etc.) ~ PY **ʔV(?)l-* ~ **ʔV(?)r₁-* > Kott. *ŋ-āl-iga* ‘I know’ ~ PST **t-lǎ(H)* ‘to see, look’ (NCED 209, CSCG 255)
- Bur **múltur* > (H,N) *-múltur* ‘nostril’ ~ PEC **wĕnĭV* (Batsbi *marλə* ‘nose’, Bezhta *moλə* ‘beak’, etc.) ~ Basque **mutur* ‘snout, muzzle; end, edge’ < **murtu-r̄* ~ PST **lũH* ‘head’ (NCED 1041, CSCG 216)
- Bur **qhVltá* ‘sack, pocket’ ~ < PEC **GHĭrĭwV* (see above)
- Bur **-hált-* ‘to wash’ > (Y) (ba)-*hált-*, (H, N) *-alt-/ -yalt-* ~ PEC **=VĭVn* ‘to wash, pour, weep’ (Chechen =*ēlχ-* ‘to weep; to pour (of rain)’, Archi e=*ĭ:in-* ‘to make an ablution’, etc.) ~ PST **t-lēŋ* ~ **t-lāŋ* ‘to wash, clean’ (NCED 1023, CSCG 212)
- Bur **dalt-* > (N) *daltán-* ‘to thresh’⁷⁵ ~ PEC **=V̄-rĒV* < **rVĒV* ‘to thresh’ (Batsbi *arl-*, Bezhta =*ol-*, etc.; Andi *loli* ‘threshing; threshing floor; Archi *λorom* ‘threshing board’, etc.) ~ Basque **lařain* ‘threshing floor’ (NCED 1031, CSCG 182)
- Bur **-wĕłji* ‘dream’ > (Y) *-wĕłji*, (H,N) *-ũłji* ~ PNC **fiemĭĀ* ‘dream’ (Dargwa *hanḱ* ‘sleep’, Karata *hanĭu* ‘fog, cloud’, etc.) ~ Basque **lainho* ‘cloud, mist, fog’⁷⁶ (NCED 512, CSCG 93)
- Bur **-lji* ‘behind, backwards’⁷⁷ ~ PEC **ĭi* ‘below, down’ (Bezhta *ĭi-* ‘down, below’, Lak *luw* id., etc.) (NCED 778)
- Bur **-wĕłji* ‘womb, afterbirth’ ~ PEC **rVHVnĭwV* / **HVrVnĭwV* ‘some internal organ’: Tindi *reĭ:a-(ĭ:a riĭ:i)* ‘diaphragm’, Rutul *nixră* ‘placenta’, etc. (NCED 955, ToB)
- Bur **hulj-* > (Y) *huljá-* ‘to ride (a horse)’ ~ PEC **ʔiĭV* ‘to run, leap’ (Avar *ĭ:ú-r-d-* ‘to dance’, Rutul *hi=iga-* ‘to drive, urge’, etc.) ~ PST **t-lǎj(H)* ‘to run, gallop’ (NCED 209, CSCG 256)

The Burushaski reflex of all lateral affricates in stem-final position is simply /l/:⁷⁸

- Bur **-yal-* ‘to hear’ ~ PNC **=eĭu* ‘to hear’: Andi *anli-* ‘to hear’, Budukh *ix-* id., etc. (NCED 411, CSCG 46)
- Bur **w-él-* / **b-él-* ‘to put on (clothes)’ ~ PEC **=VĭV* ‘to put clothes (on the upper body)’: Chamalal, Tindi =*al-*, Khwarshi *š-iĭ-*, etc. ~ PY **ʔalVŋ* ‘trousers’ (NCED 1024, CSCG 212)
- Bur **bal-*, **-wál-* 1 ‘place between the shoulders’, 2 ‘back of the shoulders, upper part of the back’, 3 ‘back’ > (H) *bálbal* 1, *bál-giçŋ* 2, *-wáldas* 3, (N) *bálbal* 1, *bál-giçan* 2, *-wáldas* 3, (Y)

⁷¹ Initial **ha-* may be influenced by *hará-* ‘to urinate’. In stem-final position we would expect **(ha)rál* (see below). See the note to **yult*, above.

⁷² PEC **ĭ* is reconstructed on the basis of circumstantial evidence.

⁷³ The Basque word requires a metathesized protoform such as **ĭnwrV*.

⁷⁴ This is probably related to PEC **bũnĭe* ‘eight’ (Avar *miĭ-go*, Hunzib *beĭ-no*, etc.).

⁷⁵ Bur initial *d-* < **r-*: cf. Bur **diltar* ‘buttermilk’, above.

⁷⁶ “Andian languages demonstrate a non-trivial semantic development ‘dream’ > “vision’ > ‘cloud’” (NCED). Likewise in Basque.

⁷⁷ Starostin (ToB) prefers to compare Bur **-lji* with PNC **HI[a]ĭV* ‘breast, back’, etc.

⁷⁸ Apparent exceptions are probably the result of analogical leveling. (See the notes to **yult* and **harált*, above.)

wáldes 3 ~ PNC **bũǰV* ‘upper part of the body’ (Batsbi *bali* ‘shoulders’, Adyge, Kabardian *ǰǰa* ‘upper part of the back’, etc.) ~ Basque **śor-balda* ‘shoulder’ < **śor-barda* (NCED 313, LDC 32, CSCG 158)

- Bur *-*híl* ‘lip, edge, shore’ ~ PEC **HǎǰwV* (~-ě-, -ǐ-) ‘forehead’ > Chechen *ħaž*, Tindi *haǰ:a*, etc.)⁷⁹ (NCED 543, CSCG 84)
- Bur **bal* ‘marrow, brain, kernel (of walnut)’ ~ PEC **bñǰǰV* ‘(large) intestines’ > Bezhta *baǰa* ‘large intestine’, Udi *buq:un* ‘belly’, etc.) ~ Basque **barda* / **marda* ‘belly, abdomen, bowels, tripe, stomach, rennet’ ~ PY **piǰí* ‘intestine(s)’ ~ PST **bik* ‘bowels’ (NCED 297, CSCG 13)
- Bur **el-* > (Y) *él-den* ‘year before year before last’ (*den* ‘year’) ~ PEC **?VǰwV* ‘last year’ (Avar dial. *uǰi-sa*, Tsez, Hinukh *eǰi*, Bezhta *iǰe*, etc.) ~ Basque **urte* ‘year’ (NCED 225, CSCG 259)
- Bur **bél-is* ‘ewe that has already given birth’ ~ PNC **bħǰǰwǐ* ‘small cattle’ (Bezhta, Hunzib *biǰ* ‘sheep’, Andi *belir* ‘deer’, etc.) ~ Basque **bil-doć* ‘lamb (that has begun to feed itself)’ (NCED 293, CSCG 12)
- Bur *(*l*)*tal* > *tal* ‘dove’ ~ PEC **ǰeǰē* (Avar *ǰ:iǰ:i* ‘songbird’, etc.) (see above)
- Bur *-*ú**l* ‘belly, abdomen’ ~ PEC **ǰr(a)ǰV* ‘stomach; rennet, abomasum’ (Karata *m-eǰ:u* ‘stomach’, Hunzib *b-eǰ* ‘rennet, abomasum’, etc.) ~ Basque **urdail* ‘stomach, abomasum, womb’ ~ PST **t-lǰw* ‘belly, stomach’ (NCED 670, CSCG 112)

One might have noted that in some forms above (**hará**lt* ‘rain, rain cloud’, **-há**lt-* ‘to wash’) Burushaski has /*lt*/ in what appears to be final position, an apparent contradiction to the rule just cited. The restoration of /*lt*/ in these cases can be attributed to analogy, based on inflected forms such as *hará**lti**ŋ* ‘rainfall, rainclouds’. Likewise in the case of Bur **bél-is* ‘ewe’ (see above) the development of **ǰ* > stem-final /*l*/ had already taken place before the addition of *-is* (a frequent Bur suffix).

For more details on DC lateral affricates and their reflexes, see Bengtson (2008a: 59–61).

Typological parallels of the change TL > LT: If we symbolize the postulated change of DC lateral affricates to Bur /*lt*/ (reduced in initial position to /*t*/ and in final position to /*l*/) as *TL* > *LT*, some typological parallels support the probability of this type of phonological change. The clearest and most familiar may be the change seen in Spanish:

- Lat. *spatula* > OSp. *espadla* ~ *espalda* > MSp. *espalda* ‘back’
- Lat. *capitulu* > OSp. *cabidlo* ~ *cabildo* > MSp. *cabildo* ‘town council’
- Lat. *foliatile* > OSp. *hojadle* ~ *hojaldre* > MSp. *hojaldre* ‘puff pastry’
- Lat. *titulu* > (Catalan) *title* > OSp. *tidle* ~ *tilde* > MSp. *tilde* ‘written accent’

In Old Spanish the /*dl*/ and /*ld*/ forms coexisted, while in the modern language the /*ld*/ forms have prevailed. In Judeo-Spanish the change has been extended to include imperative plural + clitic constructions (Bradley 2006: 80):

- JSp. *traeldo* = MSp. *traedlo* ‘bring it’ < Late Latin *tra(h)ete* + *illu*
- JSp. *tomalda* = MSp. *tomadla* ‘take it’
- JSp. *daldo* = MSp. *dadlo* ‘give it’

⁷⁹ For semantics, cf. Hunzib *bil* ‘lip’, Tindi *bala* ‘edge, end, corner’, Lezgi *p:el* ‘forehead’, etc.; Basque **bela-ř* ‘forehead’.

In English a parallel can be seen in the popular name *Sheltie* for Shetland pony or Shetland sheepdog. In recent American English *chipotle*, the name for a dried chili pepper derived (through Mexican Spanish) from Nahuatl, is frequently pronounced /čip'olti/.⁸⁰

It is interesting to note the derivation of Spanish *alcalde* 'judge' < Arabic *al-qāḍī* 'the judge' (Corominas 1990: 38), in which the Spanish cluster /ld/ substitutes for the Arabic "emphatic" *ḍ* (which in turn comes from the Semitic lateral sibilant *š).

In Tibetan and other Bodic languages of the Sino-Tibetan family PST **t-l-* may yield /lt/, /ld/, or /lč/, for example:

- Tib *lto* 'belly, stomach' < PST **t-ləw* id. ~ PEC **=īr(a)l̥V*, Bur **-úl*, Basque **urdaíl*, etc. (see above)
- Tib *lte* 'navel, center' < PST **t-lāj* 'center, middle' ~ PNC **=ǝǝĚ* 'middle, half', Basque **erdi* id., PY **ʔaʔl* 'half' (CSCG 46)
- Tib *lta* 'look' < PST **t-lə(H)* 'to see, look' ~ PEC **ʔil̥V* 'to look', Bur **-ltV-r-* 'to show', etc. (see above)
- Tib *ltag* 'nape, back part of the neck' < PST **t-luak* 'back' ~ PEC **ǰarq̄wě* 'forehead; cap', Basque **lok-* 'temple; middle of forehead' (NCED 775, ToB)
- Tib *ldeb* 'leaf, sheet' < PST **(t)-lāp* 'leaf' ~ Burushaski **ltap-* 'leaf; to wither', PNC **ǰāpi* 'leaf', Basque **lapar̄* 'bramble', PY **jāpe* 'leaf' (see above)
- Tib *ldeb-s* 'side' < PST **t-ləp* 'border, side' (ToB) ~ (? Basque **lepo* 'neck')
- Tib *lčag* 'rod, stick' < PST **t-ləḱ* 'stake, stick' ~ Bur **ltaḱ* 'branch, shoot', Avar *ǰ:ox:* 'stubble', etc. (see above)
- Tib *lčag-s* 'iron; lock' < PST **t-l[ia]k* 'iron' (ToB) ~ Bur **ltik > tik* 'earth, ground; rust'

The difference from Basque and Burushaski is that Bodic has the metathesized cluster only *initially*, not *medially*, as in the other languages. Since Burushaski is spoken in an area immediately adjacent to the Bodic dialects (Balti and Purik, archaic Bodic dialects, are spoken directly east of the Burushaski area), it is possible that at some time in the past, both families had lateral affricates, and that the change of **TL > /lt/* (etc.) was an areal phenomenon that affected Burushaski and Bodic, but not more distant Sino-Tibetan languages (such as Lushai, which frequently has /tl/ or /thl/ < PST **t-l-*).

Morphology

Nouns

In the Burushaski nominal system the case endings, as admitted by Č himself, are the same for both singular and plural. Bur therefore has an agglutinating morphology, not the inflected morphology typical of IE. We find the Bur case endings far more compatible with those of Basque and Caucasian, including the compound case endings found in all three families (Bengtson 2008a: 90–92).

Furthermore, though it is not mentioned by Č, many (about 150) of the most basic nouns are bound forms, *i.e.*, they cannot occur without a pronominal prefix (for example, Bur (H, N) *-ltúr* 'horn' manifests as *a-ltúr* 'my horn', *gu-ltúr* 'thy horn', *i-ltúr* 'his horn', *mu-ltúr* 'her horn', etc.). Toporov (1971) pointed out these remarkable parallels between Bur and Yeniseian:

⁸⁰ *Chipotle* is also the name of a restaurant chain. Evidence of the metathesis *chipotle ~ chipolte* can easily be found with an internet search of *chipolte*.

	‘my hand’	‘thy hand’
Burushaski (H, N)	<i>a-ríiŋ</i>	<i>gu-ríiŋ</i>
Yeniseian (Ket)	<i>ab-ílaŋ</i>	<i>ug-ílaŋ</i>

Table 5

These prefixes can be reconstructed to something like **aŋa-* ‘my’ / **uxGu-* ‘thy’ (see the PDC pronoun stems, below), and the word ‘hand’ itself is reconstructed as **řVŋHV* (by Starostin: ToB). This type of construction is totally alien to IE patterns, as is the enormous number of different plural suffixes: about 70, as noted by Č (p. 23). So is the multiple class system of Bur, which is far more similar to class systems in Caucasian and Yeniseian than to gender in PIE.

Table 6. Burushaski noun classes⁸¹

Class type	human		non-human	
	human-male	human-female	non-human animate (animals, countable objects)	inanimate (uncountable objects, mass nouns, abstractions)
Class letter (Lorimer)	hm	hf	x	y
Class number	I	II	III	IV
Examples (Hunza-Nager)	<i>hir</i> ‘man’ <i>‘-uy</i> ‘father’ <i>qhudáa</i> ‘God’	<i>gus</i> ‘woman’ <i>dasín</i> ‘girl’ <i>parí</i> ‘fairy’	<i>hağúr</i> ‘horse’ <i>báalt</i> ‘apple’ <i>‘-l-ćín</i> ‘eye’	<i>phu</i> ‘fire’ <i>ge</i> ‘snow’ <i>ćhap</i> ‘flesh’

Table 7. East Caucasian noun classes

Class type	human		non-human	
	human-male	human-female	non-human animate	inanimate
Class number	I	II	III	IV
Examples (Lak)	<i>ćuw</i> ‘man’ <i>p:u</i> ‘father’ <i>ars</i> ‘son’	<i>š:ar</i> ‘wife’ <i>c:us:a</i> ‘female’ <i>nínu</i> ‘mother’	<i>ću</i> ‘horse’ <i>ćimus</i> ‘onion’ <i>ja</i> ‘eye’	<i>c’u</i> ‘fire’ <i>š:in</i> ‘water’ <i>dik</i> ‘flesh’

Bouda (1949); Catford (1977: 298–299).

Personal Pronouns

It is perhaps the personal pronouns that show most clearly the deep incompatibility of Bur and IE. IE, as is well known, is typified by the first and second-person pronouns **H₁eĝ(H)-* ‘I’ / **(e)me-* ‘me’ and **te-*, **towe-*, **tuH_x-* = **tū-* ‘thou, thee’. In Bur (Berger 1998: I, p. 80) the scheme is entirely different.

⁸¹ “The difference between class III and IV nouns is not as straightforward as [implied in the table.] Many class IV nouns are countable (and take class-specific plural endings), e.g. HN *-ríiŋ* ‘hand’, *-úsis* ‘foot’, *-ltúmal* ‘ear’, *-akín* ‘liver’, *ha* ‘house’, *tom* ‘tree’, *jamé* ‘bow (made of horn)’, while some abstract nouns are class III, e.g. *ćuťi* ‘leisure, holiday’, *rupiá* ‘money’, *ćilá* ‘the coldest period of the year’, *hariip* ‘melody’. Yet there is, of course, this strong tendency that objects and materials (incl. artifacts made from such materials) lacking a clearly defined or stable physical form are class IV. So ‘trees’ are IV, but their ‘fruits’ are III.” (B. Tikkanen, pc.).

Table 8. Burushaski Personal pronouns

Person	1 sg.			2 sg.			1 pl.			2 pl.		
	dir.	g.-e.	v.p.	dir.	g.-e.	v.p.	dir.	g.-e.	v.p.	dir.	g.-e.	v.p.
Hunza & Nagir	<i>je</i>	<i>jáa</i>	<i>áa-</i>	<i>un</i> <i>uŋ</i> N <i>um</i>		<i>gu-</i> <i>gú-</i> <i>gó(o)-</i> <i>-kó(o)-</i>	<i>mi</i>	<i>míi</i> <i>mée</i>	<i>mi-</i> <i>mí-</i> <i>mé(e)-</i>	<i>ma</i>		<i>ma-</i> <i>má-</i> <i>máa-</i>
Yasin	<i>ja</i>			<i>un</i>		<i>gu-</i> <i>gú-</i> <i>gó(o)-</i> <i>-kó(o)-</i>	<i>mi</i>			<i>ma</i>		<i>ma-</i> <i>má-</i>

Berger (1998); dir. = direct, g.-e. = genitive-ergative, v.p. = verbal prefix.

Here we see that the Bur system is suppletive, with different stems for direct forms and oblique forms, in both first and second person. Č (p. 72) attempts to connect Bur *je*, *já* with PIE $*H_1e\hat{g}(H)-$ but he can do so only by violating the sound correspondence discussed above (PIE $*\hat{g}$, $*\hat{g}^h$ = Bur *g*, *g*!) He further tries to connect Bur *un* (~ *um*, *uŋ*) with PIE $*tuH_xom$, emphatic form of $*tuH_x = *t\bar{u}-$, but again only by requiring another unprecedented change: $t > d > 0$!

For comparison, below we present the attested forms of personal pronouns in the Indo-Iranian languages that surround Burushaski:⁸² see tables 9 & 10.

Table 9. Personal pronouns in Nuristani & Dardic

Person	1 sg.		2 sg.		1 pl.		2 pl.	
	direct	oblique	direct	oblique	direct	oblique	direct	oblique
Kati	<i>vuze, ōnc</i>	<i>ĩa, ye</i>	<i>t'u</i>	<i>to, tu</i>	<i>ema, imā, yimo</i>		<i>ša, šo</i>	
Waigali	<i>aŋa</i>	<i>ũ</i>	<i>tũ</i>	<i>tū</i>	<i>amī</i>	<i>amē</i>	<i>wī</i>	<i>wā</i>
Aškun	<i>ai</i>	<i>yũ</i>	<i>tu</i>	<i>ō</i>	<i>ima</i>		<i>wī</i>	<i>yā</i>
Prasun	<i>unzū</i>	<i>āndeiš</i>	<i>i/ü/yū</i>	<i>üt'öiš</i>	<i>asē</i>		<i>mīū</i>	
Dameli	<i>ai</i>	<i>mū, mo</i>	<i>tu</i>	<i>tō</i>	<i>ai</i>	<i>amā</i>	<i>bi</i>	<i>myā</i>
Gawar	<i>a</i>	<i>mō</i>	<i>tu</i>	<i>tō</i>	<i>amō, ama-</i>		<i>mē</i>	
Wotapuri	<i>au</i>	<i>ma-</i>	<i>tu</i>	<i>ta, tha-</i>	<i>mū, mun</i>		<i>thū</i>	
Šumašti	<i>ā</i>	<i>mō</i>	<i>tu</i>	<i>tō</i>	<i>ābə</i>	<i>ama</i>	<i>wī</i>	<i>ima</i>
Pašai	<i>a</i>	<i>ma-</i>	<i>tə, tō</i>	<i>tō, tē-</i>	<i>hama</i>		<i>(h)ēmā, mōmā, myā</i>	
Tirahi	<i>au, ao</i>	<i>mē</i>	<i>tu, to</i>	<i>te, tē</i>	<i>ao, mā</i>	<i>mēn</i>	<i>tao</i>	<i>tā</i>
Kalaša	<i>ā</i>	<i>mai</i>	<i>tu / tū</i>	<i>tai</i>	<i>ābi</i>	<i>hōma/i</i>	<i>ābi</i>	<i>mīmi/e</i>
Khowar	<i>awá</i>	<i>ma</i>	<i>tu</i>	<i>ta</i>	<i>ispá</i>		<i>pisá</i>	
Torwali	<i>ā, ai</i>	<i>mě, mǎ</i>	<i>tu</i>	<i>ta</i>	<i>mo, moi</i>	<i>mo, ma-</i>	<i>tō, thō</i>	<i>to, ta-</i>
Baškarik	<i>ya</i>	<i>ma-</i>	<i>tu</i>	<i>tha-</i>	<i>ma</i>		<i>tha</i>	
Garwi	<i>yah</i>	<i>mā-</i>	<i>tu</i>	<i>ta-</i>	<i>mā</i>		<i>ta-</i>	

⁸² Thanks to E. Bashir for some corrections of Khowar forms.

Person	1 sg.		2 sg.		1 pl.		2 pl.	
	direct	oblique	direct	oblique	direct	oblique	direct	oblique
Maiyan	<i>mã</i>	<i>mẽ</i>	<i>tũ</i>	<i>tẽ</i>	<i>bẽ</i>	<i>zã</i>	<i>tus</i>	<i>sã</i>
Kanyawali	<i>ma</i>	<i>mĩ, mĩ</i>	<i>tu</i>	<i>tĩ, tĩ</i>	<i>be</i>	<i>zã</i>	<i>tus</i>	<i>cã</i>
Phalura	<i>ma</i>		<i>tu</i>		<i>be</i>	<i>as-</i>	<i>tus</i>	
Šina	<i>ma(h)</i>	<i>mã</i>	<i>tu(h)</i>	<i>thã, tũ</i>	<i>bẽ</i>	<i>ãs-</i>	<i>tsho, co</i>	
Kašmiri	<i>ba(h)</i>	<i>m'e</i>	<i>cũ(h)</i>	<i>c'e</i>	<i>as'</i>	<i>as'e</i>	<i>tʷah'</i>	<i>tʷah'e</i>
Vedic	<i>ahám</i>	a. <i>mā(m)</i>	<i>tuvám</i>	a. <i>tvā(m)</i>	a. <i>asmán</i> , d. <i>asmábhyam</i>		a. <i>va</i> , g. <i>yušmākam</i>	

Édelman (1978, 289); a. = accusative, d. = dative, g. = genitive.

Table 10. Personal pronouns in Pamir languages

Person	1 sg.		2 sg.		1 pl.		2 pl.	
	direct	oblique	direct	oblique	direct	oblique	direct	oblique
Yidgha	<i>zo, zə</i>	<i>mən, mun</i>	<i>tu, tə</i>	<i>tu/ə/ola</i>	<i>max, mox</i>		<i>maf, mof</i>	
Munjan	<i>zã, zə</i>	<i>mən, mun</i>	<i>tu, tə</i>	<i>to/ã/ə/aw</i>	<i>mox</i>		<i>mõf</i>	
Šughni	<i>wuz</i>	<i>mu</i>	<i>tu</i>		<i>mãš</i>		<i>tama</i>	
Rušan	<i>az</i>	<i>mu</i>	<i>tu</i>	<i>tã</i>	<i>mãš</i>		<i>tama</i>	
Khuf	<i>waz</i>	<i>mu</i>	<i>tu</i>	<i>taw, tã</i>	<i>maš</i>		<i>tama</i>	
Bartangi	<i>ãz</i>	<i>mun, mu</i>	<i>tũ</i>	<i>ta</i>	<i>mãš</i>		<i>tamãš</i>	
Orošor	<i>waz</i>	<i>mun, mu</i>	<i>tu</i>	<i>tã</i>	<i>mãš</i>		<i>tamãš</i>	
Sarykoli	<i>waz</i>	<i>my, myn</i>	<i>tɛw</i>	<i>ta, ty</i>	<i>maš</i>		<i>tamaš</i>	
Iškašim	<i>az(i)</i>	<i>mak</i>	<i>tĩ</i>	<i>fak</i>	<i>mĩx(ó)</i>	<i>mĩč'v(o)</i>	<i>tĩmĩx</i>	<i>tĩmĩx(řv)</i>
Yazghulam	<i>az</i>	<i>mũn, mon</i>	<i>tow</i>	<i>tu, ti-</i>	<i>mox</i>			
Wakhi	<i>(w)uz, wəz</i>	<i>maž</i>	<i>tu</i>	<i>taw, tow</i>	<i>sak</i>	<i>səpó</i>	<i>sá(y)išť</i>	<i>sav</i>
Avestan	<i>azəm</i>	g. <i>mānā</i>	<i>tuuəm, tũ</i>	g. <i>tauuā</i>	g. <i>ahmākam</i> OPers. g. <i>amāxam</i>		g. <i>yūšmākam</i>	

Efimov & Édelman (1978, 218); g. = genitive.

In spite of some formally similar forms in the contemporary languages, e. g. Yidgha *mox*, Munjan *max*, Iškašim *mĩx* ‘we’, *vis-à-vis* Bur *mi* id., deeper comparison shows that they have quite separate origins. Thanks to the archaic Indo-Iranian literary languages, Avestan, Old Persian and Vedic OI, we can project the Indo-Iranian forms into the past and derive them from the stem **asmā-*, from PIE **ns-mé-*. Bur *mi*, on the other hand, maybe comes from PDC **mi(nV)* ‘self, (our)self’, according to Starostin (CSCG 146: cf. ST: Lushai *mi* ‘me, us, my, our’, etc.).

We propose that comparison of the Bur personal pronouns with those of East Caucasian (and other DC languages) is more fruitful as well as more straightforward than comparison with IE. Both Burushaski and the reconstructed Proto-(North) Caucasian have *suppletive* pronoun stems in the first and second person singular. For the present purpose, let us compare Bur with two East Caucasian languages, Khinalug and Tsakhur. Khinalug is the highest

(2300 m. = 7546 ft.) and most remote village in Azerbaijan, where the inhabitants still speak a Caucasian language.⁸³ Tsakhur is also spoken in Azerbaijan as well as in Dagestan. Both languages appear to have preserved remnants of old eastern Dagestania suppletive paradigms: see table 11.

Table 11. Personal pronouns in Eastern Dagestania languages

		direct	genitive	dative
1 st person sg.	Khinalug	<i>zi</i> (nom.) <i>jä</i> (erg.)	<i>i, e</i>	<i>as</i>
	Tsakhur	<i>zu</i>	<i>jiz-in</i>	<i>za-</i>
2 nd person sg.	Khinalug	<i>wi</i> (nom.) <i>wa</i> (erg.)	<i>wi</i>	<i>oχ</i>
	Tsakhur ⁸⁴	<i>wu ~ ku (= ġu)</i>	<i>j-ik- (= j-ig-)</i>	<i>wa-</i>

According to Nikolayev and Starostin (NCED, pp. 402, 483–84, 855, 1014–15, 1084–85), the original Proto-Caucasian pronominal paradigms were very complicated, and difficult to reconstruct with much certainty. In the first person singular West Caucasian and most East Caucasian languages have forms going back to PNC **direct** *zō(-n), **ergative** *ʔez(V), **genitive** *ʔiz(V), **oblique** *zā-, though Lak and Dargwa have instead a first person stem *nĩ (cf. Basque *ni ‘I, PST *ñā- ‘I, we’, etc.). In the second person singular PEC had a “complicated suppletive paradigm” consisting of **direct** *uō(-n) / *kwV̄ = *ġwV̄, **ergative** *ʔōkwV = *ʔġwV, **genitive** *ʔeuV / *ʔiüV, and **dative** *dū.

Clearly a great deal of rearrangement has taken place in all of these languages since the original paradigms of thousands of years ago. West Caucasian abandoned most of the suppletive stems and kept only *sa ‘I’ (= *zō) and *wa ‘thou’ (= *uō). One East Caucasian language, Dargwa (Akushi and Urakhi dialects) has retained the stems *nĩ and *kwV̄ = *ġwV̄, resulting in a paradigm coinciding with that of Basque:⁸⁵

	‘I’	‘thou’
Dargwa (Akushi, Urakhi)	<i>nu</i>	<i>ħu</i>
Basque	<i>ni</i>	<i>hi</i>

Table 12

We can then summarize the genesis of the Burushaski first and second person singular pronouns as follows: see table 13.

Interrogative Pronouns

As stated correctly by Č (p. 74), Bur interrogative pronouns are built on bases containing the labials /m/ and /b/: *me- ‘who’ and *be ‘what’, and he also quite correctly recognizes the Bur tendency to waver between /m/ and /b/. Č connects the Bur interrogatives with the rare IE in-

⁸³ <http://www.xinaliq.com/>; <http://www.eki.ee/books/redbook/khinalugs.shtml>.

⁸⁴ Note that Tsakhur exhibits free variation between the two old second person stems: *wu* < *uō vs. *ġu* < *kwV̄.

⁸⁵ Note that some Dargwa dialects have instead retained the PEC stem *zō as *du* ‘I’.

Table 13

	Proto-Burushaski	Proposed cognates	Proto-Dene-Caucasian ⁸⁶
1 st pers. sg. direct	* <i>ʒa</i>	Khinalug <i>zi</i> Tsakhur <i>zu</i> Chechen <i>so</i> PWC * <i>sa</i> Yen. * <i>ʔaʒ</i>	* <i>zV</i>
1 st pers. sg. oblique	* <i>a-</i> (< * <i>ŋa-</i>) ⁸⁷	Dargwa <i>nu</i> Basque * <i>ni</i> Kott * <i>ŋ-/ŋ</i> ⁸⁸	* <i>ŋV</i>
2 nd pers. sg. direct	* <i>u-n</i>	Archi <i>un</i> Khinalug <i>wi</i> Tsakhur <i>wu</i> (~ <i>ǵu</i>) PWC * <i>wa</i> Yen. * <i>ʔaw / ʔu</i>	* <i>wV</i>
2 nd pers. sg. oblique	* <i>gu-</i> / * <i>go-</i>	Tsakhur <i>ǵu</i> (~ <i>wu</i>) Chechen <i>ho</i> Dargwa <i>hu</i> Basque * <i>hi</i> Yen. * <i>kV-/ʔVk-</i>	* <i>xGwV</i>

interrogative stem **me/o-*, attested only in Anatolian, Tocharian, and Celtic. We must point out, however, that the **mV-* interrogative is much more richly attested in DC than in IE, and furthermore the *m ~ b* alternation is attested in DC, but not in IE:

- Caucasian: PEC **mV-* > Chechen *mi-la* ‘who’, *mi-ča* ‘where’, *ma-ca* ‘when’ etc.; Andi *emi-* ‘who’, Chamalal *im* id., Tind. *ima-la* ‘who’; Lezgi, Agul *mu-s* ‘when’ / Archi *ba-sa* ‘when’
- Basque: *ba-* conditional prefix, ‘if-’ (Trask 1997: 225)⁸⁹
- Sino-Tibetan: PST **mV-* > Karen **mV* ‘what’, Serdukpen *mu* id., Bodo **ma?* id., Ao Naga **mV* id., Sichuan **mV* id. (ToB) / PST **Pa* ‘what, which’ > Burmese *ba* ‘what, which’, Jingpo *pha*¹ ‘what’, Bodo *bə* ‘which one’ (CSCG I: 92)

⁸⁶ S.A. Starostin (ToB, 2004–2005a, 2004–2005b).

⁸⁷ Loss of initial PDC **ŋ* in Bur (or replacement with /h/) is regular, per Starostin (CSCP 48).

⁸⁸ According to Starostin, Ket *b-/ʔab-* belongs here; but the development **b < *m < *ŋ* (CSCP 48) does not agree with the rules established by him earlier (Starostin 1982), while the Kott data agree excellently:

~*âliga* < *ŋâliga* ‘ich Weiss’ = *‘mein Wissen’

~*aiteän* (*ŋaiteän*) ‘ich will’ = *‘mein Wunsch’

~*apeaŋ* < *ŋapeaŋ* ‘in; hinein’ < *‘mein Inneres’

~*ani* < *ŋani* ‘mein Schwiegersohn’ : Ket *εń* ‘Schwiegersohn’

~*âma* < *ŋâma* ‘mein Mutter’

~*ôp* < *ŋôp* ‘mein Vater’.

See W. Werner, *Vgl. Wörterbuch der Jenissej-Sprachen*, Bd. 2, Wiesbaden 2002, 29–30, who has collected the Kott examples from Castrén 1858. Concerning Ket *ab-* ‘my’, Arin *b(i)-*, Kott *m-inšo*, and Ket & Yugh 1st person sg. verbal exponent *ba-/bo-*, a promising cognate appears in Hurrian *-iffu-/iffə-/iffē-* ‘my’, pl. *-iff=až* ‘our’; and in the ergative suffix of the 1st person *-aw*, e.g. *tād=aw* ‘I love [it]’ (see Gernot Wilhelm, „Hurrian,” In: *The Cambridge Encyclopedia of the World’s Ancient Languages*, ed. by Roger D. Woodard, Cambridge: University Press 2004, 107, 112).

⁸⁹ For semantic development, cf. Old Irish *ma* ‘whether, if’ < PIE interrogative stem **me/o-*, cited by Čašule (p. 74); German *wenn* ‘if’ < ‘when’; Czech *či* ‘ob’, Polish *czy* ‘ob’ < PIE interrogative stem **k^wei-*, etc.

- Yeniseian: PY **wi-* / **we-* ‘interrogative pronoun’⁹⁰ > Ket *biśéŋ* / *biśaŋ* (< *biśa:ŋ*³) ‘where’, *biśśe* ‘who’ (masc.), *bε-śa* ‘who’ (fem.), *bi-l̥a*^{5,6} ‘how’, *bi-l̥és* / *bil̥ás* ‘whither’; Kott *bi-li* ‘where’, *bil̥thuŋ* ‘whither’, *bil̥čaŋ* ‘whence’, *bi-l̥aŋ* ‘which’, etc.

Verb

In the verb the Bur variance from IE is just as pronounced as in the noun. The “typological similarity” claimed by Č (p. 75) is only in regard to vaguely similar systems of aspects and tenses, without any material parallels pointing to common genetic origin. The verbal endings (Č, pp. 75–77) are similar only in that both Bur and IE have endings containing *n* and *m*, though there are no real correspondences between them. Most striking is the existence of the Bur template verbal morphology with as many as four prefix positions preceding the verb stem.

Table 14. Burushaski verb template

prefix position	–4	–3	–2	–1	0	+1	+2	+3	+4	+5	+6
function	NEG	D	PRON	CAUS	VERB	PL.SBJ.	DUR	1sgSBJ	AP/ NON-FIN/ MODAL	SBJ	Q
	negative marker	subject version	pronominal prefix (person/class)	causivity/valence	verb stem	plural marker					

Tikkanen 1995, Berger 1998, Anderson, ms.

It is well known that Proto-IE had few verbal prefixes.⁹¹ The Bur prefixal template is far more compatible with languages such as those of the Yeniseian family, especially the well-documented verbal morphology of Ket, and of the extinct Kott; Basque, Caucasian (especially West Caucasian), and Na-Dene also seem to preserve distinctive features (multiple noun classes, polysynthesis, extensive verbal prefixing of pronominal and valence-changing grammemes) of the postulated Dene-Caucasian proto-language: see, e.g. Bengtson (2008a, 2010a, 2010b), G. Starostin (2010a).

Numerals

Č (p. 75) makes some ingenious Burushaski-IE comparisons of the numerals ‘one’, ‘two’ (actually Bur ‘two’ + IE **H₂al-* ‘other’), ‘eight’, and ‘nine’. Before commenting on these attempts, let us first provide some background information on the complete numeral systems of Bur and its IE neighbors:

⁹⁰ Yeniseian **w-* is the regular reflex of PDC **m-* (CSCP 35).

⁹¹ Concerning verbal prefixes in IE, the situation is rather complex. Most of the historically attested IE languages use prefixes, which represent the prepositions, sometimes “frozen,” as in Hittite. The verbal augment is another example, different from usual prefixes. Its existence is attested in Indo-Iranian, Armenian, Greek. E. Hamp (1997, 127) tried to demonstrate that it is not excluded that it was known in other languages too, e.g. in the Latin form *enos* ‘we’ instead of *nos* in the *Carmen Arvale*. This means that this “prefix” would be free and not dependent only on the verb. There could also be some old prefixes of the type “*s*-mobile” in Indo-European, maybe corresponding with the Afroasiatic *s*-causative.

Table 15. Burushaski numerals

Dial. \ Num.	1	2	3	4	5
Hunza & Nagir	<i>hin</i> <i>han</i> <i>hik</i>	<i>altó</i> <i>altác</i> <i>altá(n)</i>	<i>iské(n)</i> <i>uskó</i> <i>iskí</i>	<i>wáľto</i> <i>wáľti</i>	<i>čhundó</i> <i>čhindi</i>
Yasin	<i>hen</i> <i>han</i> <i>hek</i>	<i>altó</i> <i>altác</i> <i>altá(n)</i>	<i>iské</i> <i>iskó</i> <i>iskí</i>	<i>wáľtu/</i> <i>wáľte</i>	<i>čéndó</i> <i>čindó, -i</i>
Comments	H 18: <i>hun</i>			<i>w</i> + * <i>alt</i> - 2	

Dial. \ Num.	6	7	8	9	10
Hunza & Nagir	<i>mišindo</i> <i>mišindi</i> <i>ma°</i>	<i>thaló</i> <i>thalé</i>	<i>altámbo</i> <i>altám̄bi</i>	<i>hunćó</i> <i>huntí</i>	<i>tóorumo</i> <i>tóorimi</i>
Yasin	<i>bićindu</i> <i>bišinde</i>	<i>thaló</i> <i>thalé</i>	<i>altám̄bu</i> <i>altám̄be</i>	<i>hućó</i> <i>hutí</i>	<i>tórum</i>
Comments	- <i>miš</i> , pl. - <i>mianć</i> Y - <i>meš</i> , pl. - <i>mac</i> 'finger' + '5'	maybe cf. Khaling <i>tár</i> 7 (Hd 361)	* <i>altan</i> <i>be</i> 2 without	* <i>hun</i> - 1 minus * <i>Cu</i> 10? or from Y - <i>cu</i> - 'take away' (Bl 328)	<i>toórum</i> Y. <i>taúrum</i> so many; cf. Khaling <i>tađham</i> 10 (Hd 361)

Dial. \ Num.	10	20	30	40	50
Hunza & Nagir	<i>tóorumo</i>	<i>áľtar</i> N <i>áľthar</i>	<i>áľtar-tóorumo</i> /- <i>tóorimi</i>	<i>altó-áľtar</i> N - <i>áľthar</i>	<i>altó-áľtar</i> <i>tóorumo</i>
Yasin	<i>tórum</i>	<i>áľtar</i>			
Comments		< * <i>alt</i> - + * <i>tarum</i> - (B 16)	20 + 10	2 × 20	(2 × 20) + 10

Dial. \ Num.	60	70	80	90	100
Hunza & Nagir	<i>iskí-áľtar</i>	<i>iskí-áľtar</i> <i>tóorumo</i>	<i>wáľti-áľtar</i>	<i>wáľti-áľtar</i> <i>tóorumo</i>	<i>tha</i>
Yasin	<i>iskí-áľtar</i>		<i>walte-áľtar</i>		<i>tha</i>
Comments	3 × 20	(3 × 20) + 10	4 × 20	(4 × 20) + 10	

Berger 1998.

Table 16. Nuristani & Dardic numerals

Language	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Kati	<i>ev</i>	<i>d'u</i>	<i>tre</i>	<i>št(ə)vo</i>	<i>puč</i>	<i>šo, řu</i>	<i>sut</i>	<i>ořt, uřt</i>	<i>noh, nu</i>	<i>duc</i>
Waigali	<i>ew, ěk</i>	<i>dū</i>	<i>trē</i>	<i>čatā</i>	<i>pūč, puč</i>	<i>řū</i>	<i>sōt</i>	<i>ōřt</i>	<i>nū</i>	<i>dōř</i>
Ařkun	<i>ač</i>	<i>dō, du</i>	<i>trā, tre</i>	<i>catā</i>	<i>pōnč, ponc</i>	<i>řū, řdu</i>	<i>sūt</i>	<i>ōřt</i>	<i>nō, nū</i>	<i>dus</i>
Prasun	<i>i/upün</i>	<i>lū</i>	<i>cři, čī</i>	<i>č'pū</i>	<i>wuču</i>	<i>wuřu</i>	<i>sētē</i>	<i>āstē</i>	<i>nū, nūyū</i>	<i>lāzē</i>
Dameli	<i>ek</i>	<i>dū</i>	<i>trā</i>	<i>čōr</i>	<i>pāč</i>	<i>řo</i>	<i>sat</i>	<i>ařt</i>	<i>nō</i>	<i>dař</i>
Gawar	<i>yak, yɔk</i>	<i>dū</i>	<i>lē/ε</i>	<i>cūr</i>	<i>pō(n)c</i>	<i>ř^uō, ř^oō^u</i>	<i>sot, sat</i>	<i>ōřt</i>	<i>nū</i>	<i>dōř, dař</i>
Wotapuri	<i>yek, yaka</i>	<i>dū</i>	<i>tā, lā</i>	<i>c/sawūr</i>	<i>panz/c</i>	<i>řō, řē</i>	<i>sat, sātə</i>	<i>ař, āřə</i>	<i>nau</i>	<i>dař(ə)</i>
řumařti	<i>yäk</i>	<i>dū</i>	<i>lyē, līē</i>	<i>cōyur</i>	<i>pōn</i>	<i>řōo</i>	<i>sat, sət</i>	<i>āřt</i>	<i>nī</i>	<i>dās</i>
Pařai	<i>ī</i>	<i>dō</i>	<i>trā, l^oē</i>	<i>čār, cōr</i>	<i>panj</i>	<i>řə</i>	<i>sat</i>	<i>ařt</i>	<i>nō</i>	<i>dē</i>
Tirahi	<i>ek</i>	<i>dō</i>	<i>tre</i>	<i>cawor</i>	<i>panc</i>	<i>xo</i>	<i>sat</i>	<i>axt</i>	<i>nab</i>	<i>dah</i>
Kalařa	<i>ek</i>	<i>dū</i>	<i>tre</i>	<i>čau</i>	<i>pōn, pānř</i>	<i>řo</i>	<i>sat</i>	<i>ařt</i>	<i>nō</i>	<i>dař</i>
Khowar	<i>ī</i>	<i>řū</i>	<i>troi</i>	<i>čōr</i>	<i>pōnř</i>	<i>čhoi</i>	<i>sot</i>	<i>ořt</i>	<i>nēoh</i>	<i>řoř</i>
Torwali	<i>e(k), ē</i>	<i>du, dū, do</i>	<i>ča, ča</i>	<i>čau</i>	<i>panj</i>	<i>řō, řo</i>	<i>sat</i>	<i>ař</i>	<i>nōm</i>	<i>dař</i>
Bařkarik	<i>ak</i>	<i>dū</i>	<i>tā</i>	<i>čōr</i>	<i>panj</i>	<i>řo</i>	<i>sat</i>	<i>ařt</i>	<i>num</i>	<i>dař</i>
Maiyan	<i>ak</i>	<i>dū</i>	<i>čā</i>	<i>saur</i>	<i>pānz</i>	<i>řōh</i>	<i>sāt</i>	<i>āřt</i>	<i>num</i>	<i>dař</i>
Kanyawali	<i>ek</i>	<i>dū</i>	<i>čā</i>	<i>cōur</i>	<i>pās</i>	<i>řō</i>	<i>sāt</i>	<i>āřt</i>	<i>nau</i>	<i>dāř</i>
Phalura	<i>āk</i>	<i>dū</i>	<i>trō</i>	<i>čūr</i>	<i>pānz</i>	<i>řo^h</i>	<i>sāt</i>	<i>āřt</i>	<i>nū</i>	<i>dāř</i>
řina	<i>ěk</i>	<i>du</i>	<i>če</i>	<i>čar</i>	<i>poī</i>	<i>řa</i>	<i>sāt</i>	<i>āř</i>	<i>naū</i>	<i>daī</i>
Kařmiri	<i>akh</i>	<i>zū(h)</i>	<i>tr'ū(h)</i>	<i>cōr</i>	<i>pānc</i>	<i>řah</i>	<i>sath</i>	<i>āřt</i>	<i>naw</i>	<i>da(h)</i>

Table 16 (cont.)

Language	20	30	40	50	60	70	80	90	100	1000
Kati	<i>vici, vəcə</i>	<i>vica-duc</i>	<i>d'u-vəcə</i>	<i>d'u vəcə-duc</i>	<i>trə vəcə</i>				<i>puč vəcə</i>	
Waigali	<i>wiši</i>	<i>wiši-dōši</i>	<i>du-wiši</i>	<i>du-wišie-dōši</i>	<i>trēw(i)ši</i>		<i>čattā-wiši</i>		<i>pūč-wiši</i>	
Aškun	<i>wiši</i>	<i>wiši-ā-dus</i>	<i>dō-wiši</i>	<i>duišā-dōs</i>	<i>tré-wiši</i>	<i>tréwiši-dōs</i>	<i>catā-biši, čattō-iši</i>	<i>catā-wiši-dōs</i>	<i>punc-wiši</i>	
Prasun	<i>ɜū, zū</i>	<i>lɜɜä(i)ž</i>	<i>lyogɜu</i>	<i>leɟebiz</i>	<i>ščogɜu</i>		<i>čpagɜu</i>		<i>wučεgɜu</i>	
Dameli	<i>biši</i>	<i>bišio-daš</i>	<i>dū-biši</i>						<i>pāž-biši</i>	
Gawar	<i>iši</i>	<i>iši-o-dōš</i>	<i>du-iši</i>		<i>lē-iši</i>		<i>cūr-iši</i>		<i>pāinši</i>	
Wotapuri	<i>biš(ə)</i>	<i>biš-ō-daš</i>	<i>dū-biš</i>	<i>dū-biš-ō-daš</i>	<i>ṭā-biš</i>		<i>caur-biš</i>		<i>panɜ-biš</i>	
Šumašti	<i>isi</i>	<i>isi-dās</i>	<i>dū-isi</i>		<i>lyē-isi</i>		<i>cōur-isi</i>		<i>pōn-isi</i>	
Pašai	<i>wəst</i>	<i>wəst-ō-dāi trīw</i>	<i>du-wya</i>	<i>du-wya-u-dāi</i>	<i>trā-wya, lē-wya</i>		<i>čār-wiya</i>	<i>čār-wéa-dē</i>	<i>panɟawia</i>	
Tirahi	<i>biau, byeh</i>	<i>biau-dah</i>	<i>do-bē</i>	<i>do-biau-dah</i>					<i>panz-bē</i>	
Kalaša	<i>biši</i>	<i>biši-je-daš</i>	<i>dū-biši</i>	<i>dū-biši-je-daš</i>	<i>tre-biši(r)</i>	<i>trebiši-daš</i>	<i>čau-biši(r)</i>	<i>čaubiši-daš</i>	<i>poñ-biši</i>	
Khowar	<i>bišr</i>	<i>bišr-još</i>	<i>ju-bišr</i>	<i>ju-biširo-če-još</i>	<i>troi-išir</i>	<i>troibišir o-če-još</i>	<i>čōr-bišr</i>	<i>čōrbiširo -če-još</i>	<i>pōñ-bišr, šōr</i>	
Torwali	<i>biš</i>	<i>daš-ō-biš</i>	<i>dū-biš</i>	<i>daš-ō-dū-biš</i>	<i>ča-biš</i>		<i>čo-biš</i>		<i>panɟ-biš, soh</i>	
Baškarik	<i>biš</i>	<i>daš-ō-biš</i>	<i>dū-biš</i>	<i>daš-ō-dū-biš</i>	<i>ṭha-biš</i>		<i>čōr-biš</i>		<i>panɟ-biš</i>	
Maiyan	<i>biš</i>	<i>daš-ō-biš</i>	<i>dū-biš</i>	<i>daš-ō-dū-biš</i>	<i>ča-biš</i>		<i>saur-biš</i>		<i>šal</i>	
Kanyawali	<i>biš</i>		<i>dū-biš</i>		<i>ča-biš</i>		<i>cōur-biš</i>		<i>šal</i>	
Phalura	<i>bhiš</i>	<i>bhiš-e-dāš</i>	<i>du-bhiša</i>		<i>trō-bhiša</i>		<i>čūr-bhiša</i>		<i>pāñ-bhiša</i>	
Šina	<i>bi(h)</i>	<i>bi-ga-daī</i>	<i>dībyo</i>	<i>dībyo-ga-daī</i>	<i>čēbyo</i>	<i>čēbyo-ga-dai</i>	<i>čarbyo</i>	<i>čarbyo-ga-dai</i>	<i>šāl</i>	<i>sās, sās</i>
Kašmiri	<i>wuh</i>	<i>trūh</i>	<i>catūjūh</i>	<i>pancāh</i>	<i>šəṭh</i>	<i>satat</i>	<i>šūth</i>	<i>namat</i>	<i>hath</i>	<i>sās, sōs^u</i>

Édelman 1978, 285–87.

Table 17. Numerals of the Pamir languages

Language	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Yidgha	<i>yū</i>	<i>lo^h</i>	<i>ǰ^uroi</i>	<i>čšir</i>	<i>pāns, ^onǰ</i>	<i>úxšo</i>	<i>ávdó</i>	<i>áščó</i>	<i>nōu</i>	<i>los</i>
Munjan	<i>yū</i>	<i>lu</i>	<i>ǰⁱroi</i>	<i>čfūr</i>	<i>ponž</i>	<i>óxšo</i>	<i>óvdó</i>	<i>ošk^{yo}</i>	<i>nau</i>	<i>da</i>
Šughni	<i>yīw, yi</i>	<i>du, diyūn</i>	<i>aráy</i>	<i>cavór</i>	<i>pīnǰ</i>	<i>xōǰ</i>	<i>(w)ūvd</i>	<i>waǰt</i>	<i>nōw</i>	<i>δīs</i>
Rušan/Khuf	<i>yīw, yi</i>	<i>daw</i>	<i>aráy</i>	<i>cavūr</i>	<i>pīnǰ</i>	<i>xūw</i>	<i>(w)ūvd</i>	<i>waǰt</i>	<i>nāw/nōw</i>	<i>dos</i>
Bartang	<i>yīw, yi</i>	<i>daw</i>	<i>aráy</i>	<i>cavór</i>	<i>pīnǰ</i>	<i>xōw</i>	<i>ūvd</i>	<i>waǰt</i>	<i>nāw</i>	<i>δus</i>
Sarykoli	<i>iw, i</i>	<i>δεw, da</i>	<i>aroy</i>	<i>cavūr</i>	<i>pinǰ</i>	<i>xel</i>	<i>ıvd</i>	<i>woǰt</i>	<i>new</i>	<i>des</i>
Yazghulam	<i>wū(g)</i>	<i>dow</i>	<i>cūy</i>	<i>čer</i>	<i>penǰ</i>	<i>ǰu</i>	<i>ıvd</i>	<i>uǰt</i>	<i>nu(w)</i>	<i>δūs</i>
Iškašim	<i>uk, ũk</i>	<i>db(w)</i>	<i>rū(y)</i>	<i>cbfūr</i>	<i>pūnǰ</i>	<i>xūl(l)</i>	<i>ıvd</i>	<i>ot</i>	<i>naw, nu</i>	<i>dI dūst</i>
Wakhi	<i>yi(w)</i>	<i>bu(y)</i>	<i>tru(y)</i>	<i>cbıbır</i>	<i>panǰ</i>	<i>šaδ</i>	<i>ıb</i>	<i>at</i>	<i>naw</i>	<i>δas</i>

Language	20	30	40	50	60	70	80	90	100	1000
Yidgha	<i>wısto</i>				<i>ǰ^uroiwıst</i>				<i>pānǰwıst</i>	
Munjan	<i>bıst < Pers.</i>									
Šughni	<i>du δīs</i>	<i>ara δīs</i>	<i>cavör δīs</i>	<i>pīnǰ δīs</i>	<i>xōǰδīs</i>				<i>δīs δīs</i>	<i>azo-r</i>
Rušan/Khuf	<i>daw dos</i>	<i>aray dos</i>	<i>cavūr dos</i>	<i>pīnǰ dos</i>	<i>xūw dos</i>				<i>dos dos-uk</i>	<i>hazo-r</i>
Bartang	<i>daw dus</i>	<i>arāy dus</i>	<i>cavör dus</i> <i>čil</i>	<i>pīnǰ dus</i>	<i>xōw dus</i>				<i>dus dus-ak</i>	<i>azör</i>
Sarykoli										
Yazghulam	<i>wast</i>	<i>wast-a δūs</i>	<i>dow wast</i>	<i>dow wast-a δūs</i>	<i>cūy wast</i>	<i>cūywást -at δūs</i>	<i>čer wast</i>	<i>čer wást-at δūs</i>	<i>penǰ bıst</i>	<i>(h)azör</i>
Iškašim	<i>bıst, Sang dbwıšt</i>									
Wakhi	<i>wıst / bıst < Tajik</i>	<i>bıst-at das</i>	<i>bu-bıst</i>	<i>bu-bıst-at-das</i>	<i>truy-bıst</i>	<i>tru-bıst-ə(t) das</i>	<i>cbıbır bıst</i>	<i>cbıbır bıst-ə(t) das</i>	<i>panǰ-bıst das-das sad < Š.</i>	

Payne 1989, 435; Efimov & Edel'man 1978, 226–28.

The first serious analysis of the Burushaski numerals was proposed by Tomaschek (1880, 823–24). He recognized the role of the numeral '2' in '4' and '8',⁹² and the vigesimal character of the higher numerals '30', '40', '50', '60', '70', '80', '90'. Also remarkable are his external comparisons, *Cu '10' (extracted from '9') with Yeniseian (PY *tuʔ-η; Starostin 1995, 289) and Ti-

⁹² Let us mention that an even stricter binary system appears in Haida, one of the Na-Dene languages: see Blažek (1999: 327).

betan *bću* (PST *[šh]Vj; CVST IV, 144–45), and *tóorumo* ‘10’ with (Sino-Tibetan) Khaling *taḍham*, *tar am* ‘10’. It seems very probable that a Burushic substratum is responsible for the existence of vigesimal systems in the Nuristani and Dardic and Pamir languages (Lorimer 1937: 83), rarely also in Pašto (*dwah-šilah* ‘40’, *dre-šilah* ‘60’, *tsalōr-šilah* ‘80’), Baluči (*dō-gīst* ‘20’, *sī-gīst* ‘60’, *čyār-gīst* ‘80’), and Asiatic Romani (*turrum-wist* ‘60’, *turrum-wist-das* ‘70’)⁹³ — see Tomaschek (1880: 826) — much as the vigesimal systems in Ossetic and Georgian are likely due to Caucasian substratum, and those of Romance and Celtic due to the Basque/Aquitania substratum.⁹⁴

Now as to Č’s proposed material correspondences between Bur and IE numerals: the first, comparing PIE **H₁oi-no-s* ‘one’ with Bur *hen* / *hin* (class I, II) ~ *han* (class II, IV) ~ *hek* / *hik* (counting form) ‘one’ is almost plausible, except that the form **H₁oi-no-s* is characteristic of western IE (Italic, Celtic, Germanic, Balto-Slavic), while forms with different suffixes **H₁oi-ko-s* and **H₁oi-uo-s* gave rise to the Indic and Iranian words for ‘one’ shown above. The late Sergei Starostin derived Bur **he-* ‘one’ from Proto-DC **HVcǎ* / **cHǎ* ‘one’, a root that produced the word for ‘one’ in all DC languages (except Basque):⁹⁵ Caucasian: PNC **cHǎ* (Chechen *čaḥ?*, Khwarshi *has*, Ubykh *za*, etc.), Yeniseian: PY **χu-sa*, and Sino-Tibetan: PST **ʔit* (Old Chinese **ʔit*, Burmese *ać*, etc.). The phonetic development in Bur is regular, as also seen in the word for ‘fox’, e.g.:⁹⁶

- Bur **he-* ‘one’: Chechen *čaḥ?* ‘one’ < PNC **cHǎ*
- Bur **hal* ‘fox’⁹⁷: Chechen *chōgal* ‘fox’ < Proto-Nakh **chōkal* < PNC *chwōlV-ḳV*

For Bur **alto* ‘two’ Č suggests comparison with IE **H₂al-* ‘other’ + ordinal suffix **-to-*, in spite of the fact that this is not an ordinal but a cardinal number, and that the “suffix” *-to-* appears nowhere else in the Bur numerals. As we have shown above, Bur /lt/ is a distinctive cluster that can be traced back to PDC lateral affricates, and thus we prefer the comparison of Bur **alto* ‘2’ (and **w-alt-* ‘4’, **altamb-* ‘8’, and **altar* ‘20’) with PDC **=VnŁe*, whose other reflexes include PWC **p(:)ǎłǎ* ‘4’, PEC **būnŁe* ‘8’ (Chechen *barh*, Avar *míł:-go*, Lezgi *müžü-d*, etc.), Basque **lau* ‘4’, and PST **(p-)lij* ‘4’ (Tibetan *bzi*, Burmese *lijh*, Kaling *bhāl*, etc.). Note that only Bur retains this stem for 2, 2², 2³, 2×10, while Basque, West Caucasian, and Sino-Tibetan use it only for 2², and East Caucasian only for 2³, and that several of the languages cited have a labial prefix before the stem:

Bur	<i>*w-alt-</i>	2 ²
PEC	<i>*būnŁe</i>	2 ³
PWC	<i>*p(:)ǎłǎ</i>	2 ²
PST	<i>*(p-)lij</i>	2 ²

Table 18

⁹³ Berger (1959) detailed Burushaski influences on Romani. E. Bashir (pc.) adds that the vigesimal system is also found in Panjabi.

⁹⁴ Blažek (1999: 333–334) discusses in more detail the vigesimal systems in various IE languages and their probable origins from DC substrata.

⁹⁵ S. A. Starostin suggested derivation of Basque *bat* ‘one’ from the PDC root **=iłV* ‘to cut, divide, break’, with a fossilized class prefix as in Avar *b-uḥá* ‘part’, Lak *b-aḥu-l* ‘separate’, and Dargwa Chirag *b-iḥa-l* ‘part’ (NCED 660–661).

⁹⁶ According to Starostin (CSCP 60–67) the PDC initial sibilant-laryngeal clusters **cH-*, **ʒH-*, **šH-* regularly yield Bur **h-*.

⁹⁷ There is a certain resemblance to Indo-Aryan words for ‘jackal, fox’: Skt. *śṛgālá-* > Hindi *siyāl*, *siyār*, *sāl*, ‘jackal’, Oriya *siyāla*, *siaḷa*, etc. (CDIAL 729), though Berger (1998 III: 186) makes no reference to this as a source of Bur *hal*.

Next, Č attempts to derive Bur *altámbo* ‘8’ from PIE **oktō(u)* ‘8’, “with a change of *ak > al* under the influence of the Bur numerals for 2 and 4” (p. 75). In view of the holistic relationship of the Bur words for 2, 2², and 2³, as shown above, it seems highly unlikely to us that all the other IE lower numerals would be discarded and only ‘8’ retained, with this odd change.

Finally Č (p. 75) tries to connect Bur *huntí* ‘9’ with PIE **H₁neun̥* ‘9’, “with dissimilation,” presumably to eliminate the first nasal. However, the non-counting forms contain sibilant affricates: (H, N) *hunćó*, (Y) *hućó*, and we saw (above) Tomaschek’s hypothesis of ‘one’ (*hun-*) away from ‘ten’ (*-ćó*, *-ćó*). Besides Yeniseian **tuʔ-* ‘10’ and Sino-Tibetan **[ʒh]Vj* ‘10’, Starostin and Nikolayev (NCED 245) have posited PNC **ʔənçĚ* ‘10’ (Andi *hoço-go*, Lezgi *çu-d*, Abkhaz *ža-bá*, etc.), and some have suggested that a cognate element **-ci* is found in the Basque numerals **sor-ci* ‘8’ and **bedera-ci* ‘9’ (thus 10 – 2, 10 – 1, respectively), though this latter hypothesis has been criticized by Trask (1995: 64–65). One of the authors (Bl 328) has suggested another possibility: **hun-* ‘1’ + (Y) *-cu-* ‘take away’, i.e. ‘(10) take away 1’.⁹⁸ Berger (Beiträge 79) derives *hunćó* and *hućó* < **húnćio* < **hun-tr-ío* (‘1’ + ‘10’ + plural, i.e. ‘10 – 1’, like Finnish *yhdeksän*) Finally, Starostin (CSCG 255, CSCP 81) compares Bur **hunćó* ‘9’ with PEC **ʔilćwi* ‘9’ (Andi *hoço-*, Khwarshi *ũči-n*, Lak *urç*, etc.), though this does not account very well for the Bur counting form *huntí*.

In spite of Č’s ingenious (though, we think, erroneous) attempts, it is apparent that there is nothing in common between the Bur and IE numeral systems. The kinship of the Bur numeral system with those of DC languages is most clearly seen in the words for 2, 2², and 2³.

Lexicon

If Burushaski is an IE language, one would expect it to have something in common with the inherited IE lexicon. We have already seen above that large segments of Bur basic vocabulary, including pronouns and numerals, have cognates in Dene-Caucasian languages. Here we compare some of the core vocabulary in both languages according to basic semantic fields.

Kinship terms

PIE **pə₂ter-* (**pH₂ter-*) ‘father’ / **māter* (**meH₂ter-*) ‘mother’ : Bur **-uy* ‘father’, **-mi* ‘mother’. The Bur word for ‘mother’, like the initial element of PIE **māter*, is a variation of the universal stem **mA*, cf. Basque **eme* ‘female’, **ama* ‘mother’, Yeniseian **ʔama* ‘mother’, etc.

Bur **-uy* ‘father’⁹⁹ is clearly unrelated to PIE **pH₂ter-*, or to anything else in IE, for that matter. In any case the Bur words lack the characteristic IE structure ending in **-ter*.¹⁰⁰

⁹⁸ “Interestingly, we have a similar situation in Vedic and later OI, where 19 = 20 minus 1. The minus is expressed by *ūna* ‘gap’: thus: *eka-unā-vimśati* [> *ekonavimśati*] 20 – 1 = 19, [likewise] for 29, etc. Again areal influence? The Iranians of course do not do it.” (M. Witzel, pc.).

⁹⁹ A highly speculative hypothesis for the origin of Bur **-uy* ‘father’ < **‘foster-father’* could involve the PDC verb **=iʔwVl-* ‘to eat’ (PNC **=iʔwVl* ‘to feed on, to eat; to bite’, PY **ʔiʔr-* ‘to eat’, Basque **alha-* ‘to graze, feed’: CSCG 111). See above for the proposed lateral origin of Bur /y/. A semantic analogy may be found in Old Irish *al-tru* ‘foster-father’ < *al-* to feed, nourish < PIE **al-* ‘to raise, to feed’.

¹⁰⁰ Elsewhere one of the authors has tried to demonstrate that the IE kinship terms in **-ter* should be segmented as **p-H₂-ter-* ‘father’, **m-eH₂-ter-* ‘mother’, **b^hr-eH₂-ter-* ‘brother’, **d^hug-H₂-ter-* ‘daughter’, **ḡem-H₂-ter* ‘son-in-law’. The suffixal complex **(e)H₂-ter-* corresponds to Hittite *-adar* / Luwian *-attar*, which bear a function similar to English *-hood* or German *-heit*. Hence these IE kinship names probably reflect an abstract meaning which can be expressed as ‘fatherhood, motherhood, brotherhood, daughterhood’, etc. (Blažek 2001, 24–33).

PIE ***bhrā-t-er-** (**b^hreH₂-ter-*) ‘brother’ / ***swes-er-** ‘sister’ : Bur has instead one stem ***-ču** that serves as both ‘brother of male’ and ‘sister of female’, and two others, ***-hulVs** ‘brother of female’, and ***-yást** ‘sister of male’.¹⁰¹ All of these Bur words are bound morphemes — they can only occur with a possessive prefix — and all of them have parallels in DC languages.

Bur ***-ču** closely resembles the Caucasian stem **=iči* that serves as ‘brother’ and ‘sister’, often with changing class prefixes (e.g., Agul *ču* ‘brother’, *či* ‘sister’, Chechen *wa-ša* ‘brother’, *ja-ša* ‘sister’, Dargwa *u-zi* ‘brother’, *ru-zi* ‘sister’, etc.); cf. Basque **an-his-ba* ‘sister (of a woman)’; PST **čǎjH* ‘elder sister or brother’; Yeniseian **b-[i](?)s* ‘brother, sister’ (CSCG 112).

Bur **-hulVs* ‘brother (of female), husband’s brother’ resembles PEC **χalʔV / *ʔVχalV*, a word root that gives rise to Lak *aħal-ču* ‘bridegroom’s kinsman’ and *aħal-š:ar* ‘bride’s kinsman’, along with cognates that mean ‘guest’ (probably a semantic development from **‘wedding guest’* < **‘kinsman invited to a wedding’*): Dargwa Akusha *aħal*, Tabasaran *χalu-žv*, etc. (NCED 1067).¹⁰²

Bur **-yást* ‘sister of male, wife’s sister’ can be compared with PEC **čHVdV* ‘woman’ (Chechen *zuda* ‘woman’, Dargwa Chirag *cade* ‘female’, Hunzib *čutula* ‘bride’, etc.), Urartian *ašti* ‘woman, wife, bride-groom’, PY **cVt-* ‘husband’, Basque **(ema-)ste* ‘married woman, wife’ (CSCG 26).

PIE ***sū-nu-**, ***sū-yo-** (**suH-nu-*, **suH-yo-*) ‘son’, ***dhug(h)a-t-er-** (**d^hug-H₂-ter-*) ‘daughter’ : Bur has one stem, ***-i**, for both ‘son’ and ‘daughter’. Starostin (CSCG 156) connected this with PST **ηe(j)* ‘child, young’, with the regular Bur loss of initial **η*.¹⁰³ Cf. also Basque **nini* ‘child, doll’.

Bur also has the word ***-s** (Yasin *-is*, Hunza, Nager *-sk*) ‘human child, animal’s young’, probably cognate with Caucasian **=išwĚ* ‘son, daughter’ (Avar *w-as* ‘son’, *j-as* ‘daughter’, Kabardian *šā-wa* ‘son’, etc.); Basque **śV* (in **śe-me* ‘son’, **o-śa-ba* ‘uncle’, **alha-ba-śo* ‘granddaughter’, **a-śa-ba* ‘ancestor’, etc.); PST **śū* ‘grandchild’ (CSCG 113).

IE **suH-nu-*, **suH-yo-* ‘son’ are derivatives of the verb **seuH-* ‘to give birth’ (IEW 913–14; Rix et al. 2001: 538). Probably related are Kartvelian **šew-/šw-* ‘to give birth’: Georgian *švili* ‘son’ (Klimov 1998, 248, 251) ||| Afro-Asiatic: Cushitic: (East) Somali *was*, Konso *os* ‘to have sexual intercourse’ || Omotic: Shinasha, Mocha *šuw-*, Kafa *šii-*, Anfillo *šuy-* ‘to give birth’ (Lamberti 1993: 384) ||| Uralic: Mari *šəwä* ‘to give birth’ (Illič-Svityč 1967: 361: IE + Kartv. + Mari). There is likely a remote (‘Borean’) connection between PDC **=išwĚ* and the other words in this paragraph, but the morphological features are entirely different: IE stem + suffix *vs.* Bur (and DC) prefix + stem.

In sum, there is no resemblance whatsoever, whether in overall kinship structure or lexemes, between Bur and IE kinship terms, apart from some possibly very remote (‘Borean’) cognates (PIE **sū-* ~ Bur **-s*, PIE **mā-t-er-* ~ Bur **-mi*).

Body part words

PIE ***kerd-** ‘heart’ : Bur ***-s** ‘heart, mind’. The Bur word has been compared with Caucasian: PNC **ǎm̄sa* ‘sky, cloud; soul, breath; god’ (Akhwakh *as:i* ‘breath’, Ubykh *p-sa* ‘soul, spirit’, etc.), Basque **haise* ‘wind’, etc. (CSCG 263);¹⁰⁴ another possibility is comparison with

¹⁰¹ These words have extended meanings in the Burusho kinship system: **-ču* also serves as ‘husband of a man’s sister’, **-hulVs* as ‘husband’s brother’, and **-jást* as ‘wife’s sister’. The typology of the Bur sibling terms is similar to Basque: **anaie* ‘brother of male’ / **ne-ba* ‘brother of female’; **an-his-ba* ‘sister of female’ / **aře-ba* ‘sister of male’.

¹⁰² In these words /a/ denotes a pharyngealized vowel, and /χ/ a voiceless pharyngealized uvular fricative, otherwise written (more awkwardly) with the *paločka* as /aI/ and /χI/, respectively.

¹⁰³ Seen also in Bur **a-* ‘1st person singular pronominal prefix’ ~ PST **ηā-* ‘I, we’, PEC **ni* ‘I’, Basque **ni* ‘I’, etc. (CSCG 156, CSCP 48).

¹⁰⁴ For semantics, cf. Rumanian *inimă* ‘heart, soul, mind,’ etc. < Latin *anima* ‘wind, air, breath, spirit, mind’, etc.

Basque **bi-si* ‘life; alive’, PNC **šīHwV* ‘breath, breathe’: Chechen *sa* ‘soul’, oblique base *si-na-*, etc.) (CSCG 188).

The IE word is, we think, cognate with Kartvelian **mķerd-* ‘chest, breast’ (Klimov 1998, 123; Illič-Svityč 1971, #200: IE+Kartv.) and, in Afro-Asiatic: Chadic: Hausa *ķirji*, pl. *ķiraaza* ‘chest’, Gwandara *gariji* id. (Skinner 1996).

PIE **ok^w-* (**H₃ek^w-*) ‘eye’ : Bur **-l-či* / **il-* (the latter in compounds). The Bur word is clearly comparable with Caucasian: PNC **ʔwīlzi* ‘eye’ (cf. especially Dargwa **ħuli*, Tabasaran, Agul, Rutul *ul*) and Yeniseian: PY **de-s* (Ket *dēs*, Kott *tīš*, Pump. *dat*, where **d-* is a regular initial reflex of PDC **l-*: CSCG 266, CSCP 68).

The IE word **H₃ek^w-* has, we think, external cognates in Altaic: PA **úk^u* ‘to understand, look into’ (Old Turkic *uq-* ‘to understand’, Old Japanese *uka-kap-* ‘to look into, inquire’, etc.); cf. also Semitic: Ugaritic **aq* ‘eyeball’; Hebrew **āqā* id. (Koehler & Baumgartner 2001 I: 873); Geez **oqa* ‘to know, understand, observe’, Amharic *awwäqä* ‘to know’, Harari *āqa* id. (Leslau 1987: 78–79); Cushitic: (Central) **-aq* ‘to know’ > Kemant *ax-*, Kunfāl *ah-*, Awngi *-aq-* id.; (East) Somali *-aq* id. (Appleyard 2006, 89–90).

PIE **ō(w)əs-* ‘mouth’¹⁰⁵ : Bur **qhát*. The latter is comparable with Caucasian: PEC **qwīti* ‘Adam’s apple, uvula’ > Lak *q^wiṭ ~ qiṭ ~ quṭ* ‘Adam’s apple, beak’,¹⁰⁶ Kryz *χuluṭ* ‘larynx’ (< **χuṭ-ul*), etc. (CSCG 172).¹⁰⁷

PIE **kara-*, **kera-* ‘head’¹⁰⁸ : Bur **yaṭ-is*. Cf. Caucasian: PEC **ħwōmdV* ‘brain, head’: Avar *ṣadá-* ‘head’, Tsez, Hinukh *ata* ‘brain’, Archi *ont* ‘head (of woman or animal)’,¹⁰⁹ etc. (CSCG 98).¹¹⁰

PIE **nas-*, **nās-* ‘nose’ : Bur **muś* ‘nose’, **-múś* ‘snot’. Cf. Caucasian: PNC **mħāččē* ‘edge’ (Ingush *mṣiz-arg* ‘snout’, etc.: NCED 813); or PEC **mHārčwV* ‘pus; mucus, snot’ (Chechen *marš* ‘snot’, Tsakhur *maš* ‘pus’, etc.: CSCG 144); Basque **mośu* ‘nose, face, kiss, point, beak’.

PIE **ost(h)-* ‘bone’¹¹¹ : Bur **-ltén* ‘bone’, **-ltán-c* ‘leg’. Cf. Caucasian: PEC **χwVnʔV* ‘groin; part of leg’: Avar *ḷ:an* ‘groin’, Archi *ḷ:on-t’ol* ‘fingernail’, Kryz *kin* ‘ankle’, etc.; PST **ləṅ* ‘shin, ankle’ (CSCG 140).

PIE **ped-* ‘foot’ : Bur **-húṭ-* ‘foot’. Cf. Caucasian: Avar *ħeṭ / ħeṭé* ‘foot’, Dargwa Kaitag *ṭah* ‘foot, hoof’, etc. < PEC **ħiṭwV̄ / *ṭwīḥV̄*; PST **tīH ~ *dīH* ‘heel, ankle’ (CSCG 207).

PIE **yek^w-* (**(H)jék^wr(t)*) ‘liver’ : Bur **-ken* ‘liver’. Cf. Caucasian: PEC **k_unHV* > Chamalal *ķū* ‘liver’, Bezhta, Hunzib *koma* ‘kidney’, etc. (NCED 728); cf. PST **kjVnH* ‘kidney’ (CVST V: 58, no. 214).

¹⁰⁵ According to D. Q. Adams (EIEC, p. 387), the form **ō(w)əs-* ‘mouth’ should be reinterpreted as two distinct stems: (i) **H_{1/4}óH₁(e)s-*, gen. **H_{1/2}eHsós*; (ii) **H₃oust-ā*.

¹⁰⁶ /i/, /u/ represent pharyngealized vowels, also (awkwardly) written *il*, *ul*, where *l* represents the *paločka* in the Cyrillic orthography of Caucasian languages.

¹⁰⁷ Alternatively, cf. PNC **GwētV ~ *GētV* ‘crop, crawl; beak, Adam’s apple’ > Lak. *q:īṭi* ‘uvula’, etc. (CSCG 172).

¹⁰⁸ The IE word for ‘head’ should be reconstructed as **k_rr_éH₂*, gen. **k_rH₂ós*, singulative **k_órH₂s_r*, collective **k_{ér}H₂or* (Adams, EIEC 260). The meaning ‘brain’ developed in Latin *cerebrum* and Old High German *hirni*.

¹⁰⁹ /o/ represents a pharyngealized vowel = NCED /oI/ (cf. note to ‘mouth’, etc.)

¹¹⁰ The correspondence of Bur **y-* = **j-* ~ PNC **ñ-* is recurrent. Cf. Bur **yáltar* ‘leafy branches’, etc. ~ PEC **ñál_lVV* ‘branch, pod’ (above in the discussion of Bur *-lt-*).

¹¹¹ The IE word ‘bone’ should be reconstructed as **H₃est(H)-*.

Č (p. 38) attempts to connect the Bur word with PIE $*(H)\acute{i}ékw_r(t)$ (a heteroclitic $-r/-n$ stem), ignoring the root syllable $*(H)\acute{i}ékw- = *yekw-$,¹¹² while another originally heteroclitic word, PIE $*wed-$ ‘water’, is compared with Bur *buđóo* ‘rinsing water’, which has no trace of either heteroclitic suffix $-r$ or $-n$. (Cf. instead OI $*bud_yati$ ‘sinks’, Marathi *budbud* ‘sound of bubbling’, etc.: CDIAL 9272.)

PIE $*(o)nAbh-$ ‘navel’¹¹³ : Bur $*-sú[m]$ ‘umbilical cord, navel’¹¹⁴ ~ Cf. Caucasian: Chamalal *şũj*, Lak *çun*, Dargwa *zu*, Khinalug *çum* ‘navel’, etc. < PEC $*zõnʔũ$ (CSCG 249).

Basic verbal roots

PIE $*\acute{k}lewe-$ ‘to hear’ : Bur $*-yal-$ ‘to hear’ ~ cf. Caucasian: PNC $*=e\lambda u$ ‘to hear’: Andi *anli-* ‘to hear’, Budukh *ix-* id., etc. (NCED 411, CSCG 46)

PIE $*ed-$ ‘to eat’ : Bur $*\acute{s}i$ (with class I, II, III singular object) / $*\acute{s}u$ (with class I, II, III plural object) / $*\acute{s}i$ ‘to eat’ (with class IV object) ~ cf. Yeniseian: PY $*s\bar{i}$ ‘to eat’ ~ PST $*zha$ id. ~ Caucasian: Tsez, Khwarshi $=a\check{c}$ ‘to eat’, Tindi *c:a-* ‘to drink’, etc. < PEC $*=V\check{c}V$ ~ Basque $*ausi-$ ki ‘to bite’ (NCED 1017, CSCG 209)

PIE $*d\bar{o}(w)-$ ‘to give’¹¹⁵ : Bur (1) $*-u-$ ‘to give’ (only with class I, II, III object), (2) $*-chi-$ ‘to give’ (only with class IV singular object); (3) $*-gun-$ ‘to give’ (only with class IV plural object).

The three class-determined Bur verb stems have distinct DC origins:

(1) cf. PNC $*m\bar{V}xw\check{V}$; PST $*\eta aH$ ‘to give, borrow, rent’ (CSCG 156);¹¹⁶

(2) cf. Caucasian: Chamalal *ič-* ‘to sell, give’, Bezhta $=is-$ ‘to sell’, Khinalug *če=kwi* ‘to sell’, etc. < PEC $*=i\check{c}V$ (NCED 626);

(3) ? cf. PEC $*HVqVn-$ ‘to take, snatch’ (NCED 615); PST $*gõn$ ‘to collect’ (CVST V: no. 56); Basque $*(e)-ken-$ ‘to take away’, etc.¹¹⁷

Here the verb used in Bur is determined by the *class of the object*. (Cf. the preceding example, ‘to eat’.) This is a totally un-Indo-European feature, but it appears to be a deep-seated trait of Dene-Caucasian, with manifestations at least in Basque and Na-Dene.¹¹⁸

Other basic words

PIE $*(e)nomen-$ ‘name’¹¹⁹ : Bur $*yek$ ‘name, reputation’: (Y) $-yékw$, pl. $-yéki\eta$, $-yéki\acute{c}i\eta$, (H, N) $-ik$, pl. $-iki\acute{c}i\eta$. Cf. Yeniseian: PY $*?iG$ > Ket \bar{i} ‘name’, pl. $\varepsilon\eta\eta$, Kott *ix*, *ix*, pl. *ik\eta* / *ek\eta* / *eak\eta*. This is

¹¹² Lorimer (1935) considered Burushaski $-akin$, pl. $-akim\eta$, $-aki-n\eta$ ‘liver’ a borrowing from Indo-Iranian: OI $yákryt$, gen. *yakná* ‘liver’, Pashto *yina*, Yidgha *yēgān* id. etc. (IEW 504; Bailey 1979: 108).

¹¹³ The IE word ‘navel’ should be reconstructed as $*H_3nob^h-$ (Adams, EIEC 391).

¹¹⁴ Underlying $*m$ found in the plural form $-súimuc$.

¹¹⁵ In LIV 105–07 reconstructed as $*deH_3-$ & $*deH_3u-$.

¹¹⁶ According to Starostin < PDC $*\eta VxwV$ ‘to give, borrow’, with regular loss of initial $*\eta$ in Bur (CSCP 48).

¹¹⁷ Assuming the common semantic relationship of ‘give’ and ‘take’ (as in PIE $*g^hab^{(h)-}$, etc.).

¹¹⁸ This trait is highly developed in Na-Dene: Athapaskan: e.g. Navajo $-tí$ ‘handle animate singular object’, $-ká$ ‘handle a rigid container with contents’, $-žòðž$ ‘handle a set of parallel long rigid objects’ (each representing a different class). And at the far western extreme we find remnants of similar tendencies in Basque: the dialects have different words to express the concept ‘dry’, e.g. Zuberoan *agor* pertains to sources and streams of water, *útsal* to aliments and terrain, *eihar* to the human body, fauna and flora, and *idor* to dryness in general.

¹¹⁹ The IE etymon ‘name’ has been reconstructed as $*H_1nóm\eta$ (Polomé & Mallory, EIEC 390).

one of the remarkable parallels between Bur and Yeniseian (cf. Toporov 1971), extending even to the inanimate plural endings with velar nasals.¹²⁰

We can see from these examples that Bur really shares almost no basic vocabulary with IE.

Conclusions

It is impossible to disprove relationship. We agree with Čašule that there may be some kind of very deep-level relationship between Burushaski and IE. However, we propose, and we believe we have shown, that Burushaski is much closer genetically to the Dene-Caucasian languages than it is to Indo-European.

Much of the similarity between Bur and IE can be attributed to a long period of symbiosis and language contact between Bur and its Indo-Iranian neighbors. There is evidence that early Indo-Aryan was influenced by Bur (or perhaps a wider-ranging Burushic family) as its speakers entered the Indian subcontinent by way of the Hindukush and Pamir regions (see, e.g., Lorimer 1937, Tikkanen 1988, Witzel 1999). We noted above such features as the vigesimal numeral system (discussed above) in Nuristani, Dardic, Pamir, Pašto, Baluči, and Asiatic Romani. There are also lexical borrowings from Bur that have penetrated into the basic lexicon, e.g. in Šina: *birdi* ‘earth’, *phurgū* ‘feather’, *čhĩš* ‘mountain’, *tam doiki* ‘to swim’; and in Khowar: *tip* ‘full’, *phur* ‘hair’, *būk* ‘neck’, etc. (Kogan 2005: 173). These parallels reflect only areal, not genetic relations, and so they are the results of secondary convergence. The areal parallels indicate the existence of a much wider expanse of the Burushic stratum in the past, but there are no direct Burushaski-Indo-Iranian/Indo-European genetic links, only some very old elements that represent archaic residue from a remote ancestor (Borean) common to the ancestor of Indo-European (Nostratic or Eurasiatic) and the ancestor of Burushaski (Dene-Caucasian).¹²¹

Postscript

Since this article was originally written (around mid-2007) there have been some new developments in the Dene-Caucasian hypothesis. A consensus has been developing that the eastern members, Sino-Tibetan and Na-Dene, probably result from an early split of the DC proto-language, leaving the western branches (Basque, Caucasian, Burushaski, and Yeniseian) to a period of common development in which some grammatical and lexical features (e.g., suppletive pronominal paradigms [see above]; words such as western **ʔwílʔi* ‘eye’ [see above] vs. eastern **wěmqV* ‘eye’¹²²) crystallized.

In a recent lexicostatistical study by George Starostin (p.c.), using the 50 most generally stable items on the Swadesh 100-word list (G. Starostin 2010b), a tentative subgrouping has emerged in which the eastern branches (Sino-Tibetan and Na-Dene) are indeed opposed to the western group (Basque, Caucasian, Burushaski, and Yeniseian), thus confirming the old „Sino-

¹²⁰ Besides ‘name’, Bur and Yeniseian share several important basic lexical isoglosses, e.g. ‘eat’ (B **śi* / **ši* / **šu* ~ Y **sī-*), ‘egg’ (B **t̪iŋ-* ~ Y **jeʔŋ* / **jɔʔŋ*), ‘eye’ (B **-l-či* ~ Y **de-s-*), ‘hand’ (B **-reŋ* ~ Y **rɔŋ*), ‘leaf’ (B **ltap* ~ Y **jāpe*), ‘root’ (B **cheréš* ~ Y **čřž-*), etc., as well as the pronominal and numeral words discussed above.

¹²¹ For example, the case of Bur **-s* ‘child, young’ ~ PIE **suH-*(*-nu-*, *-yo-*) ‘son’, cited above.

¹²² PST **myV̄k* (Old Chinese 目 **muk*, Tibetan *mig*, Lepcha *mik*, a-*mik*, etc. , ‘eye’); Tlingit *wàc*, Athabaskan **-nə-wēc-əʔ* ‘eye’. See CSCG 216: this word was preserved with other semantic developments in the western DC languages.

Dene“ idea of Edward Sapir (Bengtson 1994). Within the western group G. Starostin finds a split between a Basque-Caucasian branch on the one hand and a Burusho-Yeniseian branch on the other (Bengtson 2010a, 2010b; G. Starostin 2010a).

As to the recently developed „Dene-Yeniseian“¹²³ idea initiated by Ruhlen (1998b) and continued by Vajda (*e.g.*, 2008, 2009, 2010), it now appears that the Yeniseian languages have much more in common with Burushaski than (directly) with the Na-Dene languages. In other words, there is indeed a “relationship” between Yeniseian and Na-Dene, in the sense that both ultimately belong to different branches of the Dene-Caucasian macrofamily, but in our view they do not by themselves form a valid taxon.¹²⁴ Likewise, Na-Dene seems to form a taxon with Sino-Tibetan and is thus closer to the latter than to Yeniseian.

Abbreviations of languages and dialects

Bur	Burushaski
DC	Dene-Caucasian (Sino-Caucasian)
H	Hunza (Burushaski)
JSp	Judaeo-Spanish
Lat	Latin
MSp	Middle Spanish
N	Nager, Nagar (Burushaski)
OSp	Old Spanish
PDC	Proto-Dene-Caucasian (Proto-Sino-Caucasian)
PEC	Proto-East Caucasian
PNC	Proto-(North) Caucasian
PST	Proto-Sino-Tibetan
PWC	Proto-West Caucasian
PY	Proto-Yeniseian
Tib	Tibetan (Classical)
Y	Yasin (Burushaski) = Werchikwar

Abbreviations of sources cited

Beiträge	Berger (2008)
Bl	Blažek (1999)
CDIAL	<i>Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages</i> (Turner 1966)
CLI	<i>Compendium Linguarum Iranicarum</i> (Schmitt 1989)
CSCG	Comparative Sino-Caucasian Glossary (Starostin 2005a)
CSCP	Comparative Sino-Caucasian Phonology (Starostin 2005b)
CVST	<i>A Comparative Vocabulary of Five Sino-Tibetan Languages</i> (Peiros & Starostin 1996)
EIEC	<i>Encyclopedia of Indo-European Culture</i> (Mallory & Adams 1997)
H	Hayward (1871)
Hd	Hodgson (1857)
IEW	Pokorny (1959)
LDC	<i>Lexica Dene-Caucasica</i> (Blažek & Bengtson 1995)
NCED	<i>North Caucasian Etymological Dictionary</i> (Nikolaev & Starostin 1994)
SSEJ	<i>Sravnitel'nyj slovar' enisejskix jazykov</i> (Starostin 1995)

¹²³ See <http://www.uaf.edu/anlc/dy/>.

¹²⁴ For an Indo-European analogy, there is a “relationship” between, say, North Germanic and Western Iranian, in the sense that both are subgroups of IE, but they do not form any kind of taxon by themselves.

ToB	Tower of Babel databases: http://starling.rinet.ru/main.html
W	Werner (2002)
X	Xelimskij (1982)

References

- ANDERSON, Gregory D. S. Ms. *Burushaski*.
- APPLEYARD, David L. 2006. *A Comparative Dictionary of the Agaw Languages*. Köln: Köppe.
- BAILEY, H. 1979. *Dictionary of Khotan-Saka*. Cambridge University Press.
- BASHIR, Elena. 2000. A Thematic Survey of Burushaski Research. *History of Language* 6/1: 1–14.
- BENGTSON, John D. 1993. The Macro-Caucasic hypothesis. *Dhumbadji!* 1/2: 3–6.
- BENGTSON, John D. 1994. Edward Sapir and the ‘Sino-Dene’ Hypothesis. *Anthropological Science* 102/3: 207–230.
- BENGTSON, John D. 1997a. Ein Vergleich von Buruschaski und Nordkaukasisch. *Georgica* 20: 88–94.
- BENGTSON, John D. 1997b. Basque and the other Dene-Caucasic languages. In Alan K. MELBY (ed.) *The Twenty-Third LACUS Forum*, 63–74. Chapel Hill, NC: LACUS.
- BENGTSON, John D. 1998. Dene-Caucasian ‘Navel’: some proposed etymologies. *Dhumbadji!* 4.1: 86–90.
- BENGTSON, John D. 2000. Review of Čašule 1998. *History of Language* 6.1: 22–26.
- BENGTSON, John D. 2001a. Genetic and Cultural Linguistic Links between Burushaski and the Caucasian Languages and Basque. (Paper presented at the 3rd Harvard Round Table on Ethnogenesis of South and Central Asia, Harvard University, May 13, 2001.)
- BENGTSON, John D. 2001b. Review of H. Berger, *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager*. In *Mother Tongue* 6: 184–187.
- BENGTSON, John D. 2002. The Dene-Caucasian noun prefix *s-. In: F. CAVOTO (ed.) *The Linguist’s Linguist: A Collection of Papers in Honour of Alexis Manaster Ramer*, 53–57. Munich: LINCOM Europa.
- BENGTSON, John D. 2008a. Materials for a Comparative Grammar of the Dene-Caucasian (Sino-Caucasian) Languages. In: *Aspects of Comparative Linguistics*, v. 3, pp. 45–118. Moscow: RSUH Publishers. Online at: <http://starling.rinet.ru/Texts/books.php?lan=en>
- BENGTSON, John D. 2008b. The languages of northern Eurasia: Inference to the best explanation. In *In Hot Pursuit of Language in Prehistory: Essays in the four fields of anthropology in honor of Harold Crane Fleming*, ed. by J. D. BENGTSON, pp. 241–262. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- BENGTSON, John D. 2008c. *Linguistic Fossils: Studies in Historical Linguistics and Paleolinguistics*. Calgary: Theophania.
- BENGTSON, John D. 2010a. “Dene-Yeniseian” and the Rest of Dene-Caucasian: Part 3: The Burusho-Yeniseian (Karasuk) Hypothesis; Part 4: Burusho-Dene. In *Working Papers in Athabaskan Languages* (Alaska Native Language Center Working Papers No. 8), ed. by Siri Tuttle & Justin Spence, pp. 1–18. Fairbanks: Alaska Native Language Center.
- BENGTSON, John D. 2010b. Burushaski, Yeniseian, and the Karasuk Culture. Paper presented at the 14th Harvard Round Table on the Ethnogenesis of South and Central Asia. Harvard University, Oct. 4–5, 2010.
- BERGER, Hermann. 1956. Mittelmeerische Kulturpflanzennamen aus dem Burušaski. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 9: 4–33.
- BERGER, Hermann. 1959. Die Burušaski-Lehnwörter in der Zigeunersprache. *Indo-Iranian Journal* 3.1: 17–43.
- BERGER, Hermann. 1974. *Das Yasin-Burushaski (Werchikwar)*. Neuindische Studien 3. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- BERGER, Hermann. 1998. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager*. Teil I. *Grammatik*. Teil II. *Texte*. Teil III. *Wörterbuch*. Burushaski-Deutsch; Deutsch-Burushaski. Neuindische Studien 13. Wiesbaden: Otto Harassowitz.
- BERGER, Hermann. 2008. *Beiträge zur historischen Laut- und Formenlehre des Burushaski*. Neuindische Studien 15. Wiesbaden: Otto Harassowitz.
- BLAŽEK, Václav. 1995. Yeniseian Etymology of the North Kazaxstan Toponym *Selety*? In *Central Asiatic Journal* 39: 9–10.
- BLAŽEK, Václav. 1999. *Numerals. Comparative-etymological analyses and their implications*. Brno: Masarykova univerzita.
- BLAŽEK, Václav. 2001. Indo-European kinship terms in *-ter. In: O. Šefčík & B. Vykypěl (eds.) *Grammaticus. Studia linguistica A. Erharto*. Brno: Masarykova univerzita, 24–33.

- BLAŽEK, Václav. 2003. Lexica Nostratica Addenda. *Mother Tongue* 8: 11–22.
- BLAŽEK, Václav. 2008. Chukcho-Kamchatkan and Uralic: Lexical Evidence of Their Genetic Relationship. *Mother Tongue* 13: 209–225.
- BLAŽEK, V., and J. D. BENGTSON. 1995. Lexica Dene-Caucasica. *Central Asiatic Journal* 39/1: 11–50, 39(2): 161–164.
- BOUDA, Karl. 1949. *Lakkische Studien*. Heidelberg: Carl Winter.
- BRADLEY, Travis G. Metathesis in Judeo-Spanish Consonant Clusters. In: N. SAGARRA and A. J. TORIBIO (eds.) *Selected Proceedings of the 9th Hispanic Linguistics Symposium*, 79–90. Somerville, Mass.: Cascadilla Proceedings Project.
- ČAŠULE, Ilija. 1998. *Basic Burushaski Etymologies: The Indo-European and Paleo-Balkan Affinities of Burushaski*. LINCOM Etymological Studies 01. Munich: LINCOM Europa.
- ČAŠULE, Ilija. 2003. Evidence for the Indo-European Laryngeals in Burushaski and Its Genetic Affiliation with Indo-European. *Journal of Indo-European Studies* 31.1/2: 21–86.
- CATFORD, J. C. 1977. Mountain of Tongues: The Languages of the Caucasus. *Annual Review of Anthropology* 6: 283–314.
- COROMINAS, Joan. 2001. *Breve diccionario etimológico de la lengua castellana*, Madrid: Gredos.
- VAN DRIEM, George. 2001. *Languages of Himalayas*. Leiden-Boston-Brill.
- DUL'ZON, A. P. 1959. Ketskie toponimy Zapadnoj Sibiri. *Učenyje zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta* 18, 91–111.
- DUL'ZON, A. P. 1961. Slovarnye materialy XVIII v. po ketskim narečijam. *Učenyje zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta*, Tom XIX, Vypusk 2: Lingvističeskie nauki, 152–189.
- DUL'ZON, A. P. 1963. Ėtničeskij sostav drevnego naselenija Zapadnoj Sibiri po dannym toponimii. In: *Trudy* 25. *Meždunarodnogo kongressa vostokovedov*, Tom 3. Moskva: Nauka, 289–295.
- ĖDELMAN, Džoj I. 1978. Dardskie jazyki. In: M. S. ANDRONOV, N. A. DVORJAKOV, A. M. ĐJAKOV (eds.) *Jazyki Azii i Afriki II: Indoevropskie jazyki (Iranskie jazyki & Dardskie jazyki); Dravidijskie jazyki*, 254–315. Moskva: Nauka.
- EFIMOV, V. A., ĖDELMAN, D. I. 1998. Novoiranskie jazyki: Vostočnaja grupa. In: M. S. ANDRONOV, N. A. DVORJAKOV, A. M. ĐJAKOV (eds.) *Jazyki Azii i Afriki II: Indoevropskie jazyki (Iranskie jazyki & Dardskie jazyki); Dravidijskie jazyki*, 198–253. Moskva: Nauka.
- HAMP, Eric P. 1997. Intensive and Perfective *prō-* in Latin. In: *Studies in Honor of Jaan Puhvel*, Part I: *Ancient Languages and Philology*, ed. by D. DISTERHEFT, M. HULD, J. GREPPIN, 123–129. Washington: Institute for the Study of Man.
- HAYWARD, G. W. 1871. Explorations in Gilgit and Yassin. *Journal of the Royal Geographic Society* 41: 1–46.
- HODGSON, B. H. 1857. Comparative Vocabulary of the Languages of the broken Tribes of Népal. *Journal of the Asiatic Society of Bengal* 264: 317–427.
- HOFFMANN, Karl, and Bernhard FORSSMAN. 1996. *Avestische Laut- und Flexionlehre*. Innsbruck: IBS 84.
- HUALDE, José Ignacio. 2001. *Basque Phonology*. London/New York: Routledge.
- ILLIČ-SVITYČ, V. M. 1967. Materialy k sravnitel'nomu slovarju nostratičeskix jazykov. *Ėtimologija* 1965: 321–373.
- ILLIČ-SVITYČ, V. M. 1971. *Opyt sravnenija nostratičeskix jazykov*, I. Moskva: Nauka.
- KLIMOV, G. A. 1998. *Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages*. Berlin-New York: Mouton de Gruyter.
- KLIMOV, G. A., and D. I. ĖDELMAN. 1972. K nazvanijam parnyx častej tela v jazyke burušaski. *Ėtimologija* 1972: 160–162.
- KOEHLER, Ludwig, and Walter BAUMGARTNER (eds.). 2001. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*. Transl. by M.E.J. Richardson. Leiden-Boston-Köln: Brill.
- KOGAN, Anton I. 2005. *Dardskie jazyki. Genetičeskaja xarakteristika*. Moskva: Vostočnaja literatura.
- KOSTJAKOV, M. M. 1979. Vremja rasxoždenija ketskogo i kottskogo jazykov po dannym leksikostatistiki. In: *Voprosy stroja enisejskix jazykov*, ed. E.I. Ubrjatova et al. Novosibirsk: Akademija nauk SSSR, Sibirskoe otdelenie, 118–127.
- LAMBERTI, M. 1993. *Die Schinascha Sprache*. Heidelberg: Winter.
- LESLAU, W. 1987. *Comparative Lexicon of Ge^cez*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- LORIMER, D. L. R. 1935–1938. *The Burushaski Language* (3 vols.). Oslo: Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning.
- LORIMER, D. L. R. 1937. Burushaski and Its Alien Neighbours: Problems in Linguistic Contagion. *Transactions of the Philological Society* 1937: 63–98.
- MALLORY, J. P., and D. Q. ADAMS (eds.). 1997. *Encyclopedia of Indo-European Culture*. Chicago: Dearborn.

- MORGENSTIERNE, Georg. 1942. Notes on Burushaski Phonology. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap* 13: 61–95.
- NIKOLAEV, S. L., and S. A. STAROSTIN. 1994. *North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk.
- PAXALINA, T. N. 1975. *Vaxanskij jazyk*. Moskva: Nauka.
- PAYNE, John. 1989. Pāmir Languages. In: *CLI* 417–444.
- PEIROS, Ilija. 1988. Sinokavkazskaja teorija i burušaskij jazyk. *Problemy izučeniya sravnitel'nogo-istoričeskogo jazykoznanija i lingvističeskoj istorii o vostoke i juže Azii*: 214–227. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Academy of Sciences of the USSR.
- Peiros, Ilija [Ilija], and Sergei A. STAROSTIN. 1996. *A Comparative Vocabulary of Five Sino-Tibetan Languages*, I–VI. Melbourne: Department of Linguistics and Applied Linguistics.
- POKORNY, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: Francke Verlag.
- RAMSTEDT, Gustav J. 1907. Über den ursprung der sog. Jenisej-ostjaken. *Journal de la Société Finno-Ougrienne* 24/2, 1–6.
- RIX, Helmut, et al. (eds.). 2001. *Lexicon der indogermanischen Verben*₂. Wiesbaden: Reichert.
- RUHLEN, Merritt. 1996. Une nouvelle famille de langues: le déné-caucasien. *Pour la Science* (Dossier, Octobre): 68–73.
- RUHLEN, Merritt. 1998a. Dene-Caucasian: A New Linguistic Family. In: K. OMOTO and P. V. TOBIAS (eds.) *The Origins and Past of Modern Humans — Towards Reconciliation*, 231–246. Singapore: World Scientific.
- RUHLEN, M. 1998b. The Origin of the Na-Dene. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 95: 13994–13996. Available online at <http://www.merrittruhlen.com/files/1998c.pdf>
- RUHLEN, Merritt. 2001. Il Dene-caucasico: una nuova famiglia linguistica. *Pluriverso* 2: 76–85.
- SCHMITT, Rüdiger (ed.). 1989. *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden: Ludwig Reichert.
- SKINNER, N. 1996. *Hausa Comparative Dictionary*. Köln: Köppe.
- SKÖLD, Hannes. 1936. *Materialien zu den iranischen Pamirsprachen*. Lund: Gleerup.
- STAROSTIN, George. 2010a. Dene-Yeniseian and Dene-Caucasian: Pronouns and Other Thoughts. In TUTTLE & SPENCE (2010), pp. 107–117.
- STAROSTIN, George. 2010b. Preliminary Lexicostatistics as a Basis for Language Classification: a New Approach. *Journal of Language Relationship / Voprosy jazykovogo rodstva* 3: 79–116.
- STAROSTIN, Sergei A. 1995. Sravnitel'nyj slovar' enisejskix jazykov. In: S. A. STAROSTIN (ed.) *Ketskij sbornik — Lingvistika*, 176–315. Moskva: Škola Jazyki Russkoj Kul'tury.
- STAROSTIN, Sergei A. 2006. Comments on the Basque-Dene-Caucasian Comparisons. *Mother Tongue* 2: 101–109.
- STAROSTIN, Sergei A. nd. Burushaski Etymological Database. EHL/Tower of Babel. <http://starling.rinet.ru/>
- STAROSTIN, Sergei A. 2005a. Comparative Sino-Caucasian Glossary. <http://starling.rinet.ru/Texts/glossary.pdf>
- STAROSTIN, Sergei A. 2005b. Comparative Sino-Caucasian Phonology. <http://starling.rinet.ru/Texts/scc.pdf>
- STAROSTIN, Sergei A. & George S. STAROSTIN. 2005–2011. Yeniseian & Burushaski Etymological Databases. <http://starling.rinet.ru>
- TIKKANEN, Bertil. 1988. On Burushaski and Other Ancient Substrata in Northwestern South Asia. *Studia Orientalia* 64: 303–325.
- TIKKANEN, Bertil. 1995. Burushaski converbs in their areal context. In *Converbs in Cross-Linguistic Perspective: Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms - Adverbial Participles, Gerunds*, ed. by M. HASPELMATH & E. KÖNIG, pp. 487–528. Berlin: Mouton de Gruyter.
- TOMASCHEK, Wilhelm. 1880. Centralasiatischen Studien II: Die Pamir-Dialekte. *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften* 96: 735–900.
- TOPOROV, V. N. 1971. Burushaski and Yeniseian Languages: Some Parallels. *Travaux linguistiques de Prague* 4: 107–125.
- TRASK, R. L. 1995. Basque and Dene-Caucasian: A Critique from the Basque Side. *Mother Tongue* (Journal) 1: 3–82.
- TRASK, R. L. 1997. *The History of Basque*. London/New York: Routledge.
- TRASK, R. L. 2008. *Etymological Dictionary of Basque*. Ed. by Max W. Wheeler. University of Sussex. Linguist List Publications: <http://www.sussex.ac.uk/linguistics/1-4-1-2.html>
- TURNER, R. L. 1966. *A Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages*. London: Oxford University Press.
- TUTTLE, Siri, and Justin SPENCE (Ed.). 2010. *Working Papers in Athabaskan Languages: Alaska Native Language Center Working Papers*, No. 8. Fairbanks, Alaska: ANLC.
- VAJDA, Edward. 2008. The Siberian origins of Na-Dene languages. Paper presented at the Dene-Yeniseic Work Session, Fairbanks, Feb. 26–27, 2008, and at the Annual Meeting of the Alaskan Anthropological Society, Anchorage, Feb. 28, 2008.

- VAJDA, Edward. 2009. A Siberian link with Na-Dene languages. Ms. Draft Feb. 1, 2009, of a paper presented at the Dene-Yeniseic Symposium, University of Alaska, Feb. 29, 2008.
- VAJDA, Edward. 2010. A Siberian Link with Na-Dene Languages. In *The Dene-Yeniseian Connection*. Ed. by James KARI and B. A. POTTER. Anthropological Papers of the University of Alaska, New Series, no. 5. Anchorage: UAF Department of Anthropology /Alaska Native Language Center.
- WERNER, Heinrich. 2002. *Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen*, I–III. Wiesbaden: Harrassowitz.
- WITZEL, Michael. 1999. Early Sources for South Asian Substrate Languages. *Mother Tongue* (Special Issue, October 1999): 1–70.
- XELIMSKIJ, Evgenij A. 1982. Keto-Uralica. In: *Ketskij sbornik*, ed. by E.A. Alekseenko. Leningrad: Nauka, 238–251.
- XELIMSKIJ, Evgenij A. 1986. Arxivnye materialy XVIII veka po enisejskim jazykam. In: *Paleo-aziatskie jazyki*, ed. by P.Ja. Skorik. Leningrad: Nauka, 179–213.
- ZAXARJIN, B. A., and D. I. ZAXARJIN. 1971. *Jazyk kašmiri*. Moskva: Nauka.

Статья посвящена относительно недавней гипотезе, выдвинутой И. Чашуле, согласно которой язык бурушаски, традиционно считавшийся изолятом, на самом деле входит в состав индоевропейской семьи. Авторы прибегают к сравнительному анализу, сопоставляя гипотезу Чашуле и те конкретные фонетические, морфологические и лексические аргументы, которые он приводит в ее поддержку, с соответствующими аргументами в пользу т. н. «дене-кавказской» гипотезы, которая утверждает, что бурушаски на правах отдельной ветви входит в обширную макросемью, включающую языки семьи на-дене, а также сино-тибетские, северокавказские, баскский и енисейские языки.

Анализ данных показывает, что аргументы в пользу дене-кавказского происхождения бурушаски в количественном отношении значительно превышают аргументы в пользу индоевропейско-бурушаскской гипотезы. Связи бурушаски с индоевропейской семьей оказываются либо чересчур бессистемными (в области фонетических соответствий), либо спорадическими и явно недостаточными (в области морфологии), либо вообще практически отсутствуют (в области базисной лексики). Таким образом, все случаи сходжений между индоевропейскими и бурушаскскими элементами следует объяснять либо как (а) следы недавних контактов между бурушаски и индоарийскими языками, либо как (б) случайные сходства, либо, в очень немногочисленных случаях, как (в) следы «сверхглубокого» родства, которые никоим образом не представляют собой эксклюзивных «индоевропейско-бурушаскских» связей.

Ключевые слова: индоевропеистика, язык бурушаски, макрокомпаративистика, дене-кавказская макросемья, языки-изоляты.

Annotated 50-item wordlist of the basic lexicon of the Ancient Greek language (the idiolect of Herodotus)

The article offers a detailed justification for a standardized 50-item wordlist drawn from the Ancient Greek language of *The Histories* of Herodotus, which illustrates the new lexicostatistical standard proposed by *The Global Lexicostatistical Database* project (Moscow / Santa Fe).

Keywords: language taxonomy, lexicostatistics, Swadesh wordlist, Ancient Greek, Herodotus.

1. Over the last few decades, world linguistics has continued to demonstrate ever-increasing interest in various statistical methods of language comparison (see, e.g., overviews in [Nichols & Warnow 2008], [McMahon & McMahon 2005]). It may be stated that such methods progressively become a basic and generally acknowledged tool for formal classification of languages and dialects.

The general principles of the underlying analysis are standard. A matrix of features is compiled, which is filled up for each language in question, upon which the corresponding fields for different languages are compared (for various mathematical algorithms that process the resultant binary matches/unmatches see [Nichols & Warnow 2008]). Thereby the degree of relative proximity of the languages is investigated.

Linguistic data placed into the matrix can be of several kinds:

- 1) Lexical data, i. e. wordlists of basic vocabulary. Depending on the chosen method for matrix comparison, two words can be treated as equal if they are etymologically cognate, or if their phonetic shapes are identical according to some formal criteria (e.g., consonantal classes).
- 2) Auxiliary morphemes and grammatical features, which are either retentions or innovations in relation to the reconstructed proto-language of the language family under investigation (e.g., mutual phonetic changes, syncretism of cases and so on).
- 3) General (universal) typological features, whose formulation does not depend on the specific nature of particular languages (e.g., basic word order VS/SV or the presence of rounded front vowels).

2. Irrespective of the calculation method and the model of graphical visualisation (e.g., tree, implicit phylogenetic network, or something else) chosen by the researcher, the input material is language data. In the case of lexical classification, this implies construction of wordlists for the compared languages.

A new standard for the procedure of compiling such wordlists is currently adopted in the international project *The Global Lexicostatistical Database* (headed by G. Starostin). The direct aim of the *GLD* project is to compile, formalize, and provide public access to standardized basic lexicon wordlists of as many world languages and their dialects as possible, ranging from well-known and expertly studied to poorly documented and analyzed, and also including reconstructed “proto-lists” for numerous common ancestors of modern day languages.

In terms of elaboration and presentation of lexical data, the *GLD* project principally differs from previous on-line databases such as, e.g., [Dyen et al. 1997] (Indo-European languages) or [Greenhill et al. 2008] (Austronesian languages). The main innovations of the *GLD* are:

- 1) For the “blind” list of English definitions, proposed by M. Swadesh in the mid-20th century, a strong semantic standard is elaborated [Kassian et al. 2010], which is sufficient to almost totally eliminate synonymy in wordlists of specific languages.
- 2) A unified phonetic alphabet (compiled on the basis of *International Phonetic Alphabet*) is used to transcribe the words in the list (at the same time, it is recommended for languages with national systems of writing to duplicate the forms in the traditional writing system, e.g. Cyrillic, Chinese characters, etc.). Such a standardization facilitates computerized analysis of the wordlists.
- 3) Each entry is accompanied by references to its lexicographical sources.
- 4) Notes on specific entries may and should, if possible, contain additional information on the semantics of the word (in case of polysemy), its combinatory features, application, pragmatics and so on.
- 5) If the language in question has several words competing for the same slot (e.g. Latin *totus* and *omnis* equally fit the Swadesh definition of ‘all’), the choice of pretender has to be explicitly substantiated (criteria may consist of meaning nuances, combinatory features, frequency of occurrence, stylistic coloring of a word and so forth).
- 6) The Web interface can construct lexicostatistical and glottochronological trees in real time mode for languages that are united in one linguistic family or group.
- 7) The advanced user, based on his/her scientific judgement, may change cognation indexes within wordlists via the Web interface, thereby obtaining a new lexicostatistical tree for the languages in question (this function is not realized yet).

We assume that such careful and strict selection of input data will allow to substantially improve the precision of lexicostatistical calculations in the *GLD* project.

3. There is one particular trap here that may represent a threat for inexperienced wordlist compilers.

Like other parts of the vocabulary, the Swadesh list naturally changes over time. In the majority of instances, language units which are normally called *dialects* of a certain language differ in their Swadesh lists, that is, from a strictly lexicostatistical point of view, they are different *languages*. This implies that the compiled wordlist must register a language unit that is localized in one narrow point in space and time. In the ideal case, our wordlist should reflect not even a dialect, but an *idiolect* of a certain native speaker (this is why wordlists collected during field work are especially valuable).

The aforementioned problem appears to be especially serious when one attempts to compile a Swadesh wordlist for a dead written language. If such a language has a long written tradition (e.g., Ancient Greek, Latin, Sumerian and so on), or its documents have a wide geographical distribution, formally writing out words with corresponding definitions from the cumulative dictionary of the language means that:

- 1) we do not adhere to the principle of chronological and dialectal integrity;
- 2) we get several synonyms for the majority of the positions on the wordlist (in the case of a lexically well-described language, as, e.g., Ancient Greek).

In the case of a dead written language, it should be methodologically more correct to compile such wordlists for texts created by a single author, i.e. to describe the idiolect of this

author. Unfortunately, due to scarcity of surviving ancient texts, such an approach is usually impossible to realize. Thus, languages such as Egyptian or Sumerian are represented by solid textual corpora, but neither of them has so far yielded *one* such voluminous and thematically diverse document that its vocabulary would include, if not all of the 100 Swadesh words, then at least a majority of such words. A fortunate exception is Old Chinese and classical Indo-European languages: Ancient Greek and Latin. Authors that wrote in these languages left us with a number of compositions suitable for “monotextual” compiling of the 100-item wordlist.

Below, as a model example for the lexicographic standard of the *GLD* project, I offer a 50-item¹ wordlist for the Ancient Greek language of *The Histories* of Herodotus (5th century BC). The Swadesh list for Herodotus’ dialect has been compiled on the basis of the edition [Godley 1920–25] and the thesaurus [Powell 1938]. The English text is quoted after [Godley 1920–25]. The Russian translation is given according to [Стратановский 1972]. (It should be obvious that neither Godley’s nor Stratanovskiy’s translations are strictly literal.)

I confine myself to the proper text of Herodotus; this means that forms attested in quotations (direct speech, prophecies and so on) are normally excluded.

Each particular commentary is concluded by the section “General Ancient Greek”, which contains various Ancient Greek words, attested someplace in the Ancient Greek corpus with the required Swadesh meaning. This section illustrates how many synonyms one would have to deal with, were one to decide to compile the Swadesh wordlist for the Ancient Greek language in general, using standard dictionaries (e.g., English-Greek [Edwards 1914] & [Yonge 1849] and Greek-English [LSJ]).

4. Transliteration. Since Ancient Greek underwent a number of sound changes during the written period, not to mention dialectal diversity, it is impossible to propose a unified and phonetically exact romanization for the Classical Greek alphabet (see, e.g., [Allen 1968] for detail). Provisionally, I propose the following table of transliteration, which is somewhat of a compromise between reconstructed pronunciation, alphabetic tradition, modern scholarly pronunciation and etymology.

β	b	φ	p ^h
γ	g (n before κ, χ, γ, μ)	χ	k ^h
δ	d	ψ	ps
ζ	zd		
θ	t ^h	α	a
κ	k	ᾱ	a:
λ	l	α	a:y
μ	m	αι	ay
ν	n	αυ	aw
ξ	ks	ᾶυ	a:w
π	p		
ρ	r	ε	e
σ, ς	s	ει	ey
τ	t	ευ	ew

¹ In order to save up space, I have shortened the 110-item wordlist, adopted in the *GLD*, to the 50 most stable words (see [Starostin G. 2010] for detail). Index figures that accompany the English entries designate the relative index of stability as calculated by S. Starostin ([Старостин 2007]; [Starostin G. 2010]); ‘we₁’ is the most stable word, ‘night₅₀’ is the least stable one). The full version of the 110-item wordlist of *The Histories* will be available at the Web site of the *GLD*.

η	e:	ω	o:
η	e:y	φ	o:y
ηυ	e:w		
		F	v
ι, ῑ	i	‘	h [note that this phoneme was apparently lost in the dialect of Herodotus]
ῑ	i:		
ο	ο		
οι	οy	’	unnoted
ου	u:		
υ, ῡ	ü	Ŷ, Ṽ	Ŷ
ῡ	ü:	Ṽ	Ṽ
υι	üy		

Annotated 50-item wordlist of *The Histories* of Herodotus

2. ashes₃₈

spod-ó-s {σποδός}, [Powell 1938: 336]. Examples are:

‘ashes’ (2×): 2.140.1 “When the Ethiopian left Egypt, the blind man (it is said) was king once more, returning from the marshes where he had lived for fifty years on an island that he built of **ashes** [σποδόϛ] and earth; for the Egyptians who were to bring him food without the Ethiopian’s knowledge were instructed by the king to bring **ashes** [σποδὸν] whenever they came, to add to their gift”, “А лишь только эфиопский царь покинул Египет, слепец Анисис снова воцарился, возвратившись из [прибрежной] низменности. Там он пробыл 50 лет и насыпал остров из **зола** [σποδόϛ] и земли. Ведь, кроме съестных припасов, которые он приказывал египтянам тайно от эфиопского царя доставлять себе, египтяне должны были приносить в дар слепому царю также **золу** [σποδὸν]”.

‘ashes after cremation’ (1×): 4.35.4 “Furthermore, they say that when the thighbones are burnt in sacrifice on the altar, the **ashes** [σποδὸν] are all cast on the burial-place of Opis and Arge, behind the temple of Artemis, looking east, nearest the refectory of the people of Ceos”, “**пепел** [σποδὸν] от бедер жертвенных животных, сожженных на алтаре, они рассыпают на могиле”.

Undetermined ‘dust’ or ‘ashes’ (2×): 2.100.4 “while they feasted, she [Nitocris] let the river in upon them by a vast secret channel. This was all that the priests told of her, except that when she had done this she cast herself into a chamber full of hot **ashes** [ἐς οἴκημα σποδοῦ πλέον; the text lacks ‘hot’], to escape vengeance”, “Пока гости пировали, царица [Нитокрис] велела выпустить в покой воды реки через большой потайной канал. Вот все, что рассказывали жрецы об этой царице. Впрочем, как говорят еще, она сама после такого деяния, чтобы избежать возмездия, бросилась в какой-то покой, полный **пепла** [σποδοῦ]”.

4.172.4 “They [the Nasamones] give and receive pledges by each drinking from the hand of the other party; and if they have nothing liquid, they take the **dust** [σποδοῦ] of the earth and lick it up”, “Дружеские же союзы они [насамоны] заключают так: один дает пить другому из [своей] руки, и сам пьет из его руки. Если под руками нет никакой жидкости, то берут с земли щепотку **пыли** [σποδοῦ] и лижут ее”.

According to [LSJ], Hdt. 4.172 & Arr. Epict. 3.26.17 are the only contexts in which the meaning ‘dust’ rather than ‘ashes’ is traditionally postulated for σποδός. Both passages, however, permit the translation ‘ashes’, therefore, the gloss ‘dust’ seems unnecessary.

General Ancient Greek: κόνις ~ σποδός ~ τέφρα [Edwards 1914: 11], [Yonge 1849: 27], [LSJ]. Neither κόνις nor τέφρα are attested in Hdt.

6. **bird**₃₃

ór-n-i-s {ὄρνις}, [Powell 1938: 268]. 24×. Some examples are:

1.159.3 “With that Aristodicus did as he had already decided; he went around the temple, and took away the sparrows and all the families of nesting **birds** [ὄρνιθων] that were in it”, “Тогда Аристодик, обдумав заранее свои действия, поступил так: он стал обходить вокруг святилища и разорять гнезда воробьев и разных других **птиц** [ὄρνιθων], которые нашли себе приют при храме”.

2.72 “Otters are found in the river, too, which the Egyptians consider sacred; and they consider sacred that fish, too, which is called the scale-fish, and the eel. These, and the fox-goose among **birds** [ὄρνιθων], are said to be sacred to the god of the Nile”, “В реке [Ниле] водятся также выдры, которых почитают священными. Из рыб у египтян считаются священными так называемый лепидот и угорь. Эти рыбы, как говорят, посвящены Нилу. Из **птиц** [ὄρνιθων] они почитают лисьих гусей”.

2.73.1,4 “There is another sacred **bird** [ὄρνις], too, whose name is phoenix [...] and he conveys him encased to the temple of the Sun in Egypt. This is what they say this **bird** [ὄρνις] does”, “Есть еще одна священная **птица** [ὄρνις] под названием феникс [...] Тогда феникс несет яйцо [с собой] в Египет в храм Гелиоса. Вот что, по рассказам, делает эта **птица** [ὄρνις]”.

General Ancient Greek: ὄρνις ~ οἰωνός ~ πτηνός [Edwards 1914: 19], [Yonge 1849: 48], [LSJ]. πτηνός is unattested in Hdt.; οἰωνός is attested in the meaning ‘omen’ [Powell 1938: 262].

8. **black**₄₈

méla-n- {μέλας}, [Powell 1938: 218]. 15×. Normally it is hard to discriminate between ‘black’ and ‘dark’ in the case of ancient languages. Diagnostic passages from Hdt. are:

1.98.5–6 “There are seven circles in all; within the innermost circle are the palace and the treasuries; and the longest wall is about the length of the wall that surrounds the city of Athens. The battlements of the first circle are white, of the second **black** [μέλανες], of the third circle purple, of the fourth blue, and of the fifth orange: thus the battlements of five circles are painted with colors; and the battlements of the last two circles are coated, the one with silver and the other with gold”, “Длина наибольшего кольца стен почти такая же, что и у кольцевой стены Афин. Бастионы первого кольца стен белые, второго — **черные** [μέλανες], третьего — желто-красные, четвертого — темно-синие, пятого — сандаракowego цвета. Таким образом, бастионы всех этих пяти колец пестро окрашены. Что же до двух последних колец, то бастионы одного были посеребренные, а другого — позолоченные”.

2.76.1–2 “Now this is the appearance of the ibis. It is all quite **black** [μέλαινα], with the legs of a crane, and a beak sharply hooked, and is as big as a landrail. Such is the appearance of the ibis which fights with the serpents. Those that most associate with men (for there are two kinds of ibis) have the whole head and neck bare of feathers; their plumage is white, except the head and neck and wingtips and tail (these being quite **black** [μέλαινα]); the legs and beak of the bird are like those of the other ibis”, “Внешний вид ибиса вот какой. Он совершенно **черный** [μέλαινα], ноги, как у журавля, с сильно загнутым клювом, величиной с

птицу крек. Таков этот черный ибис, воюющий со змеями. У другой же породы, которая стаями держится около людей (есть ведь два рода ибисов), голова и шея лысые, оперенье белое (кроме головы, затылка, концов крыльев и хвоста, — все эти части совершенно **черные** [μέλανα]); ноги и клюв такие же, как у другой породы”.

General Ancient Greek: μέλας ~ κελαϊνός [Edwards 1914: 19], [Yonge 1849: 49], [LSJ]. κελαϊνός is unattested in Hdt.

9. **blood**₂₀

hâym-a {αἷμα}, [Powell 1938: 8]. Applied to humans (14×) and animals (1×). Some examples for ‘human blood’ are:

1.74.6 “These nations [*the Lydians and Medes*] make sworn compacts as do the Greeks; and besides, when they cut the skin of their arms, they lick each other’s **blood** [αἷμα]”, “Скрепленные же клятвой договоры эти народы [*лидийцы и мидяне*] заключают так же, как и эллины, и, кроме того, слегка надрезают кожу на руке и слизывают друг у друга [выступившую] **кровь** [αἷμα]”.

4.64.1 “As to war, these are their customs. A Scythian drinks the **blood** [αἷματος] of the first man whom he has taken down”, “Военные обычаи скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его **кровь** [αἷματος]”.

7.88.1 “after his fall he [*Pharnuches*] vomited **blood** [αἷμά] and began to waste away”, “После падения Фарнух стал харкать **кровью** [αἷμά] и недуг перешел в чахотку”.

General Ancient Greek: αἷμα ~ εἶᾱρ [Edwards 1914: 20], [Yonge 1849: 50], [LSJ]. εἶᾱρ is unattested in Hdt.

10. **bone**₃₄

osté-o-n {ὀστέον}, [Powell 1938: 273]. 18×. Applied to humans and animals. Some examples for ‘human bone(s)’ are:

2.87.3 “meanwhile, the flesh is eaten away by the saltpetre, and in the end nothing is left of the body but hide and **bones** [ὀστέα]”, “Натровый же щелок разлагает мясо, так что от покойника остаются лишь кожа да **кости** [ὀστέα]”.

3.12.1–2 “I saw a strange thing on the site of the battle, of which the people of the country had told me. The **bones** [ὀστέων] of those killed on either side in this fight lying scattered separately (for the Persian **bones** [ὀστέα] lay in one place and the Egyptian in another, where the armies had first separately stood), the skulls of the Persians are so brittle that if you throw no more than a pebble it will pierce them, but the Egyptian skulls are so strong that a blow of a stone will hardly crack them. And this, the people said (which for my own part I readily believed), is the explanation of it: the Egyptians shave their heads from childhood, and the **bone** [ὀστέον] thickens by exposure to the sun”, “Удивительную вещь мне пришлось увидеть там, на месте битвы (на это обратили мое внимание местные жители). **Кости** [ὀστέων] воинов, павших в этой битве, были свалены в отдельные кучи. На одной стороне лежали **кости** [ὀστέα] персов, как они были погребены, а на другой — египтян. Черепа персов оказались такими хрупкими, что их можно было пробить ударом камешка. Напротив, египетские черепа были столь крепкими, что едва разбивались от ударов большими камнями. Причина этого, как мне объяснили, и я легко этому поверил, в том, что египтяне с самого раннего детства стригут себе волосы на голове, так что **черепа** [ὀστέον] под действием солнца становится твердым”.

General Ancient Greek: ὀστέον [Edwards 1914: 21], [Yonge 1849: 53], [LSJ].

13. **nail**₁₉

ónük^h- {ὄνυξ}, [Powell 1938: 266]. Polysemy: ‘fingernail (1×) / claw (2×)’. An example for ‘human nail(s)’:

4.64.3 “Many [*Scythians*] too take off the skin, **nails** [ὄνυξι] and all, from their dead enemies’ right hands, and make coverings for their quivers”, “Другие [*скифы*] из содранной вместе с **НОГТЯМИ** [ὄνυξι] с правой руки вражеских трупов кожи изготавливают чехлы для своих колчанов”.

General Ancient Greek: ὄνυξ [Edwards 1914: 163], [Yonge 1849: 328], [LSJ].

17. **die**₁₃

apo=t^hné:-y-sk-o: {ἀπο=θνῆσκω}, [Powell 1938: 39]. Polysemy: ‘to die (63×); to fall in battle (33×); to be slain (29×)’. This is the most neutral and frequent designation of non-violent human death. The verb also possesses numerous attestations without a prefix or with additional prefixes, retaining its generic meaning ‘to die’: θνήσκω ‘to have died, be dead (14×) / to be executed (1×) / to have been killed (2×)’ [Powell 1938: 168], ἐν=απο=θνῆσκω ‘to die there (1×)’ [Powell 1938: 120], προ=απο=θνῆσκω ‘to die first (1×)’ [Powell 1938: 317], συν=απο=θνῆσκω ‘to die with (3×)’ [Powell 1938: 344].

Some examples are:

4.14.1 “It is said that this Aristeas, who was as well-born as any of his townfolk, went into a fuller’s shop at Proconnesus and there **died** [ἀπο=θανεῖν]”, “Как передают, Аристей был родом из самых знатных граждан Проконнеса. Однажды он пришел в сукновальную мастерскую и там **умер** [ἀπο=θανεῖν]”.

4.26.1 “It is said to be the custom of the Issedones that, whenever a man’s father **dies** [ἀπο=θάνη], all the nearest of kin bring beasts of the flock and, having killed these and cut up the flesh”, “Об обычаях исседонов рассказывают следующее. Когда **умирает** [ἀπο=θάνη] чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубают на куски”.

7.46.3 “Artabanus answered, ‘In one life we have deeper sorrows to bear than that. Short as our lives are, there is no human being either here or elsewhere so fortunate that it will not occur to him, often and not just once, to wish himself **dead** [τεθνάσαι] rather than alive’”, “Артабан же в ответ сказал так: «В жизни мы испытываем еще нечто, внушающее больше сожаления, чем это. Ведь, несмотря на такую мимолетность жизни, все же никто не может в силу своей человеческой природы быть счастлив. И не только среди этих людей, но и среди всех на свете нет никого, кому бы часто или хоть однажды не приходила в голову мысль, что лучше **быть мертвым** [τεθνάσαι], чем жить»”.

3.32.4 “Angered at this, they say, he sprang upon her, who was great with child, and she miscarried and **died** [ἀπο=θανεῖν] of the hurt he gave her”, “Тогда Камбис, распалившись гневом, бросился на нее. А та была беременной, родила преждевременно и **скончалась** [ἀπο=θανεῖν]”.

A second candidate involves the verbal stems φθί-v-ω (1×) and κατα=φθίω (1×), glossed in [Powell 1938: 190, 373] as ‘to pine away, die’ and as ‘to perish’ respectively. In one of these attestations the subject is an animal. These cannot be considered the default expressions for ‘to die’. Examples are:

3.29.3 “So saying he bade those, whose business it was, to scourge the priests well, and to kill any other Egyptian whom they found holiday-making. So the Egyptian festival ended, and the priests were punished, and Apis [*i.e. the calf*] lay in the temple and **died** [ἔφθινε] of the wound in the thigh”, “С этими словами он приказал палачам бичевать жрецов и хватать

и убивать всякого египтянина, справляющего праздник. Так-то кончилось это празднество у египтян. Жрецов бичевали, [теленок] Апис же, пораженный в бедро, умер [ἔφθινε], лежа в храме”.

2.123.2 “The Egyptians were the first who maintained the following doctrine, too, that the human soul is immortal, and at **the death** [κατα=φθίνοντος] of the body enters into some other living thing then coming to birth; and after passing through all creatures of land, sea, and air, it enters once more into a human body at birth, a cycle which it completes in three thousand years”, “Египтяне также первыми стали учить о бессмертии человеческой души. Когда **умирает** [κατα=φθίνοντος] тело, душа переходит в другое существо, как раз рождающееся в тот момент. Пройдя через [тела] всех земных и морских животных и птиц, она снова вселяется в тело новорожденного ребенка. Это круговращение продолжается три тысячи лет”.

A third candidate is the verb ἀπ=όλ-λυ-μαι, which normally means ‘to kill [active voice] / to be killed [middle voice] / to perish (of nations, armies) [middle voice] / etc.’ in Hdt., i.e. refers to violent death (‘to be killed’), see [Powell 1938: 40]. Also with additional prefixes: ἀντ=απ=όλλυμαι ‘be slain in atonement’ [Powell 1938: 29], ἐξ=απ=όλλυμαι ‘to perish, be lost utterly (said of a nation)’ [Powell 1938: 124], προσ=απ=όλλυμι ‘to lose besides; to destroy besides; to perish besides’ [Powell 1938: 322], συν=απ=όλλυμαι ‘to perish with’ [Powell 1938: 344]. The only passage, where non-violent human death is indeed mentioned, is:

4.94.1 “Their belief in their immortality is as follows: they [*the Getae*] believe that they do not **die** [ἀπο=θνήσκειν], but that one who **perishes** [ἀπ=ολλύμενον] goes to the deity Salmoxis”, “Что касается веры гетов в бессмертие, то она состоит вот в чем. По их мнению, они не **умирают** [ἀπο=θνήσκειν], но покойник **отходит** [ἀπ=ολλύμενον] к богу Салмоксису”.

Cf. also two following contexts: 7.221 “Not the least proof I have of this is the fact that Leonidas publicly dismissed the seer who attended the expedition, for fear that he might **die with them** [συν=απ=όληται]. This was Megistias the Acarnanian, said to be descended from Melampus, the one who told from the sacrifices what was going to happen to them. He was dismissed but did not leave; instead he sent away his only son who was also with the army”, “Доводом, и притом немаловажным, в пользу этого мнения, по-моему, является еще вот что: достоверно известно, что Леонид отослал упомянутого прорицателя акарнанца Мегистия (этот Мегистий находился при войске; по преданию, он был отдаленным потомком Мелампода и предсказал Леониду грядущую судьбу по внутренностям жертвенных животных), чтобы тот не **погиб** [συν=απ=όληται] вместе с ним. Однако Мегистий сам не покинул спартанцев, несмотря на приказ, но только отпустил своего единственного сына, который вместе с отцом участвовал в походе”.

6.84.1 “The Argives say this was the reason Cleomenes went mad and met an evil **end** [ἀπ=ολέσθαι κακῶς]; the Spartans themselves say that Cleomenes’ madness arose from no divine agent, but that by consorting with Scythians he became a drinker of strong wine, and the madness came from this”, “Так вот, это-то и было, по словам аргосцев, причиной безумия и ужасной **гибели** [ἀπ=ολέσθαι κακῶς] Клеомена. Сами же спартанцы утверждают, что божество вовсе не виновно в безумии царя: общаясь со скифами, он научился пить неразбавленное вино и от этого впал в безумие”.

General Ancient Greek: θνήσκω ~ φθίνω ~ ὀλλυμαι ~ and some others [Edwards 1914: 57], [Yonge 1849: 140], [LSJ].

18. **dog**₁₆

κύων {κύων}, [Powell 1938: 203]. Polysemy: ‘dog (in general) / bitch’. 22×. Some examples for ‘dog (in general)’ are:

1.110.1 “her name was in the Greek language *Cyno*, in the Median *Spako*: for ‘spax’ is the Median word for **dog** [κύνα]”, “Имя ее на эллинском языке было Кино, а по-мидийски Спако («собака» [κύνα] по-мидийски спако)”.

4.22.2 “The hunter climbs a tree, and sits there concealed; for trees grow thickly all over the land; and each man has his horse at hand, trained to flatten on its belly for the sake of lowness, and his **dog** [κύων]”, “У каждого охотника наготове конь, приученный лежать на брюхе, чтобы меньше бросаться в глаза, и **собака** [κύων]”.

7.187.1 “That is the number of Xerxes’ whole force. No one, however, can say what the exact number of cooking women, and concubines, and eunuchs was, nor can one determine the number of the beasts of draught and burden, and the Indian **dogs** [κυνῶν] which accompanied the host”, “Число же поварих-женщин, наложниц и евнухов точно определить невозможно. Так же и количество упряжных и других вьючных животных и индийских **псов** [κυνῶν] в войсках нельзя установить из-за огромного их числа”.

9.112 “In the meantime, while Xerxes talked with his brother, Amestris sent for Xerxes’ guards and treated Masistes’ wife very cruelly; she cut off the woman’s breasts and threw them to **dogs** [κυσί], and her nose and ears and lips also, and cut out her tongue”, “Между тем, пока Ксеркс вел этот разговор с братом, Аместрида послала телохранителей Ксеркса изувечить жену Масиста: она велела отрезать у несчастной груди и бросить **псам** [κυσί], а также нос, уши и губы, вырезать язык и отправить в таком виде домой”.

Cf. also σκύλαξ, which is attested in the meaning ‘puppy’ [Powell 1938: 334] (e.g., in the collocation σκύλαξ κυνός ‘puppy of a dog’).

General Ancient Greek: κύων ~ σκύλαξ [Edwards 1914: 63], [Yonge 1849: 153], [LSJ].

19. **drink**₁₅

πί-ν-ο: {πίνω}, [Powell 1938: 305]. Polysemy: ‘to drink (27×) / to absorb (2×)’. Also with various prefixes (ἀπο=, δια=, ἐκ=, ἐμ=, κατα=, συμ=). Some examples are:

1.188.1 “Now when the Great King [*Cyrus*] campaigns, he marches well provided with food and flocks from home; and water from the Choaspes river that flows past Susa is carried with him, the only river from which the king will **drink** [πίνει]”, “Всякий раз когда великий царь выступает в поход, то, сделав дома хороший запас хлеба и мелкого скота, он берет с собой, кроме того, еще воду из протекающей у Сус реки Хоаспа (единственной реки, откуда он **пьет** [πίνει] воду)”.

4.2.1 “Now the Scythians blind all their slaves, because of the milk they **drink** [πίνουσι]”, “Всех своих рабов скифы ослепляют. [Поступают они так] из-за молока кобылиц, которое они **пьют** [πίνουσι]”.

4.23.3 “The tree by which they live is called ‘Pontic’; it is about the size of a fig-tree, and bears a fruit as big as a bean, with a stone in it. When this fruit is ripe, they strain it through cloth, and a thick black liquid comes from it, which they call ‘aschu’; they lick this up or **drink** [πίνουσι] it mixed with milk, and from the thickest lees of it they make cakes, and eat [σιτέονται] them”, “Имя дерева, плоды которого они употребляют в пищу, понтик. Величиной это дерево почти что со смоковницу, плод его похож на бобовый, но с косточкой внутри. Спелый плод выжимают через ткань, и из него вытекает черный сок под названием «асхи». Сок этот они лизут и **пьют** [πίνουσι], смешивая с молоком. Из гущи асхи они готовят в пищу [ταύτας σιτέονται] лепешки”.

General Ancient Greek: πίνω ~ ἔλκω [Edwards 1914: 65], [Yonge 1849: 157], [LSJ]. In Hdt. ἔλκω is attested in its direct meanings ‘to drag along; to trail; to pull towards one; etc.’ [Powell 1938: 114].

20. **dry**₂₄

âw-o-s {αὔος}, [Powell 1938: 52]. 3×. This seems to be the default word for ‘dry’; applicable to hide and food.

2.71 “[*hippopotamus*] hide is so thick that, when it is **dried** [αὔου γενομένου], spearshafts are made of it”, “Кожа гиппопотама такая толстая, что, когда **высохнет** [αὔου γενομένου], из нее делают древки для копий”.

2.92.4 “this produces many edible seeds as big as olive pits, which are eaten both fresh and **dried** [αὔα]”, “В этой [чашечке] — множество съедобных зерен величиной с маслинную косточку. Их употребляют в пищу сырыми и **сушеными** [αὔα]”.

2.92.5 “They [*the Egyptians*] catch the fish, take out the intestines, then dry them in the sun and eat them **dried** [αὔους]”, “Наловив рыбы, они [*египтяне*] потрошат ее, вялят на солнце и едят **сухою** [αὔους]”.

A second candidate is ξηρός ‘dry’ (3×) [Powell 1938: 236], but its semantics seems more specific, since this adjective is applicable to air and river only.

2.26.1 “The **dryness** of the air [ἡέρα ξηρόν] in these parts is also caused by the sun, in my opinion, because it burns its way through it”, “Я думаю также, что от солнца зависит и **сухость** воздуха [ἡέρα ξηρόν] в этих странах”.

5.45.1 “a precinct and a temple beside the **dry** bed of the Crathis [παρὰ τὸν ξηρόν Κραθίον]”, “священный участок и храм у **сухого** русла реки Крафий [παρὰ τὸν ξηρόν Κραθίον]”.

Substantivized in the meaning ‘dry land’: 2.68.1 “The nature of crocodiles is as follows. For the four winter months, it eats nothing. It has four feet, and lives both on land and in the water, for it lays eggs and hatches them out on land and spends the greater part of the day on **dry ground** [τῷ ξηρῷ], and the night in the river, the water being warmer than the air and dew”, “О крокодилах нужно сказать вот что. Четыре зимних месяца крокодил ничего не ест. Хотя это четвероногое и земноводное животное, но кладет яйца в землю и высиживает их. Большую часть дня крокодил проводит на **суше** [τῷ ξηρῷ], а ночь — в реке. Ведь вода ночью теплее воздуха и росы”.

Cf. also the adjectives ἄνυδρος ‘waterless (of a country)’ (13×) [Powell 1938: 31] and ἄνομβρος ‘rainless (of a country)’ (4×) [Powell 1938: 29].

General Ancient Greek: αὔος ~ ξηρός ~ ἄνυδρος ~ δίψιος ~ ἄνομβρος ~ and some others [Edwards 1914: 65], [Yonge 1849: 159], [LSJ]. In Hdt. δίψιος is unattested.

21. **ear**₃₂

o:-t- {οὔς}, [Powell 1938: 278]. 22×. Применяется к людям и животным. Некоторые примеры на значение ‘ухо (человека)’:

3.154.2 “He [*Zopyrus*] could think of no other way to bring the city down than to mutilate himself and then desert to the Babylonians; so, making light of it, he mutilated himself beyond repair, and after cutting off his nose and **ears** [ῶτα] and cropping his hair as a disfigurement and scourging himself, he came before Darius”, “Зопир полагал, что может достичь цели только одним путем: именно, изувечить себя и затем перебежать к врагам. Тогда с легким сердцем он нанес себе неисцелимые увечья: отрезал нос и **уши** [ῶτα], безобразно остриг волосы и со следами ударов бича предстал перед Дарием”.

4.71.2 “they [*the Scythians*] cut off a part of their **ears** [ὠτὸς], shave their heads, make cuts around their arms, tear their foreheads and noses, and pierce their left hands with arrows”, “Они [*скифы*] отрезают кусок своего уха [ὠτὸς], обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами”.

General Ancient Greek: οὔς [Edwards 1914: 67], [Yonge 1849: 162], [LSJ].

23. eat₂₅

sit-é-o-may [σιτέομαι], [Powell 1938: 333].

A difficult case, because several verbs compete with each other in complex ways.

The most frequent and widely applicable stem is the denominative σιτέομαι ‘to eat’, 26× [Powell 1938: 333]. Subj. = human; obj. = meat, fish, roots, grain and so forth, also without object. A more archaic term ἐσθίω [Powell 1938: 148], which apparently contains the basic IE root *ed- ‘to eat’, also demonstrates the meaning ‘to eat (in general)’ (subj. = human / animal; obj. = meat, also without object), but its attestations are scanty (4×); ἐσθίω seems to be synchronically almost superseded by σιτέομαι.

Some examples for σιτέομαι are:

1.94.4 “Then, using their discovery to lighten the famine, every other day they [*the Lydians*] would play for the whole day, so that they would not have to look for food, and the next day they quit their play and **ate** [σιτέεσθαι]”, “Чтобы заглушить голод, они [*лидийцы*] поступали так: один день все время занимались играми, чтобы не думать о пище, а на следующий день **ели** [σιτέεσθαι], прекращая игры”.

1.200 “These are established customs among the Babylonians. Furthermore, there are three tribes in the country that **eat** [σιτέονται] nothing but fish”, “Таковы обычаи вавилонян. Есть среди них три племени, которые **питаются** [σιτέονται] только рыбой”.

1.202.1 “It is reported that there are many islands in it as big as Lesbos, and men on them who in summer **live on** [σιτέονται] roots of all kinds that they dig up, and in winter on fruit that they have got from trees when it was ripe and stored **for food** [σιτέεσθαι]”, “На этих-то островах живут люди, летом **питающиеся** [σιτέονται] разными кореньями, выкапываемыми из земли. В летнюю же пору они собирают спелые плоды с деревьев и затем сохраняют их **про запас** [σιτέεσθαι]”.

1.202.3 “except one issue into bogs and swamps, where men are said to live whose **food** [σιτεομένους] is raw fish”, “В этих-то болотах, по рассказам, обитают люди, **питающиеся** [σιτεομένους] сырой рыбой”.

2.47.3 “as for the rest of the flesh, they **eat** [σιτέονται] it at the time of full moon when they sacrifice the victim”, “Остальное мясо **съедают** [σιτέονται] еще в день полнолуния, когда приносят жертву”.

2.77.4–5 “They [*the Egyptians*] eat bread [ἄρτοφαγέουσι], making loaves which they call ‘cyllestis,’ of coarse grain. For wine, they use a drink made from barley, for they have no vines in their country. They **eat** [σιτέονται] fish either raw and sun-dried, or preserved with brine. Quails and ducks and small birds are salted and **eaten** [σιτέονται] raw; all other kinds of birds, as well as fish (except those that the Egyptians consider sacred) are **eaten** [σιτέονται] roasted or boiled”, “Хлеб, который они едят [ἄρτοφαγέουσι], готовится из полбы, по-египетски называемой «киллестис». Вино, которое они пьют, готовится из ячменя, потому что в этой стране нет виноградной лозы. Рыбу же египтяне **едят** [σιτέονται] частью в сыром виде вяленой на солнце, частью просоленной в рассоле. Из птиц **употребляют в пищу** [σιτέονται] также в соленом виде перепелок, уток и мелких птичек.

Птицу и рыбу всех других пород, кроме, конечно, почитаемых священными, они **едят** [σιτέονται] жареной или вареной”.

3.22.3–4 “But when he came to the wine and asked about its making, he was vastly pleased with the drink, and asked further what food their king **ate** [σιτέεται], and what was the greatest age to which a Persian lived. They told him their king **ate** [σιτέεσθαι] bread, showing him how wheat grew; and said that the full age to which a man might hope to live was eighty years. Then, said the Ethiopian, it was no wonder that they lived so few years, if they **ate** [σιτέόμενοι] dung”, “Наконец, он дошел до вина и осведомился, как его готовят, причем очень обрадовался этому напитку. Потом эфиоп спросил, чем же **питается** [σιτέεται] персидский царь и до какого предельного возраста могут дожить персы. Те отвечали, что **пища** [σιτέεσθαι] царя — хлеб, и объяснили, что такое пшеница. 80 лет, добавили они, — наибольшая продолжительность жизни смертного. На это эфиопский царь ответил, что вовсе не удивлен кратковременностью жизни персов, так как они **питаются** [σιτέόμενοι] навозом”.

4.183.4 “for the Ethiopian cave-dwellers are swifter of foot than any men of whom tales are brought to us. They **live on** [σιτέονται] snakes and lizards and such-like creeping things. Their speech is like no other in the world: it is like the squeaking of bats”, “Ведь пещерные эфиопы — самые быстроногие среди всех людей, о которых нам приходилось когда-либо слышать. Эти пещерные жители **поедают** [σιτέονται] змей, ящериц и подобных пресмыкающихся. Язык их не похож ни на какой другой: они издают звуки, подобные писку летучих мышей”.

6.57.2 “It is their right to appoint whatever citizens they wish to be protectors of foreigners; and they each choose two Pythians. (The Pythians are the ambassadors to Delphi and **eat** [σιτέόμενοι] with the kings at the public expense.)”, “На всех состязаниях царям принадлежат особые почетные места. Им поручено назначать проксенами любого из граждан и выбирать по два пифия (пифиями называются послы в Дельфы, которые **обедают** [σιτέόμενοι] вместе с царями на общественный счет”.

9.118.1 “But those who were within the walls were by now reduced to the last extremity, so much so that they boiled the thongs of their beds **for food** [ἐσιτέοντο]”, “А осажденные в крепости [херсонесцы] уже дошли до последней крайности, так, что варили и **ели** [ἐσιτέοντο] ремни от постелей”.

Cf. also the prefixed stem *κατα=σιτέομαι* ‘to eat’ (obj. = human meat) [Powell 1938: 189]:

1.216.2–3 “Though they fix no certain term to life, yet when a man is very old all his family meet together and kill him, with beasts of the flock besides, then boil the flesh and feast [κατεωχέονται] on it. This is held to be the happiest death; when a man dies of an illness, they do not **eat** [κατα=σιτέονται] him, but bury him in the earth”, “Но если кто у них доживет до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают [κατεωχέονται]. Так умереть — для них величайшее блаженство. Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не **поедают** [κατα=σιτέονται], но предают земле”.

3.38.3–4 “When Darius was king, he summoned the Greeks who were with him and asked them for what price they would **eat** [κατα=σιτέεσθαι] their fathers’ dead bodies. Then Darius summoned those Indians who are called Callataie, who eat [κατ=εσθίουσι] their parents, and asked them (the Greeks being present and understanding through interpreters what was said) what would make them willing to burn their fathers at death”, “Царь Дарий во время своего правления велел призвать эллинов, бывших при нем, и спросил, за какую цену согласны они **съесть** [κατα=σιτέεσθαι] своих покойных родителей. Тогда Дарий призвал индий-

цев, так называемых каллатиев, которые едят [κατ=εσθίουσι] тела покойных родителей, и спросил их через толмача, за какую цену они согласятся сжечь на костре своих покойных родителей”.

The four examples for ἐσθίω are:

1.133.2 “This is why the Persians say of Greeks that they rise from table still hungry [σιτεομένους πεινῶντας παύεσθαι], because not much dessert is set before them: were this too given to Greeks (the Persians say) they would never stop **eating** [ἐσθίωντας παύεσθαι]”, “Поэтому персы утверждают, что эллины встают из-за стола голодными [σιτεομένους πεινῶντας παύεσθαι], так как у них после обеда не подают ни одного стоящего блюда. Если бы у эллинов подавался десерт, то они бы **ели** не переставая [ἐσθίωντας παύεσθαι]”.

2.35.3 “They ease their bowels indoors, and **eat** [ἐσθίουσι] out of doors in the streets, explaining that things unseemly but necessary should be done alone in private, things not unseemly should be done openly”, “Естественные отправления они совершают в своих домах, а **едят** [ἐσθίουσι] на улице на том основании, что раз эти отправления непристойны, то их следует удовлетворять втайне, поскольку же они пристойны, то открыто”.

2.68.1 “For the four winter months, it [*a crocodile*] **eats** [ἐσθίει] nothing”, “Четыре зимних месяца крокодил ничего не **ест** [ἐσθίει]”.

2.69.3 “But around Elephantine they [*crocodiles*] are not held sacred, and are even **eaten** [ἐσθίουσι]”, “Жители города Элефантины, напротив, не почитают крокодилов священными и даже **употребляют их в пищу** [ἐσθίουσι]”.

The same verb is attested with prefixes. The stem δι=εσθίω means ‘to gnaw through’, 1× (said of young vipers) [Powell 1938: 91]. The stem κατ=εσθίω (7× [Powell 1938: 191]) normally takes as its subject animals (1.78.1), fire (3.16.3), cannibals (3.38.3-4). In two contexts κατ=εσθίω is applied to hungry and famished people (3.25.4, 8.115.2). Only in one context κατ=εσθίω can be considered as the neutral expression for ‘to eat’:

3.108.2 “Somehow the forethought of God (just as is reasonable) being wise has made all creatures prolific that are timid and edible [ἐδώδιμα], so that they do not become extinct through being **eaten** [κατ=εσθιόμενα], whereas few young are born to hardy and vexatious creatures”, “Божественный промысел, как это и естественно, в своей премудрости сотворил всех робких и годных в пищу [ἐδώδιμα] животных весьма плодовитыми, чтобы у нас не было недостатка **в пище** [κατ=εσθιόμενα], хищных же и вредоносных — малоплодовитыми”.

The following cannibal context, where neutral κατα=σιτέομαι (subj. = the Greeks) is opposed to κατ=εσθίω (subj. = barbarians), is significant:

3.38.3-4 “When Darius was king, he summoned the Greeks who were with him and asked them for what price they would **eat** [κατα=σιτέεσθαι] their fathers’ dead bodies. Then Darius summoned those Indians who are called Callatae, who **eat** [κατ=εσθίουσι] their parents, and asked them (the Greeks being present and understanding through interpreters what was said) what would make them willing to burn their fathers at death”, “Царь Дарий во время своего правления велел призвать эллинов, бывших при нем, и спросил, за какую цену согласны они **съесть** [κατα=σιτέεσθαι] своих покойных родителей. Тогда Дарий призвал индийцев, так называемых каллатиев, которые **едят** [κατ=εσθίουσι] тела покойных родителей, и спросил их через толмача, за какую цену они согласятся сжечь на костре своих покойных родителей”.

A third candidate is βι-βρώ-σκ-ω ‘to eat’, with prefix κατα=βιβρώσκομαι ‘to be eaten up’ [Powell 1938: 60, 185], but these stems are too rarely attested:

1.119.6 “Astyages asked him, ‘Do you know what beast’s meat you have **eaten** [βεβρώκοι]?’”, “Тогда Астиаг спросил, знает ли он, какой дичи он **отведал** [βεβρώκοι]”.

3.16.4 “Now it is by no means their custom to give the dead to beasts; and this is why they embalm the corpse, that it may not lie and **feed** worms [ὑπὸ εὐλέων κατα=βρωθῆ]”, “Поэтому отдавать покойника на съедение зверям противно египетскому обычаю. По этой-то причине египтяне и бальзамируют покойника, чтобы он не был **съеден** в земле червями [ὑπὸ εὐλέων κατα=βρωθῆ]”.

4.199.2 “so that the latest fruits of the earth are coming in when the earliest are already spent by way of food and drink [ἐκπέποται, καταβέβρωται]”, “Поэтому, когда первый урожай винограда и хлеба уже выпит и **съеден** [κατα=βέβρωται], поспевают последний”.

The verb τρώγω ‘to eat’ [Powell 1938: 362] is applied to vegetables or fruit only:

2.37.5 “The Egyptians sow no beans in their country; if any grow, they will not **eat** [τρώγουσι] them either raw or cooked”, “Бобов же в своей стране египтяне вовсе не сеют и даже не **едят** [τρώγουσι] и дикорастущих ни в сыром, ни в вареном виде”.

2.92.4–5 “this [*a k. of lilies*] produces many edible seeds as big as olive pits, which are **eaten** [τρώγεται] both fresh and dried. They also use the byblus which grows annually: it is gathered from the marshes, the top of it cut off and put to other uses, and the lower part, about twenty inches long, **eaten** [τρώγουσι] or sold. Those who wish to use the byblus at its very best, roast it before **eating** [οὐτω τρώγουσι] in a red-hot oven. Some live [ζῶσι] on fish alone. They catch the fish, take out the intestines, then dry them in the sun and eat [σιτέονται] them dried”, “В этой [чашечке] — множество съедобных зерен величиной с маслинную косточку. Их **употребляют в пищу** [τρώγεται] сырыми и сушеными. Однолетние побеги папируса извлекают из болота. Верхнюю часть срезают и употребляют на другие цели, а нижний остаток длиной с локоть **идет в пищу** [τρώγουσι] или на продажу. Иные, чтобы придать папирусу особый вкус, тушат его в раскаленной духовой печи и в таком виде **едят** [οὐτω τρώγουσι]. Другие египтяне питаются [ζῶσι] исключительно рыбой. Наловив рыбы, они потрошат ее, вялят на солнце и едят [σιτέονται] сухою”.

4.143.2 “Darius was about to **eat** [τρώγειν] pomegranates, and no sooner had he opened the first of them than his brother Artabanus asked him”, “Дарий собирался **есть** [τρώγειν] плоды граната, и, как только разрезал первый плод, брат царя Артабан спросил его”.

4.177 “There is a headland jutting out into the sea from the land of the Gindanes; on it live the Lotus Eaters, whose only **fare** is the lotus [τοῦ λωτοῦ τρώγοντες]”, “На побережье перед этими гинданами обитают лотофаги. Они **питаются** исключительно плодами лотоса [τοῦ λωτοῦ τρώγοντες]”.

Cf. also δαί-νυ-μαι ‘to dine’ [Powell 1938: 72].

General Ancient Greek: ἐσθίω ~ ἔδω ~ δαίνυμαι ~ βιβρώσκω ~ σιτέομαι ~ τρώγω ~ and some others [Edwards 1914: 67], [Yonge 1849: 163], [LSJ]. The plain stem ἔδω is unattested in Hdt.

24. **egg**⁴⁷

ο:υ-ό-n {ῶν}, [Powell 1938: 388]. 7×. Applied to crocodiles and birds (2.68.1–2), fish (2.93.2, 2.93.6), serpents (3.109.3); also metaphorically denotes an egg-like lump of myrrh produced by the phoenix (2.73.4). Some examples are:

2.68.2 “its [*crocodile*’s] **eggs** [ῶα] are not much bigger than goose eggs [χηνέων]”, “**яйца** [ῶα] крокодила немного крупнее гусиных”.

3.109.3 “Other snakes, that do no harm to men, lay **eggs** [ὄᾶ] and hatch out a vast number of young”, “Другие же змеи, не опасные для людей, несут **яйца** [ὄᾶ] и высиживают множество детенышей”.

General Ancient Greek: ὄον [Edwards 1914: 68], [Yonge 1849: 165], [LSJ].

25. eye₄

ορ^h-t^hal-m-ó-s (ὀφθαλμός), [Powell 1938: 285]. This is the basic word for ‘eye’ and ‘eyes’ in Hdt. 27×; applied to humans and animals. Some examples for ‘human eye(s)’ are:

1.174.4 “Many of them were at this work; and seeing that the workers were injured when breaking stones more often and less naturally than usual, some in other ways, but most in the **eyes** [ὀφθαλμοῦς]”, “И вот, когда множество кидян взялось за работу, оказалось, что рабочие стали получать ранения на теле, и особенно [повреждения] **глаз** [ὀφθαλμοῦς] [от осколков камней], когда приходилось пробивать скалу”.

2.84 “The practice of medicine is so specialized among them [*the Egyptians*] that each physician is a healer of one disease and no more. All the country is full of physicians, some of the **eye** [ὀφθαλμῶν], [*some of the head*], some of the teeth, some of what pertains to the belly, and some of internal diseases”, “Искусство же врачевания у них разделено. Каждый врач лечит только один определенный недуг, а не несколько, и вся египетская страна полна врачей. Так, есть врачи по **глазным** [ὀφθαλμῶν] болезням, болезням головы, зубов, чрева и внутренним болезням”.

3.78.2 “the other defended himself with his spear, wounding Aspathines in the thigh and Intaphrenes in the **eye** [ὀφθαλμόν]; Intaphrenes lost his **eye** [ὀφθαλμοῦ] from the wound but was not killed”, “Другой же защищался копьем и ранил Аспафина в бедро, а Интафрена в **глаз** [ὀφθαλμόν]. Интафрен лишился **глаза** [ὀφθαλμοῦ], но, впрочем, не умер от раны”.

4.27 “but as for what is north of them, it is from the Issedones that the tale comes of the one-eyed [μουνοφθαλμοῦς] men and the griffins that guard gold; this is told by the Scythians, who have heard it from them; and we have taken it as true from the Scythians, and call these people by the Scythian name, Arimaspians; for in the Scythian tongue ‘arima’ is one, and ‘spou’ is the **eye** [ὀφθαλμόν]”, “Выше исседонов, по их собственным рассказам, живут одноглазые [μουνοφθαλμοῦς] люди и стерегущие золото грифы. Скифы передают об этом со слов исседонов, а мы, прочие, узнаем от скифов и зовем их по-скифски аримаспами: «арима» у скифов значит единица, а «спу» — **глаз** [ὀφθαλμόν]”.

The plural form ὄμματα [Powell 1938: 264] is attested only twice and not in the direct anatomical meaning:

1.37.2 “With what face can I now show myself whenever I go to and from the marketplace? [νῦν τε τέοισί με χρὴ ὄμμασι ἔς τε ἀγορὴν καὶ ἐξ ἀγορῆς φοιτέοντα φαίνεσθαι]”, “Какими **глазами** [ὄμμασι] будут глядеть на меня люди, когда я пойду в народное собрание и оттуда домой?”.

6.117.2 “an Athenian, Epizelus son of Couphagoras, was fighting as a brave man in the battle when he was deprived of his sight [ὀμμάτων στερηθῆναι], though struck or hit nowhere on his body”, “Один афинянин, по имени Эпизел, сын Куфагора, доблестно сражавшийся в битве, **лишился зрения** [ὀμμάτων στερηθῆναι], не будучи поражен ни мечом, ни стрелой”.

General Ancient Greek: ὀφθαλμός ~ ὄμμα ~ ὄψις ~ ὄψ ~ ὄσσε ~ αὐγαί ~ and some others [Edwards 1914: 79], [Yonge 1849: 187], [LSJ]. The noun ὄψις means ‘thing seen; vision, eyesight; sight, presence; appearance’ in Hdt. [Powell 1938: 285]; ὄψ, ὄσσε, αὐγαί are unattested.

28. **fire**₇

πῦρ {πῦρ}, [Powell 1938: 328]. 40×. This is the basic word for ‘fire’. Some examples are:

1.59.1 “This Hippocrates was still a private man when a great marvel happened to him when he was at Olympia to see the games: when he had offered the sacrifice, the vessels, standing there full of meat and water, boiled without **fire** [πυρὸς] until they boiled over”, “Этому-то Гиппократу, когда он как простой гражданин присутствовал на Олимпийских играх, было явлено великое знамение: при жертвоприношении стоявшие там котлы с мясом и водой закипели без **огня** [πυρὸς] и вода полилась через край”.

1.131.2 “they [*the Persians*] sacrifice also to the sun and moon and earth and **fire** [πυρὶ] and water and winds”, “Совершают они [*персы*] жертвоприношения также солнцу, луне, **огню** [πυρὶ], воде и ветрам”.

1.86.6 “When Cyrus heard from the interpreters what Croesus said, he relented and considered that he, a human being, was **burning** alive [ζῶντα πυρὶ δίδοιη] another human being, one his equal in good fortune. In addition, he feared retribution, reflecting how there is nothing stable in human affairs. He ordered that the blazing **fire** [καίόμενον πῦρ] be extinguished as quickly as possible, and that Croesus and those with him be taken down, but despite their efforts they could not master the **fire** [πυρὸς]”, “А Кир, услышав от переводчиков рассказ Креза, переменил свое решение. Царь подумал, что и сам он все-таки только человек, а хочет другого человека, который до сих пор не менее его был обласкан счастьем, живым предать **огню** [πυρὶ]. К тому же, опасаясь возмездия и рассудив, что все в человеческой жизни непостоянно, Кир повелел как можно скорее потушить **огонь** [πῦρ] и свести с костра Креза и тех, кто был с ним. Однако попытки потушить **костер** [πυρὸς] оказались тщетными”.

1.202.2 “gathering in groups and kindling a **fire** [πῦρ], the people [*the Massagetae*] sit around it and throw the fruit into the **flames** [πῦρ]”, “Собравшись толпой в одно место, массагеты зажигают **костер** [πῦρ] и затем усаживаются вокруг и бросают эти плоды в **огонь** [πῦρ]”.

Cf. also the noun φλόξ ‘flame’ (1×) [Powell 1938: 374], attested in the collocation φλόξ πυρός ‘flame of fire’ (6.82.2).

General Ancient Greek: πῦρ ~ φλόξ ~ καῦμα ~ αἶθος [Edwards 1914: 86], [Yonge 1849: 200], [LSJ]. The noun καῦμα is attested in the meaning ‘burning heat (of the sun)’ in Hdt. [Powell 1938: 193]; αἶθος is unattested.

31. **foot**₄₃

pod- {ποῦς}, [Powell 1938: 315]. Polysemy: ‘human foot (28×) / hoof (6×) / a measure (10×)’. This is the basic word for ‘human foot’ is Hdt. Some examples for ‘human foot’ are:

1.119.4 “So when the hour for dinner came and the rest of the guests and Harpagus were present, Astyages and the others were served dishes of lamb’s meat, but Harpagus that of his own son, all but the head and hands and **feet** [ποδῶν], which lay apart covered up in a wicker basket”, “Прочим гостям и самому Астиагу были поставлены столы с бараниной, Гарпагу же подали мясо его собственного сына (все остальные куски, кроме головы и конечностей — рук и **ног** [ποδῶν]. Эти части лежали отдельно в закрытой корзине)”.

2.36.3 “They knead dough with their **feet**, and gather mud and dung with their hands”, “Тесто у них принято месить **ногами**, а глину руками. Собирают они также и навоз”.

2.172.3–4 “He had among his countless treasures a golden washbowl, in which he and all those who ate with him were accustomed to clean their **feet**. This he broke in pieces and out of it made a god’s image, which he set in a most conspicuous spot in the city; and the Egyptians came frequently to this image and held it in great reverence. When Amasis learned what the

townsfolk were doing, he called the Egyptians together and told them that the image had been made out of the washbowl, in which Egyptians had once vomited and urinated and cleaned their **feet**, but which now they greatly revered”, “Среди несметных сокровищ был у него умывальный таз, из которого сам царь и все его гости всегда умывали **ноги**. Этот-то таз Амасис велел расплавить, отлить из него статую бога и воздвигнуть в самом оживленном месте города. Египтяне же, проходя мимо статуи, благоговейно молились ей. Когда же Амасис услышал об этом, то повелел призвать к себе египтян и объявил им, что статуя [бога] сделана из того таза для омовения ног, куда они раньше плевали, мочились и где умывали **ноги**, а теперь ее благоговейно почитают”.

3.129.1 “it happened that Darius twisted his **foot** [πόδα] in dismounting from his horse while hunting”, “Дарий как-то на охоте за дикими зверями, соскакивая с коня, случайно вывихнул себе **ногу** [πόδα]”.

Cf. also ἵχνος ‘footprint’ (1×) [Powell 1938: 175] and βῆμα ‘footstep’ (1×) [Powell 1938: 60] attested in the following context:

4.82 “they show a **footprint** [ἵχνος] of Heracles by the Tyras river stamped on rock, like the mark of a man’s **foot** [βῆματι ἀνδρός], but forty inches in length”, “В скале у реки Тираса местные жители показывают **отпечаток ступни** [ἵχνος] Геракла, похожий на след человеческой **ноги** [βῆματι ἀνδρός] длиной в 2 локтя”.

The term for ‘leg’ is σκέλος (12×) [Powell 1938: 333], applied to human and horse. Cf. also κνήμη ‘shin’ [Powell 1938: 197].

General Ancient Greek: ποῦς ~ ἵχνος ~ ἔμβασσις [Edwards 1914: 89], [Yonge 1849: 207], [LSJ]. ἔμβασσις is unattested in Hdt.

36. **hair**₂₇

trík^h-es {θρίξ, pl. τρίχες}, [Powell 1938: 168]. Polysemy: ‘human head hair [10×; in pl.] / animal fur or a single hair [4×]’. This is the basic word for ‘human head hair’ in Hdt., cf. the following examples:

2.36.1 “Everywhere else, priests of the gods wear their hair long [κομέουσι]; in Egypt, they are shaven. For all other men, the rule in mourning for the dead is that those most nearly concerned have their heads shaven; Egyptians are shaven at other times, but after a death they let their **hair** [τρίχας] and beard grow”, “В других странах жрецы богов носят длинные волосы [κομέουσι], а в Египте они стригутся. В знак траура у других народов ближайшие родственники, по обычаю, стригут волосы на голове, египтяне же, если кто-нибудь умирает, напротив, отпускают **волосы** [τρίχας] и бороду, тогда как обыкновенно стригутся”.

2.65.4 “Townsfolk in each place, when they pay their vows, pray to the god to whom the animal is dedicated, shaving all or one half or one third of their children’s heads, and weighing the **hair** [τρίχας] in a balance against a sum of silver”, “После молитвы богу, которому посвящено данное животное, они стригут своим детям всю голову, половину или только треть головы, и затем взвешивают **волосы** [τρίχας] на серебро”.

4.71.2 “they [*the Scythians*] cut off a part of their ears, shave their **heads** [τρίχας περικείρονται], make cuts around their arms, tear their foreheads and noses, and pierce their left hands with arrows”, “Они [*скифы*] отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок **волосы** [τρίχας] на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами”.

A second candidate is κόμη [Powell 1938: 198], but its attestations are less numerous (3×) and its meaning would rather seem to be ‘long head hair’. Attestations of κόμη are:

3.154.2 “He [*Zopyrus*] could think of no other way to bring the city down than to mutilate himself and then desert to the Babylonians; so, making light of it, he mutilated himself beyond repair, and after cutting off his nose and ears and cropping his **hair** [κόμην] as a disfigurement and scourging himself, he came before Darius”, “Зопир полагал, что может достичь цели только одним путем: именно, изувечить себя и затем перебежать к врагам. Тогда с легким сердцем он нанес себе неисцелимые увечья: отрезал нос и уши, безобразно остриг **волосы** [κόμην] и со следами ударов бича предстал перед Дарием”.

1.82.7 “The Argives, who before had worn their hair long [κομῶντες] by fixed custom, shaved their heads ever after and made a law, with a curse added to it, that no Argive grow his **hair** [κόμην], and no Argive woman wear gold, until they recovered Thyrae”, “С этого времени аргосцы стали коротко стричь себе волосы (прежде, по обычаю, они отращивали длинные волосы [κομῶντες]). Они даже ввели закон и изрекли проклятие, чтобы ни один аргосец не смел отращивать себе длинные **волосы** [κόμην] и ни одна женщина — носить золотых украшений, пока Фирея не будет отвоевана”.

7.208.3 “it chanced that at that time the Lacedaemonians were posted there. He saw some of the men exercising naked and others combing their **hair** [κόμας]”, “А в это время стражу перед стеной как раз несли лакедемоняне. И он увидел, как одни из них занимались телесными упражнениями, а другие расчесывали **волосы** [κόμας]”.

Cf. also πλόκαμος ‘lock of head hair’ (1×) [Powell 1938: 309].

General Ancient Greek: θοίξ (gen. τριχός) ~ κόμη ~ χαιτή ~ πλόκαμος ~ φόβη ~ βόστρυχος [Edwards 1914: 105], [Yonge 1849: 236], [LSJ]. The nouns χαιτή, φόβη, βόστρυχος are unattested in Hdt.

37. **hand**₁₁

k^héyr {χείρ} [Powell 1938: 379]. 44×. This is the basic word for ‘human hand’ in Hdt., cf. the following examples:

1.119.4 “So when the hour for dinner came and the rest of the guests and Harpagus were present, Astyages and the others were served dishes of lamb’s meat, but Harpagus that of his own son, all but the head and **hands** [χειρῶν] and feet, which lay apart covered up in a wicker basket”, “Прочим гостям и самому Астиагу были поставлены столы с бараниной, Гарпагу же подали мясо его собственного сына (все остальные куски, кроме головы и конечностей — **рук** [χειρῶν] и ног. Эти части лежали отдельно в закрытой корзине)”.

2.36.3 “They knead dough with their feet, and gather mud and dung with their **hands** [χερσί]”, “Тесто у них принято месить ногами, а глину **руками** [χερσί]. Собирают они также и навоз”.

4.71.2 “they [*the Scythians*] cut off a part of their ears, shave their heads, make cuts around their arms [βραχίονας], tear their foreheads and noses, and pierce their left **hands** [χειρὸς] with arrows”, “Они [*скифы*] отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке [βραχίονας], распарапывают лоб и нос и прокалывают левую **руку** [χειρὸς] стрелами”.

Cf. also the following words: βραχίων ‘arm’ [Powell 1938: 62], πήχυς ‘cubit’ [Powell 1938: 305].

General Ancient Greek: χείρ ~ παλάμη [Edwards 1914: 106], [Yonge 1849: 237], [LSJ]. In Hdt. παλάμη is attested only in the meaning ‘stratagem’ [Powell 1938: 287].

38. **head**₄₉

κερ^hal-é: {κεφαλή}, [Powell 1938: 195]. 121×. Polysemy: ‘human head / animal head / person / spring of a river’. This is the basic word for ‘human head’ is Hdt. Examples for ‘human head’ are:

1.119.4 “So when the hour for dinner came and the rest of the guests and Harpagus were present, Astyages and the others were served dishes of lamb’s meat, but Harpagus that of his own son, all but the **head** [κεφαλῆς] and hands and feet, which lay apart covered up in a wicker basket”, “Прочим гостям и самому Астиагу были поставлены столы с бараниной, Гарпагу же подали мясо его собственного сына (все остальные куски, кроме **головы** [κεφαλῆς] и конечностей — рук и ног. Эти части лежали отдельно в закрытой корзине)”.

2.84 “The practice of medicine is so specialized among them [*the Egyptians*] that each physician is a healer of one disease and no more. All the country is full of physicians, some of the eye, [*some of the head* οἱ δὲ κεφαλῆς], some of the teeth, some of what pertains to the belly, and some of internal diseases”, “Искусство же врачевания у них разделено. Каждый врач лечит только один определенный недуг, а не несколько, и вся египетская страна полна врачей. Так, есть врачи по глазным болезням, болезням **головы** [κεφαλῆς], зубов, чрева и внутренним болезням”.

9.110.2 “On that day (and none other) the king anoints his **head** [κεφαλῆν] and makes gifts to the Persians”, “Только в этот день царь умащает свою **голову** [κεφαλῆν] и одаривает персов”.

An example for the meaning ‘animal head’:

2.132.1 “As for the cow, it is covered with a purple robe, only the **head** [κεφαλῆν] and neck exposed, encrusted with a very thick layer of gold”, “А корова почти целиком покрыта пурпурной одеждой, кроме шеи и **головы** [κεφαλῆν], которые позолочены толстым слоем золота”.

The noun κορυφή means ‘peak (of a mountain)’ and ‘top of the head’ [Powell 1938: 198].

General Ancient Greek: κεφαλή ~ κάρα ~ κράς ~ κάρηνον ~ κορυφή ~ κόρη [Edwards 1914: 108], [Yonge 1849: 243], [LSJ]. κάρα, κάρηνον, κόρη are unattested in Hdt.

39. **hear**₄₅

akú:-o: {ἀκούω}, [Powell 1938: 10]. Numerous attestations with various semantic nuances; also with prefixes: ἐπ=, ἐσ=, κατ=, παρ=, προ=, ὑπ=. This verb is the basic expression for ‘to hear’, cf. the following examples:

3.69.1 “When Otanes **heard** [ἀκούοντι] that [*a message*], he saw more clearly how the matter stood”, “Когда Отан **услыхал** [ἀκούοντι] этот ответ, его подозрения стали все более усиливаться”.

4.129.3 “often, when they [*the Scythians*] were in the act of charging the Persians, the horses would shy in fear if they **heard** [ἀκούσειαν] the asses bray or would stand still with ears erect, never having **heard** [ἀκούσαντες] a noise like it or seen a like creature”, “Нередко во время нападения на персов скифские кони, **заслышав** [ἀκούσειαν] ослиный рев, в испуге поворачивали назад: в изумлении они поднимали уши, так как никогда прежде не **слыхивали** [ἀκούσαντες] таких звуков и не видывали подобной породы животных”.

4.135.3 “When the asses found themselves deserted by the multitude, they brayed the louder for it; the Scythians **heard** [ἀκούσαντες] them and assumed that the Persians were in the place”, “Покинутые ослы стали после отступления войска реветь еще громче прежне-

го. Скифы же, **слыша** [ἀκούσαντες] ослиный рев, были совершенно уверены, что персы еще в стане”.

Cf. also ἐπ=αῖω ‘to notice; to feel’ (2×) [Powell 1938: 127].

General Ancient Greek: κοέω ~ ἀκούω ~ ὑπ=ακούω ~ ἐπ=ακούω ~ κατ=ακούω ~ ἀκροάομαι ~ κλύω ~ αῖω [Edwards 1914: 108], [Yonge 1849: 244], [LSJ]. κλύω, κοέω, ἀκροάομαι are unattested in Hdt.

40. **heart**₁₄

kard-í-e: {καρδίη}, [Powell 1938: 183]. This is the default anatomical term in Hdt., although it is attested only twice (one occurrence in the direct speech):

3.35.1–3 “Remembering this, then, he said to Prexaspes in his anger: ‘Judge then if the Persians speak the truth, or rather are themselves out of their minds when they speak of me so. Yonder stands your son in the porch; now if I shoot and pierce his **heart** [καρδίας], that will prove the Persians to be wrong; if I miss, then say that they are right and that I am out of my senses.’ So saying, he strung his bow and hit the boy, and gave orders to open the fallen body and examine the wound: and the arrow being found in the **heart** [καρδίη]”, “Так вот, вспомнив теперь об этом, Камбис с раздражением сказал Прексаспу: «Смотри, говорят ли персы правду или сами лишились рассудка! Если я попаду стрелой в самое **сердце** [καρδίας] твоего сына, который стоит там перед дверьми, то ясно, что речь персов — вздор. Если же я промахнусь, то, значит, персы говорят правду и я не в своем уме». С этими словами царь натянул свой лук и пустил стрелу в мальчика. И когда тот упал, то приказал рассечь его тело и осмотреть рану. Стрелу нашли в **сердце** [καρδίη]”.

Cf. also θυμός, which denotes the center of various emotions like desire, anger and so on (glossed as ‘the heart in metaphorical contexts’ in [Powell 1938: 169]).

General Ancient Greek: καρδιά ~ κῆρ ~ ἦτορ ~ φρόνημα ~ φρήν ~ θῦμός [Edwards 1914: 109], [Yonge 1849: 244], [LSJ]. The noun φρήν means ‘mind’ in Hdt. [Powell 1938: 376]; φρόνημα — ‘disposition; designs’ [Powell 1938: 376]; κῆρ, ἦτορ are unattested.

41. **horn**₄₄

kéra-s {κέρας}, [Powell 1938: 194]. Polysemy: ‘horn (of animal) (17×) / wing (of the army) (24×)’. Some examples for the anatomical meaning ‘horn’ are:

2.38.3 “If it is clean in all these respects, the priest marks it by wrapping papyrus around the **horns** [κέραα], then smears it with sealing-earth and stamps it with his ring; and after this they lead the bull away”, “Если животное окажется чистым по всем статьям, то жрец отмечает его, обвиняя папирусом **рога** [κέραα], и затем, намазав их печатной глиной, прикладывает свой перстень с печатью, после чего быка уводят”.

7.69.1 “furthermore, they had spears pointed with a gazelle’s **horn** [κέρας] sharpened like a lance”, “Кроме того, у них были копья с остриями из **рога** [κέρας] антилопы, заостренными в виде наконечника”.

2.74 “Near Thebes there are sacred snakes, harmless to men, small in size, and bearing two **horns** [δύο κέραα] on the top of their heads”, “В Фиванской области есть священные змеи, отнюдь не «пагубные» для людей. Они маленькие, с двумя **рогами** [δύο κέραα] на голове”.

General Ancient Greek: κέρας [Edwards 1914: 113], [Yonge 1849: 253], [LSJ].

42. I₃ [*stem 1*]

egó: {ἐγῶ}, [Powell 1938: 97]. Direct stem. Numerous attestations. Some examples are:

2.8.1 “their greatest width from east to west, as I [ἐγῶ] learned by inquiry, is a two months’ journey”, “В самом широком месте, как я [ἐγῶ] слышал, нужно два месяца, чтобы перейти [эти горы] с востока на запад”.

5.54.1 “If anyone should desire a more exact measurement, I [ἐγῶ] will give him that too”, “Если же кто пожелает точнее узнать продолжительность пути, то я [ἐγῶ] могу и это сообщить”.

42. I₃ [*stem 2*]

eme- {ἐμε-}, [Powell 1938: 97], [Stein 1882: 11]. Oblique stem. Numerous attestations. Some examples are:

2.11.4 “Is it to be doubted, then, that in the ages before **my** birth [ἐμὲ γενέσθαι] a gulf even much greater than this should have been silted up by a river so great and so busy?”, “Почему же за все время, прошедшее до **моего** рождения [ἐμὲ γενέσθαι], даже гораздо больший залив не оказался занесенным илом этой столь огромной и деятельно [отлагающей наносы] реки?”

3.12.2 “”, “Причина этого, как мне объяснили, и я легко этому поверил, в том, что египтяне с самого раннего детства стригут себе волосы на голове, так что череп под действием солнца становится твердым”.

6.119.4 “There king Darius settled the Eretrians, and they dwelt in that place until **my** time [μέχρι ἐμέο]”, “В этой местности они [эретрийцы] живут еще и до **нашего времени** [μέχρι ἐμέο]”.

4.167.3 “but I myself think [ὡς ἐμοὶ δοκέειν] that the troops were sent to subjugate Libya”, “Действительной же причиной похода, как я думаю [ὡς ἐμοὶ δοκέειν], было завоевание Ливии”.

General Ancient Greek: ἐγῶ ~ ἐγῶν / ἐμε- [Schwyzer GG 1: 602], [LSJ].

43. **kill**₄₂

ktéyn-o: {κτείνω}, [Powell 1938: 201]. This is the default expression for ‘to kill’ in Hdt. Attested 60×; subj. = human / animal; obj. = human (sg./pl.) / animal (sg./pl.). Cf. the following examples:

1.140.3 “These Magi are as unlike the priests of Egypt as they are unlike all other men: for the priests consider it sacrilege to **kill** [κτείνειν] anything that lives, except what they sacrifice; but the Magi **kill** [κτείνουσι] with their own hands every creature, except dogs and men; they **kill** [κτείνοντες] all alike, ants and snakes, creeping and flying things, and take great pride in it”, “Маги в значительной степени отличаются [одним своим обычаем] как от остальных людей, так особенно от египетских жрецов. Последние полагают свою обрядовую чистоту в том, что не **убивают** [κτείνειν] ни одного живого существа, кроме жертвенных животных. Маги же собственноручно **убивают** [κτείνουσι] всех животных, кроме собаки и человека. Они даже считают великой заслугой, что **уничтожают** [κτείνοντες] муравьев, змей и [вредных] пресмыкающихся и летающих животных”.

1.80.3 “When they were all in order, he commanded them to **kill** [κτείνειν] all the other Lydians who came in their way, and spare none, but not to **kill** [κτείνειν] Croesus himself, even if he should defend himself against capture”, “После того как все заняли свои места, Кир отдал приказ **умерщвлять** [κτείνειν] без пощады всех попадавшихся лидийцев, только самого Креза не **убивать** [κτείνειν], даже если тот будет защищаться при захвате в плен”.

2.66.1–2 “When the females [*cats*] have a litter, they are no longer receptive to the males; those that seek to have intercourse with them cannot; so their recourse is to steal and carry off and **kill** [κτείνουσι] the kittens (but they do not eat what they have **killed** [κτείναντες οὐ πατέονται]”, “Всякий раз, как у кошек появляются на свет котята, они уже больше не идут к котам, а те, желая с ними спариться, не находят их. Поэтому коты прибегают к такой хитрости: они силой похищают котят у кошек, **умерщвляют** [κτείνουσι] их, но не пожирают [κτείναντες οὐ πατέονται]”.

2.137.3 “he would never **put to death** [κτείνειν] any Egyptian wrongdoer but sentenced all, according to the severity of their offenses, to raise embankments in their native towns”, “Если египтянин совершал какое-нибудь преступление, то царь его не **казнил** [κτείνειν]. Он осуждал каждого преступника соответственно тяжести его вины на земляные работы в том городе, откуда тот происходил”.

3.31.6 “So Cambyses married the object of his desire; yet not long afterwards he took another sister as well. It was the younger of these who had come with him to Egypt, and whom he now **killed** [κτείνειν]”, “Так Камбис вступил в брак с любимой сестрой, но все же немного спустя он взял в жены и вторую сестру. Младшую же из этих сестер, которая сопровождала его в Египет, он **убил** [κτείνειν]”.

3.53.7 “they **put** the young man **to death** [κτείνουσι] so that Periander would not come to their country”, “Однако керкиряне, услышав об этих замыслах, **умертвили** [κτείνουσι] юношу, для того чтобы Периандр не приезжал на их остров”.

4.200.3 “Here the Barcaeans made a counter-tunnel and **killed** [ἐκτείνον] those Persians who were digging underground”, “Тогда баркейцы проложили встречный подкоп и **перебили** [ἐκτείνον] рывших землю персов”.

The same verb with the prefix ἀπο= has a very similar semantics and application: ἀπο=κτείνω ‘to kill’ 65× [Powell 1938: 40], cf. the context 3.67.1 below. Cf. also with other prefixes: ἀντ=απο=κτείνω ‘to slay in revenge’ 1× [Powell 1938: 29], κατα=κτείνω ‘to kill’ 4× [Powell 1938: 187].

A second candidate is ἀπ=όλ-λυ-μι ‘to kill [active voice] / to be killed [middle voice] / to perish (of nations, armies) [middle voice] / etc.’ [Powell 1938: 40]. Attestations of ἀπ=όλλυμι in the meaning ‘to kill’ are less frequent than these of κτείνω — 20×. The application ἀπ=όλλυμι is also narrower: normally this verb takes as object a human, not an animal. We prefer to exclude ἀπ=όλλυμι from the list, although in fact both verbs are close synonyms in the meaning ‘to kill’, cf., e.g., 3.67.1 below. Some examples for ἀπ=όλλυμι are:

1.11.4 “But when he could not deter her, and saw that dire necessity was truly upon him either to **kill** [ἀπ=όλλύναи] his master or himself be killed [ἀπ=όλλυσθαι] by others, he chose his own life”, “Тигесу не удалось все же убедить ее. Тогда, видя, что выбор неизбежен — или **убить** [ἀπ=όλλύναи] своего господина, или самому пасть [ἀπ=όλλυσθαι] от руки палачей, — он избрал себе жизнь”.

3.67.1 “For Prexaspes stoutly denied that he had killed [ἀπο=κτείνειν] Smerdis, since now that Cambyses was dead, it was not safe for him to say that he had **slain** [ἀπ=όλωλέκεναι] the son of Cyrus with his own hands”, “Ведь Прексасп решительно отрицал теперь, что умертвил [ἀπο=κτείνειν] Смердиса: после смерти Камбиса ему было опасно сознаться, что он своей рукой **убил** [ἀπ=όλωλέκεναι] Кирова сына”.

8.118.4 “No sooner had Xerxes disembarked on land, than he made the pilot a gift of a golden crown for saving the king’s life but cut off his head for being the **death** [ἀπ=ώλεσε] of many Persians”, “Тогда облегченный корабль благополучно прибыл в Азию. А Ксеркс, лишь только сошел на берег, говорят, сделал вот что. Он пожаловал кормчему золотой

венец за спасение царской жизни и велел отрубить голову за то, что тот **погубил** [ἀπ=ώλεσε] столь много персов”.

General Ancient Greek: κτείνω ~ ἀπ=όλλυμι ~ θείνω ~ and some others [Edwards 1914: 135], [Yonge 1849: 283], [LSJ]. θείνω is unattested in Hdt.

46. leaf₄₁

ρ^hύλλ-ο-ν {φύλλον}, [Powell 1938: 377]. Polysemy: ‘leaves [3×] / blade of corn [1×] / petal of rose [1×]’. We fill the slot by φύλλον, although it is attested only in the plural form (‘leaves’). The examples are:

1.203.2 “Here, it is said, are trees growing **leaves** [φύλλα] that men crush and mix with water and use for painting figures on their clothing”, “В этой стране есть, как говорят, деревья с удивительными **листьями** [φύλλα]. Из этих-то листьев изготовляют краску, растирая их и смешав с водой”.

7.218.1 “there was no wind, a great noise arose like **leaves** [φύλλων] being trodden underfoot. The Phocians jumped up and began to put on their weapons”, “Стояла полная тишина, и, когда внезапно раздался сильный треск (от **листвы** [φύλλων], естественно шуршавшей под ногами воинов), фокийцы вскочили и бросились к оружию”.

8.115.2 “If they found none, they would eat the grass of the field and strip the bark and pluck the **leaves** [φύλλα] of the trees, garden and wild alike, leaving nothing—such was the degree of their starvation”, “Если же не находили хлеба, то поедали траву на земле, обдирали кору деревьев и обрывали в пищу древесную **листву** [φύλλα] как садовых, так и дикорастущих деревьев, не оставляя ничего. К этому их побуждал голод”.

General Ancient Greek: φύλλον ~ πέτᾶλον [Edwards 1914: 141], [Yonge 1849: 293], [LSJ]. πέτᾶλον is unattested in Hdt.

50. louse₁₇

ρ^hθύρ {φθειρ}, [Powell 1938: 373]. Attested 2×:

2.37.2 “Their priests shave the whole body every other day, so that no **lice** [φθειρ] or anything else foul may infest them as they attend upon the gods”, “Каждые три дня жрецы сбривают волосы на своем теле, чтобы при богослужении у них не появилось **вшей** [φθειρ] или других паразитов”.

4.168.1 “each catches her own **lice** [φθειρας], then bites and throws them away. They are the only Libyans that do this”, “Поймав **вошь** [φθειρας], они кусают ее в свою очередь и затем отбрасывают. Так поступают из всех ливийцев только они одни, и только у них существует обычай предлагать царям своих девушек на выданье”.

General Ancient Greek: φθειρ ~ δίρκος [LSJ]. δίρκος is unattested in Hdt.

53. meat₄₆

κρέας {κρέας}, [Powell 1938: 200]. 29×. Some examples are:

1.59.1 “This Hippocrates was still a private man when a great marvel happened to him when he was at Olympia to see the games: when he had offered the sacrifice, the vessels, standing there full of **meat** [κρεῶν] and water, boiled without fire until they boiled over”, “Этому-то Гиппократу, когда он как простой гражданин присутствовал на Олимпийских играх, было явлено великое знамение: при жертвоприношении стоявшие там котлы с **мясом** [κρεῶν] и водой закипели без огня и вода полилась через край”.

1.119.3 “But when Harpagus’ son came, Astyages cut his throat and tore him limb from limb, roasted some of the **flesh** [κρεῶν] and boiled some, and kept it ready after he had prepared it”, “Между тем, лишь только сын Гарпага пришел [во дворец] к Астиагу, тот велел умертвить мальчика и рассечь [труп] на куски. Часть **мяса** [κρεῶν] царь приказал поджарить, а часть сварить, и это хорошо приготовленное блюдо держать наготове”.

1.119.4 “So when the hour for dinner came and the rest of the guests and Harpagus were present, Astyages and the others were served dishes of lamb’s **meat** [μηλέων κρεῶν]”, “Прочим гостям и самому Астиагу были поставлены столы с **бараниной** [μηλέων κρεῶν]”.

2.41.3 “For this reason, no Egyptian man or woman will kiss a Greek man, or use a knife, or a spit, or a cauldron belonging to a Greek, or taste the **flesh** [κρέως] of an unblemished bull that has been cut up with a Greek knife”, “Вот почему ни один египтянин или египтянка не станет целовать эллина в уста и не будет употреблять эллинского ножа, вертела или котла. Они даже не едят **мяса** [κρέως] «чистого» быка, если он разрублен эллинским ножом”.

General Ancient Greek: κρέας ~ ἔδεσμα [Edwards 1914: 155], [Yonge 1849: 314], [LSJ]. ἔδεσμα is unattested in Hdt.

54. **moon**₁₈

selé:-n-e: {σελήνη}, [Powell 1938: 331]. Polysemy: ‘moon (1×) / Moon deity (4×)’. An example for ‘moon’ as a heavenly body:

7.37.2–3 “As it was setting out, the sun [ἥλιος] left his place in the heaven and was invisible, although the sky was without clouds and very clear, and the day turned into night. When Xerxes saw and took note of that, he was concerned and asked the Magi what the vision might signify. They declared to him that the god was showing the Greeks the abandonment of their cities; for the sun [ἥλιον] (they said) was the prophet of the Greeks, as the **moon** [σελήνην] was their own”, “Между тем как раз во время сборов царя в поход солнце [ἥλιος], покинув свою обитель на небе, стало невидимым, хотя небо было безоблачное и совершенно ясное, и день обратился в ночь. При виде этого небесного явления Ксерксом овладела тревога, и он спросил магов, что может означать это знамение. Маги же отвечали, что божество этим предвещает эллинам гибель их городов, так как у эллинов солнце [ἥλιον] — провозвестник грядущего, а у персов — **луна** [σελήνην]”.

General Ancient Greek: σελήνη ~ μήνη [Edwards 1914: 159], [Yonge 1849: 323], [LSJ]. μήνη is unattested in Hdt.

56. **mouth**₃₁

stóm-a {στόμα}, [Powell 1938: 337]. Polysemy: ‘human mouth (9×) / animal mouth (3×) / mouth of river (27×)’. Some examples for ‘human mouth’:

1.134.1 “When one man meets another on the road, it is easy to see if the two are equals; for, if they are, they kiss each other on the **lips** [στόμασι] without speaking”, “При встрече двух персов на улице по их приветствию легко можно распознать, одинакового ли они общественного положения: ведь в таком случае вместо приветствия они целуют друг друга в **уста** [στόμασι]”.

3.14.4 “Cambyses next made Psammenitus’ son go out before him with two thousand Egyptians of the same age, all with ropes bound round their necks and bridle-bits in their **mouths** [στόματα]”, “Камбис послал затем [на казнь] сына Псамменита и 2000 его сверстников с петлей на шее и заткнутым удилами **ртом** [στόματα]”.

6.125.4 “then he [*Alcmeon*] filled all the fold of his tunic with gold and strewed the dust among the hair of his head, and took more of it into his **mouth** [στόμα]; when he came out of the treasury, hardly dragging the weight of his boots, he was like anything rather than a human being, with his **mouth** [στόμα] crammed full and all his body swollen”, “Потом наполнил золотом всю пазуху, густо насыпал золотого песку в волосы на голове и еще набил в **рот** [στόμα]. Выходя из сокровищницы, Алкмеон еле волочил ноги и был похож скорее на какое-то другое существо, чем на человека. **Рот** [στόμα] его был полон, и вся одежда набита золотом”.

General Ancient Greek: στόμα ~ στόμιον ~ γένυς ~ μάσταξ [Edwards 1914: 160], [Yonge 1849: 326], [LSJ]. γένυς, μάσταξ are unattested in Hdt.; στόμιον means ‘horse’s bit’ [Powell 1938: 337].

57. **name**₁₀

ύ:nom-a {οὔνομα}, [Powell 1938: 278]. 277×. Numerous attestations. Some examples are:

6.50.3 “Driven from Aegina, Cleomenes asked Crius his **name** [οὔνομα]”, “Уезжая из Эгины, Клеомен спросил Криоса, как его **имя** [οὔνομα]”.

2.23 “The opinion about Ocean is grounded in obscurity and needs no disproof; for I know of no Ocean river; and I suppose that Homer or some older poet invented this **name** [οὔνομα] and brought it into his poetry”, “**Имя** [οὔνομα] «Океан» придумал, по моему мнению, Гомер или еще какой-нибудь древний поэт и ввел его в свою поэзию”.

General Ancient Greek: ὄνομα ~ πρόσρημα ~ προσηγορία ~ φάτις [ᾶ] [Edwards 1914: 163], [Yonge 1849: 328], [LSJ]. πρόσρημα, προσηγορία are unattested in Hdt.; φάτις means ‘report, rumour’ [Powell 1938: 371].

59. **new**₂₃

Unattested.

The adjective νέος occurs in the meanings ‘young; recent; anew; and so on’ in Hdt. [Powell 1938: 231], but surprisingly the direct meaning ‘new’ is unattested. Cf. also καινός ‘recent’ [Powell 1938: 180], πρόσφατος ‘fresh (of a corpse)’ [Powell 1938: 324].

General Ancient Greek: νέος ~ καινός ~ πρόσφατος ~ νεοχμός ~ ποταίνιος [Edwards 1914: 165], [Yonge 1849: 332], [LSJ]. νεοχμός, ποταίνιος are unattested in Hdt.

60. **night**₅₀

núkt- {νύξ}, [Powell 1938: 235]. This is the basic and most common word for ‘night’ in Hdt. Attested in the direct meaning ‘night’ 15× (plus 22× in expressions for ‘nightfall’); in the adverbial function ‘at night’ 61×. Some examples for the nominal usage:

2.68.1 “[a *crocodile*] spends the greater part of the day on dry ground, and the **night** [νύκτα] in the river”, “Большую часть дня крокодил проводит на суше, а **ночь** — в реке”.

2.133.5 “Hearing this, Mycerinus knew that his doom was fixed. Therefore, he had many lamps made, and would light these at **nightfall** [ὄκως γίνοιτο νύξ] and drink and enjoy himself, not letting up day or night, roaming to the marsh country and the groves and wherever he heard of the likeliest places of pleasure. This was his recourse, so that by turning **night** [νύκτες] into day he might make his six years into twelve and so prove the oracle false”, “Услышав такой ответ, Микерин понял, что рок неотвратим и приказал изготовить множество светильников. По **ночам** [ὄκως γίνοιτο νύξ] царь велел зажигать их, стал пить вино и непрестанно веселиться днем и ночью. Он блуждал по лугам и рощам и всюду, где

только находил подходящие места для удовольствия. Так поступал он, превращая **НОЧИ** [νύκτες] в дни, чтобы уличить оракул во лжи и сделать из шести лет двенадцать”.

7.37.2 “As it was setting out, the sun left his place in the heaven and was invisible, although the sky was without clouds and very clear, and the day turned into **night** [νύξ]”, “Между тем как раз во время сборов царя в поход солнце, покинув свою обитель на небе, стало невидимым, хотя небо было безоблачное и совершенно ясное, и день обратился в **НОЧЬ** [νύξ]”.

A second candidate is εὐφρόνη ‘night’ (8×) [Powell 1938: 154]. The word is attested exclusively in the three last books of the *The Histories*. This term seems to be a complete synonym of νύξ, but due to statistical data we prefer to exclude εὐφρόνη from the list. One could speculate, however, that εὐφρόνη began to supersede the archaic term in the idiolect of Herodotus. Some examples of εὐφρόνη are:

7.12.1 “The discussion went that far; then **night** came [εὐφρόνη ἐγίνετο], and Xerxes was pricked by the advice of Artabanus. Thinking it over at night [νυκτὶ], he saw clearly that to send an army against Hellas was not his affair”, “Так долго продолжалось совещание. А с наступлением **НОЧИ** [εὐφρόνη ἐγίνετο] Ксеркс стал мучиться словами Артабана. Размышляя всю ночь [νυκτὶ], царь пришел к выводу, что вовсе неразумно ему идти войной на Элладу. Приняв новое решение, Ксеркс заснул. И вот ночью, как рассказывают персы, увидел он такое сновидение”.

7.56.1 “When Xerxes had passed over to Europe, he viewed his army crossing under the lash. Seven days and seven **nights** [εὐφρόνησι] it was in crossing, with no pause”, “Переправившись в Европу, Ксеркс стал наблюдать переправу своего войска, [двигавшегося] по мосту под ударами бичей. Продолжался переход царского войска семь дней и семь **НОЧЕЙ** [εὐφρόνησι] без отдыха”.

7.188.2 “They spent the **night** [εὐφρόνην] in this way, but at dawn a storm descended upon them out of a clear and windless sky, and the sea began to boil”, “Так они стояли на якоре эту **НОЧЬ** [εὐφρόνην]”.

8.6.2 “They were not prepared to make a head-on attack since they feared that the Greeks would see them coming and turn to flee with **night** [εὐφρόνη] close upon them as they fled”, “Плыть, однако, прямо на эллинов варвары считали неразумным, потому что эллины при виде подходящих врагов обратятся в бегство и могут ускользнуть под покровом **НОЧИ** [εὐφρόνη]”.

General Ancient Greek: νύξ ~ εὐφρόνη ~ ὄρφνη [Edwards 1914: 166], [Yonge 1849: 333], [LSJ]. ὄρφνη is unattested in Hdt.

61. **nose**²⁹

hri:n- {ῥίς}, [Powell 1938: 329]. 6×. Applicable to humans only. Some examples are:

4.71.2 “they [*the Scythians*] cut off a part of their ears, shave their heads, make cuts around their arms, tear their foreheads and **noses** [ῥίνα], and pierce their left hands with arrows”, “Они [*скифы*] отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и **НОС** [ῥίνα] и прокалывают левую руку стрелами”.

3.154.2 “He [*Zopyrus*] could think of no other way to bring the city down than to mutilate himself and then desert to the Babylonians; so, making light of it, he mutilated himself beyond repair, and after cutting off his **nose** [ῥίνα] and ears and cropping his hair as a disfigurement and scourging himself, he came before Darius”, “Зопир полагал, что может достичь цели только одним путем: именно, изувечить себя и затем перебежать к врагам. Тогда с лег-

ким сердцем он нанес себе неисцелимые увечья: отрезал **нос** [ῥίνα] и уши, безобразно остриг волосы и со следами ударов бича предстал перед Дарием”.

Cf. also μυκτῆρες and μυξωτῆρες ‘nostrils’ [Powell 1938: 228, 229].

General Ancient Greek: ῥίς [Edwards 1914: 167], [Yonge 1849: 335], [LSJ].

62. **not**₃₀

u: ~ u:k {οὐ ~ οὐκ}, [Powell 1938: 274]. Numerous attestations. The variant οὐ is used in the case of the consonant onset of the following word (excepting *h-*), οὐκ — in the case of vocalic onset (including words with spiritus asper). The prohibitive negation is μή [Powell 1938: 223] (although in some cases μή can be used for as negation of assertion).

General Ancient Greek: οὐ / οὐκ / οὐχ [Schwyzer GG 2: 591 ff.], [LSJ].

63. **one**₂₁

hen- {εἷς}, [Powell 1938: 106]. Polysemy: ‘1 / one and the same / a certain one’. Nominative paradigm: εἷς [masc.] / μία [fem.] / ἓν [neut.]. Numerous attestations. Some examples for the numeric meaning:

1.16.1 “Ardys reigned for **forty-nine** [ένὸς δέοντα πεντήκοντα] years”, “После **49**-летнего [ένὸς δέοντα πεντήκοντα] царствования Ардиса престол перешел по наследству к его сыну Садиятту”.

1.22.4 “Alyattes built not **one** [ένὸς] but two [δύο] temples of Athena at Assesos, and recovered from his illness”, “Алиатт же воздвиг в Ассесе вместо **одного** [ένὸς] храма Афине два [δύο] и исцелился от своего недуга”.

4.27 “but as for what is north of them, it is from the Issedones that the tale comes of the one-eyed men and the griffins that guard gold; this is told by the Scythians, who have heard it from them; and we have taken it as true from the Scythians, and call these people by the Scythian name, Arimaspians; for in the Scythian tongue ‘arima’ is **one** [έν], and ‘spou’ is the eye”, “Выше исседонов, по их собственным рассказам, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Скифы передают об этом со слов исседонов, а мы, прочие, узнаем от скифов и зовем их по-скифски аримаспами: «арима» у скифов значит **единица** [έν], а «спу» — глаз”.

General Ancient Greek: εἷς (masc.) / μία ~ ἓν (fem.) / ἓν (neut.) [Schwyzer GG 1: 588], [LSJ]. The feminine stem ἓν is unattested in Hdt.

65. **rain**₃₉

ómb-r-o-s {ὄμβρος}, [Powell 1938: 264]. 5×. This is apparently the default word for ‘rain’ in Hdt. (glossed as ‘shower of rain; rain-water’ in [Powell 1938: 264], according to the lexicographic tradition). Note also that the available contexts show that the normal verbal correspondence to ὄμβρος is ὕω — the generic verb for ‘to rain’ in Hdt. [Powell 1938: 370], as well as in Common Greek. Examples of ὄμβρος are:

2.25.4–5 “Meanwhile, the other rivers are swollen to high flood by the quantity of water that falls into them from the sky [ὄμβρίου ὕδατος], because the country is rained on [ὑομένης] and cut into gullies; but in the summer they are low, lacking the **rain** [ὄμβρων] and being drawn up too by the sun. But the Nile, being fed by no rain [ἐὼν ἀνομβρος], and being the only river drawn up by the sun in winter, at this time falls far short of the height that it had in summer”, “До того времени [зимою] благодаря обильному притоку дождевой воды [ὄμβρίου ὕδατος] реки полноводны, так как в стране выпадают обильные дожди [ὑομένης]

и она испещрена [полными воды] оврагами. Летом же, когда **дождей** [ὄμβρων] больше нет и солнце притягивает воду, реки мелеют. Нил же, не питаемый дождями [ἔων ἄνομβρος], напротив, как раз в это время, когда солнце не притягивает его воды, [т. е. зимою], — единственная из всех рек, у которой, естественно, зимой гораздо меньше воды (сравнительно с нормальным уровнем ее летом)”.

4.50.2–3 “In winter it [*the Ister river*] is of its customary size, or only a little greater than is natural to it, for in that country in winter there is very little rain [ὔεται], but snow everywhere. In the summer, the abundant snow that has fallen in winter melts and pours from all sides into the Ister; so this snow-melt pours into the river and helps to swell it and much **violent rain** [ὄμβροι πολλοί] besides, as the summer is the season of rain [ὔει]”, “Зимой воды этой реки достигают своего естественного уровня или немного выше, потому что в это время в тех странах только изредка выпадают дожди [ὔεται], но зато постоянно идет снег. Летом же глубокий снег, выпавший зимой, тает и отовсюду попадает в Истр. И вот этот-то талый снег стекает и наполняет реку, а также частые и **обильные дожди** [ὄμβροι πολλοί] (ведь дожди бывают [ὔει] там и летом)”.

4.198.2 “For the soil is black and well-watered by springs, and has no fear of drought, nor is it harmed by drinking excessive **showers** [ὄμβρον πλέω πιούσα] (there is rain [ὔεται] in this part of Libya)”, “Она вовсе непохожа на остальную Ливию: земля ее черная, она орошается источниками и не страдает ни от засухи, ни от чрезмерной **влажности** [ὄμβρον πλέω πιούσα]. В этой части Ливии ведь выпадают дожди [ὔεται]”.

8.12.2 “The ships crews who were there were dismayed by the noise of this, and considering their present bad state, expected utter destruction; for before they had recovered from the shipwreck and the storm [χειμῶνος] off Pelion, they next endured a stubborn sea-fight, and after the sea-fight, rushing **rain** [ὄμβρος λάβρος] and mighty torrents pouring seaward and violent thunderings”, “Люди на кораблях в Афетах, слышавшие шум, пришли в смятение, думая, что при всех несчастьях им теперь уже не миновать гибели. Ведь едва они успели прийти в себя после крушения и бури [χειμῶνος] у Пелиона, как сразу началась ожесточенная битва, а после нее — страшный **ливень** [ὄμβρος λάβρος]: бурные потоки воды стремглав обрушились [с вершины Пелиона] в море и загремели глухие раскаты грома”.

8.98.1 “It is said that as many days as there are in the whole journey, so many are the men and horses that stand along the road, each horse and man at the interval of a day’s journey. These are stopped neither by snow nor **rain** [ὄμβρος] nor heat nor darkness from accomplishing their appointed course with all speed”, “Рассказывают, что на протяжении всего пути у них расставлены лошади и люди, так что на каждый день пути приходится особая лошадь и человек. Ни снег, ни **ливень** [ὄμβρος], ни зной, ни даже ночная пора не могут помешать каждому всаднику проскакать во весь опор назначенный отрезок пути”.

Cf. also ψακάς ‘drizzle’ 1× [Powell 1938: 384]:

3.10.3 “While his son Psammenitus was king of Egypt, the people saw an extraordinary thing, namely, rain [ὔσθησαν] at Thebes of Egypt, where, as the Thebans themselves say, there had never been rain before, nor since to my lifetime; for indeed there is no rain [ὔεται] at all in the upper parts of Egypt; but at that time a **drizzle of rain** fell [ὔσθησαν ψακάδι] at Thebes”, “А при Псаммените, сыне Амасиса, явилось египтянам великое знамение, именно выпал дождь [ὔσθησαν] в египетских Фивах, чего, по словам самих фиванцев, не бывало ни раньше, ни после вплоть до нашего времени. Ведь в Верхнем Египте вообще не бывает дождей [ὔεται], да и тогда в Фивах выпали лишь какие-то **капли** [ὔσθησαν ψακάδι]”.

General Ancient Greek: ὄμβρος ~ ὑετός [ṽ] ~ ψᾶκᾶς [Edwards 1914: 203], [Yonge 1849: 390], [LSJ]. ὑετός are unattested in Hdt.

78. **smoke**₃₆

kap-n-ó-s {καπνός}, [Powell 1938: 183]. 3×. Examples are:

3.107.2 “for the spice-bearing trees are guarded by small winged snakes of varied color, many around each tree; these are the snakes that attack Egypt. Nothing except the **smoke** [καπνῶ] of storax will drive them away from the trees”, “Ведь деревья, дающие ладан, стерегут крылатые змеи, маленькие и пестрые, которые ютятся во множестве около каждого дерева. Они же нападают и на Египет. От этих деревьев их нельзя ничем отогнать, кроме как **курением** [καπνῶ] стирака”.

4.196.1 “There is a place in Libya, they say, where men live beyond the Pillars of Heracles; they come here and unload their cargo; then, having laid it in order along the beach, they go aboard their ships and light a **smoking fire** [καπνόν]. The people of the country see the **smoke** [καπνόν], and, coming to the sea, they lay down gold to pay for the cargo, and withdraw from the wares”, “Обитаемая часть Ливии простирается даже по ту сторону Геракловых Столпов. Всякий раз, когда карфагеняне прибывают к тамошним людям, они выгружают свои товары на берег и складывают в ряд. Потом опять садятся на корабли и разводят сигнальный **дым** [καπνόν]. Местные же жители, завидев **дым** [καπνόν], приходят к морю, кладут золото за товары и затем уходят”.

General Ancient Greek: καπνός ~ λιγνύς ~ ψόλος ~ ἄχνη ~ αἶθαλος [Edwards 1914: 238], [Yonge 1849: 447], [LSJ]. λιγνύς, ψόλος, ἄχνη, αἶθαλος are unattested in Hdt.

80. **star**₄₀

astér {ἀστήρ}, [Powell 1938: 50]. 2×. Attested once in the direct meaning:

2.4.1 “the Egyptians, they said, were the first men who reckoned by years and made the year consist of twelve divisions of the seasons. They discovered this from the **stars** [ἀστέρων]”, “Египтяне были первыми людьми на свете, кто установил продолжительность года, разделив его на двенадцать частей [по] временам года. Это открытие, по словам жрецов, египтяне сделали, наблюдая **небесные светила** [ἀστέρων]”.

Cf. also 8.122 “To this he said that he was content with what he had received from all other Greeks, but not from the Aeginetans. From these he demanded the victor’s prize for the sea-fight of Salamis. When the Aeginetans learned that, they dedicated three golden **stars** [ἀστέρας χρυσέους] which are set on a bronze mast, in the angle, nearest to Croesus’ bowl”, “А бог отвечал, что от других эллинов он получил довольно, но не от эгинцев. Он требует от эгинцев часть награды за доблесть в битве при Саламине. Узнав об этом, эгинцы посвятили богу три золотые **звезды** [ἀστέρας χρυσέους], которые водружены на медной мачте и стоят в углу святилища рядом с сосудом для смешения вина — даром Креза”.

General Ancient Greek: ἀστήρ [Edwards 1914: 244], [Yonge 1849: 458], [LSJ].

81. **stone**₉

lít^h-o-s {λίθος}, [Powell 1938: 208]. 68×. This is the default and most frequent word for ‘stone’ in Hdt. Some examples are:

2.96.4–5 “they have a raft made of tamarisk wood, fastened together with matting of reeds, and a pierced **stone** [λίθος] of about two talents’ weight; the raft is let go to float down ahead of the boat, connected to it by a rope, and the **stone** [λίθον] is connected by a rope to the after part of the boat. So, driven by the current, the raft floats swiftly and tows the “baris”

(which is the name of these boats,) and the **stone** [λίθος] dragging behind on the river bottom keeps the boat's course straight", "Сколачивают из тамарисковых досок плот в виде двери, обтянутый плетенкой из камыша, и затем берут просверленный **камень** [λίθος] весом в 2 таланта. Этот плот, привязанный к судну канатом, спускают на воду вперед по течению, а камень [λίθον] на другом канате привязывают сзади. Под напором течения плот быстро движется, увлекая за собой «Барис» (таково название этих судов); **камень** [λίθος] же, который тащится сзади по дну реки, направляет курс судна".

2.111.4 "the woman by whose means he had recovered his sight, he married. Most worthy of mention among the many offerings which he dedicated in all the noteworthy temples for his deliverance from blindness are the two marvellous stone obelisks which he set up in the temple of the Sun. Each of these is made of a single **block** [ἕξ ἑνὸς λίθου], and is over one hundred and sixty-six feet high and thirteen feet thick", "Исцелившись же от своего глазного недуга, он принес во все почитаемые храмы посвященные дары, среди которых особенно достойны упоминания два каменных обелиска, оба из цельного **камня** [ἕξ ἑνὸς λίθου], вышиной в 100 локтей и в 8 шириной".

3.8.1 "There are no men who respect pledges more than the Arabians. This is how they give them: a man stands between the two pledging parties, and with a sharp **stone** [λίθῳ ὀξεί] cuts the palms of their hands, near the thumb", "Арабы считают такие договоры о дружбе особенно священными. Заключают же они договоры вот как. Когда двое желают заключить договор о дружбе, то третий становится между ними и острым **камнем** [λίθῳ ὀξεί] делает надрез на ладони у большого пальца каждого участника договора".

3.123.2 "When Oroetes heard that an inspection was imminent, he filled eight chests with **stones** [λίθων], leaving only a very shallow space at the top; then he laid gold on top of the **stones** [λίθων], locked the chests, and kept them ready", "Орет же, узнав, что надо ждать прибытия соглядатая, сделал вот что. Он наполнил восемь сундуков **камнями** [λίθων] почти до краев, а сверху на **камни** [λίθων] наложил золота и, завязав сундуки, держал их наготове".

7.69.1 "The Ethiopians were wrapped in skins of leopards and lions, and carried bows made of palmwood strips, no less than four cubits long, and short arrows pointed not with iron but with a sharpened **stone** [λίθος] that they use to carve seals", "Стрелы у них маленькие, камышовые, на конце вместо железного наконечника — острый **камень** [λίθος], которым они режут камни на перстнях для печатей".

A second candidate is πέτρος 'stone' [Powell 1938: 305], but it is attested only once, denoting 'large stone', and therefore cannot be considered as a basic term:

9.55.2 "In this wrangling Amompharetus took up a **stone** [πέτρον] with both hands and threw it down before Pausanias' feet, crying that it was the pebble [ψήφω] with which he voted against fleeing from the strangers", "В пылу спора Амомфарет схватил **камень** [πέτρον] обеими руками и бросил его к ногам Павсания. Этим камнем [ψήφω], заявил он, он подает голос за то, чтобы не бежать от чужеземцев".

General Ancient Greek: λίθος ~ πέτρος ~ λᾶας ~ λαῖγξ [Edwards 1914: 247], [Yonge 1849: 460], [LSJ]. λᾶας, λαῖγξ are unattested in Hdt.

82. sun₃₅

hé:l-i-o-s {ἥλιος}, [Powell 1938: 161]. Polysemy: 'sun (37×) / sun-shine (6×) / as an object of worship (18×) / points of the compass, east (22×) / time of day (6×)'. Some examples for 'sun' as a heavenly body:

2.26.1 “I am convinced, therefore, that the **sun** [ἥλιον] is the cause of this phenomenon. The dryness of the air in these parts is also caused by the sun, in my opinion, because it burns its way through it; hence, it is always summer in the inland part of Libya”, “Я думаю также, что от **солнца** [ἥλιον] зависит и сухость воздуха в этих странах, так как оно раскаляет [землю] на своем пути. Таким образом, в Верхней Ливии — вечное лето”.

7.37.2–3 “As it was setting out, the **sun** [ἥλιος] left his place in the heaven and was invisible, although the sky was without clouds and very clear, and the day turned into night. When Xerxes saw and took note of that, he was concerned and asked the Magi what the vision might signify. They declared to him that the god was showing the Greeks the abandonment of their cities; for the **sun** [ἥλιος] (they said) was the prophet of the Greeks, as the moon [σελήνην] was their own”, “Между тем как раз во время сборов царя в поход **солнце** [ἥλιος], покинув свою обитель на небе, стало невидимым, хотя небо было безоблачное и совершенно ясное, и день обратился в ночь. При виде этого небесного явления Ксерксом овладела тревога, и он спросил магов, что может означать это знамение. Маги же отвечали, что божество этим предвещает элинам гибель их городов, так как у элинов **солнце** [ἥλιος] — провозвестник грядущего, а у персов — луна [σελήνην]”.

General Ancient Greek: ἥλιος [Edwards 1914: 252], [Yonge 1849: 470], [LSJ].

84. **tail**₂₆

u:r-é: {οὐρή}, [Powell 1938: 278]. 10×; applied to bulls, pigs, horses, camels, specific sheep. Some examples are:

2.38.2 “One of the priests, appointed to the task, examines the beast [*i.e. the bull*], making it stand and lie, and drawing out its tongue, to determine whether it is clean of the stated signs which I shall indicate hereafter. He looks also to the hairs of the **tail** [οὐρής], to see if they grow naturally”, “Потом у быка вытягивают язык, чтобы узнать, чист ли он от особых знаков, которые я опишу в другом месте. Жрец осматривает также волосы на **хвосте** [οὐρής]: правильно ли они по природе растут”.

3.113.1 “Enough of marvels, and yet the land of Arabia gives off a scent as sweet as if divine. They have besides two marvellous kinds of sheep, found nowhere else. One of these has **tails** [οὐράς] no less than nine feet long”, “Есть там [*в Аравии*] две удивительные породы овец, которых нигде в другом месте не встретишь. У одной из них длинные **хвосты** [οὐράς], не менее 3 локтей”.

General Ancient Greek: οὐρά ~ κέρκος ~ ὀλκαία [Edwards 1914: 257], [Yonge 1849: 476], [LSJ]. κέρκος, ὀλκαία are unattested in Hdt.

87. **thou**₅

śú {σύ}, [Powell 1938: 339], [Stein 1882: 11]. This pronoun is attested in quotations only, but its attestations are so numerous (142×) that there is little doubt that the proper idiolect of Herodotus possessed the same form.

General Ancient Greek: σύ ~ τύ [Schwyzer GG 1: 602], [LSJ].

88. **tongue**₈

glô:ss-a {γλώσσα}, [Powell 1938: 69]. Polysemy: ‘human tongue (2×) / animal tongue (3×) / language (46×)’. Examples for the meaning ‘human tongue’:

2.2.5 “the Greeks say among many foolish things that Psammetichus had the children reared by women whose **tongues** [γλώσσας] he had cut out”, “Элины же передают об

этом еще много вздорных рассказов, и, между прочим, будто Псамметих велел вырезать несколькими женщинами **языки** [γλώσσας] и затем отдал им младенцев на воспитание”.

9.112 “In the meantime, while Xerxes talked with his brother, Amestris sent for Xerxes’ guards and treated Masistes’ wife very cruelly; she cut off the woman’s breasts and threw them to dogs, and her nose and ears and lips also, and cut out her **tongue** [γλῶσσαν]”, “Между тем, пока Ксеркс вел этот разговор с братом, Аместрида послала телохранителей Ксеркса изувечить жену Масиста: она велела отрезать у несчастной груди и бросить псам, а также нос, уши и губы, вырезать **язык** [γλῶσσαν] и отправить в таком виде домой”.

General Ancient Greek: γλῶσσα [Edwards 1914: 265], [Yonge 1849: 489], [LSJ].

89. **tooth**₂₂

odónt- {ὀδών}, [Powell 1938: 259]. 10×; applied to humans, crocodiles, boars, elephants (‘tusk’). Examples for ‘human tooth’:

2.84 “The practice of medicine is so specialized among them [*the Egyptians*] that each physician is a healer of one disease and no more. All the country is full of physicians, some of the eye, [*some of the head*], some of the **teeth** [ὀδόντων], some of what pertains to the belly, and some of internal diseases”, “Искусство же врачевания у них разделено. Каждый врач лечит только один определенный недуг, а не несколько, и вся египетская страна полна врачей. Так, есть врачи по глазным болезням, болезням головы, **зубов** [ὀδόντων], чрева и внутренним болезням”.

6.107.3–4 “As he [*Hippias*] was tending to this, he happened to sneeze and cough more violently than usual. Since he was an elderly man, most of his **teeth** [ὀδόντων] were loose, and he lost one of **them** [ὀδόντων] by the force of his cough. It fell into the sand and he expended much effort in looking for it, but the **tooth** [ὀδών] could not be found”, “Между тем на Гиппии напали чихание и приступ кашля сильнее обычного. А так как у него, как у человека уже старого, большая часть **зубов** [ὀδόντων] шаталась, то один **зуб** [ἓνα τῶν ὀδόντων] от сильного кашля даже выпал. Зуб упал на песок, и Гиппию стоило больших усилий его искать, но **зуб** [ὀδών] не находился”.

General Ancient Greek: ὀδούς ~ ὀδών [Edwards 1914: 265], [Yonge 1849: 489], [LSJ].

90. **tree**₃₇

dén=dre-o-n {δένδρον ~ δένδρον ~ δένδρος}, [Powell 1938: 81]. 35×; applied both to wild and cultivated trees. Some examples are:

1.17.2 “whenever he [*Alyattes*] came to the Milesian territory, he neither demolished nor burnt nor tore the doors off the country dwellings, but let them stand unharmed; but he destroyed the **trees** [δένδρα] and the crops of the land”, “Прибыв в землю милетян, он [*Алиатт*] не стал разрушать и сжигать дома на полях и взламывать двери, но оставлял в неприкосновенности. Только **деревья** [δένδρα] он срубил и уничтожил хлеб на полях, а затем возвратился домой”.

3.107.2 “for the spice-bearing **trees** [δένδρα] are guarded by small winged snakes of varied color, many around each **tree** [δένδρον]; these are the snakes that attack Egypt. Nothing except the smoke of storax will drive them away from the **trees** [δένδρέων]”, “Ведь **деревья** [δένδρα], дающие ладан, стерегут крылатые змеи, маленькие и пестрые, которые ютятся во множестве около каждого **дерева** [δένδρον]. Они же нападают и на Египет. От этих **деревьев** [δένδρέων] их нельзя ничем отогнать, кроме как курением стирака”.

6.79.2 “Somehow the rest of the men in the temple precinct did not know this was happening, for the grove was thick and those inside could not see how those outside were far-

ing, until one of them climbed a **tree** [δένδρον] and saw what was being done”, “Оставшиеся в святилище не знали о их судьбе, так как роща была густая и те, кто там находился, не могли видеть, что происходит снаружи, пока кто-то из них не влез на **дерево** [δένδρον] и не увидел сверху, что там творится. Тогда, конечно, никто уже больше не вышел на зов”.

Cf. also a word for ‘wood’: ξύλον ‘wood; piece of wood’ [Powell 1938: 236]. The word δόρυ means ‘lance’ in Hdt. [Powell 1938: 93].

General Ancient Greek: δένδρον (δένδρον, δένδρος, δένδριον, δένδρειον) ~ ξύλον [Edwards 1914: 268], [Yonge 1849: 493], [LSJ].

91. **two**₂

δίω {δύο}, [Powell 1938: 95], [Stein 1882: 11]. Numerous attestations. Some examples are:

1.22.4 “Alyattes built not one [ένός] but **two** [δύο] temples of Athena at Assesos, and recovered from his illness”, “Алиатт же воздвиг в Ассесе вместо одного [ένός] храма Афине **два** [δύο] и исцелился от своего недуга”.

1.51.1 “When these offerings were ready, Croesus sent them to Delphi, with other gifts besides: namely, **two** [δύο] very large bowls, one of gold and one of silver”, “После изготовления Крез отослал эти предметы в Дельфы и вместе еще несколько других, а именно: **две** [δύο] огромные чаши для смешивания вина — золотую и серебряную”.

2.93.5 “Now this tomb has a circumference of thirteen hundred and ninety yards [στάδιοι ἐξ καὶ δύο πλέθρα], and its breadth is above four hundred and forty yards”, “Объем кургана составляет 6 стадий и **2** [δύο] плефры, диаметр же 13 плефров”.

General Ancient Greek: δύο [v̥] [Schwyzer GG 1: 588], [LSJ].

94. **water**₂₈

ἕδω-ο:r {ὔδωρ}, [Powell 1938: 364]. Polysemy: ‘water (86×) / springs, river’. Some examples for the direct meaning ‘water’ are:

1.59.1 “This Hippocrates was still a private man when a great marvel happened to him when he was at Olympia to see the games: when he had offered the sacrifice, the vessels, standing there full of meat and **water** [ὔδατος], boiled without fire until they boiled over”, “Этому-то Гиппократу, когда он как простой гражданин присутствовал на Олимпийских играх, было явлено великое знамение: при жертвоприношении стоявшие там котлы с мясом и **водой** [ὔδατος] закипели без огня и вода полилась через край”.

1.188.1–2 “Now when the Great King [Cyrus] campaigns, he marches well provided with food and flocks from home; and **water** [ὔδωρ] from the Choaspes river that flows past Susa is carried with him, the only river from which the king will drink. This **water** [ὔδατος] of the Choaspes is boiled, and very many four-wheeled wagons drawn by mules carry it in silver vessels, following the king wherever he goes at any time”, “Всякий раз когда великий царь выступает в поход, то, сделав дома хороший запас хлеба и мелкого скота, он берет с собой, кроме того, еще **воду** [ὔδωρ] из протекающей у Сус реки Хоаспа (единственной реки, откуда он пьет воду). Множество четырехколесных повозок, запряженных мулами, с этой-то кипяченой **водой** [ὔδατος] из Хоаспа в серебряных сосудах всегда следует за царем, куда бы он ни отправлялся в поход”.

2.25.4 “Meanwhile, the other rivers are swollen to high flood by the quantity of **water** that falls into them from the sky [ὀμβρίου ὔδατος], because the country is rained on and cut into gullies”, “До того времени [зимой] благодаря обильному притоку дождевой **воды**

[ὄμβριου ὕδατος] реки полноводны, так как в стране выпадают обильные дожди и она испещрена [полными воды] оврагами”.

2.68.1 “It [*a crocodile*] has four feet, and lives both on land and in the water, for it lays eggs and hatches them out on land and spends the greater part of the day on dry ground, and the night in the river, the **water** [ὑδωρ] being warmer than the air and dew”, “Хотя это четвероногое и земноводное животное, но кладет яйца в землю и высиживает их. Большую часть дня крокодил проводит на суше, а ночь — в реке. Ведь **вода** [ὑδωρ] ночью теплее воздуха и росы”.

General Ancient Greek: ὑδωρ [ὑ ~ ὕ] ~ δρόσος ~ ποτόν ~ ὄμβρος [Edwards 1914: 287], [Yonge 1849: 521], [LSJ]. The noun ὄμβρος means ‘rain’ (q.v.) in Hdt. [Powell 1938: 264]; ποτόν is attested in its generic meaning ‘drink’ [Powell 1938: 315]; δρόσος means ‘dew’ [Powell 1938: 94].

95. **we**₁

he:-mé- {ἡμεῖς}, [Powell 1938: 97], [Stein 1882: 11]. Numerous attestations with inclusive semantics. Some examples are:

1.139 “There is another thing that always happens among them; **we** [ἡμέας] have noted it although the Persians have not”, “Вот еще с какой своеобразной особенностью приходится встречаться у персов, которой сами они не замечают, а для **нас** [ἡμέας] она, разумеется, ясна”.

3.111.2 “There are great birds, it is said, that take these dry sticks which **we** [ἡμεῖς] have learned from the Phoenicians to call cinnamon”, “По их рассказам, большие птицы приносят эти сухие полоски коры, которые у **нас** [ἡμεῖς] зовутся финикийским именем «кинамомон»”.

3.115.1 “nor do I have any knowledge of Tin Islands, where **our** [ἡμῖν] tin is brought from”, “Впрочем, верно то, что олово и янтарь [*к нам* ἡμῖν] привозят из самых далеких стран”.

General Ancient Greek: ἡμεῖς ~ ἄμμες [Schwyzer GG 1: 602], [LSJ].

96. **what**₁₂

tí {τί}, [Powell 1938: 356], [Stein 1882: 12]. Polysemy: ‘what [interrogative] (τί) / any, some [indefinite] (τι)’. The same word as ‘who?’ q.v. Examples:

3.140.3 “The doorkeeper brought Syloson in and the interpreters asked him as he stood there who [τίς] he was and **what** [τί] he had done to call himself the king’s benefactor”, “Страж дверей ввел Силосонта [в царские покои], и, когда тот предстал перед царем, толмачи спросили его, кто [τίς] он и **почему** [τί ποιήσας εὐεργέτης φησὶ εἶναι βασιλέος] именуется себя царским благодетелем”.

6.138.3 “When the Pelasgians perceived this, they took counsel together; it troubled them much in their deliberations to think **what** [τί] the boys would do when they grew to manhood, if they were resolved to help each other against the sons of the lawful wives and attempted to rule them already”, “На совете пеласги с тревогой спрашивали себя, **что** [τί] же в таком случае станут делать эти мальчики, когда возмужают, если уж теперь они решились защищать друг друга против детей законных жен и пытаются заставить их подчиняться”.

Cf. also the pronominal compound ὅ τι ‘what (relative); what (interrogative in indirect questions)’ [Powell 1938: 273].

General Ancient Greek: τί [Schwyzer GG 1: 615], [LSJ].

98. **who**₆

tí-s {τίς}, [Powell 1938: 356], [Stein 1882: 12]. Polysemy: ‘who [interrogative] (τίς) / any, some [indefinite] (τίς)’. The same word as ‘what?’ q.v. Examples:

1.35.2 “he [Croesus] asked the Phrygian where he came from and **who** [τίς] he was”, “После очищения Крез спросил чужестранца, **кто** [τίς] он и откуда”.

1.116.3 “When the cowherd was left quite alone, Astyages asked him where he had got the boy and **who** [τίς] had been the giver”, “Оставшись наедине с пастухом, Астиаг спросил, откуда у него мальчик и **кто** [τίς] его передал ему”.

4.167.2 “But before despatching the troops, Aryandes sent a herald to Barce to ask **who** [τίς] it was who had killed Arcesilaus”, “Еще до похода Арианд послал вестника в Барку узнать, **кто** [τίς] убил Аркесилая”.

7.27.2 “When Pythius offered the money, Xerxes asked the Persians present **who** [τίς] this Pythius was and how much wealth he possessed in making the offer”, “Когда Пифий сделал Ксерксу это предложение, царь спросил персов из своей свиты, **кто** [τίς] этот Пифий и неужели он так богат, что может делать такие предложения”.

Cf. also the pronominal compound ὄσ=τίς ‘who (relative); who (interrogative in indirect questions)’ [Powell 1938: 273].

General Ancient Greek: τίς [Schwyzer GG 1: 615], [LSJ].

References

- Старостин 2007 — С. А. СТАРОСТИН. Определение устойчивости базисной лексики [S. A. STAROSTIN. Opredelenie ustoichivosti bazisnoi leksiki = Defining the Stability of Basic Lexicon] // С. А. СТАРОСТИН. *Труды по языкознанию* [S. A. STAROSTIN. *Trudy po yazykoznaniiyu = Works in Linguistics*]. М., 2007. С. 827–839.
- Стратановский 1972 — *Геродот. История* / Пер. и прим. Г. А. СТРАТАНОВСКОГО. Статья В. Г. БОРУХОВИЧА. (Серия «Памятники исторической мысли».) Л.: Наука, 1972. [Gerodot. *Istoriya* / Per. i prim. G. A. STRATANOVSKOGO. Stat’ya V. G. BORUKHOVICHNA. (Seriya «Pamyatniki istoricheskoi myсли».) L.: Nauka, 1972.]
- Allen 1968 — W. S. ALLEN. *Vox Graeca*. A guide to pronunciation of Classical Greek. Cambridge, 1968.
- Dyen et al. 1997 — I. DYEN, J. KRUSKAL, P. BLACK. Comparative Indo-European Database collected by Isidore Dyen. Available at <http://www.wordgumbo.com/ie/cmp/iedata.txt>. Copyright © 1997 by Isidore Dyen, Joseph Kruskal, and Paul Black. The file was last modified on February 5, 1997. Redistributable for academic, non-commercial purposes.
- Edwards 1914 — G. M. EDWARDS. *An English-Greek Lexicon*. 2nd ed. Cambridge, 1914.
- Godley 1920–25 — *Herodotus*. Translated by A. D. GODLEY. Vol. 1–4. Cambridge; London, 1920–25.
- Greenhill et al. 2008 — S. J. GREENHILL, R. BLUST, R. D. GRAY. The Austronesian basic vocabulary database: From bioinformatics to lexomics // *Evolutionary Bioinformatics* 4 (2008). P. 271–283. The Austronesian Basic Vocabulary Database is available at <http://language.psy.auckland.ac.nz/austronesian>
- Kassian et al. 2010 — A. KASSIAN, G. STAROSTIN, A. DYBO, V. CHERNOV. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // *Journal of Language Relationship*, No. 4 (2010). P. 46–89.
- LSJ — H. G. LIDDELL, R. SCOTT, H. S. JONES & R. MCKENZIE. *A Greek-English lexicon*. With a revised supplement. Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 1996. Electronic edition.
- McMahon & McMahon 2005 — A. MCMAHON & R. MCMAHON. *Language Classification by Numbers*. Oxford, 2005.
- Nichols & Warnow 2008 — J. NICHOLS, T. WARNOW. Tutorial on Computational Linguistic Phylogeny // *Language and Linguistics Compass* 2/5 (2008). P. 760–820.
- Powell 1938 — J. E. POWELL. *A Lexicon to Herodotus*. Cambridge, 1938.
- Schwyzer GG — E. SCHWYZER. *Griechische Grammatik*. Bd. 1–4. München, 1939, 1950, 1953, 1971.
- Starostin G. 2010 — G. S. STAROSTIN. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach // *Journal of Language Relationship*, No. 3 (2010). P. 79–116.

Stein 1882 — H. STEIN. *Summary of the dialect of Herodotus*. Boston, 1882.

Yonge 1849 — C. D. YONGE. *An English-Greek Lexicon*. London, 1849.

В статье приводится 50-словный список базисной лексики по древнегреческому тексту «Истории» Геродота. Подробно комментированный список иллюстрирует новый лексикостатистический стандарт, предлагаемый в проекте «Глобальная лексикостатистическая база данных» (Москва / Санта-Фе).

Ключевые слова: классификация языков, лексикостатистика, список Сводеша, древнегреческий язык, Геродот.

Some thoughts on the problem of the Austro-Asiatic homeland

In a recent publication (“The Austroasiatic central riverine hypothesis”, JLR 4), Paul Sidwell came up with a new conception of what he considers to be the optimal localization of the original homeland of the Proto-Austro-Asiatic language: the Mekong valley in and around Indochina. The current paper is written in response to Sidwell’s conclusions. These are, first of all, evaluated from a strictly linguistic (lexicostatistical) point of view, and then compared with some of the available evidence on the most likely geographical distribution, cultural and ecological status, and ethnic surroundings of speakers of Proto-Austro-Asiatic. It is concluded that the overall complex of available data much more often contradicts Sidwell’s theory than confirms it, and that, consequently, there is no need to abandon the older hypothesis of a mid-Yangtze valley homeland for Austro-Asiatic (Peiros & Shnirelman), nor is there sufficient evidence to rearrange previously offered models of the internal classification of Austro-Asiatic languages (Diffloth; Peiros) in order to better accommodate the «central riverine» speculation.

Keywords: Austroasiatic, comparative method, lexicostatistics, linguistic homeland.

In issue 4 of *Journal of Language Relationship*, Paul Sidwell (further — PS) has published a paper under the title “The Austroasiatic central riverine hypothesis” (pp. 117–134). In the paper the author proposes a new localization for the Austro-Asiatic homeland, challenging some of the previously stated hypotheses on that subject. In this submission, I would like to evaluate PS’s paper along with the currently available data on the topic.

To begin with, there are several important requirements for scientific writing, which, as I am afraid, PS has not been able to satisfy in his paper. Unfortunately, in several respects it is more reminiscent of a commercial prospect or pamphlet than a true work of science. To illustrate my point, I will comment upon some of them.

Each scientific publication must treat its readers with respect, even if they may not have the same experience in the field as the author. This is why it is the author’s responsibility to provide all the necessary information that is needed for the reader to follow and understand the discussion. If a paper contains a certain definitive statement, that statement should be justified by either a reference or an explanation. For instance, it is not enough to say that “... the diversity of Vietnamese dialects in the south is low, but markedly higher in the north, especially, for example, around Vinh” (p. 119). No reference is given here, meaning that the readers are supposed to either trust PS on his word, or to conduct their own investigation.

A suspicious reader who would want to check the reliability of PS’s statement, probably will at least look up Wikipedia, where he/she will find the following information: “There are various mutually intelligible regional varieties, the main four being”: see the table at the next page.

Wikipedia’s sources on Vietnamese variation include: [Alves (forthcoming)], [Alves & Nguyen 2007], [Emeneau 1947], [Hoàng 1989], [Honda 2006], [Nguyễn, Đ.-H. 1995], [Pham 2005], [Thompson 1991(1965)], [Vũ 1982], [Vuong 1981]. Apparently, none of these publications support PS’s view; so what is the source of PS’s statement?

Dialect region	Localities	Names under French colonization
Northern Vietnamese	Hanoi, Haiphong and various provincial forms	Tonkinese
North-central (or Area IV) Vietnamese	Nghệ An (Vinh, Thanh Chương), Thanh Hoá, Quảng Bình, Hà Tĩnh	High Annamese
Central Vietnamese	Huế, Quảng Nam	Low Annamese
Southern Vietnamese	Saigon, Mekong (Far West)	Cochinchinese

Another example of condescendence to not only his readers but to his colleagues as well, is PS's statement that "Peiros applies Starostin's glottochronological method which is controversial" without any justification of this view (p. 129). Naturally, there is a number of publications critical of lexicostatistics and glottochronology in general, but I am not aware of any published criticism of Starostin's method. If PS has any personal constructive objections against it, they should be presented, and it would be very instructive for us to study them.

Some of the footnotes are quite strange. For example, note 7, accompanying the above-mentioned remark about Starostin states that «The software, and Peiros' data and reconstructions are accessible via: <http://starling.rinet.ru>» (p. 129), which is misleading: the statement reads as if only lexicostatistics were presented there. However, the same site also hosts my publicly available Austro-Asiatic etymological dictionary, with about 2,500 etymologies. Is this simply a sign of negligence?

Normally, scientific papers are expected to avoid misrepresenting opposing views and justify the reasons for which the author does not accept them. Unfortunately, PS does not follow this tradition. For example, in discussing the mid-Yangtze location of the AA homeland proposed by Shnirelman and myself [1998], PS says that we use "supposed lexical isoglosses with Hmong-Mien languages", which is absolutely wrong: no such nonsense can be found in any of the mentioned publications or in any of our other publications on this topic. In [Peiros 1998] I claim that Miao-Yao (another name for Hmong-Mien) are related to AA. In [Peiros 1989] I do not discuss homelands at all, and I would be quite surprised to learn that PS has actually seen that particular Russian paper, which had been circulated in no more than a hundred copies.

However, the main problem of the paper is neither its style nor its occasionally misleading notes; rather, it is the general logic of the author. PS's conclusions are: "Three independent lines of inquiry – morphological, phonological, and lexical – have failed to provide decisive indications of nested sub-groupings among AA branches, while the lexical data strongly suggests that there is a contact area centered on Katuic and Bahnaric. Until other indications are forthcoming, the most reasonable hypothesis is a simple radiation out of the Mekong valley" (p. 132).

The major implication of this statement is quite straightforward: all the classifications of the AA family, including those of Pinnow and Diffloth (mentioned on pp. 120–121), are wrong, although PS does not really take the trouble to explain why it is so.

Concerning morphology, it is a well known fact that, as of now, there is no morphological or morphosyntactic reconstruction of either Proto-AA or its descendant, Proto-Mon-Khmer. Therefore, it is premature to talk about clear morphological evidence for AA classification: how could one use non-existing evidence?

Reflexes of several Proto-AA consonants in the daughter-languages¹, given by PS in Table 1 (p. 128), are also useless for classification, not to mention that the table does not present the

¹ It is unclear why the table is called "correspondences for initial / pre-vocalic oral stops", since it also discusses the reflexes of affricates and *s-.

whole set of phonemes, lacking some consonants and vowels. Once again I must reiterate that, without a detailed reconstruction of Proto-AA, it is useless to talk about the lack of evidence for subgrouping. Existing etymological collections mainly represent the better known AA languages; therefore, it is also unsurprising that many lexical isoglosses which could be used for classification have not yet been found.

Having dismissed traditional methods of classification, but without explaining, for example, why the AA tree proposed by Diffloth is not acceptable, PS turns his attention to lexicostatistics and my AA classification, mentioning that it is, in some aspects, similar to Pinnow [1960] and earlier version of Diffloth [1974]. To improve upon these results, he decided to check my etymological identifications and also apply the GlotPc.exe package (developed by Jacque Guy) for lexicostatistics². GlotPc is not well known, and, upon conducting an Internet search, I have not been able to find any examples of its applications apart from PS's work on the AA languages; it would have been prudent on the part of the author to explain the basic principles of this practically unknown program which, on top of everything, failed to yield a reasonable classification for the AA family. No explanations have been presented by PS.

Upon first glance, PS's logic seems to be reasonable: he "decided to replicate the study, but with a smaller, more manageable set of data, in this case 36 languages. A major concern being to use only languages where both the sound correspondences and the major contact languages are reasonably well understood / documented" (p. 129). Consequently, PS uses about 30% of languages from my study, ignoring not only recently discovered ones, but also some well known languages, including those that have been studied by PS himself.

Lexicostatistics is not a very sophisticated procedure; still, it is a statistical analysis whose results depend significantly on the amount of data. It would, therefore, not be surprising if the results of studies based on 30 and a hundred languages were somewhat different. However, as we will see later, this is not the case.

PS's classification is generated based on the lexicostatistical matrix (figure 7, p. 131) in which some languages reveal closer links with Katuic / Bahnaric than other languages from the same branch; thus, for example, Semai and Semelai, but not Jahai.

The Aslian part of Figure 7 forms the following matrix:

	Semelai	Jahai
Semai	40	30
Semelai	×	24

Its interpretation suggests the following tree:

1. Semai, Semelai
2. Jahai

PS writes: "My data set, with cognate assignments and commentary is publicly available via my website..." (p. 129). Five Aslian languages are represented in this database, with most of the forms and etymologies identical to [Peiros 2004]³.

StarLing analysis of PS's Aslian data from his website (no changes have been made, even in the cases of my original typos) generates the following matrix:

² In my own work, I rely on Sergei Starostin's StarLing with its more than 20 years of success.

³ I have never heard about etymologies changing their authorship upon the actual forms (including some typos) being copied from one source into another.

	Kensiw	Jahai	Ja-Hut	Semai	Temiar	Semelai
Kensiw	×	63	48	37	38	33
Jahai	63	×	53	43	44	30
Ja-Hut	48	53	×	56	50	46
Semai	37	43	56	×	51	46
Temiar	38	44	50	51	×	34
Semelai	33	30	46	46	34	×

The tree constructed based on this matrix is:

1. Southern: Semelai
2. (i) Northern: Kensiw, Jahai;
(ii) Senoic: a. Ja-Hut, Semai,
b. Temiar.

This classification of Aslian languages is identical to the one in [Peiros 2004] and very close to [Diffloth 2005]. Predictably, StarLing generates a better result than GlotPc.

The Bahnaric group is obviously the largest in AA, and is formed by at least five branches [Diffloth 2005, Peiros 2004]. In his paper PS uses only three languages: Bahnar, Jru, and Stieng (they belong to three different branches), and gets the following matrix:

	Jru	Stieng
Bahnar	50	47
Jru	×	41

There are nine Bahnaric languages in PS's database. About 15% of the etymologies are different from [Peiros 2004], mainly because PS identifies many forms as borrowings. I do not agree with most of these identifications, but even if we accept them, StarLing generates the same tree as in [Peiros 2004]. Could this be just a coincidence?

	Bahnar	Tampuan	Jeh	Sedang	Jru	Nhaheun	Sre	Stieng
Bahnar	×	67	58	59	54	51	45	54
Tampuan	67	×	54	53	52	49	49	51
Jeh	58	54	×	60	59	58	44	49
Sedang	59	53	60	×	52	50	37	40
Jru	54	52	59	52	×	88	41	46
Nhaheun	51	49	58	50	88	×	40	43
Sre	45	49	44	37	41	40	×	67
Stieng	54	51	49	40	46	43	67	×

Bahnaric:

A. Southern: Sre, Stieng.

B. i. Western: Jru, Nhaheun;

ii. a. Bahnar, Temiar;

b. Northern: Jeh, Sedang.

Let us now combine the matrices for the Aslian and the Bahnaric languages:

	Ken	Jah	Ja-H	Semai	Tem	Semel	Bah	Tam	Jeh	Sed	Jru	Nha	Sre	Sti
Kensiw	×	63	48	37	38	33	20	16	19	18	17	15	18	17
Jahai	63	×	53	43	44	30	20	18	19	18	19	15	21	19
Ja-Hut	48	53	×	56	50	46	29	27	33	30	33	29	29	30
Semai	37	43	56	×	51	46	29	23	27	26	25	23	26	29
Temiar	38	44	50	51	×	34	23	23	22	27	22	20	22	23
Semelai	33	30	46	46	34	×	33	33	32	31	32	31	28	29
Bahnar	20	20	29	29	23	33	×	67	58	59	54	51	45	54
Tampuan	16	18	27	23	23	33	67	×	54	53	52	49	49	51
Jeh	19	19	33	27	22	32	58	54	×	60	59	58	44	49
Sedang	18	18	30	26	27	31	59	53	60	×	52	50	37	40
Jru	17	19	33	25	22	32	54	52	59	52	×	88	41	46
Nhaheun	15	15	29	23	20	31	51	49	58	50	88	×	40	43
Sre	18	21	29	26	22	28	45	49	44	37	41	40	×	67
Stieng	17	19	30	29	23	29	54	51	49	40	46	43	67	×

Here we see that Jahai (and Kensiw) have lower percentages with Bahnaric languages than with those of other Asian languages. PS noticed the same pattern in other groups as well and suggested the following explanation: “It is possible that to some extent the data of individual languages includes some cases of more rapid lexical replacement that are complicating the picture. This said, we still have a stark geographic correlation: the closer any language or branch is to Katuic or Bahnaric, the higher percentage of cognates will be found with Katuic and/or Bahnaric” (p. 130). Unfortunately, these two sentences contain at least two misleading statements.

1. It is not clear how the geographical proximity is estimated, but the distance between Jahai and Katuic/Bahnaric is shorter, since Semai and Semelai are actually spoken further to the south from Jahai.
2. PS talks about “rapid or faster rate of change” on two occasions. In note 5 he wrote: “Peiros mentions the possibility of faster rate of change in Nicobarese, but did not take it into account” (p. 129). My Russian text, however, says: “It is not impossible that the suggested 1,500 years gap [between Nicobarese and other AA languages] will be reduced in the process of further etymological studies” [Peiros 2004: 25].

Let us discuss this second occasion. What does “rapid rate change” actually mean? No reliable examples of such phenomena are truly known to linguists⁴, making this expression un-

⁴ See the discussion of Blust’s [2000] proposal in [Peiros 2000].

substantiated. Yet, at the same time, in many lexicostatistical matrices one can indeed see cases when one language's percentage of words shared with other related languages seems to be much lower than expected.

Modern lexicostatistics is not only about counting percentages; it also includes a study of relevant etymologies, and there should be no disagreements between these two tasks. Such an approach was introduced by Sergei Yakhontov in his public talks in the 1970s. One of Yakhontov's examples was as follows: "Suppose that we have three languages (A, B, and C) which share 15% similarities, however, etymologically identical words in A and B are not the same as etymologically identical words in A and C. In such cases we cannot claim that all of these languages form the same family; related languages always share words of common origin"⁵.

A (diagnostic) lexicostatistical list of any language consists of several types of words. For example, in English there are:

1. words of the same origin as in other Germanic languages included in the LS study ('all', 'ashes', 'bite', etc.);
2. words with Germanic etymologies whose reflexes in other languages are not represented in their LS lists ('kill', 'meat', 'smoke', etc.);
3. borrowings from Old Norse ('bark', 'skin', etc.) and Old French ('mountain', 'round');
4. words of unknown origin ('big', 'bird', 'dog', etc.).

In the case of English, with its long tradition of etymological studies, most of the words on the list belong to groups 1–3, and only a few have an unknown origin. In lesser known languages one would expect a much higher percentage of words from group 4. Some words could also be missing altogether (if they are not represented in available sources, or if the corresponding notion is not known to the speakers⁶).

Starostin (2000) suggests a uniform treatment for borrowings and missing forms that interprets them as lack of information for LS-calculations: situations in which we are not dealing with uninterrupted development from the previous historical stage. If so, the position of a language in a LS-classification is determined by the ratio of words from group 1 to the combined amount of words in groups 2 and 4 (but not 3).

A word may be called a "borrowing" only if its origin is known, i. e. linguists have identified a word in another language which had served as the source of borrowing. If such a source is not identified, we cannot truly call it a "borrowing" and must place it in group 4 rather than in group 3. In doing this, we increase the amount of unique words, and thus increase the distance of the respective language from other related languages.

Jahai reveals exactly this type of situation, since many of its words are not found in other Aslian or AA languages (*karwaw* 'bird', *ʔam* 'breast', etc.). Therefore, it is possible that at least some of these words were borrowed from unidentified sources, and thus, must be attributed to group 3 rather than group 4. It is currently impossible to identify these words, since their traces are seen only in the LS matrix. No traces of such potential "borrowings" are detected in other Aslian languages which, probably, did not experience similar influence from unknown donor(s). The same explanation can be offered for other similar cases mentioned by PS (Mal and Khasi Wa).

⁵ This is according to my recollection of Yakhontov's position.

⁶ A good example is the notion *horn*, unknown in the languages of Australia and Oceania.

Summarizing PS's lexicostatistical investigation, we can conclude:

1. StarLing provides much better results than GlotPc.
2. When applied to a larger set of languages from PS's electronic database, StarLing generates results similar to those given in [Peiros 2004], even if one accepts PS's own etymological assignments (although I do not agree with most of them).
3. Both matrices (generated by StarLing and GlotPc) reveal no indisputable traces of influence from Katuic / Bahnaric on other AA languages.

The main goal of PS's paper is to localize the AA homeland. In addition to "lexical" arguments discussed above, he also relies on geographical distribution of modern languages to conclude: "... since the greatest number of AA branches is spoken along an axis that runs roughly southeast to northwest along the middle course of the Mekong river, it is reasonable to suggest that the AA language dispersed along and out from this axis. This theory is provisionally called the *Austroasiatic Central Riverine Hypothesis*" (p. 118).

Looking at the flat map of the region like the one given on p. 118 of PS's paper, it may be easy to imagine the Munda migrating to India directly from Laos or Vietnam, forgetting that even today such a journey is not possible due to the rough terrain in between.

Localization of a homeland requires more than simply pin-pointing the place of the highest linguistic diversity. A multifocal approach had been used by Diffloth [2005], but, obviously, was not appreciated by PS. Diffloth mentions three linguistic issues⁷ related to localization:

1. "A rich lexicon for rice terminology is reconstructible to PAA, making it evident that the people who spoke this language were thoroughly familiar with rice agriculture" [Diffloth 2005: 77].
2. "In the reconstructed PAA lexicon there are names for animal species which are restricted to humid tropics. The floral vocabulary would probably lead to the same conclusion, but it is more difficult to reconstruct at present" (ibid.).
3. "The geographic distribution of the thirteen branches of AA (Munda plus MK) would imply a center of greatest historical diversity in the region which encompasses the fertile flood plains of the Irrawaddy in Burma and the lower Bramaputra in Assam and Bangladesh" (p. 78).

Remarkably, Diffloth was not able to reconcile his three sources of information, so the question was intentionally left unanswered.

After mentioning Diffloth's hypothesis, PS switches to the localization proposed by Peiros and Shnirelman [1998], saying "[they] have asserted that the AA lexicon indicates a non-tropical, non-coastal location. Combining this idea with data about the mid-Holocene climate, and supposed lexical isoglosses with Hmong-Mien languages (some two dozen or more supposed resemblances), they proposed an origin on the mid-Yangtse river" (p. 119).

However, Shnirelman's and my own view as it was given in the paper is quite different. Having studied the linguistic data, we came to the conclusion that, since (i) the reconstructed AA lexicon does not contain any words associated with the sea coast, and (ii) there are no clear indications of any tropical environment, "...the Austro-Asiatic homeland was located in mainland eastern Eurasia in an area with a non-tropical climate: the sub-tropics or the mountainous region" and, further: "... was located somewhere near the Middle Yangtze River Val-

⁷ The paper also discusses the somatic diversity of AA people.

ley” [Peiros, Shnirelman 1998: 380]⁸. It is not clear why PS has omitted the suggested possibility of mountainous regions near the Yangtze, the importance of which will be discussed later.

Let us, however, see what else PS has to say on the subject: “This view dovetails with philologists’ suggestions of various AA etymologies for words of uncertain origins in classical languages of China...” (p. 119)⁹. Here PS mentions Schuessler’s [2007] discovery of hundreds of AA loans in Chinese. Instead of offering specific explanations for these loans, PS prefers to brush them off: “Generally these philological arguments have the following character: there are a handful of close phonetic and semantic matches which are intriguing, plus there are scores or more of vague resemblances which cannot be organized into any system of regular correspondences” (ibid.). Thus, a handful of good matches is equaled to a total lack of information, simply because “unfortunately this is what one expects to find when comparing unrelated but typologically similar languages” (ibid.).

Personally, I am not aware of any such meaningless collections of forms and have reasons to doubt that such a situation is possible. My own experience suggests the opposite situation: it is *very* difficult to find a significant number of good matches between any two languages (comparable in quantity and quality to Schuessler’s collection of Chinese-AA parallels) and show that they have been caused only by chance.

At the end of his discussion PS writes: “After all, the various philological arguments suppose localizing proto-AA in places where little or none of the diversity of the AA phylum is presently found. There are no AA speaking communities along the middle Yangtze or in China’s southeastern provinces” (p. 119).

This is another misleading statement. It is true that there are no *modern* AA speakers in the region, since today, the majority of the population speaks Chinese, and not much is known about the languages spoken there about 7,000 years ago. But from various Chinese sources we know that as late as two thousand years ago several states, such as Yuè, Chǔ, or Bā, were populated by non-Chinese peoples (although not all of them were necessarily speakers of AA). Intense processes of Chinese migration and cultural assimilation that started around that time, eventually wiped out the original ethnic diversity of that region. Thus, PS’s argument about the modern situation is hardly of any value.

According to glottochronology, the disintegration of Proto-AA began about 8,000 years ago or somewhat later, depending on the treatment of Nicobarese material [Peiros 2004: 34]. Diffloth estimates that the disintegration took place about a thousand years later (5,000 BCE), but provides no reasons for this suggestion [Diffloth 2005: 79]. It should be noted that glottochronology provides information on the time range during which the protolanguage has already begun to disintegrate, which often coincides with the beginning of migrations out of the original homeland; a more or less homogeneous protolanguage may be significantly older.

Employing solely linguistic methods, homelands may be localized in three different spaces — geographical, ecological, and cultural — which do not necessarily coincide with each other [Peiros 1997]. An additional, «ethnic», space will be introduced later.

Geographic space: to localize a certain proto-language’s homeland in this space we can use the method of «geographic pin-pointing», based on tracing possible migrations of speakers according to their current location on geographic maps. A region in which genetically diverse

⁸ In his presentation of this suggestion, PS, for some reasons, has omitted the mountainous regions, but added a misleading connection with Miao-Yao.

⁹ It is hard to understand what is PS’s exact meaning when he talks about “classical languages of China”; only Classical Chinese is known in the area, although from much later periods.

languages are represented is more likely to have been the original homeland than a linguistically homogeneous region. This method depends on a previously established genetic classification of languages and provides information on the relative distances that separate them.

However, «geographic pin-pointing» also has some serious theoretical restrictions, since the observed diversity does not always represent the original situation:

1. Languages from different branches could have been brought to the same area over the course of a single or several independent migrations.
2. Linguistic diversity may be caused by non-genetic reasons. E. g., Chinese dialects are more diverse in the south of the country, although their common ancestor was spoken in the north.
3. «Refuge zones», where various languages are cramped in a small area, may also be a cause for erroneous interpretation.

Modern distribution of AA languages suggests that the ancient speakers predominantly moved along river valleys and not across mountains: they are found on the Brahmaputra, Irrawaddy, Salween, Mekong, and their tributaries. Only Aslian and Nicobarese languages do not follow this pattern. Later movements, perhaps, followed other routes, as is shown by the spread of Vietnamese or Monic.

Based on general considerations, one can suggest that the starting point of the original AA migrations was the area of modern Southern Sichuan, or somewhat to the west from there, not far from the Yangtze valley. From there, ancient AA speakers were presumably able to reach the valleys of the major rivers of Southeast Asia¹⁰. It also possible that they moved down the Yangtze, although this area is now occupied by Chinese speakers who migrated there relatively late.

Since many modern AA languages are spoken in the mountains, it is possible that this reflects the original situation: the homeland was located not at the bottom of a tropical valley, but on much higher grounds.

Ecological space: localization in a certain ecological space is based on the results of lexical reconstruction, as well as the assumption that, if a certain word is used in a language, its speakers are actually familiar with the exact object/notion that it represents¹¹. Analysis of such words can provide us with some information about the natural world which surrounded its speakers, e. g.:

- a list of wild plants typical of a particular zone, like ‘Siberian cedar’, ‘mangrove’, or ‘mulga trees’;
- a list of wild animals, such as ‘crocodile’, ‘polar bear’, ‘koala’, etc.;
- sometimes, names of specific natural phenomena, such as ‘monsoons’, ‘Northern lights’, ‘earthquakes’, etc.

A justified list of such words can, in theory, describe the ecological zone (an intersection of climatic, floral and faunal zones) in which the protolanguage was spoken. It is clear, however, that one cannot expect to find this zone on a modern map; only data from paleoclimatology, paleobotany, and paleozoology would make it possible.

¹⁰ It is still not clear how they have managed to cross the ridges between the valleys.

¹¹ This does not imply, however, that the absence of a certain word necessarily marks the absence of the corresponding idea.

«Pin-pointing» an ecological zone for AA requires a thoroughly representative etymological dictionary, which is yet to be completed. As it has been already mentioned above, Diffloth [2005: 77] presents a list of “... names for animal species which are restricted to humid tropics”¹²:

- #*tərkuət* Land, or tree monitor *Varanus bengalensis*, or *V. nebulosus*
- #(*bən-*)*jo:l*, #*j(ərm)o:l* Ant-eater *Manis javanica*
- #*tənriak* Buffalo *Bubalus bubalus*
- #*tənyu:ʔ* Bear-cat *Arctitis binturong*
- #*kiač* Mountain goat *Capricornis sumatrensis*
- #*kaciaŋ* Asian elephant *Elephas maximus*
- #*mra:k* Peacock *Pavo muticus*
- #*rəma:s* Rhinoceros *Dicerorhinus sumatrensis*
- #*dakan* Bamboo-rat *Rhizomys sumatrensis*

Upon first glance, the list should support a tropical localization, but a more detailed interpretation shows that the consequences are not quite as straightforward. Two problems, in particular, are of major concern:

- (a) How precisely can one reconstruct the zoological identifications of these faunal terms?

As a first example, let us take *Varanus*¹³. *Varanus bengalensis* or *Varanus nebulosus* is found in a zone that stretches from Iran to Indonesia, including South China. Is it, however, possible to demonstrate that the semantic reconstruction should be specifically *Varanus bengalensis*? As far as I can tell from known linguistic data¹⁴, the actual spectrum of the meanings for this item can be ‘any big lizard (including monitors)’, which makes the distribution much wider.

Next, *Manis javanica* is quite similar to *M. pentadactylos* (Chinese pangolin), which is found from East Nepal to Central and South China, including Taiwan. If we reconstruct the meaning as simply ‘ant-eater’, there will no longer be any strong link with the tropics.

Finally, elephants are still found in Yunnan, and pink-tusked elephants (*Elephas maximus rubridens*) were hunted in Central China as late as the 14th century BCE.

- (b) Geographical distribution of animal species 7–8 thousand years ago must have been different from what we observe today. It is quite probable that animals listed by Diffloth, or, perhaps, different, but very similar species, lived not only in India and Burma, but also in Sichuan and Yunnan, as well as in Southern China and Vietnam.

Cultural space: any speech community is characterized by a certain technological repertoire and a material cultural complex that is based on it. Under this distinction, the fact that a certain community breeds sheep belongs to its technological repertoire, but the exact manner in which this is done is a characteristic of the corresponding material culture. Technological repertoire is not connected with a specific community — rather, many communities share it. The material culture of a community depends on its technological repertoire, but its elements are often community-specific.

¹² The forms marked with # are not fully reconstructed, but represent reasonable approximations.

¹³ Since I am not a zoologist, this information had to be extracted from Wikipedia.

¹⁴ Diffloth does not list the reflexes of his reconstructions in daughter languages.

It seems that using linguistic methods, one can identify only the technological repertoire of a community, but not its specific material culture. Therefore, if there are several similar archaeological cultures in the same region, it is almost impossible to connect the speech community with a specific one of them, excluding the others.

Any food-producing technological repertoire can be characterized by its achievements in agriculture and stock-raising. Information on agriculture includes:

— a list of cultivated plants and their relative value (for instance, rice is a common crop, millet is not);

— a description of agricultural techniques, such as slash-and-burn practice, etc.

Similarly, information on stock-raising consists of:

— a list of domesticated animals and their relative roles in the community;

— a description of animal usage.

If one can find additional information, such as knowledge of metals, data on hunting, fishing, seafaring, etc., the description of the technological repertoire could be quite detailed.

The AA cultural lexicon has two particularly prominent features:

(a) there are no names for any metals;

(b) there is a set of words closely associated with rice agriculture:

Rice plant $^*(kə)ba:ʔ$

Rice grain $^*rəŋko:ʔ$

Rice outer husk $^*cəŋka:m$

Rice inner husk *kəndək

Rice bran $^*phe:ʔ$

Rice-compliment $^*kəntu:ʔ$

(cooked food other than rice)

As of now, we have no indications that proto-AA speakers might have borrowed their agricultural knowledge from another language, or have inherited it from their ancestral group¹⁵.

It is important to mention that the set indicates a well-developed knowledge of rice agriculture rather than merely an incipient stage. Some scholars believe that rice was domesticated in two different regions: South Asia and the middle Yangtze, from where it was brought to lower Yangtze around 6,000 BCE [Fuller et al. 2008]. The suggested middle Yangtze localization of the AA homeland does not contradict this belief, but possibly indicates a long-term existence of AA speakers not far from the original area of rice domestication.

In my AA database there is also at least one word for a root vegetable ($^*təro \sim ^*təraw$) whose reflexes in daughter languages display meanings such as ‘taro’ or ‘arum’. No words for other crops, such as ‘millet’, are found.

Ethnic Space: localization of a certain protolanguage X in an ethnic space surmises identifying its linguistic neighbors. This can be done by means of analysing borrowings from and into X.

It is possible that in the future we will be able to detect other areas of contacts, but at the current stage of our knowledge only two directions of research are relevant: potential contacts with Proto-Austronesian and Proto-Sino-Tibetan.

The problem of Austronesian contacts cannot be solved before we have worked out the details of the internal classification of Austric.

¹⁵ Terms for rice could not be reconstructed in the etymological list for Proto-Austric that was compiled by Sergei Starostin and myself about ten years ago.

It has been suggested ([Peiros 1998] and elsewhere) that the Austric superfamily is formed by two branches: Austronesian + Tai-Kadai (Austro-Tai) and Austro-Asiatic + Miao-Yao. Proto-Miao-Yao and Proto-Tai-Kadai are much younger than Proto-AA, with only Proto-Austronesian being roughly of the same age. S. Starostin and I have proposed a set of phonological correspondences between Proto-Austro-Asiatic and Proto-Austronesian, based on a few hundred discovered lexical comparisons¹⁶. Some of these comparisons may, in fact, represent borrowings, but the current level of Austric comparative linguistics does not permit their identification.

The Austric theory, even at its current stage of development, suggests that the AA homeland must be located much further east than India and Burma, where other Austric languages are spoken. Otherwise, we would need to accept migrations of other Austric groups to the east.

There is a significant number of words that are similar between Proto-AA and Proto-Sino-Tibetan, which I plan to discuss in a separate publication. Some of them can also be found in Schuessler's etymological dictionary of Chinese [2007] and in [Peiros 1998: 226–27]. Their preliminary analysis suggests that the protolanguages were in contact, with borrowings travelling in both directions. Important cultural terms, such as the words for rice, were, however, excluded from this process. If my suggestion that the Sino-Tibetan homeland was located somewhere in the Sub-Himalayas [Peiros 1998] is correct, the AA homeland must have been nearby.

As may be seen, the discussed evidence altogether supports the proposal that the AA homeland was located somewhere not far from the mid-Yangtze valley, probably in the nearby mountains in modern Sichuan, as has been suggested by Peiros and Shnirelman in 1998.

References

- ALVES, Mark J. (forthcoming). A look at North-Central Vietnamese. In *Papers from the Thirteenth Annual Meeting of the Southeast Asian Linguistics Society*. Arizona State University Press. Pre-publication electronic version: http://www.geocities.com/malves98/Alves_Vietnamese_Northcentral.pdf.
- ALVES, Mark J.; & Nguyễn, Duy Hương. (2007). Notes on Thanh-Chuong Vietnamese in Nghệ-An province. In M. ALVES, M. SIDWELL, & D. GIL (Eds.), *SEALS VIII: Papers from the 8th annual meeting of the Southeast Asian Linguistics Society 1998* (pp. 1–9). Canberra: Pacific Linguistics, The Australian National University, Research School of Pacific and Asian Studies. Electronic version: http://pacling.anu.edu.au/catalogue/SEALSVIII_final.pdf.
- BLUST, R. 2000. Why lexicostatistics doesn't work: the "universal constant" hypothesis and the Austronesian languages. In C. RENFREW, A. MCMAHON and L. TRASK (eds.) *Time Depth in Historical Linguistics*, Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research, vol. 2: 311–332.
- EMENEAU, M. B. 1947. Homonyms and puns in Annamese. *Language*, 23 (3), 239–244.
- DIFFLOTH, G. 1974. Austro-Asiatic Languages. *Encyclopedia Britannica*.
- DIFFLOTH, G. 2005. The contribution of linguistic palaeontology to the homeland of Austro-Asiatic. In: L. SAGART, et al. (eds.) *The Peopling of East Asia: Putting Together Archaeology, Linguistics and Genetics*. New York: Routledge. Pp 79–82.
- FULLER, D., Ling QIN, and E. HARVEY. 2008. Evidence for a late onset of agriculture in the Lower Yangtze region and challenges for an archaeobotany of rice. In: A. SANCHEZ-MAZAS et al. (eds.) *Past Human Migrations in East Asia*. New York: Routledge, pp. 40–83.
- HOÀNG, Thị Châu. 1989. *Tiếng Việt trên các miền đất nước: Phương ngữ học* [Vietnamese in different areas of the country: Dialectology]. Hà Nội: Khoa học xã hội.
- HONDA, Koichi. 2006. F0 and phonation types in Nghe Tinh Vietnamese tones. In P. WARREN & C. I. WATSON (eds.), *Proceedings of the 11th Australasian International Conference on Speech Science and Technology* (pp. 454–459). Auckland, New Zealand: University of Auckland. Electronic version: <http://www.assta.org/sst/2006/sst2006-119>.

¹⁶ The comparisons exist in the form of computer databases and have been used several times in presentations given in Moscow and Santa Fe in 2003 – 2004, but, for the most part, remain unpublished.

- NGUYỄN, Đình-Hoà. 1995. *NTC's Vietnamese-English dictionary* (updated ed.). NTC language dictionaries. Lincolnwood, Illinois: NTC Pub. Press.
- PEIROS, I. 1989. Linguistic history of the Asian East (in Russian). In I. PEIROS (ed.), *Lingvističeskaja rekonstrukcija i drevnejšaja istorija Vostoka* (Linguistic Reconstruction and the Ancient History of the Orient), 4 vols. Moscow: Nauka, vol. 1: 167 – 178.
- PEIROS, I. 1997. Is a Correlation between Archaeological and Linguistic Reconstructions Possible? In R. BLENCH and M. SPRIGGS (eds.), *Archaeology and Language*, vol. 1. London and New York: Routledge, pp. 149–157.
- PEIROS, I. 1998. *Comparative Linguistics in Southeast Asia*. Pacific Linguistics, Series C-142.
- PEIROS, I. 2000. Family diversity and time depth. In C. RENFREW, A. MCMAHON and L. TRASK (eds.), *Time Depth in Historical Linguistics*, vol. 1: 75–108. The McDonald Institute for Archaeological Research. Cambridge.
- PEIROS, I. 2004. *A Genetic classification of Austroasiatic languages* (in Russian). Moscow: RGGU.
- PEIROS, I and V. SHNIRELMAN. 1997. Rice in South-East Asia: regional interdisciplinary approach. In R. BLENCH and M. SPRIGGS (eds.), *Archaeology and Language 2*. London and New York: Routledge, pp. 379–389.
- PHAM, Andrea Hoa. 2005. Vietnamese tonal system in Nghi Loc: A preliminary report. In C. FRIGENI, M. HIRAYAMA, & S. MACKENZIE (eds.), *Toronto working papers in linguistics: Special issue on similarity in phonology* (Vol. 24, pp. 183–459). Auckland, New Zealand: University of Auckland. Electronic version: http://r1.chass.utoronto.ca/twpl/pdfs/twpl24/Pham_TWPL24
- PINNOW, H.-J. 1963. The Position of the Munda languages within the Austroasiatic language family. In: H. L. SHORTO (ed.) *Linguistic Comparison in Southeast Asia and the Pacific*. London: SOAS, pp. 140–152.
- SCHUESSLER, A. 2007. *ABC Etymological Dictionary of Old Chinese*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- SIDWELL, P. 2010. The Austroasiatic central riverine hypothesis. *Journal of Language Relationship*, 4: 117–134.
- STAROSTIN, S. 2000. Comparative-historical linguistics and lexicostatistics. In C. RENFREW, A. MCMAHON and L. TRASK (eds.), *Time Depth in Historical Linguistics*, Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research, v2, pp. 223–259.
- THOMPSON, Laurence C. 1991. *A Vietnamese reference grammar*. Seattle: University of Washington Press. Honolulu: University of Hawaii Press. (Original work published 1965).
- VŨ, Thang Phương. 1982. Phonetic properties of Vietnamese tones across dialects. In D. BRADLEY (ed.), *Papers in Southeast Asian linguistics: Tonation* (Vol. 8, pp. 55–75). Sydney: Pacific Linguistics, The Australian National University.
- VƯƠNG, Hữu Lễ. (1981). Vài nhận xét về đặc điểm của vần trong thổ âm Quảng Nam ở Hội An [Some notes on special qualities of the rhyme in local Quang Nam speech in Hoi An]. In *Một Số Vấn Đề Ngôn Ngữ Học Việt Nam* [Some linguistics issues in Vietnam] (pp. 311–320). Hà Nội: Nhà Xuất Bản Đại Học và Trung Học Chuyên Nghiệp.

В одной из своих недавних публикаций («Гипотеза “центрально-речной” прародины австроазиатской семьи», ВЯР 4), П. Сидвелл выдвинул новую теорию, согласно которой исходную прародину праавстроазиатского языка уместнее всего локализовать в долине р. Меконг (Индокитай и прилегающие территории). Основной целью настоящей статьи является анализ выводов, полученных Сидвеллом, как чисто лингвистический (с опорой на лексикостатистику), так и в сравнении с данными о географической дистрибуции, культурной и экологической специфике, а также этническом окружении праавстроазиатского языка и его носителей. Автор приходит к выводу, что общий комплекс данных чаще противоречит теории Сидвелла, чем подтверждает ее, и что, таким образом, нет никакой необходимости ни отвергать старую гипотезу о возможной прародине австроазиатской семьи в районе среднего течения р. Янцзы (И. Пейрос и В. Шнирельман), ни пересматривать существующие модели внутренней классификации языков австроазиатской семьи (Г. Дифлот, И. Пейрос) для того, чтобы лучше согласовать их с «центрально-речной» гипотезой, во многом скорее умозрительной, чем подтверждаемой конкретными фактами.

Ключевые слова: австроазиатские языки, сравнительно-исторический метод, лексикостатистика, лингвистическая прародина.

On Mimi

The paper addresses the, as of yet, unresolved issue of the genetic affiliation of the so-called “Mimi” languages — two separate idioms recorded more than a hundred years ago in the Wadai-Darfur region of Northern Africa (a third idiom that also used to be called “Mimi” has already been uncontroversially demonstrated as a close relative of the much better known Fur language). Although many researchers, following J. Greenberg, have generally settled on affiliating both of these languages with the Maba group, a close analysis of available lexical data, with emphasis on the internal distribution and etymologization of proposed Maba cognates, shows that only one of the two idioms (“Nachtigal’s Mimi”) yields enough evidence to accept its (somewhat distant) relation to Maba as a working hypothesis. Relations of the other idiom, “Decorse’s Mimi”, with the Maba group, on the other hand, should more reasonably be interpreted as areal, with the language’s genetic provenance remaining somewhat of a mystery; this particular issue will most likely remain unresolved until a better understanding of the internal classification of the Nilo-Saharan macrofamily is gained.

Keywords: Nilo-Saharan languages, Mimi language, Maba languages, lexicostatistics, language taxonomy, comparative method, language relationship, Swadesh wordlist.

General information

Over a period spanning around a hundred years, data from at least three different languages have been recorded as representing the speech of a tribe or a number of tribes called “Mimi”, located around the Wadai-Darfur region. As of now, two of these are most probably extinct (at least, no new data have surfaced since the original attestation), leaving behind the problem of determining their genetic affiliation based on relatively scant and, quite likely, inadequately transcribed lexical data.

Chronologically, the first linguistic records on a “Mimi” language were made by Gustav Nachtigal around 1870 during his ethnographic work in Eastern Sahara; they remained unpublished for more than half a century, before finally emerging as [Lukas & Völckers 1939]. Thirty-plus years later, another wordlist, collected by G. J. Decorse, was published in M. Gaudefroy-Demombynes’ survey work on several languages of the Ubangi-Shari area [Gaudefroy-Demombynes 1907: 322–329].

Although both of these publications allegedly dealt with the same “Mimi”, it very soon became clear that the two lists could hardly belong to two different dialects of the same language or, indeed, even two different, but closely related languages. A. N. Tucker, in particular, remarked that “the linguistic material (vocabularies) collected by these two authorities... shows remarkably little correspondence” [Tucker & Bryan 1956: 53], and refrained from any attempts at classification.

J. Greenberg initially noted what seemed to be significant lexical resemblances between “Decorse’s Mimi” (Mimi-D) and what was then known of the Maba¹ group of languages, geo-

¹ *Maba*, or *Maban*, languages, spoken in Wadai-Darfur, should by no means be confused with *Mabaan*, a language uncontroversially affiliated with the Western Nilotic family (the confusion has, unfortunately, perpetrated

graphically contiguous with “Mimi”-speaking areas; he was, however, far more reserved about any such links with “Nachtigal’s Mimi” (Mimi-N) [Greenberg 1950]. Nevertheless, by the time that his African classification was finalized, he was already feeling more secure in that department as well; the Maban group, as a primary constituent of his “Nilo-Saharan”² macrophylum, consists of such “properly Maban” languages as Maba and Runga and also includes both Mimi-D and Mimi-N [Greenberg 1966: 130]. However, Greenberg does point out that Mimi-D is much closer to “proper Maban” than Mimi-N [Greenberg 1971: 426], which would seemingly explain his original hesitation.

In the meantime, a *third* “Mimi” had surfaced, in the form of some brief fieldnotes taken by H. Jungraithmayr in Abeche in 1959. Having compared these findings with the previously published lists of Mimi-N and Mimi-D, Jungraithmayr concluded that all three idioms must represent different languages, even mentioning the possibility of a *fourth* “Mimi” (unpublished materials collected by van Bulck and mentioned by name in [Tucker & Bryan 1956: 53]) [Jungraithmayr 1971].

This particular confusion, fortunately, was cleared up almost immediately: already the next year after the publication of Jungraithmayr’s data, they were analyzed by Greenberg, who demonstrated, quite uncontroversially [Greenberg 1972], that “Jungraithmayr’s Mimi” had nothing to do with either Mimi-N or Mimi-D or Maban languages, but represented a separate idiom that was closely related to the well-known and widespread Fur language. Greenberg suggested renaming the third “Mimi” to Biltine, in accordance with the region in which the language was spoken, but the more common term today is Amdang (the autonym of the speakers). Since then, even more data have emerged on “Jungraithmayr’s Mimi” / Biltine / Amdang — first, a slightly more detailed wordlist collected by P. Doornbos (published as part of the survey work [Doornbos & Bender 1983]), and then, quite recently, a 220-item wordlist collected, as part of an SIL survey, by Katharina Wolf in four different Amdang-speaking villages [Wolf 2010]. All of these publications further confirm Amdang’s close relationship with Fur, transforming the former “language isolate” into a two-language family, much to the delight of the comparative-historical linguist (although proper historical research on the Fur-Amdang group is still seriously impeded by lack of data). This matter may, therefore, be considered as settled, and we will exclude the “third Mimi” from further scrutiny³, concentrating exclusively on the issue of “Mimi-N” and “Mimi-D”.

Although J. Greenberg seemed to have relatively little trouble grouping Mimi-D together with Maban (and only moderately bigger trouble grouping Mimi-N with the same), it must be taken into account that the lexical data on Maban, based on which any taxonomic conclusions could have been drawn at the time, was exceedingly scarce. The only Maban language to boast at least a moderately comprehensive grammatical description and vocabulary was Maba itself,

all of the recent versions of the Ethnologue, e. g., [Ethnologue 2009], in which all of the Maba languages are erroneously listed as constituting part of the Maban-Burun subbranch of Western Nilotic). To avoid further confusion, below we will reserve the name *Maban* for the entire group and *Maba* for its most widespread and best studied member.

² I enclose the term “Nilo-Saharan” in quotation marks, here and (for the most part) below, since, as of now, I am not yet fully convinced of the historical reality of this macrofamily within those particular borders that are assigned to it by most of its proponents (J. Greenberg, H. Fleming, L. Bender, Ch. Ehret and others); hopefully, active etymological and lexicostatistical research on language groups that supposedly constitute “Nilo-Saharan”, with the aid of new data, new methods, and new specialists, over the next few years (decades?) will help clarify the issue.

³ The mysterious “fourth Mimi”, recorded by van Bulck, still known only by its name, is quite likely to be the same as the “third Mimi” (Amdang), considering that the autonym of the speakers, according to van Bulck, is also recorded as *anday-ti* [Tucker & Bryan 1956: 53].

due to its significant sociolinguistic stature in the Wadai region; the main works consulted were a monograph by G. Trenga [1947] and a series of papers by J. Lukas on various aspects of Maba phonology and morphology [Lukas 1933, 1952], including a brief collection of published texts [Lukas 1953].

Apart from Maba proper, the only other Maban group language known to Greenberg (and even then, quite tangentially), words from which can be occasionally encountered in his list of Nilo-Saharan comparanda in [Greenberg 1966: 133–148], was Runga (better known today as Aiki). However, Greenberg's main source on this language was nothing more than yet another scant wordlist (186 entries) collected by Decorse and made accessible in the same publication [Gaudefroy-Demombynes 1907] that also yielded the lexical data on Mimi-D. It may be assumed that the remaining scraps of data, such as, e. g., R. Stevenson's officially unpublished records of Masalit (mentioned in [Tucker & Bryan 1956] and partially revealed in [Tucker & Bryan 1966: 193–205]), were unknown to Greenberg at the time that he was working out his African classification, since none of them can be found quoted in [Greenberg 1966].

Thus, both Mimi-N and Mimi-D were basically aligned together with Maban, known today as a rather extensive, if still poorly described, language family, on the strength of their lexical resemblances (grammatical data is, unfortunately, unknown on either of the two Mimis) with Maba proper and little else. In the light of Maba's rather strong linguistic domination in the described region, this, in retrospect, would seem to be somewhat premature: no special attempt had been made to ensure that the observed resemblances were indeed more likely to reflect common genetic origin than a strong areal influence exercised by Maba on the two Mimis. Indeed, no such attempt was possible: J. Greenberg was establishing what essentially amounted to a simple binary connection (minimal available information on Runga notwithstanding), and, with limited data on the Maban side and pitifully limited data on the Mimi side, no proper comparative-historical research on the subject could be carried out by anyone.

In recent decades, however, the situation has changed quite drastically. Although, unfortunately, no new data on either of the two Mimis has surfaced, much has been done to improve our knowledge of the Maban family. Regarding particular languages, Aiki (Runga) has now been given the monograph treatment by P. Nougayrol (grammatical description and mid-size vocabulary in [Nougayrol 1989]), and he has also published a shorter, but quite informative paper on one of Aiki's close relatives, Kibet [Nougayrol 1986]. Masalit is now better understood due to work by J. Edgar, also published as a monograph [Edgar 1989]. New data have been published on Maba as well.

The most important publication of all, however, was J. Edgar's impressive attempt at putting together a comparative lexicon of all varieties of Maban languages [Edgar 1991a] that included data not only from published sources, but numerous hitherto inaccessible manuscripts and fieldwork collections as well. This achievement finally enables researchers to conduct more or less proper comparative-historical work on Maban, and Edgar himself was the first to capitalize on his systematization of the data, coming up with a general classification as well as a preliminary reconstruction of the phonological system of Proto-Maban [Edgar 1991b]. Unfortunately, the latter paper was published already after Edgar's death in April 1991, and since then, very little has been done to continue his research. This means that, if we really want to reassess the issue of Mimi-N and Mimi-D's relationship with Maban, any new analysis of formerly observed lexical resemblances will involve at least a small amount of historical research into the comparative phonology, semantics, and distributional characteristics of the Maban etyma.

To the best of my knowledge, there have only been two attempts at re-evaluating the "Mimi problem" since its tentative solution offered by Greenberg. The first one is to be found

in the general survey work by P. Doornbos and M. L. Bender [1983], who reproduce some parts of the Mimi-N / Mimi-D wordlists and, upon comparing them once again with Maban, tend to agree with Greenberg's classification, although the genetic relationship between Mimi and Maban is seen as a relatively remote one. Based on a selection of 26 lexical items, the authors indicate that Mimi-D shares approximately 9 "cognates" with Maban languages, whereas for Mimi-N the figure oscillates between 2 and 5; furthermore, there are no more than 2 comparable items between Mimi-D and Mimi-N themselves, excluding any possibility of grouping them in a single taxon. However, Doornbos & Bender's lexical selections are not numerous enough to be truly representative and reliable; moreover, they make no analysis of the distribution of the respective "corresponding" forms within the Maban family, essentially leaving the question of "contact vs. relationship" wide open.

J. Edgar, in his comparative vocabulary of Maban languages, had faithfully added all of the Mimi-N and Mimi-D material, without any definitive statements on whether these languages should really be included into Maban genetically or not; according to him, "they remain somewhat mysterious linguistically" [Edgar 1991a: 14]. He is being a little more precise in [Edgar 1991b: 114]:

"...it seems clear from the limited amount of data available that the Mimi lists of Decorse (in Gaudefroy-Demombynes 1906) belong to a Maba-group language, though this needs further investigation. The Mimi lists of Nachtigal (Lukas und Völkers 1938/39) have been renamed Biltine and reclassified as part of the Fur group. As far as I know, Jungraithmayr's (1971) Mimi remains a mystery".

There is an obvious and, most likely, accidental mix-up here: the lists that "have been renamed Biltine" are, in fact, Jungraithmayr's, whereas the Mimi that "remains a mystery" is Nachtigal's. With that correction in mind, Edgar's position is, in fact, identical to Doornbos & Bender's: Mimi-D is likely to be a remote relative of Maban, Mimi-N is just as likely to be not, observed resemblances stemming from occasional contact or simple coincidence. However, Edgar's opinion seems to have rather been molded by the earlier research of Greenberg and Bender than by his own comparisons: in the comparative lexicon, occasional Mimi items are grouped together with Maban forms based on general phonetic resemblance alone, and no Mimi data have been used to work out the historical phonology of Maban in [Edgar 1991b].

Subsequent works on Nilo-Saharan in general have avoided discussion on the status of the two Mimi languages. In his detailed description of the macrofamily, Bender [1997: 23] simply ties both of them in with Maban without any comments, and Ehret [2001: 88] simply lists "Mimi" as part of Maban without even specifying that there are, in fact, two Mimis (closer scrutiny of the comparative data in his dictionary indicates that he does draw a distinction, quoting exclusively or, at least, almost exclusively from Mimi-D).

In the light of all this, it is clearly high time that the issue be reopened once more, if only for the reason that no one, so far, has taken serious advantage of our significantly improved knowledge of Maban languages and our ability to assess their data from a historical point of view, in order to verify earlier hypotheses on Mimi.

Methodology of investigation

Considering that almost no grammatical information is available on either of the Mimis, and that the lexical lists are relatively short, it would make sense to scrutinize *all* of the available information. That way, however, we run a serious risk of picking up disruptive "noise" in

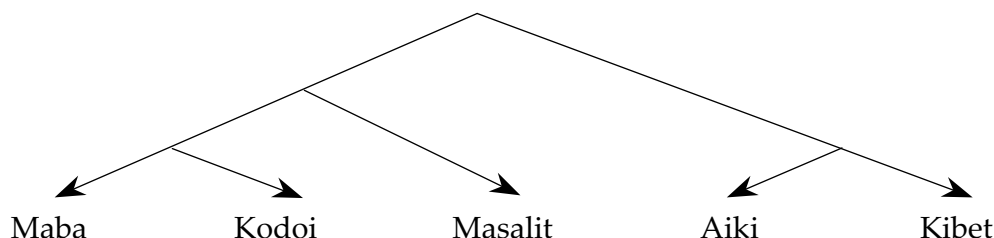
the form of lexical borrowings. In order for our findings to be somewhat conclusive, it is necessary to apply what I call the principle of *dynamic lexical gradation*: range compared lexical items from the ones that are empirically known to be more stable and resistant to borrowing (“basic”) down to those that are more likely to be borrowed under conditions of cultural pressure from the “dominant” language (such as Maba could have been to any of the two Mimi lects). Naturally, in order to demonstrate a high probability of relationship, there must be more matches between the compared languages within the “stable” subset of their wordlists than the “unstable” one.

In practice, the dynamic gradation principle will be enforced as follows. First, we will concentrate exclusively on the “basic lexicon” as represented by the standardized Swadesh list, assuming that, if the relationship cannot be substantiated based on these particular items (of which quite many, if not all, are found among the data on both Mimis), it cannot be demonstrated at all — a principle that holds well for all of the world’s language families without a single exception. Second, we will be dividing the wordlist in two halves based on the average “index of stability” for individual items, calculated in [S. Starostin 2004] and slightly modified for matters of technical convenience in [Starostin 2010]. Primary attention will be paid to the first 50 items on the list, which will be compared — where possible — with their Maban equivalents on phonetic, semantic, distributional and lexicostatistical grounds. Once certain preliminary conclusions have been reached based on this analysis, they may be further strengthened by other kinds of lexical evidence, both in this paper and future studies.

Before proceeding, it is necessary to provide some brief information on the internal classification of Maban, since the family’s tree structure is of vital importance for any external comparison of its data with that of Mimi (or, in fact, any other languages of Africa). My lexicostatistical analysis, based on cognate establishment by means of the comparative method (rather than just phonetic similarity), yields the following matrix (transparent recent borrowings are excluded from calculations):

	Kodoi	Masalit	Aiki	Kibet
Maba	96%	67%	52%	56%
Kodoi		66%	50%	54%
Masalit			58%	57%
Aiki				85%

which may be easily correlated with the following tree structure:

The matrix confirms Kodoi (originally known only through a brief wordlist in [Gaufrey-Demombynes 1907], later described much more thoroughly due to P. Doornbos’ fieldwork, with most of the results published in [Edgar 1991a]) as merely a dialect of Maba proper, and also supports the universally accepted common grouping of Aiki and Kibet (below we will use the tradi-

tional term “Kibet-Runga” to denote this branch). Lexicostatistics also shows that the Masalit language is considerably closer to the Maba dialect cluster than to Kibet-Runga, an argument in favor of a primary binary branching into “Kibet-Runga”, on one hand, and “Maba-Masalit”, on the other. This differs from the results of J. Edgar [1991b], who, based on P. Nougayrol’s wordlist of 115 items (significantly different from the Swadesh list), was not able to perceive a closer affinity between Maba and Masalit than between Maba and Kibet-Runga and, consequently, postulated an original tripartite division, in which the Kibet-Runga cluster was considered “South Maban”, the Masalit cluster was “Central Maban”, and Maba-Kodoi was “North Maban”. However, Edgar obviously did not consider the disturbing effect of loanwords, and, furthermore, quite a few of his cognate judgements, as his work on Proto-Maban shows, are debatable.

The bipartite scheme, presented here, is liable to further corrections as more data on the languages (particularly such poorly described dialectal varieties as Marfa, Karanga, Baxat etc.) become available, but, judging by the distribution of basic cognates, it is unlikely that the Maba-Masalit branch will be invalidated: it is tightly held together by such important Maba-Masalit vs. Kibet-Runga isoglosses as ‘fire’, ‘fat (n.)’, ‘foot’, ‘heart’, ‘meat’, ‘mouth’, ‘tree’, and others — isoglosses that single out Maba, on the other hand, are few and far between, and some of them, as will be shown below, can actually be ascribed to external influence upon Maba (e. g. ‘dog’). Thus, the bipartite division will be assumed as our working hypothesis in the ensuing analysis, with a direct bearing on some of the conclusions.

One important, essentially non-disputable, presumption is that Mimi-N and Mimi-D may or may not be genetically related to Maban, but they most definitely cannot be related more closely to *any particular subbranch* of Maban, except through convergence (contact). Had this been the case (e. g. Mimi-D as part of the Maba-Masalit branch, and Mimi-N as part of the Kibet-Runga branch), the relationship would have been obvious from the very start, and there would have been no need for writing this paper in the first place. We are clearly testing the “elder brother” hypothesis here — namely, that the Mimis simply branched off the “Pre-Proto-Maban” stem before the bipartite division of Maban into Maba-Masalit and Kibet-Runga, i. e. the possibility of whether any of the Mimis could not be the “Anatolian” taxon to Maban’s “Indo-European”. Incorporation of one or both of the Mimis *within* Maban, based on available data, is impossible (and it is hard to imagine how it could be possible even if new data were to surface).

The following abbreviations are used below: (a) for language names: Aik = Aiki, Kib = Kibet, Kod = Kodoi, Mab = Maba, Msl = Masalit, D = Mimi-D = Decorse’s Mimi; N = Mimi-N = Nachtigal’s Mimi; (b) for sources: [Cp.] = data collected by J.-P. Caprile, in [Edgar 1991a]; [Db.] = data collected by P. Doornbos, in [Edgar 1991a]; [Ed.] = data collected by J. Edgar, in [Edgar 1989, 1991a, 1991b]; [Lk.] = data collected by J. Lukas, in [Edgar 1991a; Lukas 1933, 1952, 1953]; [Ng.] = data collected by P. Nougayrol, in [Nougayrol 1986, 1989]; [Tr.] = data on Maba, in [Trenga 1947]. All of the data on Kodoi are from P. Doornbos’ fieldwork, published in [Edgar 1991a] and, consequently, remain unmarked.

50-item wordlist for “Mimi” with comparative analysis

1. **ashes**: Not attested in either of the two Mimis.

2. **bird**: N *kabal-a* ~ *ka:wal-a* (pl. *kawal*); not found in D.

The N word is clearly connected with the Maba word for ‘bird’ as attested in the early dictionary of H. Barth: *kebél*, pl. *kebél-je* [Barth 1862: 201], and is also found in J.-P. Caprile’s field data as *kèbbél*. However, this is quite clearly *not* the primary designation for ‘bird’ in the

group as a whole: that honor belongs to the stem **kuši(-k)* → Mab *kùši-k* [Cp., Db.], *kuši-k*, *kuša-k* [Ed.], Kod *ku:ši-k*, Msl *kúši-k*, *kú:či* [Ed.], *kúči* [Db.], Aik *kòsúi* [Db.], *kòsí* [Ng.], Kib *kòsí* [Db.], *kwòsí* [Ng.] (reconstruction of the vocalism is approximate).

On the other hand, forms with the meaning ‘bird’ and the general syllabic structure of **kVbVIV ~ *kVbVrV* are found quite frequently in the “Nilo-Saharan” area: cf. such examples as Dongolese Nubian *kawirte*, Murle (Surmic) *kiballe-či*, Teda-Daza **kefuri* and many others. Without jumping to conclusions about how much of this diversity is due to genetic or areal connections, we may simply point out that **kebelV ~ *kabalV*, due to lack of its attestation in any language other than Maba, is *not* reconstructible in the meaning ‘bird’ for the entire group (in fact, it is not reconstructible in *any* meaning at all), and that Mimi-N *kabal-* cannot be used as first-order evidence for a genetic relationship with Maban languages.

3. **black:** D *liwuk*; not found in N.

The obvious parallel in this case is the main word for ‘black’ in Maba: Mab *lulio-k*, *lilio-k* [Ed.], *lùlyó-k* [Db.], Kod *lulîyó-k* [Db.]. Again, however, the Maba word is isolated in Maban, and there are two other details that place its archaic nature under doubt: first, the considerable rareness of initial **l-* in Proto-Maban as a whole, second, the rather wide areal distribution of such forms as **lu(y)*, **lul* with the easily compatible semantics of ‘black’, ‘dark’, ‘night’ etc. in geographically close languages (cf., in particular, Tama *luŋni* ‘black’ and Fur *lù:l* ‘night’).

On the other hand, the Maba word certainly exhibits behavior that is typical of “genuine” Maba adjectives denoting colors, cf. *kùkúyà-k* ‘red’, *fāfārà-k* ‘white’, *dridriya-k* ‘green’ etc. Another counter-argument concerns distribution: even if the Maba word has no parallels in the rest of the group, it can still potentially qualify for Proto-Maba status, since all the major branches have their own word for ‘black’ (Msl *dù:-ŋgí*, Aik *dàkán*, and Kib *dìndík* are all phonetically similar, but cannot be reduced to a single proto-stem).

Subsequently, it is possible to suggest either genetic *or* areal relationship between Mimi-D *liwuk* and Maba *lulio-k* (in the latter case, we would have to assume that the borrowing was made into Mimi-D before the word was reduplicated in Maba).

4. **blood:** N *ari* (pl. *ari-si*); not found in D.

The N word is an exact phonetic match with the primary Maba word for ‘blood’: Mab *eri* [Tr.], *àrí*: [Cp.], Kod *arê*. The internal Maban etymology of this item is, however, problematic. The rest of the languages reflect a very similar form, but with initial *f-*: Msl *fàarín ~ fárín* [Ed.], *fàrín* [Db.], Aik *fáai* [Db.], *pày* [Ng.], Kib *fa:l* [Db.], *fal* [Ng.]. In [Edgar 1991b] Maba **ari* and Msl-Aik-Kib **fali ~ *falo* are considered to be part of the same etymology; yet at the same time Edgar explicitly points out the irregularity of the loss of initial *f-* in Maba, which cannot be reasonably explained or confirmed by any other examples. We should also point out that the second consonantal correspondence is irregular as well: Msl-Aik-Kib unequivocally points to an original lateral **-l-*, which is normally preserved in Maba rather than shifted to *-r-*.

In the light of this evidence, it makes sense to strictly separate **fal-* from **ari*, facilitating the comparison between Mimi-N and Maba. However, which of the two stems is an innovation in the Swadesh meaning ‘blood’? The Msl-Aik-Kib stem **fal-* is better represented in the family from a distributional point of view; however, lack of successful internal etymologization for either of the two stems does not allow to exclude the possibility of Maba *ari* being an archaic retention⁴. The Mimi-N / Maba parallel can therefore count as a potential argument in

⁴ Furthermore, it is hard to bypass the phonetic similarity between Maba *ari* and numerous East Central Sudanic forms for ‘blood’ that have the same shape (*ari ~ ari*, sometimes *k=ari* with prefixal *k=* [Tucker 1940: 342–343]).

favor of genetic relationship between the two *or* represent a borrowing (note that the direction would be unclear: simply assuming that Maba is always the donor and the two Mimis are always the recipients could turn out to be an anachronistic mistake).

5. **bone**: N *kaži* (pl. *kaž-i*); not found in D.

The N item is clearly comparable with the main Mab-Msl term for ‘bone’: Mab *kàṃžì-k* [Cp.], *kínžì-k* [Db.], *kanžì-k* [Tr.], Kod *ka:ʔa:nžik*, Msl *kónžì* [Db.], *kónžì* [Ed.]. The Aik-Kib sub-branch has a different set of forms (Aik *žìṅgìr* [Db.], *žìṅgàr* [Ng.], Kib *žìgìdì* [Db.], *nžekedi* [Ng.]) that can be etymologized together with Mab-Msl only under the assumption of a metathesis with subsequent vocalic assimilation (**kəṃžì* → **ṃžòki* → **(ṃ)žìgì*), which would be rather shaky. Nevertheless, the Mab-Msl term is an acceptable candidate for Proto-Maba status, and the lack of a nasal consonant in Mimi-N *kaži* should not be seen as an obstacle for comparison (the cluster *-ṃž-* is not attested in any of Nachtigal’s data, meaning that denasalization in this case could easily have been regular).

6. **claw (nail)**: D *fer*; not found in N.

Forms with the meaning ‘fingernail’ in Maban show a wide variety of variants that go back to clearly composite stems **ṃingirmi*, **kingirmi*, **saṅgirmi*. Regardless of the origins of this variation, none of the variants bear even a passing resemblance to D *fer*.

7. **die**: D *dafaya* (?); not found in N.

The main word for ‘die’ in Maban is a stem that may be reconstructed either as **yi* ~ **iy* (based on the majority of reflexations, e. g. Kod *yî*, Msl *iy* [Ed.], Aik *í* [Db.], *í*: [Ng.]) or, taking into consideration the occasional apparition of a labial element in the root (e. g. Mab *íy* ~ *wì* [Db.], *óy* [Lu.]; Kib *iy* ~ *uy* [Db.]), as **ɔy* with subsequent vocalic assimilation. In any case, this verbal root has no parallels in Mimi.

The strange Mimi-D form *dafaya* is nearly identical with Kod *t=afay-a* ‘death’, a nominal derivative from Maba *àfây* ‘to be lost, go astray; (fig.) to die’. This would suggest, first of all, that the D form is really a noun (it certainly does not look like a simple verbal root), and, second, that it is most probably a recent borrowing from one of the Maba dialects (since Mimi-D clearly may not have a closer genetic affinity with Maba than Maba has with Masalit, Aiki and the other Maban languages, this particular agreement between the two on the matter of a morphologically and semantically complex derivation is much better explained through horizontal rather than vertical transmission).

8. **dog**: N *ṃuk* (pl. *ṃuge-si*); not found in D.

A direct match with Mab *ṃûk* [Cp., Db.], *ṃug*, *miug* [Ed.], Kod *ṃuk*. Beyond this superficial comparison, however, there are significant problems. The most widely distributed etymon for ‘dog’ in Maban is met in two variants: (a) **iṃž-* → Msl *ínžè*, *ínžì* [Db.] and (b) **mìṃ*, pl. **mìṃž-* → Aik, Kib *mìṃ* [Ng.], *mìṃ*, pl. *mìṃžì* [Db.]. Both are easily reconcilable under the plausible assumption that *m=* in Aik-Kib is a fossilized possessive prefix of the 1st p., i. e. = ‘my dog’ (as in Msl *m=ir* ‘my brother’, *m=óò* ‘my sister’; Aik *m=ir* ‘my brother’, *m=úk* ‘my sister’, etc.); other than that, the stems match each other bit for bit, and the original root for ‘dog’ is revealed as **iṃ-* (**iṃ-žì* is the result of palatalization ← **iṃ-di*, where the latter is a productive nominal suffix in some Maban languages and, quite likely, Proto-Maba as well).

Since Maba is not in direct contact with these languages, this may hint at an important old isogloss between Maba and Central Sudanic as a sub-unit within the hypothetical Nilo-Saharan.

In stark contrast to this agreement, Maba *ɲuk* ~ *ɲug* has no etymological parallels within Maban, but is strikingly similar to the main word for ‘dog’ in some of the subbranches of Nilotic (cf. Proto-Teso-Lotuxo-Maa **=kɪ=ɲɔk-* [Vossen 1982: 354]; Proto-South Nilotic **ɲo:k* [Rottland 1982: 390]), as well as the isolated form *mug* ‘dog’ in Old Nubian and modern Nobiin which, in the light of its own distribution within Nubian, I have serious reason to suspect as the remainder of an old Nilotic substratum (Nubian languages do not have initial *ɲ-*, making the transition *ɲ- → m-* before a labial vowel highly plausible; cf. also the curious phonetic variant *miug* in Edgar’s Maba records). Such an odd pattern of dispersion would imply that the term is really a “Wanderwort” that may ultimately be of Nilotic origin (since this is the family in which it is most widely and unsuspectingly represented), and its common presence in Maba and Mimi-N is therefore not particularly diagnostic in the matter of determining their genetic connections.

9. **drink**: D *anʒi*; N *ab* (?).

The D item is generally compatible with the main word for ‘drink’ in all Maban languages: Mab *aŋ* ~ *iŋ* [Tr.], Kod *ɣaŋa* [Db.], Msl *aŋ*, *aŋ-iŋ* [Ed.], Aik *aŋ-an* [Db.], *àŋ* [Ng.], Kib *aŋŋ* ~ *aŋŋ-* [Db.], *aŋ* [Ng.]. These may be traced back to Proto-Maba **aŋ*, with D *anʒi* resulting from secondary palatalization (**aŋ-i → *aŋ-i → anʒi*; typologically similar scenarios sometimes work for Maban languages themselves, as well as their neighbours). One catch, however, is that in the data of Decorse, the D form *anʒi* is not just similar to, but completely identical with the form for Kodoi, which Decorse also records as *anʒi* (cf. the non-palatalized version *ɣaŋa* in P. Doornbos’ Kodoi records). This is too much of a coincidence for us to be satisfied with suggesting identical non-trivial lines of development from **aŋ* in Mimi-D and Kodoi, and, again, pushes in the direction of a contact explanation (or, worse still, a mistake in the data, with a Kodoi word accidentally having crept into the Mimi list).

In Mimi-N, the verbal root *ab* ‘drink’ is not attested directly, but may be somewhat cautiously deduced from the comparison of two paradigmatic forms: *ab-akat* ‘I do not drink’ and *z=ab-et* ‘drink!’ (*z=* is a prefix, possibly with the meaning of the 2nd p., frequently discovered in imperative forms recorded by Nachtigal: *z=áia* ‘come!’, *z=iŋ* ‘go!’, *z=úlko* ‘leave!’ etc.). The root has no plausible equivalents in Maban.

10. **dry**: Not attested in either of the two Mimis.

11. **ear**: D *fer*; N *kuyi* (pl. *ku:y-i*).

All of the forms for ‘ear’ in Maba are cognate: Mab *kóyé* [Cp.], *kòyé* [Db.], *ko-ik* [Tr.], Kod *kòye*, Msl *kwoyo* [Ed.], *kóyè* [Db.], Aik *kàsá* [Db.], *kàsá* [Ng.], Kib *kasa* [Db.], *kàsá* [Ng.]. Edgar [1991b] considers this group of forms to contain an irregular reflexation of Proto-Maba **-s-*, normally preserved in the intervocalic position. It seems, however, more plausible to reconstruct the basic stem as **kɔy-*, with a potentially regular development **-y- → *-s-* between two non-front vowels in the Kibet-Runga subbranch, for which there are no contradicting examples in the lexical corpus. The original paradigm may have been **kɔy-a* or **kɔy-o* (sg.) : **kɔy-ε* (pl.), as preserved in Msl (*kwoyo* sg., *kóyè* pl. [Ed.]), with subsequent morphological restructuring of the paradigm in Maba.

The reconstruction **kɔy-*, obtained on purely internal grounds, agrees perfectly with Mimi-N *kuyi* (admittedly, this could also be a borrowing from Maba, but there are no additional arguments for this beyond phonetic similarity). Mimi-D *fer*⁵ is clearly a different root, with no clear parallels anywhere in Maban.

⁵ It is not clear exactly what kind of articulation is denoted by the dot in Decorse’s transcription (flap? retroflex?).

12. **eat**: D *nyam*; not found in N.

The Maba forms are: Mab *aŋ* [Lu., Db., Tr.], Kod *ɲá*, Msl *ɪŋ-* ~ *ind-* [Ed.], *ɲó* ~ *ɲán* [Db.], Aik *ɪŋ-an* [Db.], *ɲð* ~ *ɲð-w* [Ng.], Kib *ɲó* ~ *ɲà-wín* [Db.], *á=ɲá-* [Ng.]. It is reasonable to assume that the palatal nasal **ɲ* is the consonantal “foundation” that ties all of them together in a single etymology, but a more precise reconstruction is hard to arrive at without a detailed study of the historical morphophonology of all the languages concerned. At the very least, the Msl-Aik-Kib isogloss suggests that the morphophonological variant **ɲɔ* should be projected onto the proto level.

The Mimi-D form *nyam* is similar to Maba, but any attempt at relating them genetically would have to face the problem of explaining what exactly happened to root-final *-m* in Proto-Maba, a phoneme that is normally quite stable in this family. At the same time, the form **ɲam* (or certain much more trivial variations on this shape) in the meaning ‘eat’ is found quite extensively in various Nilo-Saharan languages (Nilotic and Eastern Jebel families, among others), so there is no particular reason why this should be counted as a specific “Mimi-Maban” isogloss (if anything, Maba **ɲɔ* should primarily be compared with Proto-Central Sudanic **ɲɔ* ‘to eat’ [Ehret 2001: 343]).

13. **egg**: D *žulut*; not found in N.

No parallels for the Mimi-D word; the most general equivalent for ‘egg’ in Maban is a complex stem that may be approximately reconstructed as **kademi* ~ **kademəŋ* (Mab *kademi-k* [Tr.], etc.).

It should be noted that the voiced palatal affricate *ž* is not encountered in more than three or four words in Mimi-D, at least one of them a transparent recent borrowing (*želid* ‘skin’ ← Arabic *žild*), which is in itself sufficient to doubt its archaicity. Additionally, it has an uncanny resemblance with certain terms for ‘egg’ met in Eastern Sudanic languages (cf., in particular, Gaam *kɔɔ-d* ‘egg’, where *-d* is a productive nominal suffix), again, suggesting possible areal ways of diffusion.

14. **eye**: D *dyo* (pl.); N *kal* (pl. *kal-ai*).

The basic root for ‘eye’ in Maban is highly stable, although final stem vowels differ depending on the language: Mab *kàšì-k* [Lu.], *kàsi-k* [Cp., Db.], Kod *ka:sî-k*, Msl *kó:-gí*, *kò:-gí* [Ed., Db.], Aik *káso-ùk*, *kásò-ok* [Db.], *kàsà-k* [Ng.], Kib *kàs* [Ng.], *ka:s* [Db.]. The reconstruction is **kas-*, with the Msl form reflecting an assimilated and contracted variant (**kaso-gi* → **kos-gi* → *ko:gi*, cf. the morphologically simpler plural form *kó:sî* ← **kaso-i*).

It is seriously tempting to relate this **kas-* to Mimi-N *kal* (as well as its attested derivative *kal-i* ‘spring’, reflecting a typical North African semantic association; note that all of the Maban items share the same polysemy), but such a comparison would run into the serious issue of the correspondence “Maban **-s-* : Mimi-N *-l-*”, unsubstantiated by further examples. Still, the comparandum is not entirely worthless, considering that Nachtigal’s list does not contain even a single lexical item with intervocal *-s-*, a fact that could, among other possibilities, reflect a process of lateralization (**-s-* → **-š-* → *-l-*), rather atypical for “Nilo-Saharan” languages, but not unknown in the neighboring Chadic family.

The Mimi-D plural form *dyo*, on the other hand, is thoroughly uncomparable with Maban, nor does it find convincing parallels in any other parts of “Nilo-Saharan”.

15. **fire**: D *sou*; not found in N.

There are two main groups of forms for ‘fire’ in Maban: (a) Maba-Masalit **was-i* ~ **was-u* (Mab *wàsì-k* [Lu.], Kod *wasî-k*, Msl *wàsì*, *wàasí* [Db.], *wáasú* [Ed.]), most likely derived from the

verbal root *was-* ‘to burn’, attested as such in H. Barth’s recordings of Maba; (b) Kibet-Runga **nusu-k* (Aik *nùsò-k* [Ng.], Kib *nəsə-k* [Ng.], cf. also Daggal *nusu-k*, Mourro *nusv-k* id.).

To somehow relate Mimi-D *sou* to any of these two forms would require a series of unwarranted assumptions: it could be equally well related to **was-* through some structural transformations (e. g. metathesis: **sawu* ~ **wasu*), or to **nusu* if the latter were also to be analyzed as an old derived stem ← **n(V)=su*, where *n=* is a productive causative prefix in Maban. On the other hand, one could just as well try to establish a connection with other phonetically similar words for ‘fire’ in the area — e. g. Central Sudanic (Kresh ʊʂʊ ‘fire’). Overall, this cannot be qualified as an exclusive and/or reliable Mimi-Maban isogloss.

16. **foot:** D *rep* (‘pieds’), *sem* (‘jambes’); N *zan* (‘Bein’).

Although the basic stems for ‘foot’ and ‘leg’ are not generally distinguished in the area, Decorses still gives two different equivalents, both of which we adduce here for security, even though not one of them finds any correlations in Maba.

In stark contrast, Mimi-N *zan* is easily comparable with the main word for ‘foot’ in Maba-Masalit: Mab *žá:* [Cp.], *žá* [Db.], *žá-k* [Tr.], Kod *ža:* [Db.], Msl *žo-nyyi* (pl. *žó:*) [Ed.], *žo* [Db.]. The only thing that really needs to be “explained away” here is final *-nyyi*, which fits in well with the singulative ending *-nyyi* in Msl *žo-nyyi*. J. Edgar, both in his comparative dictionary and preliminary reconstruction of Proto-Maba, tries to relate Maba-Masalit **ža* or **žaw* with Kibet-Runga **daw-di* ‘foot’ (Aik *dá(w)ùdí* [Db.], *dòdí*, *dòdí* [Ng.], Kib *dnd-i* [Db.], *dòdí* [Ng.]), but there is no real phonological basis on which to do this, since the correspondence “Maba-Masalit **ž-* : Kibet-Runga **d-*” does not exist. This means that **ža(w)* is a separate root, not the result of some recent palatalization in parts of Maban, which would rather imply genetic cognation with Mimi-N than recent borrowing (were this a recent borrowing, the initial consonant in Mimi-N would have probably been *ž-*).

17. **hair:** D *suf*; N *fu:l* (pl. *fu:l-i*).

Neither of the two entries matches with the basic Maban word for ‘hair’, provisionally reconstructed as **tofi* on the basis of Mab *tifi-k* [Cp., Db.], *tefe* [Tr.], Kod *tifi-k* [Db.], Msl *tí:fa* ~ *te:fa* [Ed.], Aik (*kì*) *tòw* [Ng.], Kib *tɔwi* [Db.], *tow* [Ng.]. Mimi-D is pointed out as a likely borrowing from Arabic *ʂu:f* ‘wool, hair’ already by Gaudefroy-Demombynes; Mimi-N *fu:l* simply has no etymology.

18. **hand:** D *sil* (‘main’), *mele* (‘bras’); N *rai* (pl. *rai-da*; ‘Arm’).

As in the case of ‘foot / leg’, Maban languages do not distinguish between ‘hand’ and ‘arm’: the basic equivalent for both is Mab *kára:* [Cp., Lk.], *kar-ak* [Tr.], Kod *karrá*, Msl *kórò*, *kòrò* [Db., Ed.], Aik *kàrá* [Db., Ng.], Kib *kára* [Db.], *kàrá* [Ng.]. Again, Mimi-N is closer to Maban typologically in that it also (probably) does not have the semantic distinction; however, this time the proper lexical equivalent (*rai*) is unrelatable. No parallels between Maban and Mimi-D, either.

19. **head:** D *bo*; N *kiži* (pl. *kiž-tu*).

The main (and only) equivalent for ‘head’ in Maban is Mab *kíž-í* [Cp.], *kiži* [Db.], *kiž-ik* [Tr.], Kod *kiži*, Msl *kúžò*, *kíži* [Db.], *kížò*, *kúžò* [Ed.], Aik *ki:* [Db.], *kì* [Ng.], Kib *kiče* [Db.], *kìč* [Ng.] ← Proto-Maban **kiž-*. This is a one-to-one match with Mimi-N; one cannot a priori exclude borrowing from a Maba dialect, but there is no unavoidable necessity to accept this scenario, considering the perfect “reconstructibility” of the item on the Proto-Maban level. On the other hand, it should also be noted that the Mimi-N word shows exactly the same morphological

characteristics as Maba, cf. the attested plural form *kiž-tu* = Maba *kiž-tú*: [Cp.]. This coincidence cannot represent a common retention, since the plural suffix *-tu* for this stem is characteristic only of Maba proper, not of Masalit or Kibet-Runga (both of which form the plural of this verb through vowel gradation). Thus, either the entire paradigm has been borrowed into Mimi-N from Maba, or Mimi-N has preserved the original root, but modified its paradigm through a grammatical borrowing from Maba (Lukas & Völckers [1939: 150–151] note several such loans of plural endings).

Mimi-D *bo* has no Maban parallels whatsoever (its closest comparandum, as noted already in [Ehret 2001], is to be found in Songhay *boŋ* ‘head’, most likely a chance resemblance). It is interesting to note the existence of the word *kiži* in Mimi-D, in the meaning ‘old man’ — possibly ‘elder’, ‘chief’, borrowed from Maban in its figurative usage?

20. **hear**: Not attested in either of the two Mimis.

21. **heart**: Not attested in either of the two Mimis.

22. **horn**: D *kamin*; not found in N.

Attested forms for ‘horn’ in Maban are as follows: Mab *kémí-k* [Cp.], *kem-lik* [Db.], *kami-k* [Tr.], Kod *kemî-k*, Msl *kám-î* [Ed.], *kémmi*, *kàmì* [Db.], Aik, Kib *gam-dí* [Db.], *gàm-dí* [Ng.]. There is a slight problem here concerning the initial consonant, but existing data allow to suggest a regular devoicing of Proto-Maban **g-* in Maba-Masalit (cf. another convincing example in Mab *kamur*, Msl *kàmàrì* ‘beard’ = Aik *gàm-sì* id.; contradicting examples are almost non-existent, with the possible exception of Mab *gùr*, Msl *gur-gi* ‘monkey’ = Aik *àgùr* id., where it is likely that Maba-Masalit reflect a formerly intervocalic consonant rather than a formerly initial one).

The reconstruction **gam-i* agrees well with Mimi-D *kamin*, provided *-n* is a suffix and the difference in laryngeal features may be overlooked. Explaining the word away as a recent borrowing is not altogether easy due to morphological differences (*-n* as a suffix is not attested for this lexeme either in the singular or the plural forms anywhere in Maban).

23. **I**: Unfortunately, personal pronouns (a data subset that could have been of major assistance in settling our problem) have not been recorded at all for either of the two Mimis.

24. **kill**: D *kuduma*; not found in N.

This word has to be analyzed in conjunction with the adjectival form *kudomo* ‘dead’. The exact same form, *kuduma* ‘kill’, is also noted by Gaudefroy-Demombynes for the little-known Maban dialect of Kashmere. However, the principal equivalent for ‘kill’ in all well-described Maban languages reflects an entirely different proto-stem, **uy*: Mab *uy* [Ed.], *wúy* [Db.], *iu* [Tr.], Kod *wuya*, Msl *iyaw* ~ *iwi* [Ed.], *úi* [Db.], Aik *ús* [Db.], *òs* ~ *sàw* [Ng.], Kib *us* ~ *usan* [Db.], *asa* [Ng.].

So, where does *kuduma* come from? It is probably the same word as Mab *ùdùm* ‘to hit’ [Lk.], with the plural object derived stem *k=ùdùmù* ‘to hit (many)’ that contains the rare verbal prefix *k=* described in [Lukas 1952: 98]. This would logically suggest that Kashmere *kuduma* ‘kill’ is a relatively recent (and, from the point of view of semantic typology, quite natural) innovation — and that, consequently, Mimi-D *kuduma* ‘kill’ is, in all likelihood, a borrowing from one of the Maba dialects, possibly from the very same one that also yielded *tafaya* ‘die’ (see above).

25. **leaf**: Not attested in either of the two Mimis.

26. **louse**: Not attested in either of the two Mimis.

27. **meat**: D *nyu*; N *neŋ* (pl. *neŋ-ni*).

This is the first (and last!) time on the list that forms in the two Mimi languages actually resemble each other (although the segmental resemblance is basically restricted to the initial consonant).

The main word for ‘meat’ in Maban is also similar: Mab *nyú:nú* [Lu.], *nyù-k* [Cp.], Kod *nu*: [Db.], Msl *nyú-gì*, *nyúŋg-ú* [Db., St.], *nyù-gí* [Ed.] (Kibet-Runga has a non-comparable innovation). The forms may be traced back to two different variants: **nyu(:)* and **nyunu* ~ **nyuŋu*, where the former is most likely the result of contraction from the latter (since there is no *-nu* suffix in Maban, and the probability of reduplication in this nominal stem is very low). Edgar further suggests a connection between this root and **nyo* ‘to eat’ (see above) — quite realistic from the view of areal semantic typology, but not entirely transparent as to the underlying derivational model.

Mimi-D *nyu* is clearly compatible with this etymon, although it could be either an etymological cognate or, once again, a recent borrowing from one of the Maba dialects. As for Mimi-N *neŋ*, it should also be drafted into the comparison due to complete consonantal compatibility with the protovariant **nyuŋu*; front vocalism could have been a result of palatalizing influence on the part of the initial consonant (and other scenarios are possible as well).

28. **moon**: D *ař*; not found in N.

The original word for ‘moon’ in Maban is represented by the following reflexes: Mab *áyè-k*, *éyè-k* [Cp., Lu.], Msl *áyè* [Db.], Aik *anži-k* [Db.], *ànžé-k*, *ànžá-k* [Ng.], Kib *anži-k* [Db.], *ànžá-k* [Ng.]. Maba-Masalit **aye* and Kibet-Runga **anži* are reconcilable with each other, but only through a somewhat complicated scenario that requires postulating an original structure **ani-ε-(k)*, where **ani-* may be an old verbal root with the meaning ‘to shine’ (same as in the word ‘sun’, see below), and *-ε-* is the same nominal suffix that is also found in the parallel form *menu-ε-k* ‘star’ in Maba. Juxtaposition of the original palatal nasal with two front vowels in a row leads to diphthongization and, eventually, affricativization in Kibet-Runga: **ani-ε-* → **aŋye-* → **anžé-*.

Regardless of the details, neither the original root **ani-*, nor its “permuted” forms in modern dialects do not agree well with Mimi-D *ař*, which is significantly closer in shape to forms in various Saharan languages (Tubu *auri*, etc.) or those located much further east (South Nilotic, Omotic, etc.).

29. **mouth**: D *nyo*; N *mil* (pl. *mil-u*).

In Maban, the word ‘mouth’ is one of the isoglosses that sharply distinguishes Maba-Masalit from Kibet-Runga: the former has **kana* (Mab *káná* [Cp., Tr.], *kana* [Db.], Kod *kana*, Msl *kánà* [Ed.]), the latter a monosyllabic **yu* (Aik *yù-k* [Ng.], Kib *yù* [Db.], *yù-k* [Ng.]). Both items are heavily polysemous (for Maba-Masalit, additional meanings ‘language’, ‘speech’ are attested, for Kibet-Runga one has ‘lip’ and ‘edge’), but no clear indications have been found so far as to which of them can be considered more archaic in the required Swadesh meaning.

Kibet-Runga **yu*, from a purely speculative point of view, may be compared with Mimi-D *nyo*, but reasonable historical scenarios that could securely tie them together are missing: initial palatal *ɲ-* is a fairly frequent segment in all Maban languages, including Kibet-Runga, and there are no factors, attested or hypothetical, that could lead to its being dropped in that branch. (The opposite development, i. e. nasalization **y- → ɲ-* in Mimi-D, is typologically strange, and there is at least one example of an actual *y-* in the initial position in that language: *yakoe* ‘to see’).

Mimi-N *mil*, however, is even less relatable to any of the listed Maban items. It probably makes sense to mention that the word perfectly coincides with the principal Maban word for ‘name’ (**mil-i* ~ **mel-i* → Mab *mílí-í* [Cp., Db.], etc.), but the semantic transition from ‘mouth’ to ‘name’ is not really well known for the concerned linguistic area (or, in fact, for anywhere), so that any such etymologization, if used during the stage of ascertaining relationship, would be tenuous; in any case, even if true, it does not have the required lexicostatistical significance.

30. **name:** Not attested in either of the two Mimis.

31. **new:** Not attested in either of the two Mimis.

32. **night:** D *lem*; not found in N.

Mimi-D has no parallels in Maban, where all attested forms are divided between reflexions of such proto-stems as **ise* (Mab *íšè* [Cp., Lu.], *íše*, *a.š:i:a* [Tr.], Kod *íše*) or **dind-* (Aik *dì:ndé* [Ng.], Kib *dindo* [Db.], *dí:ndò* [Ng.]).

33. **nose:** D *fir*; N *hur* (pl. *hur-u*).

Although *h-* is occasionally encountered in the Sudanic area as a result of delabialization from *f-*, it is quite unlikely that the development *f-* → *h-* ever took place in Mimi-N, considering the firm attestation of at least several *f-*initial items (cf. ‘hair’ above, as well as *faila* ‘back’, *fula* ‘butter’, etc.). Therefore, Mimi-D and Mimi-N cannot be grouped together.

For ‘nose’, Maban languages show two phonetically similar, but etymologically incompatible groups of forms: (a) Mab *bóŋ* [Cp.], *boin* [Tr.], Kod *boŋ* ← **boŋ* (?); (b) Aik *mùndú* [Ng.], *mòndú* [Db.], Kib *mùndù* [Ng.], *mundu* [Db.] ← **mundu*. (A third form is attested in Msl: *dúrmí* [Ed.], *dúrmì* [Db.] — but it is extremely similar to the corresponding item in nearby Fur, where it is morphologically complex: sg. *d=òrmi*, pl. *k=òrmi*, and is most likely a borrowing from therein). Neither of these roots is comparable with any of the two Mimi items.

34. **not:** Not attested in either of the two Mimis. The equivalent for French *non* ‘no’ in Mimi-D is written down as *lala* and, quite justly, marked as an Arabic loan.

35. **one:** D *deg*; N *ulun*.

The majority of Maban languages seemingly form the basic numeral ‘1’ from the same stem, but with various suffixal extensions, cf.: Mab *tó*: [Lu.], *tek* [Tr.], *tar* ~ *teŋ* [Ed.], *tè:n* ~ *ték* ~ *tó*: [Cp.], Kod *tek*, Msl *tó*: ~ *tò:m* ~ *tyòm* [Ed.], *tòu* ~ *tióu* [St.], Aik *tùwá* [Db.], Kib *tuwni* [Db.]. Although not all of these complex stems are equally transparent, it makes better sense to “lump” them together than postulate a wide variety of different roots with the same meaning. The most common vocalization of the stem is labial **o* ~ **u*, which is changed to a front vowel only in several dialectal varieties of Maba; the only possible way in which this could have happened would be contraction with a suffix, e. g. **to-e(-)k* → *tek*.

In the light of this, it is quite telling that Mimi-D *deg* shows a close connection not so much with Common Maban **to-* as it does with the specifically Maba variant *tek*; this is a strong argument in favor of the borrowed, rather than inherited, nature of *deg*.

Mimi-N *ulun*, segmentable into *ul-un* (cf. *zalk-un* ‘three’, *alg-un* ‘eight’), has no straightforward parallels in Maban. If the first vowel is the result of an older assimilation, one could think of a possible Central Sudanic connection (cf. Moru-Madi **alɔ* ~ **alv*, etc.).

36. **rain:** Apparently, the same word as ‘water’ in both Mimis, see below.

37. **smoke**: D *doḥan*; not found in N. The Mimi-D word is a transparent borrowing from Arabic.

38. **star**: Not attested in either of the two Mimis.

39. **stone**: D *muguru*; not attested in N.

The word *muguru* has no parallels in Maban whatsoever and does not, in fact, look very “Maban” at all. Much more interesting is the word for ‘mountain’ (‘mountain’ and ‘stone’ is a very frequent polysemy in the area), *kudu*, which is a perfect match for Maba *kódó-k* [Db.] ‘stone, mountain’; once again, however, this may be explained as either common heritage or borrowing, and further analysis is necessary to tilt the scale towards a particular choice. This is where the situation gets tricky.

The attested Maba forms are listed by Edgar as *kódó-k* [Db.], *kòdró* [Lu.], *kodro-k* ~ *koro-k* [Ed.], Kod *kódó-k*. This diversity reflects two stems, one simple (**kódó*) and one extended with a diminutive suffix (**kódó-ro*, with subsequent reduction of the second syllable and occasional cluster simplification). So far so good; however, already Msl has instead the form *kondola* [Ed.], and in Aik we see *kòmà:-ndí* [Ng.]. Is this a case of three different etyma, or one single stem reshaped through morphological processes?

The Aik form actually speaks in favor of the second answer. It is clearly cognate with Msl *kómà* ~ *kúmà* [Ed.] ‘mountain’, and a reduced variant of it is also evident in Murro *k^homde* ‘mountain’. The complex stem **kom(V)-ndV-* also yields Msl *kondola* (← **kom-ndV-la*) and, quite possibly, Maba *kódó* ← **kom-ndo*.

This internal etymology of *kódó* is not altogether secure, but, regardless of its reliability, we once again have a case of a direct match between Mimi-D and Maba proper rather than Mimi-D and Maban as a family. If Maba *kódó* ← **kom-ndo* as suggested, Mimi-D *kudu* is a transparent borrowing. If it is a distinct root, chances of cognation are only slightly higher, since Maba *kódó* is not reconstructible on a higher level.

40. **sun**: D *sey*; not attested in N.

The basic word ‘sun’ in Maban is expressed with the stem **api-* (possibly the same as in the word for ‘moon’, see above): Mab *èní-k* [Cp.], *api-k* [Tr., Db.], Kod *apî-k*, Msl *áyìngè* [Db.], *áìngè* [St.], Aik *àpín* [Ng., Db.], Kib *apín* [Ng.], *ápín* [Db.]. None of the attested forms resemble Mimi-D *sey* in any way.

41. **tail**: D *danap*; not attested in N. The D word is a transparent Arabic loan (← *ḍanab*).

42. **thou**: Not attested in either of the two Mimis (see ‘P’).

43. **tongue**: Not attested in either of the two Mimis. For some reason, Edgar quotes the Mimi-N word twice: once as ‘mouth’ [Edgar 1991a: 314] and once as ‘tongue’ [Edgar 1991a: 237], even though in [Lukas & Völckers 1939] only the German meaning ‘Mund’ is listed; I am not aware whether Edgar had access to Nachtigal’s original manuscript and if yes, whether both meanings were indeed present there or if this is simply an accidental slip-up.

Even if Mimi-N *mil* ‘tongue’ is not an invention, it is barely comparable with Maban forms for ‘tongue’ under the assumption of a metathesis (!) from **lim-*: cf. Mab *dilmî-k* [Cp.], Kod *dilmî-k*, Msl *gèlmèdì* [Ed.], *gèlmàndì* [Db.], *gèlmàndì* [St.], Aik *àdì(y)ím* [Ng.], *ádiyím* [Db.], Kib *àdàlám* [Ng.], *adilem* [Db.], all derived from a complex proto-stem **(a=dil(ə)m(-i))*. It goes without saying that such a comparison would be inadmissible as a significant argument for relationship.

44. **tooth**: D *nain* (pl.); N *zi:k-a* (pl. *zi:k-u*).

The plural form in Mimi-D cannot be related to any semantically close Maban equivalents; its phonetically closest equivalents, as already pointed out by Gaudefroy-Demombynes, are to be found in Central Sudanic (cf. Bagiro *ṛāṇā* and other corresponding forms in related languages of the Sara-Bongo-Bagirmi group).

As for the stem *zi:k-* in Mimi-N, it does bear a marginal resemblance to the most common word for ‘tooth’ in Maban: cf. Mab *sàtí-k* [Cp., Db.], Kod *satí-k*, Aik *sàdí* [Ng.], *sàdì* [Db.], Kib *sàd-i* [Ng., Db.] ← Proto-Maban **saT-i* (exact quality of the intervocalic consonant is difficult to establish with precision). However, the resemblance is essentially limited to the initial consonant and would require a difficult “accommodating” scenario, e. g. one that assumes a particularly archaic nature for the singulative form **sadi-k*, with subsequent lenition and dropping of **-d-* and fossilization of *-k*: **sadi-k* → **zadi-k* → **zai-k* → **zi:k*. No data are available to support such a complex hypothesis.

45. **tree**: D *su*; not found in N.

The D item is comparable to the main word for ‘tree’ in Maba-Masalit: Mab *sùṅg-ḍk* [Cp.], *sungo-ok* [Db.], Kod *suṅgo-ok*, Msl *síṅyí ~ síṅgí ~ síṅgé* [Ed.], *síṅg-è* [Db.] (Kibet-Runga has an oddly shaped stem — since word-initial *r-* is very rare in these languages — **ri* instead). The original vocalism is hard to determine, since the vowel seems to undergo assimilation with the suffixal vocalism in both languages, reflecting complex stems **suṅ-o* and **síṅ-i* respectively in Maba and Masalit.

If the variant **suṅ-o* is the one that is more archaic here, its first syllable is an exact match with Mimi-D *su*. However, there is still a major problem concerning the velar nasal. Intervocalic *-ŋ-* is a fairly frequent presence in this language (cf. ‘water’ below and numerous other examples in Decorse’s list); word-final *-ŋ* is not, so one could theoretically imagine the regularity of the transition **suṅ* → *su*, but additional data would be necessary to confirm it (it should also be noted that typologically, at least, dropping of word-final nasals without a trace is hardly typical of any languages in the “Nilo-Saharan” area, and, as far as we know, Decorse did not indicate the presence of nasalized vowels in his Mimi).

46. **two**: D *mel*; N *sön*.

All of the words for ‘two’ in Maban are cognate: Mab *mbà:r ~ mbír* [Lu.], *mbà:r* [Cp.], Kod *mbar:r*, Msl *mbàrrà ~ mbàrà* [Db.], *mbará*: [St.], Aik *mbà* [Ng.], *mbá* [Db.], Kib *mbar* [Ng.], *mbar:r* [Db.]. Loss of final *-r* in Aik is irregular, but we find this consonant reinstated in such derivatives as *mbàr-àṅ* ‘twice’ and *mbàr-ṛè* ‘second’ [Ng.]. The reconstructed protoform is **mbar* or, rather, **mbar:r* with phonologically relevant vowel length.

The form is highly unusual in that it is the only securely reconstructed Proto-Maban item with initial prenasalized **mb-*, which invites various attempts at speculative internal reconstruction (contraction from a former **mV-ba-ar*; prefixation (**m=bar*); even borrowing from a Niger-Congo source where phonetically similar forms are occasionally encountered). A particularly promising scenario is that **mbar:r* is the result of contraction of a formerly compound stem: **mbV-ar*, where **mbV* is an adverbial/prepositional lexeme, attested per se in Msl *bo ~ mbo* ‘together (with)’ [Ed.], Aik *mba* ‘with; and’ [Ng.] (presence of an old initial cluster, possibly itself the result of contraction, in such a semi-clitical auxiliary morpheme is more understandable than in the word for ‘two’), and *-ar* is really the old root for ‘two’, with multiple further external correlates in potentially related “Nilo-Saharan” languages.

The reconstructed **mbar:r* bears an obvious resemblance to Mimi-D *mel*. There is, however, an insurmountable problem in that there is no evidence whatsoever for the transition **-r* → *-l*

in that language; in fact, word-final *-r* (or *-r̄*, as it is sometimes marked) is found all over the place along with word-final *-l*, so that, without further arguments, we cannot make the transition from “phonetic resemblance” to “phonetic correspondence”. In fact, if anything, it is the Mimi-D word for ‘4’, *mir*, that should be compared to Maban *mba:r* (and even then, there still remain some issues with the vocalism).

In comparison, Mimi-N *sön* is clearly no match for **mba:r*. It is, however, interesting, following J. Edgar’s suggestion, to compare it with the Msl words for ‘twin’: *sèn-írù ~ sèn-áká* [Ed.] (not clear how they relate to Mab *sumbur* [Lk.] pl. ‘twins’). Theoretically, both go back to a common root **sen-* meaning ‘both’ or ‘pair’, employed in Proto-Maban along with the regular **mba:r* ‘two’. Clearly, this is not a reliable etymology, but it is at least preferable to viewing Mimi-N as, say, a Semitism (← **tny* ‘2’; no other Semitisms or Arabisms are attested in Mimi-N numerals).

47. **water:** D *engi*; N *sun*. Both words are polysemous in the meanings ‘water’ and ‘rain’.

The basic word for ‘water’ in Maba is Mab *ánžì-ì* [Cp.], *énžì* [Lu.], *inžì* [Tr.], Kod *anžì* ← **anžì* with various vocalic assimilations. However, in terms of general distribution of cognates the more widespread equivalent for this Swadesh item is Msl *sà:* = Aik *tà-k* [Ng.], Kib *ta* [Ng.], *ta:* [Db.]. The correspondence “Masalit *s* : Kibet-Runga **t*” is perfectly regular and has been recorded already by J. Edgar, although it coexists along with the more “usual” correspondences *s* : *s*, *t* : *t*, and its precise phonetic nature in Proto-Maban is unclear. We mark the underlying phoneme as **s₁* and, accordingly, reconstruct the word for ‘water’ as **s₁a:*. Regardless of whether Maba-Masalit is to be regarded as one of the two primary branches of Maban or if we postulate an original tripartite split of the family, **s₁a:* makes more sense as the primary Proto-Maban item for ‘water’ than Maba **anžì*.

Mimi-D *engi* has been compared with Maba **anžì* already by Gaudefroy-Demombynes. This would imply that **anžì* is a phonetically innovative form — a result of palatalization from earlier **angi*, even though supporting evidence for such a palatalization in Maba history is lacking. What is even worse is that, once again, the attested isogloss is between Mimi-D and Maba, as opposed to Mimi-D and Maban in general: even if the resemblance between *engi* and **anžì* is not coincidental, it cannot be used as a solid argument for the “Maban” nature of Mimi-D. (We should also add that phonetically similar words for ‘water / rain’ are amply attested throughout the area — cf. Kanuri *nžì* ‘water’, Deme /Sara-Bongo-Bagirmi group of Central Sudanic/ *nžì* ‘rain’, etc. — and that, before making any definitive statements on Mimi-D *engi*, one should first complete a detailed study of the possible relations of all such items in the more thoroughly described “Nilo-Saharan” languages).

The Mimi-N form *sun* is unique in that it is the only case where a given word in either of the two Mimis constitutes a perfect match with Jungraithmayr’s “third Mimi”, i. e. Amdang / Biltine: *súnù* [Jg.] = *sunu ~ senu* [Wolf] ‘water’. This Amdang word is most likely cognate with Fur *su:n* ‘waterhole, well’, although the direction of the semantic development cannot be established with certainty. Regardless of that, there is no question whatsoever about Mimi-N sharing a close genetic relationship with Fur-Amdang, meaning that Mimi-N *sun* should rather be considered a borrowing from one of the members of this small family (the opposite possibility is also not completely excluded).

48. **we:** Not attested in either of the two Mimis (see ‘T’).

49–50. **what, who:** D *ɲeta* ‘what?’; not found in N.

The only known interrogative in Mimi-D is comparable with the system of interrogatives in Maban, especially the inanimate **ɲε* ‘what?’ (with a palatalized variant **ɲε* in some of the

languages): Mab $\eta\hat{\epsilon}-k$ [Lu.], $\eta\epsilon-ti$ [Db.], $\eta auri$ [Ed.], Kod $\eta\epsilon-t\hat{i}$, Msl $\eta\epsilon-ri \sim g\epsilon-r\epsilon \sim gi-ri$ [Ed.], $\eta g\acute{e}rri$ [Db.], $\eta g\epsilon-r\grave{i}$ [St.], Aik $\eta g\acute{a} \sim \eta g\acute{a}-t\acute{e}-s\grave{o}$ [Ng.], Kib $\eta ate-su$ [Db.]. The suffixal component *-ta* (traces of an emphatic particle?) may be the same as *-ti-* / *-te-* in some of the attested Maban forms. Of course, many other “Nilo-Saharan” (and other African) languages have η -/ μ -initial interrogatives as well.

Basic statistics

It is now possible to summarize the findings described above from an elementary quantitative point of view. Two parameters, the values for which are not altogether difficult to establish objectively, will be of primary importance:

(a) *Phonetic compatibility* (indicated as **PC** in the table below). All of the comparisons of Mimi words with their possible correlates in Maban are based on *resemblance* rather than on *regular correspondences*: the latter are impossible to establish due to scarceness of known data multiplied by an apparently significant time depth of the hypothetical relationship. Nevertheless, there are resemblances and resemblances: we may distinguish between “easily compatible” cases, in which the resemblance is either complete (i. e. the segments match bit-by-bit) or partial, with typologically credible and uncontroversial scenarios presented to explain the differences⁶, and “dubiously compatible” ones, which run into significant problems that have no easy explanation (e. g. the resemblance between Maban **mbar* ‘two’ and Mimi-D *mel* id.);

(b) *Distribution of potential cognates* (indicated as **DC** in the table below). Two words that belong to two languages belonging to different families are much more likely to have been inherited from a common ancestor if it can be shown that both are *reconstructible* in their respective families, i. e. can be projected onto the proto-level without any serious controversies. (In lexicostatistics, this implies not just a bare projection of the *phonetic shape* of the word, but its “reconstructibility” as the pair “shape : meaning”. This is very important to keep in mind, because it means that, e. g., the resemblance between Mimi-N *sön* ‘two’ and Msl *sèn-irù* ‘twin’ cannot be used as an argument in our test: even if the Msl item is reconstructible per se for Proto-Maban, it is certainly not reconstructible in the required meaning ‘two’.)

In the current situation, this essentially means discriminating between situations in which the Maban parallel is limited only to the Maba (Maba-Kodoi) dialect cluster, and situations in which it is attested across different branches of Maban. More precisely, the “disturbing” (indicative of contact rather than relationship) situation occurs when the Mimi word has a parallel in Maba, but the other three languages (Masalit, Aiki, and Kibet) agree on a different cognate for the corresponding Swadesh item. Another type of “disturbing” situation is when the Mimi word is comparable to a “pan-Maban” root, but is attested in a phonetic shape specifically close to the one in Maba (cf. ‘drink’ in Mimi-D).

Let us now arrange the results in the form of a table, which will, for every attested Mimi-D / Mimi-N word on the 50-item list, indicate easiness (+) or dubiousness (-) of phonetic compatibility, as well as two degrees of probability that the compared parallel is reconstructible for Proto-Maban: high (+) and low (-) (high = cognate found across several branches; or, cognate found only in Maba but Masalit and Kibet-Runga all show different cognates, “allowing” the Maba item to be projected onto Proto-Maban in the required meaning; low = “disturbing” situations described

⁶ From a certain point of view, explainable “partial” resemblance is even better than “total resemblance” for a hypothesis of genetic relationship, since the latter, considering the unquestionable chronological distance between Mimi and Maban, will frequently lead to suspicions of borrowing.

above). For further security, the Swadesh items themselves will be arranged in the order of “decreasing stability”, based on the “stability index” introduced by Sergei Starostin in [Starostin 2004].

Swadesh item	Mimi-D	PC	DC	Mimi-N	PC	DC
two	<i>mel</i>	–	+	<i>sön</i>	×	
eye	<i>dyo</i>	×		<i>kal</i>	–	+
fire	<i>sou</i>	–	+	—		
stone	<i>muguru</i>	×				
hand	<i>sil</i>	×		<i>rai</i>	×	
what	<i>petā</i>	+	+	—		
die	<i>dafaya</i>	+	–	—		
drink	<i>anži</i>	+	–	<i>ab</i>	×	
dog	—			<i>ɲuk</i>	+	–
moon	<i>ar</i>	×		—		
claw (nail)	<i>fer</i>	×		—		
blood	—			<i>ari</i>	+	–
one	<i>deg</i>	+	–	<i>ul-un</i>	×	
tooth	<i>ɲain</i>	×		<i>zik</i>	–	+
eat	<i>ɲyam</i>	–	+	—		
tail	<i>danap</i> (Ar.)	×				
hair	<i>suf</i> (Ar.?)	×		<i>fu:l</i>	×	
water	<i>engi</i>	–	–	<i>sun</i> (Fur?)	×	
nose	<i>fir</i>	×		<i>hur</i>	×	
mouth	<i>ɲyo</i>	–	+	<i>mil</i>	×	
ear	<i>fer</i>	×		<i>kuyi</i>	+	+
bird	—			<i>kabal-a</i>	+	–
bone	—			<i>kaž-i</i>	+	+
sun	<i>sey</i>	×		—		
smoke	<i>doḡan</i> (Ar.)	×				
tree	<i>su</i>	–	+	—		
kill	<i>kuduma</i>	+	–	—		
foot	<i>rep</i>	×		<i>zaŋ</i>	+	+
horn	<i>kamin</i>	+	+	—		
meat	<i>ɲyu</i>	+	+	<i>neŋ</i>	+	+
egg	<i>žulut</i>	×		—		
black	<i>liwuk</i>	+	+	—		
head	<i>bo</i>	×		<i>kiž-i</i>	+	+
night	<i>lem</i>	×		—		

Altogether:

Out of 30 of the attested Mimi-D items, 14 (46%) have Maban comparanda, out of which 4 have significant distributional problems, 5 have serious issues with phonetic compatibility, 1 has both, and only 4 ('what', 'horn', 'meat', 'black') can count as "first-order" evidence. Of these 4, only 1 ('horn') is an exclusive Mimi-D/Maban isogloss, not attested in this meaning in any neighbouring languages.

Out of 18 of the attested Mimi-N items, 10 (55%) have Maban comparanda, out of which 3 have significant distributional problems, 2 have serious issues with phonetic compatibility, 0 have both, and only 5 ('ear', 'bone', 'foot', 'meat', 'head') can count as "first-order" evidence. Of these 5, at least 3 ('ear', 'foot', 'head') are more or less exclusive Mimi-N/Maban isoglosses.

Out of 14 basic items on the list, for which equivalents are known in both Mimis, only 1 ('meat') is represented by entries that are phonetically similar to each other. The rest are completely incompatible.

Conclusions

The evidence presented here cannot, by any means, be qualified as "decisive" in providing us with a concise answer on the exact position of the two Mimis relative to Maban. Nevertheless, the following assertive statements can be made:

1. Mimi-D and Mimi-N are either not related between themselves, or related on such a deep level that conventional lexicostatistics is unable to uncover the relationship. This implies that, at best, only *one* of the two Mimis could form part of Maban, certainly not both at once.
2. Percentage-wise, evidence for Mimi-N's genetic relationship to Maba is stronger than for Mimi-D, with 27% (5 out of 18) of the words easily relatable to Proto-Maban as compared to Mimi-D's 13% (4 out of 30), and a much larger share of exclusive Mimi-N/Maban than Mimi-D/Maban isoglosses.
3. There can be no doubt that both Mimis, in relatively recent times, have been in close areal contact with one or more dialects of the Maba (not Maban!) cluster, and that J. Greenberg's unconditional grouping of both with Maban was heavily influenced by some of these contact isoglosses, since he was unable to separate them from the more ambiguous pieces of data due to lack of sufficient information on Maban.
4. Even if one of the Mimis *is* more closely related to Maban than to any other potential constituent of "Nilo-Saharan", it makes little sense to speak of this Mimi as a "Maban" language; at best, it would be "*para*-Maban", separated from Proto-Maban (the ancestor of Maba-Masalit and Kibet-Runga) by such a huge time period that it would be better to speak of a "Mimi-Maban" taxon, of a higher order than simply Maban (e. g. "Mimi-Maban family", splitting into Mimi and Maban groups, etc.).

One very serious argument against "Mimi-Maban" is the observation that both Mimis show at least several unmistakable isoglosses with Maba or Maba-Masalit, yet there is not even a single credible isogloss between any of the Mimis and Kibet-Runga, the second branch of Maban that should, within the tree structure, be equidistant from Mimi. Research on Proto-Maban shows that there is no evidence to consider Kibet-Runga languages to have been particularly innovative compared to Maba-Masalit, meaning that their basic lexicon should pre-

serve its share of archaisms, with further parallels to be found in Mimi. Lack of such parallels would seem to tilt the scale towards a general “contact” solution for both Mimis.

Nevertheless, it is recommendable to adopt the following as a current working model:

I. *Mimi-D* (Decorse’s Mimi) is a language isolate. Its resemblances with Mimi can be explained as a mix of borrowings (including such transparent cases as *dafaya*, *kuduma*, etc.), a bit of common inheritance from a much older period (“Nilo-Saharan”), and several chance similarities that, sometimes, do not go beyond a single-consonant match. Actually, considering some external parallels mentioned above, it could make more sense to seek a connection between Mimi-D and the huge Central Sudanic family.

II. *Mimi-N* (Nachtigal’s Mimi) may be related to Maban within the confines of a larger “Mimi-Maban” taxon. Its “lexical debt” to Maba is also on record (e. g., the word for ‘dog’), but it is proportionally smaller than the one in Mimi-D. Suspicious things such as a lack of exclusive isoglosses with Kibet-Runga or the fact that most of the matches are confined to body parts (some of them sharing the same morphological features with Maba) may, after all, be simply due to the extremely limited scope of Nachtigal’s list: it is not only shorter than Decorse’s, but it is also very low on any parts of speech other than nouns.

Let us now test how well such a working model would hold on the remaining “less stable” 100-wordlist items on the Swadesh list. For brevity’s sake, I will only list those Mimi-D and Mimi-N items that have reliable Maban comparanda, and keep the accompanying discussion to a minimum.

A. In Mimi-D:

belly: *bok* ~ *buk* — cf. Mab *tàbù-k* [Lk., Cp.], *tábù-k* [Db.], Kod *ta:bu:-k* id. The comparison is mentioned already by Gaudefroy-Demombynes, and all the forms are grouped together in J. Edgar’s dictionary under one entry. The comparison, however, would only be acceptable if it could be argued that *ta=* in Maba-Kodoi is a fossilized prefix; until more cases of a formerly prefixal *ta=* in this language have been discovered, we will have to settle for chance resemblance.

dry: *negiri* — cf. Mab *nožir* [Tr.], *nòžir* [Db.], Kod *nɔ:žir* [Db.] id. The resemblance does not seem accidental, but the Maba-Kodoi forms are actually complex nominal stems, derived, with the aid of the productive prefix *n=*, from a much shorter verbal root that is still preserved in Mab *wòž* [Lk.], *ož* [Tr.] ‘to dry’. Prefixation of *n=* is a common phenomenon in Maban and should be projected onto the proto-language state, but common Proto-Maban derived stems sharing the same prefix *and* suffix are so rarely met that it would be very hard to believe that *negiri* and *nožir* are both reflections of a common heritage⁷.

fish: *gonas* — cf. Mab *kuṇo* [Db.], Msl *kúnô* [Ed.], *kúnò* [Db.], Aik *kín-àṅ* [Db.], *kùníúṅ* [Ng.], Kib *kṇṇ* [Db.], *kuṇ-aṅ* [Ng.] id. This is a very interesting match, second after ‘horn’ in which Mimi-D can be compared with an item securely reconstructible for Proto-Maban (as **kuṇ-*), provided *-(a)s* is a proper suffix in Mimi-D; due to phonetic differences, it is even harder to explain this word as a recent borrowing from Maba than to do the same for ‘horn’.

full: *piṅ* — cf. Mab *fiṅ* [Lk.], *fiṅg* [Tr.], *fiṅ-ti* [Db.], Kod *fiṅ-ti* [Db.], Msl *biṅga* [Ed.] id. A Maba-Masalit isogloss; further relations with Aik *bíč* [Ng.], *bíž-àsé* [Db.], Kib *bíč* [Ng.] are un-

⁷ It should be noted that, if Mimi-D *negiri* is a borrowing from Maba, this would surmise velarization of the palatal affricate in the borrowed item, even though there are transparent examples in Mimi-D that testify to the preservation of the original articulation (see ‘head’ on the sources of Mimi-D *kíži* ‘elder’, etc.). Could this indicate at least two chronological strata of borrowings, or does that imply that the resemblance is, after all, coincidental?

clear. A scenario under which the respective Mimi-D word could be genetically related to Maban is theoretically possible, but note, once again, that phonetically the Mimi-D word is closer to Maba than any other Maban language.

give: *endi* — cf. Mab *and* [Db.], Kod *andî* id. The verb ‘to give’ is much more frequently encountered in Maban with a palatal nasal or palatal nasal cluster, cf. Mab *ɔ̃n* [Lk.], *onjo* [Tr.], *unʒ* [Barth], Msl *inʒ* ~ *einʒ* ~ *iny* [Ed.], Aik *n̄n* ~ *n̄nʒ* ~ *n̄nd* [Ng.], Kib *unʒ-ik* [Ng.]; forms with *-d-*, although probably also formed from the same root, have poor distribution and are probably innovative. Nevertheless, we could consider the Mimi-D parallel as one of the “dubiously compatible” cases.

good: *kile* — cf. Msl *kàllá* id. [Db.], but Mab *kere-k* [Ed.] id. (the correspondence “Msl *-l-* : Mab *-r-*” does not exist, so the words must belong to different etyma; *KVIV is a widespread areal shape for ‘good’).

red: *kukeya* — cf. Mab *kùkúyà-k* [Lk., Cp., Db.], *kukui-ok* [Tr.], Kod *kukuyak* id. The words are clearly connected, but the Maba-Kodoi item is further related to Kib *kò:nʒí-k* [Db.], *kwònʒé-k* [Ng.] id. (same consonantal correspondence as in ‘moon’, see above), whereas the Mimi-D word specifically replicates the Maba shape of the word, characterized by reduplication, typical of color names in that language, but not in any other Maban languages. Thus, borrowing from Maba is the most natural solution.

road: *lanak* (cf. also *se-lija mamai akae* “où va cette route?”) — cf. Mab *lija* [Db.], *lijàk* [Cp., Ed.], Kod *lija* ‘road’. The word is exclusively Maba-Kodoi; an unmistakable borrowing.

see: *yakoe* — cf. Mab *oko* [Tr.], *ókó* ~ *yókó* [Lk.], Kod *yok* id. Again, the etymon is not found outside of Maba-Kodoi, although this time around, it is potentially reconstructible for Proto-Maban (both Masalit and Kibet-Runga feature entirely different stems), so that a common ancestor for Maba *(y)ókó and Mimi-D *yakoe* is not out of the question. Gaudefroy-Demombynes, however, is correct in pointing out additional parallels in nearby Central Sudanic languages (cf. Kresh *ókó*; Bagiro *àkò*, etc.) that make this Mimi-Maba isogloss non-exclusive.

B. In Mimi-N:

belly: *tik-a*, pl. *tik-u* — in Edgar’s dictionary, this is lumped together with Mimi-D *bok* and Maban *tàbú-k*, etc., see above. The underlying idea is that this could somehow stem from an original **tibu-k* (?), with lenition and deletion of the intervocalic labial and fossilization of the singulative suffix *-k*, but this is, of course, no less forcedly speculative than the possible connection between *bok* and *tàbúk*.

breast (more precisely — ‘bosom’, ‘udder’): *akun*, pl. *akun-i* — cf. Mab *àngûn* [Lk.], *àngûn* [Cp.], Kod *anğun*, Msl *anğuin-i* [Ed.], *anğòɔn-è* [Db.], Aik *anğúɔn-è* [Db.], *anğòɔn-ì* [Ng.], Kib *anğóɔn-é* [Db.], *anğòɔn-ì* [Ng.]. The word is perfectly reconstructible as Proto-Maban **anğun* and easily compatible with Mimi-N, although it should be noted that, once again, the Mimi-N paradigm is closest in shape to Maba (cf. in [Cp.]: *àngûn*, pl. *àngún-í*).

knee: *tumo*, pl. *tum-su* — cf. Mab *tumo-k* [Tr.], *túmó*: [Lk.], *tumò* [Db.], Kod *tu:mo*, Aik *dımdı*, pl. *dumdu* [Db.], *dàmdı*, pl. *dámdú* [Ng.], Kib *damtı*, pl. *damtı* [Db.], *dàmtı* [Ng.]. The word is reconstructible for Proto-Maban as **dəm-* with various suffixes (root vocalism is not certain), but the Mimi-N word is again closest in form to Maba proper (although this time, the paradigm looks different: plural form in the Maba-Kodoi cluster is Mab *tumò-ʒé* [Db.], Kod *tu:mo-ʒé*).

The results of this further survey are, if not entirely predictable, at least unsurprising. For Mimi-D, there are only two more cases that could be added to the “genetic relationship” side of the argument, one of them being ‘fish’ (a word that very easily gets borrowed in between

African languages, although in this particular case, the borrowing scenario is not straightforward), the other being ‘see’ (a non-exclusive isogloss)⁸; of the remaining items, at least three are almost certain borrowings (‘dry’, ‘red’, ‘road’). As for Mimi-N, it simply yields two more (not counting ‘belly’) body parts that could be, with almost equal probability, ascribed to contact *or* relationship (since both are reconstructible for Proto-Maban).

The fact that, out of the remaining 50 items, we have been able to uncover comparanda for nine Mimi-D items compared to Mimi-N’s three is easily explainable. First, Decorse’s list is simply larger, per se, than Nachtigal’s (cf. 30 vs. 18 attested items in the first half). Second, this may be taken as indicative of the fact that Decorse’s Mimi had simply been in closer contact with Maba than Nachtigal’s, which is why the number of discovered Maban → Mimi-D borrowings grows larger as we “move down” along the stability scale of the lexicostatistical lists.

Overall, further study of Mimi-D’s resemblances with Maban only reaffirms the conclusion that the genetic link between these taxa was mistakenly established by Greenberg due to lack of sufficient data on the Maban family. (Ironically, it is exactly the principle of “mass comparison”, advocated by Greenberg — although applied in a somewhat more strictly cladistic manner — that helps uncover the mistake). In reality, Mimi-D probably is (was) the sole survivor of a much more ancient stock, and the question of its external connections should only be reopened once we have gained a better understanding of the mutual relations of at least several major groups within Greenberg’s “Nilo-Saharan” (e. g., the connections between Maban, Central Sudanic, Saharan, and Fur-Amdang).

Concerning Mimi-N, there seem to be enough words on the list for us to argue about a real exclusive genetic connection with Maban (rather than simply areal connection with Maba). A certain amount of doubt still remains, given that (a) *all* of these words are body parts (but Nachtigal’s list *is* indeed seriously skewed in the direction of body parts), and (b) *many* of these words show morphological characteristics typical of Maba, not Maban, implying that they could have been borrowed “wholesale” from that language (on the other hand, some of those paradigms could simply be archaic).

Of course, there is also a third possibility, namely, that some or all of the body part terms, elicited by Nachtigal, were not actually “Mimi words” (i. e. words genetically inherited from previous generations, or words that were recently borrowed into the language from Maba, wiping out the original terms), but “Maba words”, i. e. “polite” or otherwise “stylistically marked” synonyms that the speakers could, in certain situations, substitute for their native words — a situation not altogether unknown on the African continent. Such a solution would explain both the preponderance of words with Maban etymologies in the “body part term” category and their specifically Maba-like paradigmatic behavior. At the same time it would reduce strong evidence for the “Mimi(N)-Maban” family to more or less the same size as evidence for the “Mimi(D)-Maban” family, that is, close to zero.

Accepting this third solution for *all* of the isoglosses is, however, not very realistic: such terms as ‘ear’, ‘eye’, ‘tooth’, ‘foot’ are significantly different from their Maba equivalents (either segmentally or in relation to their paradigms), and, as has been suggested above, some of the other terms may simply have undergone Maba influence without necessarily having been

⁸ The fact that the “more stable” part of the 100-wordlist features but one fully reliable comparandum and the “less stable” part of it features two is also a formal violation of the “Yakhontov criterion” (originally proposed for a different split of the 100-wordlist, but well applicable to the current one as well): related languages / language families have to have more lexicostatistical matches in their “more stable” parts than in the “less stable” ones. Of course, it goes without saying that application of this criterion to such quantities of matches as *one* or *two* is, altogether, somewhat pointless.

borrowed from that language. The decisive argument, to me, for sticking with the “Mimi(N)-Maban” working model is that so few of the isoglosses, compared to Mimi-D/Maban, are exclusive Mimi-N/Maba parallels — a very significant distinction that has to have some bearing on the resulting classification.

Although, unfortunately, our knowledge on the grammatical features of both Mimis is close to non-existent, there are at least two (admittedly, very feeble) arguments that could also be used to prop up the idea of a genetic connection between Mimi-N and Maban:

1. The system of plural marking, employed in Mimi (a diverse set of mostly monovocalic suffixes that, in a seemingly unpredictable manner, either complement consonant-final stems or replace the vowel in vowel-final singulative stems), is much more similar to the one in Maban languages than to systems commonly observed in other “Nilo-Saharan” taxa in the area (e. g. Central Sudanic or Saharan).

2. The only known (or, rather, surmised) personal marker in the verbal system is the prefix *z-* in imperative forms, presumably denoting the 2nd sg. person. This may be compared to one of the allomorphs of the 2nd sg. subject prefix in Maban (Mab *z=*, Msl, Aik, Kib *ǰ=*), although this is not really saying much, since this prefix is well-known to possess a whole multitude of allomorphs in Maban, and the issue of its reconstruction on the Proto-Maban level is wide open⁹.

What are the practical implications of these conclusions? First, that in any type of comparison that somehow deals with the “Nilo-Saharan” issue, it is absolutely imperative to discriminate between “Maban” and “Mimi”, be it Mimi-D or Mimi-N; treatment of Mimi material on par with, say, Masalit or Aiki (as is done, for instance, in Ehret’s [2001] etymological dictionary of Nilo-Saharan) is methodologically erroneous.

Second, evidence from Mimi-N at least must be kept “close in hand” during any attempts to establish the closest relatives of Maban within the large “Nilo-Saharan” complex. For instance, based on my current (so far, *highly* preliminary) lexicostatistical assessment of the data, it seems as if Maban may have a more special affinity with Central Sudanic than Eastern Sudanic. In testing this hypothesis, it will be interesting to assess the position of Mimi-N in between the relatively small Maban group and the huge Central Sudanic family. If it turns out that there are more “relationship signals” between Mimi-N and some other African taxon than between Mimi-N and Maban, our working hypothesis will have to be changed. For the moment, however, there is no evidence in favor of such a change.

Third and last, the situation that has just been described can, I believe, be of great interest to any comparative linguist, since our ability to establish a substantial historical difference between “Maban vs. Mimi-N” and “Maban vs. Mimi-D” turns out to be crucially dependent on a careful *distributional* study of the compared items in different languages. It is my firm belief that successful historical linguistics should amount to much more than simply grouping together sets of comparanda; each such set must be correlated with a realistic historical scenario, with the ensuing multitude of scenarios holding no mutual contradictions or typologically impossible absurdities. Thus, the complex historical scenario “Mimi-D is closely / distantly genetically related to / forms part of the Maban family” turned out to be full of contra-

⁹ Wolff [1989, 1991] argues for an original **m=*, based on analogies with the personal pronoun, but I find the argumentation exceedingly forced from a historical-phonological point of view, and would prefer to depart from an original glide (**y=*) instead; this is, however, an entirely different topic, way beyond the scope of the current publication.

dictions with much better established scenarios (internal developments within the Maban family), whereas the complex historical scenario “Mimi-N is a distant relative of the Maban family” holds much better against the available evidence, even if it is not entirely unproblematic in itself.

In fact, it may not be as important to be able to give a definitive, non-refutable yes/no type of answer as it is to be able to find an objective means of comparative evaluation of the evidence. The primary objective of this paper was to show that Nachtigal’s Mimi is a better “proposition” for genetic relationship with Maban than Decorse’s Mimi, not that Nachtigal’s Mimi is “unquestionably related” to Maban. I sincerely hope that this objective has been reached.

References

- Barth 1862 — Heinrich BARTH. *Collection of vocabularies of Central-African Languages*. Gotha: Justus Perthes.
- Bender 1997 — Lionel M. BENDER. *The Nilo-Saharan Languages: A Comparative Essay*. München — Newcastle: LINCOM Europa.
- Doornbos & Bender 1983 — Paul DOORNBOS, M. Lionel BENDER. Languages of Wadai-Darfur // *Nilo-Saharan Language Studies*. Ed. by M. Lionel Bender. Michigan: East Lansing, pp. 42–79.
- Edgar 1989 — John T. EDGAR. *A Masalit Grammar (with notes on other languages of Darfur and Wadai)*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.
- Edgar 1991a — John T. EDGAR. *Maba-Group Lexicon*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.
- Edgar 1991b — John T. EDGAR. First Steps Toward Proto-Maba // *African Languages and Cultures* 4, 2, pp. 113–133.
- Ehret 2001 — Christopher EHRET. *A Historical-Comparative Reconstruction of Nilo-Saharan*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Ethnologue 2009 — *Ethnologue: Languages of the World. 16th edition*. Dallas: SIL International. On-line version: <http://www.ethnologue.com>.
- Gaudefroy-Demombynes 1907 — M. GAUDEFROY-DEMOMBYNES. Documents sur les langues de l’Oubangui-Chari // *Actes du XIV. Congrès des Orientalistes (Alger 1905), vol. 2*. Paris, pp. 264–277.
- Greenberg 1950 — Joseph H. GREENBERG. Studies in African linguistic classification: VII. Smaller families; index of languages // *Southwestern Journal of Anthropology*, 6, pp. 388–398.
- Greenberg 1966 — Joseph H. GREENBERG. *The Languages of Africa*. Bloomington, Indiana University; Mouton & Co., The Hague.
- Greenberg 1971 — Joseph H. GREENBERG. Nilo-Saharan and Meroitic // *Linguistics in Sub-Saharan Africa. Current Trends in Linguistics*, Vol. 7. Ed. by Thomas A. Sebeok. The Hague — Paris: Mouton, pp. 421–442.
- Greenberg 1972 — Joseph H. GREENBERG. On the identity of Jungraithmayr’s Mimi // *Africana Marburgensia*, 5, 2, pp. 45–49.
- Jungraithmayr 1971 — Hermann JUNGRAITHMAYR. How many Mimi languages are there? // *Africana Marburgensia*, 4, 2, pp. 62–69.
- Lukas 1933 — Johannes LUKAS. Beiträge zur Kenntnis der Sprachen von Wadai // *Journal de la Société des Africanistes*, pp. 25–56.
- Lukas 1952 — Johannes LUKAS. Verbalwurzel und Verbalaffixe im Maba // *Afrika und Übersee* 36, pp. 93–98.
- Lukas 1953 — Johannes LUKAS. Tonbezeichnete Mabatexte (Waddai) // *Afrika und Übersee* 37, pp. 51–60.
- Lukas & Völckers 1939 — Johannes LUKAS, O. VÖLCKERS. G. Nachtigal’s Aufzeichnungen über die Sprache der Mimi in Wadai // *Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen*, 39, 2, pp. 145–154.
- Mbernodji & Wolf 2008 — Calvin MBERNODJI, Katharina WOLF. *Une Enquête Sociolinguistique des Parlers Kibet, Rounga, Daggal et Mourro du Tchad. Rapport technique*. SIL International.
- Nachtigal 1879–89 — Gustav NACHTIGAL. *Sahara und Sudan. Ergebnisse sechsjähriger Reisen in Afrika*, I–III. Berlin.
- Nougayrol 1986 — Pierre NOUGAYROL. Note sur la langue kibet (Tchad) // *Africana Marburgensia*, XIX, 2, pp. 38–55.
- Nougayrol 1989 — Pierre NOUGAYROL. *La langue des Aiki dits Rounga. Esquisse descriptive et lexicque*. Paris: Paul Geuthner.
- Rottland 1982 — Franz ROTTLAND. *Die Südnilotischen Sprachen: Beschreibung, Vergleichung und Rekonstruktion*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

- Starostin 2010 — George STAROSTIN. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: a new approach // *Journal of Language Relationship*, v. 3, pp. 79–117.
- S. Starostin 2004 — Sergei A. STAROSTIN. Opredeleniye ustoichivosti bazisnoy leksiki [Definition of stability of the basic lexicon] // S. A. STAROSTIN. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works in linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007, pp. 827–839.
- Trenga 1947 — G. TRENGA. *Le bura-mabang du Ouadaï: notes pour servir à l'étude de la langue Maba*. Paris: Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie, 49.
- Tucker 1940 — A. N. TUCKER. *The Eastern Sudanic Languages*. Volume I. London-New York-Toronto: Oxford University Press.
- Tucker & Bryan 1956 — A. N. TUCKER, M. BRYAN. *The Non-Bantu Languages of North-Eastern Africa*. Oxford University Press.
- Tucker & Bryan 1966 — A. N. TUCKER, M. BRYAN. *The Non-Bantu Languages of North-Eastern Africa: Linguistic Analyses*. Oxford University Press.
- Vossen 1982 — Rainer VOSSEN. *The Eastern Nilotes: Linguistic and Historical Reconstructions*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.
- Wolf 2010 — Katharina WOLF. *Une enquête sociolinguistique parmi les Amdang (Mimi) du Tchad. Rapport Technique*. SIL International.
- Wolff 1989 — Ekkehard WOLFF. Morphophonology of the Verb-Initial Consonant in Maba // *Topics in Nilo-Saharan Linguistics*. Ed. by M. Lionel Bender. Hamburg: Helmut Buske Verlag, pp. 67–84.
- Wolff 1991 — Ekkehard WOLFF. On the Morphology of the Verb-Initial Consonant in Maba (Nilosaharan) // *Proceedings of the Third Nilo-Saharan Linguistics Colloquium. Kisumu, Kenya, Aug. 4 – 9, 1986*. Ed. by F. ROTTLAND & L. M. OMONDI. Hamburg: Helmut Buske Verlag, pp. 277–285.

Статья посвящена неразрешенному вопросу о генетической принадлежности т. н. «языков мими» — двух отдельных наречий, лексические данные по которым были собраны более ста лет тому назад в североафриканских областях Вадай и Дарфур (существует еще и третий язык «мими», открытый позже, однако его почти сразу же удалось опознать как близкого родственника хорошо известного языка фур). Большинство исследователей вслед за Дж. Гринбергом склонны считать ближайшим родственником обоих этих языков группу маба; однако тщательный анализ лексических данных, с упором на дистрибутивные и этимологические характеристики предполагаемых когнатов в языках маба, показывает, что только для одного из этих языков («мими Нахтигалья») гипотезу о родстве (при этом не очень близком) с маба можно принять в качестве рабочей гипотезы. Что касается второго языка («мими Декорса»), то его отношения с языками маба уместнее интерпретировать как контактно-ареальные, а решение вопроса о его генетической принадлежности следует отложить вплоть до прояснения общей ситуации с составом и внутренней классификацией нило-сахарской макросемьи.

Ключевые слова: нило-сахарские языки, языки мими, языки маба, лексикостатистика, классификация языков, сравнительно-исторический метод, языковое родство, список Сводеша.

Lexica Afroasiatica XI

The paper represents the next installment in an ongoing series of publications that document the author's search for new Afro-Asiatic etymologies, which he has been elaborating for the last decade, parallel to his work on the *Etymological Dictionary of Egyptian*. The current installment (etymologies 919–988) includes Afro-Asiatic roots with the dental nasal **n*- followed by sibilants.

Keywords: Afro-Asiatic languages, Egyptian language, comparative phonology, historical reconstruction.

Comparative-historical Afro-Asiatic linguistics has undergone a significant development over the past half century, since the appearance of “*Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique*” (1947) by Marcel Cohen. This revolutionary and fundamental synthesis concluded the second great period of comparative research on Afro-Asiatic lexicon (the so-called “old school”, cf. EDE I 2–4). During the third period (second half of the 20th century), whose beginning was hallmarked by the names of J. H. Greenberg and I. M. Diakonoff, a huge quantity of new lexical material (both descriptive and comparative) has been published, including a few most recent attempts (either unfinished or rather problematic) at compiling an Afro-Asiatic comparative dictionary (SISAJa I–III, HCVA I–V, HSED, Ehret 1995).

During my current work on the “*Etymological Dictionary of Egyptian*” (EDE), I have collected a great number of new AA parallels, which — to the best of my knowledge — have not yet been proposed in the literature or were observed independently from myself¹. Along with the EDE project (and the underlying “Egyptian etymological word catalogue”), I started collecting AA roots (not attested in Egyptian) for a separate Afro-Asiatic root catalogue in late 1999.

The series “*Lexica Afroasiatica*” began in 2002² for communicating new Afro-Asiatic lexical correspondences observed recently during my work, which may later serve as a basis for a

¹ I did my best to note it wherever I noticed an overlapping with the existing Afro-Asiatic dictionaries.

² The first part of this series (lexical parallels with PAA **b*-) appeared in *Afrikanistische Arbeitspapiere* (Köln) 67 (2002), 103–151. The second part (additional lexical roots with AA **b*-) was published in Kogan, L. (ed.): *Orientalia: Papers of the Oriental Institute, Issue III: Studia Semitica* (Moscow, 2003., Russian State University for the Humanities, pp. 331–348). My paper “Lexica Afroasiatica III” (new AA roots with **p*-) appeared in Takács, G.: *Egyptian and Semito-Hamitic (Afro-Asiatic) Studies in Memoriam Werner Vycichl* (Leiden, 2003., E. J. Brill, pp. 510–550), while “Lexica Afroasiatica IV” (new etymologies with AA **f*-) was published in *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungariae* (Budapest) 57/4 (2004), 457–473. “Lexica Afroasiatica V” (new AA roots with **ḫ*- and **P*-) appeared in *Studia Etymologica Cracoviensia* 9 (2004), 159–178. The sixth issue (roots with **m*- followed by dentals, palatals, laterals, velars, pharyngeals, and laryngeals) is forthcoming in *Folia Orientalia* (Kraków) 48 (2011). The seventh part (roots with **m*- followed by sonorants) was published in Takács, G. (ed.): *Semito-Hamitic Festschrift for A. Dolgopolsky and H. Jungraithmayr*. Berlin, 2008., Dietrich Reimer Verlag. Pp. 310–336. “Lexica Afroasiatica VIII” (containing additional roots with **m*-) appeared in *Rocznik Orientalistyczny* (Warszawa) 62/2 (2009), 26–125. “Lexica Afroasiatica IX” (new AA roots with **n*- + labials) was published in *Lingua Posnaniensis* (Poznań) 52/2 (2010), 85–98. “Lexica Afroasiatica X” (new AA roots with **n*- + dentals) is forthcoming in *Rocznik Orientalistyczny* (Warszawa) 64/2 (2011).

new synthesis of the Afro-Asiatic comparative lexicon. The present part of this series is a collection of additional new Afro-Asiatic etymologies with the Proto-Afro-Asiatic initial dental nasal (*n-) observed after my research periods at the Institut für Afrikanische Sprachwissenschaften of Frankfurt a/M (in 1999–2000 and 2002), guided by Prof. H. Jungraithmayr. The numeration of the etymological entries is continuous, beginning from the first part of the series “*Lexica Afroasiatica*”. This part contains new Afro-Asiatic roots with *n- followed by sibilants.

Each entry is headed by the proposed PAA root (as tentatively reconstructed by myself). Author names are placed after the quoted linguistic forms in square brackets [], mostly in an abbreviated form (a key can be found at the end of the paper). The lexical data in the individual lexicon entries have been arranged in the order of the current classification of the Afro-Asiatic daughter languages (originating from J. H. Greenberg [1955, 1963] and I. M. Diakonoff [1965]) in five (or six) equivalent branches: (1) Semitic, (2) Egyptian, (3) Berber, (4) Cushitic, (5) Omotic (sometimes thought of as West Cushitic), (6) Chadic. For a detailed list of all daughter languages cf. EDE I 9–34. The number of vertical strokes indicate the closeness of the language units from which data are quoted: ||| separate branches (the 6 largest units within the family), || groups (such as East vs. South Cushitic or West vs. East Chadic), while | divides data from diverse sub-groups (e.g., Angas-Sura vs. North Bauchi within West Chadic).

Since we know little about the Proto-Afro-Asiatic vowel system, the proposed list of the reconstructed Proto-Afro-Asiatic forms is arranged according to consonantal roots (even the nominal roots). Sometimes, nevertheless, it was possible to establish the root vowel, which is given in the paper additionally in brackets. The lexical parallels suggested herein are based on the preliminary results of reconstructing the consonant correspondences achieved by the Russian team of I. M. Diakonoff (available in a number of publications³) as well as on my own observations refining the Russian results (most importantly [Takács 2011]). The most important results can be summarized as follows. The labial triad *b — *p — *f remained unchanged in Egyptian, South Cushitic, and Chadic, while the dental series *d — *t — *ʈ was kept as such in Semitic and South Cushitic (AA *ʈ continued as *ḏ in Berber, Cushitic and Chadic, and it was merged into t vs. d in Egyptian). The fine distinction of the diverse sibilant affricates and fricatives (AA *c, *ʒ, *ç, *s, *č, *ʒ̣, *č̣, *š, *ĉ, *ĉ̣, *ṣ̌) was best preserved in Semitic, South Cushitic and West Chadic (while some of these phonemes suffered a merger in other branches and groups). The Russian scholars assumed a triad of postvelar (uvular) stops with a voiceless fricative counterpart: *g, *q̣, *q, and *ħ, the distinction of which was retained in Cushitic and Chadic, but was merged into *ħ in Semitic and Egyptian. In a number of cases, however, it is still difficult to exactly reconstruct the root consonants on the basis of available cognates (esp. when they come from branches that have only modern attested descendants, e.g., Berber, Cushitic-Omotic, or Chadic). In such cases, the corresponding capitals are used (denoting only the place of articulation)⁴.

AA *n- + sibilants

919. AA *√nʒ “to make voice” > Sem.: Ar. nazza I “2. crier, faire entendre sa voix (se dit des gazelles)” [BK II 1233] ||| ECh.: WDangla nízzé “soupirer” [Fédry 1971, 218].

³ Cf. Diakonoff 1984; 1988, 34–41; 1992; Diakonoff et al. 1987; 1993; SISAJa I–III; HCVA I–V.

⁴ E.g., the symbol (*P-) signifies any unknown initial labial, just as, e.g., *T stands for any unknown dental stop (*d, *t or *ʈ) or *K for any unknown velar stop (*g, *k or *ḳ) or *Q for any unknown postvelar/uvular (*g, *q or *q̣), while *H stands for any laryngeal or pharyngeal (*ʔ, *h, *ʕ, *ħ, also *ɣ).

920. AA * \sqrt{nz} “to make bloodshed” > Sem.: Ar. nzw: nazā IV “2. faire saigner, faire perdre beaucoup de sang” [BK II 1243] = “nzw/y (?): nazā I (act.) “perdre son sang jusqu’à épuisement” [Fagnan 1923, 171] ||| Eg. nz “Blutbad (ob richtig?)” (XXVI, Wb II 319, 5)⁵ ||| NBrb.: Izdeg u-nzu “avoir une hémorragie nasale” [Mrc. 1937, 137] ||| CCh.: perhaps Mofu-Gudur náz “sangsue” [Br. 1988, 201].

921. AA * \sqrt{nz} “to r(a)ise” > Sem.: MHbr. nzz qal “1. eig.: *(auf)springen, 2. übertr.: sich überheben, übermütig werden” [Levy 1924 III 364] | Ar. nzz I “1. se mettre à courir (gazzelles)”, III “lutter avec qqn. de gloire, de supériorité”, IV “faire sortir l’eau à sa surface (la terre)”, nzw I “1. sauter, faire un saut, 2. couvrir une femelle, 5. renchérir, monter en prix (se dit des grains), 6. entrer en fermentation (se dit du vin)”, VI “se disputer la gloire, la supériorité” [BK II 1233, 1242–3] = nzw VIII “se révolter contre (son souverain), s’emparer de” [Dozy II 664] ||| Eg. nzj “to raise up (??)” (CT V 28b, AECT II 7; DCT 245)⁶.

922. AA * \sqrt{nz} (var. * \sqrt{nz} ?)⁷ “1. to suffer, 2. move convulsively, shake” > Sem. * \sqrt{nz} :- Ar. nazaw-ān- “2. la crise, le moment de la plus grande intensité d’une maladie” [BK II 1243], Yemeni Ar. \sqrt{nz} y I: nazā “to suffer from an incurable disease” [Piamenta 1990–1, 483] || ES * \sqrt{nz} nz: Geez naznaza “1. to vex, torment, cause pain, 2. shake, agitate”, tanaznaza (tänāznāzā) “to be vexed, shaken”, hence, e.g., Tna. nāznāzā “to shake”, Tigre nāznāza “to jog”, Amh. nāzānnāzā “to importune, pester, torment, bother” (ES: Lsl. 1979 III, 466; 1982, 57; 1987, 411) ||| Eg. nznz “to suffer” (CT VI 134i, DCT 247)⁸ ||| CCh.: Glavda nž “1. to feel pain, suffer, 2. convulse” [RB 1968, 74]. Cf. also AA *n-c/s “to groan from suffering” (infra).

923. AA * \sqrt{nzp} “to spread (out, on)” > Sem.: Sqt. ?énzof “étendre” [Lsl. 1938, 263]⁹ || Geez nazafa II “to spread out (e.g. a mat), spread grass or leaves on the floor” [Lsl. 1987, 411]¹⁰ ||| Eg. nzp “Tätigkeit beim Backen: das Brot glatt streichen” (OK: V. 2×, Wb II 319, 8) = “ein Aufstrich bzw. Überzug (des des Gebäcks und des Brotes) mit der in die Schalen gestrichenen Substanz” (Montet apud Falting l.c. infra) = “mit Brotpachtel Brotlaib formen (glätten, ritzen)” (ÄWb I 661c; GHWb 432) = “Behandlung von ṣ̌.t-Gebäck und gẉ-Brot mit einem gelben Instrument (Scherbe? Steinschaber?)” (Faltings 1998, 229)¹¹ ||| SBrb. * \sqrt{nzf} “to allon-

⁵ In principle, this word might alternatively be interpreted as a late writing of the equally uncertain Eg. *ns* “Verletzung (?)” (NE, Wb II 321, 4) as supposed in the lit., cf. Alliot, RdE 10 (1955), 1–4; WD II 79. For Eg. *ns*, cf. AA *n-s infra.

⁶ Replaced by Eg. *tzj* “to raise” but in one single ex. (namely coffin Sq6c) of CT V 28b, all other ex. have *nzj*. R.O. Faulkner (AECT II 7, spell 366, n. 4), based on this, supposed in *nzj* a miswriting for *tzj*, which is unlikely given the fact that *nzj* occurs in more instances.

⁷ The Sem. evidence clearly supports the reconstruction of AA * \sqrt{nz} . Eg. *z* can reflect both AA * \sqrt{z} and * \sqrt{z} .

⁸ The rendering of CT VI 134i *nznz* has been disputed according to different (pre)conceptions: “détruire, être détruit (par le feu)” (AL 78.2235) = “*zerschneiden” (ÄWb II 1346b-c). Following E. Edel (1975, 32), R.O. Faulkner (AECT II 157, spell 539, n. 1), D. Meeks (AL 78.2235), and R. van der Molen (DCT 247) suggested an etymological link to OEg. *nznzn.w* (neg. complement) “sich vollständig lösen von, *vergehen” (PT 903a and 2127g, ÄWb I 662a) = “to pass away” (Allen 1984, 586), which is semantically not at all evident, let alone the fact that CT *nznz* < * \sqrt{zn} , whereas PT *nznzn* < either * \sqrt{zn} or * \sqrt{nzl} . In the latter case, one might attach PT **nznl* to AA *n- \sqrt{z} -l (infra). R. Hannig (ÄWb l.c.), in turn, assumed a derivation from Eg. *zn* “to cut”. In addition, E. Edel (l.c.) traced both PT *nznzn* and CT *nznz* back to Eg. *znj* “vorbeigehen”, which is semantically dubious.

⁹ Regarded by W. Leslau (l.c.) as a var. of Sqt. ?énzof “id.”.

¹⁰ Regarded by W. Leslau (l.c.) as a var. of Geez *našafa* “id.”.

¹¹ D. Faltings (1998, 229) was also inclined to see in OK *nzp* a term expressing “ein Aufschneiden oder Einritzen”, accepting W. Wreszinski’s (1926, 13; AAÄKG I 399) rendering “zerschneiden (der Spitzbrote mit einem

gate (?)” [GT]: Hgr. *ä-nĥəf* “bâton gros, long”, Ghat *a-nzəf* “(trou de) pivot”, *a-nžəf* “tison” (SBrb.: Prs. 1969, 82, #541).

924. AA **√nɜP* “to hurt by cutting” > Sem.: (???) Ar. *√nzf* I “saigner du nez” [Dozy II 659]¹² || Geez *nazafa* I “to tear/cut off” [Lsl. 1987, 411] ||| Eg. *nzp.w* “Wunden, Ritzwunden (?)” (CT, Wb II 319, 9; ÄWb II 1346b; WD I 113) = “Messer (des Re)” (CT VII 370a, 468g, Altenmüller 1975, 347) = “wounds” (Borghouts 1971, 206; DCT 247)¹³, cf. *nzp* “Messer” (GR, Wb II 319, 10) = “knife” (PL 546) ||| NBrb.: Qabyle *√nzf*: *nezzef* “souffrir d’une douleur aiguë, piquer (douleur)” [Dlt. 1982, 591] || SBrb.: (?) Tadhgaq and Tudalt *ə-nfāz* “to punch in the face” [Sudlow 2001, 133].

925. AA **√nɜr* “to be in pressing need” > Sem.: Ar. *nazara* I “1. être pressant dans ses demandes, 2. presser, talonner qqn.”, pass. *nuzira* I “être importuné, pressé vivement, talonné” [BK II 1235] ||| NBrb.: Mzg. *√nrz* [met. < **nzr*?]: *nnurz* “1. être dans le besoin, être nécessaire, besoin, 2. attendre après qqn., espérer en qqn., avoir besoin de qqn.”, *a-nnurz* “besoin, gêne, nécessité” [Tf. 1991, 496].

926. AA **√nɜr* “to break into pieces” > Sem.: Sqt. *√nɜr* (var. *√nɜr*): *t-stem* “to split (intr.): se fendre” [Lsl. 1938, 263] || ES **√nɜr*: Geez *nazara* ~ *nazzara* I “to bite, tear to pieces, pierce, crunch, hit”, *nəzzur* “torn into pieces, pierced, pock-marked”, cf. *nazara* ~ *nazzara* II “to be separated, dispersed”, Tna. *nāzār/lā* “to tear to pieces, bite”, Tigre *nāžra* “to bite off”, Amh. *nāzzārā* “to strike, hit”, cf. *a-nāzzārā* “to squander” (Eth.-Sem.: Lsl. 1987, 411–2) ||| Eg. *nzʔ* (GW) “briser” (NE, AL 79.1619) = “zerbrechen” (GHWb 431). A var. (?) with a voiceless -C₂- is also known in Sem.¹⁴

927. AA **√nɜl* “to be dissolved, descend, disappear” > Sem. **√nɜl*: MHbr. *nzl qal* “to run, melt, be distilled” [Jastrow 1950, 892], Mandaean *√nɜl* “to descend, go down, flow down, disappear, melt” [Drower-Macuch 1963, 295] | Ar. *nazala* I “1. descendre etc.” [BK II 1239; Dozy II 659] = “s’adoucir, se relâcher de ses exigences, descendre” [Fagnan 1923, 170–1] || Geez *nazala* ~ -zz- “to go down, flow, spill over, seep (water), become damp (from seepage)” [Lsl. 1987, 411: < Ar.] ||| (?) Eg. *nznzn.w* (neg. complement) “sich vollständig lösen von, *ver-

Messer” (stimulated by an alleged etymological connection to Eg. *nzp.w* “wounds” of CT, BD assumed by Wreszinski) rightly remarking, though, that “*doch weisen die beiden Handhaltungen darauf nicht eindeutig hin*” in the OK scenes where the *nzp* activity was depicted. Actually, this rendering would agree quite well with Geez *nazafa* I “to tear/cut off” [Lsl. 1987, 411]. But it is more reasonable to side with the more careful position taken by P. Montet (1925, 241), who observes that on the OK scenes in question “*on voit des boulangers promener sur des pains coniques un instrument qui ressemble à un racloir*” similar in form to the det. of OK *zšp* “(Möbel) glätten, polieren, (Brot) glatt streichen” (PT, Wb III 485, 8–9 pace Montet), and, based on this, concludes that with this instrument “*le produit contenu dans les écuelles zšn.t, était étendu sur toute la surface du pain: c’est à cette opération que se rapportait le terme nzp*”, while “*le boulanger y procédait avec une sorte de racloir*”.

¹² Alternatively, the Ar. root might be a met. of **√znf* to be compared with Eg. *znf* “blood”.

¹³ Ch. Ehret (1995, 332, #648) erroneously compared CT *nzp.w* with Sem.: Ar. *ntf* “to suffer from indigestion”, HECu.: Sidamo *nīt-* “to have labour pains”, and NOm.: Benesho *ṇaṇ* (-ts’) “headache”, but Eg. *z* has nothing in common with AA **t*.

¹⁴ Cf. Akk. *našāru* G “abteilen” [AHW 759] = G “1. to cut off a piece of a land holding, expropriate part of a holding, 2. deduct, remove, 3. reduce in size, number, intensity”, D (*nuššuru*) “to set aside, save, cut off (?), diminish in strength, weaken, subtract, etc.” [CAD n2, 60] || Ar. *nasara* I “5. déchirer ou ouvrir, faire crever (une plaie, un abcès)”, V “1. se défaire, se détordre (corde), 2. crever (abcès), 3. être déchiré et mis en lambeaux (vêtement ou papier)” [BK II 1248].

gehen” (PT 903a and 2127g, ÄWb I 662a) = “to pass away” (Allen 1984, 586) ||| NBrb.: Qabyle e-nzel “filer, partir” [Dlt. 1982, 592] || SBrb.: EWlmd.-Ayr ə-nzəl “être effacé (écriture), 2. (EWlmd.) tomber dans l’oubli, en désuétude, disparaître de l’usage” [PAM 2003, 637].

928. AA *√nc “to lick” > Sem.: Ar. nasaʔa I “4. lécher (p.ex., une gazelle qui lèche son petit)” [BK II 1244] ||| SCu.: NWRift *nāc (-ts) “to lick” [KM 2004, 216]: Iraqw-Alagwa nac “to lick” [Ehret 1980, 184, #5] = nāc [KM]¹⁵, Iraqw nāc (-ts) “to lick” [Mgw. 1989, 116] = nāc (-ts) “to lick with the tongue” [MQK 2002, 78].

929. AA *√nc (var. *√ns)¹⁶ “to groan from suffering” > Sem. *√nss “1. to suffer, 2. complain” [GT]: Akk. nasāsu “wehklagen” [GB] = “klagen, jammern” [AHW 753] || Hbr. nss I (GB: unsichere Wurzel): qal part. nōsēs “(ein Kranker)” [GB 508] = “to stagger, despair (?)” [KB 703], Syr. *√nss “krank sein”: nsīs “krank, elend” [GB, AHW] | Ar. nasīs- “1. faim violente, 3. peine, fatigue, 4. dernier souffle de la vie”, nasīs-at- “dernier souffle de la vie”, cf. nasnasa I “être faible, débile” [BK II 1244, 1253] ||| NBrb.: Mzg. i-nziz “chanter à voix basse, fredonner, lamenter chants tristes, funèbres, se lamenter en chantant”, a-nza, pl. a-nzat-n “gémissement, geignement mystérieux entendus à la tombée de la nuit près de la tombe d’un assassiné ou d’un inconnu (on dit que ces gémissements sont des appels à la vengeance)” [Tf. 1991, 512] ||| WCh.: Hausa níisà “1. to groan, rumble, 2. keep on thinking regretfully of dead or absent person” [Abr. 1962, 705]. Cf. AA *n-ʒ/ʒ (supra).

930. AA *√nc “to descend, sink” > Sem.: Ar. nss I: nassa “4. descendre à l’eau, à l’abreuvoir, à une aiguade (se dit d’une troupe de nomades, des pâtres, etc.)” [BK II 1243], cf. Yemeni Ar. nsl [root ext. -I?] I: nasal “to sink down, sink together”, II “to let down”, V “to lower o.s. down” [Pianta 1990–1, 484] ||| Eg. ns “vom Einsinken des Fußes in den Ackerboden” (Med., Wb II 320, 19) = “to sink, settle into (cultivated ground)” ≈ ḏfj n ḥrw “penetration downward” (Breasted l.c. infra) = “einsinken” (GHWb 430), cf. ns.wt “eine Krankheitserscheinung am Nacken wirbel: Senkung o.ä. (?)” (Med., Wb II 324, 16) = “displacement” ≈ hrp “to sink” (Breasted 1930, 334–5, 337) ||| NBrb.: Mzg. a-nz ~ u-nz “se soumettre, se baisser, s’incliner”, a-nnaz “1. soumission, 2. attitude humble, modeste” [Tf. 1991, 512] | Shenwa a-nz “s’abaisser” [Lst. 1912, 148] | Qabyle a-nez “1. s’incliner, 2. se soumettre”, zzi-nez “s’abaisser (surtout au sens fig.)”, a-nnuz “abaissement, attitude humble” [Dlt. 1982, 589] ||| WCh.: Hausa níca (-ts-) “2. to penetrate into, 3. vanish”, níco “1. vanishing below the water, 2. swimming under water, 3. being hidden” [Abr. 1962, 705–6] = ni/uc- (-ts-) “to abate, sink, vanish” [Skn. 1996, 209]¹⁷, Gwandara nùcu “1. to dive, sink” [Mts. 1972, 91] || CCh.: Margi nčù “1. to plant (GT: < orig. *to plug in’), 2. immerse, dive” [Hfm. in RK 1973, 127] || ECh.: (?) Gadang nási “tomber” [Jng. 1990 MS, 14, #257].

¹⁵ Ch. Ehret (l.c.) affiliated this stem with Dahalo *nyānyānte* “leech”.

¹⁶ The sibilant correspondences are controversial. Sem. *s = Brb. *z < AA *c, whereas Hausa -s- < AA *-s-/*-č-.

¹⁷ N. Skinner (1977, 43) equated Hausa *nuce* (-ts-) “to sink” with NBauchi *√nš “to swim” [GT]. Later, Skinner (1996, 209) combined the Hausa word with CCh.: Mofu-Gudur *nās-* “1. endommager, abîmer, gâter, (se) perdre, 2. handicaper, 3. maudire” [Br. 1988, 201] (GT: cannot belong here, since its basic meaning was hardly “to sink”) || ECh.: Migama *núudyó* “enfoncez, plonger” [JA], Bidiya *noodý-* “enfouir” [AJ] and a number of impossible comparanda such as, e.g., ECu. *no^c- “to sink”. Similarly, O. Stolbova (2005, 136, #513) derived the Hausa verb from PCh. *nV[č]- “to sink, plunge” in comparison with Migama *núudyó*, which, indeed, represents a plausible alternative (Hausa *c* < both AA *c and *č).

931. AA *√ncnc “bird sp.” > Sem.: (?) Akk. *našnašu* (act. to be read **nasnasu*?) “(a bird)” [CAD n₂, 49] = *našnāšu/ū* “ein Vogel” [AHW 757]¹⁸ || Ar. *nasūs-* “sorte d’oiseau plus grand qu’on moineau, et plus petit qu’une perdrix (il a la tête très-grosse et vit dans les montagnes)” [BK II 1243] vs. *nusnūs-* “nom d’un oiseau à large tête, qui habite les montagnes” [Dozy II 668] ||| Eg. *nsns* (pl.) “ein Vogel (erwähnt bei der Einrichtung des Geflügelhofes für Amun)” (XIX. 1x: Sethi II, MWNR 506) = “Art Vögel (im Geflügelhof)” (GHWb 432).

932. AA *√nc[h] “porcupine” > NBrb. **i-nisi*¹⁹ “hérisson” [GT]: e.g., Shilh *i-nisi* “Igel” [Vcl.] | Mzg. *i-nsi*, pl. *i-ns-an* [Tf. 1991, 498] | Botiwa *i-nsi*, pl. *ins-awen* [Biarnay 1911, 186] | Wargla *i-nsi* [Dlh. 1987, 225] | Qabyle *i-nisi*, pl. *i-nisi-wen* ~ *i-nis-an* [Bgc. 1998, 305; Dlt. 1982, 576] | Nefusa *i-nsi* [Mtl. 1904, 126], Izdeg *i-nsi* [Mrc. 1937, 137] ||| CCh.: Mafa-Mada *(N)cəhi(d) “porcupine” [Rsg. 1978, 305, #538]. Perhaps related to Eg. *nḥs* “stechen (von einem Insekt)” (NE, Wb II 303, 2) ||| Sem. **nāḥāš-* “Schlange” [Hinz 1992, 268] via metathesis.

933. AA *√ncr “to bleed (nose)” > SEth.-Sem., e.g., Amh. *nässärä(w)* “1. to have a nose-bleed, 2. form (pools of melted butter on the surface of cooking sauce), 3. (fig.) predominate, preponderate, be more than”, *näsära* “having a nosebleed, bleeding from the nose”, cf. *nässärä* “to sweat, form on the body (perspiration)” [Kane 1990, 1023] and Tigre *√nrs* “to bleed” [Lsl. 1979 III, 462] (GT: borrowed from Cu. or vice versa?) ||| Brb. **√nzs* “saigner du nez” [NZ]: NBrb.: Shilh *wwunzer* “saigner du nez” [NZ] | Mzg. *√nzs*: Zayan *g/kunzer* ~ Izdeg *munzer* “saigner du nez” [Tf. 1991, 514] | Uriaghel, Iboqqoyen, Senhazha *√nzs*: *funzär* “saigner du nez” [Rns. 1932, 393], Mzab *ggunzer* “saigner du nez” [Dlh. 1984, 61–62], Wargla *mmunzər* “saigner du nez” [Dlh. 1987, 232] | Qabyle *funzr* ~ *wunzr* “saigner du nez” [Chaker 1972–3, 87: prefix *f-/w-*] || EBrb.: Ghadames *fənzər* “saigner du nez” [Lnf. 1973, 90–91, #399] = *fenzer* [NZ] || WBrb.: Zenaga *√nzr*: *ūžər* “saigner du nez” [Ncl. 1953, 239] || SBrb.: Hgr. *ă-ñher* “sang s’écoulant par les narines dans un saignement de nez”, *fuñher* “avoir la narine coupée (par l’arrachement de l’anneau de nez)” [Fcd. 1951–2, 1355], Tadghaq and Tudalt *e-nžär*, pl. *e-nžär-än* “nosebleed” [Sudlow 2001, 281] ||| NAgaw: Bilin *našar* “aus der Nase bluten”, *našarä* “Blutung, Blut aus der Nase” [Rn. 1887, 286], Kemant *našir* “saignement du nez” [CR 1912, 238] ||| NOm.: Mocha (borrowed from Amh.) *nāširi(yé)* “to bleed” [Lsl. 1959, 44]. The first radical (*f-*, *m-*, *k-*, *g-*, *w-*) in the root type *√C₁inzr*, which frequently occurs among Brb. reflexes (cf. Lst. 1931, 292; NZ 2002, 367–8), may be a secondary non-etymological root extension.

934. AA *√nc “to be wise” > NBrb.: Zayan and Sgugu *√nz*: *nezz* “être intelligent, avoir du bon sens” [Lbg. 1924, 573] ||| WCh.: Hausa *nìcú* “to come to his senses”, *nìcé* “to reflect”, *nìcaccé* “person of reflection”, *nìcóó* ~ *nìcúwáá* (*f*) “being a person of foresight, being a person of reflection” [Abr. 1964, 705–6]

935. AA *√nc “to oppose” > Sem. **nʔs*: Akk. *naʔāšu* > *nāšu* “geringschätzig ansehen” [AHW 758] || Ug. *nʔs* “verachten, beschimpfen” [Ast. 1948, 216, #9; WUS #1731] = “to despise, insult” [DUL 612], Hbr. *nʔs qal* “verschähen, verwerfen (Lehre, Warnung), jem. verächtlich etwas absprechen”, *piel* “unter Verhöhnung verwerfen” [GB 477] = *qal* “mépriser, dédaigner,

¹⁸ W. von Soden (AHW l.c.) compared the Akk. term with Ar. *naḏnād-* “bösertig zügelnd(e) Schlange” [AHW]. L. Kogan (SED II 222, #168) explained the Akk. form from his PSem. **na/iš(š)-* “kind of bird”, whose reflexes, however, usually denote “hawk” or “falcon” and, suspiciously, do not display the reduplicated root structure *√C₁C₂C₁C₂*.

¹⁹ W. Vycichl (2005, 78) assumed PBrb. **√knsy* with a shift of **k-* > **y-*, cf. Hgr. *ē-kenisi* “Igel”, but the additional first radical here might alternatively be interpreted as a root extension.

repousser” [Gray 1933, 128, #57], JAram. neʔūšā “Schmähung” [Ast.] ||| Eg. ndj “feindlich” (GR, Wb II 369, 8) = “hostile towards” (PL 565), ndj.t “Schlechtigkeit” (MK, Wb II 269, 9) = “bassesse, infamie” (Žabá 1956, 119) = “Bosheit” (Fecht, LÄ I 648) = “*Anmaßung, *Geiz, *Sparsamkeit” (GHWb 447) ||| WCh.: Pero nódđi “offence”, nódđò “to offend” [Frj. 1985, 43–44]

936. AA *√nç “to cry” > Sem.: Ar. našša “11. produire un bruit (la viande que l’on fait rôtir, de l’eau qui bouillonne, etc.)”, našaʔa “3. stimuler à la marche de sa voix (une bête de somme)” [BK II 1267–8] ||| NBrb.: Mzg.-Izdeg √nç: nçi “1. glapir, 2. chuintier (chouette), 3. gémir, 4. pousser des cris dûs à la douleur, à la souffrance” [Tf. 1991, 515] ||| ECh.: Migama néđđyò “1. gémir, 2. contracter le vente” [JA 1992, 109].

937. AA *√nç/ĉP “to be vivid” > Sem.: Ar. nšf [Ar. š < AA *ç] IV “7. faire vite, promptement, avoir été prompt et expéditif” [BK II 1273]²⁰ ||| NBrb.: Mzg. nĉef [Mzg. ĉ < AA *ĉ] “1. être (r)avivé, irrité (plaie, blessure), se reouvrir, 2. souffrir d’une ancienne blessure, avoir une blessure qui s’est rouverte” [Tf. 1991, 466]. For the glottal sibilant correspondences cf. Takács 2006, 48–63.

938. AA *√nĉh “to examine” > Sem.: Hbr. nšĉ piel “1. to inspect” [KB 716] ||| NBrb.: Mzg. √nç: nçu “1. observer, regarder, 2. considérer, examiner”, i-nçi “1. observation, examen, 2. perspicacité, 3. clairvoyance” [Tf. 1991, 515].

939. AA *√nçr “to rain” > Sem.: Ar. našara I “3. arroser abondamment le sol (se dit de la pluie)”, ma-nšūr-at- “(sol) arrosé abondamment d’eau” [BK II 1271–2] ||| Brb. *a-nzar “rain” [GT]:²¹ NBrb.: Shilh a-nzar “pluie” [Mntsr. 1999, 165] | Tamazight a-nzar “pluie” [Tf. 1991, 516], Izdeg a-nzar “pluie” [Mrc. 1937, 196] | Wargla a-mzar, pl. i-muzar “pluie” [Dlh. 1987, 204] || EBrb.: Ghadames a-nazar “pluie” [Lnf. 1973, 256, #1206; Dlt. 1982, 593], Sokna a-mzâr “pioggia” [Srn. 1924–5, 23], Djerba á-nzar “pluie” [Saada 1965, 499] || SBrb.: EWlmd. a-nzer “vent frais d’automne avec pluie légère”, Ayr a-nzer “vent de sable léger avec orage et pluie légère” [PAM 2003, 640].

940. AA *√nçl “to (be) split” > MSA: Mehri náššəl “to come to pieces, come apart (gun)” and CJibbali nútšəl “to come to pieces, come apart (gun, dagger)” [Jns. 1987, 301] ||| NBrb.: Tamazight √nçl: nçel “se gercer, être gercé, se crevasser (surtout les pieds)”, i-nuçla “gerçures, crevasses” [Tf. 1991, 516].

941. AA *√nçl “to take (away)” > Sem. *nšl “herausreißen” [AHW] = “herausziehen” [Soden 1968, 177]: Akk. (OBab.) našālu “hinausbringen (??)” [AHW 755] || Hbr. nšl qal “herausziehen, -reißen”, nifal “sich retten”, piel “1. plündern, rauben, 2. aus der Gefahr reißen, retten, befreien” [GB 517–8] | Ar. nšl II “2. ôter, extraire, tirer, 5. délivrer qqn. de qqch., acquitter”, V “1. tirer, extraire, arracher qqch., 4. enlever à qqn. tout ce que celui-ci possédait” [BK II 1274–5], Yemeni Ar. našal “wegnehmen, -werfen” [Deboo 1989, 197] || Geez našala “to detach, separate” [Lsl. 1987, 404–5] ||| Eg. ndrj “fassen, packen” (OK-, Wb II 382–3) = “to take hold of” (Allen 1984, 582) = “saisir, retenir, emprisonner” (Cannuyer 1983, 27)²².

²⁰ For the semantic shift cf., e.g., IE *g^{weiw-} “to live” > French *vite*, English *quick*.

²¹ The widespread (e.g., Stumme 1914, 106; Mkr. 1963–6, 181–2, #76; Bnd. 1975, 180, #63.2) comparison of the Brb. word with Ar. *mašar-* “rain” has been correctly rejected by A. Militarev (2005, 373, #65), since Brb. *ç does not correspond to Sem. *š.

²² The etymology of the Eg. root has been disputed. K. Piehl (1893, 252–3), followed by K. Sethe (1912, 96), M.K. Feichtner (1932, 224), W. Vycichl (1933, 179), F. von Calice (GÄSW 168–9, #684), P. Kaplony (KBIÄF 160,

942. AA *√ns ~ *nys “1. to breathe, 2. rest” > ECu. *na/ess-²³ “1. to breathe, 2. rest” [Sasse]: PSam *nas “to rest” [Heine 1978, 69/61]: Somali nas-ad- “to breathe, rest” [Sasse], Rendille a-naša “ich ruhe (mich aus)” [Schlee 1978, 142] = nās “to breathe, rest” [Heine] | Elmolo nás-i “atmen” [Heine 1973, 279], Konso ness-a “soul, breath, noise” [Sasse], Gidole nass “voice, character” [Sasse] | Dullay *nass-aḍ- (med.) “to breathe” [GT]: Dobase, Gollango, Gawwada nass-aḍ- “atmen (to breathe)”, hence Dobase, Gollango nass-o “Atem, Seele, Leben” [AMS 1980, 176, 230; Black 1976, 228], Tsamay nass-aḍ “to breathe, rest” [Sava 2005 MS, 249] > Ongota naʔs-aḍ ~ nas-aḍ “1. to breathe, 2. rest” [Flm. 1992, 214] | Yaaku nes-i “breath” (only in compounds) [Sasse] (ECu.: Sasse 1979, 23, §4.13) ||| NOm.: Gimirra/She nāys (falsely recorded as nars by Montandon) “vento” [CR 1925, 622] ||| PCh. *√ns ~ *√nys “1. to breathe, 2. rest” [GT]²⁴ > WCh.: Mangar nyés la “to rest”, mí-nyes “to breathe”, Karfa nyes “to breathe”, Kulere nos “to breathe” (Ron: Seibert 2000 MS, #f013–4) | Ngamo nèesùm “to breathe” [Alio 1988 MS], Bole noss- “ruhen” [Lks. 1971, 137], Pero néccò “(to) rest” [Frj. 1985, 43] | Bubbure nósíná “to breathe” [Haruna 1992 MS, #f104] || CCh.: Zime-Dari nyís “esprit, âme, souffle vital, ombre” [Cooper 1984, 20] || ECh.: Migama náàsò “respirer”, cf. násáw “se reposer pour prendre souffle” [JA 1992, 109], Bidiya nees “respirer”, nésò (f) “respiration” [AJ 1989, 101] | Birgit nèsí (nèsá, nésò) “se réposer” [Jng. 2004, 357].

943. AA *√ns “(to) place, (take a) seat” > Eg. ns.t “1. Sitz, 2. Thron” (OK-, Wb II 321–3) = “1. Stelle, Sitz, 2. Ansehen” (Giza, IV., Pusch 1974, 22) = “Untersatz: une sorte de support de vase, base d’objet” (Abusir: V., Kaplony 1972, 206; 1976, 194, C17, 674) = “base” (VIII., Gdk. 1994, 79) = “Basis (einer Rampe), meist als ‘Abdeckpflaster’ übersetzt oder Ziegelabdeckung,

n. 208), and P. Lacau (1972, 35, #40), explained it (via prefix *n-*) from a hypothetical Eg. **dr* “packen” that also supposedly underlies *dr.t* “Hand” (act. *Greifer), which Vycichl affiliated with NBrb.: Shilh *ger* “fassen”. Ch. Canuyer (1983, 27), in turn, derived it from Eg. *dr* “retenir, faire, obstacle, empêcher” (Wb V 595, 5–9). In works by the “old school”, it is usually identified with Sem. **nṯr* (sometimes misquoted as **nṣr!*) “to guard” [Hodge] (cf. ESS §12.a.18, §24.b.5; Hodge 1984, 416), which is very weak semantically. V. Orel and O. Stolbova (1992, 198; HSED #957), in turn, equated it with ECh. **gʷar-* “to seize”, which does not explain Eg. *n-*. Elsewhere in that very same paper (!), they (OS 1992, 196) compared Eg. *ndrj* with CCh. **nadir-* (!) “to hunt”.

²³ H.-J. Sasse (1979, 59) affiliated this ECu. root with the Saho prefixal verb *-mfes-/mfis-* and verbal noun *nafse/nefs-e*, recorded by L. Reinisch (which is, however, a modern borrowing from Ar.), and, based on this, assumed a shift of the primary cluster ***-fs-* > **-ss-* in the rest of the ECu. parallels, which appears rather unlikely in the light of the Ch. cognates.

²⁴ Ignoring the evident Cu. reflexes, V. Orel and O. Stolbova (HSED 400, #1853) mistakenly combined some of the Ch. reflexes with a certain Sem. **nVša-* “to introduce a medicine through the nose” and Brb. **nV[c]-* “to sneeze” to reconstruct AA **neča-* “to inhale through the nose”. Later, O. Stolbova (CLD I 132, #492) changed her view and equated the Ch. root with Sem.: Akk. *nēšu* “1. to live, stay alive, recover” [CAD n₂, 197] = “(auf)leben, genesen” [AHW 783], but its OAkk. form, *naʔāšum*, clearly indicates a different root (von Soden in AHW l.c.: √*n_{3/47}š*), which, moreover, has long been supposed (by W. F. Albright 1927, 208 and J. Aro 1964, 165) to correspond to Ar. *naʔaša* “1. relever qqn. qui a trébuché ou qui est tombé, 2. soulever de terre (un mort, le cadavre), et le mettre sur le brancard, 3. relever qqn., le tirer de la misère (se dit de Dieu)” [BK II 1294] = *naʔaša* I “1. erheben, stützen, 2. zum Aufblühen bringen” [Brk.] = *naʔaša* I “i.a. to set someone up and strengthen his heart”, *naʔš-* “lastingness, endurance, permanence, continuance” [Lane 2816] = *nʔš* IV “dégourdir, ranimer, ravigoter, rendre des forces, rendre la vie, faire revivre, rendre les forces” [Dozy II 690] = *nʔš* I “heben, beleben” [Aro] = *nʔš* VIII “tirer ou prendre de la force, se ravigoter” [Fagnan 1923, 174] || MSA: Jbl. *nʔš: enʔés* “to recover from an illness” [Jns. 1981, 178]. Cf. perhaps also Eg. *nʔš* “stark (besonders vom Löwen und Stier, von den Hörnern, Schenkeln, Armen), laut (vom Geschrei, Gebrüll)” (NE-GR, Wb II 209, 12–21) = “stark sein, wüten” (Lange 1925, 37) = “fierce, raging” (Hoch 1994, 183–4, #246) ~ *nʔḥ* (Urk. IV 1963:4) < MK **nʔḥ* “strong” attested in *nʔḥ.w* “les (démon) féroces” (CT V 390f, Meeks 1997, 44, #246) = “the strong ones” (DCT 202) > Cpt. (S) *nooʔe* “to be strong (of bad smell)” (CD 236a; CED 114). For Eg.-Ar. see Brk. 1932, 106, #28 (declined by F. von Calice in his GÄSW 160, #647).

aber besser ist Basis, eine Art Untersatz, Fundament” (Fischer-Elfert 1986, 126, 300)²⁵ > Dem. *ns̥.t* (Spg., OLZ 14, 1911, 258) >²⁶ Cpt. (S) *ннсе* (f) “Bank, Mastaba” (Spg. KHW 78) = “bench, seat (?)” (CD 229a; CED 110) = “banc, siège” (Vrg. 1973 Ib, 156; DELC 144) = “Treppe, Stufe” (KHW 125 and fn. 6 with lit.; NBÄ 25, 324 pace Fecht 1960, §374; Franke 1984, 121, #1153; Peust 1992, 119, fn. 13)²⁷ ||| NBrb. **√ns*²⁸: Shilh *a-nsa* “emplacement, aire” [Jordan 1934, 37] | Mzg. *a-nsa*, pl. *a-nsi-wn* “endroit, lieu, campement, place” [Tf. 1991, 497; Peyron 1991, 294] | Taghzut *a-nsi* “endroit” [Rns. 1932, 393] ||| Bed. *nīs* (m) “pad under saddle to protect animal’s back (for camel saddle there are two: one in front and one behind hump)” [Rpr. 1928, 225] = *nīs* (f) “pad under camel saddle”, *nis* “to saddle up” [Hds. 1996 MS, 101] ||| WCh. **nVs-* “to put down” [Stl.]²⁹: Hausa *násà* “to put, place” [Abr.] | Buli *náasə* “to put down” [Csp.] (WCh.: Stl. 2005, 133, #495a) || CCh.: Bura *nsi* “sich setzen, bleiben, werden” [Hfm. in RK 1973, 94].

944. AA **√ns* (var. **√nys*) “1. fire, 2. to burn” > Sem.: (?) Ar. *ʔanīs-at-* “feu” [BK I 61] ||| Eg. *njs* “flame” (CT II 18a, AECT I 80, spell 77, n. 1; AL 78.1989; El-Sayed 1987, 64; GHWb 393) vs. *ns* “to burn” (CT I 395e, III 337f, 338e, AECT I 192, spell 246, n. 2; DCT 245) = “brennen” (PT 276b^{WT}, Kahl 1992, 111) vs. *ns* “1. Flamme, Feuer, 2. (GR) auch: Dürre” (MK-, Wb II 324, 14–15) = “flamme” (MK, Jéquier 1921, 296) = “flame” (CT, AECT I 212–3, spell 283, n. 2) = “Flamme” (PT 323d^W, Kahl 1992, 111) > (?) OCpt. *нєс* “Flamme” (KHW 525)³⁰ vs. *nss* “fire” (CT VII 262i, 297c, 503i, Lesko 1972, 145) vs. *ns.wt* “flame” (FD 139)³¹ ||| WCh.: Bokkos *nyeš* “verbrennen (intr.)”, *ʔanyêš* “Brand, Verbrennung” [Jng. 1970, 145], Daffo-Butura *nyêš* “1. sich (ver)brennen” [Jng. 1970, 219], Bokkos, Daffo-Butura *nyeš* “to burn” [Magwa et al. 1985, 10] || CCh.: Muktele *nàzáy* “to roast” [Rsg. 1978, 315, #589] < Ch. **nVs-* “to burn (tr./intr.)” [Stl.]. For Ar.-Ch. see Stl. 2005, 132, #493.

945. AA **√ns* “1. to hit, 2. pierce, wound” > Sem.: Ug. *√nsy* G “to hit, lash (the legs)” [DUL 645] ||| Eg. *ns* “Verletzung (?)” (NE, Wb II 321, 4) = “wound” (Massart 1954, 97, n. 4: perhaps

²⁵ For S. Köpfstein (1989, 21, §9) there is “kein Hinweis, daß es um einen konkreten Gegenstand handelte, wie etwa *Thron o.ä.*”, so *ns.t* must have denoted rather “ein Abstraktum, eine bestimmte Würde, die für den König mit dem Thron verbunden war und später auf den Privatmann übertragen wurde”. There have been several other conceptions on the origin of Eg. *ns.t*. Following E. Edel (AÄG xxxix, lxiv) and G. Fecht (1960, 181, fn. 508, §374), J. Vergote (1973 Ib, 156), J. Osing (NBÄ 324), and Barta (1978, 11) saw in it an *n*-prefix form of Eg. *s.t* “Sitz”, which H.-W. Fischer-Elfert (1986, 126) modified to an *m*-prefix, whose “wegen des *s-* dissimilierte Variante” was *n-*. H. Satzinger (1994, 203, #53) reconstructed an OEG. **lūs.t* for both *ns.t* and *ʔs.t* “seat, place” (following the scholars who assumed a common origin for both words, cf. Wst. 1962, 22, fn.1; 1987, 460; Hodge 1976, 13, #102; Barta 1978, 11; Peust 1992, 119, fn. 13), which is disproved by at least two circumstances: (1) the first radical of Eg. *ns.t* was [n], not [l], cf. Cpt. (S) *ннсе*, (2) Eg. *ʔs.t* should have been spelled as simply *s.t*. W. Westendorf (1987, 460) explained both *s.t* and *ns.t* “Sitz” from his hypothetical Eg. *wʔs* “heben, erhöhen, tragen”. C.T. Hodge (1976, 13, #102) affiliated it with Sem. **nš?* “to carry, raise”.

²⁶ The Cpt. < Eg. etymology was rejected (or, at least, abandoned) in the Wb (cf. Vrg. 1950, 291).

²⁷ Supposed source of Greek *προνήσιον* “banc accolé au mur (dans une dizaine de documents)” with an additional prefix *προ-* (Fournet 1989, 71, §13 and fn. 52: cf. Husson, CdÉ 51, 1976, 167–8).

²⁸ M. Taifi (l.c.) speculated (with a question mark) about a derivation from Brb. **√ns* “passer la nuit”.

²⁹ Equated by O. Stolbova (l.c.) with Akk. *naʔāšu* “to throw down” [CAD].

³⁰ The OCpt. (better: L Eg. in Cpt. script) word was derived by J. Osing (1976, 108; NBÄ 178), followed by W. Schenkel (1983, 227), from Eg. *nsr*, which, however, does not explain the zero reflex of the last syllable.

³¹ Usually regarded as a written variant of Eg. *nsr* (Wst. 1962, 31, §47.4; AECT III 156, spell 1099, n. 32; ZÄS 117, 1990, 109; WD I 113; Kahl 1992, 111; DCT 245; ÄWb I 662a; Meeks 2005, 247, #656a). But Ch. Cannuyer (1990, 109) correctly separated Eg. *ns* from *nsr*, although, instead, he was inclined (pace Goodwin 1867, 87) to explain *ns* as a figurative use of Eg. *ns* “tongue” (cf. Akk. *lišān girri* “langue de feu”, AHW 556, 698).

an error for nzp “Verletzung”) vs. nsns “(Verbum: von den Fingern im Vergleich mit einem Opferstier)” (NE 1×: Pap. Anastasi I 16:5, Wb II 335, 1) = “découper” (Alliot) = “to prance (?) or show off (?) or be swift (?)³² or cut up (?)” (DLE II 34) = “zerlegen, tranchieren bzw. zerteilen (Lebensmittel für die Soldaten)” (Fischer-Elfert 1986, 138, n. y) = “zerschneiden (?)” (GHWb 432) > late Eg. nsns (glossed *nacnec*) “zerschneiden” (Pap. Tebtunis, Osing 1998, 54, 83–84, n. s) ||| WCh.: (?) Suroid *nas (suppletive pl. stem of *čit/*čut) “to hit repeatedly” [Takács 2004, 266]: Mupun nás (pl. of čit) “to beat”, hence wèt-nás (proper name, lit. ‘spend the day beating’, cf. wèt “to spend the day”) [Frj. 1991, 36, 41], Kofyar nàs “to whip, hit many times (cf. čut ‘to hit once’)” [Ntg. 1967, 28], Chip nas (pl.) “schlagen” [Jng. 1965, 166–167] || ECh.: Ngam nesí and Mobu nose “percer” [Lns. 1982, 110].³³

946. AA *√ns “to (be) destroy(ed)” > Sem.: (???) Ar. √nss: nasīs- “1. faim violente, 3. peine, fatigue, 4. dernier souffle de la vie” [BK II 1244]³⁴ ||| Eg. nss “(be)schädigen (Statuen, Inschrift)” (MK 1×, LP, Wb II 336, 12–13; Osing 1998, 212 and fn. 1034 with lit.) = “maudire, jeter un sort” (Ward, JNES 37, 27, fn. 28 quoted in AL l.c.) = “détruire, endommager” (AL 78.2239) = “beschädigen, verstümmeln (Statue)” (1st IMP: X., ÄWb I 662b, II 1347a)³⁵ ||| NBrb.: Sened √ns: e-ns “s’êteindre”, se-ns “êteindre” [Prv. 1911, 113] ||| CCh.: Mofu-Gudur ‘nās- “1. endommager, abîmer, gâter, (se) perdre, 2. handicaper, 3. maudire” [Brt. 1988, 201]. Related to the preceding AA root?

947. AA *√ns “to be distant” > Sem.: Ar. nss I “1. s’éloigner rapidement” [BK II 1243] ||| WCh.: Hausa nísiáá “distance”, nísióó “to approach”, néésà (adv.) “far away, from afar, to afar” [Abr. 1962, 703, 705], Gwandara nisa ~ niša “1. far distance, 2. long time” [Mts. 1972, 88].³⁶

948. AA *√ns “to suffer from a mental disease” > Sem.: Ar. √nsw ~ √nsy I: nasā “devenir hébété, s’engourdir (rebotarse, hebeo, hebesco)”, nisy-ān- “léthargie (letargia dolencia)” [Dozy II 668], cf. Yemeni Ar. √nws I: nās “to have a severe headache” [Piamenta 1990–1, 500] ||| Eg. nsj.t “eine Krankheit” (Med., Wb II 324, 11) = “epilepsy” (DLE II 31) = “Epilepsie” (Wst., LÄ II 517; GHWb 431) = “unknown disease caused by a disease-demon” (Nunn 1996, 223) = “eine dämonische Krankheit, wohl Epilepsie” (Osing 1998, 70–71, n. i with further lit.)³⁷ ||| WBrb.:

³² This rendering would be externally supported by a comparison with Ar. *nasnasa* “faire marcher devant soi en stimulant à la marche”, *nasnās-* “1. marche rapide, 2. rapide (voyage qu’on fait de nuit)” [BK II 1253].

³³ V. Orel and O. Stolbova (HSED #1838) equated the ECh. data with WCh.: Hausa *nāšè*, mistranslated by them as “to pierce with spear”, when, in reality, it means “to throw a spear at someone” [Abr. 1962, 700]; this led them to a false reconstruction of AA **naḥas-*.

³⁴ Completely uncertain reflex, which seems better to be explained < Ar. √nss I “6. être sec, séché, vieux (pain)” [BK II 1243].

³⁵ In Egyptological works (e.g., Wb II 336; Vrg. 1950, 293; CED 74; KHW 80; DELC 99; Stz. 1994, 198), Eg. *nss* is usually regarded as the Pharaonic etymon of Cpt.: (SF) λωωϵ, (SBF) λωϵ, (A) λωγϵ (?) “1. (intr.) to be bruised, crushed, 2. (tr.) to bruise, crush, percutere” (CD 145a) = “(zer)brechen, zerstoßen” (KHW) = “casser, briser” (DELC), which is hindered by two fundamental circumstances: (1) a significant semantic anomaly and (2) the fact that the MK verb belongs to the root class of Ilae gem., which should have regularly yielded Cpt. (S) *λϵϵϵ (NBÄ 46, §2.32), whereas (SF) λωωϵ with its double -ωω- reflects a totally different root type (e.g., *IC₂S, where -C₂- = -ʔ- or -r- > -j-). J. Černý’s (CED 74) comparison of Eg. *nss* with Aram. *rasas* “to crush” [Dalman 1922, 386] is unacceptable because of the irregular initial radicals. The AA etymology (AA **-ḥoç-* “to be damaged, not function right”), offered by Ch. Ehret (1995, 323, #629) for Eg. *nss*, is also out of question.

³⁶ This Ar.-Hausa comparison was observed by O. Stolbova (2005, 132, #494) independently.

³⁷ The rendering “epilepsy” has been recently disputed by a few philologists (Bardinet 1988, 17–18 and fn. 78; Leitz 1999, 54; 2000, 275).

(?) Zenaga \sqrt{ns} “être évanoui” [Ncl. 1953, 237] ||| NOm.: Benesho nyas? “headache” [Wdk. 1990, 108].

949. AA $*\sqrt{ns}$ “to chase” > Sem.: Ar. ns? I: nasaʔa “1. faire marcher, mener devant soi un chameau, 2. éloigner, reposer (ses bestiaux) de l’abreuvoir”, \sqrt{nsns} I: nasnasa “1. faire marcher devant soi en stimulant à la marche” [BK II 1243, 1253] ||| LECu.: Elmolo anásise “schicken” [Heine 1973, 281].

950. AA $*\sqrt{ns}$ “to be(come) moist” > Sem.: Ar. nasīs- “terrain fendillé par des suintements d’eau”, \sqrt{nsns} I “suinter latéralement (parfois du puits)” [Fagnan 1923, 171–2] vs. nasīs-at- “1. humidité qui s’échappe et suinté du bois humide, à l’extrémité opposée à celle que le feu consume” [BK II 1244] ||| NBrb.: Mzg. \sqrt{ns} : nses “suinter, filtrer (intr.)”, a-nsis “suintement, infiltration” [Tf. 1991, 497] | Wargla \sqrt{nsns} : ss-nāsnās “tomber des gouttes de pluie, faire des gouttes”, ti-nāsnas (pl.) “gouttes éparses de pluie” [Dlh. 1987, 224] | Qabyle \sqrt{ns} : nesses “1. suinter, filtrer (intr.), 2. se glisser, s’insinuer”, t-nesses “suinter goutte à goutte, être imbibé”, a-nessis “suintement, infiltration (du sol)” [Dlt. 1982, 539, 575] ||| NOm.: (?) Yemsa nās-à “Tau” [Lmb. 1993, 371], Yemsa-Fofa nās-ā “dew” [Akl.-Sbr. 1993, 36] ||| WCh.: Hausa náášè [-še < *-se] “(clothing) to become greasy with perspiration, etc., (oil) spread on clothing, (damp) permeate the house”, nās-nās “greasiness of mouth after eating oily food”, nāsóó “perspiration” [Abr. 1962, 700] = náášè “1. to be(come) greasy, oily (clothing), be very damp (house), 2. permeate place (damp, oil)”, nāsóó “1. exuding of damp from floor or walls, 2. greasy perspiration on garment” [Brg. 1934, 816–7]³⁸. The Qabyle-Hausa etymology is due to V. M. Illič-Svityč (1976, #323)³⁹. Cf. also AA $*n-č$.

951. AA $*\sqrt{ns}$ ~ $*\sqrt{nys}$ (or $*\sqrt{ns}$?) “sand” > Sem.: Yemeni Ar. nays “sand”, neyseh “pebble (Kieselstein)” [Deboo 1989, 199] = niss “(fine) sand, fine pebble, earth”, ma-nāyīs (pl.), mi-nyās (sg.) “edge of field beside a stream of water, where there is plenty of sand” [Piamenta 1990–1, 502], Ar. of Hadramaut nays ~ nays-at ~ nās-at “sable” [Landberg 1901, 719], Dathina nays ~ nās “sable” [GD 2837] ||| (???) Eg. nš “Sandkörner” (LP, Wb II 338, 6) = “grains of sand” (FD 140) = “Sandkorn bzw. Sandkörner” (GHWb 434)⁴⁰ ||| LECu.: Afar nīs (m) “sand” [PH 1985, 175] ||| WCh.: Sbauchi $*nyas-$ “sand” [OS] = $*ni-nyas-$ [HSED]: Burma ninèsi, Kir ninèsi, Laar nènèsi, Mangas nyènyèsi, Soor nyényas, Zangwal nyényas, Tala nyényes, Polchi nyaaz-ən (pl.), Dikshi nyezə/nyās, Badas nyeezə, Buli ši-nyes, Boto (Boot) nyòṅsə, Zakshi nyaàs-əṅ, Zaar of Lusa nyaacè (-ts-) (Sbauchi: Smz. 1978, 30, #42; Mkr. 1987, 307–8; JI 1994 II 280 pace Smz.) || CCh.: Masa $*\eta/n-š$ “sand” [JS 1981, 217A]: Zime-Dari nyēš (-sl) “sable” [Cooper 1984, 20]. The Sbauchi-Eg. etymology was first proposed by V. Orel and O. Stolbova (1992, 188; HSED #1858).

952. AA $*\sqrt{ns}/št$ “to tear” > Sem. $*nšt$: JAram. nəšaṭ “enthäuten, das Fell eines Tieres abziehen” [Levy 1924 III 450], Mandaean $\sqrt{nšt}$ “to flay” [Drower-Macuch 1963, 307] | Ar. nsṭ I:

³⁸ O. Stolbova (CLD I 231, #92) compared the Hausa root with Ar. \sqrt{ntt} , although Ar. t , as a rule, corresponds to Hausa $č$.

³⁹ Who, however, gave a false reconstruction (Nst. $*nššV$ “влажный”) and an unacceptable Sem. parallel ($*nđh$ “обрызгивать”).

⁴⁰ The Eg. parallel is seriously dubious, since (1) it might simply be a late reflex of Eg. $nšš$ “Körner (des Sandes)” (Med., Wb II 338, 16) as suggested by J.R. Harris (1961, 201), whose final $-š$ [mostly < AA $*-r/*-l$] is not reflected in the Sem. and other cognates, and (2) Eg. $š$ is not a regular match for AA $*s$ > Sem. $*š$ and Ch. $*s$. For Eg. $nšš$, cf. also AA $*n-č-r$ infra.

nasaṭa “1. vider les tripes d’un animal égorgé en les tirant de la cavité du ventre, et en les serrant avec la main, 2. tordre le linge mouillé pour en faire écouler l’eau”, nusuṭ- “ceux qui extraient le fœtus du ventre de la mère dans un accouchement difficile” [BK II 1249] = “to extract, empty” [Drower-Macuch] vs. Sem. *nšṭ: Ar. nšṭ I: našaṭa “6. enlever qqch. et serrer fortement, 7. retirer qqch. promptement, avec vigueur et d’un seul effort (p.ex. le seau du puits sans le secours de la poulie”, VIII “3. enlever l’écaille du poisson, 4. arracher les herbes avec les dents (se dit des bestiaux)” [BK II 1261–2] || Jbl. nšṭ “to untie, undo, open, unload” [Jns. 1981, 195] || CCh.: Uldeme nzàḍ [nz- < *ns- or *nÁ- < AA *√nš-?] “arracher” [CIm. 1987, 77].

953. AA *√nsk ~ *√snk “to kiss” > Sem. *nšk “küssen” [AHW 758–9; MM 1983, 183] ||| HECu. *sunḵ- “to kiss” [Hds. 1989, 87]. Borrowing from ES excluded because of the metathesis.

954. AA *√nsr “to blow the nose” > Eg. nzʒ [act. *nsʒ < *nsr?]⁴¹ (nose det.) “to blow out (of one’s nose)” (CT III 100d, AECT I 159; DCT 245) = “*ausschnauben” (ÄWb II 1331b-c) ||| NBrb.: Rif nsar “moucher” [Tilmatine 1998, 113], Ait Said √nsr: e-nṣā “se moucher” [Allati 1986, 34], Mzab ə-nṣər “être mouché, se moucher, expulser” [Dlh. 1984, 140], Wargla √nsr: ə-nṣər “se moucher, être mouché, essuyer le nez” [Dlh. 1987, 225] | Qabyle √nsr: e-nser “se moucher”, but also “1. se moucher, 2. avoir un grand nez” [Dlt. 1982, 577, 592] || EBrb.: Ghadames e-nser ti-nzer-t “se moucher” [Mtl. 1904, 138] = a-nsir-en (pl.) “morve” [Lnf. 1973, 248, #1170] || SBrb.: EWlmd. a-sè-nṣīr “morve (viscosité)” [Ncl. 1957, 62], EWlmd. i-nṣēr-ān, Ayr ə-nṣēr-ān (pl.) “mucosités du nez, morve”, EWlmd.-Ayr šə-nṣər (caus.) “faire sortir par les narines (mucosités nu nez), (se) moucher” [PAM 2003, 628] ||| ECh.: (?) Mubi ṇisèèr [ṇ- < ?] “sich schneuzen” [Lks. 1937, 184] = ṇèsér (ṇisīr, ṇisèèr), pl. ṇàsár (ṇèsīr, ṇisààr) “(se) moucher” [Jng. 1990 MS, 36].

955. AA *√n[s]r (var. *√nʒr)⁴² “1. fire, 2. to burn” > (?) Sem. *√rSn (met.)⁴³ “to burn” [GT]: Dathina Ar. √ršn: rišin “être allumé”, rašan “allumer” [GD 1281] || ES *√rsn: Geez rāsnā “entzünden, verbrennen” [Müller] = rasna “to glow, be red-hot, be heated, be inflamed”, rāsn (rasn) “(burning) heat, heating, incandescence” [Lsl.], Tna. rāsānā “to be very hot” [Lsl.], Tigre rāsna “to glow” [Lsl.] etc. (ES: Lsl. 1987, 474) ||| Eg. nsr “brennen” (PT-, Wb II 335, 4–10), nsr “Feuer, Flamme” (PT-, Wb II 335, 12), var. nʒr “verbrennen (auch tr.)” (OK, Kaplony, LÄ IV 462, n. 1, cf. ÜKAPT VI 143 for PT 653d), nʒr “Glut” (PT 276b, ÜKAPT VI 143), hence pr-nʒr “Haus der Feuerzeremonien” (Kaplony, LÄ VII 24) > Cpt.: (L) νογρ, ναρσ= (met.) “zerstören, vernichten” (KHW 525 pace CED 110; DELC 144) ||| NBrb.: Wargla ti-nṣər-t, pl. ti-nṣar “sorte de brasero en terre cuite qui sert de brûle-parfums ou de chaufferette, de réchaud” [Dlh. 1987, 226] | Qabyle a-nazir (non admis par plusieurs) “1. brasier avec flamme, 2. grosse chaleur, 3. fièvre” [Dlt. 1982, 593] || EBrb.: Gdm. ta-naser-t, pl. t-nasar “brûle-parfum en terre cuite”

⁴¹ The correspondence of Eg. z = Brb. *s is not regular. Normally, Brb. *s = Eg. s < AA *s, *č (or = Eg. š < AA *š). In principle, however, we might assume a non-historical MK spelling of OK s.

⁴² This AA root might be an extension of AA *n-s (supra). This is why here as well one should suppose an AA *-s- (instead of *-c-).

⁴³ It is rather uncertain if the Sem. root really belongs here, not merely because one would have to assume metathesis, but also due to irregular sibilant correspondences (normally, Ar. š = ES *š, which, however, could not agree with Eg.-Brb. *s ~ *z). Moreover, the origin of Dathina √ršn is itself also dubious. F. Praetorius (ZDMG 57, 1903, 272–3) was inclined to see in it a late borrowing from Persian *rošan*, whereas Count Landberg (GD 1281) supposed that it was a secondary meaning of Dathina Ar. *rišin* “être fixé à..., adhérent à...”. But already a contemporary colleague of Landberg (quoted in GD l.c.), followed by W. Leslau (1987, 474), identified Dathina √ršn with ES *√rsn.

[Lnf. 1973, 248, #1171] ||| CCh.: (?) Muktele nàzai [if -i < *-r] “to roast (grill)” [Rsg. 1978, 315, #589 apud JI 1994 II 275]. The Geez-Eg. etymology is due to W.W. Müller (1961, 202, #12).

956. AA *√nǰ “to excrete” > Sem.: Ar. naḍḍa I “uriner”, naḍīd- “2. salive ou glaire, ce qu’on jette par le nez ou par la bouche” [BK II 1231] ||| CCh.: Malgwa nǰe “Fäkalien”, nǰá-ša “Kuhdung” [Löhr 2002, 304].

957. AA *√nč “to open, spread out” > Sem.: Ar. ntt I “1. répandre, propager (une nouvelle)”, ntw I: natā “1. disperser, disséminer çà et là, 2. ébruiter, faire connaître, livrer au public (une nouvelle)”, nty I: natā “1. divulger, répandre dans le public (un bruit, un fait)” [BK II 1195, 1197] ||| Eg. ns “to open (?) (on’s mouth against someone)” (AECT I 208; DCT 245) = nsw “ouvrir (la bouche de façon hostile)” (AL 78.2223) = nsw “den Mund öffnen (feindlich)” (GHWb 431)⁴⁴ ||| NAgaw: Kemant ənš- ~ ənč- “to undo” [Apl. 1996, 18], Qwara ənš-əz- “to undo” [Rn./Apl.] ||| CCh.: (?) Margi ndǰà [*nc- voiced?] “to open wide” [Ladefoged 1964, 65] = nǰànǰà “wide open” [Hfm. in RK 1973, 129].

958. AA *√nč “to be(come) moist” > Sem.: Ar. √ntt: natṭa I “1. suer et se couvrir d’humidité à sa surface extérieure (se dit d’une outre remplie d’eau), 3. oindre, enduire d’onguent (une plaie, etc.)”, natt- “humide, qui sue l’humidité (muraille)”, naṭī- “humidité sort à la surface extérieure d’une outre remplie d’eau, d’une muraille”, √ntnt: natnaṭa “1. suer, se couvrir d’humidité à sa surface extérieure (se dit d’une outre), 2. avoir une forte transpiration (se dit d’un homme)” [BK II 1195] ||| SCu.: Iraqw nic-a (-ts-) [Iraqw c reg. < SCu. *č] “moisture” [Mgw. 1989, 116] = nīc (-ts) “to moist”, nic-a (m) “moisture”, nic-īt “to spit without saliva” [MQK 2002, 79] ||| CCh.: Uldeme nəč “eau qui s’infiltré dans la terre” [CIm. 1986, 144] = nəč (so, -ts) “eau qui s’infiltré” [CIm. 1987, 87]⁴⁵ = nəč nəč “1. eau qui s’infiltré dans la terre, 2. se mouiller vite” [CIm. 1997, 209]. Cf. AA *n-s too.

959. AA *√nčr “to separate” > Sem.: Akk. našāru “abteilen” [AHW 759 with a different etymology]⁴⁶ || Ar. √ntr VI “2. tomber par morceaux, par parcelles, s’émietter” [BK II 1196], Yemeni Ar. √ntr I: naṭar “to cut up, dissect, rip out, open”, VI: atnāṭar “to break up, split (intr.)” [Piamanta 1990, 478] ||| Eg. nzʷ (GW for *nsʷ < *nčr?) “briser (le dos)” (KRI II 90:11, AL 79.1619) = “zerbrechen” (GHWb 431), cf. older nsʷ “Schlachtsmesser des Šzmw” (CT I 123b, VI 179h, Altenmüller 1975, 347) = “Spieß (?)” (Kaplony, LÄ IV 462, n. 3) = “knives” (AECT I 24, spell 33–35, n. 32)⁴⁷ ||| SBrb. *√nsr: EWlmd. ə-ṇsər, Ayr ə-ṇšər “être détaché violemment, être arraché de foru, 2. être déchiré, 3. être égratigné”, Ayr ə-ṇšər, EWlmd. ə-ṇsər “1. détacher violemment, arracher de force, couper par arrachement, 2. décrocher, 3. dégratigner, gratter” [PAM 2003, 626].

⁴⁴ The same verb is supposed to occur in the BD (cf. Wb II 324, 13). R.O. Faulkner’s (AECT I 209, spell 277, n. 8) hypothesis that this verb was actually derived from Eg. ns “tongue” is unlikely.

⁴⁵ Erroneously derived by V. de Colombel (l.c.) from Uldeme √-c (-ts) “arracher” via prefix n-.

⁴⁶ W. von Soden (AHW l.c.) combined the Akk. verb with Ar. √nsr I: nasāra “ôter, enlever une chose de dessus une autre” [BK II 1248] = “wegnehmen” [AHW] = “to take away” [Hnrg.], which was opposed by J. Huehnergard (1991, 691) who pointed to J. C. Biella’s (1982, 318) comparison of Ar. √nsr (Ar. ma-nsīr-, mi-nsar-) with OSA (Sabeen) m-ns₃r-t “detachment of troops”, whose s₃ excludes a connection with Akk. √nsr, which he eventually affiliated with Ar. √nšr and MSA: Jbl. nššr “to spread out (tr.)”, but it is also unlikely from a semantical point of view.

⁴⁷ R.O. Faulkner (AECT l.c.) derived it from Eg. zʷw “to cut off (nose or ears)” (cf. Wb III 419, 12), but failed to explain the function of n-.

960. AA *√nčr “1. to spread (out), 2. loosen” > Sem.: Akk. *našaru* “to pour out” [CAD n₂ 60] || Ar. *√ntr* I: *naṭara* “1. répandre, disperser, disséminer”, VI “1. être répandu, dispersé, disséminé” [BK II 1195], Dathina *ntr* I “répandre, verser, défaire, (dans le Sud) laver la tête, défaire les cheveux, endosser (la cotte de mailles), ôter” [GD 2742], Yemeni Ar. *nṭwr* I: *naṭwar* “to scatter, spread (a bundle)” [Piamenta 1990–1, 478] || MSA: Hrs. *neṭōr* “to pour” [Jns. 1977, 99], Jbl. *nṭōr* “to untie” [Jns. 1977] = *nṭōr* [Jns. 1981, 198] = *nṭōʔr* “to untie” [Nakano 1986, 89, #649], Mhr. *nəṭōr* “to untie” [Jns. 1987, 305] = *netōr* (so, -t-) “losmachen, lösen, abladen, wegnehmen” [Jahn apud Jns.] = *√ntr* “lösen, aufmachen, ablegen (ein Kleid)” [Bittner 1917, 55], Sqt. *nétor* “lâcher une parole” [Lsl. 1938, 279] (Sem.: Frolova 2003, 91, §III.4.1) ||| Eg. *nsr* “vom Behandeln einer Wunde mit Öl: betupfen” (Med., Wb II 335, 3) = “to anoint (injury)” (Breasted 1930, 171; FD 140) = “beträufeln (?)” (HAM 840) = “betupfen, beträufeln” (GHWb 443) ||| NBrb.: Mzg. *√nsr*: *nser* “1. se défaire, détacher, 2. glisser (maille), s’effil(och)er, s’érailler, 3. se tirer (d’un fourreau, d’un étui, d’un trou), se démancher (outil)” [Tf. 1991, 498–9]. The AA root might have been of biconsonantal origin, cf. Ar. *ntt* I: *natta* “2. répandre, propager (une nouvelle), 3. oindre, enduire d’onguent (une plaie)”, *niṭāt-* “huile avec laquelle on humecte légèrement une plaie” [BK II 1195].

961. AA *√nčl “fat” > Sem.: Ar. *naṭīl-at-* “3. viande grasse” [BK II 1197] ||| NBrb.: Mzg.-Zemmur *nessel* “être gras (avoir beaucoup de graisse), potelé, dodu” [Tf. 1991, 498].

962. AA *√nč “to tremble” > Sem. *√nwš: Akk. *√nwš* G: *nāšu ~ nuāšu* “in (unruhige) Bewegung geraten” [AHW 761] = G *nāšu ~ nuāšu* “1. to quake, shake, 2. be weakened, become shaky”, D *nuššu* “1. to make quake, shake, 2. move, dislodge, shake” [CAD n₂, 113] = “beben” [GB]⁴⁸ || Ar. of Hadramaut *nwš* I “secouer”, II “pendiller” [Landberg 1901, 728], EDathina *nwš* I “secouer”, II “pendiller” [GD 2834], Yemeni Ar. *√nwš* I: *nāš* “to move (tr.), shake (intr.), swing back and forth, swing one’s head with thick, long hair”, II “to shake (tr.)”, *nawš* “motion”, *nuwwāš* “shaking” [Piamenta 1990–1, 500] ||| Eg. *nš* “erschauern, erzittern” (NE, Wb II 338, 4) = *nšj* “flattern” (LP, JW 1996, 523, §158, §164) = *nš* “to tremble, shudder” (NE 2x, DLE II 34; Borghouts 1971, 186, n. 459 with further exx. and lit.)⁴⁹. The Eg.-Akk. comparison is due to GB 494 and A. Ember (1912, 90, cf. ESS §11.a.33). The reduplication of the same AA biliteral root is also attested, cf. Sem. *√nšnš: Ar. *našnaša* “to agitate, swing back and forth (secouer)” [Lsl.] || MSA: Sqt. *nešneš* “to agitate” [Lsl.] (Sem.: Lsl. 1938, 278; 1987, 402 with false comparanda) ||| SBrb.: EWlmd.-Ayr *nāznāz* “1. secouer, mettre en marche (+ monture), 2. être secoué” [PAM 2003, 638].

963. AA *√nčk “to (be) extract(ed)” > Sem. *nḳš: Ar. *naqaša* “to extract, pull out” [Lsl.] || MSA: Jbl. *nqeš* “to take out (an embedded thorn)” [Lsl.] || ES: Geez *naqasa* “to separate, dis-

⁴⁸ The Akk. verb was combined by F. Delitzsch (quoted in GB l.c.) with Hbr. *√nwš, and by Th. Nöldeke (ZDMG 40, 724) and W. von Soden (AHW l.c.) with Ar. *√nws*: *nāsa* I “1. pendiller, être agité çà et là (un objet suspendu)”, IV “agiter” [BK II 1366] = I “baumeln” [GB] = I “hin- und herpendeln” [AHW], but neither of these suggestions can be accepted, given the irregular sibilant correspondences (here, Akk. š < Sem. *š, which does not agree with either Hbr. š here < Sem. *š or with Ar. s here < Sem. *s). The Ar. form, in fact, represents a var. root (AA *n-c), cf. also Akk. *nasāsu* G and *nussusu* D “to shake out (hair), wag (tail)” [Lsl.] = D “schütteln” [AHW 806] || Ug. *nss* “to zigzag, wriggle (?)” [Moore apud Lsl.] || Hadramawi Ar. *nws* “brandiller” [Landberg 1901, 728], Yemeni Ar. *nws* I: *nās* “schütteln” [Deboo 1989, 197] || Geez *nas(a)sa* “to sway, move, shake” [Lsl.] (Sem.: Lsl. 1987, 402; Hnrg. 1991, 692).

⁴⁹ W.F. Albright (1927, 222), followed by F. von Calice (GÄSW 67, #225) and J. Vergote (1945, 136, §9.b.23), equated the Eg. root with Ar. *lašlašā* “être pris d’une grande frayeur, au point d’éprouver un saisissement dans les intestins” [BK II 992] = “to shake with fear” [Alb.] = “vor Angst beben” [Vrg.].

tinguish, pluck away, extract (a thorn from the foot)", Tna. nāqāsā "to pinch, extract a thorn from the foot", Amh. nāqqāsā "to pick, clean by picking, extract a thorn from the foot" (ES: Lsl. 1987, 400) ||| (?) Eg. nssq "eine Krankheit am oder im Kopf" (Med., Wb II 336, 14) = "(am Kopf, Haar ist ausgefallen)" (GHWb 433) = "Haarausfall" (HAM 840)⁵⁰ (?) < *nsq (unattested) "to fall out (hair)", i.e. **"to be extracted (???)" (GT) ||| NBrb.: Shilh a-nzay "1. attirement, étirement, tirage, 2. rouleau de laine prêt pour le filage" [Jordan 1934, 38] | Mzg. nzey "tirer" [Abès 1916, 131] = nzey "1. (re)tirer, extraire, 2. haler, traîner" [Tf. 1991, 513], Beraber ə-nzəy "tirer" [Lst.], Izdeg nzey "extirper, extraire, tirer" [Mrc. 1937, 111], Zayan & Sgugu nzey "tirer, extraire" [Lbg. 1924, 573] | Iznasen, Tuzin, Uriaghel e-nzay "perdre qqch. (au sens propre) et perdre qqch. mémoire, oublier" [Rns. 1932, 393] | Nefusa é-nzay "tirare, tirar fuori" [Bgn. 1931, 275] = ə-nzəy "tirer de l'eau" [Lst. 1931, 302] || EBrb.: Gdm. ə-nzaʕ "puiser" [Lst.], Sokna ö-nzay "tirer en dehors de qq. lieu que ce soit" [Lst.], Audjila nžây "attingere, tirare acqua dal pozzo senza animale" [Prd. 1960, 160]

964. AA *√nĉr "to scatter, spread" > Sem.: Ar. našara "3. disperser, disséminer", našīr- "céréales réunies en tas que l'on n'a pas encore l'intention de battre" [BK II 1258–9] = √nšr I "déployer les voiles, divulguer, répandre", VIII "s'étendre, se répandre, se disperser", nušār-at- "scuire, l'espèce de poussière qui tombe du bois quand il est rongé par les vers" [Dozy II 671], Dathina √nšr VIII "se disperser, se ranger à la file, s'aligner (soldats, danseurs)" [GD 2772] || MSA *√nšr: Jbl. nš̄r "to spread (tr.)" [Jns. 1981, 195], Mhr. nāšūr "to spread out" [Jns. 1987, 302] ||| Eg. nš3 "Körner (des Sandes)" (Med., Wb II 338, 16).

965. AA *√nĉ ~ *√nĉ "to quest(ion)"⁵¹ > Sem.: Ar. nšš I "8. interroger qqn. minutieusement, le presser de questions" [BK II 1267] = "to go to the utmost point in questioning or asking, importune the man in questioning or asking, and urge someone to tell the utmost that he knew, to question or ask the man respecting a thing so as to elicit the utmost that he possessed" [Lane 2797] || MSA: Jibbali nižž leš "he pumped him for information", šənžž (l-) "to ask secretly, make discreet inquiries" [Jns. 1981, 200], Mehri šənšáwž "to ask secretly, make discreet enquiries" [Jns. 1987, 309–310] ||| Eg. nđ "fragen, beraten" (PT-, Wb II 370–1), nđnd "fragen" (MK, Wb II 232, 1–9)⁵² ||| NBrb.: Zwawa √nd: nađi "chercher", a-nađi "recherche" [Bst. 1890, 321] || SBrb.: EWlmd.-Ayr i-nađ "i.a. discuter de (l'un avec l'autre pour parvenir à une décision), se consulter (au sujet de), être appelé à l'aide, être associé, convoqué (guerrier)" [PAM

⁵⁰ Usually explained from Eg. *nsq* "stechen, beißen" (cf. NBÄ 303).

⁵¹ A further var. root (with *l-) is also attested, cf. AA *√lwĉ "to ask": Sem.: Ar. lāša IV "2. demander qqch. à qqn." [BK II 1048] ||| WCh.: Bole loođ- "fragen, bitten" [Lks.].

⁵² The etymology of Eg. *nđ* has been disputed so far. Some of the authors have already surmised the connection of Eg. *nđ* with some of the AA reflexes, although in either semantically or phonologically misleading contexts. A. Ember (1913, 118, #78), followed in GÄSW 168, #683, compared it with Ar. nšh "to give advice, counsel, be sincere (friend)". W.F. Albright (1927, 223), followed in GÄSW 168, #683, combined Eg. *nđnd* with Ar. nğng I "to deliberate". C.T. Hodge (1966, 45, #38) equated it directly with Hausa *nìcú* "to come to one's senses" and *nìcáccé* "person of reflection", which, however, belongs to a distinct AA root (below). V. Orel and O. Stolbova (HSED #1825) combined Eg. *nđ* "to call" (!) with Ar. nšš (but in the sense "to dictate (a letter)") and WCh.: Tumak *naž* "to chat", yet at the same time (!) they also (HSED #1854) identified Eg. *nđ* with CCh.: Glavda *nggw* "to answer" and ECh.: Sokoro *negi* "shout". Ch. Ehret (1995, 321, #655) combined Eg. *nđ* "to consult" with Ar. nšš "to announce, state explicitly" (not in its meaning quoted above, which is much closer to that of Eg. *nđ*) and nšh "to advise and admonish sincerely" at the same time! O. Stolbova (1996, 118) was the first to compare Eg. *nđ* with Bidiya √nđ, although she erroneously derived the latter from her Ch. *naž- "to ask, tell". The dilettantish approach of some non-linguist Egyptologists (Maspero 1898, 137–9; Westendorf 1973, 137; Quack 2002, 182) explaining Eg. *nđ* from the primary meaning "ver-/zerreiben, mahlen" (OK-, Wb II 369–370) cannot be taken seriously.

2003, 590], Ghat ta-naṭ, pl. či-naṭ-in “conseil, avis” [Nhl. 1909, 131] ||| ECh.: Bidiya ʔinàḍ / ʔinḍù “demander, interroger” [AJ 1989, 82].

966. AA *√nĉ “to loosen, untie” > Sem.: Ar. naḍā I “1. ôter (son vêtement), 2. dépouiller qqn. de son vêtement, 3. tirer (p.ex. le sabre du fourreau, sortir la verge du fourreau d’un cheval)” [BK II 1282] ||| NBrb.: Mzg. √nḍw: nḍew ~ nḍu “lâcher (couture, point de couture, point de couture), être décousu (vêtement)” [Tf. 1991, 469].

967. AA *√nĉr ~ *√nĉr “to tear, split” > Sem.: Sqt. nṣr: nó-ti-ṣar (refl. t-stem) “être déchiré, se fendre” [Lsl. 1938, 272] = “to be torn” [Lsl. 1987] || Geez naḍara ~ naṣara “to rip up, tear off, rend, separate, split” [Lsl. 1987, 387] = naḍara “briser” [Lsl. 1938], Tigre năĉra “to tear asunder” [Lsl.] ||| Eg. ndr (GW) “ostracon” (NE, DLE II 44; GHWb 450) = “éclat de pierre” (AL 79.1965), cf. nḍʔ “Splitter o.ä. (von Holz und Stein)” (MK, NE, Wb II 377, 7–9) = “twig, splinter of wood” (Ember) = “chip (of wood, stone), flakes (of limestone on which inscriptions are written), splinter, nḍʔ of stone (employed for building, must be sizeable fragment, perhaps used for core masonry)” (Harris 1961, 27) = “éclat de pierre, osracon” (Aufrère 1990, 101)⁵³ ||| SBrb.: Ayr a-nḍər, pl. ə-nḍər-än “déchirure, fente, blessure” [PAM 2003, 591] ||| NAgaw (from ES?): Bilin naĉar “zerreißen, zerfleischen” [Rn. 1887, 283].

968. AA *√nĉr “to well up” > Eg. nḍʔḍʔ “*wallen (auch mit Bezug auf das Herz)” (Med., GHWb 449, cf. Wb II 377, 13), nḍʔḍʔj.t “Aufwallen (des Herzens)” (Med., GHWb 449, cf. Wb II 377, 14) ||| SBrb.: Ahaggar e-nḍər “gider (gotelettes de bouillie qui cuit)” [Barrère 1994, 17].

969. AA *√nĉr “to throw” > Eg. *ndr (so far unattested)⁵⁴ yielding Cpt. (SL) νοϣϰε, (SBF) νοϣϰ “werfen, legen”, qual. “liegen”, (S) νοϣϰε εβολ “weglegen, aussenden, abweisen, wegwerfen” (KHW 137)⁵⁵ ||| NBrb.: Tuzin, Iboqqoyen, Ikhebdanen, Bottiwa √ndr “jeter” [Biarnay 1917, 98], Wargla √ndr: əndər “1. (laisser) tomber, faire tomber, 2. par ext.: faire une fausse couche, (faire) avorter” [Dlh. 1987, 213].

970. AA *√nĉs “to tear off” > Sem.: Ar. √nšnš I: našnaša “5. s’arracher des plumes avec le bec et les disperser (se dit d’un oiseau)” [BK II 1266] ||| Eg. nšnš “vom zerreißen o.ä. der Bü-

⁵³ A. Ember (1912, 87; ESS §11.a.39) combined Eg. nḍʔ with Hbr. nēšer “Schoß, Sprößling, Wurzelschoß” [GB 519] = “twig, rod” [Ember] = “sprout, offshoot” [KB 718], which is misleading, since the latter originates in Hbr. √nšr ~ Ar. ndr “glänzen, grünen” [GB] = “to shine, thrive” [KB]. Accepting this inner Sem. derivation of the Hbr. word, F. von Calice (GÄSW 102, #428) assumed in Eg. nḍʔ a Sem. loanword! Others (Edel in AÄG lxiv; Vrg. 1973 lb, 156 pace Fecht), in turn, saw in Eg. nḍʔ a prefix n-, attached to an unattested *ḍʔ > (S) ϣϣ, (B) ϣϣ “éclat”. A. Militarev (MM 1983, 199) also analyzed Eg. nḍʔ as containing the n-prefix, which allowed him to affiliate it with Sem. *ḍVr(r)- “flint”, *√ḍr- “to cut”, and LECu.: Oromo ĉiri “отрезать”.

⁵⁴ The Eg. etymon of the Cpt. root has been debated. W.M. Müller (RT 31, 1909, 194 and fn. 3), followed by W. Spiegelberg (in his KHW 86), G. Burkard (1977, 39 and fn. 3), W. Vycichl (1990, 231 contra DELC 152), and Ch. Ehret (1995, 324, #631), explained it from Eg. ndrj “packen, fassen” (OK-, Wb II 382–3), which Müller still misrendered as “to strike (down)” (rightly corrected by K. Sethe in his ÜKAPT VI 147); this was correctly rejected by the authors of Wb (cf. Vrg. 1950, 291), W. Vycichl (in his DELC 152), J. Osing (NBÄ 839, n. 1132 contra Osing 1998, 96 and 201, n. g), and S.D. Schweitzer (2003, 240, fn. 29). W. Westendorf (KHW 137, also fn. 1), in turn, assumed its derivation either from Eg. ndr “zimmern” (allegedly pace Müller, whose suggested basic sense was, however, different) or nḍʔ “Splitter” (MK, NE, Wb II 377, 7–8).

⁵⁵ L. Reinisch (1887, 287) combined the Cpt. word with Sem. *nšl, cf. esp. Yemeni Ar. nšl I “to throw away, take off, squander”, III “to disjoin, disconnect, take apart, dismount, detach” [Piamenta 1990, 488], which is theoretically possible as an alternative.

cher” (CT, Wb II 342, 6) = “to tear up (documents)” (CT V 66f, DCT 249) > LEg. n[š]nš “zerreißen” (Pap. Tebtunis, 2nd cent. AD, Osing 1998, 213, 215, n. ai)⁵⁶ ||| NBrb.: Seghrushen √nšw: nšu “être déplumé” [Pellat 1955, 122] = nšew “se déplumer, être déplumé” [Tf. 1991, 503] | Qabyle √nšw “être déplumé, épilé”, msensaw ~ mš- “se battre, s’arracher mutuellement les cheveux” [Dlt. 1982, 541], Zwawa e-nšû “être déplumé” [Blf. 1910, 213].

971. AA *√nš “to clear meat off the bone” > Sem.: Ar. √nšnš I: našnaša “3. ôter la chair de dessus l’os” [BK II 1266] ||| SBrb.: EWlmd.-Ayr ə-ṛṇəs [-s < *-š-]⁵⁷ “nettoyer un os en enlevant toutes les parcelles de viande” [PAM 2003, 624] ||| ECh.: EDangla nyile [-l- < *-š-]⁵⁸ “Fleisch von einem Knochen abkratzen” [Ebs. 1979, 126]. Derived from the preceding AA root?

972. AA *√nš “a type of vessel” > Eg. nš.w “Art Topf, auch als Maß” (MK, BD, Wb II 338, 15) = “ein Gefäß (aus Metall, Elfenbein)” (GHWb 435)⁵⁹ ||| NBrb.: Mzg. √ns: ta-nas-t “1. pot en fer avec anse, 2. petit récipient en bois ou en fer pour boire, récipient en cuivre du porteur d’eau” [Tf. 1991, 497–8], Zayan & Sgugu ta-nas-t “petit récipient en bois ou en fer qui sert à boire” [Lbg. 1924, 573]. Note that Sem.: Akk. (M-YBab.) nussu “ein Tonbehälter” [AHW 806] = “cracked pot” [CAD n₂ 352] might only be compared as an irregular reflex (AA *-š- > Akk. -š-).

973. AA *√nšç “to tear, hurt” > Sem.: Ar. nšç I: našaša “7. percer qqn. avec une lance”, VIII “déraciner (une arbre)” [BK II 1260] ||| Eg. nšd.w “griffures, éraflures, déchirures, arrachements” (PK 1976, 206, D21; Andreu-Cauville 1978, 15; AL 77.2220, 78.2251) = “*Kratzspuren (als Sachschaden)” (GHWb 436) > nšd “1. (Blumen) pflücken, 2. zerfleischen (eigtl. von den Krallen, bes. des Falken)” (GR, Wb II 342) = “action du faucon déchirant ses ennemis avec ses serres” (PK l.c.) = “to flay” (Smith 1979, 16) = “to tear, rend” (PL 550)⁶⁰.

974. AA *√nšr/l “meager” > Sem.: Ar. našala I “6. être fort peu charnu (se dit des cuisses)”, nāšil-at- “cuisse maigre” [BK II 1265] ||| NBrb.: Mzg. nser “3. maigrir, être maigre” [Tf. 1991, 498].

975. AA *√nšl “1. to draw out, 2. extract” > Sem.: Ar. našala I “1. tirer, extraire et enlever rapidement, 2. tirer, p.ex. un morceau de viande de la marmite” [BK II 1265] = I “1. wegreißen, herausreißen, 2. retten” [Hazim apud Shatnawi 2002, 745] ||| NBrb.: Mzg. nšel “puiser (de l’eau)” [Tf. 1991, 502] | Qabyle e-nšel “être dépouillé, privé de sa peau, écorce, s’écailer”, sse-nšel ~ šše-nšel “1. peler, éplucher, dépouiller, 2. (se) peler, changer de peau” [Dlt. 1982, 540].

976. AA *√nš⁶¹ “bee” > SCu. *naša “bee” [Ehret]: Asa naša “bee” | Dahalo nàla [Ehret: presumed contraction of *nšala] “honey” (SCu.: Ehret 1980, 184, #4) ||| WCh.: (?) Angas-Sura

⁵⁶ Ch. Ehret (1995, 326, #635) combined the Eg. root with Sem. *√nš “to cut” (sic!) and ECu. *ṛa/ilç- “to stab”.

⁵⁷ AA *š may yield Brb. *s, cf. Mlt. 1991, 242.

⁵⁸ The shift of PCh. *š > Dangla-Migama *l is regular both in the initial and internal position, cf. Stl. 1996, 39, table 4 and p. 112, table 23.

⁵⁹ Known also in cuneiform transcription, cf. Amarna Akk. našša ~ -i “a vessel” [AHW 79 pace Lambdin 1953, 367, #25s] = “type of vessel used as a measure” [Cochavi-Rainey 1997, 101] = “a kind of pot or measure” [Muchiki 1999, 300]. Usually (Griffith 1898, 52; NBÄ 169) derived from Eg. nš “to sprinkle” (sic, Griffith) = nš/h “herausfließen (lassen)” (sic, NBÄ), which is unattested.

⁶⁰ For the LEg. nšd, alternatively, a derivation from Eg. šdj “to take away, remove, pull” (FD 273) has also been suggested (PL 551).

⁶¹ The Angas-Sura evidence speaks for AA *č, but it is not clear which lateral is reflected by the SCu. parallels.

*nšī “1. bee, 2. fly, 3. honey” [Takács 2004, 345] || CCh.: Higi-Nkafa unzε and Higi-Kamale umzɔho “1. bee, 2. honey” [Meek apud JI 1994 II 18, 191].

977. AA *√nŜ “to chase” > Sem.: Ar. √nšš I: našša “3. faire marcher doucement une bête de somme devant soi” [BK II 1254] = “émoucher, chasser les mouches avec un évantail” [Dozy II 669] = “to drive or whisk away the flies” [Lane 2790], Yemeni Ar. niš! “a cry to dry away flies” [Piamenta 1990–1, 484] || | Eg. nš “1. vertreiben, verdrängen, 2. auch: verstoßen (Frau), 3. (GR, Kummer) vertreiben” (OK-, Wb II 337–8; GHWb 434)⁶². Cf. AA *n-s supra.

978. AA *√nŜ “lock of hair” > Eg. nšj “to dress hair” (CT, BD, FD 140; DCT 248) = nš “das Haarmachen, ob: kämmen (?)” (BD, Wb II 337, 3) vs. nš (fem. Inf. < *nš.t) “das Haarmachen” (NE, Wb II 337, 5) > nš.t “Haarmacherin” (MK, Wb II 337, 6–7) = “hairdresser” (Ward 1982, 100, #838; 1986, 9) → Dem. nšj.t “Haarmacherin” (Thissen 1984, 87), hence *nšj.tj (unattested) > (?) Dem. nšj.t “lock of hair” (CED) → Cpt.: (S) nṣṣṣ (pl. 1×) “locks of hair” (Smith 1958, 122; CED 115 after CD 237a) = “Locken (?)” (KHW 132, 526) = “boucles de cheveux” (DELIC 149) || | NBrb.: Mzg. ṭa-unza, pl. ṭi-zi-win “toupet” [Abès 1916, 137], Izdeg ta-unza, pl. ti-unzi-win “toupet” [Mrc. 1937, 252] | Mzab √nz: ta-nzəz-t, pl. ti-nzaz “paquet de mèches de laine que l’on tire du peigne et que l’on enroule sur une quenouille pour la filer” [Dlh. 1984, 143] | Qabyle i-nziz “1. crin long (de mulet, de cheval), 2. fil fin et fort, ficelle fine, cordelette, 3. corde vibrante qui soustend la peau du tambourin, 4. fibre (de muscle), 5. elastique (subst.)” [Dlt. 1982, 591] || WBrb.: Zenaga a-nz “cheveux” [Msq. 1879, 498].

979. AA *√nŜ “to rage” > Sem.: Ar. √nšnš I: našnaša “9. agiter, secouer, remuer avec force, 10. donner une forte impulsion à qqch., pousser, mettre en mouvement”, našnašiy- “agile, vif, adroit” [BK II 1266] || | Eg. nšnj (IVae inf.?) “wütend sein, rasen (Gegensatz ḥtp ‘friedlich gestimmt, ruhig)’” (PT-, Wb II 340) = “se mettre en rage, être tempétueux” (Cannuyer 1983, 26) = “to work (disaster)” (Breasted 1930, 543), nšnj “1. Wut, 2. Unwetter” (OK-, Wb II 341) = “1. wrath, 2. convulsion, strife” (LP, Caminos 1958, 90, §131)⁶³ || | NBrb.: Zayan & Sgugu √nnš: ṭa-naṣša “cris, vacarme, tumulte”, cf. nša “être grave, importante, critique” [Lbg. 1924, 574].

980. AA *√nŜ (perhaps var. *√ns) “to flow”⁶⁴ > HECu. *ānš- “to wash” [Hds. 1989, 404] || | Ch. *našī “to swim” [Stl. 1996, 119] = *nVÁ- [Stl. 1995, 59] = *√nŜ ~ var. *√ns [GT]⁶⁵ > WCh.: NBauchi *n[i]s- “to swim” [GT]: Warji nəs-, Kariya nəsə-, Tsagu niṣṣṣ (noun) (NBauchi: Skn. 1977, 43) || CCh.: Mbara niš (-ṭ) “nager” [TSL 1986, 274] | Logone nši ~ lši (-š-) “schwimmen” [Lks. 1936, 106], Buduma nul “nager” [Gaudiche 1938, 30] | PMasa *nus “nager” [GT]: Gizey,

⁶² Combined by W.F. Albright (1927, 222), F. von Calice (GÄSW 67, #226), and J. Vergote (1945, 136, §9.b.24) with Ar. √lšš I “to push, repulse” [Alb.] = “stoßen” [Vrg.]. Th. Schneider’s (1997, 199–200, #47) etymology (comparison with Hbr. nḥy/w “nach einer Seite gehen, leiten” etc.) is out of question.

⁶³ P. Kaplony (KBIÄF 192–3, n. 287) derived this from the biliteral root of Eg. nšnš “spucken (PT 205a: von Seth als dem bei seiner Geburt ausgespüenen Gott)”, which he eventually connected with Eg. bšj as “stammverwandt”! Ch. Cannuyer (1983, 26), in turn, saw in this Eg. root a prefix n- + Eg. *√šn, deduced from šnj.t “grêle, tempête” (cf. Wb IV 502–3) and šnj ḥšj.t “Aufruhr niederschlagen” (Wb IV 503, 5), although these forms are not even mutually related. Moreover, he *a priori* excluded any connection with Eg. nšnš “déchirer” (CT, Cannuyer) = “zerreißen” (Wb IV 517, 6), although it has most recently been taken up by C. Peust (1997, 269).

⁶⁴ For the semantic shifts in HECu. vs. Ch. cf., e.g., IE *pleu- “ri/ennen, fließen” > i.a. OGreek πλύνω “wasche”, Lithuanian (caus.) pláuju “waschen, spülen” vs. OIndic plavá- “schwimmend”, OGreek πλέ(F)ω “schiffe, schwimme” (IE: IEW 835–7).

⁶⁵ O. Stolbova did not take into account the North Bauchi and Masa gr. reflexes, which suggest a root var. with *-s (secondary CCh. *š?).

Masa, Ham, Lew, Marba nús, Musey lús (Masa gr.: Ajello 2001, 38) || ECh. *√nl [*1 < *Ŝ] “to swim” [GT]: Kwang-Ngam nàle | Lele nàl | Somray nàl and Ndam nàlà (Ch.: Stl. 1991 MS, 3; 1995, 59, Šii.10; 1996, 119–120).

981. AA *√nŜp “to moisten, absorb moisture” > Sem.: Ar. √nšf I “2. absorber, pomper l’eau, 3. être absorbé et disparaître de la surface”, II “3. donner du lait écumant (chamelle)”, IV “donner à qqn. à boire du lait tout chaud et écumant” [BK II 1263] = II “sucrer, absorber l’eau”, IV “s’absorber” [Dozy II 672] = nšf I: našafa “absorber” [Chouemi 1963–65, 73], Yemeni Ar. nišif I “to sip (coffee etc.)”, II “to sip making a sucking noise” [Piamenta 1990–1, 486], Ar. of Hadramaut √nšf “absorber, boire, sécher” [Landberg 1901, 723] || MSA *√nšf: Jbl. níšf “to sip”, nāšfót, pl. enšéf “drop, sip (usually of milk)” [Jns. 1981, 194] ||| Eg. nšp “den Acker befeuchten” (GR, Wb II 339, 9).

982. AA *√nŜz “to rise” > Sem.: Ar. √nšz I “1. se dresser au-dessus des points d’alentour, être situé plus haut, sur un endroit plus élevé, 3. enlever qq., le soulever du sol et puis le jeter à terre”, IV “enlever qqch. de sa place” [BK II 1260] ||| Eg. *nšz “to rise (???)”, cf. PT 1569b twt nšz twt nšzz.⁶⁶ parallel to PT 1569a: twt šwj twt šwj.t “you are he who is lifted up, you are she who is lifted up” (AEPT 237).

983. AA *√nŜm “to flow out” > Sem.: Ar. √nšm II “3. laisser sortir à sa surface et, pour ainsi dire, suer l’eau (se dit de la terre)” [BK II 1265] ||| Eg. nšm.t > nšmj “*Ausfluß” (Med., WMT 484; GHWb 435).

984. AA *√nZ “to pre-/excede” > Brb. *√nzy “zuerst kommen, vorangehen” [Snd.] > NBrb.: Mzg. nzu “1. être précoce, arriver tôt, de bonne heure, 2. faire en priorité, commencer le plus tôt possible” [Tf. 1991, 512] | Qabyle e-nzu “aborder en priorité, faire passer le premier” [Dlt. 1982, 590] || SBrb.: Hgr. ā-nəhu, pl. i-nha “excédent du partageants (dans un partage par groupes égaux)” [Prs. 1969, 81, #536] etc. (abundant Brb. reflexes, cf. Mlt. 1988, 197, #3.2.1.4; Snd. 1993, 170–2) ||| CCh.: Mandara nzə “surpasser” [Mch.]⁶⁷, Malgwa nza “früher” [Löhr 2002, 304].

985. AA *√nS “a bit, a little” > SCu.: Iraqw nas-ūt “to become small, thin, broken”, nāsú (m) “a pinch of ...” [MQK 2002, 77–78] ||| NOm.: Baditu nayš-ē “piccolo” [Crl. 1929, 62] | Nayi -nča- “thin” [Akl.] = naču [Bnd. 1996 MS, #83] ||| CCh.: Baldamu niše “petit” [Sgn.-Trn. 1984, 26] || ECh.: Kera nús “a bit” [Pearce 1998–9, 64].

986. AA *√nS “child” > SOm.: Dime nic [-ts] “boy, child, son” [Flm. apud Bnd. 1996 MS, 1, #17] = (gostə)-nic [-ts] “boy, child, baby” [Bnd.] = níth “boy, child, son” [Sbr. apud Bnd.], Ari nit “child, son” [Flm.], Hamar nās-i “boy, child, baby” [Bnd.] = “child, son” [Flm.] (SOm.: Flm. 1988, 171, #16; Bnd. 1994, 146) ||| CCh.: PBata *nsV “Kind” [GT]: Bata-Demsa nšë [Str.], Bachama nze [Meek], Gudu ñzú [Krf.], Kobochoi nšë [Str.], Wadi nso [Str.], Nzangi ěnšë [Str.] = inzə [Meek], Holma nānsë [Str.] (CCh.: Str. 1922–23, 119; JI 1994 II 75).

987. AA *√nS “to close” > NBrb.: Mzg. ta-nas-t “1. clé (pour ouvrir), 2. grosse clé des verrous anciens” [Tf. 1991, 497] | Mzab-Wargla a-nnas “serrure, clef” [Lst. 1931, 295], Mzab

⁶⁶ These phrases have so far resisted a reliable translation (cf. Wb II 342, 9–10; AÄG 97; AEPT 237).

⁶⁷ O. Stolbova (2005, 135, #506) misderived this word from her Ch. *nVS- and combined it with Akk. *nēs/šu* “strong” [CAD 190] = “ein Starker” [AHW 782] (misquoted by Stolbova with -ī-).

a-nnas “serrure (surtout ancienne)”, t-nas-t “clé” [Dlh. 1984, 139–140], Wargla a-nnas “serrure, système de fermeture d’une porte, gros loquet”, t-nas-t “clé” [Dlh. 1987, 224–5] || EBrb.: Ghadames tu-niš-t “clef à dents, clef en bois” [Lanfry 1973, 247, #1162], Siwa ti-nas-t “Schlüssel” [Stumme 1914, 103] = te-nés-t “key” [Quibell 1918, 102] = t-nās-t “longue clef de bois” [Lst. 1931, 216], Djerba (Gellala) te-nās-t “clé” [Saada 1965, 496], Fogaha ta-nās-t “chiave” [Prd. 1961, 300], Audjila te-niš-t ~ t-niš “chiave” [Prd. 1960, 162], Sokna t-nās-t “chiave” [Sarnelli 1924–5, 14] || SBrb.: Ghat ta-nas-t “cadenas” [Nhl. 1909, 137] ||| SCu.: Iraqw nōc- (-ts-) “to stop up” [Wtl. 1960, 81] = nōc (-ts) “to patch up a hole in a container” [Mgw. 1989, 116; MQK 2002, 79] ||| WCh.: Tangale nase “to close” [Jng. 1991, 123] || CCh.: (?) Daba-Kola nḡau [*nc-voiced?] “serrer” [Wdk. 1975, 93].

988. AA *√nS “tail” > (?) Eg. ns “Schurzzipfel (der aus dem Gürtel herausragt)” (GHWb 430) ||| EBrb.: Siwa a-nšuš “anus”, i-nšūš-ín “Gesäß”, a-friq n-a-nšuš “Hinterbacke” [Stumme 1914, 97] ||| NOm.: (?) Haruro nāzz-ē “membro virile” [CR 1937, 656], Ganjule néce (-ts-) “tail” [Sbr.], Kachama naccé (-ts-) “tail” [Sbr.], Koyra naccε “tail” [Sbr.] (NOm.: Sbr. 1994, 20) ||| CCh. *√nys (?) “tail” [JS 1981, 260]: Bachama nyiśé, pl. nyèśé “tail” [Skn. apud Pweddou 2000, 67], Gudu nēzu “tail” [IL] | Buduma nḡui “tail” [Nct.] = nḡùè [Cyffer] (CCh.: JI 1994 II 317).

Abbreviations of languages

(A): Akhmimic, AA: Afro-Asiatic, Akk.: Akkadian, Amh.: Amharic, Ar.: Arabic, Aram.: Aramaic, AS: Angas-Sura, Ass.: Assyrian, (B): Bohairic, Bab.: Babylonian, BD: Book of the Dead, Bed.: Bed’awye, Brb.: Berber, BT: Bole-Tangale, Ch.: Chadic, CCh.: Central Chadic, CT: coffin texts, Cu.: Cushitic, ECh.: East Chadic, ECu.: East Cushitic, Dhl.: Dahalo, E: East(ern), Eg.: Egyptian, ES: Ethio-Semitic, EWlm.: East Tawllemmet, (F): Fayyumic, Gdm.: Ghadames, GR: Greek (Ptolemaic) and Roman Period, GW: syllabic or group-writing, HECu.: Highland East Cushitic, Hgr.: Ahaggar, Hrs.: Harsusi, IE: Indo-European, IMP: Intermediate Period, Irq.: Iraqw, JAram.: Jewish Aramaic, Jbl.: Jibbali, (L): Lycopolitan (or Subakhmimic), LECu.: Lowland East Cushitic, Lit.: literary texts, LP: Late Period, M: Middle, Med.: medical texts, Mhr.: Mehri, MK: Middle Kingdom, MSA: Modern South Arabian, Mzg.: Tamazight, N: North, NBch.: North Bauchi, NBrb.: North Berber, NK: New Kingdom, NOm.: North Omotic, O: Old, OEg.: Old Egyptian, OK: Old Kingdom, Om.: Omotic, OSA: Old South Arabian, PCh.: Proto-Chadic, PCu.: Proto-Cushitic, PT: pyramid texts, Qbl.: Qabyle, Qwd.: Qwadza, S: South(ern), (S): Sahidic, Samar.: Samaritan, SBrb.: South Berber, Sem.: Semitic, Sqt.: Soqotri, Tna.: Tigrinya, W: West(ern), WBrb.: West Berber, WCh.: West Chadic, Wlmd.: Tawllemmet, WSem.: West Semitic, Y: Younger.

Abbreviations of author names

Abr.: Abraham, AC: Andreu & Cauville, AJ: Alio & Jungraithmayr, Akl.: Aklilu, Alb.: Albright, AMS: Amborn, Minker, Sasse, Apl.: Appleyard, Ast.: Aistleitner, Bgc.: Bougchiche, Bgn.: Beguinot, BK: Biberstein Kazimirsky, Blf.: Boulifa, Bnd.: Bender, Brg.: Bargery, Brk.: Brockelmann, Brn.: Biarnay, Brt.: Barreteau, Bst.: Basset, Chn.: Cohen, Clm.: Colombel, Cpr.: Cooper, CR: Conti Rossini, Crl.: Cerulli, Csp.: Cosper, Dj.k.: D’jakonov, DL: Dietrich & Loretz, Dlh.: Delheure, Dlt.: Dallet, DM: Djibrine & Montgolfier, Ebs.: Ebobisse, Fcd.: Foucauld, Fdr.: Fédry, Flk.: Foulkes, Flm.: Fleming, Frj.: Frajzyngier, Ftp.: Fitzpatrick, GB: Gesenius & Buhl, Gdk.: Goedicke, Grb.: Greenberg, GT: Takács, Hds.: Hudson, Hlw.: Hellwig, Hnrg.: Huehnergard, Hyw.: Hayward, IL: Institute of Linguistics, JA: Jungraithmayr & Adams, Jng.: Jungraithmayr, Jns.: Johnstone, JS: Jungraithmayr & Shimizu, JW: Jansen-Winkel, KB: Koeehler & Baumgartner, KM: Kießling & Mous, Krf.: Kraft, Lbg.: Loubignac, LH: Littmann & Höfner, Lks.: Lukas, Lmb.: Lamberti, Lnf.: Lanfry, Lns.: Lenssen, Lsl.: Leslau, LSS: Lonnet & Simeone-Senelle, Lst.: Laoust, Mgw.: Maghway, Mkr.: Mukarovsky, Mlt.: Militarev, MM: Majzel’ & Militarev, Mntsr.: Mountassir, MQK: Mous & Qorro & Kießling, Mrc.: Mercier, Msq.: Masqueray, Mtl.: Motylinsky, Mts.: Matsushita, Ncl.: Nicolas, Nct.: Nachtingal, Nhl.: Nehlil, Nkn.: Nakano, Ntg.: Netting, NZ: Naït-Zerrad, OS: Orel & Stolbova, PAM: Prasse & Alojaly &

Mohamed, PG: Pillinger & Galboran, PH: Parker & Hayward, PK: Posener-Krieger, Prd.: Paradisi, Prs.: Prasse, Pwd.: Pweddou, RB: Rapp & Benzing, Rdk.: Rhodokanakis, RK: Reutt & Kogan, Rn.: Reinisch, Rns.: Renisio, Rpr.: Roper, Rsg.: Rossing, Rsl.: Rössler, Sbr.: Siebert, Sgn.: Seignobos, Skn.: Skinner, Smz.: Shimizu, Snd.: Schneider, Snk.: Schenkel, Spg.: Spiegelberg, Srl.: Sirlinger, Srn.: Sarnelli, SS: Simeone-Senelle, Ss.: Sasse, Stl.: Stolbova, Str.: Strümpell, Stz.: Satzinger, Tf.: Taïfi, Trn.: Tourneux, Vcl.: Vycichl, Vrg.: Vergote, Wdk.: Wedekind, Wst.: Westendorf, Wtl.: Whiteley.

Literature

- AAÄKG I-III = WRESZINSKI, W.: *Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte*. Bd. I-III. Leipzig, 1923-38, J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung.
- AÄG = EDEL, E.: *Altägyptische Grammatik*. Roma, 1955, Pontificium Institutum Biblicum.
- ABÈS, M.: *Manuel de berbère marocain*. (Place not indicated), 1916. (?), (publisher not indicated).
- ABRAHAM, R. C.: *Dictionary of the Hausa Language*². London, 1962, University of London Press.
- ABRAHAM, R. C.: *Somali-English Dictionary*². London, 1964, University of London Press Ltd.
- AECT = FAULKNER, R. O.: *The Ancient Egyptian Coffin Texts*. Vol. I-III. Warminster, 1973-8, Aris & Phillips Ltd.
- AEPT = FAULKNER, R. O.: *The Ancient Egyptian Pyramid Texts*. I. Oxford, 1969, Clarendon Press.
- AHW = SODEN, W. VON: *Akkadisches Handwörterbuch*. I-III. Wiesbaden, 1965-1981, Otto Harrassowitz.
- AISTLEITNER, J.: Untersuchungen zum Mitlautbestand des Ugaritisch-Semitischen // LÖWINGER, S. & SOMOGYI, J. (eds.): *Ignace Goldziher Memorial Volume*. Part I. Budapest, 1948, Globus. Pp. 209-225.
- AJELLO, R.; KARYO, M.; MELIS, A.; DOBIO, Ou.: *Lexique comparatif de six langues tchadique central (Gizey, Ham, Lew, Marba, Masa, Musey)*. Pisa, 2001, Edizioni Plus, Università di Pisa.
- AKLILU, Y. & SIEBERT, R. & SIEBERT, K.: Survey of the Omotic Languages "Sheko" and "Yem" // *Survey of Little-Known Languages of Ethiopia*, (S.L.L.E.) Reports 10 (1993), 1-25.
- AL I-III = MEEKS, D.: *Année lexicographique. Égypte ancienne*. Tome 1-3 (1977-1979). 2ème édition. Paris, 1998, Cybele.
- ALBRIGHT, W. F.: Notes on Egypto-Semitic Etymology. III // *Journal of the American Oriental Society* 47 (1927), 198-237.
- ALIO, Kh.: *Wordlist of Ngamo*. MS. 1988 (?).
- ALIO, Kh. & JUNGRAITHMAYR, H.: *Lexique bidiya*. Frankfurt am Main, 1989, Vittorio Klostermann.
- ALLATI, A.: *Phonétique et phonologie d'un parler amazigh du Nord-Est marocain (Le parler des Aït-Saïd)*. Tome III. Thèse de doctorat de 3ème cycle. Université de Provence, Centre d'Aix-en-Provence, 1986. 4 p.
- ALLEN, T.G.: *The Inflection of the Verb in the Pyramid Texts*. Bibliotheca Aegyptia, vol. 2, fasc. 1-2. Malibu, 1984, Udena Publications.
- ALTENMÜLLER, H.: *Synkretismus in den Sargtexten*. Wiesbaden, 1975, Otto Harrassowitz.
- AMBORN, H. & MINKER, G. & SASSE, H.-J.: *Das Dullay. Materialien zu einer ostkuschitischen Sprachgruppe*. Berlin, 1980, Reimer Verlag.
- ANDREU, G. & CAUVILLE, S.: Vocabulaire absent du Wörterbuch II // *Revue d'Égyptologie* 30 (1978), 10-21.
- APPLEYARD, D.: Kailiña — A 'New' Agaw Dialect and Its Implications for Agaw Dialectology // HAYWARD, R. J. & LEWIS, I. M. (eds.): *Voice and Power. The Culture of Language in North-East Africa*. London, 1996, SOAS. Pp. 1-19.
- ARO, J.: Die Vokalisierung des Grundstammes im semitischen Verbum // *Studia Orientalia Fennica* 31 (1964).
- AUFRÈRE, S.: *L'univers minéral dans la pensée égyptienne*. Vol. I-II. BdÉ 105. Le Caire, 1990, 1991, IFAO.
- ÄWb I = HANNIG, R.: *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. Hannig-Lexica 4. Mainz am Rhein, 2003, Verlag Philipp von Zabern.
- ÄWb II = HANNIG, R.: *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. I-II. Hannig-Lexica 5. Mainz am Rhein, 2006, Verlag Philipp von Zabern.
- BARDINET, Th.: Remarques sur les maladies de la peau, la lèpre, et le châtement divin dans l'Égypte ancienne // *RdE* 39 (1988), 3-36.
- BARGER, G. P.: *A Hausa-English Dictionary and English-Hausa Vocabulary Compiled for the Government of Nigeria*. London, 1934, Oxford University Press, Humphrey Milford.
- BARRÈRE, D.: *Supplément au dictionnaire touareg-français du Père Charles de Foucauld*. MS. 1994.
- BARRETEAU, D.: *Description du mofu-gudur. Langue de la famille tchadique parlée au Cameroun*. Livre II. Lexique. Paris, 1988, Éditions de l'ORSTOM.

- BARTA, W.: Bemerkungen zur Etymologie und Semantik der Götternamen von Isis und Osiris // *Mitteilungen der Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 34 (1978), 9–13.
- BASSET, R.: *Loqmân berbère avec quatre glossaires et une étude sur la légende de Loqmân*. Paris, 1890, Ernest Leroux.
- BASSET, R.: *Le dialecte de Syouah*. Paris, 1890, Ernest Leroux.
- BEGUINOT, F.: *Il berbero Nefûsi di Fassâto*¹. Roma, 1931, Istituto per l'Oriente.
- BENDER, M. L.: *Omotiic: A New Afroasiatic Language Family*. Carbondale, Illinois, 1975, Southern Illinois University.
- BENDER, M. L.: Aroid (South Omotic) Lexicon // *Afrikanistische Arbeitspapiere* 38 (1994), 133–162.
- BENDER, M. L.: *Wordlists of Dimé, Dizi, Nayi, Sheko*. MS. 5 August 1996.
- BIARNAY, S.: Étude sur le dialecte des be't'ioua du Vieil-Arzen // *Revue Africaine* 277 (1911), 1–261. Paris & Alger, Typographie Adolphe Jourdan.
- BIARNAY, S.: *Étude sur les dialectes berbères du Rif. Lexique, textes et notes de phonétique*. Paris, 1917, Ernest Leroux.
- BIBERSTEIN KAZIMIRSKI, A. DE: *Dictionnaire arabe-français*. Paris, 1860, Maisonneuve & Co. Editeurs.
- BIELLA, J. C.: *Dictionary of Old South Arabic*. Chico, 1982, Scholars Press at Harward.
- BITTNER, M.: Studien zur Šhauri-Sprache in den Bergen von Dofâr am Persischen Meerbusen. IV. Index (šhauri-deutsches Glossar) und Nachträge zu den Texten von D.H. von Müller (textkritische Noten nach den ersten Aufnahmen) // *Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, phil.-hist. Klasse*, 183. Band, 5. Abhandlung (1917), 1–106.
- BLACHÈRE, R. & CHOUËMI, M. & DENIZEAU, C. & PELLAT, Ch.: *Dictionnaire arabe-français-anglais (Langue classique et moderne)*. Tome I–III. Paris, 1967–1976, Maisonneuve et Larose.
- BLACK, P. D.: Werizoid // BENDER, M. L. (ed.): *The Non-Semitic Languages of Ethiopia*. East Lansing, Michigan, 1976, Michigan State University. Pp. 222–231.
- BORGHOUTS, J. F.: *The Magical Texts of the Papyrus Leiden I 348*. Leiden, 1971, E. J. Brill.
- BOUGHICHE, L.: Glossaire kabyle des termes et des énoncés figurant dans les chapitres liminaires et dans l'ensemble mythique du volume I des Volksmärchen der Kabylen (pp. 3–114) // *Littérature Orale Arabo-Berbère* 26 (1998), 277–338.
- BOULIFA, S. A.: *Une première année de langue kabyle (dialecte zouaoua) à l'usage des candidats à la prime et au brevet de kabyle*. Deuxième édition. Alger, 1910, Adolphe Jourdan.
- BREASTED, J. H.: *The Edwin Smith Surgical Papyrus*. Vol. I. Chicago, 1930, The University of Chicago Press.
- BROCKELMANN, C.: Ägyptisch-semitische Etymologien // *Zeitschrift für Semitistik* 8 (1932), 97–117.
- BURKARD, G.: *Textkritische Untersuchungen zu ägyptischen Weisheitslehren des Alten und Mittleren Reiches*. Wiesbaden, 1977, Otto Harrassowitz.
- CAD = *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. 1–21. Glückstadt & Chicago, Since 1956, J. J. Augustin, The Oriental Institute of the University of Chicago.
- CAÏTUCOLI, C.: *Lexique masa*. Paris, 1983, Agence de Coopération Culturelle et Technique.
- CAMINOS, R.: *The Chronicle of Osorkon*. Roma, 1958, Pontificium Institutum Biblicum.
- CANNUYER, Ch.: Les formes dérivées du verbe en ancien égyptien. Essai de systématisation // *Göttinger Miszellen* 63 (1983), 25–33.
- CANNUYER, Ch.: Recherches sur l'onomastologie du feu en Ancien Égyptien // *ZÄS* 117 (1990), 103–111.
- CD = CRUM, W. E.: *A Coptic Dictionary*. Oxford, 1939, Oxford, 1939, Oxford University Press.
- CdE = *Chronique d'Égypte* (Bruxelles).
- CED = ČERNÝ, J.: *Coptic Etymological Dictionary*. London, Cambridge, 1976, Cambridge University Press.
- CERULLI, E.: Note su alcune popolazioni sidāmā dell'Abissinia meridionale II: i Sidama dell'Omo // *Rivista degli Studi Orientali* 12 (1929), 1–69.
- CHAKER, S.: Dérivés de manière en berbère (Kabyle) // *Comptes Rendus du Groupe Linguistique d'Études Chamito-Sémitiques* (GLECS) 17 (1972–73), 81–96.
- CHOUËMI, M.: La consonne nasale N en arabe // *Comptes Rendus du Groupe Linguistique d'Études Chamito-Sémitiques* (GLECS) 10 (1963–66), 72–76.
- CLAUS, (?): Die Wangómwia // *Zeitschrift für Ethnologie* 42 (1910), 489–497.
- CLD I = STOLBOVA, O. V.: *Chadic Lexical Database*. Issue I. L, N, NY, R. Kaluga, 2005, Poligrafiya.
- COHAVI-RAINEY, Z.: Egyptian Influence in the Amarna Texts // *UF* 29 (1997), 95–114.
- COHEN, M.: *Essai comparatif sur le vocabulaire et la phonétique du chamito-sémitique*. Paris, 1947, Librairie Ancienne Honore Champion.

- COLOMBEL, V. DE: *Phonologie quantitative et synthématique. Propositions méthodologiques et théoriques avec application à l'ouldémé (langue tchadique du Nord-Cameroun)*. Paris, 1986, SELAF.
- COLOMBEL, V. DE: Classes verbales en ouldémé? // JUNGRAITHMAYR, H. & TOURNEUX, H. (eds.): *Études tchadiques. Classes et extensions verbales*. Paris, 1987, Paul Geuthner. Pp. 25–31.
- COLOMBEL, V. de: Les extensions verbales productives, mi-figées ou fossilisées en langue ouldémé // JUNGRAITHMAYR, H. & TOURNEUX, H. (eds.): *Études tchadiques. Classes et extensions verbales*. Paris, 1987, Paul Geuthner. Pp. 65–91.
- COLOMBEL, V. DE: *La labgue ouldémé (Nord-Cameroun). Précis de grammaire, texte, lexique*. Paris, 1997, Association de Linguistique Africaine.
- CONTI ROSSINI, C.: *La langue des Kemant en Abyssinie*. Wien, 1912, Alfred Hölder.
- CONTI ROSSINI, C.: Sui linguaggi dei Naa e dei Ghimirra (Sce) nell'Etiopia Meridionale // *Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei, Classe di Scienze morali, storiche e filologiche*, ser. VI, vol. 1 (1925), 512–636.
- CONTI ROSSINI, C.: Contributi per la conoscenza della lingua Haruro (Isole del Lago Margherita) // *Rendiconti della Reale Accademia Nazionale dei Lincei, Classe di Scienze morali, storiche e filologiche*, Ser. VI, vol. XII, fasc. 7–10 (1937), 621–679.
- COOPER, K. N.: *Lexique zime-français. Vūn tārī. Sarh (Tchad)*, 1984, Centre d'Études Linguistiques.
- COSPER, R.: *South Bauchi Lexicon. A Wordlist of Nine South Bauchi (Chadic) Languages and Dialects*. Halifax, 1994, The Author (Saint Mary's University).
- COSPER, R.: *Barawa Lexicon. A Word-list of Eight South Bauchi (West Chadic) Languages: Boghom, Buli, Dott, Geji, Jimi, Polci, Sayanci and Zul*. München, 1999, Lincom Europa.
- CT = BUCK, A. DE: *The Egyptian Coffin Texts*. Vol. I–VII. Chicago, 1935–61, The University of Chicago Press.
- DALLET, J.-M.: *Dictionnaire qabyle-français. Parler des At Mangellat (Algérie)*. Paris, 1982, SELAF (Société d'études linguistiques et anthropologiques de France).
- DALMAN, G. H.: *Aramäisch-neuhebräisches Handwörterbuch zu Targum, Talmud und Midrasch*. Frankfurt a/M, 1922, J. Kaufmann Verlag.
- DCT = MOLEN, R. VAN DER: *A Hieroglyphic Dictionary of Egyptian Coffin Texts*. Leiden, 2000, E.J. Brill.
- DEBOO, J.: *Jemenitisches Wörterbuch. Arabisch-Deutsch-Englisch*. Wiesbaden, 1989, Harrassowitz.
- DELIC = VYČIHL, W.: *Dictionnaire étymologique de la langue copte*. Leuven, 1983, Peeters.
- DELHEURE, J.: *Dictionnaire mozabite-français*. Paris, 1984, Société d'Études Linguistiques et Anthropologique de France (SELAF).
- DELHEURE, J.: *Dictionnaire ouargli-français*. Paris, 1987, Société d'Études Linguistiques et Anthropologique de France (SELAF).
- DG = ERICHSEN, W.: *Demotisches Glossar*. Kopenhagen, 1954, Ejnar Munksgaard.
- D'JAKONOV, I. M.: *Semitohamitskie jazyki. Opyt klassifikacii*. Moskva, 1965, Nauka.
- DIAKONOFF, I. M.: Letter to the Conference // BYNON, J. (ed.): *Current Progress in Afro-Asiatic Linguistics*. Amsterdam, 1984, John Benjamins. Pp. 1–10.
- D'JAKONOV, I. M. & MILITAREV, A. JU. & PORHOMOVSKIJ, V. JA. & STOLBOVA, O. V.: Obščefrazijskaja fonologičeskaja sistema // PORHOMOVSKIJ, V. Ja. (ed.): *Afrikanskoe istoričeskoe jazykoznanie. Problemy rekonstrukcii*. Moskva, 1987, Nauka. Pp. 9–29.
- DIAKONOFF, I. M.: *Afrasian Languages*. Moscow, 1988, Nauka.
- DIAKONOFF, I. M. (with assistance by MILITAREV, A. Ju. & STOLBOVA, O. V.): Proto-Afrasian and Old Akkadian // *Journal of Afroasiatic Languages* 4/1 (1992).
- DIAKONOFF, I. M. & MILITAREV, A. JU. & PORKHOMOVSKIJ, V. JA. & STOLBOVA, O. V.: On the Principles of Afrasian Phonological Reconstruction // *St. Petersburg Journal of African Studies* 1 (1993), 7–15.
- DLE = LESKO, L. H.: *A Dictionary of Late Egyptian*. Volume I, II, III, IV. Berkeley, 1982, 1984, 1987, 1989. B.C. Scribe Publications.
- DOZY, R.: *Suppléments aux dictionnaires arabes*. Tome I–II. Leiden, Paris, 1881, E. J. Brill, Maisonneuve.
- DROWER, E.S. & MACUCH, R.: *A Mandaic Dictionary*. Oxford, 1963, Clarendon Press.
- DUL = OLMO LETE, G. & SANMARTÍN, J.: *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition*. Part One [?(*ali/u*)-*k*]. Part Two [*l-z*]. Leiden, 2003, E. J. Brill.
- EBOBISSE, C.: *Die Morphologie des Verbs im Ost-Dangaleat (Guera, Tschad)*. Berlin, 1979, Dietrich Reimer Verlag.
- EDE I = TAKÁCS, G.: *Etymological Dictionary of Egyptian*. Volume One: A Phonological Introduction. Leiden, 1999, E. J. Brill.

- EDEL, E.: *Die Felsengräbernekropole der Qubbet el-Hawa bei Assuan*. II. Wiesbaden, 1975, Harrassowitz.
- EHRET, Ch.: *Ma'a – English Vocabulary*. MS. Los Angeles, California, around 1974 (in Ehret 1980, 390 dated for 1966–74). 82 p.
- EHRET, Ch.: *The Historical Reconstruction of Southern Cushitic Phonology and Vocabulary*. Berlin, 1980, Dietrich Reimer Verlag.
- EHRET, Ch.: *Reconstructing Proto-Afroasiatic (Proto-Afrasian). Vowels, Tone, Consonants, and Vocabulary*. Berkeley, Los Angeles, California, 1995, University of California.
- EL-SAYED, R.: Mots et expressions évoquant l'idée de lumière // *ASAE* 71 (1987), 61–86.
- EMBER, A.: Notes on the Relation of Egyptian and Semitic // *ZÄS* 50 (1912), 86–90.
- EMBER, A.: Kindred Semito-Egyptian Words. New Series // *ZÄS* 51 (1913), 110–121.
- ESS = EMBER, A.: *Egypto-Semitic Studies*. Leipzig, 1930, The Alexander Cohut Memorial Foundation.
- FAGNAN, E.: *Additions aux dictionnaires arabes*. Alger, 1923, Jules Carbonel.
- FALTINGS, D.: *Die Keramik der Lebensmittelproduktion im Alten Reich. Ikonographie und Archäologie eines Gebrauchsartikels*. Heidelberg, 1998, Heidelberger Orientverlag.
- FD = FAULKNER, R. O.: *A Concise Dictionary of Middle Egyptian*. Oxford, 1962, Clarendon Press.
- FECHT, G.: *Wortakzent und Silbenstruktur. Untersuchungen zur Geschichte der ägyptischen Sprache*. Glückstadt, 1960, Verlag J. J. Augustin.
- FÉDRY, J. (avec la collaboration de KHAMIS, J. & O/NEDJEL, M.): *Dictionnaire dangaleat (Tchad)*. Thèse de 3ème cycle, Institut National des Langues et Civilisations Orientales. Lyon, 1971, Afrique et Langage.
- FEICHTNER, M.K.: Die erweiterten Verbalstämme im Ägyptischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 38 (1932), 195–228.
- FISCHER-ELFERT, H.-W.: *Die satirische Streitschrift des Papyrus Anastasi I. Übersetzung und Kommentar*. Wiesbaden, 1986, Harrassowitz.
- FLEMING, H. C.; AKLILU YILMA; MITIKU, A.; HAYWARD, R.; MIYAWAKI, Y.; MIKESH, P.; SEELIG, J. M.: ONGOTA (OR) BIRALE. A Moribund Language of Gemu-Gofa (Ethiopia) // *JAAL* 3/3 (1992) or (1992–93), 181–225.
- FLEMING, H. C.: Proto-South-Omotiic or Proto-Somotiic Consonant Phonemes: Stage One // BECHHAUS-GERST, M. & SERZISKO, F. (eds.): *Cushitic-Omotiic. Papers from the International Symposium on Cushitic and Omotiic Languages, Cologne, January 6–9, 1986*. Hamburg, 1988, Helmut Buske Verlag. Pp. 163–175.
- FOUCAULD, CH. DE: *Dictionnaire touareg-français, dialecte de l'Ahaggar*. Vol. I–IV. Paris, 1951–52, Imprimerie Nationale de France.
- FOULKES, H. D.: *Angass Manual. Grammar, Vocabulary*. London, 1915, Kegan Paul, Trench, Trübner and Co.
- FOURNET, J.-L.: Les emprunts du grec à l'égyptien // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 84 (1989), 55–80.
- FRAJZYNGIER, Z.: *A Pero-English and English-Pero Vocabulary*. Berlin, 1985, Dietrich Reimer Verlag.
- FRAJZYNGIER, Z.: *A Dictionary of Mupun*. Berlin, 1991, Dietrich Reimer Verlag.
- FRANKE, D.: Probleme der Arbeit mit altägyptischen Titeln des Mittleren Reiches // *GM* 83 (1984), 103–124.
- FROLOVA, T.: The Reconstruction of the Vowel in the Proto-Semitic Verbal Base -C₁C₂VC₃-. The Evidence of Akkadian and Arabic // KOGAN, L. (ed.): *Orientalia: Papers of the Oriental Institute. Issue III. Studia Semitica*. Moscow, 2003, Russian State University of Humanities. Pp. 79–101.
- GAUDICHE, (?): La langue boudouma // *Journal de la Société des Africanistes* 8 (1938), 13–32.
- GÄSW = CALICE, F. VON: *Grundlagen der ägyptisch-semitischen Wortverglei chung*. Wien, 1936, Selbstverlag des Orientalischen Institutes der Universität Wien.
- GB = GESENIUS, W. (bearbeitet von BUHL, F.): *Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament*. Unveränderter Neudruck der 1915 erschienenen 17. Auflage. Berlin, Göttingen, Heidelberg, 1962, Springer-Verlag.
- GD = LANDBERG, Le Comte de: *Glossaire daïñois*. Vol. I–III. Leiden, 1920, 1923, 1942, E.J. Brill.
- GHWb = HANNIG, R.: *Grosses Handwörterbuch Ägyptisch-Deutsch (2800–950 v. Chr.)*. Mainz, 1995, Verlag Philipp von Zabern.
- GLECS = *Comptes-Rendus du Groupe Linguistique d'Études Chamito-Sémitiques* (Paris).
- GM = *Göttinger Miscellen* (Göttingen).
- GOCHAL, G.: *A Look at Shik Ngas*, 1994, Jos University Press.
- GOEDICKE, H.: A Cult Inventory of the Eighth Dynasty from Coptos (Cairo JE 43290) // *Mitteilungen der Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo* 50 (1994), 71–84.
- GOODWIN, Ch. W.: On the Interchange of the Letters [n] and [r] in Egyptian // *ZÄS* 5 (1867), 85–88.

- GRAY, L. H.: Notes étymologiques sur les “verbes faibles” en hébreu biblique // *Archív Orientální* 5 (1933), 124–130.
- GREENBERG, J. H.: *Studies in African linguistic Classification*. Branford, Connecticut, 1955, Compass Publishing Company.
- GREENBERG, J. H.: The Languages of Africa // *International Journal of American Linguistics* 29 (1963).
- GRIFFITH, F. L.: *A Collection of Hieroglyphs. A Collection of Hieroglyphs. A Contribution to the History of Egyptian Writing*. London, 1898, Egypt Exploration Fund, Kegan Paul & Trench & Trübner & Co.
- GRIFFITH, F. L.: *Hieratic Papyri from Kahun and Gurob (Principally of the Middle Kingdom)*. Text. London, 1898, Bernard Quaritch.
- HAM = WESTENDORF, W.: *Handbuch der altägyptischen Medizin*. Leiden, 1999, Brill.
- HARRIS, J.R.: *Lexicographical Studies in Ancient Egyptian Minerals*. Berlin, 1961, Akademie-Verlag.
- HARUNA, A.: *English-Guruntum*. MS. 1992 (?). 32 p.
- HCVA I = DIAKONOFF, I. M.; BELOVA, A. G.; MILITAREV, A. JU.; PORHOMOVSKIJ, V. JA.; STOLBOVA, O. V.: Historical Comparative Vocabulary of Afrasian. Part 1 // *St. Petersburg Journal of African Studies* 2 (1993), 5–28.
- HCVA II = DIAKONOFF, I. M.; BELOVA, A. G.; MILITAREV, A. JU.; PORHOMOVSKIJ, V. JA.; STOLBOVA, O. V.: Historical Comparative Vocabulary of Afrasian. Part 2 // *St. Petersburg Journal of African Studies* 3 (1994), 5–26.
- HCVA III = DIAKONOFF, I. M.; BELOVA, A. G.; MILITAREV, A. JU.; PORHOMOVSKIJ, V. JA.; STOLBOVA, O. V.: Historical Comparative Vocabulary of Afrasian. Part 3 // *St. Petersburg Journal of African Studies* 4 (1994), 7–38.
- HCVA IV = DIAKONOFF, I. M.; BELOVA, A. G.; MILITAREV, A. JU.; PORHOMOVSKIJ, V. JA.: Historical Comparative Vocabulary of Afrasian. Part 4 // *St. Petersburg Journal of African Studies* 5 (1995), 4–32.
- HCVA V = DIAKONOFF, I. M.; BELOVA, A. G.; MILITAREV, A. JU.; PORHOMOVSKIJ, V. JA.: Historical Comparative Vocabulary of Afrasian. Part 5 // *St. Petersburg Journal of African Studies* 6 (1997), 12–35.
- HEINE, B.: Vokabulare ostafrikanischer Restsprachen. Teil I // *Afrika und Übersee* 56 (1973), 276–283.
- HEINE, B.: The Sam Languages. A History of Rendille, Boni and Somali // *Afroasiatic Linguistics* 6/2 (1978), 23–115.
- HINZ, W.: Zu den Sinai-Inschriften (II) // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 142 (1992), 262–274.
- HOCH, J. E.: *Semitic Words in Egyptian Texts of the New Kingdom and Third Intermediate Period*. Princeton, 1994, Princeton University Press.
- HODGE, C. T.: Hausa-Egyptian Establishment // *Anthropological Linguistics* 8/1 (1966), 40–57.
- HODGE, C. T.: An Egypto-Semitic Comparison // *Folia Orientalia* 17 (1976), 5–28.
- HODGE, C. T.: Lislakh: Progress and Prospects // BYNON, J. (ed.): *Current Progress in Afro-Asiatic Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, 1984, John Benjamins. Pp. 413–421.
- HSED = OREL, V. É. & STOLBOVA, O. V.: *Hamito-Semitic Etymological Dictionary*. Leiden, 1995, E. J. Brill.
- HUDSON, G.: *Highland East Cushitic Dictionary*. Hamburg, 1989, Buske.
- HUDSON, R.A.: *A Dictionary of Beja. Draft Printout*. February 29, 1996. Version prepared by R.M. BLENCH.
- HUEHNERGARD, J.: Further South Semitic Cognates to the Akkadian Lexicon // KAYE, A. S. (ed.): *Semitic Studies in Honor of Wolf Leslau on the Occasion of His Eighty-Fifth Birthday, November 14th, 1991*. Volume I. Wiesbaden, 1991, Otto Harrassowitz. Pp. 690–713.
- IEW = POKORNY, J.: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Band I. Bern-München, 1959, Francke Verlag.
- IL = *Institute of Linguistics. Bauch Area Survey Report presented by N. Campbell and J. Hoskison*. MS. Zaria, 1972.
- ILLIČ-SVITYČ, V. M.: *Opyt sravnenija nostratičeskijh jazykov (semitohamitskij, kartvel'skij, indoevropskij, ural'skij, dravidijskij, altajskij). Sravnitel'nyj slovar' (1-3)*. Ukazateli. Moskva, 1976, Nauka.
- JANSEN-WINKELN, K.: *Spätmittelägyptische Grammatik der Texte der 3. Zwischenzeit*. Wiesbaden, 1996, Harrassowitz Verlag.
- JASTROW, M.: *A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature*. Volume I: ʔ-k, Volume II: l-t. New York, 1950, Pardes Publishing House Inc.
- JÉQUIER, G.: *Les frises d'objets des sarcophages du Moyen Empire*. Le Caire, 1921, IFAO.
- JNES = *Journal of Near Eastern Studies* (Chicago).
- JOHNSTONE, T. M.: *Harsūsi Lexicon*. London, 1977, Oxford University Press.
- JOHNSTONE, T. M.: *Jibbāli Lexicon*. London, 1981, Oxford University Press.
- JOHNSTONE, T. M.: *Mehri Lexicon*. London, 1987, University of London.
- JORDAN, A.: *Dictionnaire berbère-français (dialectes tašelhait) contenant 6.025 formes*. Rabat, 1934, Éditions Omnia.
- JUNGRAITHMAYR, H.: Materialien zur Kenntnis des Chip, Montol, Gerka und Burrum (Südplateau, Nordnigerien) // *Afrika und Übersee* 48 (1965), 161–183.

- JUNGRAITHMAYR, H.: *Die Ron-Sprachen. Tschadohamitische Studien in Nordnigerien*. Glückstadt, 1970, Verlag J. J. Augustin.
- JUNGRAITHMAYR, H. & SHIMIZU, K.: *Chadic Lexical Roots. Vol. II. Tentative Reconstruction, Grading and Distribution*. Berlin, 1981, Verlag von Dietrich Reimer.
- JUNGRAITHMAYR, H.: *Lexique mokilko*. Berlin, 1990, Dietrich Reimer Verlag.
- JUNGRAITHMAYR, H.: *Lexique mubi-français (Tchad oriental)*. MS. Frankfurt a/M, 1990. 50 p.
- JUNGRAITHMAYR, H. & IBRISZIMOW, D.: *Wordlist of Sarwa, Gadang, Miltu (Gali)*. MS. Groupe d'Études Tchadiques. 1990. 15 p.
- JUNGRAITHMAYR, H. & IBRISZIMOW, D.: *Sur les langues sarwa, gadang et miltu (groupe sibine/somray)*. MS. Groupe d'Études Tchadiques. 1990. 20 p.
- JUNGRAITHMAYR, H. (in collaboration with N. A. GALADIMA and U. KLEINWILLINGHÖFER): *A Dictionary of the Tangale Language (Kaltungo, Northern Nigeria) with a Grammatical Introduction*. Berlin, 1991, Dietrich Reimer Verlag.
- JUNGRAITHMAYR, H. & ADAMS, A.: *Lexique migama*. Berlin, 1992, Dietrich Reimer Verlag.
- JUNGRAITHMAYR, H.: Das Birgit, eine osttschadische Sprache – Vokabular und grammatische Notizen // TAKÁCS, G. (ed.): *Egyptian and Semito-Hamitic (Afro-Asiatic) Studies in Memoriam Werner Vycichl*. Leiden, 2004, E. J. Brill. Pp. 342–371.
- KAHL, J.: Die Defektivschreibungen in den Pyramidentexten // *Lingua Aegyptia* 2 (1992), 99–116.
- KANE, Th. L.: *Amharic-English Dictionary*. Wiesbaden, 1990, Harrassowitz Verlag.
- KAPLONY, P.: Das Papyrusarchiv von Abusir // *Or. NS* 41 (1972), 11–79, 180–244.
- KB = KOEHLER, L. & BAUMGARTNER, W.: *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*. I–V. Leiden, 1994–2000, E. J. Brill.
- KBIÄF = KAPLONY, P.: *Kleine Beiträge zu den Inschriften der ägyptischen Frühzeit*. Wiesbaden, 1966, Harrassowitz.
- KHW = WESTENDORF, W.: *Koptisches Handwörterbuch*. Heidelberg, 1977, Carl Winter Universitätsverlag.
- KIEBLING, R. & MOUS, M.: *The Lexical Reconstruction of West-Rift Southern Cushitic*. Kuschitische Sprachstudien, Band 21. Köln, 2004, Rüdiger Köppe Verlag.
- KÖPFSTEIN, S.: Altägyptische Bezeichnungen für Tische, Sitz- und Liegemöbel vom Alten bis zum Neuen Reich // *Altorientalische Forschungen* 16/1 (1989), 3–35.
- KRI = KITCHEN, K.A.: *Rameside Inscriptions – Historical and Biographical*. Vol. I–VII. Oxford, 1968/1975–83/89, Oxford University Press.
- LACAU, P.: *Études d'Égyptologie*. II. Morphologie. Le Caire, 1972, IFAO.
- LADEFOGED, P.: *A Phonetic Study of West African Languages. An Auditory-Instrumental Survey*. Cambridge, 1964, University Press.
- LAMBDIN, Th. O.: Egyptian Words in Tell El Amarna Letter No. 14 // *Orientalia NS* 22 (1953), 362–369.
- LAMBERTI, M.: *Materialien zum Yemsa*. Heidelberg, 1993, Carl Winter Universitätsverlag.
- LANDBERG, Le Comte de: *Études sur les dialectes de l'Arabie Méridionale. Premier volume: Ḥaḍramoût*. Leiden, 1901, Brill.
- LANE, E. W.: *An Arabic-English Lexicon*. I–VIII. London & Edinburgh, 1863–93, Williams and Norgate.
- LANFRY, J.: *Ghadames. II. Glossaire*. Alger, 1973, Le Fichier Periodique.
- LANGE, H.O.: Das Weisheitsbuch des Amenemope aus dem Papyrus 10,474 des British Museum // *Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Historisk-filologiske Meddelelser* 11/2 (1925), 1–141.
- LAOUST, E.: *Étude sur le dialecte berbère du chenoua comparé avec ceux des Beni-Menacer et des Beni-Salah*. Paris, 1912, Ernest Leroux.
- LAOUST, E.: *Siwa. I. Son parler*. Paris, 1931, Librairie Ernest Leroux.
- LÄ = HELCK, W. & WESTENDORF, W. (Hrsg, begründet von W. HELCK und E. OTTO): *Lexikon der Ägyptologie*. Band I–VII. Wiesbaden, 1975–92, Harrassowitz.
- LEITZ, Ch.: *Magical and Medical Papyri of the New Kingdom. Hieratic Papyri of the British Museum VII*. London, 1999, British Museum Press.
- LEITZ, Ch.: Besprechung von OSING, J.: *The Carlsberg Papyri, 2. Hieratische Papyri aus Tebtunis* // *Bibliotheca Orientalis* 57/3–4 (2000), 270–278.
- LENSSEN, T.: *Das Verb im Kwang (Tschad) – eine phonologische Studie*. M.A. thesis, Marburg, 1982, Philipps-Universität Marburg.
- LESKO, L.H.: *The Ancient Egyptian Book of Two Ways*. Berkeley, Los Angeles and London, 1972, University of California Press.

- LESLAU, W.: *Lexique soqotri (sudarabique moderne), avec comparaisons et explications étymologiques*. Paris, 1938, Librairie C. Klincksieck.
- LESLAU, W.: *A Dictionary of Moča (Southwestern Ethiopia)*. Berkeley, Los Angeles, 1959, University of California Press.
- LESLAU, W.: *Etymological Dictionary of Gurage (Ethiopic)*. Vol. III. Etymological Section. Wiesbaden, 1979, Otto Harrassowitz.
- LESLAU, W.: North Ethiopic and Amharic Cognates in Tigre // *AION* (Supplemento 31), vol. 42, fasc. 2 (1982), 1–86.
- LESLAU, W.: *Comparative Dictionary of Ge'ez (Classical Ethiopic)*. Wiesbaden, 1987, Otto Harrassowitz.
- LEVY, J.: *Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim nebst Beiträgen von Heinrich Leberecht Fleischer*. Zweite Auflage mit Nachträgen und Berichtigungen von Lazarus Goldschmidt. I–IV. Berlin & Wien, 1924, Benjamin Harz Verlag.
- LOUBIGNAC, V.: *Étude sur le dialecte berbère des Zaïan et Aït Sgougou. Textes (deuxième section)*. Paris, 1924, Ernest Leroux.
- LÖHR, D.: *Die Sprache der Malgwa (Nará Málgwa). Grammatische Erstbeschreibung einer zentralschadischen Sprache Nordost-Nigerias*. Frankfurt a/M, 2002, Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften.
- LUKAS, J.: Die Logone-Sprache im Zentralen Sudan // *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes* 21/6 (1936).
- LUKAS, J.: *Zentralsudanische Studien // Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandskunde*. Hansische Universität, Reihe B, Band 45/24 (1937).
- LUKAS, J.: Die Personalia und das primäre Verb im Bolanci (Nordnigerien). Mit Beiträge über das Karekare // *Afrika und Übersee* 55 (1971), 114–139.
- MAGHWAY, J. B.: Iraqw Vocabulary // *Afrikanistische Arbeitspapiere* 18 (1989), 91–118.
- MAGWA, J. G. et al. (20 members of the “Ron Language Committee”): *A Ron Alphabet*. Jos, Nigeria, 1985, Nigeria Bible Translation Trust.
- MAJZEL', S. S. (additions by and edited by MILITAREV, A. Ju.): *Puti razvitija kornevogo fonda semitskih jazykov*. Moskva, 1983, Nauka.
- MASPERO, G.: *Études de mythologie et d'archéologie égyptiennes*. I. II. Paris. 1898.
- MASQUERAY, E.: Comparaison d'un vocabulaire du dialecte des Zenaga avec les vocabulaires correspondants des dialectes des Chawiya et des Beni Mzab // *Archives des Missions Scientifiques et Littéraires*, 3ème série, tome 5ème (1879), 483–533.
- MASSART, A.: *The Leiden Magical Papyrus I 343 + I 345*. Leiden, 1954, E. J. Brill.
- MATSUSHITA, Sh.: *An Outline of Gwandara Phonemics and Gwandara-English Vocabulary*. Tokyo, 1972, Tokyo Press.
- MEEKS, D.: Review of HANNIG, R.: *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit // Lingua Aegyptia* 13 (2005), 231–263.
- MERCIER, H.: *Vocabulaires et textes berbères dans le dialecte des Ait Izdeg*. Rabat, 1937, René Céré.
- MILITAREV, A. Ju.: Tamâhaq Tuaregs in the Canary Islands (Linguistic Evidence) // *Aula Orientalis* 6 (1988), 195–209.
- MILITAREV, A. Ju.: Istoričeskaja fonetika i leksika livijsko-guančskih jazykov // SOLNCEV, V. M. (ed.): *Jazyki Azii i Afriki*. IV, kniga 2. Moskva, 1991, Glavnaja Redakcija Vostočnoj Literatury. Pp. 238–267.
- MILITAREV, A. Ju.: Once More About Glottochronology and the Comparative Method: the Omotic-Afrasian Case // *Orientalia et Classica. Trudy Instituta vostočnyh kul'tur i antičnosti*. Vypusk VI. Moskva, 2005, Rossijskij Gosudarstvennyj Gumanitarnyj Universitet. Pp. 339–408.
- MONTET, P.: *Scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptiens de l'ancien empire*. Strasbourg, 1925, Istra.
- MOTYLINSKI, A. de C.: *Le dialecte berbère de R'edamès*. Paris, 1904, Ernest Leroux.
- EL-MOUNTASSIR, A.: *Initiation au tachelhit, langue berbère du sud du Maroc. Ra nsawal tachelhit*. Paris, 1999, Langues & Mondes, L'Asiathèque.
- MOUS, M. & QORRO, M. & KIEßLING, R.: *Iraqw-English Dictionary with an English and a Thesaurus Index*. Köln, 2002, Rüdiger Köppe Verlag.
- MUCHIKI, Y.: *Egyptian Proper Names and Loanwords in North-West Semitic*. Society of Biblical Literature Dissertation Series 173. Atlanta, Georgia, 1999, Society of Biblical Literature.
- MUKAROVSKY, H. G.: Les rapports du basque et du berbère // *GLECS* 10 (1963–66), 177–184.
- MÜLLER, W. W.: Äthiopisches zur semitisch-ägyptischen Wortvergleichung // *Muséon* 74 (1961), 199–205.
- MWNR = HELCK, W.: Materialien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches. Teil II // *Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse* 11 (1960). Teil III: 2 (1963). Teil IV: 3 (1963). Teil V: 4 (1964). Teil VI: 4 (1969). With continuous pagination.

- NAÏT-ZERRAD, K.: Les préfixes expressifs en berbère // NAÏT-ZERRAD, K. (éd.): *Articles de linguistique berbère. Mémo-
rial Werner Vycichl*. Paris, 2002, L'Harmattan. Pp. 349–372.
- NAKANO, A.: *Comparative Vocabulary of Southern Arabic – Mahri, Gibbali and Soqotri*. Tokyo, 1986, Institute for the
Study of Languages and Cultures of Asia and Africa.
- NBÄ = OSING, J.: *Die Nominalbildung des Ägyptischen*. I–II. Mainz/Rhein, 1976, Verlag Philipp von Zabern.
- NEHLIL: *Étude sur le dialecte de Ghat*. Paris, 1909, Éditions Ernest Leroux.
- NETTING, R. M.: *Kofyar Vocabulary*. MS. 1967.
- NICOLAS, F.: *La langue berbère de Mauritanie*. Dakar, 1953, Institut Français d'Afrique Noire.
- NICOLAS, F.: Vocabulaires ethnographiques de la Tamâjeq des Iullemeden de l'est (Touâreg de la Colonie du Ni-
ger, Afrique Occidentale Française) // *Anthropos* 52 (1957), 49–63, 564–580.
- NUNN, J. F.: *Ancient Egyptian Medicine*. London, 1996, British Museum.
- OLZ = *Orientalistische Literaturzeitung* (Berlin).
- OREL, V. É. & STOLBOVA, O. V.: On Chadic-Egyptian Lexical Relations // SHEVOROSHKIN, V. (ed.): *Nostratic, Dene-
Caucasian, Austric and Amerind*. Bochum, 1992, Brockmeyer. Pp. 181–203.
- OSING, J.: *Hieratische Papyri aus Tebtunis I. Text*. Copenhagen, 1998, Museum Tusulanum Press.
- PARADISI, U.: Il berbero di Augila. Materiale lessicale // *Rivista degli Studi Orientali* 35/3–4 (1960), 157–177.
- PARADISI, U.: El-Fógâha, oasi berberofona del Fezzân // *Rivista degli Studi Orientali* 36/3–4 (1961), 293–302.
- PARKER, E. M. & HAYWARD, R. J.: *An Afar-English-French Dictionary (with Grammatical Notes in English)*. London,
1985, School of Oriental and African Studies, University of London.
- PEARCE, M.: Consonant and Tone in Kera (Chadic) // *Journal of West African Languages* 27/1 (1998–99), 33–70.
- PELLAT, Ch.: *Textes berbères dans le parler des Aït Seghrouchen de la Moulouya*. Paris, 1955, Éditions Larose.
- PEUST, C.: Zur Herkunft des koptischen *y* // *Lingua Aegyptia* 2 (1992), 117–125.
- PEUST, C.: Neue Impulse in der afroasiatischen Sprachwissenschaft. Zum Hamito-Semitic Etymological Dictionary
von Vladimir Ėmmanuilovič Orël und Ol'ga Valer'evna Stolbova // *Lingua Aegyptia* 5 (1997), 251–276.
- PEYRON, M.: “*Isaffen għbanin*” (*Rivières profondes*). Poésies du Moyen-Atlas Marocain traduites et annotées. Casa-
blanca (Maroc), 1991. (?), Wallada.
- PIAMENTA, M.: *Dictionary of Post-Classical Yemeni Arabic*. I–II. Leiden, 1990–91, Brill.
- PIEHL, K.: Notes de philologie égyptienne // *PSBA* 15 (1893), 247–268, 471–493.
- POSENER-KRIÉGER, P.: *Les archives du temple funéraire de Néferirkarê-Kakaï (Les papyrus d'Abousir)*. I–II: Traductions et
commentaire. Le Caire, 1976, IFAO.
- PRASSE, K.-G.: A propos de l'origine de h touareg (tahaggart) // *Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. His-
torisk-filosofiske Meddelelser* 43/3 (1969).
- PRASSE, K.-G. & ALOJALY, GH. & MOHAMED, GH.: *Dictionnaire touareg-français (Niger)*. Copenhagen, 2003, Museum
Tusulanum Press, University of Copenhagen.
- PT = SETHE, K.: *Die altägyptischen Pyramidentexte*. I–II. Leipzig, 1980, 1910, J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung.
- PWEDDON, N. N. (ed. by N. SKINNER): *Bwatiye-English Dictionary with English-Bwatiye Index*. Madison, Wisconsin,
2000, Dr. Nicholas Pweddton.
- QUACK, J. F.: Zur Stellung des Ägyptischen innerhalb der afroasiatischen Sprachen // *Orientalistische Literaturzei-
tung* 97/2 (2002), 161–185.
- QUIBELL, J.E.: A Visit to Siwa // *ASAE* 18 (1918), 78–112.
- RAPP, E. L. & BENZING, B.: *Dictionary of the Glavdá Language*. Frankfurt am Main, 1968, Bible Society Frankfurt am
Main.
- RdE = *Revue d'Égyptologie* (Paris).
- REINISCH, L.: *Wörterbuch der Bilin-Sprache*. Wien, 1887, Alfred Hoelder.
- RENISIO, A.: *Étude sur les dialectes berbères des Beni Iznassen, du Rif et des Senhaja de Sraïr*. Grammaire, textes et lexique.
Paris, 1932, Éditions Ernest Leroux.
- REUTT, T. E. & KOGAN, E. Z.: Materialy po leksike jazykov margi i bura // *Bespis'mennye i mladopis'mennye jazyki Af-
riki*. Moskva, 1973, Nauka. Pp. 83–147.
- ROPER, E.-M.: *Tu Beḏawie. An Elementary Handbook for the Use of Sudan Government Officials*. Hertford, 1928, Stephen
Austin & Sons.
- ROSSING, M. O.: *Mafa-Mada: A Comparative Study of Chadic Languages in North Cameroun*. Ph.D. dissertation. Wiscon-
sin, 1978, University of Wisconsin-Madison.
- RT = *Recueil de Travaux Relatifs à la Philologie et à l'Archéologie Égyptiennes et Assyriennes* (Paris).

- SAADA, L.: Vocabulaire berbère de l'île de Djerba (Gellala) // *Orbis* 14 (1965), 496–500.
- SARNELLI, T.: Il dialetto berbero di Sokna // *L'Africa Italiana* (Napoli), supplement (1924–25).
- SASSE, H.-J.: The Consonant Phonemes of Proto-East-Cushitic (PEC) // *Afroasiatic Linguistics* 7/1 (1979), 1–67.
- SATZINGER, H.: Das ägyptische «Aleph»-Phonem // *Zwischen den beiden Ewigkeiten. Festschrift Gertrud Thausing*. Wien, 1994, Eigenverlag des Institutes für Ägyptologie der Universität Wien. Pp. 191–205.
- SAVÀ, G.: *English-Ts'amakko Wordlist*. MS. 2005.
- SCHENKEL, W.: *Zur Rekonstruktion der deverbalen Nominalbildung des Ägyptischen*. Wiesbaden, 1983, Harrassowitz.
- SCHLEE, G.: *Sprachliche Studien zum Rendille: Grammatik, Texte, Glossar*. Hamburg, 1978, Helmut Buske Verlag.
- SCHNEIDER, Th.: Zur Etymologie der Bezeichnung “König von Ober- und Unterägypten” // *Zeitschrift für Ägyptische Sprache* 120/2 (1993), 166–181.
- SCHNEIDER, Th.: Beiträge zur sogenannten “neueren Komparatistik”. Zum Gedenken an Otto Rössler (1907–1991) // *Lingua Aegyptia* 5 (1997), 189–209.
- SCHWEITZER, S. D.: Verbalklassen und Verbalklassenwechsel am Beispiel des koptischen Stativs KyK⁺ // BLÖBAUM, A. I. & KAHL, J. & SCHWEITZER, S. D. (Hrsg.): *Ägypten-Münster. Kulturwissenschaftliche Studien zu Ägypten, dem Vorderen Orient und verwandten Gebieten, donum natalicium viro doctissimo Erharto Graefe sexagenario ab amicis collegis discipulis ex aedibus Schlaunstraße 2 / Rosenstraße 9 oblatum*. Wiesbaden, 2003, Harrassowitz. Pp. 233–248.
- SED II = KOGAN, A. & MILITAREV, A. (with contributions by A. ARAKELOVA, A. BELOVA, A. KOVALEV, D. NOSNITSYN, E. VIZIROVA, M. YAKUBOVICH): *Semitic Etymological Dictionary*. Vol. II. Animal Names. Münster, 2005, Ugarit-Verlag.
- SEIBERT, U.: *Comparative Ron Wordlist*. MS. Frankfurt, 2000. 45 & 17 p.
- SEIGNOBOS, CH. & TOURNEUX, H.: Note sur les baldamu et leur langue (Nord-Cameroun) // *Africana Marburgensia* 17/1 (1984), 13–30.
- SETHE, K.: Das Wort für “Hand” im Ägyptischen und der Laut *d* // *ZÄS* 50 (1912), 91–99.
- SHATNAWI, M.A.: Die Personennamen in den tamudischen Inschriften. Eine lexikalisch-grammatische Analyse im Rahmen der gemeinsemitischen Namengebung // *UF* 34 (2002), 619–784.
- SHIMIZU, K.: The Southern Bauchi Group of Chadic Languages. A Survey Report // *Africana Marburgensia*. Special Issue 2 (1978), 1–50.
- SIEBERT, R.: Languages of the Abbaya/Chamo Area — Report Part I (with Notes on Koorete by L. Hoelt) // *Survey of Little-Known Languages of Ethiopia* (S.L.L.E.) Reports 21 (1994), 1–24.
- SISAJa I = D'JAKONOV, I. M.; BELOVA, A. G.; ČETVERUHIN, A. S.; MILITAREV, A. JU.; PORHOMOVSKIJ, V. JA.; STOLBOVA, O. V.: *Sravnitel'no-istoričeskij slovar' afrazijskih jazykov*. Vypusk 1. *p-p-b-f* // *Pis'mennye pamjatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka*. XV godičnaja naučnaja sessija Leningradskogo Otdelenija Instituta Vostokovedenija Akademii Nauk SSSR. Moskva, 1981, Nauka. Pp. 3–127.
- SISAJa II = D'JAKONOV, I. M.; BELOVA, A. G.; MILITAREV, A. JU.; PORHOMOVSKIJ, V. JA.; STOLBOVA, O. V.: *Sravnitel'no-istoričeskij slovar' afrazijskih jazykov*. Vypusk 2. *t-t-d* // *Pis'mennye pamjatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka*. XVI godičnaja naučnaja sessija Leningradskogo Otdelenija Instituta Vostokovedenija Akademii Nauk SSSR. Moskva, 1982, Nauka. Pp. 3–93.
- SISAJa III = D'JAKONOV, I. M.; BELOVA, A. G.; MILITAREV, A. JU.; PORHOMOVSKIJ, V. JA.; STOLBOVA, O. V.: *Sravnitel'no-istoričeskij slovar' afrazijskih jazykov*. Vypusk 3. *s-c-ç-š, č-č-š, š-ê-ê s labialami* // *Pis'mennye pamjatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka*. XVI godičnaja naučnaja sessija Leningradskogo Otdelenija Instituta Vostokovedenija Akademii Nauk SSSR. Moskva, 1986, Nauka. Pp. 3–46.
- SKINNER, N.: North Bauchi Chadic Languages: Common Roots // *Afroasiatic Linguistics* 4/1 (1977), 1–49.
- SKINNER, N.: *Hausa Comparative Dictionary*. Köln, 1996, Rüdiger Köppe Verlag.
- SMITH, H.S.: Three Coptic Etymologies // *JEA* 44 (1958), 122.
- SMITH, H.S.: *Varia Ptolemaica* // RUFFLE, J.; GABALLA, G. A.; KITCHEN, K. A. (eds.): *Glimpses of Ancient Egypt. Studies in Honour of H. W. Fairman*. Warminster, 1979, Aris & Phillips. Pp. 161–166.
- SODEN, W. VON: *N* als Wurzelaugment im Semitischen // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe* 17/2–3 (1968), 175–184.
- SPIEGELBERG, W.: *Koptisches Handwörterbuch*. Heidelberg, 1921, Carl Winter Universitätsverlag.
- STOLBOVA, O. V.: *Lateral Sibilants in Chadic (Reconstruction) and Their Correspondences in Semitic and Egyptian*. MS. Paper presented at the Symposium on Chadic and Hamito-Semitic, Frankfurt am Main, 6–8 May 1991. 9 p. Its shortened version was published in 1995 (see below).

- STOLBOVA, O. V.: Lateral Sibilants in Chadic (Reconstruction) and Their Correspondences in Semitic and Egyptian // IBRISZIMOW, D.; LEGER, R. (eds.): *Studia Chadica et Hamitosemitica*. Köln, 1995, Rüdiger Köppe Verlag. Pp. 58–64.
- STOLBOVA, O. V.: *Studies in Chadic Comparative Phonology*. Moscow, 1996, “Diaphragma” Publishers.
- STOLBOVA, O. V.: *Chadic Lexical Database*. Issue I. L, N, NY, R. Kaluga, 2005, Poligrafiya.
- STRÜMPPELL, F.: Wörterverzeichnis der Heidensprachen des Mandara-Gebirges (Adamaua) // *Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen* 13 (1922–23), 109–149.
- STUMME, H.: Eine Sammlung über den berberischen Dialekt der Oase Siwe // *Berichte über die Verhandlungen der Königlich-Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig, phil.-hist. Klasse* 66/2 (1914), 91–109.
- SUDLOW, D.: *The Tamasheq of North-East Burkina Faso. Notes on Grammar and Syntax Including a Key Vocabulary*. Köln, 2001, Köppe.
- TÄIFI, M.: *Dictionnaire tamazight-français (parlers du Maroc central)*. Paris, 1991, L’Harmattan-Awal.
- TAKÁCS, G.: *Comparative Dictionary of the Angas-Sura Languages*. Berlin, 2004, Dietrich Reimer Verlag.
- TAKÁCS, G.: Tamazight Lexicon and Its Afro-Asiatic Background: The Evidence of Root-Initial *q*- and *z*- // ALLATI, A. et al. (eds.): *Linguistique amazighe: les nouveaux horizons. Actes du Colloque international: 17, 18, 19 février 2005*. Tétouan, 2006, Publications de la Faculté des Lettres et des Sciences Humaines de Tétouan, Université Abdelmalek Essaâdi. Pp. 48–63.
- TAKÁCS, G.: *Studies in Afro-Asiatic Comparative Phonology (Consonants)*. Berlin, 2011, Dietrich Reimer Verlag.
- THISSEN, H.-J.: *Die Lehre des Anchsheschonqi (P.BM 10508)*. Bonn, 1984, Dr. Rudolf Habelt GmbH.
- TILMATINE, M. (avec la collaboration de EL MOLGHY, A.; CASTELLANOS, C.; BANHAKEIA, H.): *La llengua rifenya Tutlayt tarifit*. 1. Gramàtica Rifenya. 2. Lèxic bàsic Amazigh-Català-Francès. 2a edició revisada, corregida i ampliada. Barcelona, 1998, Universitat Autònoma de Barcelona, Departament de Traducció i d’Interpretació.
- TOURNEUX, H.; SEIGNOBOS, CH.; LAFARGE, F.: *Les Mbara et leur langue (Tchad)*. Paris, 1986, Société d’Études Linguistiques et Anthropologiques de France.
- Urk. IV = SETHE, K. & HELCK, W.: *Urkunden der 18. Dynastie. Heft 1–16 & 17–22*. Berlin, 1927–30, 1955–58, Akademie-Verlag.
- ÜKAPT I–VI = SETHE, K.: *Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten*. I–VI. Glückstadt, Hamburg, 1935–62, J. J. Augustin.
- VERGOTE, J.: *Phonétique historique de l’égyptien*. Paris, 1945, Le Muséon.
- VERGOTE, J.: Review of ERMAN, A. & GRAPOW, H.: *Wörterbuch der ägyptischen Sprache, Band VI* // *Muséon* 63 (1950), 289–294.
- VERGOTE, J.: *Grammaire copte: introduction, phonétique et phonologie, morphologie synthématique (structure des sémantèmes)*. Tome Ia: *partie synchronique*. Ib: *partie diachronique*. Louvain, 1973, Peeters.
- VYCICHL, W.: Aigyptiaka. Beiträge zur vergleichenden Hamitosemitistik // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 40 (1933), 171–180.
- VYCICHL, W.: *La vocalisation de la langue égyptienne*. Tome Ier. *La phonétique*. Le Caire, 1990, Institut Français d’Archéologie Orientale.
- VYCICHL, W. (ed. by D. IBRISZIMOW and M. KOSSMANN): *Berberstudien & A Sketch of Siwi Berber (Egypt)*. Köln, 2005, Köppe Verlag.
- WARD, W. A.: *Index of Egyptian Administrative and Religious Titles of the Middle Kingdom. With Glossary of the Words and Phrases Used*. Beirut, 1982, American University of Beirut.
- WARD, W. A.: *Essai on Feminine Titles of the Middle Kingdom and Related Subjects*. Beirut, 1986, American University of Beirut.
- Wb = ERMAN, A. & GRAPOW, H.: *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. I–V.² Berlin, 1957–1971, Akademie-Verlag.
- WD = LAPP, G. & LÜSCHER, B.: *Wortdiskussionen. Provisorische Ausgabe*. Band I–III. (Place not indicated), 2002–03, (no publisher).
- WEDEKIND, K.: Gimo-Jan or Ben-Yem-Om: Benč-Yemsa Phonemes, Tones, and Words // HAYWARD, R. (ed.): *Omotiic Language Studies*. London, 1990, SOAS. Pp. 68–141.
- WESTENDORF, W.: *Grammatik der medizinischen Texte*. Berlin, 1962, Akademie-Verlag.
- WESTENDORF, W.: Zur Entstehung übertragener und abstrakter Begriffe // *GM* 6 (1973), 135–144.
- WESTENDORF, W.: Zur Etymologie des Namens Osiris: *w3s.t-jr.t “die das Auge trägt” // OSING, J. & DREYER, G. (Hrsg.): *Form und Mass. Beiträge zur Literatur, Sprache und Kunst der alten Ägyptern. Festschrift für Gerhard Fecht zum 65. Geburtstag am 6. Februar 1987*. Wiesbaden, 1987, Otto Harrassowitz. Pp. 456–461.

- WHITELEY, W. H.: The Verbal Radical in Iraqw // *African Language Studies* 1 (1960), 79–95.
- WMT = DEINES, H. VON & WESTENDORF, W.: *Wörterbuch der medizinischen Texte*. I–II. Berlin, 1961–2, Akademie-Verlag.
- WRESZINSKI, W.: Bäckerei // *ZÄS* 61 (1926), 1–15.
- WUS = AISTLEITNER, J.: *Wörterbuch der ugaritischen Sprache*. Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Klasse 106/3 (1963).
- ŽABA, Z.: *Les maximes de Ptahhotep*. Prague, 1956, Académie Tchecoslovaque des Sciences.
- ZÄS = *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* (Leipzig).
- ZDMG = *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* (Wiesbaden).

Статья представляет собой очередную серию новых афразийских этимологий, собранных и обработанных автором на протяжении последнего десятилетия в ходе работы над этимологическим словарем египетского языка. Данная публикация (этимологии 919–988) посвящена афразийским корням, начинающимся с дентального носового *n- и имеющим в качестве второго корневого согласного сибилант.

Ключевые слова: афразийские языки, египетский язык, историческая фонетика, языковая реконструкция.

Hani-Rabbat as the Semitic name of Mitanni*

This article argues in favor of (re-)reading the Semitic name of Mitanni as *Hani-Rabbat* against the presently consensual *Hanigalbat*. In connection with this, an etymology (so far lacking) for this geographical name is proposed. It is argued that *Hani-Rabbat* is a West-Semitic (Amorite) compound meaning ‘Great Hani’, in contrast with the Middle-Euphratean country of Hana. Hence, *Rabbat* marks the opposition between two Hanaean lands set off by the Euphrates. Hani / Hana ought also to be linked with Akkadian *hanû* and Hurrianizing *haniahhe*, all being designations of probable West-Semitic origin used for certain human groups that followed a (semi-)nomadic lifestyle on both sides of the river. The scenario is one of linguistic contact between Amorite, Akkadian and Hurrian. Finally, the toponym *Hanu* AN.TA ‘Upper Hanu’, attested in a Middle-Assyrian letter, is examined as a possible Sumerographic spelling of *Hani-Rabbat*.

Keywords: Hani-Rabbat, Hanigalbat, Mitanni, Hana, Amorrite, West-Semitic, Assyrians, Middle Assyrian, Akkadian, Middle Euphrates, nomads.

When the Assyriological discipline was still taking its first steps, Hanigalbat, today the commonly accepted Assyrian name for the Hurrian Mitanni¹, was read as *Hani-Rabbat* (KUR *Ha-ni-rab-bat*) and taken to mean ‘Great Hani’². Already after the first stage of the decipherment of cuneiform was completed, Rawlinson (1857) read it as “Khani-Rabbi”³. Two of the earliest instances of “Khani-Rabbat” in the literature appear with Budge (1881: 3) and Sayce (1890). Winckler (1896: 38)⁴ read “Hanigalbat” and offered “Ha-ni-rab-bat” only as an alternative, but

* I wish to express my gratitude towards Ilya Yakubovich (Oxford University), Joshua Anderson (Oxford University), Seraina Nett (University of Copenhagen) and Ignacio Márquez Rowe (CSIC, Madrid), who read different drafts of this article and made various invaluable remarks, criticisms and suggestions. I am also thankful to Francisco Caramelo (New University of Lisbon) and Robert Whiting (University of Helsinki), as the writing of this article was ultimately possible due to their help in more practical matters. The responsibility for the views here upheld remains mine alone. The main abbreviations used in this article are CAD = Chicago Assyrian Dictionary and EA = Letters from Tell el-Amarna

¹ That Mitanni and Hanigalbat are synonyms is proved by the fact that king Tušratta refers to himself as LUGAL KUR *Mi-i-ta-a-an-ni* (e.g. in EA 19: 03 and EA 25: iv 63), but also names his country as KUR *Ha-ni-gal-bat* (e.g. in EA 20: 17 and EA 29: 49) (see already Astour 1972: 103, with references). See also the detailed account in Wilhelm (1982: 34 and *passim*).

² Hani-Rabbat/Hanigalbat was formerly thought to be located in Eastern Cappadocia, with the capital in Meliddu (the Roman *Melitene*, modern-day Malatya, in Turkey; see e.g. Sayce 1890).

³ “Khani-Rabbi” and “Khanni-Rabbi” appear already in *Inscription of Tiglath Pileser I, King of Assyria, B.C. 1150, as translated by H. Rawlinson, Fox Talbot, Dr. Hincks and Dr. Oppert* (1857), which gathered the four different translations of each of these scholars. Oppert, on the other hand, preferred the reading “Khanigalmit” (cf. also Oppert 1862: 317). Naturally, this was a time of variable trial readings.

⁴ Instances and respective readings as cited by Winckler (1896: 38): “*Hanigalbat*. *Hanigalbatî* gentilic. 1, 38. *Hanigalbatû* 15,22. 18,17. *Ha-ni-gal-ba-ti* 15 RS. 1. *Ha-ni-gal-bat* 21, 49. *Ha-na-kal(rib)-bat* 256, 10.20. od. *Ha-ni-rab-bat* cf. *rab-bu-ti?*”

he did not state the reasons for his preference. This is not the place for an exhaustive overview of the occurrences of different readings in past bibliography, but it is enough to say that in the late 19th and early 20th century the spelling Hani-Rabbat was frequently preferred, or at least mentioned as a possibility.

Later on this reading was fully replaced with KUR *Ha-ni-gal-bat*, which became universal in the Assyriological literature produced in the past one-hundred years. Independently, the *communis opinio* is that Hanigalbat is etymologically connected to a family of words including Hana (KUR *Hana*), a land of nomadic peoples in the Middle Euphrates, and Akkadian *hanû* and Hurrianizing Akkadian *haniahhe*, both roughly meaning ‘Hanaean’. If so, *Hani-galbat* ought to be analyzed as a compound, but its second element remains frustratingly opaque. The attestation of the phrase ^{URU}KUR *Ha-nu* AN.TA, i. e. ‘the city (cities) of the land of Upper Hana’ in a letter retrieved at the Middle-Assyrian site of Tell Šēh Ḥamad/*Dūr-Katlimmu* (Röllig, 1997: 290–291) bears witness to a macrotoponym that was intended to be distinguished from the traditional Middle-Euphratean country of Hana. These data could apparently all be harmonized if one identified the ‘Upper Hana’ of the Middle-Assyrian text with the old reading of *Hani-Rabbat* ‘Great Hani’. Intriguingly, however, any scholar drawing this conclusion will be struck by the disappearance of Hani-Rabbat from specialist literature. The motivation for such a revision was the optional spelling of this geographical name with the cuneiform sign GAL₉ (Borger’s sign no. 496, phonetically readable as *kal*), as opposed to the more standard orthography with GAL (Borger’s sign no. 553, read phonetically as *qal*, *kál*, *gal* and *rab* in Akkadian and Sumerographically as GAL = *rabûm* ‘great’).

The present essay intends to rehabilitate Hani-Rabbat as the accurate normalization of the Assyrian name of Mitanni, by showing the unmotivated nature of the alternative Hanigalbat as opposed to the more substantiated reading of GAL as *rab* in the spelling of this toponym. The following consists of a three-folded argument. I will begin by reviewing the evidence that Hanigalbat and Hana are etymologically connected, on the one hand, and correspond to a geographic opposition, on the other. Secondly, I will revisit early 20th-century historiography and the arguments that motivated the replacement of Hani-Rabbat. Thirdly, I will argue for reinstating the older reading based on inscriptional evidence and propose an etymology for it. Finally, I will devote some lines to discussing the possible identification of the reinstated Hani-Rabbat with the isolated occurrence of *Hanu* AN.TA in the Middle-Assyrian letter from *Dūr-Katlimmu*.

Scholarship agrees in placing the country of Hana (KUR *Hana*), attested in inscriptional sources from the Old Babylonian period on, in the area of the Middle Euphrates and its confluence with the Habur (see Groneberg 1980: 88, Podany 1991–1993: 60, Röllig 1997: 290, n. 62, *inter alia*). In post-Old Babylonian times, the same land is definable as the territory to the north of Suhu and to the south of Māri (i.e. the Middle-Assyrian vassal kingdom with the capital in Ṭābētu).

Charpin argues that the term Hana originally denoted a human group rather than a physical territory *per se*. He suggests (Charpin 1995: 23) that the title “king of the land of Hana”, used by the rulers of Mari and Terqa, intended to be a sign of their dominance over the “Bedouins” of the Middle Euphrates and Habur areas, whereas Röllig (1997: 291, n. 67) adds that in the Mari documents LÚ.*Hanû* refers to “nomadic population groups in the area of influence of the Mari kings”. Whitting (1995: 1235) stresses the Amorite ethnicity of the Hanaeans, but duly points out that Hana “could also refer to any non-sedentary population and could be simply rendered ‘nomad’”. The itinerant character of these populations is perceptible from phrases such as *nawûm ša* LÚ HA.NA.MEŠ ‘the camp of the Hana people’ (ARM 3: 15, 11 *apud* CAD H: 82). The word in question is the Akkadian adjective *hanû* ‘coming from Hana’ (see CAD H: 82–83), i.e. ‘Hanaean’, often masked under Sumerographic appearance.

CAD lists *haniahhe* (pl. *haniahhena*) as another related word. The term is analyzed as having been formed from Akkadian *hanû* plus the Hurrian adjective suffix *-hhe*⁵. The resulting Hurrian word was subsequently borrowed back into Akkadian and is attested in the Alalakh texts. The contexts of two of its instances hint at its semantics: 1-*en* LÚ ša KUR Mi-ta-an-ni *hani-a-ah-hi* ‘one [man] native of Mitanni, of the Hana class’ (Wiseman 1953: 135, 12 *apud* CAD H: 82); and DUMU.MEŠ *ekudu haniahha* attested in a “census list among *šābē namê* people living outside of villages and towns” (Wiseman 1953: 143, 24 *apud* CAD H: 82). The first passage shows the *haniahhena* as groups of people also dwelling in the Mitannian territory, whereas the second example emphasizes their (at least) semi-nomadic character.

It is possible, however, that *haniahhe* is not derived from Akkadian *hanû*, but rather from the West-Semitic root ḥny ‘poor one’⁶, whose semantics agrees with the presumable (semi-)nomadic lifestyle of these populations. A similar proposal was already made by Green (1983: 192, n. 45). The merit of this etymology is that *haniahhe* is more easily derived from ḥny than from Akkadian *hanû*. The former is plausibly vocalized as *ḥaniy- > *haniy- , the Hurrian adaptation of ḥayin being unproblematically represented by <h> in cuneiform writing. In that case, this stem is a suitable base for *haniahhe*, since the Hurrian qualitative suffix *-hhe* is normally appended to words by means of a connective *-o/-a-* that tends to elide stem-final *-e/-i-*: cf. Hurrian *ašt(i)=o=hhe* ‘feminine’ (< *ašti* ‘woman’), *šin=z(i)=o=hh(e)=a* ‘second-ranking’ (< *šin=zi* ‘second’), etc. (see Giorgieri 2000: 208). Thus the final *-y* that was originally part of the West-Semitic root would regularly be deleted: *hani(i)=a=hhe ‘poorish’ < *haniy- ‘poor one’⁷.

I believe that this etymology does not endanger the link implied above between the Hanaeans of Hana and the *haniahhena* of Mitanni. A compromise is possible if we also assume a West-Semitic source for Akkadian *hanû* and *Hana* itself. In this case, the root in question would be ḥnh , a variant of ḥny (attested, e.g., in Old Aramaic, see DNWSI: 874; cf. also Ugaritic ḥnw ‘to be/remain depressed, humble’, Olmo Lete and Sanmartín 2003: 172)⁸, which in Akkadian would regularly yield the forms *Hana* and *hanû*. In summary, the entire family of words considered here may be Amorite borrowings in Akkadian and Hurrian. I will return to this issue below.

Another noteworthy point is that the country of Hana may be equated with the Aštata of Hittite sources. The *Treaty between Suppiluliuma I of Hatti and Šattiwaza of Mitanni* (KBo 1.1, §10, A rev. 14–21) mentions a city of *Tirga* in the country of Aštata. The equation between *Tirga* and the *Terqa* from Mesopotamian records is widely accepted⁹, and Aštata is definable as a territory

⁵ The Hurrian suffix in question is *-(h)he*. Unlike *-he*, the variant *-hhe* is used mostly as a qualitative suffix (see Wegner 2007: 54).

⁶ See e.g. the entry ḥny_3 in DNWSI: 877.

⁷ In addition to Hurro-Akkadian *haniahhe*, one also finds at Nuzi a number of personal names with the element *Hani-*: *Hani-ku(ya)*, *Hani-kuzzi*, *Hani-izza* and *Hani-Ashari*. The last of these (attested in text EN 9/2 36) is formed with the divine name ^dAshar, mentioned in the seal impression of king Ithi-Tešup (see Albright 1940: 21 and Lacheman 1949: 53). Cf. also *Hanuqa/ā* and *Hanaqqa/ā* (Lacheman 1949: 50). I cannot, however, pursue here this path of research, and any etymological link between these personal names and our toponyms must remain in the realm of possibilities.

⁸ It is also remarkable that two related Old Testament passages of genealogical content (Gen. 36: 20–21; I Chr. 1: 38–39) mention a certain Anah (Hebrew ʿanāh), son of Seir, a Horite (Hebrew *ḥori*) (cf. already Green 1983: 192, n. 45). A son of Lotan, one of the brothers of Anah, goes also by the name of Hori. The connection between the biblical Horites and the historical Hurrians seems unlikely on geographical and etymological grounds. What is interesting to note is that these Horites (who are mentioned in connection with eponymous Anah) were a nomadic or semi-nomadic people that dwelled in a mountainous and semi-deserted area (Gen. 14: 6; Deut. 2: 12).

⁹ This equation is safe even from a linguistic perspective: *Tirga* and *Terqa* contrast only in the graphic oppositions between Hittite <i> and <g> and Akkadian <e> and <q>, respectively. Regarding the first opposition, one should note that the Late Assyrian name of *Terqa* is spelled *Sirqu* (cf. RIMA 2: A.0.100.5.90, 92, 93), adding consis-

that included Hittite Karkemiš and Emar to its north and Terqa (the political head of Hana) to its south. Since Aštata and Hana for the most part coincided¹⁰, I suggest that the former was the local non-Semitic name of the country. Although this cannot be proved for the time being, Aštata could be a Hurrian designation borrowed into Hittite.

Röllig (1997: 290–291) considers the possibility that a second region could also have been known as Hana in both Old and Middle Babylonian times. He mentions the occurrence, in a Dūr-Katlimmu letter (BATSH 4, n° 3), of a KUR *Ha-a-ni* located “between *Nihria* and *šiddi Hābūri* (the course of the Habur)”, i. e. roughly the area formerly occupied by Mitanni (on the location of *Nihria* see below). Also according to Röllig, his non-Middle-Euphratean Hana is perhaps to be placed at the feet of the Kašiyari or Hasūmu/Hasūme mountains. In this regard, it is remarkable that, in the map produced by Cancik-Kirschbaum (1996: Abb 7)¹¹ based on the toponymic evidence of the Dūr-Katlimmu records, *māt Hanû* (i.e. the non-Middle-Euphratean Hana) and *māt Hanigalbat* almost overlap.

Regardless of whether these two geographical names are to be equated or not, the reference in the Alalakh texts to (semi-)nomadic Hanean populations in Mitanni provides a motive for the initial *Hani-* in the Assyrian name of the country. The old reading “Hani-Rabbat”, interpreted as ‘Great Hani (or Hana)’, would imply an intent to differentiate the territory west of the Assyrian heartland and northeast of the Euphrates from the “traditional” Hana located in the west bank of the Middle Euphrates. The use of the river as a natural border even seems to be calqued in the frontiers established by Suppiluliuma I between Mitanni and Aštata:

“All the cities which are situated in the land of Ashtata, on the west bank (of the Euphrates) of the land of Mittanni — Ekalte, [. . .], Ahuna, and Terqa — these cities belong to the land of Ashtata. Since Prince Piyassili crossed the Euphrates with [Prince] Shattiwaza and penetrated to the city of Irrite, all the cities on the west bank which Piyassili, [my son], holds — these belong to Piyassili.” (*Treaty between Suppiluliuma I of Hatti and Šattiwaza of Mitanni*, KBo 1.1, §10, A rev. 14–21, in Beckman 1996: 41)

The soundness of this interpretation now depends on our ability to confirm the accuracy of the reading Hani-Rabbat and demonstrate the incorrectness of its shifting to Hanigalbat.

The spectacular number of Assyriological scholarly works published in the last hundred and fifty years makes it difficult to detect with precision the roots of this radical replacement. One of the triggers seems to have been A. Olmstead’s (1916) review of L. W. King’s (1915) *A History of Babylon*. On page 284 we read:

“We may well ask, however, whether with King we should say Hani-rabbat, Hana the great, or whether we should not rather read Hani-Galbat, and connect it with the Galbatha which Isidore of Charax knew as a deserted village on the Euphrates four hours below Nicephorium. It is true that Galbatha is rather far north for the capital of Hana, Tirqa, which is to be located at ‘Ishārah. Curiously enough, the document which proves it here is from a certain Zim, the son of Ish, who rules as king of Mari; in other words, Hana is the later representative of Mari. That this is actually the site of the most important city in the middle Euphrates region in

tency to the Hittite vocalism. Furthermore, cuneiform Akkadian <q> reflects the Semitic emphatic consonant /k/ which in Hittite would be neutralized to /k/, first, and consequently voiced to /g/ in the vicinity of the sonorant /r/ (I. Yakubovich, pers. comm.). Indeed, Beckman (1996: 41) opts for translating *Tirga* as “Terqa”.

¹⁰ Astour (1972: 106–107, citing Astour 1969) affirms that the “state of Aštata, so called for its capital city, was formed by the Bedouin tribe of Rabbû, an eighteenth-century BCE group living on the western bank of the Euphrates”. However, also according to Astour, the capital of these adversaries of Yahdun-Lim, king of Mari and Terqa (reigning over the Hanaeans), was called *Abattum* during this period. In any event, the Rabbû mentioned by Astour were a Hanaean tribe (Whitting 1995: 1238; see below).

¹¹ This map is reproduced in Röllig (1997: 294) and in Tenu (2009: 352, map 6).

early times is further confirmed by a neat case of dovetailing. In apparent ignorance of the recent discovery of Herzfeld, Clay has identified Mari with the Merrha of the Parthian Stations of Isidore of Charax, and Isidore locates Merrha, as exactly as one can locate on the hour basis, at 'Isharah."

Apparently, Olmstead's intention was to etymologize "Hani-Galbat" by connecting the land of Hana in the Middle Euphrates with the Late Antique town of Galabatha (as it is spelled in Isidore of Charax), a Parthian station in the confluence of the Balih with the Euphrates, based solely on the graphic similitude between two place names. This probably predisposed him to write "Galbatha" instead of using the accurate spelling in the original source. The equation that this scholar proposed in his days is, of course, not valid in front of the data available to us today. Nonetheless, this idea became determinant in Olmstead's work, and in subsequent publications on different topics of the history of Mesopotamia (1917, 1918, 1920, 1922) he made consistent use of "Hani Galbat" or "Hani-Galbat" and put aside "Hani-Rabbat".

The turning point, however, was the publication of *Die El-Amarna-Tafeln* (1907–1915) by J. A. Knudtzon, a Norwegian scholar who, because of variant spellings with GAL₉/kal, favored the reading *Ha-ni-kal-bat*. This was even before the aforementioned works by Olmstead, who himself quoted from Knudtzon. Nevertheless, *Die El-Amarna-Tafeln* is still the standard edition in use today and has been one of the key documental sources for Assyriological and related research for the last one-hundred years. It would not be an overstatement to say that nearly all the literature on the political history of the Late Bronze Age Near East produced since then drew something from Knudtzon's work and, hence, it is mostly to his edition of the Amarna tablets that we owe the current popularity of Hanigalbat.

Fifteen years after the second volume of Knudtzon appeared, E. A. Speiser (1930: 95, n. 33), the influential Assyriologist who specialized in Mitanni and Hurrian themes, recorded the following comment on a footnote to his book *Mesopotamian origins: the basic population of the Near East*:

"That the name was Hanigalbat and not Hanirabbat (which Smith, *EHA*, 210 considers as a possibility) is proved by the writing (*māt*) *Ha-ni-kal-bat* in the Amarna Letters (Knudtzon, 255. 10), and by the form (*māt*) *Ha-ni-kal-bat*, *HSS V. 63.3*."

Speiser's argument and his subscription to Knudtzon's reading certainly played a role in perpetuating Hanigalbat, to which scholars vastly adhered in subsequent decades. One rare instance of maintenance of "Hani-Rabbat" is found in the work of F. Cornelius, who not only believed Hanigalbat to be an incorrect form (1967: 306) but also defended that the alternative "Gross-Hani" was "im Gegensatz zu dem Hani der Mari-Urkunden" (1958: 2). His opinion, however, was not followed.

Thus *Hani-Rabbat*, a relatively transparent Semitic compound, ended up replaced by the obscure *Hanigalbat* whose second element has defied analysis through the decades. The socio-linguistic situation of the Syro-Mesopotamian area in the Late Bronze Age is still rather obscure, and numerous geographical names could belong to unknown substrata, but one is nevertheless struck by the opacity of *-galbat*. On the one hand, the ending *-at* is suspiciously reminiscent of the Semitic feminine ending. On the other hand, if one attempts connecting the expected meaning of 'great' with *galbat*, Sumerian incongruously comes to mind, as if it echoed a partially Sumerographic spelling of an Akkadian word. I suggest that the Assyrian name of Mitanni is to be read as *Ha-ni-rab-bat*, wherein the sign GAL could *a priori* be used logographically or phonetically (with the value *rab*). Below I will argue for the latter option. But first, other problems need to be resolved.

The first obstacle to be tackled is Speiser's 1930 argument. This scholar presented as evidence variant spellings which apparently corroborate the phonetic reading of *Hanigalbat*. His

examples refer to the spelling of *Ha-ni-kal-bat*, or rather *Ha-ni-gal₉-bat*, known from at least six documents:

- ha-ni-gal₉-bat-i* (EA 1: 38; sent by Amenhotep III to Kadašman-Enlil I)
ha-na-gal₉-bat (EA 255: 10; provenance unknown)
ha-ni-gal₉-bat (KBo X 1 obv. 11, the Akkadian version of the *Acts of Hattusili I*)
ha-ni-gal₉-bat (KBo I 14, letter sent by Hattusili III to Adad-nērārī I)
ha-ni-gal₉-bat (HSS V 63. 3; SMN¹² 2065:7, at Nuzi)

All these instances are found in texts written in Peripheral Akkadian, as shown by their provenance: two from Nuzi, two from Hittite Anatolia, one from Egypt, and one from an unknown location (possibly Syria). They stand alone in an ocean of spellings with GAL. In Nuzi alone, GAL₉ is used rather exceptionally: Lacheman (1940) contrasts seven instances of *Ha-ni/é-GAL-bat* and thirteen of *Ha-ni-GAL-bat* with only two examples of *Ha-ni-GAL₉-bat*. In the Amarna letter EA 255, *ha-ni-gal₉-bat* even coexists with standard *ha-ni-gal-bat*.

I consequently propose that the six cases above consist of misspellings by foreign scribes. Mitanni was known under that name in Anatolia, Egypt and in the Hurrian land itself, and it is possible that the authors of at least four of these texts never actually *heard* its Semitic name. It is remarkable that the signs GAL and GAL₉, albeit graphically distinct, have much in common with respect to their readings:

Sign	Value	
	Logographic	Phonetic
	GAL ₉ = <i>dannum</i> 'strong'	gal₉ , lab/p , rib/p (Akkadian) kal , dan , tan (Hittite)
	GAL = <i>rabûm</i> 'great'	gal , kál , qal , rab

As we can see, equivalences and similarities between the various possible values (marked in bold in the table) of these otherwise different signs might have motivated some confusion in their use, especially for scribes that used Akkadian as a written, not spoken language. For frequent errors in the spelling of Akkadian at Nuzi, see the survey by Berkooz already in 1937.

The first piece of evidence in favor of this view is the lack of spellings with ****ga-al-** that would substantiate the phonetization as *Hanigalbat*. Apart from the above examples with GAL₉, all instances of this place name and derivatives of it known to me are consistently spelled with GAL:

- ha-na-gal-bat* (EA 255: 20; provenance unknown)
ha-ne-gal<ba>-tum, adj. 'native of Hanigalbat (technical term for a member of the chariot team)' (equated to *lú.ki.zu.ú* and *taš-li-šú* in lexical series HAR.gud = *imrû* = *ballu*, B.VI.145, cited in CAD H: 80)
ha-ni-gal-bat (RIMA 1: A.0.77.1.58, 60; RIMA 2: A.0.87.1.34; A.0.99.2.39, 42, 45, etc.; A.0.101.1.22, inter alia)

¹² SMN is used in specialist literature for unpublished Nuzi texts in the Semitic Museum of Harvard University.

ha-ni-gal-ba-tu-ù (EA 16: 22) '[king of] Hanigalbat'

ha-ni-in-gal-bat (HSS 15:5)

ha-ni-gal-ba-tu-ti-šu, MB Alalakh s. '[his] citizenship of, or social status as a native of, Hanigalbat' (Wiseman 1953: 13, 4, *apud* CAD H: 80)

Of course, this is also true of the reading *rab*, for which we lack a corroborating ***-ra-ab-*. But it is at least possible that *gal* is not the correct reading. If one sets out to explore the alternative, it must be decided whether GAL is being used Sumerographically (in representation of the Akkadian indeclinable form *rab*) or if it directly notates phonetic *rab*. The answer to this question is intrinsically connected to the etymology of the word underlying GAL-*bat*.

The first possibility is suggested by a number of spellings in Akkadian where GAL is used logographically to notate words that are cognate to *rabûm* 'great'. These include GAL-*bu-ti* = *rabuti* (CAD R: 16, with ref. to CT 17: 4.i.9ff) and GAL-*bu-te*.MEŠ = *rabute* 'officials, dignitaries' (EA 164: 33 mentioned in CAD, R: 36). More relevant is the occurrence of GAL-*bat-dGu-la* (BE 15: 188, v.22) vs. *Ra-bat-dGu-la* (BE 15: 185, v.22) in Middle Babylonian records from the Temple of Nippur at Babylon. This last form could imply that an indeclinable *rabat* underlies the second part of *Ha-ni-GAL-bat*. This uncommon Akkadian form is nevertheless regularly employed in personal-names or references to deities: cf. the abovementioned pair GAL-*bat-dGu-la* ~ *Ra-bat-dGu-la* 'Gula, the Great' and *Ina-Akkadi-ra-bat* 'the Great (one) in Akkad' from the same Middle Babylonian source (BE 14 / Clay 1906: 55). These are examples of predicative constructions with a verbal adjective base, which are referred to as the stative (see Huehnergard 2005: 222). In this case, *rabat* is a feminine indeclinable form of the verb *rabû* with its secondary meaning of 'to become great, superior', and, accordingly, one finds it glossed under that same lemma in CAD (R: 41–42). The original verbal adjective base for *rabû* would be **rabi?-*, which would yield the 3rd fem. sg. stative in *rabi?at*. Presumably, in Post-Old-Babylonian times (after the loss of the intervocalic *aleph* had already taken place), vowel contraction would have occurred, resulting in *rabât* (< *rabi?at*) — even though sequences of *i* and long or short *a* are expected to remain uncontracted (see Huehnergard 2005: 24 and 39). That GAL-*bat*, *ra-bat*, *ra-ba-at* and *ra-bá-at* are all possible spellings of *rabât*, with the long vowel, is ascertained (see CAD R: 38–39, 42). But it remains a disadvantage of this explanation that, as we have seen, *Hani-GAL-bat* is exclusively spelled with the sign *bat*, and no variants with *-ba-at* are attested.

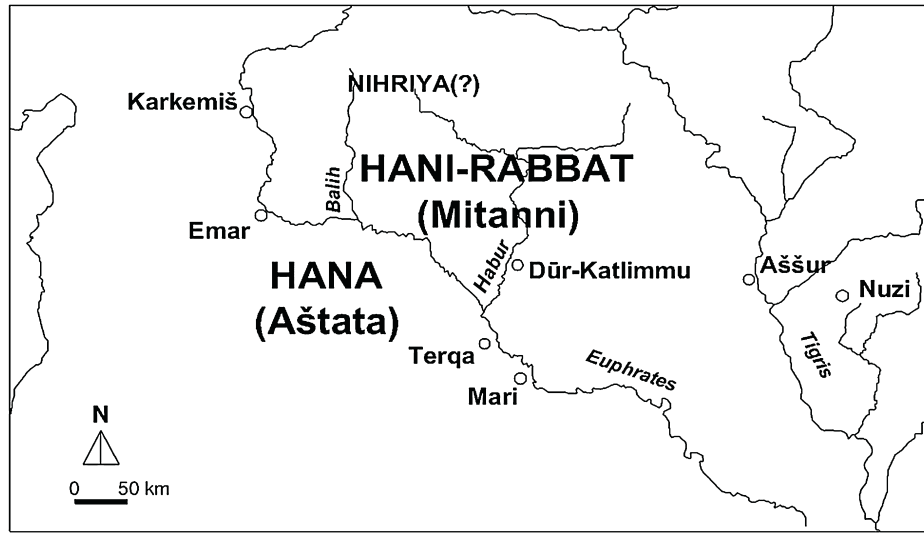
The second hypothesis is one in which GAL is phoneticized as *rab*, producing the reading *Ha-ni-rab-bat* = *Hani-Rabbat*. In this scenario, the Akkadian solution is to be excluded in favor of a West Semitic, i. e. Amorite, solution. Accordingly, West Semitic **rabbat* would be the indeclinable absolute form (or *status absolutus*) of the adjective **rabbatu*, the regular feminine of **rabbû*, in obvious contrast to Akkadian *rabî* (m.) / *rabîtu* (f.)¹³. The shape in question is well-attested in the Middle-Euphratean area: in Mari texts, the numeral *rabbatu* '10.000' (< **large* [amount]') appears in Akkadian as a West Semitic loanword (CAD, R: 14–15)¹⁴; and, blended in Akkadian texts from Emar, where a West Semitic dialect was also spoken, one finds the substantivized feminine adjective ^{NINDA}*ra-ba-tu₄* /*rabbatu*/, 'large; a kind of bread' (Pentiuć 2001: 152); for the masculine form, cf. the Hanaean tribe's name *Rab(a)bû* (Whitting 1995: 1238)¹⁵.

¹³ Thanks to Ilya Yakubovich, who suggested this solution (pers. comm.).

¹⁴ The variant *ribbatu* (with the indeclinable form *ribbat*) for this Mariot numeral is also attested (CAD, R: 314). Its existence renders theoretically possible the reading of *Ha-ni-gal₃-bat* as *Ha-ni-rib-bat*. However, it is not likely that Hittites, Egyptians and Hurrians would make use of a marginal form of a toponym that is otherwise unattested in Semitic sources.

¹⁵ See also footnote 10 of this article.

Moreover, the use of absolute forms of adjectives in Amorite personal names, attested in texts from Mari, was a common practice. The greatest merit of this solution is that it removes the problem of the inconsistent spelling of a presumable long *â* raised by the Akkadian explanation. But it also makes more sense in historical terms, since ethnically the Hanaeans were themselves Amorite (Whitting 1995: 1235), at least originally. That is, Hani-Rabbat could have been the autoethnonym of West Semitic-speaking Hanaeans. The distinction between the traditional Hana and the Great Hani (see map 1), across the Euphrates, would then be an old one, possibly dating back to, at least, the 18th century BCE. In the light of the West Semitic etymology proposed for Hana itself (see above), I underline the coherence of the present analysis, which renders the compound Hani-Rabbat fully Amorite¹⁶.

Map. 1. Geographic position between Hana and Hani-Rabbat and main sites mentioned in the text.

Finally, we come to the issue of whether the hapax KUR *Ha-nu* AN.TA is an alternative Sumerographic strategy for spelling the recurrent KUR *Ha-ni-rab-bat* or whether we are dealing with two distinct geographical names.

In the Middle-Assyrian text DeZ 3281 from Dūr-Katlimmu, ^{URU}KUR *Ha-nu* AN.TA ‘city (cities) of the land of Upper Hanu’ appears after ^{URU}*Ni-ih-ri-a* (Nihria) and before ^{URU}*Hu-um-na-hu-ša*. Assyriologists generally agree that Nihriya is to be found to the north of the Assyrian heartland, and Röllig (1997: 290, with references), who has published and studied DeZ 3281 in detail, argues for a location “not too far from Harrān”. This latter scholar even cites a suggestion by J. Mellaart: “the copious springs at Urfa could very well elicit a [Semitic] town name Nihria”. With regard to Humnahuša, Röllig (1997: 291, citing Fincke 1993: 103f) cannot propose a setting for the city, but duly notes that initial *Hum-* hints at a Hurrian origin of the toponym, if one compares the place names Humella and Humpurše in Nuzi texts. This would place Humnahuša somewhere in Hurrian land. In the end, not only are the locations of both cities unclear, but it is also not guaranteed that the collocation of place names in a given text will reflect their actual geographical position. Whatever the case may be, this insufficient evi-

¹⁶ The presumed Amorite opposition of Hana and Hani-Rabbat is somewhat echoed in the Canaanite place-names Arad of Beth Yeroham (‘Arad of the House of Yeroham’; cf. “the South [Negev] of the Jerahmeelites” and “the cities of the Jerahmeelites” in I Sam. 27:10 and 30:29) and Arad-Rabbat, attested in the list of cities (Megiddo stela) conquered by Pharaoh Sheshonq I in Canaan, dating to the second half of the 10th century BCE (see Roth 1972: 244, 250) (I. Yakubovich, pers. comm.).

dence does not impede — in reality, it allows — the proposed equation of *Ha-nu* AN.TA with KUR *Hani-Rabbat*. The fact that, out of the entire list of place names contained in DeZ 3281, the former is the only one preceded by the determinative KUR indicates that the scribe meant a group of cities from an entire country, not an individual settlement. Therefore, I propose, as a working hypothesis, that KUR *Ha-nu* AN.TA in this letter is an exceptional spelling for the then Middle-Assyrian *pāhatu* of Hani-Rabbat, whose political center was precisely Dūr-Katlimmu.

I hope that I have provided fellow Assyriologists with sufficient arguments to consider rehabilitating the old form Hani-Rabbat as the Semitic name of the Hurrian land. From a historical viewpoint, the present interpretation throws new light on Mesopotamian geographical conceptions. Once more in Near Eastern history, emphasis is put on the role of the river Euphrates as a natural frontier and psychological barrier, in this particular case for being the *raison d'être* of the dichotomy Hana vs. Great Hani / Upper Hanu.

References

- ALBRIGHT, William F. 1940. New Light on the History of W. Asia in the 2nd Millennium B.C., *BASOR* 77, 20–31.
- ARM 3 = KUPPER, Jean Robert. 1950. *Correspondance de Kibri-Dagan, gouverneur de Terqa. Archives royales de Mari* 3. Paris: Paul Geuthner.
- ASTOUR, Michael C. 1969. The Partition of the Confederacy of Mukiš-Nuhašše-Nii by Šuppiluliuma: a study in political geography of the Amarna age. *Orientalia* N.S. 38, 381–414
- ASTOUR, Michael C. 1972. Hattušiliš, Halab and Hanigalbat. *Journal of Near Eastern Studies*, 31/2, 102–109.
- BE = HILPRECHT, V. (ed.). 1893–1914. *The Babylonian expedition of the University of Pennsylvania. Series A: Cuneiform texts*. Philadelphia: Department of Archaeology, University of Pennsylvania.
- BE 14 = CLAY, Albert T. 1906. *The Babylonian Expedition of The University of Pennsylvania. Series A: Cuneiform Texts — vol. XIV: Documents from the Temple Archives of Nippur — Dated in the Reigns of Cassite Rulers*. Philadelphia: Department of Archaeology, University of Pennsylvania.
- BECKMAN, Gary. 1996. *Hittite Diplomatic Texts*. Atlanta: Scholars Press.
- BELCK, Waldemar. 1897. Hanigalbat und Mitilene. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (ZDMG)* 51, 855–868.
- BERKOOZ, Moshe. 1937. The Nuzi Dialect of Akkadian: Orthography and Phonology. *Language* 13/1 (Language Dissertation No. 23), 5–64.
- BORGER, Rykle. 2003. *Mesopotamisches Zeichenlexikon*, Münster.
- BUDGE, Sir Ernest A. T. W. 1881. *The History of Esarhaddon (son of Sennacherib), King of Assyria, B.C. 681–668, translated from the Cuneiform Inscriptions upon Cylinders and Tablets in the British Museum Collection together with the Original Texts, a grammatical analysis of each word, explanations of the ideographs by extracts from the bilingual syllabaries and list of eponyms, &c.* Boston: J. R. Osgood & Co.
- CANCIK-KIRSCHBAUM, Eva. 1996. *Die mittelassyrische Briefe aus Tall Šēly Ḥamad*, BATSH 4. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.
- CHARPIN, Dominique. 1995. À propos des rois de Hana. *N.A.B.U.* 23.
- CORNELIUS, Friedrich. 1958. Zur Hethitischen Geographie: Die Nachbarn des Hethiterreiches” *Revue Hittite et Asiatique* 16, 1–17.
- CORNELIUS, Friedrich. 1967. *Geistesgeschichte der Frühzeit. II. Teil Band 2 — Der Aufstieg der Indogermanen und der Orient bis zum Untergang des Hethiterreiches*. Leiden: Brill.
- CT 17 = *Cuneiform Texts from Babylonian Tablets, &c., in the British Museum. Part XVII*. London: Trustees of the British Museum, 1903.
- DNWSI = HOFTIJZER, J. and JONGELING, K. 1995. *Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions*. With Appendices by R. C. Steiner, A. Mosak Moshavi and B. Porten. Part Two: M-T. Leiden / New York / Köln: Brill.
- EHA = SMITH, Sidney. 1927. *Early History of Assyria to 1000 B.C.* New York: E.P. Dutton and Co.

- GIORGIERI, Mauro. 2000. Schizzo grammatical della lingua hurrica. In: S. DE MARTINO, M. GIORGIERI, N. PARMEGANI, P.E. PECORELLA, M. SALVINI, M.C. TRÉMOUILLE, *La civiltà dei Hurriti (= La parola del Passato 55)*, Naples: Macchiaroli Editore, 171–277.
- GREEN, Alberto R. W. 1983. Social Stratification and Cultural Continuity at Alalakh. In: H. B. HUFFMON, F. A. SPINA, and A. R. W. GREEN, *The Quest for the Kingdom of God. Studies in Honor of George E. Mendenhall*. Winona Lake: Eisenbrauns, 181–204.
- GRONEBERG, Brigitte. 1980. *Die Orts- und Gewässernamen der altbabylonischen Zeit unter Benutzung der sammlungen von J.R. Kupper und W.F. Leemans*, Wiesbaden, RGTC 3.
- HSS 15 = 1955. *Excavations at Nuzi. Vol. VI: The Administrative Archives (Harvard Semitic Series, 15)*. Cambridge: Harvard University Press.
- HUEHNERGARD, John. 2005. *A Grammar of Akkadian. Second Edition. Harvard Semitic Museum Studies 45*, Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns.
- KNUDTZON, Jørgen A. 1915 *Die el-Amarna-Tafeln. Anmerkungen und Register bearbeitet von C. Weber und E. Ebeling*. (Vorderasiatische Bibliothek, 2.) Leipzig. (First volume: 1907)
- LACHEMAN, Ernest R. 1940. Nuzi Geographical Names I: Names of Countries, *BASOR* 78, 18–23.
- LACHEMAN, Ernest R. 1949. Nuzi Personal Names: Review Article, *Journal of Near Eastern Studies* 8/1, 48–55.
- OLMO LETE, Gregorio del and Joaquin SANMARTÍN. 2003. *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition* (transl. W. G. E. Watson). HdO 1:67, Leiden: Brill.
- OLMSTEAD, A. T. 1916. Review: *A History of Babylon*, by L. W. King (1915). *The American Journal of Theology* 20/2, 277–286.
- OLMSTEAD, A. T. 1917. Tiglath-Pileser I and His Wars. *Journal of the American Oriental Society*, 37, 169–185
- OLMSTEAD, A. T. 1918. The Calculated Frightfulness of Ashur Nasir Apal. *Journal of the American Oriental Society*, 38, 209–263.
- OLMSTEAD, A. T. 1920. Kashshites, Assyrians, and the Balance of Power. *The American Journal of Semitic Languages and Literatures*, 36/2, 120–153.
- OLMSTEAD, A. T. 1922. The Fall and Rise of Babylon. *The American Journal of Semitic Languages and Literatures*, 38/2, 73–96.
- OPPERT, Julius. 1862. *Expédition scientifique en Mesopotamie exécutée par ordre du gouvernement de 1851 à 1854 MM. Fulgence Fresnel, Félix Thomas et Jules Oppert. Vol. 1 Relation du voyage et résultats de l'expédition*. Paris: Imprimerie Impériale.
- PENTIUC, Eugen J. 2001. *West-Semitic vocabulary in the Akkadian Texts from Emar (Harvard Semitic Studies 49)*. Winona Lake: Harvard Semitic Museum / Eisenbrauns.
- RAWLINSON, Henry Sir; TALBOT, Fox; HINCKS, Edward; OPPERT, Julius. 1857. *Inscription of Tiglath Pileser I, King of Assyria, B.C. 1150, as translated by H. Rawlinson, Fox Talbot, Dr. Hincks and Dr. Oppert* (Published by the Royal Asiatic Society). London: J. W. Parker and Son.
- RIMA 1 = GRAYSON, A. Kirk. 1987. *The Royal Inscriptions of the Mesopotamia Assyrian Periods. Vol. I. Assyrian Rulers of the Third and Second Millennia BC (to 1115 BC)*. Toronto: University of Toronto Press.
- RIMA 2 = GRAYSON, A. Kirk. 1991. *The Royal Inscriptions of the Mesopotamia Assyrian Periods. Vol. 2. Assyrian Rulers of the Early First Millennium BC (1114–859 BC)*. Toronto: University of Toronto Press.
- RÖLLIG, Wolfgang. 1997. Aspects of the Historical Geography of Northeastern Syria from Middle Assyrian to Neo-Assyrian Times. In: S. PARPOLA & R.M. WHITING (eds.), *Assyria 1995*, Helsinki: Neo-Assyrian Text Corpus Project, 281–293.
- ROTH, Cecil (ed.). 1972. *Encyclopedia Judaica, vol. 3*. Jerusalem: Keter Publishing House.
- SAYCE, Archibald H. (ed.). 1890. *Records of the Past: Being English Translations of the Ancient Monuments of Egypt and Western Asia*. Vol. 3. London: S. Bagster and Sons.
- SPEISER, Ephraim A. 1930. *Mesopotamian Origins: the Basic Population of the Near East*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- TENU, Aline. 2009. *L'expansion médio-assyrienne. Approche archéologique*. BAR International Series 1906. Oxford: Archaeopress.
- WEGNER, Ilse. 2007. *Hurritisch — Eine Einführung*. 2. überarbeitete Auflage. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- WHITTING, Robert M. 1995. Amorite Tribes and Nations of Second-Millennium Western Asia. In J. M. SASSON, ed., *Civilizations of the Ancient Near East*, vol. 2. New York: Charles Scribners Sons, 1231–1242.

- WILHELM, Gernot. 1982. *Grundzüge der Geschichte und Kultur der Hurriter*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- WINCKLER, Hugo. 1896. *Die Thontafeln von el-Amarna (Keilinschriftliche Bibliothek V)*. Berlin: Reuther & Reichard.
- WISEMAN, Donald J. 1953. *The Alalakh Tablets*. London: British Institute of Archaeology at Ankara.

В статье отстаивается чтение семитского наименования государства Митанни как *Хани-Раббат*, в противоположность общепринятому *Ханигальбат*. В этой связи предлагается этимология данного топонима, чье происхождение не было до сегодняшнего дня прояснено. Согласно гипотезе автора, *Хани-Раббат* — это западносемитский (аморейский) композит со значением «великая Хани», противопоставленный области Хана в среднем течении Евфрата. Таким образом *раббат* «великая» маркирует противопоставление между двумя хананейскими землями, отделенными друг от друга Евфратом. Хани/Хана оказывается также связанным с аккадским *hanû* и (заимствованным) хурритским *haniahhe*, использовавшимися для обозначения (полу)кочевых западносемитских племен по обе стороны Евфрата. Предлагаемый сценарий опирается на гипотезу лингвистических контактов между аморейским, аккадским и хурритским языками. Наконец, топоним *Hani AN.TA* «верхняя Хана», засвидетельствованный в одном среднеассирийском письме, рассматривается как возможный кандидат на шумерографический эквивалент Хани-Раббат.

Ключевые слова: Хани-Раббат, Ханигальбат, Митанни, Хана, аморейский язык, западносемитские языки, среднеассирийский диалект, аккадский язык, Средний Евфрат, кочевники.

Drifting between passive and anticausative.

True and alleged accent shifts in the history of Vedic *-ya*-presents

This paper focuses on the system of the Vedic present formations with the suffix *-ya-* and middle inflexion, paying special attention to the attested accent patterns. On the basis of a study of the paradigmatic and syntactic features of this verbal formation we can conclude that the traditional analysis of some members of this class in terms of the passive/non-passive (anticausative) opposition is inadequate. I will offer a short overview of the history of this class, concentrating, in particular, on several accent shifts which account for a number of exceptions to the general correlation between the semantics and accent placement (passives: accent on the suffix vs. non-passives: accent on the root). Some of these shifts can be dated to the prehistoric (Common Indo-Aryan?) period (cf. suffix accentuation in such non-passives as *mriyáte* ‘dies’), while some others must be features of certain Vedic dialects, dating to the period after the split of Common Indo-Aryan.

Keywords: Sanskrit, Vedic, Ṛgveda, Atharvaveda, Yajurveda, Indo-European, passive, anticausative, middle voice, accentuation, accent shift.

1. Passive, reflexive, anticausative: preliminary remarks and definitions

The distinguishing between closely related intransitive derivations, such as passive, reflexive, anticausative (decausative), is one of the most intricate semantic and syntactic issues in languages with polysemous intransitive markers. Both anticausative and passive derivations entail the promotion of the initial direct object (= Patient) and the demotion of the initial subject (= Agent). This common syntactic feature accounts for their similar morphological marking in many languages (see e.g. Comrie 1985: 328ff.; Haspelmath 1987: 29ff.). In the cases where the markers of the passive and anticausative (at least partly) overlap, passives without an overtly expressed agent can be distinguished from anticausatives only by semantic criteria. This semantic opposition is characterized, for instance, by Comrie (1985: 326) as follows:

Passive and anticausative differ in that, even where the former has no agentive phrase, the existence of some person or thing bringing about the situation is implied, whereas the anticausative is consistent with the situation coming about spontaneously.

This general definition is also relevant for a description of the system of intransitive derivations in a number of Ancient Indo-European languages, such as Ancient Greek or (Vedic) Sanskrit.

In what follows I will focus on the Vedic verbs with the suffix *-ya-*, particularly on the genesis of their accentuation. Generally, the *-ya-* presents with the accent on the suffix are passives (*kriyáte* ‘is made’, *ucyáte* ‘is called’, *stūyáte* ‘is praised’, *hanyáte* ‘is killed’), whereas the *-ya-* presents with root accentuation behave as non-passive intransitives (cf. *pádyate* ‘falls’, *búdh-yate* ‘wakes’, *ríyate* ‘flows’). However, a few *-ya-* formations are generally regarded as exceptions to this regularity. The parade examples include *mriyáte* ‘dies’ (root *mṛ*) and its semantic counterpart *jáyate* ‘is born’ (root *jan*).

2. Non-passive *-ya-* presents with suffix accentuation: the type *mriyáte*

One of the most debated Vedic verbal formations relevant for a study of the accentual history of the *-ya-* presents is *mriyáte* ‘dies’. While its semantic opponent, *jáyate* (on which see next Section), is regarded as a passive by meaning, non-passive by form, *mriyáte* is taken as a passive by form, but non-passive by meaning, being quoted in all Vedic and Indo-European grammars as a handbook example of the non-passive usage of a *-ya-* present with suffix accentuation.¹ A few attempts to analyse this present as a passive proved unsuccessful. For instance, Negelein (1898: 38) treated it as the passive of the transitive *mṝ* (<**melH-*) ‘crush, destroy’ [“Der Inder mag sich den Hergang des Todes sehr wohl als ein Zermalmtwerden (*mṝ malmen*) vorgestellt haben”], which is etymologically impossible. Hartmann in his book *Das Passiv. Eine Studie zur Geistesgeschichte der Kelten, Italiker und Arier* (Hartmann 1954: 186ff.) even assumed a particular passive conceptualisation of death in Ancient India. The fact that two verbs which belong to one and the same semantic domain, *jáyate* ‘is born’ and *mriyáte* ‘dies’, show such a striking dissimilarity in accentuation, which generally corresponds to the functional opposition “passive/non-passive”, did not escape his attention. But his conclusions from this remarkable fact in the vein of *Geistesgeschichte* are untenable:

Trotz gewisser Übereinstimmungen im Gefühlswert beider Verba kann jedoch kein Zweifel darüber bestehen, daß das Ausmaß des ‚passiven‘ Einschlages *jáyate* geringer gewesen sein muß als bei *mriyáte*, da das Gefühl des Ausgeliefertseins an eine außerhalb des Subjektes liegende Macht bei einem Ausdruck für das Zurweltkommen einer Seele nicht so groß gewesen kann wie beim Sterben.

Needless to say that this explanation hardly deserves any serious discussion: *mriyáte* never functions as a passive (see e.g. Jamison 1983: 150, fn. 92), and, semantically, belongs with the root-accented *-ya-* presents of change of state, together with its counterpart *jáyate* ‘is born’. An explanation of the abnormal suffix accentuation can be given in phonological terms, and it holds also for a few other ‘formal passives’ (‘pseudo-passives’) made from the roots of the type *Cṛ*, where the suffix (‘passive’) accentuation must be of secondary nature. This class also includes *dhriyáte* ‘stays’ and *ā-driyáte* ‘heeds’. From the semantic and syntactic point of view and in spite of their suffix accentuation, the presents *-driyá-te*, *dhriyá-te*, *mriyá-te* (as well as *ghriyá-te* and *-sriyá-te*, which do not occur unambiguously accented) can be easily grouped with the non-passive middle *-ya-* presents of the three main classes, which include:²

¹ Cf. Delbrück 1874: 167f.; Whitney 1889: 277, §277; Macdonell 1910: 333, §444a.

² The non-passive character of these three presents was probably the main reason which has caused the Indian grammarians to group these formations (together with the post-Vedic *-priyate* [with the preverb *ā*] ‘be occupied, employed’; cf. DhP VI 109) with class VI presents; cf. Pāṇ. 1.3.61. In Western scholarship this analysis was

- 1) verbs denoting changes of state³ (mostly of spontaneous and non-controllable character): *janī* ‘be born’ — *jāya-te* RV+, *pyā* ‘fill, swell’ — *pyāya-te* RV+, *budh* (α)⁴ ‘(a)wake’ *búdhya-te* RV+, *lī* (α) ‘dissolve’ — *līya-te* RVKh.+;
- 2) verbs of motion and body posture: *pad* ‘fall, move’ — *pādya-te* RV+, ¹*yā* ‘drive, speed’ — *īya-te* RV+, *rī* ‘whirl, swirl’ — *rīya-te* RV, VS^{1x}, *lī* (β) ‘adhere’ — *-līya-te* Br.+;
- 3) verbs of mental activities, constructed with the accusative: *kā* ‘long (for), yearn’ — *kāya-te* RV^{1x}, *budh* (β) ‘perceive’ — *búdhya-te* AV+, *man* ‘think, respect’ — *mānya-te* RV+, *mṛṣ* ‘forget’ — *mṛṣya-te* RV+.

No doubt, the similar morphological marking of these presents reflects their semantic affinity within the Vedic verbal system. Note that for all these semantic types, middle voice marking is typical in the world languages (see Kemmer 1993; 1994: 182f. et passim). In spite of the small range of classes (1–3), their relevance within the Vedic verbal system is obvious. These types determine which meanings are productive (and, hence, “morphologically influential”) in the class of middle *-ya*-presents, and which are not. For instance, the relevance of type (2) may account for the secondary and more recent usage of *búdhya-te*, which originally (in the RV) could only be used in the intransitive usage (α), meaning ‘(a)wake’; after the RV, when the class I present *bódha-ti* ‘perceive’ disappears, *búdhya-te* takes over its function, thus being grouped together with such present formations as *mānya-te* ‘think, respect’ or *mṛṣya-te* ‘forget’.

All verbs of the type *mriyá-te* perfectly fit the three semantic classes listed above. *mriyá-te* denotes a change of state (note, particularly, the parallelism with *jāya-te*, which will be discussed at length below, in Section 3);⁵ *dhriyá-te* (together with the hapaxes *ghriya-te* and *-sriya-te*) belongs with verbs of motion and body posture; *-driyá-te* refers to a mental activity. Moreover, even the secondary meaning of *dhriyá-te* (β) ‘decide, determine’, attested from Middle Vedic (Brāhmaṇas) onward, perfectly fits class (3), too. Thus, within the verbal system, all these *Criyá-* presents belong with the middle *-ya*-presents, and even their later developments are determined by the semantic skeleton (1–3), as shown in Table 1 below:⁶

Thus, the suffix (“passive”) accentuation in the first three presents of the type *mriyáte* must be of secondary origin. All these formations are derived from *Cṛ* roots and, together with *-yá*-passives of the same structure (*kriyáte* ‘is made’, *bhriyáte* ‘is carried’ etc.), represent a specific development of *r* before the present suffix *-ya-*. Most likely, the regular reflex of **CṛiV-* was such that it disturbed the morphological transparency of the formation (for instance, **múryate*).⁷ The only way to preserve the transparency of the form was to introduce the accent on the suffix: **Cṛi-ṛa-* → *Criyá-* (i.e.: **mṛi-ṛa-* → *mriyá-* etc.). Here the type *kriyáte* (where *-ri-* goes

usually regarded as mere misunderstanding (see e.g. J. Schmidt 1875: 244ff.; cf. also Benfey 1866a: 198f.). In fact, however, the segmentation *mriy-á-* is the only possible synchronic solution of the descriptive conflict between the “passive” form and the non-passive meaning of these presents: class VI is the only thematic present with the accent on the thematic vowel (cf. *kṣi* ‘dwell’ — *kṣiy-á-ti*).

³ See Levin 1993: 240ff., with bibl.

⁴ Hereafter I use Greek characters (α , β) to refer to different meanings of polysemous *-ya*-presents.

⁵ Cf. M. Leumann 1940: 232 [= Kl.Schr., 323]; Gonda (1951: 92): “the two verbs [= *mriyáte* and *jāyate*. — L. K.] ‘formed a pair’ and influenced each other”.

⁶ This must also hold true for the presents *ghriya-te* ‘drip’ and *-sriya-te* ‘stretch’, which do not occur accented, but, by virtue of their phonological structure can only bear accent on the suffix: **ghriyá-te*, **-sriyá-te*.

⁷ Cf. *dúrvā-* < **dṛiueH-* (Lubotsky 1997: 148, with fn. 29). Note that the *-ya*-presents (including *-yá*-passives) derived from roots ending in long sonants (such as *púrya-* ‘become full’ < **pṛH-ṛa-*) are not discussed in this paper. On the Avestan reflexes of **Cṛi-* (*Crii-*, *Cirii-*), see Beekes 1999: 64.

Table 1. The main semantic classes of the middle *'-ya*-presents and the corresponding presents of the type *Criyá-te*

-yá-presents	passives (<i>yuḥyáte, dīyáte, hanyáte, kriyáte, ...</i>)		
	<i>mriyáte</i>	<i>dhriyáte</i> (α), <i>-sriyate</i> , <i>ghriyate</i>	<i>-driyáte, dhriyáte</i> (β)
middle '-ya-presents	change of state (<i>jáyate, búdhya</i> (α), ...)	motion and body posture (<i>pádyate, ríyate, ...</i>)	mental activities (<i>mányate, búdhya</i> (β), ...)
	(1)	(2)	(3)

back to the accentless *-r-* before *-i-*) may have served as a model. Due to this accent rule, presents of the type *mriyáte*, which originally belonged with middle *'-ya*-presents, formally fell together with *-yá*-passives.⁸

3. *jáyate* 'is born' – anticausative or former passive?

According to the opinion widely spread in earlier Indo-European and Indo-Iranian studies, *jáyate* (as well as its Old-Iranian cognate, Avestan *zaiieiti*) is the original passive, with the secondary accent shift in Vedic. Whitney in his seminal Sanskrit grammar (1889: 273, §761b) called it 'altered passive'; likewise, Macdonell in his Vedic grammar (1910: 333, §444a) claims that the original passive has been "transferred to the radically accented *ya-* class": **jāyáte- → jáyate*. Similar statements can also be found in later studies.⁹ There is no sufficient evidence for such a hypothesis, however. Although a passive interpretation ('is born by smb.') is possible *per se*, it cannot be supported by the syntactic features of *jan*. Witness the following examples from the Ṛgveda and Śatapatha-Brāhmaṇa:

(1) RV 6.7.3a

tvád vípro jā-ya-te vājy āgne
 you:ABL poet:NOM.SG bear-YA-3SG.MED prize-winner:NOM.SG fire:VOC.SG
 'From you, o fire, is born the poet, the prize-winner.'

⁸ For a detailed discussion of this morphological type, see Kulikov 1997. On the secondary accent shift in *mriyáte*, see also Szemerényi 1964: 184, fn. 1. It is worth mentioning that a number of Indo-Europeanists and Sanskritists, without explicitly formulating the conditions of this process, have suggested the secondary character of the suffix accentuation in this present type; cf., for instance, the remark by Kellens (1984: 121, note (8)): "Le sens ne permet pas de considérer *mriyá-* comme le passif de *mára-*: l'accent suffixal paraît donc secondaire". On the partial overlapping of the *-ya*-stems built on some *Cṛ* and *CRī* roots (vacillation *CRīya-/CRiya-*), see Kulikov 2005.

⁹ *jáyate* is qualified as an original passive, e.g. in Mayrhofer's grammar (1965: 93, 93), albeit not consistently; see Hauschild 1965: 216; cf. also Hartmann 1954: 186f.; Etter 1985: 215, fn. 290; 245; Kellens 1984: 126ff., note (15); Werba 1997: 288 ("intr. Pr. [=Pass.]").

(2) ŚB 5.3.5.17

agnér vái dhūmó jā-ya-te,
 fire:ABL.SG verily smoke:NOM.SG bear-YA-3SG.MED

dhūmād abhrám abhrād vṛṣṭih
 smoke:ABL.SG cloud:NOM.SG cloud:ABL.SG rain:NOM.SG

‘Verily, from the fire the smoke arises, from the smoke the cloud, from the cloud the rain.’

The most important piece of evidence for a non-passive analysis of *jāyate* is the lack of constructions with the instrumental of the agent (= the one who begets), which would be typical for a true passive construction (see Hock 1985–86: 90, fn. 5), as in (1a):

(1a) **tváyā vípro jā-ya-te*
 you:INS poet:NOM.SG bear-YA-3SG.MED
 ‘The poet is born by you (o fire).’

Besides, there are no good phonological reasons which could explain the supposed accent shift: **jāyáte-* → *jāyate*. Most likely, *jāyate* belonged with anticausatives, not with passives, from the very beginning, meaning ‘come into being, arise’. Then, how the widely spread passive analysis of *jāyate* can be explained? I presume it may have emerged under the influence of the passive morphology of its translations in European languages, such as Engl. *is born*, Germ. *ist geboren*, Fr. *est né*. Note, incidentally, that the Russian translation of this Vedic verb seems to be free of such dangerous side effects: Rus. *рождаться* ‘be born’ is a non-passive intransitive (anticausative), which cannot be employed in passive constructions of the type ‘X is born by smb.’

4. *-ya*-presents with fluctuating accentuation

There are some twenty Vedic *-ya*-presents attested with boot root and suffix accentuation, cf. *múcyate* / *mucyá-te* ‘be released, become free’, *kṣīyate* / *kṣīyá-te* ‘perish, disappear’, etc. (hereafter referred to as “*-yá*-presents”). According to standard Vedic grammars, this fluctuation is not random only in case of *pacyáte* ‘is cooked’ vs. *pácyate* ‘ripens’ (as in RV 1.135.8 *pácyate yávaḥ* ‘the barley ripens’). In what follows, I will concentrate on synchronic features and diachronic origins of this verbal class.

4.1. Historical distribution of accentuation in Vedic texts

As noticed above, the accent fluctuation of the type *múcyate* / *mucyá-te* does not follow any semantic regularity (except for *pácyate*). The few attempts at explaining the place of the stress in terms of the passive/non-passive distinction (cf. Gonda 1951: 98f.), parallel to the opposition *pacyáte* ‘is cooked’ vs. *pácyate* ‘ripens’ clearly faltered. We find forms with different accentuation in nearly identical contexts and even parallel passages which differ only in accentuation; cf. RV 10.152.1 *jíyate* = AV 1.20.4 *jīyáte*. The accentuation of the *-yá*-presents is not random, however, as Table 2 below shows (the numbers in superscript indicate the number of accented occurrences):

Table 2. Accentuation of the *-ya*-presents with fluctuating accentuation in Vedic texts

<i>'-yá</i> -presents	<i>'-ya-</i> attestations with root accentuation	<i>-yá-</i> attestations with suffix accentuation
Verbs of destruction and destructuring ('entropy increase')		
<i>ṛdhyáte</i> 'is successful'; + <i>ví</i> 'loses'	TS ¹ , ŚB ¹	TS ¹ , MS ¹ , ŚB ¹ , ŚBK ¹
<i>kṣáyáte</i> 'perishes'	RV ¹ , TS ² , ŚB ² (BĀU), TĀ (act.) ¹	AV ¹ , ŚB ⁶ , TB ¹
<i>chidyáte</i> 'breaks, is cut off'	TS ¹ , ŚBK ¹	MS ² , ŚB ³
<i>jáyáte</i> 'suffers loss'	RV ¹ , RV-SV ¹ , TS ¹ , ŚB ¹ (BĀU)	AV ³ , MS ²
<i>dāryáte</i> 'cracks, is split'	TS ² , *MS ²	ŚB ⁴
<i>pūryáte</i> 'becomes full'	RV ¹ , MS ¹ , TB ^{m2} , TĀ (act.) ²	MS ¹ , ŚB ¹² , TB ¹
<i>bhidyáte</i> 'breaks'	RVKh. ¹ , TS ²	MS ² , ŚB ¹⁰ , ŚBK ¹ , KāthĀ ¹
<i>mīyáte</i> 'is damaged, perishes'	RV ² , TS ⁷ , TB ³ , TĀ ²	MS ⁴ , ŚB ¹
<i>mūcyáte</i> 'becomes free'	RV ¹ , RVKh. ¹ , AV ¹ , TS ²	AV ³ , ŚB ⁹ , ŚBK ³
<i>rīcyáte</i> 'is emptied'; + <i>āti, prá</i> 'surpasses; is left over'	TS ⁷ , TB ⁹ , (+TĀ ¹ (?))	MS ⁶ , MS-KS ¹ , ŚB ¹² , ŚBK ⁵
<i>lūpyáte</i> 'is damaged, torn'	TS ¹	AV ¹ , TB ^{m1}
<i>śīsyáte</i> 'is left over'	+AV ¹ , TS ² , TB ³	MS ¹ , ŚB ¹⁰ , ŚBK ⁴
<i>śīyáte</i> 'falls (off)'	TS-TB ¹ , MS ² , ŚB ¹ , TB ¹	ŚB ¹ , TB ^{m3}
<i>śīryáte</i> 'breaks, collapses'	ŚB ¹ (BĀU)	MS ¹ , KS ¹
<i>hīyáte</i> 'is left, abandoned'	TS ⁴ , ŚB ¹	MS ² , ŚB ²
Verbs of heating		
<i>tāpyáte</i> 'heats; suffers'	VS (act. ¹ , med. ¹), TS ^{m1} , MS ^{m1} , ŚB ³ , TB ²	AV ⁶ , TS ^{m1} , ŚB ⁴
<i>dāhyáte</i> 'burns'	RVKh. ²	TS ¹ , MS-KS ¹ , ŚB ⁴
<i>pācyáte</i> 'is cooked; ripens, is digested'	'ripen': RV ¹ , +RVKh. ¹ , ŚB ¹ , TB ¹	'is cooked': RV ¹ , RV-VS-TS- MS ¹ , RV- AV ¹ , AV ² ; 'ripens': MS ¹ , ŚB ¹¹ , ŚBK ¹

The simple regularity, which immediately follows from the above table can be formulated as follows:

- in the Ṛg-Veda (together with the RV-Khilāni) and in the texts of the Taittirīya school (Taittirīya-Saṃhitā, Taittirīya-Brāhmaṇa and, probably, Taittirīya-Āraṇyaka), *'-yá*-presents show root accentuation;
- in the Atharva-Veda, Maitrāyaṇī Saṃhitā, Śatapatha-Brāhmaṇa and, most likely, in the texts of the Kāthaka school, *'-yá*-presents show suffix accentuation.

While evidence provided by the RV, AV, MS, ŚB and the accentuated texts of the Taittirīya school is quite sufficient to make decisive conclusions on the accentual patterning of the *˘-yá*-presents in these texts, the case of the Kāṭhaka (KS) is less clear. The overwhelming majority of the *˘-yá*-presents occur in the unaccentuated parts of the text in ed. Schroeder; evidence consists of only three attestations (*dahyámānā* KS 10.5:130.6–7, *ati-ricyáte* KS 14.10:209.6, *api-śīryáte* KS 35.16:62.2). Yet, in spite of the scarcity of attestations, the three accented occurrences (to which one form in the Kāṭha-Āraṇyaka may be added) as well as the close affinity of the language of the Kāṭhaka and Maitrāyaṇī schools lead to the assumption that the corresponding dialects belong together as far as the accentual patterning of the *˘-yá*-presents is concerned.

Still more problematic is the position of the dialect of the Vājasaneyins. The only *˘-yá*-present which occurs accented in the VS is *tápyá-te* (*tápyamānāya* VS 39.12).¹⁰

The aforementioned distinction holds foremost for the larger semantic class of *˘-yá*-presents, which includes verbs referring to (spontaneous) destruction and some related processes (for a detailed semantic analysis of the *˘-yá*-presents see Section 4.4 below). More intricate is the case of the second, smaller, semantic class, which includes verbs of heating. In the RV, the place of the accent in *pácyá-te* depends on its meaning (‘be cooked/ripen’). The ŚB and MS have generalized the suffix accentuation (except for one root-accented occurrence in the ŚB), as in the case of the verbs of destruction; the root accentuation of the only accented occurrence in the TB matches both its semantics (‘ripen’) and the rule of accent placement in the Taittirīya and therefore does not prove anything. Likewise, *dáhyá-te* (unattested in the RV) essentially follows the model of the verbs of destruction, except for one occurrence in the TS. Most complicated is the situation with *tápyá-te*. In the AV, all the accented forms bear accent on the suffix, whilst in the TB the accent is on the root, which meets our rule. The accent placement in the Saṃhitās of the Yajurveda (TS, MS) seems to be random; note, however, that both occurrences which do not meet the rule (TS^m 3.2.8.2 *anu-tapyámāna- ≈ anu-tápyamāna-* MS^m 2.3.8:37.1) appear in a mantra — that is, in the older language (which may represent an earlier situation as compared to what we observe at the later stage of the development of the same Vedic dialects, in Vedic prose). All the three root-accented occurrences attested in the ŚB are imperatives (met with in one passage), while the suffix accentuation is attested in indicative forms.

From the rule formulated above it immediately follows that (i) the suffix accentuation of the *˘-yá*-presents in the AV, MS and ŚB does not suggest their passive value or any particular semantic difference from the corresponding forms with the root accentuation attested in the RV(Kh.) and Taittirīya — contra Gonda 1951; (ii) there are no good reasons to emend the suffix accentuation in these texts on the basis of non-passive semantics (cf. Insler 1987: 62f. on AV *kṣīyáte*). The accent fluctuation does not depend on the semantics of the *-ya*-presents in question, but represents a difference between Vedic schools/dialects.

4.2. Exceptions to the general rule

Exceptions to our rule are relatively few among the ‘entropy increase’ verbs (shown with the outline letters in Table 2 above); for convenience, they are summarized in Table 3 below:

¹⁰ The nonce formation *tápyate* (dat.sg. act.prt.), attested in the same passage, is a secondary replacement of the class I active participle (*tápate*) and thus cannot serve as evidence for the accentual patterning of *tápyá-te* in this text; moreover, it may even have triggered the root accentuation of the adjacent *tápyamānāya*.

Table 3. *-ya*-presents with fluctuating accentuation: exceptions to the general accentual pattern

<i>'-yá</i> -presents	<i>'-ya-</i> root accentuation instead of the expected suffix accentuation	<i>-yá-</i> suffix accentuation instead of the expected root accentuation
Verbs of destruction and destructuring ('entropy increase')		
<i>ṛdhyá-te</i> 'is successful'; + <i>vi</i> 'loses'	<i>vy-ṛdhyai</i> ŚB 2.1.2.4	<i>ṛdhyáte</i> TS 1.5.2.2
<i>kṣáyá-te</i> 'perishes'	<i>kṣáyate</i> ŚB 14.4.2.28, <i>kṣáyeta</i> ŚB 14.4.3.7	<i>apa-kṣáyate</i> TB 1.5.10.5
<i>chídya-te</i> 'breaks, is cut off'	<i>vy-ava-chídya</i> ŚBK 2.8.3.18	
<i>jáyá-te</i> 'suffers loss'	<i>jáyate</i> ŚB 14.4.3.23	
<i>dáryá-te</i> 'cracks, is split'	<i>+dáyeta</i> MS 2.1.8 ^{2*} : 9.14, 15	
<i>púryá-te</i> 'becomes full'	<i>prati-púryeta</i> MS 3.2.2:17.11	<i>ā-púryáte</i> TB 1.5.10.5
<i>múcyá-te</i> 'breaks'	<i>múcyātai</i> AV 8.8.6	
<i>lúpyá-te</i> 'is damaged, torn'		<i>lupyáte</i> TB ^m 2.8.8.2
<i>śíṣyá-te</i> 'is left over'	<i>+uc-chíṣyātai</i> AV 2.31.3	
<i>śíyá-te</i> 'falls (off)'	<i>ati-śíyante</i> MS 2.6.1 ^{2*} : 64.1, 6, <i>ava-śíyante</i> ŚB 3.2.6.8	<i>ava-śíyānte</i> TB ^m 3.12.7.2–3 ^{3*}
<i>śíryá-te</i> 'breaks, collapses'	<i>śíryate</i> ŚB 14.6.9.28 etc.	
<i>háyá-te</i> 'is left, abandoned'	<i>háyate</i> ŚB 3.6.2.14 ≈ 3.6.2.15	
Verbs of heating		
<i>tápyá-te</i> 'heats; suffers'	<i>anu-tápyamānāḥ</i> MS ^m 2.3.8:37.1, <i>tápyadhvam, tápyasva</i> ^{2*} ŚB 6.1.3.2–4	<i>anu-tápyamānā</i> TS ^m 3.2.8.2

Most exceptions fall into one of the following types:

- (1) eleven non-indicative forms with suffix accentuation instead of root accentuation:
- subjunctives: *vy-ṛdhyai* ŚB 2.1.2.4, *+vy-ava-chídya* ŚBK 2.8.3.18, *múcyātai* AV 8.8.6, *+uc-chíṣyātai* AV 2.31.3;
 - optatives: *kṣáyeta* ŚB 14.4.3.7, *+dáyeta* MS 2.1.8^{2*}: 9.14, 15, *prati-púryeta* MS 3.2.2:17.11;
 - imperatives: *tápyadhvam, tápyasva*^{2*} ŚB 6.1.3.2–4.

The tendency to bear the accent on the root in the non-indicative forms of *'-yá*-presents in the AV, MS and ŚB was by no means a strict rule, however: we find subjunctives and optatives with the accent on the suffix as well, cf. *jáyeta* MS 1.6.10:103:2, *dáyeta* ŚB 4.5.10.7^{2*}, *bhidáyātām* ŚBK 4.9.4.15, etc. On the assumption that in the corresponding Vedic dialects the accent was retracted from the suffix to the root, the root-accented forms listed above can be regarded as preserving the original accentuation (see Section 5.2 below).

- (2) six occurrences attested in the YVic mantras: *anu-tápyamānāḥ* MS^m 2.3.8:37.1 ≈ *anu-tapyá-mānā* TS^m 3.2.8.2, *lupyáte* TB^m 2.8.8.2,¹¹ *ava-śīyánte* TB^m 3.12.7.2–3^{3x}. One may assume that the accent shift in some YVic dialects was completed by the beginning of the Brāhmaṇa period, while the mantras attest the transitional period and vacillation in accent placement.
- (3) four exceptions in the last chapters of book 14 of the ŚB [= BĀU] (*kṣīyate* ŚB 14.4.2.28 [= BĀUM 1.4.28], *kṣīyeta* ŚB 14.4.3.7 [= BĀUM 1.5.7],¹² *jīyate* ŚB 14.4.3.23 [= BĀUM 1.5.23 = BĀUK 1.5.15], *śīryate* ŚB 14.6.9.28 [= BĀUM 3.9.28] = ŚB 14.6.11.16 [= BĀUM 4.2.6] = ŚB 14.7.2.27 [= BĀUM 4.4.27]) must be due to the late character of the text, which not infrequently gives erroneous accents; cf. *īyāmāna-* ŚB^v 14.7.1.14 [= BĀUM^v 4.3.14], *manyásai* ŚB 14.6.9.26 [= BĀUM 3.9.26], *manyáte* ŚB 14.9.2.7 [thus mss.; ed. Weber *mányate*], *sájyate* ŚB 14.6.9.28 [v.l. apud ed. Weber].
- (4) for *śīya-te*, there may have existed additional semantic rules which determined accent placement in some usages, see Kulikov 2011, s.v. for details.
- (5) only four exceptions seem unmotivated: *ṛdhyáte* TS 1.5.2.2, *hīyate* ŚB 3.6.2.14 ≈ 3.6.2.15, *apakṣīyáte* and *ā-pūryáte* in TB 1.5.10.5.

4.3. Instances of semantically motivated accent shift

To sum up, for the majority of *‘-yá*-presents the accent fluctuation does not involve any semantic or syntactic features. Thus, the standard explanation of the accent shift in *-yá*-passives as motivated by the non-passive (reflexive or anticausative) syntax¹³ finds no or little support in the linguistic facts. The only clear instance of an opposition correlated with the place of accent is *pácyá-te*, employed in the sense ‘be cooked’ or ‘ripen’, depending on its accentuation (on the suffix vs. on the root; for references, see Kulikov 2001, 2011, s.v.). This correlation seems to hold true only for the language of the RV, however (where, incidentally, the root accentuation is attested only once, at RV 1.135.8, against three instances of suffix accentuation). Note, furthermore, that the semantic opposition ‘be cooked’ ~ ‘ripen’ does not amount to the passive/non-passive distinction, but suggests an idiomatic change (lexicalization).

Another instance of semantic motivation may be *dáhyá-te*, which occurs with the root accentuation in the RVKh. (‘burn [by itself]’) and with the suffix accentuation in the Vedic prose (TS, MS–KS, ŚBK) (‘be burned [by fire]’), but this semantic distinction is too subtle and evidence rather scant. Besides, four of the five occurrences follow the accentual patterning attested for verbs of destruction, the only exception being TS 5.5.2.3 *dahyámānā*.

4.4. Semantics of the *‘-yá*-presents

The middle *-ya*-presents with fluctuating accentuation represent, in a sense, a ‘bridge’ between *-yá*-passives and non-passive middle *‘-yá*-presents. This small class reveals a remarkable semantic and structural similarity.¹⁴

¹¹ The suffix accentuation of *lupyáte* could also be triggered by the adjacent *-yá*-passives appearing in the same passage.

¹² This occurrence belongs to the first group of exceptions as well.

¹³ Cf. Pāṇini’s sūtra 6.1.195 *acaḥ kartṛ yaki* ‘before [the passive suffix] *-ya-* [in verbs with the roots ending] in a vowel (*aC-*) [the root optionally bears the accent if the verb is employed] in the reflexive [usage]’.

¹⁴ For a discussion of the semantic features of the *‘-yá*-presents, see Kulikov 1998a, 1998b.

The main subclass of the *-yá*-presents can be defined in semantic terms as follows. A good deal of these verbs denote processes of spontaneous **destruction**: breaking, bursting (in the Brāhmaṇas often said of sacrificial vessels), splitting, as well as destruction in general ('disappear', 'perish', etc.), cf. *kṣīyá-te* 'perish, disappear'; *chidyá-te* 'break, cut off'; *dīryá-te* 'crack, split, burst'; *bhidya-te* 'break, split'; *mīyá-te* 'damage, perish'; *lūpyá-te* 'damage, tear'; *śīryá-te* 'break, collapse'. The definition of another subclass (*mūcyá-te*, etc.) poses some problems. Intuitively, the meanings of *mucyate* 'becomes free', *śīyate* 'falls', *śiṣyate* 'is left over', etc. are rather close to the semantic domain of destruction, but their common denominator is difficult to capture. Yet, one may argue that they all denote a process when an element ceases to be incorporated into a system or structure — for instance, some part(s) of an object break off and fall down — which, ultimately, results in the destruction of a system. Specifically, *mucyate* 'becomes free, is released' can be determined as 'ceases to be bound, included into a bound system'; *śiṣyate* 'is left over' and *hīyate* 'is abandoned, is left over' ≈ 'remains outside a structure'; *śīyate* 'falls (out)' ≈ 'ceases to be included into a structure through falling out of it'. At first glance, *ṛdhyate* 'is successful, fulfilled, goes well' does not belong to this semantic type; but its meaning changes to the opposite in compounds with the preverb *vi*: 'is deprived of [a property], loses', i.e. 'ceases to be connected with some (structural) elements'; cf. *jīyate* 'suffers loss', which is very close. *ricyate* belongs here both when employed as a simplex ('is emptied' ≈ 'is deprived of its content') and with the preverbs *āti*, *prá* ('surpasses, is redundant' ≈ 'goes beyond the scope of a structure'; 'is left over'). For this subgroup I propose the tentative label 'verbs of **destructuring**'.

In my view, we are able to determine an even more general semantic feature which encompasses the meanings of both 'destruction' and 'destructuring'. All these verbs denote spontaneous "fatal" processes which result in destroying some natural or artificial system or organism, and, to put it in general terms, in the **entropy increase**.¹⁵

In this semantic perspective, instructive is the present *śīyá-te*, whose semantics does not amount to falling down. In one of its usages, *śīyá-te* refers to a particular kind of falling, which accompanies natural decay, growing old: falling out of hairs, teeth, etc., i.e. typical instances of entropy increase. Cf. also JB 1.1 *bhasmāvaśīyate* 'some borings fall down [from the piece of kindling wood being churned]', on which Bodewitz (1973: 21f., note 4) comments that "*bhasma* refers to wooden dust falling of the wood sticks during the churning, a product of **erosion** [emphasis is mine. — L. K.]" — again, a typical instance of entropy increase.

The verb *pṝ* 'fill' cannot be included into the class of 'entropy increase' verbs in any of its usages. Yet, in the compound with the preverb *á* it functions as the counterpart of an 'entropy increase' verb, *kṣī* (with the preverb *ápa*): *á-pṝ* 'wax' and *ápa-kṣī* 'wane' denote opposite changes of the half-moon.

The semantic affinity of the 'entropy increase' verbs is also supported by the fact that they often co-occur in texts. To mention a few passages: TB 1.5.10.5, ŚB 1.7.2.22, 2.1.3.1, 2.4.4.18, 19, 8.4.1.10, 10.4.2.17 (co-occurrence of *ápa-kṣī* and *á-pṝ*); PB 6.7.15 (*ava-chid*, *vy-ṛdh*, *jī*); TS 7.2.1.4, MS 1.6.10, 1.8.7, AV 10.1.32 (*muc*, *hā*); ŚB 3.1.1.3 (*(abhy)āti-ric*, *śiṣ*), TS 3.2.9.5, AB 6.2.6 (*lup*, *hā*).¹⁶

The second, smaller, semantic class of *-yá*-presents includes three verbs of heating: *tápyá-te* 'heat, suffer', *dāhyá-te* 'burn', *pácyá-te* 'cook; ripen'.

¹⁵ For a detailed discussion of this semantic feature, see Kulikov 1998a.

¹⁶ Cf. Gonda 1959: 204.

4.5. Paradigmatic features

The most remarkable paradigmatic feature shared by the *‘-yá*-presents of entropy increase is their opposition to transitive-causative presents with nasal affixes (cf. *kṣīyáte* — *kṣiṇāti*, *kṣiṇóti*, *chidyáte* — *chināti*, *lúpyáte* — *lumpāti*, etc.). By contrast, the three *‘-yá*-presents of heating are opposed to class I presents (*tápyá-te* — *tápa-ti*, *dáhyá-te* — *dáha-ti*, *pácyá-te* — *páca-ti*); for details, see Kulikov 2011, chapter C.III.2.

It seems that the paradigmatic similarity of the *‘-yá*-presents could be an important feature of this verbal class, which supported their semantic affinity and, in some cases, could even trigger the rise of secondary transitive presents with nasal suffixes for some *-ya*-presents of this class; cf. such formations as *śináṣṭi*, *śiṃṣati*.

4.6. Phonological similarity

Some types of phonological structures are particularly common among the *‘-yá*-presents of entropy increase, while some others are unattested. Specifically, five stems (one third) show the structure *Cīya-*, four stems belong to the type *CiCya-*, three stems show the structure *Ciūrya-*. By contrast, all the three verbs of heating are derived from *CaC* roots, uncommon among verbs of ‘entropy increase’. It is of course impossible to posit a strict correlation between phonological structures and semantic classes; however, the phonological similarity could additionally support the structural affinity of the verbs in question¹⁷ and cause accent shift in some *-ya*-presents of similar structures, even in spite of different semantics, in particular, in *-vīyante* ‘are impregnated’ TS 6.1.7.1 (*√vyā/vī*), *īyámāna-* ‘speeding, driving’ (*√yā*) MS^m 2.6.11:70.12, v.1. [three mss.], ŚB^v 14.7.1.14 = BĀUM^v 4.3.14); cf. esp. the parallelism *vyā/vī*, *yā/ī* ~ *jyā/jī*.

4.7. Accent fluctuation of the type *múcyá-te* / *mucyá-te* in a diachronic perspective

The features shared by the *‘-yá*-presents (semantics, non-passive syntax, opposition to transitive nasal presents, partial phonological similarity) belong to different layers of the language structure and are essentially independent of each other. This implies that the similarity of *‘-yá*-presents cannot be mere coincidence, and they form a morphologically relevant verbal class, rather than a random group. Their semantics (entropy increase, heating) seems to be the main parameter organizing these verbs to a structural class and, eventually, determining their properties. For instance, this feature could trigger the emergence of the nasal presents *śináṣṭi*, *śiṃṣati* (Br. +), built as transitive-causative counterparts of *śíśyá-te*.

The ‘entropy increase’ semantics could also influence the accentual behaviour of a *-ya*-present even in the cases where it was registered only with some preverbs; cf. *śdhya-te* ‘be successful’, which changes its meaning to the opposite (‘be deprived, lose’) in compounds with *vī*, and therefore follows the accentual pattern of the verbs of entropy increase. The same explanation probably holds true for the suffix accentuation of the non-passive *vi-lipyáte* (MS) ‘comes unstuck [and falls off]’ (~ simplex *lipya-te* ‘stick, smear’).

¹⁷ Recall the old theory of ‘rime-words’ and ‘rime-ideas’ (Reimwortbildungen) (Bloomfield 1895; Wood 1907/1908; Güntert 1914: 30ff. [on *chid/bhid*]; 65f. [on *kṣī/mī*]). Note, incidentally, that the first of Wood’s lists of rime-words (op.cit., 142f.), labelled ‘dwindle’ group, includes all the five aforementioned *Cīyá-* presents of the ‘entropy increase’: *kṣīyate*, [*jīyate*] (Wood gives only the nasal present *jināti*), *śīyate*, *mīyate*, *hīyate* (though Wood does not mention accent fluctuation).

Furthermore, the parallelism between $\acute{a}p\bar{g}$ ‘wax’ and $\acute{a}pa-k\check{s}\bar{i}$ ‘wane’ (the latter of which belongs to the ‘entropy increase’ type) has probably triggered changes in accent patterning of $-p\acute{u}ry\acute{a}^{-te}$, in spite of the fact that this present does not show any meaning related to entropy increase.

On the other hand, some middle $-ya$ -presents with the root accentuation were not grouped with the $\acute{y}\acute{a}$ -presents (and hence did not change their accentuation) if their semantic affinity with the entropy increase class was not supported by other features. Thus, for instance, $p\acute{a}dya^{-te}$ ‘fall’, albeit similar to $\acute{s}\acute{i}y\acute{a}^{-te}$ in meaning, does not show other features of the $-ya$ -presents referring to ‘entropy increase’ (note, in particular, the root structure CaC and the lack of a transitive-causative counterpart with the nasal affix) and does not change to $pady\acute{a}^{-te}$ in the dialects of the AV, MS and ŚB.¹⁸

The “intermediate” position of $\acute{y}\acute{a}$ -presents between $-y\acute{a}$ -passives and non-passive middle $\acute{y}\acute{a}$ -presents probably results from their peculiar semantics. Judging from their non-passive meanings and syntax (see above) as well as from their root accentuation in the Ṛgveda, originally these formations probably belonged with the class IV presents. Later on, in some contexts they could be re-interpreted as passives (in accordance with the scenario: ‘breaks’ → ‘is broken [by smb.]’; ‘becomes free’ → ‘is released’, or the like) and, due to the increasing productivity of the $-y\acute{a}$ -passives, undergo accent shift in several Vedic dialects — in particular, in the dialects of the AV, Maitrāyaṇī-Kāṭhaka and ŚB.¹⁹

The great number of exceptions in the Yajurvedic mantras and the root accentuation of $t\acute{a}pyam\acute{a}na-$ in the Vājasaneyi-Saṃhitā as against the prevalent suffix accentuation in the Śatapatha-Brāhmaṇa, which belongs to the same Vedic school (White Yajurveda), may point to the fact that the accent shift from the root to the suffix in the corresponding Yajurvedic dialects was only completed by the period of Vedic prose (Brāhmaṇas properly speaking).

5. Concluding diachronic remarks on the accentual history of Vedic $-ya$ -presents

5.1. The original accentuation of (middle) $-ya$ -presents

It is commonplace in Vedic studies to assume that all $-ya$ -presents, irrespectively of accentuation and diathesis (i.e. both $-y\acute{a}$ -passives and class IV presents), go back to one source,²⁰ and the correlation between accentuation and the passive/non-passive distinction is

¹⁸ Not counting three occurrences with suffix accentuation in the late ŚB (books 11 and 14).

¹⁹ Our knowledge of the Vedic dialectology is still rather poor (for a systematic treatment of the issue, see Witzel 1989), and we are thus far unable to draw any decisive conclusions on the localisation of the dialects in which this accent shift was operative. Nevertheless, relying upon Witzel’s preliminary outline, one might tentatively assume that one of the centres of this process was the Kuru region (KS, early ŚB), whereas the dialect(s) of the Pañcala (where the TS can be tentatively located) were more conservative and have preserved root accentuation.

²⁰ I will not discuss here at length the highly controversial issue of the origin of the present suffix $-ya-$. Suffice it to mention that the morpheme $-ya-$ must be historically identical in the middle class IV presents (with root accentuation) and $-y\acute{a}$ -passives, while some of the active $-ya$ -presents may go back to a different (denominative?) source. For a survey of possible sources of the present suffix $-ya-$ (resp. PIE $*-i\acute{e}/o-$), see, in particular, Lubotsky 1985 (who demonstrates that the PIE source of Ved. $\acute{s}u\check{s}$, i.e. $*H_2sus$, must be an adjective, not a verbal root); Barton 1986: 143, fn. 27 (“many of the $*i\acute{e}/o-$ -intransitives are doubtless denominal in origin”); Rasmussen 1993: 480ff.; and Kortlandt’s (1981: 127f.), who advocates the genetic relationship between Vedic $-i$ -aorists, $-áya$ -causatives and $-y\acute{a}$ -passives: the former may go back to “a deverbative noun of the type $*k\acute{w}ori$ [$>$ Ved. $(\acute{a})k\acute{a}ri$. — L. K.], which could

an Indo-Aryan innovation. See, for instance, F. M. Müller 1864: 582; Delbrück 1874: 168; J. Schmidt 1875: 256f.; Hillebrandt 1880: 342f. [= Kl.Schr., 606f.]; Speijer 1896: 49, §168; Brugmann 1902: 527f.; 1916 [Grundr.²]: 185; Reichelt 1902: 80; M. Leumann 1940: 231ff. [= Kl.Schr., 321ff.]; Gonda 1951: 7²¹ et passim; 1971: 90f.; Thumb/Hauschild 1959: 333ff.; Strunk 1967: 78. This assumption, based, above all, on the intransitivity of the majority of *-ya*-presents, immediately raises the question on the original place of accent: did they bear accent on the suffix or on the root? Evidence is controversial: the zero grade of the root may betray the original suffix accentuation, while the increasing productivity of *-yá*-passives and the archaic non-productive character of many class IV presents rather point to the root accentuation. Most scholars considered the root accentuation in the class IV presents secondary as against the suffix accentuation in *-yá*-passives; see already Benfey 1865: 1783 [= Kl.Schr. II, 141]; 1866: 196; Saussure 1877; Froehde 1881: 172; Diels 1913: 4.²² Very plausible is Kuryłowicz's (1952: 114f.) assumption that accent retraction to the root in class IV presents was due to the influence of class I presents with phonologically regular full grade root, thus: **asy-á-* → *ásya-*, **paśy-á-* → *pásya-*, etc. on the model of **gachāti* → *gáchati*, where *a* < **ṛ* has been reanalysed as full grade (Saussure 1879: 174 [= Rec., 163]);²³ cf. also Gonda 1951: 92 (“the accentual differentiation of the *-ya*-verbs was attended by a partial leaning towards other thematic root-accented presents”); 1971: 91.

On the other hand, Delbrück (1897: 435f.) argued for the opposite development (*'-ya-* → *-yá-*); cf. also Kümmel in LIV 637, note 2 [ad got. *þaurusjan** ‘dürsten’] s.v. **ters-*.²⁴ No doubt, the system of *-ya*-presents was subject to a number of analogical accent shifts of both kinds (*'-ya-* ↔ *-yá-*), even within the historical period; see Section 4 on *-ya*-presents with fluctuating accentuation and Kulikov 2011 on the supposedly passive origin of *-iṅgya-te* (*-áṅgya-te*) ‘move, stir’ and *írya-te* ‘move’.

The difference in accentuation between (middle) class IV presents and *-yá*-passives is clearly secondary. We can only speculate why the passive subclass has generalized the suffix accentuation (which probably was original), while non-passives have retracted accent to the root. This accent shift may have started in a few old non-passive *-ya*-presents, in which zero and full grade could not be distinguished (cf. *mányate*), or where the full grade was introduced instead of the phonetically impossible zero grade (as in *padyate* ← ***pdyáte*) or in order to avoid morphological opacity (*nahyatil-te* ← ***ahyátil-te* < **ṇhíátil-tai* (?) or *asyatil-te* ← **sṛíátil-tai*).²⁵ The root accentuation could be introduced for such presents in accordance with Saussure's rule (reformulated by Kuryłowicz for *-ya*-presents, see above) and subsequently generalized for all non-passives.

5.2. The genesis of accentuation of *-ya*-presents: a possible scenario

A possible relative chronology of accent shifts in the Vedic middle *-ya*-presents can be summarized as follows:

itself be used predicatively”, whereas causatives and *-yá*-passives are supposed to be derivatives from this noun. For a comprehensive survey of existing hypotheses, see also Kulikov 2011.

²¹ “... everybody knows the intimate connection between the *-yá-* class and the 4th present-class”.

²² Saussure (1879: 234 [= Rec., 219], with fn. 1) even assumed that the active *-ya*-present *raṅyáti* (with the irregular suffix accentuation) might be a trace of the original accent placement in this present type.

²³ Essentially the same hypothesis was already proposed by Froehde (1881: 172), albeit in a less explicit form.

²⁴ “Offenbar **tṛs-je-* mit verschobenem Akzent wie im Ved. (oder deutet dieser Fall auf grundsprachliches Alter des Wurzelakzents bei primären *je*-Präsentien?)”.

²⁵ Cf. LIV 227, note 2 s.v. **Hnedh-* and LIV 242f., note 4 s.v. **h₁es-*.

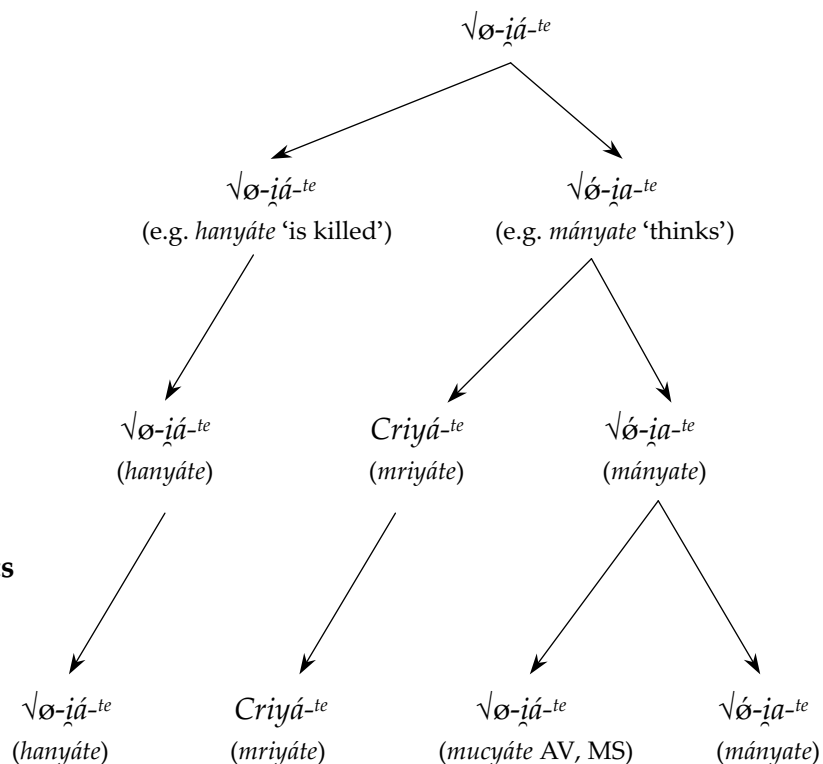
Proto-Indo-Aryan

I. Accent retraction
in non-passive *-ya*-presents.
Accentual differentiation
of *-yá*-passives and (middle)
non-passive *-ya*-presents

II. Accent shift
in the type *mriyáte*:
* $C\check{r}'\text{-}\check{i}\check{a}\text{-}$ → *Criyá-*

Old Indo-Aryan (Vedic) dialects

III. Accent shift in some
(middle) non-passive
-ya-presents (in the dialects
of the AV, MS–KS and ŚB)

Alexei Kassian

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Some considerations on Vedic *-ya*-presents

The paper by L. Kulikov consists of two parts: 1) detailed discussion upon the peculiarities of some specific Vedic verbal stems, and 2) reconstruction of the *-ya*-present pattern for Proto-Indo-Aryan. Below I will touch upon the second – comparative – portion of the paper (§5).

Kulikov discusses two functions of the Vedic *-ya*-suffix: medial present tense of the 4th class with non-passive intransitive function, i.e. the $\check{r}'\text{-}ya\text{-te}$ pattern (however, the frequent active $\check{r}'\text{-}ya\text{-ti}$ pattern is excluded from the analysis) and the regular passive forms of the $\check{r}'\text{-}yá\text{-te}$ pattern. The author concludes that the original Proto-Indo-Aryan pattern of the middle voice was $\check{r}'\text{-}yá\text{-te}$, which later split into two accentual and semantic types.¹

¹ Kulikov labels this proto-level as “Proto-Indo-Aryan”, but, in fact, some OPers. and Avest. evidence may prove that the

The only explication of such a split proposed by Kulikov is J. Kuryłowicz’s idea that non-passive mid-

grammaticalization of the *ya*-suffix as an exponent of the passive voice goes back to the Proto-Indo-Iranian level. On the contrary, if we reject OPers. and Avest. data, an accurate term should be “Proto-Vedic”, not Proto-Indo-Aryan in general. On the other hand, the Dardic language Shina shows the same grammaticalized passive voice in *-izh-* (= *-ij-*), Bailey 1924: 29, Schmidt & Kohistani 2008: 145 ff., 194 f. This fact should prove the Proto-Indo-Aryan antiquity of such a grammaticalization, if Shina *-izh-* does indeed contain **ya-* (as is suspected by V. A. Dybo, see his reply below, although I would rather suppose that Shina *-izh-* reflects an innovative formation in Dardic). Below, for the sake of convenience, I will use Kulikov’s term “Proto-Indo-Aryan” in regard to the grammaticalized passive voice in *-ya*.

In any case, it is important that such a grammaticalization is an inner Indo-Aryan (or Indo-Iranian) innovation. E.g., in the Balto-Slavic group (the closest linguistic relative of Indo-Iranian) *i*-presentia normally seem to be associated with transitive or

dle verbs of the shape $*\sqrt{-yá^{-te}}$ changed into $\sqrt{-ya^{-te}}$ under the influence of the verbs of the 1st class (a repetition of Saussure's rule, which explains the shift 6th class > 1st class for roots with the synchronic vowel *-a-*). It is not clear, however, why this accent retraction affected non-*a*-roots (like *búdh-ya-te* '(a)wakes') and why *a*-forms with the passive semantics (like *han-yá-te* 'is killed') retained their suffixal accent.

Strictly speaking, Kuryłowicz's theory implies a rather complicated scenario, whose additional iterations have been omitted by Kulikov in his schema:

- 1) at the first stage all *a*-forms acquire root accent, regardless of their passive or non-passive meaning; i.e. $*han-yá-te > *hán-ya-te$, but non-*a*-forms like $*budh-yá-te$ remain untouched.
- 2) the passive voice then starts to grammaticalize, during which process, for some (e.g., statistical) reasons, the $*\sqrt{-yá^{-te}}$ pattern is chosen for the passive meaning. That is, the system of *ya*-verbs becomes rebuilt again: $*hán-ya-te > han-yá-te$ 'is killed' and $*budh-yá-te > búdh-ya-te$ '(a)wakes'.

On the other hand, if one feels obliged to reduce, by any means, the Proto-Indo-Aryan *ya*-verbs to a single accentual pattern, an alternative solution — with $*\sqrt{-ya}$ as a starting point — could be more likely.

- 1) Passive *ya*-stems are a productive and semantically transparent group of verbal forms with an innovative semantics (the passive voice is not reconstructed for IE), therefore, it is natural that the new marked pattern (namely, $\sqrt{-yá^{-te}}$) was introduced specifically for these forms rather than for the heterogenous and semantically various group of non-passive *ya*-verbs.
- 2) As is shown by Kulikov himself (§4), the shift from the $\sqrt{-ya}$ pattern to the $\sqrt{-yá^{-te}}$ one for non-passive forms is attested in available Vedic data (if one assumes that the RV dialect is more archaic than the AV one). In the light of this, $*\sqrt{-ya}$ as a starting point is a more economic scenario than $*\sqrt{-yá^{-te}}$.
- 3) Another Indo-Aryan branch, represented by the modern Shina language, normally demonstrates root accent in $*ya$ -forms — see the reply by V. A. Dybo below.

In actual fact, however, attempts to reduce the Proto-Indo-Aryan *-ya*-verbs to a single accentual pat-

agentive intransitive verbs. Thus, as *per* Аркадьев 2006, in Modern Lithuanian *ca.* 65% of verbs with the present and past tenses in *-i-* are transitive and *ca.* 30% — agentive intransitive; in their turn, *ca.* 80% of transitive verbs and *ca.* 90% of agentive intransitive verbs form the present and past tenses with *-i-*.

tern seem unsupported by any positive evidence. It is well known that, in regard to their accent, the verbal systems of Ancient Greek and Old Indian are almost totally levelled. This means that normally the place of accent of any verbal form is predictable from its grammatical features. On the contrary, Balto-Slavic languages demonstrate the opposition of two accentual paradigms ("immobile" and "mobile") in almost all verbal types.² In such a case the standard comparative approach is to consider the Balto-Slavic situation to be more archaic and Ancient Greek and Old Indian systems to be the results of various secondary processes. It is therefore possible that the Vedic *ya*-presence is a unique case where relics of an old accentual opposition within the OInd. verbal system can be traced.

Unfortunately, less than half of the OInd. *ya*-verbs with the accentual fluctuation listed in §4 possess reliable Balto-Slavic cognates, and only in a couple of cases the Balto-Slavic data are sufficient for accent reconstruction. Out of them one root possesses the dominant valency:

- 1) OInd. *tápyáte* 'heats; suffers' ~ Slav. $*topiti$ 'to warm (trans.)', a.p. *b*₂ (OCA: 113 and V. A. Dybo, pers. com.)³.

On the contrary, one root is clearly recessive:

- 2) OInd. *díryáte* 'cracks, is split' ~ Slav. $*dvr-ati$, $*dvr-ati$ 'to tear', a.p. *c* (Дыбо 1982: 215; OCA: 62).

The following cases are unclear:

- 3) OInd. *dáhyáte* 'burns' ~ Balt. $*deg-a$ 'to burn (trans., intr.)', Slav. $*žeg-ŕ$, $*žěž-etv$ (also $*žbg-ati$, $*žbg-ŕ$) 'to burn (trans.)'. The Baltic morphological type does not permit to establish the original valency of the root. In Slavic languages thematic verbs with the obstruent final also underwent a heavy accentual unification, but S. L. Nikolaev supposes that some new data may speak in favor of the original accentual paradigm *c* (OCA 1: 50).

² Particularly it concerns the Slavic *i*-praesentia, for which three accentual paradigms (*a*, *b* and *c*) are reconstructable in the case of roots with the non-obstruent final (OCA: 62–63); but the mobile accentual paradigm was indeed eliminated in verbs with the obstruent final, where only a.p. *a* and *b* are reconstructable (OCA: 64). On the contrary, V. A. Dybo (see his reply below) supposes that Slavic present stems of the a.p. *c* such as $*žu-i-ŕ$ 'to chew', $*ku-i-ŕ$ 'to hammer' etc. (OCA: 63) are secondary formations based on the more archaic forms $*žov-ŕ$, $*kov-ŕ$ etc. If it is really so (I am not sure, however), the Slavic present suffix *-iŕ/-iē-* can be assuredly reconstructed as a dominant morpheme.

³ A.p. *c* in Old Russian (Зализняк 1985: 140), where the old a.p. *b*₂ & *c* fell together.

In my opinion, however, the Slavic data is also unrepresentative in such a case.

- 4) OInd. *púryáte* ‘becomes full’ ~ Balt. **pilna-* ‘full’ (Lith. *pilnas* [secondary 3], Lett. *pīl̃ns*), Slav. **pьlnъ*, accentual paradigm *a* ‘full’. The Balto-Slavic stem **pī̃-n-* is indeed dominant, but accentual characteristics of the suffix *-n-* can hardly be established, and, therefore, the valency of the root remains unknown.
- 5) OInd. *múcyáte* ‘becomes free’ ~ Balt. **maĩk-ia-* (trans.), **smaĩk-ia-* (trans.), **mu-n-k-a-* (intr.) ‘(verb

of motion)’, Slav. **mьkьŋti*, **mьčati*, **mykati* ‘(verb of motion)’. Both Baltic and Slavic morphological types do not permit to establish the original valency of the root.

- 6) OInd. *ricyáte* ‘is emptied’ ~ Balt. **liēk-* ~ **liēk-a-* ‘to leave’. The Baltic morphological type does not permit to establish the original valency of the root.

Thus, the available material is too scant for far-reaching conclusions.

В. А. Дыбо

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Относительно др.-инд. -ya-глаголов

Установление Л. И. Куликовым акцентуационных дублетов в формах презенса с основой на *-ya-* — важный результат исследования. Но полный ли это список? Необходимо получить полные списки подобных словоформ с явно пассивным значением. Следует иметь в виду, что все исторические и сравнительно-исторические грамматики страдают из-за отсутствия полных списков засвидетельствованных в памятниках словоформ. Мне представляется, что разделение *-ya-* словоформ на IV класс и пассив по акцентовке словоформ — явление искусственное, обязанное позднейшей грамматической спекуляции, а само наличие двух типов акцентовки *-ya-* словоформ имеет фонетическое (просодическое) объяснение. Конечно, два типа акцентовки этих словоформ, возникнув фонетически, в дальнейшем могли быть использованы для различения пассивных и медиальных значений. Это мое представление поддерживается следующими фактами:

Уже Б. Уилер обнаружил, что лишь две трети соответствующих между собой имен в греко-арийском совпадают по своей акцентовке (Wheeler 1885). Он, правда, не придал этому существенного значения. Впервые на важность этого расхождения между языками, положенными в основу индоевропейской акцентологической реконструкции, было указано в совместном докладе Николаев & Старостин 1978. Были приведены следующие отклонения

в акцентовке древнеиндийских и греческих тематических имен¹:

1. др.-инд. *śankhá-* m., n. ‘Muschel’ ~ греч. κόγκος m., κόγκη f. ‘моллюск в раковине; раковина’ || KEWA III, 290—291; Frisk I, 889—890;
2. др.-инд. *śyenāḥ* m. ‘Raubvogel, Adler, Falke, Habicht’ ~ греч. ἰκτίνοϛ ‘вид хищной птицы’ || KEWA III, 385; Frisk I, 719;
3. др.-инд. *aṅkāḥ* m. ‘Biegung, Haken’ ~ греч. ὄγκος m. ‘Widerhaken des Pfeils, Klampe’, ‘загнутый конец стрелы’ || KEWA I, 19; Frisk II, 347;
4. др.-инд. *āntrām* n. ‘Eingeweide’ ~ греч. ἔντερον n. ‘кишка’, pl. ἔντερα ‘внутренности’; герм. **ēnþrō* pl. n. [> др.-исл. *innr*, *iðr* pl. n. ‘внутренности’]; слав. **ĕtrā* > **etrā* || KEWA I, 74, 36, 35; Frisk I, 524—525; Barber 1932: 46; ср. Иллич-Свитыч 1963: 122;
5. др.-инд. *kumbhāḥ* m. ‘Topf, Krug’ ~ греч. κύμβος m. ‘Hohlgefäß, Schale’, κύμβη f. ‘чаша’ || KEWA I, 234; Frisk II, 48;
6. др.-инд. *cakrāḥ* m., *cakrām* n. ‘Wagenrad’ ~ греч. κύκλος m. ‘круг, колесо’, pl. также κύκλα;

¹ См. также эти списки в переработанном С. Л. Николаевым виде в ОСА 1: 70 ссл. Здесь приводится дополнительный по сравнению с названными источниками этимологический разбор.

- герм. **hvēlvula-* < **k^uékulo-* (др.-исл. *hjöl*, др.-англ. *hwēol*), дат. *hjul* [ju:l] ‘колесо’ || KEWA I, 366; Frisk II, 44—45;
7. др.-инд. *udrāḥ* m. ‘ein Wassertier’ ~ греч. ὕδρος m. ‘водяная змея’, ὕδρα f. ‘гидра’; лит. *údra* (1) ‘выдра’, слав. **vǫdrā* (а.п. а) ‘выдра’: русск. *вѣдра*, укр. *вѣдра*, блр. *вѣдра*, болг. *вѣдра*, схрв. *вѣдра*; но лит. диал. *údras*, ном. pl. *údrai* (3) ‘выдра’ (Tiž, II, 474), лтш. *údrs* и *údris* ‘выдра’ || KEWA I, 104; Frisk II, 957;
8. др.-инд. *kandarāḥ* m., *-ām* n., *-ī*, *-ā* f. ‘Höhle, Schlucht’ ~ греч. κάνδαλοι κοιλώματα, βάθρα (Hes.) ‘впадины, полости; основания’ || KEWA I, 152;
9. др.-инд. *gandharvāḥ* m. Name eines mythischen Wesens ~ греч. κένταυρος m. ‘кентавр’ (фонетика последнего слова, видимо, изменена по аналогии с ταῦρος) || KEWA I, 321; Frisk I, 819—820;
10. др.-инд. *sarabhāḥ* m. eine Hirsch-Art ~ греч. κίραφος · ἀλώπηξ (Hes.) ‘Fuchs’ || KEWA III, 305; Frisk I, 857;
11. др.-инд. *karāṇā* f. ‘Raupe’ ~ греч. κάμπη f. ‘Kohlraupe, Seidenraupe’ (< **kṛp.nā*, KEWA I, 154) || KEWA I, 154; Frisk I, 774;
12. др.-инд. *stupāḥ* m. ‘Schopf, Haarschopf’ ~ греч. στύππη f. ‘Werg, grober Flachs’, также στύπος = στύππη (κάλοι ἀπὸ στύπου Gal.) || KEWA III, 516; Frisk II, 814;
13. др.-инд. *darbhāḥ* m. ‘Grasbüschel, Buschgras’ ~ греч. δάρπη · σαργάνη, κόφινος (Hes.) ‘Korb’ (контаминация *τάρπη* и **δάρφη*, Güntert 1927: 347) || KEWA II, 23; Frisk I, 350;
14. др.-инд. *juā*, *jiā* f. ‘Gewalt, Macht’ ~ греч. βίᾱ, βίη f. ‘Kraft, Gewalt’ || KEWA I, 448; Frisk I, 235;
15. др.-инд. *dhākāḥ* m. ‘Behälter’ ~ греч. θήκη f. ‘Behältnis, Kasten, Grab’ || KEWA II, 96; Frisk I, 670;
16. др.-инд. *divyāḥ*, *diviyāḥ* adj. ‘göttlich, himmlisch’ ~ греч. δῖος adj. ‘zum Himmel gehörig, göttlich’ || KEWA II, 43; Frisk I, 396—397;
17. др.-инд. *saptamā-* adj. ‘седьмой’ ~ греч. ἕβδομος adj. ‘der siebente’ || KEWA III, 431; Frisk I, 435;
18. др.-инд. *katarāḥ* ‘welcher von zweien’ ~ греч. πότερος, ион. κότερος ‘welcher od. wer von beiden?’; герм. **hvaþaraz* ~ **hveþaraz* (< **hvāþaraz* ~ **hvēþaraz*) adj. pron. (гот. *hvaþar* ‘wer von beiden?’; др.-англ. *hwæðer*, *hweder*; др.-сакс. *hwedar*, др.-в.-нем. *hwedar* ‘wer von beiden?’); слав. **kōtorь* > **kotōrь* || KEWA I, 148; Frisk II, 586; Orel 2003: 199; Feist 1939: 283; БЕР 2: 679—680.

Сомнительно предполагаемое авторами отношение к этой группе: др.-инд. *dhūmāḥ* m. ‘Rauch’ ~ греч. θύμος m., θύμων n. ‘Thymian’ (авторы не принимают сближения с греч. θῦμός m. ‘Geist, Mut, Zorn, Sinn’) || KEWA II, 109; Frisk I, 693. Так как авторы не дали альтернативной этимологии греч. θῦμός, которая бы надежно устраняла эту форму из традиционного сближения, она остается как первичная, а лат. *fūmus* m. ‘Rauch, Dampf, Qualm, Brodem’ может рассматриваться как дополнительный пример действия закона Хирта в латинском.

Я не привожу в [Дыбо в печ.] атематических основ, в которых различие древнеиндийской и греческой акцентовок может объясняться генерализацией разных акцентовок подвижной акцентной парадигмы, и форм *-i-* и *-u-*склонений, значительное количество разных акцентовок этих имен, устанавливаемых в германских языках по рефлексации согласно закону Вернера, вызвало предположение о наличии первично подвижного акцентного типа у этих имен, в дальнейшем «генерализировавшегося» в окситонезу или баритонезу.

В дальнейшем С. Л. Николаев, изучив акцентовку древнеиндийских производных имен с суффиксами I (доминантного) класса, пришел к выводу, что эти имена получали конечное ударение, если их корни относились также к I (доминантному) классу, см. ОСА 1: 53 ссл. Так как класс суффикса, по-видимому, определялся просодической характеристикой тематического гласного, включенного в данный суффикс, С. Л. Николаев рассмотрел акцентовку установленных С. А. Старостиным древнеиндийских *nomina activa* и *nomina passiva*, у которых роль суффикса играл тематический гласный, и соответствующих им греческих девербатов, что позволило ему создать следующую схему акцентовок при различных сочетаниях морфем (подчеркнута позиция, где греческая акцентовка отличается от древнеиндийской):

Сочетание морфем (корень + суффикс)		Древнеиндийский	Древнегреческий
I	I	oxytona	barytona
I	II	barytona	barytona
II	I	barytona	barytona
II	II	oxytona	oxytona

Общее правило таково: в греческом баритонированной является любая форма, где содержится морфема I кл., в древнеиндийском же баритонированными являются лишь формы, состоящие из морфем различных классов.

(Обоснование принципиально другой акцентологической концепции см. в Lubotsky 1988 и Лубоцкий 1991. Обсуждение теории А. Лубоцкого, впрочем, выходит за рамки настоящей заметки.)

Греческий в этом отношении близок к балто-славянскому, в котором формы-энклиномены могут состоять лишь из морфем II класса, а присутствие в форме доминантной морфемы определяет ее ортотонический статус (ОСА 1: 69). С. Л. Николаев относит время возникновения этой акцентологической особенности древнеиндийского, по-видимому, еще к периоду индоевропейских диалектов, считая, что эту же особенность разделяет с древнеиндийским прагерманский, чему однако противоречат: 1) герм. **lvéhvula-* < **k^wék^wlo-* (при греч. κύκλος m., pl. κύκλοι и κύκλα, но др.-инд. *cakrá-* m., n. ‘колесо’), 2) герм. **énþrō* pl. n. (при греч. ἔντερο-ν ‘кишка’, pl. ‘внутренности’, но др.-инд. *āntrá-* n. ‘entrail’, ‘внутренности, кишки’ RV, *antrá-* n.), 3) герм. **lváþaraz* ~ **lvéþaraz* (при греч. πότερος, ион. κότερος ‘welcher od. wer von beiden?’, но др.-инд. *katarāḥ* ‘welcher von zweien’).

Дардский язык шина (Shina, Şiṇā) довольно последовательно сохраняет древнеиндийскую акцентировку имен и глаголов. Эта особенность характерна, по-видимому, еще для нескольких дардских и кафирских языков, но они плохо или недостаточно подробно описаны. Только шина (диалект гильгит) имеет грамматику и более или менее приличный словарь с отмеченным местом ударения (Bailey 1924). В 1972 году я опубликовал краткую статью «О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках» (Дыбо 1972). Знакомясь с новыми публикациями по дардским и другим индоиранским языкам, я обнаружил ряд работ, подтверждающих тональный характер ударения долготных слогов в шина, что заметил еще Бейли, и поддерживающих мою гипотезу о причинах возникновения тональных различий в дардских языках, предложенную в той же статье, в результате исследования системы тональных оппозиций в языке дамели. К сожалению, в этих же публикациях обнаружилось полное незнание моей работы и явное игнорирование результатов и проблем сравнительно-исторической и исторической акцентологии (что характерно для синхронистов, воспитанных на якобы Соссюровском «Курсе общей лингвистики»²). Поэтому я счел необходимым

² Мое отношение к этой работе определяется тем, что я не могу представить себе, что Ф. де Соссюр мог дойти до такой степени отчаяния, чтобы в теоретическом курсе отказаться от результатов своих сравнительно-исторических исследований, свидетельствующих о достаточно строгих про-

опубликовать в более полном виде материалы и результаты моих исследований по акцентной системе языка шина в работе «Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии» (ниже [Дыбо в печ.]). В этимологизируемом ныне словарном составе языка шина (диалект гильгит) по словарю [Bailey 1924] обнаруживается около 90 баритонированных существительных, соответствующих баритонированным именам древнеиндийского, и около 50 окситонированных существительных, соответствующих окситонированным именам древнеиндийского. По материалам [Bailey 1924] в шина различные акцентные типы у первичных прилагательных не обнаруживаются. Это, по-видимому, объясняется тем, что прилагательные в шина согласуются с существительными в роде и числе, но не в падеже, что, возможно, облегчило генерализацию накоренного ударения в этих формах. Возможно, однако, что тонкие отличия акцентовки исторически окситонированных форм от баритонированных были просто не замечены аудиторами. Среди баритонированных существительных шина обнаружено 7 имен, которым в ведийском соответствуют имена с сваритой в конце слова, это преобразование согласуется с подобным же в системе Шатапатхабрахманы.

Ряд баритонированных имен шина характерен тем, что в ведийском им соответствуют окситонированные имена, но в греческом, балто-славянском и в германском им соответствует баритонеза. Показания шина могут свидетельствовать о том, что древнеиндийская окситонеза этих имен является лишь чертой ведийского, но не индоиранского и даже не индоарийского³.

1. Sh. (jj.) *ózi* ‘entrail’ ~ др.-инд. *āntrá-* n. ‘entrail’, ‘внутренности, кишки’ RV, *antrá-* n. Suśr. (ср. др.-инд. *ántaraḥ* ‘der innere, nähere’) || но ср. греч. ἔντερο-ν ‘кишка’, pl. ‘внутренности’; герм. **énþrō* pl. n. [> др.-исл. *innr*, *iðr* pl. n. ‘внутренности’]; слав. **čtrā* > **čtrá* [схрв. *jětra* ‘печень’, диал. чак. (Нови) *jětra* pl. n. ‘внутренности’; чеш. *játra*] || Turner I, 53 (1182); KEWA I, 36, 35; Pok. 313;
2. Sh. Gil. *cārkū*, gen.sg. *cārkāi*, pl. *cārkē*, gen. *cārko* m. ‘колесо для прядения, колесо, круг для

цессах преобразования языковых систем. Я думаю, что эта лакуна является результатом реконструкции Курса изданиями (при всем моем уважении и восхищении Ш. Балли и А. Сеше).

³ Нижеследующий список приведен также в [Дыбо в печ.]; здесь он снабжен дополнительными комментариями.

- точки сабли' [cārḱ-ū-ě-āi-o, m., spinning wheel, wheel, machine for sharpening sword] ~ др.-инд. *cakrā-* m., n. 'колесо' || но ср. греч. κύκλος m., pl. κύκλοι и κύκλα 'круг, окружность; колесо (pl. только κύκλα); обруч, обод, кольцо; диск', герм. **hēlvula-* < **k^wék^wlo-* (др.-исл. *hjól*, др.-англ. *hwēol*), дат. *hjul* [ju:'l] 'колесо', при подвижности в лит. *kāklas* 'шея' (4 а.п. с др.-лит., см. Иллич-Свитыч 1963: 50; впрочем, вряд ли можно считать опечаткой форму *kāklū* в Библии 1755 г., два раза повторенную в тексте, которая указывает на 2 а.п.) || Bailey 1924: 135a; Turner I, 246 (4538); KEWA I, 336;
3. Sh. Gil. *ūžy*, pl. *ūžy* m. 'выдра' [ūž-ū-ě, m., otter] ~ др.-инд. *udrāḥ* m. 'водяное животное (краб или речная выдра)' (ср. также др.-инд. *udān*, loc. *udāni*, gen. *udnāḥ* 'Wasser' ~ греч. ὕδαρ, loc.sg. ὕδατι, gen.sg. ὕδατος 'Wasser') || но ср. греч. ὕδρος m. 'водяная змея' или 'уж', ὕδρα f. 'гидра', лит. *údra* (1) 'выдра', слав. **vŷdrā* (а.п. а) 'выдра': русск. *вѣдра*, укр. *вѣдра*, блр. *вѣдра*, болг. *вѣдра*, схрв. *вѣдра*; но лит. диал. *údras*, ном. pl. *údrai* (3) 'выдра' (Tiž, II, 474), лтш. *údrs* и *údris* 'выдра' || Bailey 1924: 168; Turner I, 96 (2056); KEWA I, 104, Frisk II, 957—959;
4. Sh. Gil. *āzu*, gen.sg. *āzēi*, pl. *āzē*, gen. *āzo* adj.; n., m. 'туча, облако, дождь; мокрый, дождливый, влажный' [āz-ū-ě-ēi-o, adj. n.m., cloud, rain, wet, damp], [Radl. II, 59: *āze* 'rains']; pales. *āzu* ~ др.-инд. *abhṛā-* n. (редко m.) 'cloud, rainy weather' RV || но ср. греч. ὄμβρος m. 'Regen, Regenguß, Gewitterregen; Regenwasser; das Naß' < **ómbhro-s* (ср. лат. *imber*, -*bris* m. 'Regen, Regenguß, Platzregen') || Bailey 1924: 130b; Turner I, 25 (549); KEWA I, 43; Frisk II, 384—385; WH I, 680—681;
5. Sh. Gil. *kāṭ*, gen. *kāṭāi* m. 'лес, дерево, древесина' [kāṭ- gen. -āi, m., wood] ~ др.-инд. *kāṣṭhām* (при варианте *kāṣṭham* KEWA) 'полено' || но ср. греч. κάστων · ξύλον (< **kalstom*, из-за греч. κάλον, κῆλον < **καλσον*, по Пизани) || Bailey 1924: 146b; Turner I, 159 (3120); KEWA I, 205;
6. Sh. Gil. *pīṭū*, pl. *pīṭē* m. 'спина, задняя часть' [pīṭ-ū-ě, m., back] ~ др.-инд. *pṛṣṭhām* n. 'спина, хребет, верхняя часть, верх' || но ср. лит. *pīrštās* 'палец, палец ухвата' (2 а.п., представлена повсеместно по диалектам, первоначально n., см. Иллич-Свитыч 1963: 52), слав. **p^rrstь* (а.п. d или b, см. Иллич-Свитыч 1963: 128) || Bailey 1924: 158; Turner I, 474 (8371); KEWA II, 338; Fraenkel I, 598;
7. Sh. Gil. *gīri*, pl. *gīryē* f. 'скала' [gīr-i-yē, f., rock (ī is ī long)] ~ др.-инд. *gīriḥ* m. 'скала, гора' || но ср. афг. *gar* m. 'гора' (barytonum, окситонированная форма отразилась бы как **γrā*), слав. **gora* (а.п. b): др.-русск., чеш. диал. *hůra*, польск. *góra*, лит. *girià* (2) 'лес', диал. *girė* (2) || Bailey 1924: 141a; Turner I, 223 (4161); KEWA I, 335; Fraenkel I, 153;
8. Sh. Gil. *jīp*, gen.sg. *jībāi*, pl. *jībē*, gen. *jībo* f. 'язык' [ji-p -bē-bāi-bo, f., tongue (not used for "language")] ~ др.-инд. *jihvá* f. 'язык' (ср. также др.-инд. *juhúḥ* f. 'Zunge') || но ср. афг. *žāba* f. 'язык' (< **zība* < **izba* < **hīzbā* < **hīzvā*, но может быть и заимствованием из новоиндийских, как предполагал Гейгер) || Bailey 1924: 145; Turner I, 288 (5228); KEWA I, 436—437, 442;
9. Sh. Gil. *bōi*, pl. *bōyē* f. 'рукав' [bō'-i -yē, f., sleeve] ~ др.-инд. *bāhú-* m. (f. lex.) 'arm' RV, *bāhā-* f. Ур. || но греч. πῆχυς m. 'предплечье, рука'; однако ср. афг. *wāzā* f. 'сажень (мера длины, равная 2,134 м.), шаг (коня)', что поддерживает сомнения в тонологическом объяснении, высказанные выше || Bailey 1924: 133b; Turner I, 521 (9229); KEWA II, 429;
10. Sh. Gil. *yōr*, gen. *yōrāi*, pl. *yōrē*, gen. *yōro* f. 'мельница (водяная)', [yōr (nasal vowel) yō'r -ē -āi-o f., large watermill], [Buddr. 1996: *yōr* f. 'Wassermühle']; ср. также Dm. *žān* 'мельница', нисходящий тон свидетельствует о первоначальной баритонезе ~ но ср. др.-инд. *yantrā-* n. [yām-] 'controlling device' RV, 'any implement or contrivance' MBh., *yantraka-* n. 'handmill' Hcat.; см. ОСА 1: 59—60 (№3 и ведийские подтверждения доминантного характера корня); доминантность корня подтверждается и славянскими данными (Дыбо 2000: 264, 514) || Bailey 1924: 169a; Turner I, 602 (10412); KEWA III, 7; EWA II, 398;
11. Sh. Gil. *bēzi* f. 'ясная погода' [bēzi, f., fine weather], [Sh. (Lor.) *biji* f. 'clear sky', jij. *bīzi*] ~ др.-инд. *vīdhrā-* n. 'clear sky, sunshine' AV.; *vīdhrya-* 'relating to the clear sky' VS., при *īdhriya-* TS 4, 5, 7, 2; **vīdhrisya-*; **vaidhriya-*. Рассматривается как *vi* + *īdh-rā-* и сближается с греч. αἰθήρ, -έρος f., m. '(reine) Luft, (klarer) Himmel' и подобными, производными с глагольным корнем в греч. αἶθω 'anzünden': др.-инд. *inddhé* 'entzündet, entflammt', *édhah* m. 'Brennholz' = греч. αἶθος m. 'Brand'. Повидимому, из приведенных основ шина лишь Sh. jij. *bīzi* может быть непосредственно связано с др.-инд. *vīdhrā-*, Sh. Gil. *bēzi* происхо-

- дит скорей из **vaidhríya-* и формально должно быть отнесено к первой группе аномальных баритонез || Bailey 1924: 133a; Turner I, 697 (12051); KEWA III, 237 и I, 88, 95, 128, 557; EWA I, 205; II, 568—569; Frisk I, 37—38;
12. Sh. Gil. *cūrkū*, gen.sg. *cūrkāi* n., m. ‘дрожжи’ [cūrkū, adj., sour, acid (1st ū rather narrow): as n., c., or ātāl c. masc., yeast : cūrkāi, leavened], [Turner: *čūrkū* m. ‘yeast’] ~ др.-инд. *cukrā-* ‘sour, sharp to the taste’; m. ‘a sour fruit drink (esp. of tamarind), vinegar’ Suśr.; ‘name of various sharp-tasting plants, e.g. sorrel’ < **quq-ró-* (KEWA предположительно связывает с др.-инд. *kucāti* ‘zieht sich zusammen, krümmt sich’) || Bailey 1924: 136b; Turner I, 264 (4850); KEWA I, 393, 219—220;
13. Sh. Gil. *bāgbiāru*, pl. *bāgbiāre* m. ‘леопард’ [bāgbiāru-ϕ, m., leopard] ~ др.-инд. *vyāghrá-* m. ‘tiger’ AV.; пракр. *vaggha-* m. ‘tiger’. Традиционный анализ: (vi-)āghrá- = греч. ὠχρός ‘blaß-gelb’. Если, как считал Wackernagel (Unt. 234f.), греч. гомер. ὠχρός m. ‘Blässe’, ‘бледность’ (Г 35) является заменой первичного *ὠχος n., то мы имеем здесь образование с доминантным суффиксом **-ro-* || Bailey 1924: 130b; Turner I, 706 (12193); KEWA III, 274; EWA II, 593; Frisk II, 1153—1154;
14. Sh. Gil. *nōru*, pl. *nōre* m. ‘ноготь’ [nōr-ϕ-ϕ, m., nail (finger or toe)], [Buddr. 1996: *nóoro* m. ‘Fingernagel’. Pl. *nóorye* th. ‘sich die Nägel schneiden’] ~ но ср. др.-инд. *nakhará-* ‘shaped like a claw’ ŚB, m., n. ‘claw’ Pañcat., ‘nail-scratch’ Cat. Др.-инд. *nakhará-* — производное от доминантной (по второму слогу) основы *nakhá-* m., n. ‘nail (of finger or toe), claw’ RV. с доминантным суффиксом **-ra-* || Bailey 1924: 155a; Turner I, 397 (6920); KEWA II, 124; EWA II, 4; Frisk II, 398—399; WH II, 818—819; Fraenkel I, 478—479; Pok. 780;
15. Sh. Gil. *sūr*, pl. *sūri* m. ‘свинья’ [sūr- i, m., pig] ~ др.-инд. *sūkarāḥi* m. ‘boar’, ‘боров’, RV. *sūkarī-* f. ‘sow’ Yājñ. Образовано от основы **sū-ká-* с доминантным суффиксом **-ra-*. Наличие в индоевропейском этой основы подтверждается герм. **suzō* < **sūxá-* f. ‘sow’ (др.-англ. *sugu* f. ‘Sau’; др.-сакс. *suga*; ср.-н.-нем. *soge* ‘Sau’, нидерл. *zeug*) || Bailey 1924: 164; Turner I, 780 (13544); KEWA III, 490; EWA II, 738—739; Orel 2003: 385; Holthausen 1934: 329; Franck & van Wijk: 818; Pok.: 1038.
16. Sh. Gil. *chīri*, pl. *chīryē* f. ‘вымя’ [chīri- i-yē, f., udder] ~ но ср. др.-инд. *kṣīrin-* ‘yielding milk’; пракр. *khīri-*, f. *°iñi-*. Рассматривается как образованное посредством суффикса **-in-* от основы *kṣīrá-* n. ‘молоко’. Эта основа индоиранская. Иранские соответствия: нов.-перс. *šīr* ‘Milch’, пехл. *šīr* ‘молоко’, курд., бел. *šīr* ‘молоко’; осет. *°xsyur* / *°xsir* ‘молоко’, мундж. *xšīro*, в. *xšīrā* m. ‘молоко; молоко, сок (растения)’, идга *xšīra* m. ‘milk’ (Mrst. II, 270); авест. *apa-xšīrā-* название страны — «безмолочная». По-видимому, эту основу трудно отделить от авест. *xšvīd-* m. ‘Milch’ (*-v-*, возможно, под влиянием другого авестийского названия молока *xšvīpta-*), в этом случае индоиранская основа **kṣī-ra-* оказывается, вероятно, отглагольным производным с доминантным суффиксом **-ra-*. В. И. Абаев предлагает для производящего глагола корень **xšay-* ‘сиять’, связывая его с авест. *xšayeiti* ‘herrscht, besitzt’ = др.-инд. *kṣáyati* ‘herrscht, besitzt’; значение ‘сиять’ проявляется в производных: авест. *xšāēta-* Adj., f. *xšōiḍni-* ‘licht, strahlend, glänzend, herrlich’ || Bailey 1924: 136a; Turner I, 192 (3704); KEWA I, 290, 287; EWA I, 433, 438; Абаев IV 241—242, 233—234, 235;
17. Sh. Gil. *yāp*, gen.sg. *yābāi* f. ‘арык (канал для ирригации)’ [yāp, gen. yābāi, f., watercourse for irrigation] ~ др.-инд. *yavyā-* f. ‘stream’ Naigh. (in *yavyāvati-* ‘Name eines Flusses’ RV. 6,27,6, PB 25, 7,2). KEWA (III) рассматривает как производное с глагольным корнем **yu-* ‘sich bewegen’ и суффиксом *-yā-*, доминантный характер которого показывают балтославянские данные. Корень, вероятно, также был доминантным (презент по 2.кл.) || Bailey 1924: 168b; Turner I, 604 (10442); KEWA III, 11, 19; EWA II, 405; Pok. 507, 508, 511;
18. Sh. Gil. *būç*, *būch*, gen.sg. *būçāi*, pl. *būçi*, gen. *būço* m. ‘платан восточный (чинара)’ [būç-(h)-i-āi-o, m., chenar tree], [Turner: Sh. Gil. *būch*, *būç* m. ‘plane-tree’] ~ др.-инд. *vṛkṣá-* m. ‘tree’ RV.; пали *mālā-vaccha-* m. ‘an ornamental shrub or tree’. Связывается с основой *vālsá-* m. ‘Schößling, Trieb, Zweig’ RV. Баритонеза последнего указывает скорей всего на доминантность корня. Конечное ударение в ведийском *vṛkṣá-* в этом случае может свидетельствовать о доминантности суффикса *-sa-* || Bailey 1924: 133b; Turner I, 698 (12067); KEWA III, 242; EWA II, 572, 526—527;
19. Sh. Gil. *pāç*, gen.sg. *pāçāi* m. ‘пол месяца, две недели’ [pāç-, gen. -āi, m., half a month], [Turn.: ‘fortnight’] ~ но ср. др.-инд. *pakṣá-* m. ‘wing, feather, fin, shoulder, side’ RV, ‘side of a building’ AV., ‘party, troop’ MBh.; *pākṣas-* n.

- 'side' RV, 'side of door' VS., *paṅsaka-* m. 'side' Śiś., 'fan' Gal. По-видимому, < **pag-sa-* и связано с балтославянской группой: слав. *paṅs* : лтш. *paksis* 'Hausecke', слав. *pag-* (чеш. *paže*, в.-луж. *podpaža*), слав. **poxy* f. (русск. *пахва́*, pl. *пахви́*, *пахви́*; укр. pl. *nixvi*; схрв. *пѣви* pl.; чеш. *pochva*, *pochvy* pl.; польск. *pochwa*). Чередование гласных в славянском объясняется законом Винтера. Корень явно доминантный, о суффиксе см. в предшествующем примере || Bailey 1924: 155b; Turner I, 429 (7627); KEWA II, 184; EWA II, 62;
20. Sh. Gil. *jāzī*, gen.sg. *jāzāi* f. 'стригуший лишай' [jāz-ī, gen. -āi, f., ringworm] (с диссимиляцией < **dradr-* < *dadru-*) ~ др.-инд. *dadru-* m. 'cutaneous eruption' Suśr., °*rū-* Pāṇ. *vārtt.*, *dardū-*, *dardrū* Uṇ. com.; пали *daddu-* n. 'a skin disease'; пракр. *daddu-* m. 'ringworm' (рассматривается как редупликация от корня и.-е. **der(ə)-*; KEWA связывает с др.-инд. *drṇāti* 'birst, macht bersten, sprengt, zerreiβt') || Bailey 1924: 144b; Turner I, 351 (6142); KEWA II, 14, 59; EWA I, 701—703;
21. Sh. Gil. *nir*, gen.sg. *nirāi* f. 'сон' [nir (i very short), gen. *nirāi*, f., sleep] ~ но ср. др.-инд. *nidrā-* f. 'sleep' RV. Восходит к глаголу др.-инд. *drāti* 'schläft'. Может рассматриваться как сложение корня с доминантной приставкой, корень также доминантный || Bailey 1924: 155a; Turner I, 411 (7200); KEWA II, 76; EWA I, 757—758;
22. Sh. Gil. *dṛṇī*, pl. *dṛṇē* m. 'ручка, рукоять' [dṛṇ-ī-ē, m., handle (of polo stick, golf club, axe, carpenter's tools) ~ др.-инд. *daṇḍā-* m. 'stick, club' RV, 'handle' AV, 'control' ManuSmṛ., 'punishment' PB., 'stalk, stem' MBh.; пали *daṇḍa-* 'stem of tree, stick, handle, punishment'; пракр. *daṇḍa-*, *ḍa*° m. 'stick, &c.:'; предполагалось, < **dandrá-* при сравнении с греч. δένδρον n. 'Baum', сейчас это сравнение отвергается, так как первичным для греческого считается δένδρον, однако греч. δένδρον может отражать греко-арийскую инновацию, что возвращает нас к традиционному сближению. Принятие недоказанного мундского или дравидийского источника выводит основу из сравнения || Bailey 1924: 138b; Turner I, 350 (6128); KEWA II, 11—12; EWA I, 691—692; Frisk I, 365—366;
23. Sh. Gil. *dut*, gen.sg. *dūtāi* m. 'молоко' [dut- gen. -āi, m., milk] ~ но ср. др.-инд. *dugdhā-* n. 'milk' AV. [√*duh-*]; пали, пракр. *duddha-* n.; формально part. praet. pass. от глагола *dógdhi* 'melkt, melkt heraus, ziet heraus' (глагольный корень доминантного класса) || Bailey 1924: 139a; Turner I, 365 (6391); KEWA II, 66; EWA I, 747—748;
24. Sh. Gil. *dōṇu*, pl. *dōṇe* m. 'бык' [dōṇ-ṭ-ḡ, m., bull], [Buddruss 1996: *dóonei* gen.sg. 'des Ochsen'] ~ др.-инд. *dāntā-* 'tamed' TB, m. 'tamed ox' Rājat.; формально part. praet. pass. от глагола *dāmyati* 'ist zahm; bändig, bezwingt'; греч. δάμνημι 'bändige, bewältige' (глагольный корень доминантного класса) || Bailey 1924: 138b; Turner I, 359 (6273); KEWA II, 33—34, 35; EWA I, 698;
25. Sh. Gil. *nāṭe* m. pl. 'танец' [nāṭe doīkī, dance (nāṭe is m. pl.)] ~ но ср. др.-инд. *nṛttā-* n. 'dancing' AV. [√*nṛt-*]; формально part. praet. pass. от глагола *nṛtyati* 'tanzt' (глагольный корень доминантного класса) || Bailey 1924: 154b; Turner I, 427 (7580); KEWA II, 177—178; EWA II, 21—22;
26. Sh. Gil. *gṛṇ* m. 'запах, аромат' [gṛṇ, m., smell] ~ др.-инд. *gandhāḥ* m. 'запах, аромат, духи'. Индоиранская основа, словообразовательно связана с др.-инд. *dhūmāgandhi-* 'nach Rauch riechend' RV, *sugāndhi-* 'wohlichend' и с иранскими: мл.-авест. *gaiṇti-* f. 'übler Geruch', *duž-gaiṇti* 'übelriechend, stinkend', парф. *gnd'g* 'stinkend', ср.-перс. и нов.-перс. *gand* 'Ges-tank'. Др.-инд. *-dh-* может быть получен из глагольного презентного детерминанта || Bailey 1924: 141; Turner I, 214—215 (4014); KEWA I, 322; EWA I, 461—462;
27. Sh. Gil. *phīlīji*, gen.sg. *phīlījē*, pl. *phīlījye*, gen. *phīlījyo* f. 'муравей' [phīlīl-ī -yē -yēi -yo, f., ant] ~ но ср. др.-инд. *pipīlā-* m. 'ant' RV, °*laka-* m. 'large black ant' ChUp., *pipīlikā-* f. 'small red ant' AV., *pīlaka-* m. 'ant' lex.; **pipīlā-*, **pippīlā-*, **pīppīlā-*, **pīppīḍa-*, **pīlīlā-*. Индоевропейской этимологии нет || Bailey 1924: 157b; Turner I, 463 (8201); KEWA II, 284—285; EWA II, 132—133;
28. Sh. Gil. *bān*, pl. *bāni* m. 'линия на месте соединения сустава, частей ствола бамбука, сахарного тростника' [bān- -i, m., joint in body, in finger or toe (but not phalanx itself), in bamboo, sugarcane, etc.] ~ но ср. др.-инд. *bandhā-* m. 'bond' RV, 'damming' MārKP., 'custody' Mn., 'deposit, pledge' Rājat. Девербатив от глагола *badhnāti* 'bindet', хс. *baitti* 'wird gebunden, bindet sich' (< **badyati*, Konow 1941: 55), который, по-видимому, относится к I (доминантному) классу. Конечная акцентровка основы в ведийском объясняется доминант-

- ным характером суффикса (тематического гласного) девербатива || Bailey 1924: 131a; Turner I, 515 (9136); KEWA II, 407, 406; EWA II, 208; Pok. 127;
29. Sh. Gil. *mūñ*, pl. *mūñē* f. ‘чечевица’ [mūñ -ē, f., lentils] ~ др.-инд. *mudgā-* m. ‘the bean Phaseolus mungo’ VS.; пали, пракр. *mugga-* m. ‘Phaseolus mungo’; La. *muñg*. Возможно др.-инд. *mudgā-* < **muzgā-*, как это предлагается для др.-инд. *mudgaraḥ* m. ‘Hammer’ сравнением с чеш. *možditi* ‘zerschlagen’ (соответственно: русск. *можжѣть* или *можжѣть* ‘бить или толочь до раздробления, плющить, разнимать боемъ или раскатомъ’ (Даль); схрв. *можди-ти*, *-дѣм* ‘давить, мять (виноград). В этом случае допустимо сближение с слав. **mozgъ* а.п. *d* [OCA 1: 230–233] || Bailey 1924: 153b; Turner I, 588 (10198); KEWA II, 653; EWA II, 361;
30. Sh. Gil. *bākū*, gen.sg. *bākēi*, pl. *bākē*, gen. *bāko* m. ‘ветвь’ [bāk-ū-ē-ēi-o, m., branch] ~ др.-инд. *valkā-* m. ‘bark of a tree’, ‘лыко’ TS.; пракр. *vakka-* n. ‘skin, bark’. Связывают со слав. **volkno* n. (а.п. *b*) || Bailey 1924: 131a; Turner I, 666 (11417); KEWA III, 164; EWA II, 525–526;
31. Sh. Gil. *bīṣ* m. ‘яд, отравя; аконит’ [bīṣ, m., poison], [Turn.: Sh. *bīṣ* m. ‘poison, aconite’] ~ др.-инд. *viṣā-* n. ‘poison’ RV, ‘ein Aconitum’; пали, пракр. *visa-* n. (пракр. также m.); авест. *viš-* n. ‘Gift, Giftsaff’, *viša-* n. ‘Gift’ (Bartholomae 1961: 1472); греч. *ῥός* m. ‘яд; сок’; лат. *vīrus*, *-ī* n. ‘zähe Flüssigkeit, Schleim, Saft; bes. Gift; Schärfe, Bitterkeit’; слав. *vъxъ* ‘ядовитая трава’ (русск. *вѣх*, укр. зап.-укр. *вещь*; польск. диал. [šwinia] *wesz*, чеш. диал. [svinská] *veš*; чередование согласных отражает третью палатализацию заднеязычных). В сближении наблюдается контаминация нескольких основ. Выделяются др.-инд. *visā-* n. ‘aconite, poison’; авест. *viš-* n. ‘Gift, Giftsaff’; слав. *vъxъ* ‘ядовитая трава’. К этому ряду, по-видимому, относится и Sh. Gil. *bīṣ* m. ‘яд, отравя; аконит’, первичность его баритонезы подтверждается баритонезой славянского соответствия. Конечное ударение в др.-инд. *visā-* может объясняться или доминантностью суффикса (тематического гласного), или влиянием других участников контаминации || Bailey 1924: 133a; Turner I, 692–693 (11968); KEWA III, 227–228; EWA II, 563–564; WH II, 800; Минлос & Терентьев 2002: 517–539;
32. Sh. Gil. *zūk*, pl. *zūkkē* m. ‘почка (анат.)’ [zūk- -ē, m., kidney] ~ др.-инд. *vrkkā-* m. du. ‘kidneys’

AV., *vr̥kya-* TS., *vr̥kkā-* f. ‘heart’ lex.; **vrakka-*, *bukka-* n. ‘heart’; пали *vakka-* n. ‘kidney’; пракр. *wūk*, *uwūk* || Bailey 1924: 169b; Turner I, 698 (12064); KEWA III, 241–242; EWA II, 571–572.

Таким образом, в ведийском мы наблюдаем, по-видимому, второй этап процесса передвижения акцента на ровных тональных платформах. В моем докладе на XIII съезде славистов [Дыбо 2003] я предложил для объяснения перевода тематических имен индоевропейской подвижной акцентной парадигмы в греко-арийскую окситонированную передвижение акцента на один слог вперед, это передвижение произошло и в греческом, и в древнеиндийском, оно естественно произошло на низкотональных платформах; ведийский, по-видимому, продолжил тенденцию сдвига акцента на конец ровной платформы, перенеся этот процесс на высокотональные платформы. В атематических основах, по-видимому, именно эти передвижения привели к видимости (иллюзии) четырех греко-арийских акцентных типов, которые восстанавливаются рядом исследователей как индоевропейские акростатическая, протеродинамическая, гистеродинамическая и амфидинамическая акцентные парадигмы.

Существенно, что тот реликт индоевропейской акцентной системы, которые наблюдаются в иранских языках — обследованная мною акцентная система языка пушту — также указывает на систему, более близкую к реконструируемой для балто-славянского и германского, что еще больше убеждает во вторичном характере ситуации в ведийском (см. Дыбо 1974).

Все сказанное выше основано на предложенной мною тонологической гипотезе происхождения индоевропейской акцентной системы. В сущности для балто-славянского эта гипотеза может уже считаться доказанной: подвижность акцента в акцентной парадигме, выбор акцентных типов производных, система метатонии. Протогерманская акцентная система в проясняемых частях хорошо согласуется с балто-славянской и получает доказанные данные для объяснения ряда особенностей германского консонантизма. Ведийская и древнегреческая акцентные системы относятся в значительной мере к системам категориального акцента. Но, во-первых, наблюдения над парадигматическими акцентными системами показывают, что они в ходе исторического развития проявляют тенденцию преобразования в категориальные акцентные системы; во-вторых, эти две системы сохраняют следы старого парадигматического со-

стояния в виде двух акцентных типов непроемных имен, генетически тождественных (по распределению) двум типам акцентных парадигм балто-славянского. В греческом имена баритонированного акцентного типа соответствуют балто-славянским именам баритонной акцентной парадигмы (в славянском а.п. *a* и а.п. *b*), а имена окситонированного акцентного типа (в основном тематические) соответствуют балто-славянским именам подвижной акцентной парадигмы (в греческом подвижность акцента устранена еще на греко-арийском уровне посредством сдвижки акцента в формах-энклименах на тематический гласный; вместе с акцентом на стянувшихся с тематическим гласным доминантных окончаниях передвинутый акцент образовал акцентную колонку окситонной колонной акцентной парадигмы). В ведийском баритонная акцентная парадигма расщепилась: имена с доминантным корнем и с обычным рецессивным тематическим гласным сохранились как баритонированный акцентный тип (с неподвижным накоренным ударением), имена с доминантным корнем и с доминантным тематическим гласным передвинули акцент на тематический гласный, образовав группу окситонированных имен, которые совпали с именами бывшей индоевропейской подвижной акцентной парадигмы, в греко-арийском преобразованной в окситонированную колонную. Что же представляет собой этот *доминантный тематический гласный*? Впервые мы встретились с ним при анализе суффикса **-āk-* (см. [Дыбо 1981: 259; подробнее Дыбо 2009: 58–59], при этом, конечно, были рассмотрены все *-k*-суффиксы и установлено, что «метатония» (как собственно метатония, так и просто преобразование рецессивного адъективного суффикса вместе с его соединительным гласным в доминантный субстантивный) не связана с консонантной частью суффикса и лишь относительно связана с соединительным гласным: при долготном гласном акут преобразуется в циркумфлекс, при кратком появляется лишь доминантность. То, что эту «метатонию» можно связать лишь с тематическим гласным показывает феномен герм. **frōdaz* < **frōpās* adj. ‘klug, weise’ ~ лит. *prōtas* (2) subst. ‘ум, разум, рассудок’. Обе основы — девербативы. Но одна (германская) — адъективный девербатив, другая (балтийская) — субстантивный девербатив.

На следующем этапе С. Л. Николаев установил подобный же механизм в отглагольном словообразовании. Основы с суфф. *-to-* можно оценивать двояко: и как отглагольные образования, и как образования от страдательных причастий (отглагольных прилагательных); но образования с суфф.

-dlo-/tlo-* — это уже чисто отглагольные субстантивы. Таким образом доминантный тематический гласный обычно применялся в образовании субстантивных девербативов, являясь суффиксом этих девербативов или входя в состав суффиксов, служивших для образования отглагольных субстантивов. В приводимом выше материале из шина мы имеем некоторый набор таких суффиксов: *-tra-* (= **-dlo-/tlo-*), *-ra-* (= **-ro-/lo-*), *-ya-* (= **-jo-*), *-sa-*. Доминантность трех (-dlo-/tlo-*, **-ro-/lo-*, **-jo-*) подтверждается балто-славянским. Относительно **-dlo-/tlo-*, см. Николаев 1989: 47–56; Дыбо 2009: 27–30 (о поведении этого суффикса в ведийском см. анализ Николаева в ОСА 1: 59–63); относительно именного суффикса **-jo-*, ср. слав. **kljūčjb*, gen.sg. **kljūčja* > **ključjā* а.п. *b* (ср. лит. *kliauti* ‘гнуть’; лтш. *klāūt* ‘наклонять, прижимать’; греч. κληῖς, дор. κλαῖς ‘ключ’; лат. *clāvus* ‘гвоздь’, *clāvis* ‘ключ’); слав. *lūčjb*, gen.sg. **lūčja* > **lučjā* а.п. *b* (ср. др.-инд. *rokāḥ* ‘свет’; герм. **lauzaz* < **lauxás* m. ‘flame’, ‘пламя’⁴); слав. *měčjb*, gen.sg. *měčja* > *měčjā*. (ср. лит. *minkyti* ‘мять, месить’; лтш. *mīkt* ‘размягчаться’).

Естественно, подобную ситуацию можно ожидать и в глагольной системе древнеиндийского. Суффикс *-ya-* (< **-jo-/je-*) по данным балто-славянского доминантный⁵. Это, по-видимому означает, что в ведийском при доминантном корне основа фонетически закономерно должна была иметь ударение на суффиксе *-ya-*, при рецессивном корне ударение должно было остаться на корне, см. выше схему С. Л. Николаева. Причина, почему ударение при рецессивном корне остается на корне, а не сдвигается на доминантный суффикс, подробно изложена мною в [Дыбо 2003: 150–153].

Шина, по-видимому, хорошо соответствует предлагаемой схеме. Так как в прадрардском передвижения акцента на ровных высоких платформах не происходило, все презенсы с суффиксом *-ya-* показывают накоренное ударение. Это же относится и к презенсу пассива. Вот пояснение Т. Г. Бейли

⁴ Ср. реликтовое различие в германском *nomina activa*: **lauzaz* < **lauxás* m. ‘flame’ (др.-исл. *leygr* ‘flame, fire’; др.-англ. *līz* ‘flame, lightning’, др.-фриз. *loga* ‘flame, fire’; др.-в.-нем. *loug* id.) и *nomina passiva*: **lauzaz* < **lauxas* m. ‘open space, meadow’ (др.-исл. *ló* ‘clearing (in the woods), meadow’; др.-англ. *lēah* ‘meadow, open space’; ср.-н.-нем. *lo* ‘bush’, др.-в.-нем. *lōh* ‘grove, bush’; ср. лит. диал. **laukas* (2) ‘луг’ [Иллич-Свитыч 1963: 34–35])

⁵ См. ОСА: 64, основы на шумные. В рецессивных основах на сонант (ОСА: 62–63) *-j-* элемент либо является частью корня (*лити*, *пити*), либо вторично появляется по аналогии (*жевати*, *клевати*, *сновати*), см. подробно Дыбо 2000: 227–303, 377–396.

об образовании форм пассива и его спряжении: «The passive is formed by adding *-izh* to the root of the active and conjugating like a verb of the 2nd conj.» (Bailey 1924: 29). Последнее замечание означает, что ударение остается на корне, но при краткости слога корня (так же как и при двусложности основы имени) ударение передвигается на следующий слог основы (т. е. на *-izh*-). Формант пассива *-izh*, по-видимому, восходит к *-ya*-.

Глаголы с основами на *-ya*- и их отражение в шина

а) В ведийском ударение на корне (традиционный IV класс):

1. Sh. Gil. *bīlīzhēi* ‘тает’ [bīli-izhōikī-ī’ zhēi-ā’ dū II melt (intr.)] (Radl. II, 61: bilaáj-am ‘I will melt’) ~ др.-инд. *vīlīyate* и *vīlīyate* AV. ‘löst sich auf’ (так KEWA III, 102 sub v. *lināti*, что неправильно, так как это и.-е. $\sqrt{*lēi}$ -). В EWA II, 474—475 sub \sqrt{LAY} ‘sich schmiegen, anhaften’, что также неверно, так как указанный Майрхофером корень — это и.-е. $\sqrt{*leiH}$ -. Для ударения ср. также бесприставочный глагол: др.-инд. *rīyate* (относительно значения — вот подборка примеров с ним из Ригведы с переводом Т. Я. Елизаренковой: I, 85₃ *ānu rīyate ghṛtām* «жир струится (вслед за ними на (их) пути)»; I, 30₂ *ninnānā ná rīyate* «стекает, как (река), в низину»; X 53₃: *ásmanvatī rīyate* «течет каменная (река)»; X 40₉: *rīyante ...sindhavo* «текут реки, (словно в низину,)»); с приставкой *vi-* этот *-ya*-глагол естественно получает значение ‘растекается’. Turner I, 688 приводит др.-инд. форму **virīyate* ‘is melted’ (11862), она, по-видимому, не зафиксирована в ведийской литературе, но пракр. *virāi* intr. ‘melts’; M.(araṭhī) *virṇē* intr. ‘to melt’; Si.(nhalese) *virenavā*, *virīyannavā* ‘to become liquid, melt’ и др. Т. Гото (Gotō 1987: 279) пытается установить преобразование презентной основы *-laya-* в *-līya-*, но этот процесс по его материалам, по-видимому, относительно поздний и к AV. он отношения не имеет. Авторы LIV², выделяя особый \sqrt{li} -, связывают его с греч. $\lambda\acute{\iota}\alpha\zeta\omicron\mu\alpha\iota$ и $\lambda\acute{\iota}\nu\alpha\mu\alpha\iota$ · $\tau\rho\acute{\epsilon}\rho\omicron\mu\alpha\iota$ (Hes.) и с герм. **linnan* — интересные гипотезы с недостаточной аргументацией; последняя не нова (новое только то, что R. Lühf заменила *nn-* < **-nц-* на *-nn-* < **-nH-*, что, впрочем, не может считаться абсолютной истиной — это лишь модная игра с ларингалами). Всего этого недостаточно, чтобы отбросить традиционное этимологическое решение Вальде.

По мнению в Kulikov 2001, 2011 (с предш. лит.), синхронно следует различать два древнеиндийских корня вида *Lī*: 1 ‘растворяться, плавиться’ (в ведийских текстах отмечен только с приставками *vi-* и *pra-*: *vī-līyate*, *prá-līyate*), 2 ‘прилегать, примыкать, прилепляться’. К первому корню с префиксом *vi-* относятся и диалектные формы с *r* вместо *l*: пракр. *virāi* intr. ‘melts’; M.(araṭhī) *virṇē* intr. ‘to melt’; Si.(nhalese) *virenavā*, *virīyannavā* ‘to become liquid, melt’ и др., см. Turner I, 688 (11862, sub **virīyatē* ‘is melted’). Как этимологически соотносятся эти корни с ведийским корнем *Rī* (*rīyate*) ‘течь’ (по мнению Л. И. Куликова, основанному прежде всего на попытке сомнительной внешней этимологии Майрхофера, повторяемой под вопросом в LIV²: 305, значение восходит через ‘стремительно течь’ к ‘мчаться’), для автора не вполне ясно, но семантическая связь с приставочным глаголом ‘таять’ вполне реальна: все встречаемости в RV относятся к жидкости — воде, жиру; ср. также развитие слав. *тек-* (укр *тикати* ‘бежать’ и под.); неразличение же в пра-индоиранском рефлексов ПИЕ **l* и **r* пока ни в одной реконструкции не отмечено || Bailey 1924: 133a; Turner I, 690 (11906); KEWA III, 102; EWA II, 474—475; Dybo 2002: 371—372, ср. LIV²: 406; Gotō 1987: 279; Kulikov 2001; 2011;

2. Sh. Gil. *dāzhēi* ‘горит (дрова и т. п.)’ [dazhōikī dāzhē dādū, II, v. intr., burn (wood, etc.)] ~ др.-инд. *dāhyate* RVKh.² ‘to be burnt’. См. ниже во второй части списка о др.-инд. дублете *dahyāte* || Bailey 1924: 138a; Turner I, 362 (6325 Sh. отсутствует); Kulikov 2001; 2011;
3. Sh. Gil. *dīzhēi* ‘падает’ [dīzhōikī dīzham dītūs (ī in dītūs is ī long), II, fall] ~ др.-инд. *dīyati* ‘летит’ || Bailey 1924: 138b; Turner I, 364 (6364); Werba 1997: 295;
4. Sh. Gil. *nāshēi* ‘потерян’ [nashōikī nāsham naṭūs, II, be lost] ~ др.-инд. *nāsyati* ‘исчезает, теряется, гибнет’ || Bailey 1924: 154b; Turner I, 403 (7027);
5. Sh. Gil. *pārūzhej* ‘слышит, слушает’ [pārūzhōikī -ū’ zham -ū’ dūs, II, hear, understand] (Radl. II, 61: parūj-am ‘I will hear’) ~ др.-инд. **paribudhyate*, для ударения ср. бесприставочный глагол: др.-инд. *būdhyate* ‘воспринимает, понимает’ || Bailey 1924: 156a; Turner I, 443 (7848);
6. Sh. Gil. *pāshēi* ‘видит, смотрит’ [pashōikī pāsham pashī’ gas, II 1 ac., see] ~ др.-инд. *pāsyati*

'sees' RV. [√paś-] || Bailey 1924: 156b; Turner I, 452 (8012);

7. Sh. Gil. *śómēi* 'он утомлѐн' [ʃom-óikṅ -qm -í'lūs, be tired], [Bailey 1924: 46: śō'mam, к инфинитиву śomóikṅ, get tired, к этому же инфинитиву приписаны и каузативные формы презенса] ~ др.-инд. *śrámyati* 'устал, утомлѐн' || Bailey 1924: 163a; Turner I, 736 (12693);
8. Sh. Gil. *shúshēi* 'сохнет' [shushóikṅ shūshēi shūkṅ, II, become dry], ~ др.-инд. *súśyati* 'сохнет' || Bailey 1924: 162a; Turner I, 728 (12559).

б) В ведийском ударение на суффиксе (традиционный пассив):

1. Sh. Gil. *avāzheṅ* 'необходимо, желательно' [avā-zhóikṅ-zhēi-dū or -zhīlu, be proper or necessary or advisable, necessary, ought: II]; *avāzhoikṅ* 'to be proper or necessary or advisable' ~ др.-инд. *ābadhyate*, но возможно, *āpadyate* < **ābādhyate*; для ударения ср. бесприставочный глагол: др.-инд. *badhyāte* 'он связан'; || Bailey 1924: 130a; Turner I, 55 (1221);
2. Sh. Gil. *bāzheṅ* 'замерзает'; [bāzhóikṅ -bā-zhēi bā'dū, II, freeze (used with gāmuk, ice: g. bādū, it became ice) *bāzhoikṅ* '(of water) to freeze' ~ др.-инд. *badhyāte* 'is bound', 'он связан' (ср. пали *bajjhati* 'он связан, поражѐн', пракр. *bajjhāi*); || Bailey 1924: 132b; Turner I, 515 (9134);
3. Sh. Gil. *būrīzheṅ* 'клонится, опускается к горизонту (о луне, звѐздах), погружается в воду'; [būr-izhóikṅ-īzhēi-ī'lūs (ī long), -ī'dūs, II, sink, set (of sun, moon, stars) also sink in water, etc.; *būrōikṅ* 'to make sink' [būrōikṅ, I, cause to sink (in water, etc.)] ~ др.-инд. **buḍyate* (causat. **boḍayati*, санскр. lex. *bolayati*); пракр. *buḍḍai* 'sinks', *buḍḍa* 'sunk' || Bailey 1924: 134a; Turner I, 524 (9272);
4. Sh. Gil. *chījēi* 'он порван, разорван', 'быть отделѐнным' [chījóikṅ chī'-jam-dū, II, be separated: see *chūzhóikṅ*]; *chījōikṅ* 'to be separated' ~ др.-инд. *chidyate* 'is cut, is split', пали *chijjati*, пракр. *chijjai* || Bailey 1924: 135b; Turner I, 276—277 (5042);
5. Sh. Gil. *dāzheṅ* 'горит'; [dāzhóikṅ dāzheṅ dādū, II, v. intr. burn (wood, etc.)] ~ др.-инд. *dahyāte* 'горит, сжигаем' (*dahyāte* TS¹, MS-KS¹, ŚB⁴). См. ниже во второй части списка о др.-инд. дублете *dāhyāte* || Bailey 1924: 138a; Turner I, 357 (6248); Куликов 2001; 2011;
6. Sh. Gil. *mirīēi* 'умирает' (автоматический сдвиг в шина в двусложных основах с начального краткого на следующий слог, см. выше);

[miróikṅ mirī'am mūūs, to die] (Radl. II, 61: mirī-am 'I will die') ~ др.-инд. *mriyāte* 'умирает'⁶, пали *miyyati*, *mīyati*, пракр. *mijjai*; || Bailey 1924: 152b; Turner I, 599 (10383);

7. Sh. Gil. *mīśīzheṅ* (автоматический сдвиг в шина в двусложных основах с начального краткого на следующий слог, см. выше) — пассив от *mīś-óikṅ*. [mīśizhóikṅ, mīśī'zham mīśī'lūs or mīśī'dūs, II, be mixed or associated (int. of next word)] Глагол *mīśōikṅ* < др.-инд. *mīśrayati* 'mixes' KātyŚS., образованного от adj. *mīśrā* 'mixed' RV. (ударение ясно: корень доминантный, суффикс -ra- также доминантный, как показано в именном разделе), к этому глаголу был подстроен пассив **mīśryate*, который дал в пра-шина **mīśīzheṅ*, со сдвигом ударения на второй слог основы получилось *mīśīzheṅ* || Bailey 1924: 153a; Turner I, 583 (10137);
8. Sh. Gil. *rāzēi* 'is cooked', past part. *rādū* [razhóikṅ, rāzheṅ, rādū, II, be cooked (in pot)] < Sk. **radhyate* 'is softened' (act. *radhyatu* 'let him subdue' AV.), *raddhāḥ* 'subdued' RV. [Cf. *randhi* imper. 'subdue', *radham* inj. 'may I submit', *radhrā* 'weak' RV, *randhayati* 'cooks' MānGS. — √RANDH] || Bailey 1924: 159a; Turner Nep. 532a; Turner I, 614 (10611).

Сходство IV класса глаголов с ведийским пассивом давно обратило на себя внимание: формы страдательного залога отличаются от среднего залога в IV классе только своим насуффиксальным ударением. Исходя из нулевой ступени корневого слога, характерной для глаголов IV класса, обычно считают, что IV класс первоначально имел ударение на суффиксе. Но это лишь предрассудок, связанный с верой в то, что место ударения непосредственно определяется степенью абляута. В действительности в определенной мере связь между степенью абляута и местом ударения обнаруживается лишь в системе глагола, что, с моей точки зрения, свидетельствует о ее вторичности, а ударение IV класса можно рассматривать в какой-то степени как архаизм.

⁶ Л. И. Куликов полагает, что эта форма получает насуффиксальное ударение (так же как формы *dhriyāte* и *driyāte*) вследствие фонетического правила **fīa* > **fīá* (см. Kulikov 1997). Это правило нужно ему, чтобы объяснить безвариантное насуффиксальное ударение в явно семантически пассивных формах. Замечу, что при принятии предположения об этимологическом, ранее фонологически обусловленном месте ударения, высказанного в начале настоящей заметки, такое правило оказывается ненужным.

Таким образом, система языка шина как бы отражает ситуацию в индоарийском до ведийского сдвига ударения на высокотональных платформах. Но в ведийском могло быть положение, при кото-

ром в порядке СṽСṽСṽ отсутствовала определенность в месте акцента, в отличие от порядка СṽСṽ#, что могло отразиться в наличии акцентуационных дублетов.

Leonid Kulikov

Leiden University / Institute of Linguistics (Moscow)

Reply to replies

Replies of V. Dybo and A. Kassian offer a number of interesting historical observations, placing the issue of the history of the main accentual type of *-ya*-present in a new perspective. I will not enter here into a general discussion of the comparability of evidence provided by Balto-Slavic accent and Vedic verbal accentuation, which represents quite an intricate issue on its own, but goes far beyond the scope of the current discussion. Rather, I will confine myself to a few more specific remarks on the data and their interpretation provided by the discussants.

As rightly noticed by A.K., the explanation of several subgroupings within the system of the *-ya*-presents in Vedic (largely) based on Kuryłowicz's analogical scenarios is not free from complications and several back and forth developments in the accentual history of the *-ya*-formations. Putting the accentual patterns in direct connections with the tonal schemes of the morphemic sequences in accordance with their accentual types (dominant/recessive) may, at first glance, spare some of such 'redundant' changes of my scenario (as outlined by A.K.).

Yet, this alternative explanation is not free from heavy problems either, while the lack of comparative evidence, quite unfortunately, makes this analysis less falsifiable than the (more traditional) explanation.

Let us take a closer look at the rule that forms the core of Dybo's tonal theory of the genesis of the Vedic accentuation as applied to the accent patterns of the *-ya*-presents (see p. 207): (i) the *-ya*-presents derived from the roots of the dominant tonal type should bear the accent on the suffix, whilst (ii) the *-ya*-presents derived from the roots of the recessive type should have the accent on the root. How could then this purely phonological distribution be dephonologized, so that, ultimately, the place of accentuation becomes conditioned

by the semantic types of *-ya*-presents? Developing the basic idea of V.D. and A.K., one might assume the following historical scenario: (I) a certain (semantically influential?) group of the *-ya*-presents of the former type (dominant roots = accent on the suffix) were mostly used as passives and therefore have formed the core group of the *-yá*-passives, whereas (II) a certain (semantically influential?) group of the *-ya*-presents of the latter type (recessive roots = accent on the root) mostly occurred in non-passive usages and therefore have given rise to the Old Indian 'class IV' presents, i.e. to the non-passive *-ya*-presents with the root accentuation. Subsequently, the first group attracted those *-ya*-passives which, by virtue of the tonal type of the root morpheme (recessive) had accent on the root (with the concomitant accent shift from the root to the suffix, in analogy with the core members of the class: $*\sqrt{-ya-} > \sqrt{-yá-}$), while in another class we expect the opposite development: non-passive *-ya*-presents with the root accentuation attracted other non-passive *-ya*-presents that had accent on the suffix, with the concomitant accent shift from the suffix to the root, in analogy with the core members of the class: $*\sqrt{-yá-} > \sqrt{-ya-}$.

Unfortunately, as noticed by A.K. (p. 199), the Balto-Slavic material furnishes as few as two reliable cognates of the Vedic *-ya*-presents that can be used for the reconstruction of the original tonal pattern of the Vedic stems. One of them, Slav. **topiti* 'warm, make warm' (the exact cognate of the Vedic causative *tāpáyati* id.) must testify to the dominant type of the root, which, in accordance with Dybo's rule, should result in Vedic suffix accentuation *tapyáte* 'heats; suffers'. This accentuation is attested from the Atharvaveda onwards, alongside with the root accentuation *tápyate*, which is met with, in particular, in the Yajurvedic mantras; see p. 190 above. Another direct com-

parison is Slav. **dbr-ati* (~ Ved. *dīryāte* ‘cracks’), with a recessive root, which should point to the root accentuation (*dīryate*, attested in the Taittirīya- and Maitrāyaṇī Saṃhitās of the Yajurveda, alongside with the suffix accentuation *dīryāte* found in the Śatapatha-Brāhmaṇa). Obviously, evidence is too scant for any decisive conclusion — however attractive the tonal hypothesis might appear for the explanation of the initial split of one single type into two accentual classes.

More substantial evidence for hypothesizing about the original accentuation of the (Old) Indo-Aryan *-ya*-presents is, allegedly, provided by the Dardic language Shina, which, according to V.D., preserves the original accentuation (on the root) in the cognates of all *-ya*-presents, irrespectively of the accentuation in Vedic. The question on whether we can reduce all *-ya*-presents to a single accentual system on the basis of evidence from Dardic remains open, however (see A.K.’s objections, p. 199).

Furthermore, the presentation of the Vedic material on p. 208–209 is not free from inaccuracies or unlikely assumptions. Thus, there are no good reasons to trace two homonymous (albeit perhaps genetically related) roots *lī*, ‘cling, adhere’ and ‘dissolve’, and the root *rī* (which, as Praust (2000) has demonstrated, has the meaning ‘whirl, swirl’, not merely ‘flow’) to the same historical source. Notice that *lī* ‘disappear, dissolve’ (as of salt in water) normally refers to a solid substance that becomes liquid; by contrast, *rī* can only be constructed with the subject of a liquid.

Problematic is the comparison of Sh. Gil. *pārūzhei* ‘hears, listens’ [‘слышит, слушает’] with *būdhyate*, which originally could only mean ‘awakens’; the mean-

ing ‘perceives, notices’ must represent inner Vedic development.

Sh. Gil. *rāzēi* ‘is cooked’ etc. is compared to the non-existent Sanskrit form **radhyate* ‘is softened’; its reconstruction on the basis of act. *rādhyatu* ‘let (him) subdue, be subject’ AV etc. is implausible: these two meanings can hardly be reconciled with each other.

Positing such a monstrous form as the alleged passive **miśryate*¹ (‘is mixed?’) is based on mere misunderstanding: *miśrayati* ‘mixes’ is a late Vedic (from the Sūtras onwards) denominative derived from the adjective *miśrā-* ‘mixed, mingled’. Passives based on denominatives are very late and by no means could exist in early Vedic, let alone in Proto-Indo-Iranian.

Last but not least, the prevalence of non-passives in the list of Shina verbs is remarkable and considerably weakens V.D.’s hypothesis.

Notice also the amazing parallelism between the accent shift from the first short syllable to the second (suffixal) syllable and the accent shift² from the root to suffix in *-ya*-presents made from the roots of the type *Cṛ*, as in *mriyāte* ‘dies’ < **mṛ-īa-te*,³ which I discussed elsewhere (Kulikov 1997).

To conclude, accentuation in Shina, however archaic it might be, can hardly corroborate our hypotheses on the original accentual patterns in of the Vedic *-ya*-presents.

¹ Such form is hardly possible by virtue of the rules of Sanskrit phonetics; a more probable structure would be perhaps **miśriyate*.

² Discarded by V.D. with no good reasons; see p. 209, fn. 6.

³ Notice that this is the only type of *-ya*-stems, where the root syllable is short, i.e. has a short vowel and is open.

Abbreviations

AB	Aitareya-Brāhmaṇa	[X] ^P	prose part of the text [X]
AV(Ś)	Atharvaveda (Śaunakīya recension)	Pāṇ.	Pāṇini (Aṣṭādhyāyī)
BĀU(K)	Bṛhad-Āraṇyaka-Upaniṣad (Kāṇva recension)	PB	Pañcaviṃśa-Brāhmaṇa (= Tāṇḍyamahā-Brāhmaṇa)
BĀUM	Bṛhad-Āraṇyaka-Upaniṣad, Mādhyandina recension	RV	Ṛgveda
Br.	Brāhmaṇa(s)	RVKh.	Ṛgveda-Khilāni
ChUp	Chāndogya-Upaniṣad	Sh. Gil.	Shina, Gilgit dialect
DhP	Dhātupāṭha	ŚBK	Śatapatha-Brāhmaṇa, Kāṇva recension
KaṭhĀ	Kaṭha-Āraṇyaka	ŚB(M)	Śatapatha-Brāhmaṇa (Mādhyandina recension)
KātyŚS	Kātyāyana-Śrauta-Sūtra	TĀ	Taittirīya-Āraṇyaka
KS	Kāṭhaka(-Saṃhitā)	TB	Taittirīya-Brāhmaṇa
[X] ^m	mantra part of the text [X]	TS	Taittirīya-Saṃhitā
MānGS	Mānava-Gṛhya-Sūtra	VS(M)	Vājasaneyi-Saṃhitā (Mādhyandina recension)
ManuSmṛ.	Manu-Smṛti (= Mānava-Dharma-Śāstra)	YV	Yajurveda(-Saṃhitā) (= VS(K), MS, KS, KpS, TS)
MBh.	Mahā-Bhārata		
MS	Maitrāyaṇī Saṃhitā		

Literature

- АБАЕВ, В. И. 1958—1995. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. М.—Л. [АБАЕВ, V. I. 1958—1995. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka*. M.—L., 1958—1995.]
- АРКАДЬЕВ, П. М. 2006. Парадигматические классы первичных глаголов в литовском языке. Формальные противопоставления и их семантическая мотивация // *Балто-славянские исследования* 17. Москва. С. 250—294. [АРКАДЬЕВ, P. M. Paradigmaticheskie klassy pervichnykh glagolov v litovskom yazyke. Formal'nye protivopostavleniya i ikh semanticheskaya motivaciya // *Balto-slavyanskije issledovaniya* 17. Moskva. S. 250—294.]
- БЕР = *Български етимологичен речник*. София, 1971—. [Blgarski etimologichen rechnik. Sofiya, 1971—.]
- ДЫБО, В. А. 1972. О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках // *Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12—14 декабря)*. Предварительные материалы. М. С. 38—44. [ДЫБО, V. A. O refleksakh indoevropeskogo udareniya v indoiranskikh yazykakh // *Konferenciya po sravnitel'no-istoricheskoi grammatike indoevropeskikh yazykov (12—14 dekabrya)*. Predvaritel'nye materialy. Moskva. S. 38—44.]
- ДЫБО, В. А. 1974. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. 1: Именная акцентуация // *Балто-славянские исследования*. Москва. С. 67—105. [ДЫБО, V. A. Afganское udarenie i ego znachenie dlya indoevropeskoi i balto-slavyanskoi akcentologii. 1: Imennaya akcentuaciya // *Balto-slavyanskije issledovaniya*. Moskva. S. 67—105.]
- ДЫБО, В. А. 1981. *Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском*. Москва. [ДЫБО, V. A. Slavyanskaya akcentologiya: Opyt rekonstrukcii sistemy akcentnykh paradigim v praslavyanskom. Moskva.]
- ДЫБО, В. А. 1982. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции) // *Балто-славянские исследования* 1981. Москва. С. 205—260. [ДЫБО, V. A. Praslavyanskoe raspredelenie akcentnykh tipov v prezense tematicheskikh glagolov s korniyami na neshumnye (materialy k rekonstrukcii) // *Balto-slavyanskije issledovaniya* 1981. Moskva. S. 205—260.]
- ДЫБО, В. А. 2000. *Морфологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис*. Т. 1. Москва. [ДЫБО, V. A. Morfonologizovannnye paradigmaticheskie akcentnye sistemy. Tipologiya i genezis. T. 1. Moskva.]
- ДЫБО, В. А. 2003. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации*. Москва. С. 131—161. [ДЫБО, V. A. Balto-slavyanskaya akcentologicheskaya rekonstrukciya i indoevropeskaya akcentologiya // *Slavyanskoe yazykoznanie. XIII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Lyublyana, 2003 g. Doklady rossiiskoi delegacii*. Moskva. S. 131—161.]
- ДЫБО, В. А. 2009. Система порождения акцентных типов производных в балто-славянском языке и балто-славянская метатония // *Вопросы языкового родства*, № 2. [ДЫБО, V. A. Sistema porozhdeniya akcentnykh tipov proizvodnykh v balto-slavyanskom prayazyke i balto-slavyanskaya metatoniya // *Journal of Language Relationship*, № 2.]
- ДЫБО, В. А. В печати. *Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии* // В сборнике в честь Дж. И. Эдельман. [ДЫБО, V. A. Drevneindiiskii akcent v dardskom yazyke shina как problema indoevropeskoi akcentologii // To appear in a forthcoming Festschrift for D. I. Edelman.]
- ЗАЛИЗНЯК, А. А. 1985. *От праславянской акцентуации к русской*. Москва. [ZALIZNYAK, A. A. Ot praslavyanskoi akcentuacii k russkoi. Moskva.]
- ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В. М. 1963. *Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентных парадигм*. Москва. [ILLICH-SVITYCH V. M. Imennaya akcentuaciya v baltiiskom i slavyanskom. Sud'ba akcentnykh paradigim. Moskva.]
- ЛУБОЦКИЙ А. 1991. Ведийская именная акцентуация и проблема праиндоевропейских тонов // *Вопросы языкознания*, 1991, №1. С. 20—48. [ЛУБОЦКИЙ А. Vediiskaya imennaya akcentuaciya i problema praindоеvropeskikh tonov // *Voprosy yazykoznanija*, 1991, №1. S. 20—48.]
- МИНЛОС Ф. Р., ТЕРЕНТЬЕВ В. А. 2002. Рус. диал. *вѣх*. Этимология // *Studia linguarum* 3/2. *Memoriae A. A. Korolev dicata*. М.: Languages of Slavonic Culture. P. 517—545. [МИНЛОС F. R., ТЕРЕНТЬЕВ V. A. Rus. dial. *vekh*. Etimologiya // *Studia linguarum* 3/2. *Memoriae A. A. Korolev dicata*. M.: Languages of Slavonic Culture. P. 517—545.]
- НИКОЛАЕВ С. Л. 1989. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки. Балто-славянские соответствия классам греко-арийских суффиксов // *Историческая акцентология и сравни-*

- тельно-исторический метод. Москва. С. 46—109. [NIKOLAEV S. L. Balto-slavyanskaya akcentuacionnaya sistema i ee indoevropskie istoki. Balto-slavyanskije sootvetstviya klassam greko-ariiskikh suffiksov // *Istoricheskaya akcentologiya i sravnitel'no-istoricheskii metod*. Moskva. S. 46—109.]
- НИКОЛАЕВ С. Л., СТАРОСТИН С. А. 1978. Некоторые соответствия индоевропейских долгот и ударений // *Конференция «Проблемы реконструкции»*. 23—25 октября 1978 г. Тезисы докладов. Москва. С. 114—119. [NIKOLAEV S. L., STAROSTIN S. A. Nekotorye sootvetstviya indoevropskikh dolgot i udarenii // *Konferenciya «Problemy rekonstrukcii»*. 23—25 oktyabrya 1978 g. Tezisy dokladov. Moskva. S. 114—119.]
- ОСА = ДЫБО В. А., ЗАМЯТИНА Г. И., НИКОЛАЕВ С. Л. 1990. *Основы славянской акцентологии*. Москва. [DYBO V. A., ZAMYATINA G. I., NIKOLAEV S. L. 1990. *Osnovy slavyanskoi akcentologii*. Moskva.]
- ОСА 1 = ДЫБО В. А., ЗАМЯТИНА Г. И., НИКОЛАЕВ С. Л. 1993. *Основы славянской акцентологии. Словарь*. Вып. 1: *Непроизводные основы мужского рода*. Москва. [DYBO V. A., ZAMYATINA G. I., NIKOLAEV S. L. 1993. *Osnovy slavyanskoi akcentologii. Slovar'*. Вып. 1: *Neproizvodnye osnovy muzhskogo roda*. Moskva.]
- BAILEY, T. G. 1924. *Grammar of the Shina (Ṣiṇā) language*. London.
- BARBER Ch. C. 1932. *Die vorgeschichtliche Betonung der Germanischen Substantiva und Adjektiva*. Heidelberg.
- BARTON, Charles R. 1989. PIE. *mer-, Arm. meṛanim 'die' // *IF* 94: 135–157.
- BEEKES, Robert S. P. 1999. Rev. of: Hoffmann/Forssmann 1996 [*Avestische Laut- und Flexionlehre*] // *Kratylos* 44: 62–71.
- BENFEY, Theodor. 1865. Rev. of: Miklosich, F. *Die Verba impersonalia im Slavischen*. Wien, 1865 // *GGA*, Jg. 1865, St. 45: 1778–1792. [= *Kl.Schr.* II, 137–148].
- BENFEY, Theodor. 1866. Ueber *ri*, *ri* und *li* // *Orient und Occident* 3: 1–77, 193–256.
- BLOOMFIELD, Maurice. 1895. On assimilation and adaptation in congeneric classes of words // *American Journal of Philology* 16 (4) [= No. 64]: 409–434.
- BODEWITZ, Hendrik W. 1973. *Jaiminīya Brāhmaṇa I*, 1–65. *Translation and commentary: with a study. Agnihotra and Prāṇāgnihotra*. Leiden: Brill. (*Orientalia Rheno-Traiectina* 17).
- BRUGMANN, Karl. 1902. *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Strassburg: Trübner.
- BRUGMANN, Karl. 1916 [Grundr.²]. *Vergleichende Laut, Stammbildungs- und Flexionslehre nebst Lehre vom Gebrauch der Wortformen der indogermanischen Sprachen*. Zweite Bearbeitung. Bd. II: *Lehre von den Wortformen und ihrem Gebrauch*. Th. 2. Berlin und Leipzig: de Gruyter.
- BUDDRUS G. 1996. *Shina-Rätsel* // D. B. KAPP (ed.). *Nānāvidhaikatā: Festschrift für Hermann Berger*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. S. 29–54.
- COMRIE, Bernard. 1985. Causative verb-formation and other verb-deriving morphology // Th. SHOPEN (ed.), *Language typology and syntactic description*. Vol. III: *Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 301–348.
- DELBRÜCK, Berthold. 1874. *Das altindische Verbum aus den Hymnen des Ṛgveda seinem Baue nach dargestellt*. Halle a.S.: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses.
- DELBRÜCK, Berthold. 1897. *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*. 3 Theile. Strassburg: Trübner.
- DIELS, Paul. 1913. Über das indogermanische Passivum // *Jahresberichte der Schlesischen Gesellschaft für Vaterländische Cultur* 91 (IV. Abt. *Orientalisch- Sprachwissenschaftliche Sektion*): 1–8.
- DYBO, V. A. 2002. Balto-Slavic Accentology and Winter's Law // *Studia linguarum*. 3/2, Moscow. P. 295–515.
- ETTER, Annemarie. 1985. *Die Fragesätze im Ṛgveda*. Berlin — New York: de Gruyter.
- EWA = MAYRHOFER, M. 1992–2001. *Etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, I–III. Heidelberg.
- FEIST, S. 1939. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*. Leiden.
- FRAENKEL E. 1955. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Franck & van Wijk = WIJK, N. van. 1949. *Franck's etymologisch woordenboek der Nederlandsche taal*. Gravenhage.
- FRISK H. 1960–1972. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. 3 Bde. Heidelberg.
- FROEHDE, F. 1881. Der lateinische ablaut. II // *BB* 6: 161–195.
- GONDA, Jan. 1951. *Remarks on the Sanskrit passive*. Leiden: Brill.
- GONDA, Jan. 1959. *Stylistic repetition in the Veda*. Amsterdam: Noord-Hollandsche Uitgeversmaatschappij.
- GONDA, Jan. 1971. *Old Indian*. Leiden: Brill. (*Handbuch der Orientalistik*. 2. Abt. 1. Band. 1. Abschnitt).
- GOTŌ, Toshifumi. 1987. *Die "I. Präsensklasse" im Vedischen. Untersuchung der vollstufigen thematischen Wurzelpräsentia*. Wien.

- GÜNTERT, Herman. 1914. *Über Reimwortbildungen im Arischen und Griechischen. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung*. Heidelberg: Winter. (*Indogermanische Bibliothek*. III. Abt.: *Untersuchungen*; Bd. 1).
- GÜNTERT, Herman. 1927. Kleine Beiträge zur griechischen Wortkunde // *IF* 45. S. 345–347.
- HARTMANN, Hans. 1954. *Das Passiv. Eine Studie zur Geistesgeschichte der Kelten, Italiker und Arier*. Heidelberg: Winter.
- HASPELMATH, Martin. 1987. *Transitivity alternations of the anticausative type*. Köln: Institut für Sprachwissenschaft.
- HAUSCHILD, Richard. 1965. Rev. of: Mayrhofer 1965 [*Sanskrit-Grammatik*] // *IF* 70: 215–216.
- HILLEBRANDT, Alfred. 1880. Rev. of: Whitney 1879 [*SktGr*] // *BB* 5: 338–345. [= *Kl.Schr.*, 602–609].
- HOCK, Hans Henrich. 1985–86. Voice, mood, and the gerundive (*kṛtya*) in Sanskrit // *Indologica Taurinensia* 13 (*Proc. of the 6th World Sanskrit Conference* (Philadelphia, October 13–20 1984)): 81–102.
- HOLTHAUSEN F. 1934. *Altenglisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- INSLER, Stanley. 1987. The Vedic causative type *jāpáyati* // C. WATKINS (ed.) *Studies in memory of Warren Cowgill*. Berlin etc.: de Gruyter, 54–65.
- JAMISON, Stephanie W. 1983. *Function and form in the -āya-formations of the Rig Veda and Atharva Veda*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. (*KZ; Ergänzungsheft* 31).
- KELLENS, Jean. 1984. *Le verbe avestique*. Wiesbaden: Reichert.
- KEMMER, Suzanne. 1993. *The middle voice*. Amsterdam: Benjamins.
- KEMMER, Suzanne. 1994. Middle voice, transitivity, and the elaboration of events // B. FOX & P. J. HOPPER (eds), *Voice: form and function*. Amsterdam: Benjamins, 179–230.
- KEWA = M. MAYRHOFFER. 1956–1980. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, I–IV. Heidelberg.
- KONOW, Sten. 1941. *Khotansakische Grammatik mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis*. Leipzig.
- KORTLANDT, Frederik H. H. 1981. 1st sg. middle *-H₂ // *IF* 86: 123–136.
- KULIKOV, Leonid I. 1997. Vedic *mriyáte* and other pseudo-passives: notes on an accent shift // I. HEGEDÜS et al. (eds.) *Indo-European, Nostratic, and Beyond: Festschrift for V. V. Shevoroshkin*. Washington: Institute for the Study of Man, 198–205.
- KULIKOV, Leonid I. 1998a. Passive, anticausative and classification of verbs: The case of Vedic // L. KULIKOV & H. VATER (eds), *Typology of verbal categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen: Niemeyer, 139–153.
- KULIKOV, Leonid I. 1998b. Vedic -ya-presents: semantics and the place of stress // W. MEID (ed.) *Sprache und Kultur der Indogermanen. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*. Innsbruck, 22.–28. September 1996. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 341–350.
- KULIKOV, Leonid I. 2001. *The Vedic -ya-presents*. PhD diss., Leiden University.
- KULIKOV, Leonid I. 2005. Length vacillation -īy-/īy- and related phenomena in Vedic // G. MEISER and O. HACKSTEIN (eds) *Sprachkontakt und Sprachwandel. Akten der XI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft*. 17.–23. September 2000, Halle an der Saale. Wiesbaden: Reichert, 295–317.
- KULIKOV, Leonid I. 2011. *The Vedic -ya-presents: Passives and intransitivity in Old Indo-Aryan*. Rodopi: Amsterdam. (*Leiden Studies in Indo-European*)
- KURYŁOWICZ, Jerzy. 1952. *L'accentuation des langues indo-européennes*. Kraków: Nakład Polskiej Akademii umiejętności. (*Polska Akademia Umiejętności. Prace komisji językowej*; 37).
- LEUMANN, Manu. 1940. Zur Stammbildung der Verben im Indischen // *IF* 57: 205–238. [= *Kl.Schr.*, 303–328].
- LEVIN, Beth. 1993. *English verb classes and alternations*. Chicago etc.: University of Chicago Press.
- LUBOTSKY, Alexander M. 1985. The PIE word for 'dry' // *KZ* 98: 1–10.
- LUBOTSKY, Alexander M. 1988. *The system of nominal accentuation in Sanskrit and Proto-Indo-European*. Leiden.
- LUBOTSKY, Alexander M. 1997. The Indo-Iranian reflexes of PIE *CRHUV // A. LUBOTSKY (ed.) *Sound law and analogy. Papers in honor of Robert S. P. Beekes on the occasion of his 60th birthday*. Amsterdam: Rodopi, 139–154.
- LIV² = H. RIX (ed.). 2001. *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. 2. Aufl. Wiesbaden.
- MACDONELL, Arthur Anthony. 1910. *Vedic grammar*. Strassburg: Trübner. (*Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde*; Bd. I, Heft 4)
- MAYRHOFFER, Manfred. 1965. *Sanskrit-Grammatik mit sprachvergleichenden Erläuterungen*. 2. Aufl. Berlin: de Gruyter. (Sammlung Göschen; 1158/1158a)
- MÜLLER, Friedrich Max. 1864. Einiges über das Passivum // *Orient und Occident* 2: 581–582.
- NEGELEIN, Julius von. 1898. *Zur Sprachgeschichte des Veda. Das Verbalsystem des Atharva-Veda sprachwissenschaftlich geordnet und dargestellt*. Berlin: Mayer & Müller.

- OREL VI. 2003. *A Handbook of Germanic Etymology*. Brill.
- Pok. = POKORNY J. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern—München.
- PRAUST, Karl. 2000. *Studien zum indogermanischen Verbum*. PhD diss. Universität Münster.
- Radl. I = RADLOFF C. F., with Sh. A. SHAKIL. 1998. *Folktales in the Shina of Gilgit (text, grammatical analysis and commentary)*. Summer Institute of Linguistics and National Institute of Pakistan Studies.
- Radl. II = RADLOFF C. F. 1999. *Aspects of the Sound System of Gilgiti Shina*. Summer Institute of Linguistics and National Institute of Pakistan Studies.
- RASMUSSEN, Jens E. 1993. The Slavic *i*-verbs with an excursus of the Indo-European *ē*-verbs // B. BROGYANYI & R. LIPP (eds) *Comparative-historical linguistics: Indo-European and Finno-Ugric. Papers in honor of Oswald Szemerényi*. III. (CILT 97). Amsterdam: Benjamins, 475–487.
- REICHEL, Hans. 1902. Beiträge zur Geschichte der indogermanischen Konjugation // BB 27: 63–105.
- SAUSSURE, Ferdinand de. 1879. *Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes*. Leipsick: Teubner. [= F. de SAUSSURE, *Recueil des publications scientifiques*. Genève: Société Anonyme des Éditions Sonor, 1–268].
- SCHMIDT, Johannes. 1875. *Zur Geschichte des Indogermanischen Vocalismus*. II. Weimar: Böhlau.
- SCHMIDT R. L., KOHISTANI R. (in collaboration with M. M. ZARIN). 2008. *A grammar of the Shina language of Indus Kohistan*. Wiesbaden.
- SIHLER, Andrew L. 1995. *New comparative grammar of Greek and Latin*. New York — Oxford: Oxford University Press.
- SPEIJER, Jacob S. 1896. *Vedische und Sanskrit-Syntax*. Strassburg: Trübner. (*Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde*; Bd. I, Heft 6).
- STRUNK, Klaus. 1967. *Nasalpräsentien und Aoriste. Ein Beitrag zur Morphologie des Verbums im Indo-Iranischen und Griechischen*. Heidelberg: Winter.
- SZEMERÉNYI, Oswald. 1964. *Syncopé in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent*. Naples: Istituto universitario orientale di Napoli. (*Quaderni della sezione linguistica degli annali*; 3).
- THUMB, Albert / Richard HAUSCHILD. 1959. *Handbuch des Sanskrit*. II. Teil: *Formenlehre*. Heidelberg: Winter.
- TiŽ = *Tauta ir Žodis*. Kaunas, 1923—1931.
- Turner I = TURNER R. L. 1966. *A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*. London.
- Turner Nep. = TURNER R. L. 1930. *A Comparative and etymological Dictionary of the Nepali Language*. New Delhi, Bombay, Calcutta, Madras, Bangalore, Hyderabad.
- WERBA, Chlodwig H. 1997. *Verba Indoarica: die primären und sekundären Wurzeln der Sanskrit-Sprache*. Pars I: *Radices Primariae*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- WH = WALDE A., HOFFMAN J. B. 1938. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. 3. Aufl. Heidelberg.
- WHEELER B. 1885. *Der griechische Nominalakzent*. Straßburg.
- WHITNEY, William Dwight. 1889. *Sanskrit grammar*. 2nd ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- WITZEL, Michael. 1989. Tracing the Vedic dialects // C. CAILLAT (ed.) *Dialectes dans les littératures indo-aryennes*. Paris: Collège de France., 97–265.
- WOOD, Francis A. 1907/1908. Rime-words and rime-ideas // IF 22: 133–171.

Данная работа посвящена анализу ведийских медиальных презентов с суффиксом *-ya-*, уделяя основное внимание акцентному типу этих морфологических образований. Исследование парадигматических и синтаксических признаков соответствующих глагольных форм позволяет сделать вывод о том, что предлагавшаяся до настоящего времени интерпретация этих презентов в терминах оппозиции «пассив/антикаузатив (интранзитив)» не во всех случаях является адекватной. Дается краткий очерк истории этих морфологических образований, в котором особое внимание уделяется акцентным сдвигам (ударение на корне ↔ ударение на суффиксе — в частности, в таких презентах как *triyáte* ‘умирает’), имевшим место как в праиндоарийском (или праиндоиранском), так и в исторический период — в ведийском.

Ключевые слова: санскрит, ведийский язык, Ригведа, Атхарваведа, Яджурведа, индоевропейские языки, пассивный залог, антикаузатив, медиальный залог, акцентология, сдвиг ударения.

М. А. Живлов

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Ю. В. Норманская, А. В. Дыбо.

Тезаурус: Лексика природного окружения в уральских языках.

Москва: Тезаурус, 2010. 363 с. ISBN 978-5-98421-100-0

Рецензируемая книга состоит из двух частей. Первая представляет собой построенный по тезаурусному принципу этимологический словарь названий метеорологических явлений (Глава I), деревьев (Глава II), млекопитающих, птиц и рыб (Глава III) в уральских языках. Во второй части на основании анализа собранного материала предлагается классификация семантических переходов в рассматриваемых группах лексики (Глава IV) и уточняется локализация уральской прародины и прародин промежуточных праязыков: самодийского, финно-угорского, угорского, обско-угорского, финно-пермского, пермского и финно-волжского (Глава V).

Прежде чем перейти собственно к рецензии, следует оговорить степень участия двух соавторов в написании книги. А. В. Дыбо принадлежит часть Введения, посвящённая реконструкции названий животных в тюркских языках (стр. 25–42)¹, Ю. В. Норманской написан весь остальной текст книги. В связи с этим мы сочли правильным в тексте настоящей рецензии говорить об авторе книги в единственном числе, имея в виду Ю. В. Норманскую.

В уралистике давно назрела потребность в тезаурусном своде уральской лексики, подобном словарям [Buck 1949] и [Mallory & Adams 2006]. Создание такого словаря позволило бы системно применить к уральскому материалу методы семантической реконструкции, разработанные в пионерских исследованиях А. В. Дыбо (например, [Дыбо 1996]). Рецензируемая книга (далее — «Тезаурус») могла бы стать первым шагом на пути к созданию такого словаря. К сожалению, написана она крайне небрежно, а количество ошибок в ней настолько велико, что практически обесценивает проделанную автором работу. Поскольку вполне возможно, что «Тезаурус» будет использоваться как справоч-

ник по уральской этимологии, мы видим нашу цель в том, чтобы предостеречь читателей от некритического отношения к материалам и выводам этой работы.

В первую очередь следует обратиться к тому, как в книге подаётся языковой материал. Большинство приводимых в книге форм отдельных уральских языков цитируется по [UEW]. Кроме этого использован материал ряда синхронных и этимологических словарей уральских языков. Выбор этих словарей вызывает некоторое недоумение. Так, прибалтийско-финские языки представлены только этимологическим словарём финского языка [SSA], саамские — словарями норвежско-саамского [Sam-mallahti & Nickel 2006] и инари-саамского [IW] языков.

Тундровые ненецкие формы обычно даются в латинской транслитерации, правила которой нигде в книге не оговорены. Эта транслитерация крайне непоследовательна: так, буква *в* может транслитерироваться как *w* или *v*, *ы* — как *i* или *y*, *я* — как *ä* или *ja*, *ё* — как *ë* или *jo*; и *e*, и *э* транслитерируются как *e*. Приведём несколько примеров (ненецкие формы в кириллической орфографии приводятся по [Терещенко 1965]): *вырна* → *wirna* (стр. 75), *хунды* → *χundy* (стр. 139), *тәрбяв* → *tärbjav* (стр. 176), *сензя* → *senzä* (стр. 161), *сэр''* → *ser''* (стр. 74), *вэ'* → *we'* (стр. 132), *сарё* → *sarjo* (стр. 82), *посабтё(сь)* → *posabtësj* (стр. 77).

Небрежность проявляется и в большом количестве опечаток и ошибок при цитировании языковых форм. Приводимый ниже список никоим образом не претендует на полноту².

² Здесь и далее во избежание путаницы мы пользуемся принятыми в «Тезаурусе» сокращениями названий языков и диалектов. Все цитаты далее приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

¹ А. В. Дыбо, устное сообщение.

стр.	напечатано	правильно
54	саам. N <i>čák'čâ</i>	<i>čák'čâ</i>
56	саам. N <i>jáldo</i>	<i>jáldu</i>
56	саам. N <i>jálddø</i>	<i>jálddøš</i>
57	саам. N <i>čáhcešáddu</i>	<i>čáhcešaddu</i>
57	саам. N <i>gâlbme</i>	<i>gâl'bme</i>
57	саам. L <i>kal'ma</i>	<i>kal'ma</i>
58	эст. <i>jähe</i>	<i>jahe</i>
71	саам. I <i>lap̄se</i>	<i>lap̄se</i>
72	хант. DT <i>söläk</i> , Kr <i>süläk</i>	DT <i>söläk</i> , Kr <i>süläk</i>
80	ненец. O <i>p̄w</i>	<i>p̄w</i>
81	манс. TJ <i>mālīt</i>	<i>mālī-t</i>
86	хант. Trj. <i>oγ eγ</i>	<i>õγ, øγ</i>
86	манс. So <i>aγpa</i>	<i>āγpa</i>
90	саам. L <i>piehtsē</i>	<i>piehtsē</i>
92	хант. Kaz <i>tükrás</i>	<i>tükras</i>
117	осет. <i>waer</i>	<i>wær</i>
119	коми уд. <i>murhav-</i>	<i>murjav-</i>
129	саам. N <i>haer'gi</i>	<i>hær'ge</i>
131	саам. N <i>sarje</i>	<i>sar'je</i>
131	саам. N <i>vouwdai</i>	<i>vuow'dai</i>
158	саам. N <i>beštur</i>	<i>beš'tur</i>
168	хант. V, VT <i>läγ-lont</i>	VT <i>läγ-lont</i> , V VK <i>läγ-lont</i>
170	саам. N <i>goaškem ~ goašken</i>	<i>goas'kem ~ goas'ken</i>
174	саам. I <i>kaaljavo</i>	<i>kaaijuvo</i>
190	осет. <i>kaesag</i>	<i>kæsag</i>

Ошибки при цитировании влияют и на предлагаемые в «Тезаурусе» этимологии. Так, приведённое выше саам. I *kaaijuv* 'чайка' [IW I: 247], ошибочно процитированное в «Тезаурусе» как *kaaljavo*, сравнивается далее с коми *kala* 'чайка', мар. M *kolšyre* 'чайка'³, ненец. T *čälēw* 'чайка' и другими формами с инлаутным латеральным (стр. 174). То же самое саамское слово, но в несколько другой транскрипции и на этот раз с правильной этимологией (саам. I *kaaijuv* из прасаамского **kājēkē*, связанного отношениями родства или заимствования с фин. *kajava* 'чайка') приведено несколькими страницами ниже (стр. 178).

³ На самом деле это марийское слово представляет собой композит из *kol* 'рыба' и *šyre* 'чайка' [Moisio & Saarinen 2008: 257, 767].

Ряд ошибок был допущен и при переводе на русский значений слов, цитируемых по немецко- и англоязычным источникам. Так, морд. E: *Večk pēšt'or* переводится как 'кошель из липовой коры' (стр. 10) вместо правильного 'кошель / Korb' [MW: 1628], что служит для автора основанием сравнивать это слово с мар. M *piste* 'липа' (причиной ошибки послужило, по-видимому, приведённое у Паасонена словосочетание *lengeñ pēšt'or* 'Ranzen aus Lindenrinde', где *lenge* значит 'Lindenrinde', а *pēšt'or* — 'Ranzen'). Мнение Паасонена о том, что слово заимствовано из диалектного русского *пестер, пещер, пещур*, в «Тезаурусе» не упомянуто. На стр. 68 морд. E, M *kšiat, kšit* переведено как 'прожилка, узор в древесине' вместо правильного 'корь' ('Maseren') [UEW: 138]. На стр. 73 саам. I *koalššu* глосси-

руется как ‘ветер со снегом при холодной погоде’ — в немецком оригинале ‘schneidender Wind bei Kälte’ [IW I: 342], т.е. ‘резкий, пронизывающий ветер’. Саам. N *bor^lgâ-* переводится как ‘ехать во время снегопада, порывов ветра’ (стр. 77) — в оригинале ‘be driving snow’ [UEW: 406], т.е. ‘быть пурге’. Далее глагол (!) *bpr^lge-* переводится как ‘дым; разбрызгивать воду вокруг’ (‘smoke; be doing somethg. in the water which makes it splash all round one’ [UEW: 406]).

На стр. 80 мы видим «манс. N *atër*, LM, LU, P, K *âtër*, K *âtir* ‘жаркая, ясная погода, небо’» — в оригинале «*atër* [atër] N, LM LU P K *âtër*, T *âtir* tiszta, derült (idó, égbolt) | heiter, klar (Wetter, Himmel)» [Munkácsi & Kálmán 1986: 56], т.е. ‘ясный, чистый (о погоде, небе)’. Ошибочный перевод сказывается на этимологизации мансийского слова, которое в «Тезаурусе» предлагается сравнивать с хант. Kaz, PB, Par ал ‘жара’. Между тем, у рассматриваемого мансийского слова есть бесспорное хантыйское соответствие — хант. V Vj. DN KoP Ni. Š O *etər*, Trj. J *âtər*, Kaz *etər* ‘ясный, ясно (о погоде), klar, hell, heiter (Wetter, Tag, Himmel)’ [DEWOS: 218]. Прилагательное манс. N *vosij* переведено как ‘быть грязным’ (стр. 85) — в оригинале ‘pizskos, szurtos, kormos | schmutzig, rußig’ [Munkácsi & Kálmán 1986: 739].

Финское *ora* на с. 124 переведено как ‘огневое бурение’. Наверное, автор не обязан знать, что слово *Brennbohrer*, которым немецкие уралисты XIX в. переводили название инструмента, использовавшегося в раскаленном виде для просверливания отверстий, имеет русский эквивалент ‘жигало’. Тем не менее, странно, что название предмета превратилось в название процесса, и тем более удивительно, что у финнов издавна имелся особый термин для бурения скважин с помощью струи раскаленного газа (а именно такое значение и имеет словосочетание ‘огневое бурение’).

На стр. 125 ненец. O *siraj* переводится как ‘годовалая корова’ — в оригинале ‘ein Jahr alte Rentierkuh’, т.е. ‘годовалая важенка’.

На стр. 131 «саам. N *vuow^ldai*, I *vuáwdáá* ‘росомаха; сибарит’» сопоставляется с фин. *oh^lto* ‘медведь’ и морд. E *ov^lto*, M *ofta* ‘id.’. В словаре [IW III: 432], на который ссылается автор рецензируемой книги, инари-саамское *vuáwdáá* глоссируется как ‘Schwelger, Vielfrass’, т.е. ‘сибарит, кутила’, ‘обжора’. Действительно, в немецком языке *Vielfrass*, буквально ‘обжора’, используется как название росомахи; однако автор «Тезауруса» не приводит никаких данных, которые говорили бы о том, что инари-саамское *vuáwdáá* действительно является обозначением росомахи. Это тем более верно по отноше-

нию к северносаамскому *vuow^ldai*, которое в словаре [Sammallahti & Nickel 2006: 762] переводится как ‘gefräßig, verfressen, gierig’, т.е. ‘прожорливый, жадный’. Эти слова являются производными от саам. I *vuobda* ‘Bauchhöhle’, N *vuow^ldá* ‘id.’.

Встречаются и просто странно звучащие порусски переводы значений. Так, на стр. 56 саам. N *jálâkâs* ~ *jælâkâs* ‘complete cloudlessness’ [UEW: 96] переводится как ‘абсолютное ясное небо’.

Ошибки затрагивают и указания на языковую принадлежность цитируемых форм. Так, на стр. 68 приводится «удм. *čárnä* ‘струп, парша’» — в оригинале стоит помета «wot.» [UEW: 138], т.е. это водское (wotisch), а не удмуртское (wotjakisch) слово. На стр. 85 эстонские слова *une-* ‘забывать’, *unu-* ‘становиться забытым’, *unusta-*, *unuta-* ‘забывать’ названы саамскими.

Зачастую утверждения автора о том, что есть или чего нет в процитированных книгах, могут ввести читателя в заблуждение. Так, на стр. 61 утверждается, что в словаре [Munkácsi & Kálmán 1986] «не представлено обозначения прохлады», в то время как там такое обозначение есть: N K *sëkw*, LM *šëkw* ‘hűvös / kühl’ [Munkácsi & Kálmán 1986: 540].

На стр. 93, где обсуждается маторское слово *narge* ‘ель’, сказано, что «в [Helimski 1997: 319] предполагается, что маторское слово заимствовано из монгольского языка», в то время как в [Helimski 1997] нет ни слова о монгольской этимологии маторского *narge*.

На одной и той же странице автор сначала утверждает, что «[в] [UEW: 863] угорское слово **luwV* (**luwV*) ‘лошадь’ считается заимствованием из пратюркского», а затем опровергает сам себя: «...формальное сходство угорского слова с пратюркским настолько незначительно, что вряд ли здесь может идти речь о заимствовании. Авторы [UEW: 863] также считают, что эта гипотеза неправдоподобна...» (стр. 121). Из этих слов невозможно понять, какая же точка зрения действительно отражена в [UEW] (на самом деле — вторая: угорское слово не является заимствованием из тюркского, см. [UEW: 863]).

На стр. 138 сказано: «Как отмечается в работе [Sammallahti 1988], ПУ *č не являлось частотной фонемой. Поэтому ее рефлекс в самодийских языках не вполне ясны. С этим нельзя не согласиться». Однако в [Sammallahti 1988] ничего не говорится ни о частотности ПУ *č, ни о неясности рефлексов этой фонемы в самодийском.

На стр. 168 со ссылкой на [SSA] приводится сравнение фин. *lakla* ‘дикий гусь, вид утки’, эст. *lagle* ‘казарка’ и хант. VT *läy-lont* ‘казарка’ с реконструк-

цией ФУ **lakla* ‘казарка’. Далее говорится: «В [SSA II: 41] саам. L *lāful* ‘хрустан или глупая ржанка, глупая сивка, *Charadrius morinellus*’ тоже считается рефлексом ФУ **lakla*. Нам кажется целесообразным отказаться от этого сравнения, не вполне надёжно-го как фонетически, так и семантически». Но авторы [SSA] вовсе не предлагают считать все приведённые выше слова родственными! Нет у них и реконструкции **lakla*. Финское и родственное ему эстонское слова отнесены в [SSA] к звукоподражаниям, имитирующим птичий крик. Подобными (т.е. звукоподражательными!) словами являются, по мнению авторов [SSA], также саам. *lāful*, хант. *läylont* и древнеисландск. *gagl* ‘гусёнок’⁴.

На стр. 177 в связи с тундровым ненецким словом *силер* ‘‘подросший птенец серой чайки; белый с чёрными крапинками (о масти оленя)’’ утверждается, что «[п]о словарю [Salminen 1998], *-er*’’ в ненецком слове является суффиксом». На самом же деле Салминен не выделяет в этом слове никаких суффиксов [Salminen 1998: 348] и приводит в указателе корней отдельный корень SYILYER [Salminen 1998: 425].

В ряде мест рецензируемой книги встречаются незакавыченные цитаты, иногда довольно объёмные. Ср., например, пассаж из сноски 53 на стр. 125–126 и его оригинал.

Вот текст из «Тезауруса»:

Мы вслед за Е. А. Хелимским [Helinski 2007c] считаем, что ненец. формы, хотя и представлены во многих диалектах, не сводимы воедино и свидетельствуют не в пользу исконности слова. С другой стороны, можно с уверенностью утверждать, что саам. L *njāb'lō* — собственно саамское образование дескриптивного характера; свидетельство тому — разветвленная сеть фонетически и семантически близких образований. Ср.: L *njāb'tsō* ‘теленка оленя первого года жизни’, *njāb'tsōt* ‘спихается под ношей; не может правильно стоять на ногах (о новорожденном теленке); телится (о самке оленя)’, *njāptsas* ‘слабый (о конечностях новорожденного [sic! — М. Ж.] олененка)’, *Mala njau'las* ‘слабый (о живых существах)’, *njau'htso'da* ‘в середине согнутый вниз’ [Schlachter: 101]. Можно уверенно

⁴ Этимология слова ‘казарка’ сопровождается в «Тезаурусе» тремя картами, показывающими распространение трёх видов казарок. Ни один из трёх ареалов, показанных на картах, не пересекается ни с территорией Эстонии, ни с областью распространения восточнохантыйского языка, а обсуждаемые в книге слова со значением ‘казарка’ встречаются только в эстонском и восточнохантыйском. Непонятно, как это соотносится со сделанным на стр. 116 заявлением, что «[д]ля млекопитающих, птиц и рыб карты распространения ... приводятся только в тех случаях, когда они релевантны для анализа семантических переходов или локализации прародины».

признать некую восточно-саамскую форму, близкую L *njāb'lō*, источником русск. диал. *неблб́и* (как полагал в свое время уже А. Шегрен, см. [Toivonen 1927: 184]). В пользу этого свидетельствует присутствие этого диалектного слова в беломорских говорах; добавление *-й* является типичным способом русской адаптации финно-угорских заимствований с ауслатными *-o*, *-u* в языке-источнике. Весьма вероятно, что именно на русской почве саамское обозначение новорожденного олененка приобрело важное терминологическое значение, став названием шкурки особой ценности (пыжика), что и способствовало дальнейшему проникновению слова в ненецкий язык (где оно имеет отчетливую функциональную семантику и связь со сферой товарообмена — ср. чисто биологическую семантику у исконного ненца. Т *сую* ‘теленка оленя’, *суюнгоба* = *сую? хоба* ‘шкура теленка оленя’) и другие языки региона.

А вот источник цитаты из [Хелимский 2000: 214–215]:

Нен. формы, хотя и представленные во многих нен. диалектах, не сводимы воедино и свидетельствуют не в пользу исконности слова.

С другой стороны, можно с уверенностью утверждать, что саам. L *njāb'lō* — собственно саам. образование дескриптивного характера; свидетельство тому — разветвленная сеть фонетически и семантически близких образований. Ср. L *njāb'tsō* ‘Renntierkalb während der ersten Lebens-tage’, *njāb'tsōt* ‘sich unter einer Last beugen, biegen, ein-sinken; schwanken, einknicken, nicht ordentlich auf den Beinen stehen können (von einem neugeborenen Renntierkalb); kalben (von einer Renntierkuh)’, *njāptsas* ‘schwach, nachgebend, einknickend (von den Gliedern eines neugeborenen Renntierkalbes)’ [Grundström 1946–1954 IV: 639–640]; *Malā njau'las* ‘schwach (lebende Wesen)’, *njauhtsōda* ‘in der Mitte nach unten gebogen’ [Schlachter 1958: 101]; Т *небл(а)* ‘Fisch-brut, junger Fisch’, S *ñāb'l-ṗoāḍz* ‘stilles Renntier’ [Т. I. Itkonen 1958: 292, 296]; ср. далее также саам. **ñevlē* ‘слизь’ [YSS: No. 760], I *njivlāā* ‘schleimig (Netz, neugeborenes Kalbchen)’ [E. Itkonen 1986–1991: No. 2762], L *snjib'lē* ‘weich und lose; weich, biegsam’, *snjib'lō* ‘schleimig; weich, biegsam’ [Grundström 1946–1954 IV: 615].

Можно уверенно признать некую вост.-саам. форму, близкую L *njāb'lō*, источником русск. диал. *неблб́и* (как полагал в свое время уже А. Шегрен, см. [Toivonen 1927: 184]). В пользу этого свидетельствует присутствие этого диал. слова в беломорских говорах; добавление *-й* является типичным способом рус. адаптации ф.-у заимствований с ауслатными *-o*, *-u* в языке-источнике [Хелимский 1986а: 256]. Весьма вероятно, что именно на рус. почве саам. обозначение новорожденного олененка приобрело важное терминологическое значение, став названием шкурки особой ценности (пыжика), что и способствовало дальнейшему проникновению слова в нен. язык (где оно имеет отчетливую функциональную семантику и связь со сферой товарообмена — ср. чисто биологическую семантику у исконного ненца. Т *сую* ‘теленка оленя’, *суюнгоба* = *сую? хоба* ‘шкура теленка оленя’) и другие языки региона.

Читатель, не знакомый с работой Хелимского, может подумать, что процитированное рассужде-

ние вместе с оценками «можно с уверенностью утверждать», «можно уверенно признать», «весьма вероятно» принадлежит автору книги, в то время как автор лишь немного уменьшил количество примеров и перевёл немецкие словарные определения на русский язык.

Аналогичная незакавыченная цитата длиной в целый абзац имеется и на стр. 166:

Как справедливо отмечается в [Аникин, Хелимский 2007: 123], рассматриваемые ненецкие и нганасанские слова явно ближе друг к другу, нежели к названиям журавля, возводимым к ностр. **kara* / **kurl* [ОСНЯ 1: 292, № 159]: ненец. Т *хърџо* 'журавль' и др., см. также далее. Если принять предположение В. М. Иллича-Свитыча о редупликационном происхождении нан. *kokoaro* (= *қоқоаро*) < **kor-koaro*, то самодийскую лексему следует признать тунгусо-маньчжурским заимствованием. Непосредственное заимствование в нганасанский из нанайского (другим тунгусо-маньчжурским языкам основа не известна) неммыслимо, поэтому следует думать, что существует или существовал сходный по облику северно-тунгусо-маньчжурский источник. Нельзя тем не менее исключить чисто ономотопоэтических причин сходства тунгусо-маньчжурских и самодийских слов (ср. об этом [Joki 1952: 206–207] в связи с тайг. *kugó* 'лебедь').

Ср. источник цитаты из [Аникин, Хелимский 2007: 123]:

Рассматриваемые слова явно ближе друг к другу, нежели к названиям журавля, возводимым к ностр. **kara*/**kurl* (ОСНЯ 1: 292, № 159): ненТ (Тер.) *хърџ* и др., см. также далее. Если принять предположение В. М. Иллича-Свитыча о редупликационном происхождении нан. *kokoaro* (= *қоқоаро*) < **kor-koaro*, то сам. лексему следует признать т.-ма. заимствованием. Непосредственное заимствование в нган. из нан. (другим т.-ма. языкам основа не известна) неммыслимо, поэтому следует думать, что существует или существовал сходный по облику сев.-т.-ма. источник. Нельзя тем не менее исключить чисто ономотопоэтических причин сходства т.-ма. и сам. слов (ср. об этом Joki 1952: 206–207 в связи с тайг. *kugó* 'лебедь').

Слова «см. также далее» в книге Аникина и Хелимского указывают на следующий абзац, в котором обсуждается этимология ненецкого *хърџ*. Очевидно, что в текст рецензируемой книги они были перенесены чисто механически.

Ещё одна незакавыченная цитата представлена на стр. 127, где она занимает два абзаца (источник цитаты — [Аникин, Хелимский 2007: 72–73]). Со всем небольшая, длиной всего в одно предложение, цитата без кавычек завершает сноску 76 на стр. 169. На этот раз, правда, источник — [Хелимский 2000: 209] — не указан.

Стремление автора к точному цитированию монографии Аникина и Хелимского «Самодийско—

тунгусо-маньчжурские лексические связи» не распространяется на её название: в библиографии она переименована в «Самодийско-тунгусские лексические параллели». Этим, однако, странности с библиографией не исчерпываются.

В библиографии перечислено значительное число книг и статей на шведском, а также на финском, венгерском и эстонском. В научных публикациях названия книг на восточных языках, как, например, китайский или вьетнамский, нередко переводятся на русский. Однако автор оказал поистине медвежьё услугу читателям, переведя все эти названия на... немецкий, причем нередко эти переводы не вполне буквальны. Кроме того, перевод в данном случае вводит в заблуждение, заставляя читателя думать, что данная книга двуязычна или содержит параллельный заголовок на немецком, чего в действительности нет. Приведём несколько примеров:

Manninen 1934 — *Manninen I. Kotieläinten hoito. Mehiläishoito (d. Haustier- u. Bieberzucht [sic! — М. Ж.] d. fgr. Völker) // Suomen suku. 1934. 3.*

Nylander 1849 — *Nylander W. Finska foglars Finska name (fi. Namnen in Finnland vorkommender Vogel) // Suomi. 1848 (1849). S. 285–295.*

Pöld 1970 — *Pöld R. Linnu- ja loomanimetused mordva keeles (Vogel- u. Tierbezeichnungen im Md.). Tartu, 1970.*

Ruoppila 1943 — *Ruoppila V. Kotieläinten nimitykset suomen mutteissa [sic! — М. Ж.]. 1. Hevonen, nauta, lammas, vuohi (d. Namnen d. Haustiere in d. fi. Dialekten). Helsinki, 1943.*

В «Тезаурусе» используется новая реконструкция прапермского вокализма, предложенная Ю. В. Норманской [Норманская 2009]⁵. Остановимся на ней подробнее. Основные положения работы [Норманская 2009] можно кратко сформулировать так:

- 1) прапермское ударение было подвижным, по месту оно совпадало с коми-язвинским ударением;
- 2) развитие гласных от прафинно-угорского к прапермскому зависело от места прапермского ударения;
- 3) в прапермском вокализме развивался по-разному в «палатализующей» позиции (перед «ПУ/ФУ/ФП *ś, *šk, *č, *čk, *ń, *ńc, *ńc, *j, *jk, *t (> ПП *θ⁶), *η (> ПП *θ), *ηč, *l̥δ, *lj, *lw, *lm, *k (> ПП *θ),

⁵ В библиографии к «Тезаурусу» название сборника, в котором вышла данная работа, и год издания указаны неверно: «Уралистика. СПб., 2010» вместо правильного «Вопросы уралистики 2009. СПб., 2009».

⁶ По меньшей мере странно, что позицией для внутрипермских фонетических развитий служат не просто фонемы

*kś, *p (> ПП *θ), *pś, *śj, *rś, *rj» [Норманская 2009: 262]) и в нейтральной позиции.

Развитие в «палатализирующей» позиции в статье [Норманская 2009] не проанализировано, но утверждается, что «в “палатализирующих” позициях не представлены обычные прапермские фонемы, которые традиционно реконструируются [Лыткин 1964]. В них представлены особые соответствия гласных, подробное исследование которых еще предстоит провести» [Норманская 2009: 262]. Соответствия гласных в нейтральной позиции представлены в таблице, воспроизведённой в «Тезаурусе» на стр. 49:

ПП	Коми — удм.
*a	вс. o, кя. u, остальные o — u
*o	вс. o, остальные o — u
*ö	вс. o, кя. u, остальные o — юз. ш, остальные u
*e	e — e, o
*ε	виш., воств. ö, остальные e — общеудмуртский e, отдельные [sic! — М. Ж.]
*i	воств. e, кя. i, остальные e — o
*u	u — u
*ii	виш., воств. ш, кя. ä, остальные i — юз. ä, остальные i

Прежде всего надо отметить, что символы e и o, обозначающие в работах В. И. Лыткина открытые гласные e и o, произвольно и без какого-либо пояснения заменены Ю. В. Норманской на e и o соответственно. Поскольку символ e, обозначающий в финно-угорской транскрипции гласный среднего подъёма и среднего ряда, оставлен в таблице без изменения, возникает путаница: одним и тем же символом в одной и той же таблице обозначаются разные гласные (e должно было стоять в третьей снизу строке⁷, а e — в четвёртой снизу). Жертвой этой путаницы стала сама Ю. В. Норманская: на стр. 118 «Тезауруса» для коми eś (eśk-) ‘бык’ и удм. oś ‘бык’ со ссылкой на [Норманская 2009] восста-

более древнего, чем прапермский, уровня, но фонемы, давшие в прапермском ноль. Создаётся впечатление, что автор просто не считает нужным различать уровни реконструкции.

⁷ Строго говоря, там должно было стоять просто e, т.к. в восточновычегодском диалекте коми языка не различаются открытый e и закрытый ẹ. Более того, коми-язвинскому i в реконструкции Лыткина соответствует как раз закрытый *ẹ.

навливается прапермское *iś-, то есть выбрана та строка таблицы, где коми e фигурирует в результате ошибки.

Вызывает удивление отсутствие в таблице таких бесспорных соответствий между коми и удмуртским, как коми a — удм. a (*a по Лыткину [Лыткин 1964; КЭСК] и Саммаллахти [Sammallahti 1988]), коми e — удм. u (*ä по Лыткину и Саммаллахти), коми o — удм. o (*ö по Лыткину и Саммаллахти), коми e — удм. e (*ö по Лыткину, *ü по Саммаллахти), коми e — удм. i (*ö по Лыткину, *i по Саммаллахти), коми i — удм. i (*i по Лыткину, *i по Саммаллахти). Все эти соответствия безусловно встречаются и в «нейтральной позиции» в терминологии Норманской, например, коми ar ‘осень’ — удм. ar ‘год’, коми padvež ‘скрещенье, пересечение’ — удм. padvož ‘перекрёсток’, коми važ ‘старый’ — удм. viž ‘старый’, коми peđlavni ‘закрыть’ — удм. podini ‘прищемить, прижать; закрыть’, коми tev ‘зима’ — удм. tol ‘зима’, коми šem ‘чешуя’ — удм. šem ‘скорлупа, чешуя’, коми tev ‘ветер’ — удм. tel ‘ветер’, коми bež ‘хвост’ — удм. biž ‘хвост’, коми ver ‘лес’ — удм. vir ‘бугор, холм’, коми nim ‘имя’ — удм. nim ‘имя’, коми šin ‘глаз, глаза’ — удм. šin ‘глаз, глаза’.

Подчеркнём, что перечисленные выше соответствия между коми и удмуртским в работе [Норманская 2009] не только никак не объяснены, не опровергнуты, но даже не упомянуты. Впечатление от подобного «нового взгляда на историю пермского вокализма» для уралиста можно сравнить с реакцией индоевропеиста при виде работы, где автор полностью игнорирует противопоставление звонких и глухих придыхательных, да еще и обозначает древнеиндийскую аффрикату j и сонант y одинаково — как j. Понятно, что реакцией читателя будет только недоумение и он воспримет это либо как розыгрыш, либо как проявление полной некомпетентности исследователя, либо как работу студента, которому не объяснили, что новая гипотеза должна объяснить или опровергнуть факты, на которых основывались теории предшественников.

Плохое знакомство автора с исторической фонетикой уральских языков проявляется и в анализе конкретных этимологий. Так, энецкое тундровое d'udabo ‘щука’, по мнению автора (стр. 41), фонетически возводимо к ПС *cu/o(R)ta-, однако анлаутное энецкое d'- восходит только к прасамодийскому *j- [Mikola 1988: 227], а прасамодийское *c- даёт в энецком t- [Mikola 1988: 231].

На стр. 68 утверждается, что «как известно, пермское -ž- может восходить только к инлаутно-

му ФП *-š-». Как указывает П. Саммаллахти, «the normal reflex of single intervocalic *č is *t in Finnic and voiced *ž in Permic» [Sammallahti 1988: 523].

Коми *völd* ‘пороша’ (более правильная транскрипция — *veŋd*) возводится к ФУ **wVlte-* (стр. 66), коми *kolip* — к ФП **kolV-* (стр. 73), а коми *bala* ‘ягнёнок’ к ПП **pVIV* (стр. 116), хотя коми *l* не может восходить к **l*.

Энец. *kodi?* ‘иней’ возводится к ПС **katV* (стр. 71), хотя интервокальное ПС **-t-* должно давать энец. -δ- (на самом деле это слово вместе с ненецким *хънь* ‘иней’ восходит к ПС **kântz-* ‘frieren, erfrieren’ [SW: 53]).

Ненец. Т *nur* ‘весенний затвердевший снег на поверхности льда’ возводится к ПС **nirə*, хотя такая форма дала бы ненец. *ныр* (стр. 73).

Саам. I *joarådoh* ‘долго длящаяся сухая, ясная и жаркая погода’ возводится к гипотетическому ПУ **jawa-* со следующим пояснением: «Инлаутное **w* выпадает в саамском» (стр. 78) — на самом деле интервокальное **w* в саамском всегда сохраняется.

Относительно сравнения фин. *pisara* ‘капля’ (в «Тезаурусе» это слово ошибочно переведено как ‘капли, капельки’) с морд. Е, М *piže-* ‘идти (о дожде)’ автор говорит: «[к]как отмечают и сами авторы [UEW], инлаутные согласные в прибалтийско-финских и мордовских формах друг другу не соответствуют» (стр. 83). Это вдвойне неверно: во-первых, авторы [UEW] ничего подобного не отмечают [UEW: 732], во-вторых, фин. -s- и морд. -ž- регулярно соответствуют друг другу и восходят к ПУ **-š-*.

На стр. 85 мы находим реконструированное автором книги ПУ **k(u)d(u)rV* ‘гром’. Символ **d* в уралистике иногда используется вместо более традиционного **δ* (см., напр., [Janhunen 1981], [Sammallahti 1988]). Однако, судя по рефлексам (удм. -d-, кам. -d-), здесь под ПУ **d* имеется в виду что-то другое (ПУ **δ* дало бы удм. *θ* или -l-, кам. -r-). Остаётся предположить, что автор открыл какую-то новую прауральскую фонему, неизвестную ни Янхунену, ни Саммаллахти и сам того не заметил.

Нерегулярное соответствие инлаутных согласных при сравнении угорского **luwV* ‘лошадь’ с фин. диал. *luro* ‘кобыла, лошадь’ оправдывается следующим образом: «на материале этимологий [UEW] есть один пример, когда ФВ **p* соответствует ПУг **w*, — это ФУ **šawV* (**šara*) ‘кислый, становиться кислым’» (стр. 122). Не говоря уже о том, что эта этимология крайне сомнительна, нужно отметить, что фин. *haran* (род. п. *harapen*), морд. Е *šarato*, М *šarata*, мар. К *šarə*, вопреки [UEW], могут восходить только к праформе с инлаутным **-pp-*. Таким образом, соответствие ФВ **p* — ПУг **w* оказывается

уникальным и сравнение угорского названия лошади с финским следует отвергнуть.

По поводу выведения фин. *kontio* ‘медведь’, удм. *gondir* ‘медведь’ и коми *gundir* ‘многоголовое чудовище, гидра, дракон, змей’ из гипотетического ПУ **konte* автор пишет: «[в] этой этимологии стандартное соответствие фонетических рефлексов во всех языках» (стр. 130). Автору, очевидно, осталось неизвестным, что **-nt-* регулярно упрощается в пермских языках в -d-.

На стр. 151 к гипотетическому ПУ **kopa-* ‘самка глухаря, куропатка’ предлагается возводить ПСаам **köppelē* и морд. М:Sel *kopəna* ‘глухарка’. На самом деле ПСаам. **-pp-* и морд. -p- могут восходить только к **-pp-*.

На стр. 161 в рамках одной этимологии даны рефлексy трёх (!) не связанных друг с другом и существенно различающихся фонетически праселькупских слов: **soka* ‘Löffelente, Anas clypeata’ [Alatalo 2004: 368], **senka* ‘Auerhahn (beide Geschlechter)’ [Alatalo 2004: 373] и **sāñkočä* ‘Stockente’ [Alatalo 2004: 374].

На стр. 171 читаем: «В [Лыткин, Гуляев 1970: 47; DEWOS: 1625] предполагается, что коми слово⁸ заимствовано в обско-угорские языки: хант. V, Vj, Trj, J, DN *wāras*, КОР -*wāraš*, Ni, Kaz, Sy *worəš*, O *waras*, Ahl *vorš*, *varāš*, РВ *vāraš* ‘ястреб’, но представляется, что, учитывая широкую представленность этого слова в хантыйских диалектах, нельзя исключить, что в хантыйском языке представлен рефлекс прауральского слова, а не коми заимствования». Дело, конечно же, не в распространённости слова, а в нерегулярных соответствиях между хантыйскими диалектами/языками (V Vj Trj J DN s — КОР Ni Kaz Sy š, V Vj Trj J DN КОР ä — Ni Kaz Sy ə — O a), исключающих возможность того, что слово восходит к прахантыйскому.

Не лучше обстоит дело и со словообразовательным анализом.

Так, мар. М *juálye* ‘прохлада’ возводится автором к гипотетическому ФУ **jalV-* ‘прохлада, прохладный ветер’ (стр. 56). На самом деле это слово означает не только ‘прохлада’, но и ‘прохладный’ и образовано от сохранившегося в горномарийском прилагательного *ju* ‘kühl’ [Moisio & Saارينен 2008: 193] с помощью суффикса неполноты качества -*álye*.

На стр. 57 продуктивность в саамских языках суффикса -t- показана на следующем примере: «саам. N *čáhceváddu* ‘бедствие на море’, *čáhcešáddu* ‘водяное растение’ образованы от *čáhci* ‘вода’». Ни одно из этих слов не содержит суффикса -t-:

⁸ Имеется в виду коми *varš* ‘ястреб’.

čáhceváddu ‘Seenot’ [Sammallahti & Nickel 2006: 132] образовано путём словосложения из *čáhci* ‘Wasser’ [Sammallahti & Nickel 2006: 132] и *váddu* ‘Verletzung, Beschädigung (am Körper), Schaden (Folge eines Unfalls)’ [Sammallahti & Nickel 2006: 714], а *čáhcešaddu* ‘Wasserpflanze’ [Sammallahti & Nickel 2006: 132] — из того же *čáhci* и *šaddu* ‘Pflanze, Gewächs’ [Sammallahti & Nickel 2006: 687].

На стр. 65 читаем: «В пермских языках *-l-* также является стандартным суффиксом, образующим имена от имен, ср. коми *komál* ‘круто скатанное тесто’, удм. *kumél* ‘кора на лыке, паласина’ < ФУ **kama* ‘кожура’». Это не опечатка, т. к. автор предполагает наличие именно этого суффикса в коми *tola* ‘сугроб’. Возможно, автор полагает, что *l* и *l'* в пермских языках — аллофоны одной фонемы?

На стр. 131 в качестве примера именного суффикса *-w* в мансийском даётся «манс. Р *pēl* / *pojlaw* ‘деревня’». Источник, по которому цитируются мансийские формы, не указан, но его нетрудно опознать: это книга [Honti 1982: 175]. Из неё мы можем узнать, что формы манс. КУ КМ *pājlaw*, Р *pojlaw*, VS *pajlaw* содержат не словообразовательный суффикс, а посессивный аффикс 1 pl. *-w*.

На стр. 145 удм. *puás* ‘белка-летяга’ сравнивается с прасамодийским **pensǝj* ‘id.’. На самом деле *puás* — субстантивированное причастие от *puani* ‘летать (прыгать, скакать) с дерева на дерево (напр. о белке)’ [УРС: 552], отыменного глагола, производного от *pu* ‘дерево’.

Наконец, в ряде случаев автор не опознаёт давно выявленные в уралистике заимствования и предлагает для этих слов исконные этимологии. Так, на стр. 129 саам. I *ergi*, N *hær¹ge* ‘кастрированный олень’ (ошибочно переведено в «Тезаурусе» как ‘олень-бык’) сравнивается с коми *jera* ‘лось’. Однако саамское слово представляет собой заимствование из финского *härkä* ‘бык, вол’ [Lehtiranta 1989: 32–33], которое в свою очередь, скорее всего, является балтизмом [SSA 1: 210].

На стр. 131 «саам. N *sarje*, I *sārji* ‘раненый медведь, (иноск.) о злом человеке’» сравнивается с мансийскими названиями медведя. Во-первых, саам. I *sārji* действительно значит ‘раненый медведь’, но родственное ему саам. N *sar¹je* значит ‘рана’. Во-вторых, саамские слова являются заимствованиями из праскандинавского **saira*, ср. др.-исл. *sár* ‘рана’ [Korhonen 1981: 47].

Отдельно имеет смысл разобрать предлагаемую автором этимологию названия лосося. Традиционно считается, что для прафинно-угорского не восстанавливается обозначение благородного ло-

сося, сёмги (*Salmo salar*) [Напольских 1997: 135]. Автор «Тезауруса» предлагает такую этимологию (стр. 181–182), и даже называет её достаточно надёжной (стр. 239). Более того, для автора эта этимология оказывается определяющей при локализации финно-угорской прародины (стр. 248). Речь идёт о сравнении финского *kojama* ~ *kojamo* ‘большая мужская особь лосося’, северносаамского *goadjin* ‘id.’ и северномансийского *kōm* ‘lazas, сёмга / Lachs’ [Munkácsi & Kálmán 1986: 218]. Оставляя в стороне вопрос о соотношении финского и саамского слов (скорее всего, финское слово заимствовано из саамского, см. [Aikio 2009: 253]), обратимся к северномансийскому *kōm*. В словаре [Munkácsi & Kálmán 1986], известном неточностью фонетической записи, за обозначением *ō* может скрываться как северномансийская фонема /*ō̄*/ (впоследствии перешедшая в /*ō*/), так и /*ū̄*/. Северномансийское /*ō̄*/ восходит к прамансийскому **ā*, а северномансийское /*ū̄*/ — к прамансийскому **ū̄*⁹. В обоих случаях прамансийское **k* перед задними гласными должно было перейти в северномансийское *χ*. Следовательно, северномансийское слово, начинающееся на *kū-* или *kō-*, скорее всего, является относительно недавним заимствованием. По всей видимости, рассматриваемое слово можно отождествить с современным северномансийским *kūm* ‘хариус’ [Афанасьева 2008: 20], [Афанасьева, Игушев 2008: 24], заимствованным из коми *kom* ‘хариус’.

К сожалению, перечисление подобных ошибок в рецензируемой книге можно было бы легко продолжить. Важно, однако, что рассмотренные типы примеров далеко не исчерпывают недостатки «Тезауруса». В частности, мы практически не затронули методологию семантической реконструкции и локализации прародины. Думается, уже должно быть ясно, что количество ошибок, искажений (как в языковом материале, так и в изложении чужих теорий), некорректных утверждений и отсылок таково, что любые выводы автора следует воспринимать с осторожностью. Тем не менее, одного момента всё же хотелось бы коснуться. Автор книги расходится с общепринятой методологией сравнительно-исторического языкознания, считая, что восстановить какое-либо конкретное значение слова для праязыка определённого уровня можно

⁹ Л. Хонти [Honti 1982: 46] восстанавливает для прамансийского также фонему **ū̄* (которая давала в северномансийском /*ū̄*/), но эту реконструкцию нельзя принять, т.к. предполагаемая фонема встречается только в одном корне — явно экспрессивном глаголе **lūk-* ‘ругать’ [Honti 1982: 162].

только тогда, когда слово сохранило это значение в нескольких дочерних языках. При этом «может оказаться, что у рассматриваемого слова то или иное значение реконструируется для прауральского уровня, когда оно представлено в каких-то из самодийских и, допустим, финно-пермских языков, для финно-угорского уровня оно не восстанавливается, а затем реконструируется для финно-пермского уровня, если представлено в каких-то из пермских и в финно-волжских языках, и т. д.» (стр. 228). И действительно, автор восстанавливает название сибирской кедровой сосны для прауральского и праобско-угорского, но не для праугорского¹⁰ языка. Поскольку само слово в праугорском, безусловно, существовало (иначе оно не могло бы быть унаследовано праобско-угорским), остаётся только предположить, что в праугорском оно могло сменить значение на какое-то другое, неизвестное нам, а в праобско-угорском слово по чистой случайности вновь приобрело старое значение. Подобные предположения, если в их пользу не говорят какие-то дополнительные данные, должны отсекаются бритвой Оккама. Такая методология ставит под сомнение результаты исследований автора по локализации прародин уральских языковых групп.

В заключение хотелось бы сказать, чего можно было бы ожидать от словаря тезаурусного типа, ориентированного на семантическую реконструкцию. Во-первых, такой словарь должен был бы содержать поэтапный анализ различных групп лексики: сначала — по отдельным языкам с привлечением всех слов, входящих в это семантическое поле в данном языке; затем — по языковым подгруппам с последовательной реконструкцией праязыковой фонетики реконструируемых слов и с последовательной семантической реконструкцией.

Во-вторых, исходным материалом исследования должны были бы быть слова из двуязычных и толковых словарей отдельных языков с возможным анализом текстов на соответствующих языках, а не из этимологических словарей; конечно, можно и нужно пользоваться этимологическими словарями при построении этимологий, но уточнять семантику следует по двуязычным или толковым словарям. Для примера можно сказать, что из прибалтийско-финских языков в работе практически привлекается материал только финского и эстонского (при этом эстонские формы приводятся только по [UEW]); из одиннадцати саамских языков привле-

чен материал только двух — северносаамского и инари-саамского. Особенно странно выглядит отсутствие материалов из кильдинского саамского, для которого имеется словарь на русском языке ([Куруч 1985]). Соответственно не может быть и речи о семантической реконструкции на праприбалтийско-финском или прасаамском уровне, которая должна была бы быть необходимой ступенькой на пути к семантической реконструкции прафинно-угорской лексики. Игнорирование слов, не имеющих параллелей в родственных языках, ведёт к невозможности полного описания какого-либо семантического поля в отдельном языке, а без такого описания невозможно выявить набор встречающихся в данной языковой семье и/или языковом ареале семантических оппозиций.

Всем указанным требованиям отвечает работа А. В. Дыбо «Семантическая реконструкция в алтайской этимологии» [Дыбо 1996]. Из сказанного выше читателю должно быть очевидно, что А. В. Дыбо имеет лишь весьма косвенное отношение к созданию рецензируемой книги. Все указанные недочёты в подаче, обработке и анализе языкового материала (увы, типичные для публикаций другого соавтора) не позволяют отнести «Тезаурус» к серьёзным работам в области сравнительно-исторического языкознания.

Литература

- АНИКИН А. Е., ХЕЛИМСКИЙ Е. А.: *Самоди́йско — тунгусо-маньчжурские лексические связи*. М., 2007 [ANIKIN A. E., HELIMSKI E. A.: *Samodiisko-tunguso-man'chzhurskie leksicheskie svyazi*. М., 2007.]
- АФАНАСЬЕВА К. В.: *Русско-мансийский тематический словарь*. СПб., 2008 [AFANASYEVA K. V.: *Russko-mansiiskii tematicheskii slovar'*. SPb., 2008.]
- АФАНАСЬЕВА К. В., ИГУШЕВ Е. А.: *Русско-мансийско-коми тематический словарь*. Екатеринбург, 2008 [AFANASYEVA K. V., IGUSHEV E. A.: *Russko-mansiisko-komi tematicheskii slovar'*. Ekaterinburg, 2008.]
- ДЫБО А. В.: *Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Семантические термины (плечевой пояс)*. М., 1996 [ДЫБО А. В.: *Semanticheskaya rekonstrukciya v altaiskoi etimologii. Semanticheskie terminy (plechevoi poyas)*. М., 1996.]
- КУРУЧ Р. Д. (ред.): *Саамско-русский словарь*. М., 1985 [KURUCH R. D. (red.): *Saamsko-russkii slovar'*. М., 1985.]
- КЭСК — ЛЫТКИН В. И., ГУЛЯЕВ Е. И.: *Краткий этимологический словарь коми языка*. М., 1970 [LYTKIN V. I., GULYAEV E. I.: *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka*. М., 1970.]
- ЛЫТКИН В. И.: *Исторический вокализм пермских языков*. М., 1964 [LYTKIN V. I.: *Istoricheskii vokalizm permskikh yazykov*. М., 1964.]
- НАПОЛЬСКИХ В. В.: *Введение в историческую уралистику*. Ижевск, 1997 [NAPOL'SKIKH V. V.: *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku*. Izhevsk, 1997.]

¹⁰ Мы не касаемся здесь вопроса о реальности праугорского языка: важно, что рецензируемый автор эту реальность сомнению не подвергает.

- НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Новый взгляд на историю пермского вокализма: описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прапермского ударения и гласного второго слога // *Вопросы уралистики* 2009. СПб., 2009. С. 260–295 [NORMANSKAYA Yu. V.: Novyi vzglyad na istoriyu permskogo vokalizma: opisaniye razvitiya vokalizma pervogo sloga v komi i udmurtskom yazykakh v zavisimosti ot prapermskogo udareniya i glasno-go vtorogo sloga // *Voprosy uralistiki* 2009. SPb., 2009. S. 260–295.]
- ТЕРЕЩЕНКО Н. М.: *Ненецко-русский словарь*. М., 1965 [TERESCHENKO N. M.: *Neneco-russkii slovar'*. M., 1965.]
- УРС — КИРИЛЛОВА Л. Е. (отв. редактор): *Удмуртско-русский словарь*. Ижевск, 2008 [KIRILLOVA L. E. (otv. redaktor): *Udmurtsko-russkii slovar'*. Izhevsk, 2008.]
- ХЕЛИМСКИЙ Е. А.: Протосаамский и самодийский: корпус этимологий в свете современных данных самодистики // Хелимский Е. А.: *Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи*. М., 2000. С. 202–217 [HELIMSKI E. A.: Protosaamskii i samodiiskii: korpus etimologii v svete sovremennykh dannykh samodistiki // HELIMSKI E. A.: *Komparativistika, uralistika: Lekcii i statji*. M., 2000. S. 202–217.]
- АИКИО, А.: *The Saami loanwords in Finnish and Karelian*. Academic Dissertation. Oulu, 2009 (<http://cc.oulu.fi/~anaikio/slw.pdf>).
- АЛАТАЛО, J. (comp. & ed.): *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. (LSFU XXX). Helsinki, 2004.
- BUCK, C.D.: *A Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas*. Chicago & London, 1949.
- DEWOS — STEINITZ W.: *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Lfg. 1–15. Berlin, 1966–1993.
- HELIMSKI, E.: *Die Matorische Sprache: Wörterbuch — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte*. (SUA 41). Szeged, 1997.
- HONTI, L.: *Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe*. Budapest, 1982.
- IW — ITKONEN, E.: *Inarilappisches Wörterbuch*. Bd. I-IV. (LSFU XX). Helsinki, 1986–1991.
- JANHUNEN, J.: Uralilaisen kantakielen sanastosta // *Journal de la Société Finno-ougrienne* 77 (1981), 219–274.
- KORHONEN, M.: *Johdatus lapin kielen historiaan*. Helsinki, 1981.
- LEHTIRANTA, J.: *Yhteissaamelainen sanasto*. (SUST 200). Helsinki, 1989.
- MALLORY, J.P. & ADAMS, D.Q.: *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford, 2006.
- MIKOLA, T.: Geschichte der samojedischen Sprachen // SINOR, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988. Pp. 219–263.
- MOISIO, A. & SAARINEN, S.: *Tscheremissisches Wörterbuch*. Aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Räsänen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. (LSFU XXXII). Helsinki, 2008.
- MUNKÁCSI, B. & KÁLMÁN B.: *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest, 1986.
- MW — PAASONEN, H.: *Mordwinisches Wörterbuch*. Bd. I-VI. (LSFU XXIII) Helsinki, 1990–1999.
- SALMINEN, T.: *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. (LSFU XXVI). Helsinki, 1998.
- SAMMALLAHTI, P.: Historical phonology of the Uralic languages // SINOR, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988. Pp. 478–554.
- SAMMALLAHTI, P. & NICKEL, K. P.: *Sámi-duiskka sátnegirji. Saamisch-deutsches Wörterbuch*. Karasjok, 2006.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä: *Etymologinen sanakirja*. 1–3. Helsinki, 1992–2000.
- SW — JANHUNEN, J.: *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedischen Etymologien*. (Castrenianumin toimitteita 17). Helsinki, 1977.
- UEW — RÉDEL, K.: *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. I-III. Budapest, 1986–1991.

The Indo-European Language Family: Questions about its Status.
Angela Marcantonio (ed.).

Journal of Indo-European Studies, Monograph Series 55.

Washington: Institute for the Study of Man, 2009. 476 pp. ISBN 978-0-941694-03-2

Индоевропеистика пережила научные парадигмы, вызвавшие ее появление как отдельной области знания в первой половине 19-го века. Хотя исследовательская методология пионеров индоевропеистики, таких как Франц Бопп, Рasmus Раск и Август Шлейхер, сегодня считается устаревшей, существование индоевропейской языковой общности продолжает являться аксиомой для исследователей, называющих себя индоевропеистами. Основными объектами научного спора в современной индоевропеистике являются детали индоевропейской реконструкции и статус отдельных таксонов внутри генеалогической конфигурации, например, позднеиндоевропейский праязык, иногда постулируемый как общий предок индоиранского, армянского и древнегреческого языков.

Для многих современных ученых само наличие консенсуса по многим вопросам индоевропейской реконструкции является важным социологическим аргументом в пользу существования индоевропейского праязыка. Если спросить таких исследователей, что является формальным доказательством генетического единства индоевропейской языковой семьи, можно услышать ответы, разнящиеся от наличия регулярных фонетических соответствий между отдельными его потомками до внешнего сходства между грамматическими показателями древних индоевропейских языков. Такие ответы являются неаккуратными или неполными. Регулярные фонетические соответствия обнаруживаются, например, между арабским и персидским языками на корпусе арабских заимствований в персидском, тогда как опора на грамматические морфемы не позволит установить генетическое единство, например, между английским языком и хинди. Даже критерий регулярных соответствий в базисной лексике, принимаемый наиболее подготовленными из традиционных компаративистов, пока не реализуем в автоматическом режиме: не существует, например, компьютерной программы, получающей на входе стандартные списки хеттской, ведийской и древнегреческой базисной лексики и выдающей на выходе систему регу-

лярных фонетических соответствий между тремя языками.

Подобная ситуация облегчает деятельность маргинальных фигур, пытающихся доказать, что индоевропейская реконструкция представляет из себя гигантский мыльный пузырь. Их наиболее заметным представителем сегодня является Анджела Маркантонио, редактор рецензируемого сборника. Сам сборник включает статьи ученых и дилетантов-индоевропеистов, в целом признающих индоевропейское языковое родство, но зачастую отстаивающих прямо противоположные взгляды по ключевым вопросам индоевропеистики. Во введении к сборнику Маркантонио интерпретирует данный разброс мнений как свидетельство отсутствия твердой методологической базы у индоевропеистики как научной дисциплины. Например, если ученые не могут прийти к единому мнению о месте индоевропейской прародины, была ли такая прародина? Если не достигнут консенсус по вопросу о том, был ли реконструированный индоевропейский праязык типологически более сходным с древнеиндийским или с хеттским, насколько надежна индоевропейская реконструкция? Наконец, если индоевропеисты не могут прийти к согласию по вопросу о формальном доказательстве наличия индоевропейской языковой общности, что объединяет их в одно научное сообщество?

Ключевым объектом критики со стороны Маркантонио является, однако, принципиальная неспособность индоевропеистов к выдвиганию проверяемых гипотез. Обоснованию данного положения посвящена отдельная авторская статья за номером 10 (сборник не имеет сквозной пагинации). Как поясняет Маркантонио, для сравнения лексического и грамматического материала в различных языках требуется сначала выдвинуть гипотезу о том, что они являются родственными. Результатом сравнения является праязыковая реконструкция, которая рассматривается в дальнейшем как доказательство языкового родства. Подобный метод является ненаучным согласно принципам постпозитивизма, отраженным, например, в работах Карла

Поппера, поскольку он не предполагает фальсификации гипотезы о случайном характере наблюдаемых сходжений между языковыми единицами. Эта критика в целом справедлива в отношении основоположников индоевропеистики, хотя и представляет собой анахронизм, поскольку последние жили задолго до постпозитивистов. Метаязыком проверки гипотезы языкового родства должен, согласно Маркантонио, служить язык математической статистики, в которой она сама, по-видимому, считает себя специалистом.

В то же время конкретное статистическое исследование, приведенное в работе Маркантонио, демонстрирует ее полное непонимание принципов отбора данных для статистического анализа. В качестве сравнительного материала, проверяемого на статистическую значимость, используются формы из словаря индоевропейских глаголов [Rix 2001]. Задачей данного словаря являлось не доказательство родства между индоевропейскими языками, а уточнение деталей классификации индоевропейских глагольных форм. Оттуда исключались, например, деноминативные глагольные формы, имеющие несомненные корневые когнаты в других языках, но нерелевантные для реконструкции индоевропейской глагольной системы. Это дисквалифицирует корпус словаря Рикса в качестве репрезентативной выборки для целей, декларированных Маркантонио. Таким образом, итальянская исследовательница попадает в порочный круг, подобный тому, который она разоблачает в работах первых индоевропеистов. Существенная разница между научными результатами Боппа и Маркантонио заключается в том, что выводы Боппа оказались интуитивно правдоподобными для большинства его современников, заинтересовавшихся индоевропейским языкознанием, тогда как выводы Маркантонио не разделяются в полной мере даже авторами, согласившимися представить статьи в редактируемый ею сборник.

С другой стороны, было бы неверным считать, что Маркантонио является первопроходцем в области проверки индоевропейской гипотезы статистическими методами. Среди ученых, работающих в данной области, наибольшей популярностью сегодня пользуется оценка формальных сходжений в синонимичной базисной лексике с использованием фонетрических параметров. В частности, статистическая значимость гипотезы индоевропейского языкового родства показана подобным методом в работе [Kessler & Lehtonen 2006], тогда как [Baxter & Manaster-Ramer 2000] представляет доказательство значимости гипотезы о родстве между англий-

ским языком и хинди, максимально эксплицированное для лингвистов, не обладающих статистической подготовкой. Обе данных работы никак не опираются на методологию сравнительно-исторического метода, и, в частности, отбор базисной лексики для целей эксперимента не определяется наличием или отсутствием внешних когнатов у соответствующих лексем. Ответственный исследователь, сомневающийся в существовании индоевропейской языковой семьи, должен был бы начать с опровержения статистических результатов вышеуказанных работ, которые, тем не менее, даже не упоминаются в библиографии Маркантонио.

В социологическом плане следует отметить, что Анджела Маркантонио пришла к своему мнению касательно индоевропейских языков не в результате традиционных историко-этимологических занятий данной семьей. Предшествующий этап ее исследовательской карьеры был посвящен уральским языкам и завершился опубликованием монографии, в которой отрицалось уральское языковое родство [Marcantonio 2002]. Реакция исторических лингвистов на данную работу варьировалась в диапазоне от осторожного несогласия с ее основным выводом [Vajda 2004] до вежливого, но твердого неприятия всех ее принципиальных положений [Laakso 2004] и не столь вежливых упреков автору в научной некомпетентности [Kallio 2004]. Основная заслуга автора была сформулирована в одной из рецензий следующим образом: «The book should ... provoke discussion on the implementation of statistical methods in comparativistics and ... be a step forward in developing more reliable statistical tests» [Saarkivi 2004: 191]. Насколько можно судить по рецензируемому сборнику, Маркантонио не стала совершенствовать свои статистические методы, решив вместо этого опровергнуть с их помощью еще одну общепризнанную языковую семью. Все вышеизложенное дает основания предположить, что Анджела Маркантонио скорее заинтересована не в поиске научной истины, а в привлечении широкого общественного внимания к собственной научной деятельности.

На этом месте хотелось бы перейти от анализа научных взглядов редактора сборника к обсуждению отдельных работ, включенных в рецензируемую публикацию. Понимание статьи слависта Хеннинга Андерсена «The satem languages of the Indo-European Northwest: first contacts» крайне затруднено большим количеством опечаток в транслитерации, допущенных в процессе подготовки статьи к печати. Ясно, однако, что Андерсен объясняет возникновение балтийских и славянских энк-

линоменов как результат контактно-обусловленной потери унаследованного акцента в определенной фонетической позиции. Аргумент автора имеет подчеркнuto типологический характер: ему неизвестны случаи возникновения энклиноменов в процессе естественной языковой передачи (стр. 2—11). Данное признание, впрочем, имеет ограниченную научную ценность, поскольку автору также не известны энклиномены в языках, отличных от балто-славянских, что сужает его типологическую выборку до трех примеров. Что касается собственно исторических аспектов реконструкции, Андерсен опирается на балто-славянскую акцентную реконструкцию диссертации [Olander 2006]. Выводы Оландера существенным образом отличаются как от взглядов Московской акцентологической школы, согласно которым балто-славянские энклиномены возникли в результате трансформации более ранних низкотональных платформ, так и от выводов недавней работы [Jasanoff, forthcoming], трактующей балто-славянские подвижные акцентные парадигмы не как результат энклизы, а как следствие наложения двух последовательных передвижений ударения, осложненных аналогическими преобразованиями. В виду вышеизложенного, гипотеза Андерсена представляется весьма спекулятивной, хотя, разумеется, нельзя исключить *a priori* субстратное влияние на развитие балто-славянской акцентной системы.

Тандем дравидологов Э. Аннамалаи и С. Б. Стивера посвятил свою работу попытке опровержения гипотезы об индийской прародине индоевропейцев. Справедливо отмечая, что данная гипотеза отражает общественный заказ шовинистически настроенных кругов индуистских интеллектуалов, авторы останавливаются на типологических различиях между санскритом и древнетамильским языком. С их точки зрения, данные различия говорят против длительного симбиоза индоарийских и дравидийских языков на одном субконтиненте. К сожалению, их аргументацию следует признать методологически ошибочной, поскольку даже языки, долгое время соседствовавшие в одном и том же регионе, например восточно- и западнокавказские, могут быть типологически далеки друг от друга. С другой стороны, пример балканского языкового союза показывает, что временная дистанция в 1000—1500 лет вполне достаточна для типологического сближения языков даже при отсутствии языкового сдвига. Напротив, сценарий арийской миграции на территорию северной Индии как раз предполагает языковой сдвиг, поскольку группы индоариев, пришедших из-за Гиндукуша,

едва ли могли физически вытеснить все туземное население из долин Инда и Ганга. И действительно, в монографии [Masica 1976] приводятся многочисленные типологические параллели между индоарийскими и дравидийскими языками, хотя авторы обсуждаемой статьи в целом оставляют их без комментариев. С нашей точки зрения, наиболее убедительным аргументом против спекуляций индуистских шовинистов являются соображения лингвистической географии. Центр наибольшего языкового разнообразия индоевропейской семьи явно располагается за пределами Индостана, тогда как для дравидийской семьи его как раз можно постулировать на территории северной Индии.

Тему мифа об индийской прародине индоевропейцев продолжает статья Эдвина Брайана «The Indo-Aryan migration debate». Данная работа относится к социологическому жанру. Автор, посвятивший в прошлом целую монографию анализу псевдонаучного исторического нарратива индуистских шовинистов, резюмирует его основные положения для аудитории индоевропейцев. Как правильно подчеркивает Брайан, «теория исхода из Индии» является формально неполной, поскольку ее адептов в целом не интересуют хронология и траектории миграций, приведших к возникновению индоевропейских лингвистических сообществ за пределами индийского субконтинента. Их основной заботой является пропаганда древности индоарийской цивилизации на территории Индостана и, в частности, арийского характера культуры Мохенджо-Даро и Хараппы. Предположение о миграции индоарийцев извне, согласно взглядам индуистских радикалов, является выдумкой английских колонизаторов, стремившихся доказать, что коренное арийское население имеет не большее право называть Индию своей родиной, чем мусульмане или европейцы (4—8). Хочется надеяться на то, что улучшение экономического положения Индии постепенно приведет к деполитизации проблемы арийских миграций в данном регионе. На сегодняшний день попытки научной дискуссии с убежденными последователями «Теории исхода из Индии» представляются малоперспективными.

Хеттолог Онофрио Карруба, не являющийся, по собственному признанию, специалистом в индоевропеистике (5—2), посвятил свою статью проблеме происхождения индоевропейского аблаута. Отвергая причинно-следственную связь между акцентом и аблаутными (апофоническими) чередованиями древних индоевропейских языков, автор предполагает, что последние имели дейктическую

функцию. Если мы правильно понимаем общую идею Каррубы, вокализм *e* связывается с ближнесредним дейксисом и стабильностью, а вокализм *o* связывается с дальнесредним дейксисом и окказиональностью. Данная теория представляется плохо формализуемой в рамках сегментной морфологии: Карруба нигде не утверждает прямо, что аблаутные *e* и *o* являются отдельными морфемами, но, тем не менее, приписывает им определенные значения. Кроме того, насколько мы можем судить, она не подтверждается типологическими параллелями. В частности, в семитских языках, где трансфиксы, несомненно, являются отдельными морфемами, для них постулируются конкретные грамматические значения (например, активное причастие первой породы, обозначение профессий и т. д.), а не абстрактные дейктические коннотации. Как представляется, Карруба исходит из широкого применения звукосимволизма в раннеиндоевропейском праязыке, что выдает его симпатии к гипотезе языковой стадиальности. Заслугами работы Каррубы являются, с нашей точки зрения, полезный обзор современной литературы по происхождению аблаута, а также здоровый критический взгляд на акцентную теорию аблаута, доминирующую в современной западной индоевропеистике.

Статья Паоло ди Джовине, посвященная реконструкции глагольного словоизменения и словообразования в индоевропейском праязыке, делает особый упор на классификацию глагольных систем отдельных индоевропейских языков по степени их «архаичности». С точки зрения автора, наиболее «архаичные» глагольные системы наблюдаются в индоиранском и древнегреческом. В частности, в данных языках хорошо выражены модальные категории конъюнктива и оптатива, которые оказались полностью утрачены в хеттском. К сожалению, автор обходит молчанием ключевой архаизм хеттской глагольной морфологии, а именно последовательное лексическое противопоставление *-mi-* и *-hi-* спряжений во всех сохранившихся временных и модальных формах. В древнегреческом языке соответствующее противопоставление сохранилось лишь в системе презенса и проводится крайне непоследовательно по диалектам, тогда как в ведийском оно почти полностью устранено. По нашему мнению, вопрос об относительной «архаичности» или «инновативности» древнейших индоевропейских языков является чисто статистическим, поскольку в каждом из них есть свои архаизмы и инновации. Существенным для классификации, однако, является тот факт, что в ведийском и древнегреческом языках существуют общие ин-

новации, которые отсутствуют в хеттском, например, сигматический аорист [Jasanoff 2003: 204–5] или метатеза в кластерах со «спирантами Бругмана» [Ringe 2010].

Проблематичным с методологической точки зрения является заключение автора: «[R]econstructed Indo-European presents itself as a linguistic area already clearly differentiated into dialects» (6–20). С точки зрения социолингвистики, диалектная дифференциация является результатом территориальной экспансии или социальной стратификации единого языкового сообщества. Поэтому, с точки зрения компаративистики, продукт диалектной дифференциации может являться лишь промежуточным звеном в реконструкции единого праязыка. Разумеется, определенные аспекты праязыкового состояния всегда остаются недоступными для реконструкции, но то же самое касается и промежуточных диалектов. Декларации, подобные процитированной выше, обычно отражают нежелание отдельных специалистов брать на себя ответственность за реконструкцию в сложных случаях.

К вопросам классификации индоевропейских языков обращается также Бриджит Дрнка в статье «Stratified reconstruction and a new view of a family tree model». В действительности эта работа выступает против древовидного представления индоевропейской семьи, предлагая заменить его альтернативной моделью, учитывающей фактор контактов между отдельными дифференцированными диалектами. Признавая недостаточное внимание, уделяемое контактно-обусловленным инновациям в современной индоевропеистике, хотелось бы вместе с тем отметить, что критика Дрнки часто бьет мимо цели. Исследовательская программа Дональда Ринджа и его соавторов, избранная Дрнкой в качестве основного объекта критических замечаний, как раз включает разработку формального представления вторичных контактов между родственными индоевропейскими языками. Данная тема детально раскрыта в статье [Nakhleh et al. 2005], которая цитируется, но не обсуждается в работе Дрнки. Напротив, схема индоевропейской языковой филиации, предлагаемая археологом Дэвидом Энтони и рекомендуемая Бриджит Дрнкой в качестве альтернативы к древовидным моделям, не является формальной и не может быть фальсифицирована лингвистическими методами. С нашей точки зрения, Дрнка правильно отмечает недостаточное внимание к общим инновациям греческой и индоиранской глагольной системы в модели Дональда Ринджа и его соавторов, однако данный недостаток может легко быть исправлен

при помощи изменения классификационных параметров и не требует отказа от самой модели.

Археолог Александер Хойслер выступает против попыток идентификации носителей индоевропейского праязыка или его древних диалектов с отдельными археологическими культурами. Он также высказывается против реконструкции миграций индоевропейских племен, отдавая предпочтение сценарию постепенного языкового сдвига. Вопрос об археологических коррелятах индоевропейской языковой экспансии должен, разумеется, решаться в первую очередь археологами, однако можно выразить сожаление, что на страницах сборника не представлена точка зрения коллег Хойслера, придерживающихся других взглядов, таких, как Джеймс Мэллори или вышеупомянутый Дэвид Энтони. Заметим, что Колин Ренфрю, чья точка зрения обсуждается Хойслером в заключительной части статьи, также считает возможным предлагать лингвистические идентификации для археологических культур, хотя его археологическая идентификация индоевропейцев с древнейшими земледельцами Европы резко отличается от воззрений большинства лингвистов-индоевропейцев.

С другой стороны, хотелось бы предостеречь Хойслера и других археологов от некритичного использования взглядов Ёрма Койвулехту и его последователей на локализацию уральской или финно-угорской прародины к северо-западу от верхнего течения Волги (ср. 8.9–10). Критерий наибольшего языкового разнообразия, уже упоминавшийся в связи с индоевропейскими или дравидийскими языками, указывает на прародину уральцев к востоку от Урала и прародину финно-угров в районе Урала. Основным лингвистическим аргументом Койвулехту является наличие древнейших индоевропейских заимствований в уральском, однако семантика соответствующей лексики скорее говорит в пользу того, что она унаследована из общеиндоуральского состояния [Helimski 1999]. По нашему мнению, широкое распространение взглядов Койвулехту в современном научном дискурсе объясняется, с одной стороны, традиционным недоверием индоевропейцев к индоуральской гипотезе, вызванным их недостаточным знакомством с уральским языковым материалом, а с другой стороны, желанием националистически настроенных финских ученых доказать древность пребывания предков финнов на территории Финляндии.

Наиболее эксцентричной из работ, представленных в коллективной монографии, является, пожалуй, статья Николаса Казанаса, посвященная обоснованию индийской прародины индоевро-

пейцев. Чтобы получить представление о характере аргументации, выдвигаемой данным автором, достаточно одной цитаты (авторское выделение сохранено): «[O]nly Sanskrit has roots and proper vowel gradation. **All other IE branches have stems, not roots as such**» (9–20). Вместе с тем, именно Казанас делает попытку опровергнуть взгляды Маркантонио и доказать существование индоевропейской языковой общности, возможно, поскольку лишь он один из всех авторов сборника воспринимает ее научную программу всерьез. В его статье приводятся списки индоевропейских когнатов, принадлежащих к базовой лексике, призванные исключить гипотезу случайного совпадения или заимствования. Казанас, впрочем, спешит признать, что его сравнения имеют интуитивный характер, поясняя при этом: «[I]n the area under discussion, the proper “scientific” approach would be to ignore rigidity, regularity, and uniformity, since the linguistic and cultural changes occurred in diverse ways and certainly under no observable law» (9–10). В предисловии к монографии Маркантонио, в свою очередь, называет Казанаса в числе своих главных друзей-оппонентов (1–48). Несомненно, подобный симбиоз весьма удобен для обоих участников научного спора.

Типолог Ярон Матрас посвятил свою статью анализу двух индоарийских языков, для которых особенно характерно заимствование грамматических элементов. Речь идет о «цыганских» диалектных кластерах романи и домари, которые постоянно подвергаются влиянию со стороны языков адстратов, поскольку их носители кочуют небольшими группами в иноязычной среде. Тем не менее, можно построить иерархию классов грамматических морфем в данных языках по степени проникновения в них заимствований. Морфемы, оказывающиеся на конце данной иерархии, такие как падежные и посессивные показатели, личные местоимения и глагольные окончания, обычно принадлежат к числу унаследованных элементов (11–19). Разумеется, заимствование менее стабильных элементов может повлечь за собой и заимствование их сопутствующей флексии (ср. англ. *alumnus/alumna/alumni* ‘выпускник/выпускница/выпускники’), однако подобные парадигмы всегда остаются изолированными на периферии грамматической системы. Эта деталь, кажется, не вполне усвоена Маркантонио, поскольку последняя пытается использовать работу Матраса для интерпретации соответствий индоевропейских глагольных окончаний как результата лексической диффузии (1–49).

Рюдигер Шмитт завершает сборник полезным и детальным обзором древнеиранских фонетических и морфологических архаизмов, устраненных в древнеиндийском. В социологическом плане данную статью можно, вероятно, рассматривать как своеобразный ответ Н. Казанасу, для которого «архаизм» структуры санскрита является одним из свидетельств его особого статуса среди индоевропейских языков. С точки зрения профессионального лингвиста, однако, не существует прямой корреляции между степенью «архаизма» того или иного языка и географической близостью его ареала к прародине языковой семьи. Поэтому эмпирическая работа Шмитта объективно оказывается чужеродным телом в сборнике, большинство авторов которого озабочено решением основополагающих проблем индоевропеистики.

Хочется надеяться, что приведенный выше обзор достаточен для демонстрации отсутствия общей методологической платформы у авторов рецензируемой публикации и позволяет исключить гипотезу о том, что мы присутствуем при рождении новой научной парадигмы. Последнего, впрочем, не утверждает и сам редактор. Важнее для нас подчеркнуть, что низкая когерентность сборника отражает отнюдь не общее состояние современной индоевропеистики, как это хотелось бы думать Маркантонио, а частные мнения исследователей, согласившихся опубликовать статьи под ее редакцией. В индоевропеистике, как и в любой другой области научного знания, можно найти как профессионалов, так и любителей, и высокая пропорция последних отражает сама по себе не бесперспективность данной дисциплины, а скорее ее общественную популярность. Вместе с тем, если собрать вместе ведущих и провинциальных индоевропеистов, специалистов в узких или смежных областях, дилетантов от индоевропеистики и ученых, изучающих последних как социологический феномен, нетрудно добиться неограниченного плюрализма мнений, правильных, спорных, фактически ошибочных и логически несостоятельных. Это, разумеется, не умаляет значения наиболее серьезных работ, попавших в сборник, таких как статьи Шмитта или Матраса, хотя и уменьшает их шансы оказаться замеченными.

С другой стороны, рецензируемый сборник представляет безусловный социологический интерес. Как правило, современные астрономы не вступают в диалог с представителями «Общества плоской Земли», а сторонники эволюционного учения Дарвина не организуют совместных симпозиумов с креационистами. То, что Анджеле Мар-

кантонио удалось собрать под одной обложкой Рюдигера Шмитта, Эдвина Брайана и Николаса Казанаса, свидетельствует не только о ее несомненных организаторских способностях, но и об отсутствии общепринятой жанровой границы между современным научным исследованием, метанаучным дискурсом и околонуучным перформансом на тему индоевропеистики.

Причины такого положения дел опять-таки лежат за пределами чистой науки. В эпоху растущей специализации научной деятельности сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков продолжает носить междисциплинарный характер, и финансовая поддержка исследований по данной теме напрямую зависит от интереса, проявляемого к ней со стороны представителей смежных дисциплин и в целом в образованной части общества. Поэтому понятны попытки профессионалов-индоевропеистов покинуть «башню из слоновой кости» и донести результаты своих исследований до менее подготовленных оппонентов. Хотелось бы, однако, еще раз указать на необходимость применения математических методов в подобном диалоге. В противном случае в нем отсутствует метаязык, и у неискушенного читателя может сложиться впечатление, что Анджела Маркантонио является квалифицированным третейским судьей, а ее нигилистические выводы — закономерным результатом двухсотлетнего развития индоевропеистики.

Литература

- BAXTER, William H. and Alexis MANASTER-RAMER. 2001. "Beyond lumping and splitting: Probabilistic issues in historical linguistics". In Colin RENFREW, April MCMAHON, and Larry TRASK (eds.), *Time Depth in Historical Linguistics*. Cambridge, UK: McDonald Institute for Archeological Research. Pp. 167–188.
- HELMISKI, Eugene. 2001. "Early Indo-Uralic Linguistic Relationships: Real Kinship and Imagined Contacts". In C. CARPELAN, A. PARPOLA and P. KOSKIKALLIO (eds.), *Early Contacts Between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations*. Helsinki. Pp. 187–205.
- JASANOFF, Jay. 2003. *Hittite and the Indo-European verb*. Oxford University Press.
- JASANOFF, Jay. Forthcoming. "Balto-Slavic mobility as an Indo-European problem" to appear in the proceedings of the *Fifth International Workshop on Balto-Slavic Accentology (IWoba V)*.
- KALLIO, Petri. 2004. Review of [Marcantonio 2002]. *Anthropological Linguistics* 46/4: 486–89.
- KESSLER, Brett and Annukka LEHTONEN. 2006. "Multilateral comparison and significance testing of the Indo-Uralic question". In P. FORSTER & C. RENFREW (eds.), *Phylogenetic methods and the prehistory of languages*. Cambridge, UK: McDonald Institute for Archeological Research. Pp. 33–42.

- LAAKSO, Johanna. 2004. "Sprachwissenschaftliche Spiegelfechterei (Angela Marcantonio: The Uralic language family. Facts, myths and statistics)". *Finnisch-ugrische Forschungen* 58: 296–307.
- MARCANTONIO, Angela. 2002. *The Uralic language family: facts, myths, and statistics*. Oxford: Blackwell.
- MASICA, Colin. 1976. *Defining a linguistic Area: South Asia*. University of Chicago Press.
- NAKHLEH, Luay, Don RINGE, and Tandy WARNOW. 2005. "Perfect Phylogenetic Networks: A New Methodology for Reconstructing the Evolutionary History of Natural Languages". *Language* 81/2: 382–420.
- OLANDER, Thomas. 2006. *The prehistory of Balto-Slavic mobile accent paradigms*. Dissertation, University of Copenhagen.
- RINGE, Don. 2010. "'Thorn' Clusters and Indo-European Subgrouping". In R. KIM et al. (eds.), *Ex Anatolia Lux: Anatolian and Indo-European studies in honor of H. Craig Melchert on the occasion on his sixty-fifth birthday*. Ann Arbor: Beech Stave Press. Pp. 330–38.
- RIX, Helmuth. 2001. *Lexicon der indogermanischen Verben: Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen* (2nd ed.). In cooperation with M. KÜMMEL, Th. ZEHNDER, R. IPP, and B. SCHIRMER. Wiesbaden: Reichert.
- SAARKIVI, Janne. 2004. Review of Marcantonio 2002. *Journal of Linguistics* 1/2004: 187–91.
- VAJDA, Edward J. 2004. Review of Marcantonio 2002. *Canadian Journal of Linguistics* 48(1/2): 117–21.

Т. А. Михайлова

Институт языкознания РАН (Москва)

The Journal of Indo-European Studies.

Vol. 37, № 3—4, 2009

Древнеиндийская тематика предыдущего выпуска журнала (см. обзор А. С. Крыловой в № 5 ВЯР) продолжается и в следующем. Номер открывается статьей К. Ангелина «Высший шаг Вишну» (Catalina Anghelina. *Viṣṇu's Highest Stride*, pp. 277—298), посвященной теме знаменитых «трех шагов Вишну». Новый подход к такой, казалось бы, более чем изученной теме, безусловно, не прост, однако автор пытается дать ее свежую интерпретацию, опираясь на сопоставительный материал, в основном — древнегреческий. Привлекая содержащиеся в *Viṣṇu Purāṇa* данные, она приходит к выводу, что «третьим шагом» бог Вишну достигает основного локуса своего пребывания — Северного полюса. В данном случае К. Ангелина приводит для сопоставления предания «алтайских народов Сибири» (р. 280, согласно которым их верховное божество также локализуется на вершине горы, символизирующей Северный полюс в его небесной эманации. Аналогичную гору — локус высшего божества она видит и в греческом Олимпе, делая при этом вывод о несомненном архаизме данной традиции, восходящей к доведийским мифологическим представлениям. Что касается самих «шагов Вишну», то здесь автор предлагает видеть не отражение космогонической традиции, делящей мир на землю, воздух и небо, и не отголоски солярного мифа (справедливо отмечая, что точка зенита смещается в зависимости от времени года), но архаические астрономические представления. Так, своими «шагами» Вишну, по ее мнению, перемещается по точкам движения от Полярной звезды к созвездию Большой Медведицы и, далее, к небесному Северному полюсу. Бог Вишну, таким образом, символизирует не столько пространство, сколько время, образующее вечную *axis mundi*. При этом «ведический космос» в ее интерпретации получает эсхатологический смысл: «южная его часть принадлежит умершим, северная — тем, кто завершил свой

Путь и по той или иной причине избежал реинкарнации, а над Большой Медведицей находится жилище богов, которые следят за людьми» (р. 296). Аналог данного «наблюдения и управления» автор опять-таки видит в традиции древнегреческой. При этом, как она отмечает, логично было бы на фоне сказанного, если бы наивысший локус занимал и верховный бог — Индра, однако расположение в высшей точке времени Вишну, по ее мнению, может быть следствием того, что миф о Вишну имеет доиндоевропейское происхождение. «Сходные темы можно найти в шаманистских верованиях алтайцев в Северной Азии, и истоки мифа следует искать там» (р. 296). Статья завершается справедливым утверждением о том, что человек с самых древних времен смотрел на звезды, стараясь найти там ответы на вечные проблемы бытия и мироздания.

Статья Д. Адамса «Генитив и адъективы в тохарском» (Douglas Q. Adams. *Genitive and Adjective in Tocharian*, pp. 299—320) демонстрирует англоцентричное мышление самого автора, для которого «нормальным» способом дефиниции имени является образование генитива другого имени, а редкая адъективация служит для передачи неопределенности объекта (ср. его пример: *the power of the president ~ presidential power*). Адъективизация имени собственного при этом, естественно оказывается невозможной: ср. *Sam's book ~ *Samuelan book* (р. 300). Однако, тохарский (в основном — тохарский В) дает здесь совершенно иную картину, сближаясь в этом, как показывает автор, отчасти с греческим языком и «некоторыми славянскими». В работе приводятся тщательные подсчеты встреченных альтернативных форм (генитива/адъектива), в результате которых автор приходит к выводу, что фактор определенности/неопределенности в данном случае оказывается не всегда релевантным, хотя определенная закономерность и сходство с «за-

падными» языками здесь также имеет место (так, подсчеты именных групп с NP дали всего 4% адъективных образований, а прилагательное *lantuññe* имеет абстрактное значение ‘царский’, в то время как генитив *lānte* означает ‘принадлежащий царю’ и обычно сопровождается именем собственным). Наиболее релевантными признаками для формообразования, как показывает Д. Адамс, в тохарском являются такие показатели, как абстрактность/конкретность и одушевленность / неодушевленность (в последнем случае обозначения животных проявляют большую склонность к адъективным образованиям, чем обозначения людей). Кроме того, им было выведено «тохарское правило» (р. 305), согласно которому при расширении именной группы генитивы, как правило, превращаются в адъективы, например: *kewiye melteşe şpel* ‘припарка коровьего навоза’. Сопоставление с другими и.-е. языками демонстрирует наибольшую близость с греческим и церковнославянским, тогда как английская конструкция типа *a Shakespirian sonnet* представляется автором заимствованной из восточных языков (р. 315). В заключение автор высказывает предположение, что обильная отыменная адъективация характеризует раннее состояние развития языка и что, возможно, она была широко представлена в праиндоевропейском.

Статья М. Эгелера своим длинным названием суммирует все идеи автора: «Текстуальные отражения доисторических контактов: некоторые соображения по поводу женских демонов смерти, героической идеологии и понятия путешествующей элиты в европейской ранней истории» (Textual Perspectives on Prehistoric Contacts: Some Considerations on Female Death Demons, Heroic Ideologies and the Notion of Elite Travel in European Prehistory, pp. 321—349). Автор сравнивает демонов войны и смерти, имеющих одновременно женскую и птичью ипостась (ирландские Бодб и Морриган, скандинавские валькирии, этрусская Ванф, греческие сирены и проч.) и приходит к выводу, что все эти демонические персонажи связаны в первую очередь с идеей смерти на поле битвы и, во-вторых, с опасностью воина в странствии. Распространение данной мифологемы, как полагает автор, было связано с идеологией «путешествия» (скорее — индивидуального, чем военного похода), в которое пускались представители военной элиты индоевропейцев для освоения новых земель. Ключом к данной идеологеме автор считает др.-исл. лексему *heimdragi*, имеющую отрицательные коннотации и означающую буквально «домо-пребывающий, остающийся дома». Выводы выглядят

вполне убедительно, однако, к сожалению, в статье не ставится вопрос о хронологических рамках данных странствий: разброс материала во времени слишком велик — от сер. I тыс. до н. э. до эпохи викингов.

Объемная работа Г. Янакиса «(Историческая) лингвистика и (классическая) филология» (Georgios K. Giannakis. (Historical) Linguistics and (Classical) Philology, pp. 351—397) призывает индоевропейцев не замыкаться в своей методологии лишь в одной области исследования — либо собственно лингвистической реконструкции, либо сравнительно-исторической мифологии и социологии. Как справедливо показывает автор, метод, названный им ‘linguistics cum philology approach’ (р. 356), оказывается более перспективным, потому что сочетает в себе, с одной стороны, понимание архаической системы социальных взаимоотношений индоевропейцев (как и более поздних сообществ), с другой, знание регулярных фонетических соответствий. Работа опирается в основном на древнегреческий материал, как и было объявлено в ее названии. Так, например, в статье приводится множество дериваций и.-е. основы **h₂aǵ-* ‘вести, направлять’ и анализируются механизмы семантических переходов и особенностей сложения основ, порождающих новые лексемы (*пастух, торговец, состязание воинов* и проч.), взятых из книги Najnal I. *Mikenisches und homerisches Lexicon* (Innsbruck, 1998). В то же время в работе сопоставляются такие, казалось бы, тождественные не только семантически, но и генетически слова как греч. θεός и лат. *deus* ‘бог’. При семантическом тождестве и фонетическом подобии, как показывает автор, эти лексемы не могут восходить к одному этимону, поскольку начальное лат. *d-* восходит к и.-е. **d-*, тогда как греч. θ- — к и.-е. **dh-*; таким образом, базой для греческого слова оказывается и.-е. **dheh₁* ‘ставить, размещать, создавать’ (р. 368). Не обойдено вниманием, с другой стороны, и знаменитое армянское *erku* ‘два’, имеющее надежную обще-и.-е. этимологию, которая на первый взгляд действительно вызывает чувство дилетантского потрясения. Г. Янакис призывает в своей работе к междисциплинарности и в качестве положительного примера приводит имена К. Уоткинса, Т. Гамкрелидзе и Вяч. Иванова, Р. Антиллы, Дж. Мэллори и Д. Адамса, Н. Казанского и ряд других. Отрицательные примеры выглядят несколько фантомообразно. Возможно, классическая филология в настоящее время действительно переживает своего рода кризис, и призыв автора к коллегам — встать на базу правильной методологии и обратиться к индоевропейским па-

раллелям, а также следить за точными фонетическими соответствиями — звучит далеко не наивно. Хочется верить, что он будет услышан.

Статья Й. Рахимана и Ф. Хаияни «Семантика и прагматика *râ* в персидском: диахронное и синхронное исследование» (Jalal Rahimian and Farrokh Hajani, *Semantic-pragmatic functions of *râ* in Persian: a diachronic and synchronic study*, pp. 399—420) посвящена в основном прагматике частицы *râ* на современном языковом уровне, где она представляет собой маркер прямого объекта, имеющий референциальные признаки. Иными словами, постановка *râ* в постпозиции по отношению как к имени, так и глаголу отсылает говорящего к описанной выше ситуации (в статье приводится много убедительных примеров и даже схем-деревьев). В то же время, как показывают авторы, в древнеперсидском *radiy* имело ограниченную семантику и вводило каузацию — «с какой целью, зачем». В работе приводится много аналогичных примеров из английского языка, в которых предполагаемая интонация, наряду с артиклем, служит дополнительным маркером дефинитивности/неопределенности объекта. К сожалению, авторы в своем диахронном разделе не обращаются к русск. *ради*, также — в правой дислокации по отношению к объекту и шире — значимому слову (*чего ради?*), которое тождественно с перс. *râ* и этимологически (к и.-е. **rē-dh-*, IEW: 59—60). Предположительно, в обоих языках мы имеем дело с окаменевшей в постлог формой локатива утраченного существительного, либо с глагольной формой. Впрочем, задачу глубокой диахронии авторы перед собой и не ставили.

В небольшой работе М. Валерио «Палайское *fulāsīnanza*: об одном анатолийском суффиксе — две возможных интерпретации» (Miguel Valério, *Palaic fulāsīnanza: One Anatolian Suffix, Two Possible Explanations*, pp. 421—429) дается анализ указанной лексемы, представленной в поврежденной, предположительно — вотивной надписи. По хеттским и лувийским данным, основа *fulāsīn-* означает сорт хлеба (подношение богу), тогда как суффикс остается проблематичным. Хеттская форма *tuppianza* (при объектной форме *tuppi*, асс. ‘табличка’) снабжена эргативным маркером, однако аналогичная интерпретация формы *fulāsīnanza* оказывается затруднена тем, что «в хеттском, лувийском и ликийском только слова среднего рода могут стоять в эргативе, тогда как *fulāsīna-* входит в одушевленный класс» (р. 423). Альтернативной гипотезой, предложенной автором, является оценка формы *fulāsīnanza* как адъективного образования с суфф. *-ant*

(ср. *peruna* ‘скала’ > *perunant* ‘скалистый’ etc.). Данное решение представляется дискуссионным и самому автору, который пишет, что в других палайских текстах (отметим — немногочисленных) аналогичная формула не засвидетельствована. Работа завершается предложением специалистам в области анатолийских языков более внимательно обратиться к анализируемой форме и найти возможные аналогии, как в эргативных конструкциях (которые, возможно, не всегда соблюдают приведенное выше ограничение), так и в адъективных формах.

В статье японской лингвистки Й. Ямадзаки «Эффект Соссюра в литовском» (Yoko Yamazaki, *The Saussure Effect in Lithuanian*, pp. 430—461) очень детально анализируются случаи, когда реконструируемый на прото-индоевропейском уровне ларингал в силу фонотактических условий (в сочетании с сонорным) не оставляет рефлексов в вокализме основ: **#HRo* > **#Ro-*, **-oRHC-* > **-oRC-*. Зафиксированный в италийских языках, греческом, хеттском и армянском, этот «эффект» (в русскоязычной традиции — «правило Соссюра»), предположительно, имел место на самом раннем уровне. Балто-славянские данные в данной связи, как отмечает автор, изучены не достаточно, и более того — действие правила Соссюра в балто-славянском, как отмечает автор, признается далеко не всеми, в основном, предположительно в виду того, что в данной группе языков рефлексы старых ларингалов реализовались не только в окраске гласных и появлении вторичной долготы, но и в акцентной парадигме, в балтийском в частности — в системе слоговых тонов (оппозиция доминантных акута и циркумфлекса, появляющегося там, где ларингала предположительно не было). Например: **ǵēnh₁-to-* > лит. *žentas* ‘зять’ при **ul^{kw}os* > лит. *vilkas* ‘волк’. Опираясь в основном на работу — Rasmussen J. E. *Studien zur Morphophonemik der indogermanischen Grundsprache* (Innsbruck, 1989), Ямадзаки осмысляет описанные в ней рефлексы «эффекта Соссюра» в балтийских языках, в основном — литовском, а точнее — анализирует причины не столь явного его присутствия (с ее точки зрения, говоря проще, далеко не все примеры Расмуссена, выглядят убедительными). Так, например, возведение лит. *žarmà* ‘иней’ к и.-е. **kriH-* и соотнесение лексемы с др.-англ. *hrim* оспаривается Ямадзаки, которая предлагает другую этимологию германских лексем: к и.-е. **krei-* ‘трогать, трясти; быть на поверхности’ (откуда лит. *krėnà* ‘сливки’, см. IEW, 618). В то же время, несомненное соотнесение литовской лексемы с русск. *серён* ‘ледяной наст, появ-

ляющийся после оттепели' (лексема засвидетельствована у Фасмера, но с другими параллелями — Т. М.), а также с латышск. *saīta* 'изморозь; седина' и литовским же *žármas* 'изморозь' позволяет, по мнению автора, поддержать предложенную в свое время В. М. Илличем-Свитычем этимологию, реконструирующую анит-корень (**kernom*) для балтийской «изморози» и сет-корень — для «инея» (в балтийском и славянском). В итоге, Й. Ямадзак предлагает вывести и.-е. этимон **ker(H)-*, отмечая при этом, что данная проблема нуждается в дальнейшем анализе (р.437).

Практически почти не находя нужных примеров и, напротив, обнаружив ряд других контрпримеров (например: лит. *kalvā* 'скала' < **kolH-u-*), она высказывает предположение, что данные балтийских языков должны в целом привлекаться к общей и.-е. реконструкции с большой осторожностью, ввиду их поздней фиксации, затрудняющей глубокое восстановление дошедших до нас форм.

В статье Александра Николаева «Германское обозначение *меча* и делокативная деривация в прото-индоевропейском» (Alexander Nikolaev, *The Germanic word for 'sword' and delocative derivation in Proto-Indo-European*, pp. 462–488) предлагается новая этимология общегерманского **sƿerða-* 'меч',

неясного по своему происхождению. Рассмотрев имеющиеся в настоящее время этимологии лексемы и признав их семантически немотивированными, автор предлагает соотнести германское **sƿerða-* с лувийским *š(i)ṣal* 'кинжал', восходящим к и.-е. **sh_{2/3}u-* 'острый'. Расширитель *-t-* маркирует в данном случае локативно-адъективное образование — «относящийся к остроте». В работе приводятся убедительные сопоставления с аналогичным локативным маркером как из германских, так и из других и.-е. языков.

Последняя работа выпуска представляет собой развернутую рецензию Н. Аллена на две недавно вышедшие книги Доминик Брикель о мифологии основания Рима и осаде его галлами (Nick Allen, *Early Rome and Indo-European Comparison: Dominique Briquel on Two Crises*, pp. 489–508). Рецензируемые исследования в основном анализируют символическую природу «вечного города» и трактуют его осаду с точки зрения дюмезилевских функций. Как показывает автор, Доминик Брикель, специалист в области классических исследований, выходит за рамки собственно античной истории и проводит много параллелей с нарративом «Махабхараты», что делает ее труды ценными для индоевропеистики в целом.

Шестые традиционные чтения памяти С. А. Старостина Москва, РГГУ, 24—25 марта 2011 г.

24—25 марта в РГГУ состоялась шестая конференция «Чтения памяти С. А. Старостина», которая из года в год организуется сотрудниками Центра компаративистики Института восточных культур и антропологии в память о Сергее Анатольевиче Старостине (1953—2005), основателе Центра и его первом руководителе. В конференции принимали участие сотрудники и студенты РГГУ, а также гости из МГУ и других научных организаций Москвы и Санкт-Петербурга. По традиции вступительное слово произнес директор Института И. С. Смирнов.

Если распределять прозвучавшие на конференции доклады, опираясь на языковую классификацию по степени родства, окажется, что большинство из них было посвящено языкам индоевропейской семьи. Это доклады В. А. Дыбо «Следы праиндоевропейского ударения в языке шина. Тоны. Глагольная система», В. В. Шеворошкина «Злоключения Зевса в Ликийском царстве», И. С. Якубовича «Stem-Formation of the Lycian Verb in Historical Perspective», А. В. Сидельцева «Две системы местоименной репризы в хеттском: диахрония», А. И. Когана «О генетической характеристике “смешанных кашмирских диалектов”», С. В. Кулланды «Неавестийское в авестийском» и А. В. Шацкова «Эргативный падеж в хеттском».

Безусловно, было уделено внимание и другим языковым семьям: афразийской (А. Ю. Милитарев, «К разработке универсальной модели оценки реконструкций и этимологий (УМОРЕ) для экстралингвистических построений на афразийском материале»; О. В. Столбова, «Некоторые проблемы лексических заимствований (чадские языки, языки канури, фула, манде)»), нигер-конголезской (К. В. Бабаев, «Реконструкция видовойременной системы праязыка изолирующего типа: на стыке компаративистики и диахронической типологии»), алтайской (А. В. Дыбо, «Эвенкийские диалекты по данным XVIII в.»; Е. В. Коровина, «Пратунгусские названия птиц»), уральской (Ю. В. Норманская,

«Генезис системы прасамодийского вокализма в зависимости от супrasegmentных характеристик гласных»), нахско-дагестанской (О. А. Мудрак, «Губная аттракция в дагестанских языках») и на-дене (А. С. Касьян, «Предварительный глоттохронологический анализ семьи на-дене (50-словный список) и положение языка хайда»).

Далее будет представлен краткий обзор каждого доклада в отдельности.

Тема грамматической реконструкции была затронута в докладе К. В. Бабаева «Реконструкция видовойременной системы праязыка изолирующего типа: на стыке компаративистики и диахронической типологии». На примере языков группы манде автор показал теоретические сложности данной проблематики и некоторые возможные пути их преодоления.

Активную дискуссию вызвал доклад А. Ю. Милитарева «К разработке универсальной модели оценки реконструкций и этимологий (УМОРЕ) для экстралингвистических построений на афразийском материале». Докладчиком была предложена универсальная модель оценки надежности реконструкций той или иной праязыковой системы. Был выдвинут ряд критериев, а именно, регулярность фонетических соответствий, естественность семантических переходов, ареальное распространение и т. п., в зависимости от полноты представления которых реконструкция получает оценку от 1 до 5. Суммарный балл является мерилем надежности реконструкции/этимологии.

Генетической классификации конкретных языков и языковых семей были посвящены доклады А. С. Касьяна («Предварительный глоттохронологический анализ семьи на-дене (50-словный список) и положение языка хайда») и А. И. Когана («О генетической характеристике “смешанных кашмирских диалектов”»). А. С. Касьяном были предложены 50-словные списки для основных ветвей семьи на-дене, а также приведена лексикостати-

стическая классификация, подкрепленная глоттохронологическими датировками. Сравнение с языком хайда показало, что он, по-видимому, не относится к данной языковой семье. В докладе А. И. Когана были затронуты особенности некоторых кашмирских диалектов. В ходе лексикостатистического анализа подтвердилось, что их действительно нужно классифицировать как кашмири, хотя впоследствии данные диалекты подверглись сильному влиянию индоарийских языков.

В докладах О. А. Мудрака («Губная аттракция в дагестанских языках»), Ю. В. Норманской («Генезис системы прасамодийского вокализма в зависимости от супrasegmentных характеристик гласных») и В. А. Дыбо («Следы праиндоевропейского ударения в языке шина. Тоны. Глагольная система») были затронуты фонетические, в частности акцентологические, аспекты. В докладе О. А. Мудрака были показаны следы исторической диссимиляции по вокалическому признаку огубленности в некоторых подгруппах дагестанских языков. Следы этого эффекта сохраняются в лакском, аварском и цезских языках в виде контрастивного выбора огласовки суффиксальных алломорфов (*U* vs. *A/I*) в зависимости от корневого гласного.

Ю. В. Норманская, основываясь на результатах анализа полевых данных, собранных по диалекту обских чумылькупов селькупского языка, показала в своём докладе существование разноместного фонологически значимого ударения. Автор полагает, что описать правила постановки ударения можно в терминах доминантных (+) и рецессивных (–) морфем. Дальнейшее сопоставление полученных данных показывает, что существует прямая корреляция между селькупскими маркировками корней и долготой гласных в лесном диалекте ненецкого языка. Были сделаны различные предположения о характере просодических противопоставлений в самодийском праязыке.

В докладе В. А. Дыбо были представлены следы индоевропейского ударения в языке шина дардской группы. Согласно полученным данным, глагольное ударение шина отражает ту же систему, что и пушту, что, в свою очередь, подтверждает первичность балто-славянской акцентной системы.

Проблема заимствований и их анализа была отражена в докладе С. В. Кулланды «Неавестийское в авестийском», где были представлены нерегулярные фонетические рефлексии в языке Авесты и было показано, что такие формы следует трактовать как заимствования из неких других иранских диалектов (напр., скифского или древнеперсидского). До некоторой степени аналогичной проблеме

был посвящен и доклад О. В. Столбовой «Некоторые проблемы лексических заимствований». Многочисленные случаи ареальных лексических заимствований были расклассифицированы между языками чадской группы и некоторыми языками нило-сахарской и нигер-кордофанской семей. К тематике ареальных связей относится и доклад С. А. Яцемирского «О некоторых греко-египетских лексических параллелях и возможном критском посредничестве», в котором был приведен ряд культурных терминов, заимствованных, по мнению автора, из египетского в древнегреческий посредством некоего неизвестного нам языка населения о. Крит.

Отдельный блок докладов был посвящен проблемам словоизменения и синтаксиса на материале языков анатолийской группы. Это, во-первых, доклад И. С. Якубовича «Stem-Formation of the Lycian Verb in Historical Perspective», где автором была рассмотрена структурная эволюция системы глагольного словоизменения в лувийской языковой ветви и сделан ряд важных импликаций относительно предыстории индоевропейского противопоставления двух серий глагольных окончаний. А. В. Шацков в своем докладе «Эргативный падеж в хеттском языке» дал обзор мнений, существующих в современной науке относительно этого явления, и пришел к выводу, что в случае хеттского языка применение термина «эргативный падеж» в его традиционном понимании некорректно. Наконец, в докладе И. В. Сидельцева «Две системы местоименной репризы в хеттском» был приведен список хеттских контекстов, в которых актант дублируется в одной клаузе посредством имен и местоимений. Эти случаи автор предлагает объяснять прагматическим контекстом.

Доклад В. В. Шеворошкина «Злоключения Зевса в Ликийском царстве 2500 лет тому назад» тоже касался «анатолийской тематики», но все же выделялся среди остальных. Целью автора было показать, что в древней Ликии конца 5-го — начала 4-го веков до н. э. бог Тархунт не был идентичен Зевсу. Для этого был приведен ряд ликийских контекстов, иллюстрирующих параллельные упоминания этих божеств.

Эвенкийским диалектам XVIII в. был посвящен доклад А. В. Дыбо, в котором были рассмотрены материалы записей по этим диалектам, а также внесены поправки в гипотезу Г. М. Василевич о первоначальной классификации и расселении эвенкийских племен.

Лексический материал этой же языковой семьи составлял предмет доклада Е. В. Коровиной «Пратунгусские названия птиц», где был продемонстрирован

рирован максимально возможный перечень названий птиц, реконструируемый для пратунгусского состояния. Выбор именно пратунгусского, а не пратунгусо-маньчжурского уровня связан с тем, что для пратунгусо-маньчжурского количество восстанавливаемой лексики значительно меньше. Кроме того, были представлены возможные исторические изменения в этом семантическом поле.

В завершение следует подчеркнуть важность общего вопроса, поднятого Г. С. Старостиним в докладе «Ностратическое языкознание сегодня: застой или прогресс?». Автор осветил ключевые проблемы развития этой области сравнительно-

исторического языкознания и подчеркнул, что, если не менять концепции используемых методов и не обращать внимания на некоторые значимые детали (такие, как семантическая реконструкция и дистрибуционный анализ предполагаемых когнатов в рамках макросемьи), ностратике грозит очевидный «застой», а неприятие этой дисциплины со стороны традиционно-ориентированной компаративистики останется прежним. Согласно мнению докладчика, будущее ностратического языкознания целиком находится в руках занимающихся им исследователей, и зависит от их готовности преодолевать описанные проблемы.

Научные чтения к 80-летию В. А. Дыбо
Москва, РГГУ, 5 мая 2011 г.

5 мая в РГГУ, по инициативе Центра компаративистики Института восточных культур и античности, состоялась научные чтения в честь 80-летия директора Центра, чл.-кор. РАН, проф. В. А. Дыбо. Конференция началась с поздравлений юбиляру от присутствующих; также было зачитано обращение проректора РГГУ по науке Д. П. Бака. После торжественной части участниками чтений был прочитан ряд докладов, в основном посвященных темам, относящимся к непосредственной сфере интересов Владимира Антоновича.

Содержательная часть началась с доклада А. В. Тер-Аванесовой, посвященного счетной форме непроизводных существительных в говорах Пинеги и Выи. В этих говорах счетная форма у непроизводных существительных с подвижным ударением, которая отличается от всех прочих форм парадигмы местом ударения (сч. *рядá* — р. ед. *ряда*) представлена у значительно большего числа слов, чем в литературном русском языке. Так, в говоре дд. Тинева, Заяцево, Гаврилово такая форма имеется у 20 слов. Это акцентуационное различие форм сч. и р. ед. в вейском и пинежском говорах не может быть выведено из праславянской системы ударения. Нафлексивное ударение сч. восходит к старому нафлексивному ударению р. ед., что может указывать на в прошлом колонное нафлексивное ударение в парадигме хотя бы части перечисленных слов муж. рода.

Доклад М. В. Ослона также был посвящен акцентологии. В нем было рассказано о сложной проблеме распределения дифтонгов *eí* ~ *ie* в литовском языке. Для описания был выбран фрагмент системы, где автору, по его утверждению, удалось найти закономерность — глаголы на *-ti -ja*. Сегодня большинство из них циркумфлектировано, но исконный акут чаще всего сохраняется в соответствующих глаголах на *-ėti -i (-ėja)*, причём видно, что корни с дифтонгом *eí* акутированы, а с дифтонгом *ie* — циркумфлектированы или безударны (т. е. ударение стоит на *-ėja*). Приводятся доказательства того, что **eí* сохраняется в первично доминантном акутированном (или вторично доминантном по метатонии «акут > циркумфлекс») слоге перед доминантным (в т. ч. вторично-доминантным) слогом.

Доклад О. А. Мудрака был посвящен системе акцентуации в старочувашском памятнике 18 века. Сам памятник «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» был издан в 1769 году и представляет собой краткое грамматическое описание основных частей речи с парадигмами, а также содержит объемный словарь, ориентированный на список Миллера. По комплексным данным за основу описания был положен верховой диалект с говором Вурнарского типа (возможно, родном для автора). Для ударения используются знаки акут (на не последнем слоге) и гравис (на последнем слоге), причем иногда на последнем слоге вместо ожидаемого грависа используется акут. Эти исключения относятся к двум группам: в первом случае акут появляется в случае, если слово имело конечный редуцированный, который в настоящее время отпал, во втором же случае никакой связи между конечным редуцированным и акутом нет, но все эти слова соответствуют словам с праторкской долготой. Важно отметить, что ранее считалось, что в чувашском, за исключением развития праторкских **o* и **õ*, долготные рефлексы отсутствовали.

Доклад А. Касьяна был посвящен схождениям в базисной лексике между хурритским и нахскими языками. Основным выводом доклада является то, что хуррито-урартская группа языков не обнаруживает специфического сходства с языками восточной ветви севернокавказской языковой семьи, хотя сама идея, что сходство между ними должно быть, весьма логична с точки зрения географического распространения и времени существования, а также исходя из некоторого типологического сходства данных групп. Кроме того, вообще количество изоглосс между этими двумя группами крайне низко. При этом, однако, в хурритской базисной лексике удается обнаружить три слова ('слышать', 'дым' и 'два'), которые обнаруживают сходство со словами из пранакского списка, причем важно отметить, что соответствующие пранакские слова не имеют хорошей севернокавказской этимологии. В этой ситуации возможны три сценария: (а) хуррито-урартский обладает специфическим родством с пранакским языком (при том,

что как было указано выше, х.-у. не обладает специфическим родством с северокавказским), (б) эти изоглоссы заимствованы в указанные языковые группы независимо из некоего неизвестного языка (что требует допущения существования этноса, который при столь значительном влиянии на окружающие языки не оставил никаких других следов), и, наконец, что эти слова были заимствованы в пранахский из хурритского.

Проблемам, связанным с лексикостатистикой, был также посвящен доклад Г. С. Старостина «Как «вычислить» субстрат лексикостатистическими методами? (на материале сурмийских языков)». В рамках доклада на примере языка квегу было показано, что в некоторых случаях, исходя из структуры лексикостатистической матрицы, можно предполагать, что заниженное по сравнению с ожидаемым число сходжений может быть обусловлено заимствованиями из каких-то неизвестных источников. В отношении языка квегу, надежно определяемого как юговосточносурмийский, было показано, что он демонстрирует значительно меньший процент сходжений с югозападносурмийскими языками, чем другие юговосточносурмийские (квегу — 26—27%, чай и ме'ен — ок. 40% с языками югозападносурмийской группы). При этом про язык квегу известно, что в нем много заимствований, и после работы по этимологизации южно-

сурмийских стословных списков было выявлено большое количество слов квегу, которые не имеют никакой южносурмийской этимологии. Исходя из этого, был проведен опыт, в рамках которого все такие слова были предположительно отнесены к заимствованной лексике (которая не учитывается при глоттохронологических подсчетах), после чего лексикостатистическая матрица приобрела нормальный вид (за вычетом заимствований сходство между квегу и югозападносурмийскими составило ок. 39%, что сопоставимо с показаниями остальных юговосточносурмийских языков).

Доклад М. А. Живлова «Вокализм второго слога в уральских: можно ли принять традиционную реконструкцию?» был посвящен развитию гласных второго слога от прафинноугорского к прибалтийско-финскому состоянию в тех случаях, которые не находили должного объяснения в традиционной реконструкции (развития ФУ *CäCä > ПФ *CaCe, ФУ *CoCa > ПФ *CaCe, ФУ *CoCa > ПФ *CōCe). Было показано, что все эти особые развития имеют параллели в обско-угорском. Так, ФУ *CoCe > ОУ краткие гласные *e, *a (после лабиальных), ФУ *CoCa > ОУ долгие гласные *ē, *ō, а ФУ *CoCa = ПФ *CaCe, *CōCe — ОУ краткие гласные *e, *a. В результате выявленных соотношений автором предлагается для этих случаев восстанавливать в ПФУ основы с гласным o второго слога.

VII Международный семинар по балто-славянской акцентологии Москва, РГГУ, 7–9 июля 2011 г.

7–9 июля в стенах РГГУ прошел «VII Международный семинар по балто-славянской акцентологии» (*7th International Workshop on Balto-Slavic Accentology / VII Međunarodna konferencija iz balto-slavenske akcentologije*) — традиционный съезд акцентологов, ежегодно проводимый в каком-либо научном центре Восточной Европы. В этом году, кроме российских ученых, в заседании принимали участие слависты и балтисты из Сербии, Хорватии, Черногории, США, Австрии и Литвы. Поскольку Семинар был посвящен 80-летию юбилею основателя Московской акцентологической школы — В. А. Дыбо, научные интересы которого выходят далеко за рамки балто-славянского языкознания, организаторами было решено несколько расширить научную тематику мероприятия.

Наиболее многочисленной оказалась делегация из стран бывшей Югославии. Доклады этой группы участников были в основном посвящены различным вопросам акцентологического описания сербохорватских диалектов, а также проблемам промежуточных реконструкций.

Драгана Новаков (Сербия) в сообщении «Неколько напомена о употреби акцентатских (надсловных) знакова у дечанском Законику из XVI века» представила детальное описание графической системы надстрочных знаков среднесербской акцентуированной рукописи XVI в. По ним можно в какой-то мере судить о месте ударения в призренско-южноморавском говоре того времени. Знаки явно не отражают никаких слоговых интонаций, что соответствует положению в этом говоре. Имеются, правда, и неясные случаи постановки диакритик, отражающих скорее писцовую традицию, чем какую-либо просодику.

Миодраг Йованович (Миодраг Јовановић, Черногория) в докладе «О неким особеностима акцентатских система говора централне Црне Горе» дал обзор диалектных областей Черногории, в одних из которых представлены только нисходящие тоны на старом месте (*trāva*), в других — к ним добавлены оттянутые восходящие (*trāva*), а в третьих оттяжка не дала новых тонов (*trāva*). Интереснейшие явления наблюдаются в пограничных зонах, где имеются интерференции разных систем.

Доклад Деяна Средоевича и Лиляны Суботиц (Дејан Средојевић, Љиљана Суботић, Сербия) «О природы новоштокавских акцентата» содержал отчет об экспериментальном исследовании литературной новоштоковской просодической системы. Авторы собрали несколько сотен образцов речи 19 информантов из разных регионов «сербской языковой территории», суммировали результаты в виде ряда наиболее типичных интонограмм и спектрограмм. В очередной раз подтвердилось, что для различения новоштокавских тонов важен заударный слог. Возможно, исследование показало бы более сложную картину, если бы оно было проведено на более обширной территории.

Мислав Бенич (Mislav Benić, Хорватия) представил доклад «Ударение глаголов говора местности Кали на острове Угљан», в котором дал сжатое описание основных акцентных типов в субпарадигмах презенса, императива, инфинитива и причастий одного архаичного чакавского говора, где представлено немало интересных фонетических и акцентных явлений.

В сообщении Дианы Чуркович (Dijana Ćurković, Хорватия) «Accent paradigms of *a*-stem nouns in Neo-Štokavian dialect of Bitelić», напротив, рассматривалась интересная инновационная система новоштокавского икавского диалекта, в котором ряд *a*-основ подвергся морфологической перестройке, что повлекло и смену акцентной парадигмы соответствующих слов.

Михаил Ослон (Москва) в докладе «Посавские тоны: опыт экспериментально-фонетического анализа. Можно ли заставить ЭВМ расставлять диакритики?» продемонстрировал разрабатываемую им перспективную систему автоматической обработки интонационного контура словоформ. Пользователь подает на вход звуковые файлы, а также устанавливает несколько параметров, индивидуальных для каждого информанта. После этого система, реализованная как набор скриптов под популярную программу фонетического анализа «Praat», с высокой степенью точности сама приписывает староштокавским словоформам один из пяти типов ударения. Такой алгоритм позволяет существенно ускорить обработку полевого материала по

сербохорватским диалектам, а кроме того, служит дополнительным средством верификации просодического анализа. Алгоритм может быть применен и к другим просодическим системам.

Мате Капович (Mate Kapović, Хорватия, «On the Development of Pretonic Length in Slavic Languages») предложил суммарный обзор случаев сокращения праславянских долгот в предупредной позиции в различных славянских языках с привлечением ряда особо проблематичных примеров (**gōsěnica*, **orbota*).

Чрезвычайно интересный доклад И. Б. Иткина, С. И. Переверзевой и М. А. Тюренковой (Москва) «Этнографическая проза как акцентологический источник (сочетания с ударными предлогами в романах П. И. Мельникова-Печерского)» вводит в научный оборот акцентологические данные романов Мельникова-Печерского, отражающих язык русских диалектов Приволжья XIX в. Тексты, в которых автор спорадически проставлял ударение, показывают крайне архаичную систему переноса акцента на предлог при именных формах-энклитоменах, напр., *дó дому, пóд сорок, дó вечера, вó имя, нá речи, пó золоту, пóд ноготь*. В частности это касается и имен а.п. *с*, древнерусские данные по которым оказываются недостаточными для установления акцентного типа, напр., *нá зов, нá крюк*.

В докладе А. В. Тер-Аванесовой (Москва) «Акцентуация пинежских говоров в аспекте лингвогеографии» анализировалась именная акцентуация севернорусских говоров поморской группы, расположенных по берегам реки Пинеги и ее притоков (Архангельская область). Диалекты представляют собой смешанный тип говоров, в котором видна новгородско-псковская основа с наложенными на нее северо-восточными языковыми элементами. В частности это проявляется, с одной стороны, в факультативном переводе лексем *а*-склонения а.п. *с* в а.п. *б* (асс. *sg. нóгу / ногú, гóлову / головú* и под.); автор видит здесь связь с гдовскими говорами Псковской области. С другой стороны, существительные мужского рода а.п. *д* часто отражаются с колонной окситонезой, что свидетельствует о связи пинежских говоров с северо-западными русскими диалектами и об интенсивности в этих говорах восточнорусского влияния.

Доклад Рональда Фельдштейна (Ronald Feldstein, США) «Место русского акцента и понятие синкретизма» был посвящен синхронному дескриптивному анализу словоизменительных парадигм современного русского литературного языка. Автор рассмотрел различные пути табличного описания русских именных и глагольных парадигм и для ря-

да сложных случаев предложил наиболее экономичные трактовки.

Витаутас Ринкявичюс (Vytautas Rinkevičius, Литва) в сообщении «Николаевская метатония в прусском языке» проанализировал систему акцентуации некоторых словообразовательных моделей суффиксальных имен в древнепрусском языке. Модель ударения имен с доминантными суффиксами в прусском языке еще сравнительно хорошо сохранялась (ср. прус. асс. *sg. grīk-enik-an* 'Sünder' : *dat. pl. auschaut-enik-amans* 'Schuldigern'), однако по ней могли акцентуироваться и некоторые слова с бывшими рецессивными суффиксами (ср. прус. *nigid-ing-s* 'schamlos' : *wert-īng-s* 'würdiger'). Последнее явление автор истолковывает как закономерное изменение акцентной валентности суффикса (рецессивный → доминантный), а в случае акутового суффикса — и слоговой интонации (акут → циркумфлекс) в определенных словообразовательных моделях. Этот эффект метатонии был в свое время описан С. Л. Николаевым в первую очередь на материале литовского языка.

С. С. Скорвид (Москва, «О некоторых просодических особенностях говора потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе») представил отчет о предпринятых им экспедициях на Черноморское побережье Северного Кавказа, где находятся несколько сел с потомками чешских переселенцев. Села были основаны во второй половине XIX в. выходцами из юго-западной Чехии, но и сегодня для нескольких десятков жителей чешский язык является родным. Автор выделил ряд акцентологически значимых особенностей описываемого говора (напр., наличие новоакутовой долготы гласных или ее следов в порядковых числительных с корнями *šest-*, *sedm-*, *osm-*, сохранение [предударной?] долготы или ее следов в суффиксе инфинитивной основы глагола **věděti*, краткость *e* в инфинитиве консонантно-корневых глаголов а.п. *с*).

Екатерина Акерманн (Katsiaryna Ackermann, Австрия) в докладе «Правило Ван-Вейка с точки зрения современной индоевропеистики» представила обзор точек зрения на следующую закономерность праславянской морфологии, отмеченную впервые Н. Ван-Вейком, а впоследствии уточненную В. А. Дыбо и некоторыми другими исследователями: корни на гласный или сонант имеют страдательные причастия прошедшего времени на *-*t*- и форму 2—3 л. ед. ч. аориста также на *-*tb* в случае рецессивности корня. От доминантных же корней указанной сегментной структуры причастие образуется с суффиксом *-*en-*, а форма 2—3 л. ед. ч. аориста имеет нулевой показатель (**pi-ti*

‘пить’ а.п. *c* → прич. **pi-t-*, аор. **pi-tv*; но **bi-ti* ‘бить’ а.п. *a* → прич. **bvj-en-*, аор. **bi*). Автор заключает, что с диахронической точки зрения дополнительная дистрибуция по Ван-Вейку — явление вторичное, требующее детального анализа условий, при которых такая просодико-морфологическая корреляция стала одним из дистрибутивных признаков в процессе образования аористных и причастных парадигматических классов.

Доклад самого юбиляра, В. А. Дыбо, «Древнеиндийское ударение в индоарийских языках» был посвящен системе именной и глагольной акцентуации дардского языка шина. По странному стечению обстоятельств, дардские языки традиционно оказываются вне поля зрения индоевропейцев. Между тем, эти языки не только сохраняют разноместное ударение (или же систему «тональных» противопоставлений, замещающих иктусные), но и оказываются более архаичными, нежели акцентуационная система ведийского языка. Краткий анализ просодической системы шина представлен в статье В. А. Дыбо «Относительно др.-инд. *-ya-* глаголов», см. настоящий номер, с. 200—210.

Завершил акцентологическую часть семинара доклад Ю. В. Норманской (Москва) «Происхождение системы хантыйского вокализма». Автор продолжает развивать свою концепцию древнего фонологического ударения в финно-угорских языках, отражающегося в известных нам языках или непосредственно в виде разноместного ударения, или же как фактор, расщепляющий рефлекс вокалических прафонем. На данном этапе исследований Ю. В. Норманская представила результаты своей архивной работы с акцентуированными записями васюганского диалекта хантыйского языка 1-й пол. XX в. Большой корпус словоформ показывает следующую закономерность: васюганскому ударению на первом слоге соответствует прахантыйская долгота, а васюганскому ударению на втором слоге — прахантыйская краткость (в первом слоге). В таком случае, по мнению автора, для прахантыйского следует восстанавливать две акцентные парадигмы, а неэтимологическое продление гласного в современных хантыйских диалектах объяснять подударной позицией.

В сообщении А. С. Касьяна (Москва) «Об отражении праславянского **ы* в старопсковском разговорнике Фенне» формулируется следующее правило рефлексии слав. **ы* в псковском диалекте нач. XVII в.: после губных согласных **ы* дает дифтонг вида [ui] (напр., *buik* «бык») или, реже, монофтонг вида [ü] (напр., *kabüla* «кобыла»), а в остальных позициях — ожидаемый монофтонг [i]

(напр., *tij* «ты», *sin* «сын»). Идея реконструкции позднеславянского **ы* как **ui* давно дискутируется в славистике, однако автор смог представить и систематизировать ряд новых свидетельств (происходящих в основном из южно- или восточнославянских областей) в пользу такой дифтонгической реконструкции **ы*.

Доклад Ф. Р. Минлоса (Москва) «Длина слова, просодия и линейный порядок: именная группа в древнерусском языке» был посвящен порядку слов в группах прилагательное + существительное. На довольно обширном корпусе древнерусских и старорусских текстов автор показывает положительную корреляцию между длиной существительного (количеством слогов) и его положением после атрибута. Это хорошо вкладывается в типологическую фреквенталию, говорящую о том, что более «легкие» (в том числе и по количеству слогов) элементы именной группы (напр., указательные местоимения и числительные) обычно стоят левее, а более тяжелые — правее.

Стивен Янг (Steven Young, США) в своем очень интересном докладе «Baltic “Neo-Stems” and the Nasal Infix» продолжает исследовать позиции исключений (или, с точки зрения докладчика, мнимых исключений) из традиционных правил т. н. закона Винтера, по которому вокалический элемент перед и.-е. звонким непридыхательным продолжался в балто-славянском праязыке и получал балто-славянский акут. Автор выделяет два «слоя» назальных презенсов в современных балтийских языках: один древнейший (вроде лит. *jùngti*, *jùngia* ‘соединять’), а второй — внутрибалтийские (или балто-славянские) новообразования (*àkti*, *añka* ‘слепнуть’). В основах второй группы мы регулярно находим краткостный (циркумфлектированный) рефлекс на месте и.-е. долготы, сочетаний со шва/ларингалом или в позиции закона Винтера. По мысли докладчика, вставка носового инфикса привела к потере рефлекса акутовой долготы.

Завершил семинар доклад П. М. Кожина (Москва) «Древние средиземноморско-ближневосточные „империи“ как пространство этнических смешений и мобильности языковой среды», в котором автор (археолог по специальности) попытался сформулировать некоторые возможные точки соприкосновения между двумя дисциплинами — археологией и сравнительно-историческим языкознанием.

В заключение упомянем еще о двух, выбивающихся из общего ряда, докладах: О. А. Мудрак (Москва), «Пласт восточной контактной лексики в латинском языке» и Сергей Болотов (Москва), «Закон Винтера против балто-славянского единства».

О. А. Мудрак представил очередной этап своих многолетних исследований, согласно которым в бронзовом веке Европа была населена различными северокавказскими племенами — носителями пра-нахского, прааваро-андийского, праалакского и т. п. языков. Следы таковой лингвогеографической ситуации отразились, по мнению докладчика, в мощнейших пластах лексических заимствований из северокавказских прадиалектов в праславянский, древнегреческий, латинский и другие европейские языки. В данном случае О. А. Мудрак привел десятки таких субстратных латинских лексем. Во время дискуссии докладчику было в очередной раз указано на низкую доказательность предлагаемых им лексических изоглосс. Как показывает лингвистическая практика, наверное, между любыми двумя языками земного шара можно найти несколько десятков слов, относящихся к культурной лексике и обладающих определенным фонетическим и семантическим сходством. Собственно, на подобного рода списках и строятся различные любительские гипотезы о родстве шумерского и современного финского или о бурушаски как об и.-е. языке и т. п. Показателен также и процитированный во время дискуссии список из примерно 80 лексических совпадений между шумерским и современным немецким (список был когда-то составлен в порядке

эксперимента шумерологом В. Зоммерфельдом), эти изоглоссы оказываются не хуже, а часто и лучше парных сравнений докладчика (вроде шум. *agar* ‘поле’ ~ нем. *Acker* и т. п.).

Сергей Болотов («Закон Винтера против балто-славянского единства») попытался показать, что процесс продления вокалического элемента в позиции перед и.-е. звонким непридыхательным протекал независимо в балтийском и славянских языках, что сняло бы один из аргументов в пользу существования единого балто-славянского праязыка. Из корневых этимологий автор, однако, смог предложить только два подтверждающих его теорию дублета: слав. **azъ* ‘я’ (со звонким согласным и закономерным продлением) ~ лит. *àš*, лтш. *es* ‘id.’ (с глухим рефлексом и, соответственно, сохранением краткости) и аналогичное слав. **rěd-* ‘редкий’ ~ лтш. *rēts* ‘id.’, лит. *rėtas*. Таких скудных примеров явно недостаточно для хоть сколько-нибудь серьезных выводов (особенно учитывая, что, по методике автора, вторая этимология говорит и против единства латышских диалектов [sic!], т. к. в латышском наблюдается диалектный вариант *rēds* со звонкостью и продлением).

Следующий (восьмой) Международный семинар по балто-славянской акцентологии было решено провести в 2012 г. в Белграде.

Конференция «Изоляты в Африке»,
Лион, 3–4 декабря 2010 г.

3–4 декабря 2010 года в Лионе в Лаборатории языковой динамики (*Laboratoire Dynamique du Langage*) проходило заседание рабочей группы по языкам-изолятам в Африке. Рабочая группа объединила целый ряд африканистов, работающих с языками, генетическая принадлежность которых является проблематичной. При этом обсуждались как «чистые» изоляты, т. е. языки, не имеющие на данный момент определенной генетической классификации, так и одиночные языки с неопределенным положением внутри африканских макросемей.

Генетическая классификация африканских языков, предложенная Дж. Гринбергом в начале 60-х годов прошлого века (Greenberg 1963), получила широкое признание в африканистическом сообществе и за его пределами. Она, что называется, «вошла в учебники» и во многих случаях воспринимается как окончательно установленная, особенно в среде неспециалистов. Эта классификация выделяет в Африке четыре макро-семьи¹ — нигер-кордофанскую (или нигер-конго²), включающую около 1500 языков и около 10 семей, нило-сахарскую (около 200 языков и 20 семей), макро-койсанскую (3 семьи, 27 языков), и афразийскую (327 языков, 6 семей) (Lewis 2009).

Между тем, со времен Гринберга взгляды африканистов в этом отношении успели существенно

измениться. С одной стороны, появились работы, предлагающие объединение нескольких макросемей в одну (ср. гипотезу о генетическом единстве нигер-кордофанских и нило-сахарских языков (Gregersen 1972, Blench 1995, Bender 2000, Dimmendaal 2001)). С другой стороны, что более важно, растущий объем данных по африканским языкам, интенсификация сравнительно-исторических исследований, а также общее скептическое отношение большинства лингвистов к методологии Дж. Гринберга позволили во многих случаях поставить под сомнение внутреннее генетическое единство выделенных им макросемей. На сегодняшний день три из четырех макросемей подверглись или продолжают подвергаться серьезному пересмотру. Единственным исключением являются афразийские языки, которые эти изменения затронули в относительно малой степени³.

Гипотеза о генетическом единстве макрокойсанской макросемьи не принимается большинством койсанистов. Вместо этого выделяются три генетически не связанные между собой семьи: туу (южнокойсанская семья Гринберга), жу-чъоанская семья (бывшая севернокойсанская + язык чъоан)⁴ и кхой (бывшая центральнокойсанская семья), объединяемая с языком квади в одну семью, и языки хадза и сандаве в качестве изолятов (Güldemann & Voßen 2000)⁵.

Существование нило-сахарского языкового единства также подвергается сомнению многими исследователями. Даже сторонники этой гипотезы признают, что из всех гринберговских макросемей именно нило-сахарская является наиболее спорной (Bender 2000, Blench 2010). По крайней мере две языковые семьи, включенные Гринбергом в нило-сахарские, чаще всего выводятся за пределы макросемьи в современных классификациях. Речь идет о сонгайских языках и группе, объединяющей команские языки и язык гумуз (Bender 1979, Mikola 1999, Nicolai 2003, Dimmendaal 2008).

³ Ср., впрочем, дискуссию вокруг позиции омотских языков внутри макро-семьи (Fleming 1969, Newman 1980).

⁴ Семья къха (К'ха) в терминах (Heine & Honken 2010).

⁵ О возможном отдаленном родстве сандаве с семьей кхой-квади см. (Güldemann & Elderkin 2010).

Макросемье нигер-конго повезло чуть больше, и большинством лингвистического сообщества эта макросемья в той или иной форме признается⁶. Однако по-прежнему нет согласия относительно принадлежности и/или точной позиции внутри нигер-конго некоторых семей, обычно относимых к нигеро-конголезским. Речь идет об атлантических языках, языках манде, догон, кру, кордофанских и убангийских (ср. Dimmendaal 2008). Кроме того, результаты исследования отдельных ветвей нигер-конго поставили под сомнение их внутреннее генетическое единство. Так, к примеру, было выяснено,

что многие атлантические языки демонстрируют очень низкие показатели соответствий базовой лексики с другими языками внутри семьи (Segerer 2010).

В разное время в африканской лингвистике также выдвигались гипотезы об изолированном статусе почти трех десятков языков. Для многих из них на данный момент существуют альтернативные гипотезы, относящие данный язык к одной из четырех африканских макросемей. Ср. список в нижеприведенной таблице (1) (по: Hombert & Philipson 2009: 4).

Языки-изоляты в Африке

Язык	Где распространен?	Комментарий / гипотезы относительно аффилиации
чъоан	Ботсвана	ранее рассматривался как изолят, сейчас — часть жу-чъоанской семьи
аасах	Танзания	возможно южно-кушитский; содержит не-кушитский лексикон
бангиме	Мали	сильное контактное влияние догонских языков (ранне рассматривался как диалект «языка догон» — К. П.)
бунг	Камерун	возможно, адамава
гумуз	Эфиопия	нило-сахарская макросемья согласно Гринбергу — К. П.
хадза	Танзания	изолят (< макрокойсанская семья согласно Гринбергу — К. П.)
имарген	Мавритания	хасания (арабский) с контактным влиянием азер (северный диалект языка сонинке< семья манде< нигер-конго — К. П.)
иримба	Габон	группа В 40 < банту< нигер-конго ⁷ — К. П. Большая часть лексики не является бантусской по происхождению
джалаа или кентум	Нигерия	сильное влияние адамава
кара	ЦАР	изолят — К. П.
кауджарге	Судан, Чад	возможно чадский
квади	Ангола	ранее рассматривался как изолят, сейчас — часть группы кхой-квади
лаал или гори	Чад	чадский (< афразийская макросемья — К. П.) субстрат, возможно, адамава (< нигер-конго — К. П.)
луфу	Нигерия	изолят — К. П.
луо	Камерун	вероятно, мертвый
мауа	Нигерия	мертвый — К. П.
мероитский	Судан	возможно, северо-восточно-суданский (< нило-сахарская макросемья — К. П.)

⁶ Ср. (Güldemann 2010) и (Нуман 2011) как пример двух конфликтующих взглядов на классификацию и эволюцию нигер-конго, единых, однако, по крайней мере, в признании генетического единства ядра макросемьи (языки адамава, бенуе-конго, гур и ква).

⁷ См. (Mougouia-Daouda 2006: 29–31), цит. в (Ollomo Ella 2008: 21).

Язык	Где распространен?	Комментарий / гипотезы относительно аффилиации
мпре или мпра	Гана	возможно, нигер-конго
обло	Камерун	неопределенная позиция в семье адамава; вероятно, мертвый
онгота или бирале	Эфиопия	возможно, афразийский (кушитский или омотский); вероятно, мертвый; этнические онгота перешли на язык тсамако (< кушитская ветвь, афразийской макросемьи — К.П.).
оропом	Уганда	вероятно, мертвый
пре	Кот д'Ивуар	возможно, нигер-конго
рер баре	Эфиопия	этнические рер баре перешли на язык сомали (< афразийская макросемья — К.П.)
сандаве	Танзания	возможно, связан с группой кхой-квади
шабо	Эфиопия	возможно, нило-сахарский
уейто	Эфиопия	возможно, восточно-суданский (< нило-сахарская макросемья — К. П.) или кушитский (< афразийская макросемья — К. П.)
вутана ⁸	Нигерия	
йени	Камерун	мертвый

Описанные выше изменения, как уже отмечалось, во многом стали результатом интенсификации работы по описанию и сравнительно-историческому изучению языков и диалектов Африки. С другой стороны, нельзя не отметить определенное общее изменение интеллектуального климата, которое наблюдается в последнее время в африканистике.

В современный англоязычный сленг лингвистов, занимающихся проблемами генетической классификации, вошло устойчивое противопоставление «ламперов» (англ. *lump* 'сваливать в кучу') и «сплиттеров» (англ. *split* «расщеплять»), в качестве обозначений двух противоположных тенденций — стремления части лингвистов к объединению большого количества языков в рамках крупных генетических групп, связанных отдаленным родством, и минимальным количеством изолятов, с одной стороны, и стремление других к выделению большого количества не связанных между собой генетически семей меньшей глубины и существенно большего количества изолятов. В африканистике, в отличие, например, от исследований языков коренного населения Америки, традиционно господствовала первая тенденция. Однако изменения, произошедшие в классификации африканских

языков в последние десятилетия, свидетельствуют в пользу нарастания влияния «сплиттеров».

На ту же тенденцию указывает рост интереса к ареальной типологии в Африке (Clemens & Railand 2008, Güldemann 2008). В ходе этих исследований в Африке были идентифицированы 5 языковых макроареалов (или «зон» в терминологии (Güldemann 2010)): сахарская зона («Sahara spread zone»), зона Чад-Эфиопия, макросуданский пояс («Macro-Sudan Belt»), зона банту («Bantu spread zone»), зона Калахари («Kalahari basin»). Каждый из выделенных языковых ареалов характеризуется набором типологических черт, обнаруживаемых в большинстве языков, входящих в состав зоны. При этом в большинстве случаев границы установленных зон не совпадают с границами макросемей. Так, макросуданский пояс включает языки трех макросемей: нило-сахарской, афразийской и нигер-конго. Это обстоятельство, по мысли исследователей, работающих в рамках ареальной типологии, должно привести к дальнейшему пересмотру гринберговских классификаций, в результате последовательного учета контактных явлений.

Создание рабочей группы по изолированным языкам Африки, таким образом, было интересно не только как попытка собрать и представить в единой форме данные о неклассифицированных языках Африки, но и как продолжение более широкой дискуссии о вопросах генетической классификации африканских языков. И хотя большинст-

⁸ Этническая группа с таким названием упомянута в (Temple 1922: 367). В справочнике (Lewis 2009) язык не упоминается.

во докладов были посвящены отдельным языкам-изолятам, докладчики нередко уделяли много внимания общеметодологическим вопросам генетической классификации языков, а также вопросам истории африканской лингвистики.

Флориан Лионе (университет Беркли, США) выступил с докладом о языке лаал, на котором говорит население двух деревень на юге Республики Чад. Этот язык впервые попал в поле зрения специалистов по нигеро-конголезским и афразийским языкам благодаря работам Паскаля Бойельдьё (Boyeldieu 1977, 1982a, 1982b, 1987), проводившего полевое исследование языка в начале семидесятых годов. Эта работа была продолжена Флорианом Лионе весной 2010-го г.

Внимание лингвистов привлекло необычное сочетание языковых черт, сближающих его с языками буа (семья адамава, макросемья нигер-конго), с одной стороны, и чадскими языками афро-азиатской макросемьи, с другой. Кроме того, язык характеризуется рядом черт, не обнаруживаемых ни в одном из соседних языков или языковых семей. Географически лаал соседствует как с восточно-чадскими языками (милту, боор, ндам, сибине, тумак, кера), так и с языками буа (буа, луа, тун, кулаал).

В лексике лаал обнаруживается небольшое количество единиц, вероятно, являющихся заимствованиями из чадских языков, однако фонологическая форма этих слов существенно отличается от формы соответствующих слов в соседствующих чадских языках, исключая, таким образом, возможность недавнего заимствования. Эти сходства, по мнению Ф. Лионе, могут быть объяснены либо как более ранние заимствования из чадских языков, либо как реликты возможного чадского субстрата лаал. От двадцати до тридцати процентов лексики обнаруживает сильное сходство с соответствующей лексикой языка луа (семья адамава). Наконец, наибольшая часть лексики (включая базовую) не обнаруживает сходства ни с адамава, ни с чадскими языками.

В именной морфологии лаал имеются черты, сближающие его с языками адамава. Сложная система образования множественного числа существительных напоминает систему языка луа и других языков буа. Для последних Паскалем Бойельдьё (Boyeldieu 1983) была предложена реконструкция, в которой суффиксы единственного и множественного числа интерпретируются как реликты системы именных классов нигер-конголезского типа. Сравнивая реконструкции Бойельдьё с системой выражения числа в лаал, Ф. Лионе приходит к вы-

воду о том, что именная морфология лаал восходит к более богатой системе именных классов, чем та, которая была реконструирована Бойельдьё для пра-буа. При этом обе системы обнаруживают целый ряд соответствий. Таким образом, заключает Ф. Лионе, с точки зрения именной морфологии, лаал может представлять собой либо отдельную ветвь нигер-конго, либо наиболее архаичную ветвь адамавийских языков.

Система местоименных показателей, употребляющихся с существительными в качестве показателей неотчуждаемой принадлежности и с переходными глаголами в качестве показателей объекта, обнаруживает сходство с восточно-чадскими языками кера и тумак. Хотя только лишь некоторые показатели в кера могут быть напрямую сопоставлены с аналогичными показателями в лаал, контексты употребления показателей одинаковы в обоих языках, а морфонологические процессы, сопутствующие присоединению местоименного показателя к основе, практически идентичны.

Глагольная морфология лаал разительно отличается как от восточно-чадской, так и от глагольной морфологии языков буа. Ф. Лионе, вслед за Бойельдьё, выделяет три базовых формы глагола: «простую» (simple), «центростремительную» (centripetal) и причастную (participative) или инструментальную (instrumental). Центростремительная форма используется для обозначения движения к говорящему (у глаголов движения). Причастная или инструментальная используется в сложных предложениях для обозначения событий, происходящих одновременно с событиями, обозначенными «простой» формой глагола, или в простых предложениях при наличии у глагола инструментального дополнения. В чадских языках базовым является противопоставление перфектива и имперфектива, а в языках буа — противопоставление индикативной и оптативной форм. Ограниченное число глаголов в лаал демонстрируют согласование с субъектом по числу. Способы образования множественного числа у этих глаголов напоминают схемы, используемые в лаал для образования множественного числа существительных. П. Бойельдьё предположил, что одна из этих схем может быть заимствована из чадских языков. Однако, как показывает Ф. Лионе, глаголы, использующие эту схему, не являются чадскими по происхождению, а некоторые из них вероятнее всего заимствованы из языков буа.

Суммируя аргументы в пользу восточно-чадской и адамавийской гипотез происхождения лаал, Ф. Лионе делает вывод о том, что, несмотря на до-

вольно большое число черт, сближающих лаал как с одними, так и с другими, этот язык не может быть отнесен ни к одной из двух семей и, следовательно, должен быть признан изолятом. К. И. Поздняков (INALCO Paris), выступавший в качестве оппонента на докладе Ф. Лионе, в целом согласился с его мнением, однако сделал акцент на предположении о родстве лаал с языками нигер-конго, предложив несколько реконструкций именных показателей, сближающих лаал с последними.

Язык бангиме долгое время считался одним из диалектов «языка догон». В результате полевых исследований, проведенных в восточном Мали сначала В. А. Плунгином и И. Тембине (Plungian, Tembine 1994, Plungian 1995), затем К. Кули (Culy 1994) и, наконец, участниками проекта Дж. Хита (Heath 2008, www.dogonlanguages.org), удалось выяснить, что догон представляет собой языковую семью средней глубины (Прохоров 2009), включающую в себя около двадцати языков, а бангиме не относится к этой семье. Эбби Хэнтгэн (Университет Индианы, США), продолжающая работу над описанием бангиме, представила доклад, посвященный этому языку.

Хотя описание языка еще не закончено, материал, представленный Э. Хэнтгэн, наглядно демонстрирует радикальное отличие бангиме от соседних языков догон как в плане грамматики, так и в плане лексики. При этом некоторые структурные черты сближают бангиме с соседними языками семьи манде (бамана, бозо) и языками сонгаи. Так, например, в отличие от языков догон, характеризующихся порядком слов со строго финальным положением глагола, порядок слов в бангиме ближе к типу S Aux O V X, характеризующему языки, перечисленные выше. Впрочем, в отличие от последних, в бангиме порядок слов сильно варьируется в зависимости от аспектуальных значений и информационной структуры, выражаемых в клаузе.

В плане лексики бангиме обнаруживает до 10% соответствий с различными языками догон, что, безусловно, отделяет его от них⁹, однако не исключает отдаленного родства. На это обратил внимание В. Ф. Выдрин (МАЭ РАН, Санкт-Петербург), оппонировавший на докладе Э. Хэнтгэн.

Мауро Тоско (Университет Турина, Италия) посвятил свое сообщение языку онгота. На этом языке до недавнего времени говорила небольшая этническая группа в юго-восточной Эфиопии. На се-

годняшний день для всех онгота родным является язык тсамако (кушитская ветвь афразийской макросемьи), и, вероятно, лишь единицы этнических онгота сохранили знание своего изначального языка. Данные по онгота ограничены и включают в себя небольшой лексикон, уместившийся в размеры статьи (Fleming et al. 1992/1993), и грамматический очерк (Savà & Tosco 2000). М. Тоско и Г. Сава работали с последними носителями языка в двухтысячные годы. Поскольку документация онгота производилась уже после начала языкового сдвига, генетическая классификация языка является чрезвычайно сложной задачей. В литературе предлагалось несколько версий классификации. Онгота относили к афразийским языкам (Fleming 2006), к нило-сахарским языкам (Blažek 2005), также выдвигалась гипотеза о креольском происхождении онгота (A. Yilma p.c., цит. М. Тоско в докладе). М. Тоско присоединился к мнению о том, что, вероятнее всего, онгота принадлежит к афразийской макросемье и посвятил немалую часть своего доклада критике двух других гипотез.

Тайлер Шнебелен (Стэнфордский университет, США) выступил с докладом о еще одном эфиопском языке, генетическая принадлежность которого является неопределенной. На языке шабо говорит небольшая этническая группа (400—600 человек) в горах на юго-западе Эфиопии. Большинство исследователей, работавших с языком, склонялись к тому, что шабо относится к нило-сахарской макросемье. Т. Шнебелен посвятил свой доклад опровержению этой гипотезы.

В пользу отнесения шабо к нило-сахарским языкам выдвигался ряд аргументов, использующих морфологические и лексические данные. Так, утверждалось, что в шабо форма множественного числа по крайней мере у некоторых существительных образуется присоединением суффикса *-k*. По данным Т. Шнебелена, проводившего полевое исследование языка, эта схема образования множественного числа, действительно встречающаяся во многих нило-сахарских языках, не используется в шабо. Вероятнее всего слова, содержащие *-k* во множественном числе, попали в грамматические описания (Teferra 1991, 1995) по ошибке, в результате интерференции с языком маджанг у носителей шабо, работавших с А. Теферра. Язык маджанг (восточно-суданская ветвь нило-сахарской макросемьи) соседствует с шабо, а носители шабо обычно владеют маджанг в качестве второго языка.

Лексические данные также приводились в качестве аргумента в пользу гипотезы о нило-сахарском происхождении шабо. В работе (Teferra &

⁹ Минимальный процент общей лексики в стословнике Сводеша между двумя языками догон ((Прохоров 2009) составляет около 40.

Unseth 1989) было представлено сравнение словесных списков Сводеша для шабо и для ряда нило-сахарских и афразийских языков, в которых наибольший процент общей лексики (15–20%) сближал шабо с восточно-суданскими и комузскими языками. Эти результаты рассматривались как наиболее убедительный аргумент в пользу отнесения шабо к нило-сахарским языкам. Т. Шнебелен, проводивший проверку словесников во время своего полевого исследования, обнаружил, что до 12 единиц из списка, опубликованного в (Teferra & Unseth 1989), идентифицируются его языковыми консультантами как слова языка маджанг. Таким образом, делает вывод Т. Шнебелен, степень лексической близости шабо к нило-сахарским явно завышена из-за низкого качества данных, использованных при подсчетах.

Во второй части доклада Т. Шнебелен обратился к другим возможным способам классификации шабо. Им был предложен новый метод построения классификаций, включающий в себя рассмотрение языковых типологических характеристик. Здесь Т. Шнебелен основывается на открытии, сделанном С. Вихманом и Э. Хольманом (Wichmann & Holman 2009). Анализируя данные, представленные в «Мировом атласе языковых структур» (WALS, Haspelmath et al. 2005), авторы обнаружили типологические характеристики, являющиеся наиболее стабильными в языковых семьях, генетическое единство которых принимается большинством лингвистического сообщества. Этот список включает в себя 67 характеристик. Т. Шнебелен сокращает список до 47 единиц, чтобы избежать возможных нежелательных статистических эффектов. Имея в распоряжении эти данные, Т. Шнебелен предлагает проверить гипотезу о нило-сахарском происхождении шабо, сравнив количество общих стабильных типологических характеристик в шабо и в других нило-сахарских языках. Свои подсчеты Т. Шнебелен производит на программном обеспечении, применяемом в филогенетике (программы SplitsTree4 (Huson 1998) и MrBayes (Huelsenbeck and Ronquist 2001)). Проанализировав результаты подсчетов, произведенных двумя программами, и сравнив их с предложенными в лингвистической литературе классификациями нило-сахарских языков, исследователь приходит к мнению об относительной надежности метода, поскольку в большинстве случаев результаты обработки списков стабильных типологических характеристик совпадают с существующими классификациями. При этом Т. Шнебелен продемонстрировал, что применение того же метода в случае шабо не по-

зволяет однозначно отнести язык к нило-сахарской макросемье.

Два последних доклада первого дня были посвящены проблемам классификации койсанских языков. В последние десятилетия было выяснено, что языки, отнесенные Дж. Гринбергом к койсанским, распадаются на несколько языковых семей, генетические отношения между которыми не до конца ясны, а языки сандаве и хадза (также «койсанские» в классификации Гринберга) являются изолированными (Güldemann & Voßen 2000). Кроме того, благодаря публикации материалов Э. Вестфала (Westphal 1971, Güldemann, forthcoming), стали доступны данные о неизвестном до этого и мертвом на сегодняшний день языке квади, который также сначала был отнесен к изолятам. После этих открытий в среде специалистов по койсанским языкам развернулась дискуссия о возможных генетических связях трех изолятов с выделенными койсанскими семьями и между собой. Одной из таких гипотез было возможное родство квади с языками кхой (центрально-койсанская семья Гринберга). Том Гюльдеман (университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия) посвятил свой доклад обоснованию этой гипотезы¹⁰.

С точки зрения Т. Гюльдемана, убедительно продемонстрировать генетическое родство двух языков можно, только выявив «парадигматическую общность» определенного фрагмента грамматики в обоих языках. Т.е. необходимо показать, что не только отдельные лексические или грамматические единицы являются когнатами, но и что парадигмы, которые эти единицы образуют, организованы схожим образом. Такой фрагмент грамматики выступает, таким образом, в роли того, что Т. Гюльдеман, вслед за Дж. Николс [Nichols 1996], называет набором «индивидуально-идентифицирующих признаков» («individual-identifying feature»). Главным свойством индивидуально-идентифицирующего признака является очень малая вероятность множественного независимого образования в языках мира, что и делает выявленное соответствие между двумя такими признаками или наборами признаков в разных языках достаточным основанием для постулирования языкового родства.

В случае доказательства родства квади с языками семьи кхой Т. Гюльдеман сравнивает парадигмы местоименных показателей. В квади имеется 18-членная парадигма личных местоимений, в которой различаются три числа (единственное, мно-

¹⁰ Аргументация, предложенная в докладе, в развернутом виде представлена в работе (Güldemann 2004).

жественное, двойственное) и три лица. Дополнительно в третьем лице имеется различие по трем родам (мужскому, женскому, общему), при этом в дуалисе формы все трех родов совпадают. Для прото-кхой Р. Фоссенем (Voßen 1997) была реконструирована более богатая парадигма из 25-ти местоименных показателей, которая отличается от местоименной парадигмы квади дифференциацией по роду (мужскому или женскому) в первом и втором лицах, а также различием родов в двойственном числе. Т. Гюльдеман предлагает рассматривать большую парадигму прото-кхой как результат более позднего развития более простой системы (пред-прото-кхой), изначально включавшей меньшее число единиц. Обращая внимание на то, что в реконструированной парадигме прото-кхой некоторые показатели являются морфологически сложными, исследователь редуцирует парадигму до системы морфологически простых показателей. В таком «деконструированном» виде местоименная система прото-кхой обнаруживает парадигматическую общность с системой квади, что и позволяет Т. Гюльдеману считать это весомым аргументом в пользу генетического родства квади и языков семьи кхой.

Бонни Сэндс (Университет Северной Аризоны) представила доклад о языке хадза. Этот язык, на котором говорит около тысячи человек, живущих вблизи озера Эяси в Танзании, был, как и сандаве, отнесен Дж. Гринбергом к койсанской семье. Для Гринберга главным аргументом в пользу такой классификации, отвергаемой на данный момент большинством койсанистов (Güldemann & Voßen 2008), было наличие в языке так называемых «щелкающих» согласных (кликсов). Также до и после Гринберга обсуждалась возможность афразийского (Westermann 1940; Tucker 1967; Starostin 2008) и нило-сахарского (Tucker 1967) происхождения языка. Б. Сэндс разбирает аргументы в пользу трех гипотез и демонстрирует их недостаточную убедительность. Исследовательница также настаивает на том, что доказательство языкового родства должно базироваться на анализе грамматических данных. В своем докладе она описывает несколько фрагментов грамматики хадза, которые, по ее мнению, могут выступать в качестве индивидуально-идентифицирующих признаков языка, и, следовательно, любая гипотеза о принадлежности хадза к той или иной языковой семье должна основываться на обнаружении парадигматической общности хотя бы одного из этих фрагментов с аналогичными фрагментами в потенциально родственных языках. До тех пор, пока такая гипотеза не будет выдвинута, хадза должен рассматриваться как изолят.

Второй день открылся докладом Гийома Сежерера (LLACAN, Париж), специалиста по атлантическим языкам. Г. Сежерер совместно с К. И. Поздняковым работает над новой классификацией атлантических языков, основанной на лексикостатистической обработке базового словаря. При этом исследователи используют весь арсенал накопленных на сегодняшний день атлантической компаративистикой знаний, позволяющий во многих случаях пользоваться системой установленных регулярных фонетических соответствий при выявлении лексического родства. Предыдущая классификация атлантических языков была сделана Д. Сэпиром (Sapir 1971). Эта классификация также основывалась на лексикостатистических подсчетах, однако принимала во внимание лишь поверхностную схожесть лексических единиц. Согласно этой классификации, атлантические языки делились на три ветви: северную, южную и биджого. Последняя ветвь была образована единственным языком с таким же названием. Подсчеты Д. Сэпира давали очень низкие проценты соответствий в стословниках. Максимальный процент нигде не превышал сорока, а минимальный опускался до пяти. В варианте новой классификации, представленной Г. Сежерером в докладе, в большинстве случаев процент соответствий оказался еще ниже, чем у Д. Сэпира. При этом, однако, существенно изменилось внутреннее устройство атлантической семьи. Северная группа в варианте К. И. Позднякова и Г. Сежерера разделяется на две подгруппы, а язык биджого входит в одну из этих подгрупп, при этом оставаясь равноудаленным от всех остальных языков этой подгруппы.

В последнее время все чаще можно услышать мнение о том, что «атлантическая семья языков» в действительности не образует генетического единства. По мнению Г. Сежерера, лексические данные действительно свидетельствуют в пользу этого. Однако, как подчеркивает исследователь, на данный момент ни для одного из атлантических языков не было продемонстрировано его ближайшее родство с каким-либо языком за пределами атлантических, и это оставляет возможность интерпретировать низкие показатели лексических соответствий в атлантических языках как родство более глубокого уровня.

Далее Г. Сежерер обращается к языкам, демонстрирующим самые маленькие значения лексических соответствий в базовом словаре с другими атлантическими. Учитывая то, что существование атлантической семьи на данный момент не может считаться доказанным, эти языки могут потенци-

ально претендовать на статус изолятов. Исследователь выделил шесть таких языков: налу, биджого, байот, суа, лимба и гола. Первые три языка проявляют большую близость к северным атлантическим языкам, а последние три — к южным.

В заключении Г. Сежерер отметил, что наши данные об атлантических языках по-прежнему являются очень бедными. Это обстоятельство часто делает выдвигаемые сегодня в отношении атлантических языков генетические гипотезы недостаточно обоснованными. Ученый выразил надежду, что неопределенный статус «атлантических изолятов» будет в будущем способствовать росту интереса исследователей к их изучению.

Колин Аланд (университет штата Техас, США) выступила с докладом о языке гумуз и команских языках, объединяемых в ряде классификаций (Greenberg 1963; Bender 1991) в единую семью в составе нило-сахарской макросемьи. Ряд специалистов по нило-сахарским языкам высказывали сомнения относительно как правомерности объединения гумуз и команских в одну семью, так и отнесения этих языков к нило-сахарским. Так, Л. Бендер (Bender 1979) обращает внимание на то, что гумуз обнаруживает не больше 10% соответствий в базовом словаре с любым команским языком, а Г. Диммендааль (Dimmendaal 2008) отмечает, что в команских и гумуз отсутствует целый ряд грамматических показателей, распространенных в нило-сахарских языках. К. Аланд, отстаивающая гипотезу о родстве гумуз и команских языков, представила свои аргументы в ее пользу, основанные во многом на данных, полученных в ходе проводимого ей полевого исследования.

Роджер Бленч, известный целым рядом гипотез, объединяющих данные африканской лингвистики, истории, археологии и генетики, а также причастный к обнаружению нескольких изолятов в Африке, выступал дважды. Первый из своих докладов исследователь посвятил языку куджарге и его роли в проблеме внутренней классификации афразийских языков. На языке куджарге говорила группа из 1000 (по данным на 1983 год) охотников-собираателей на границе Чада и Судана (Doornbos & Bender 1983). Число говорящих на сегодняшний день остается неизвестным, однако прогнозы неутешительны, поскольку язык был распространен в зоне, серьезно пострадавшей в результате дарфурского конфликта. Что касается данных о языке, то в распоряжении лингвистов находится лишь стословник, опубликованный в работе (Doornbos & Bender 1983). Авторы этой работы на основании сравнения базовой лексики отнесли язык к восточ-

но-чадской группе языков (чадская семья, афразийская макросемья), несмотря на низкие показатели лексических соответствий. По мнению Бленча, куджарге не обнаруживает количества лексических соответствий, достаточного для его отнесения к восточно-чадским или к каким-либо другим соседним языкам. При этом более чем скромные лексические данные о куджарге играют, по мнению Р. Бленча, очень важную роль в гипотезе о более тесной генетической связи между кушитомомотской¹¹ и чадской ветвями афразийской макросемьи, обсуждаемой Р. Бленчем в докладе. Эта гипотеза основывается главным образом на существовании определенных лексических параллелей между двумя ветвями, не представленными в других афразийских языках. Р. Бленч предлагает конкретный исторический сценарий, призванный объяснить кушито-омото-чадские изоглоссы. Согласно этому сценарию, носители предков современных кушитских и омотских языков постепенно мигрировали на запад, в зону современного распространения чадских языков. В результате этих миграций был образован языковой континуум, соединяющий современные чадский и кушито-омотский ареалы. Впоследствии зона между двумя ареалами была заселена носителями языков восточно-суданской ветви нило-сахарской макросемьи, отделив чадские языки от кушитских и омотских. Язык куджарге, географически расположенный непосредственно в этой зоне, по гипотезе Р. Бленча, является потомком языков, некогда образовавших указанный континуум, о чем свидетельствует определенное количество лексических параллелей как с кушитскими и омотскими, так и чадскими языками. При этом эти параллели не находят соответствий в восточно-суданских языках, которые с момента появления их носителей в регионе служили «буфером» для заимствований из кушитских и омотских языков в чадские и наоборот. Это обстоятельство, по мысли исследователя, свидетельствует в пользу предлагаемого им сценария.

Второй доклад Роджера Бленча, закрывавший заседание рабочей группы, был посвящен более общим темам лингвистической истории Африки. Во многом подводя итог предшествующим выступлениям, исследователь задается вопросом, почему, несмотря на существование определенного количества изолятов, в существующих на сегодняшний день классификациях Африка предстает ре-

¹¹ Единство кушитской и омотской ветвей признается не всеми специалистами по афразийским языкам (Newman 1980).

гионом, характеризующимся разительно малым генетическим разнообразием? Почему более полутора тысяч африканских языков делятся в современных классификациях на четыре гринберговские макросемьи практически «без остатка», несмотря на всю критику, прозвучавшую в адрес использованной Гринбергом методологии?

Согласно гипотезе, излагаемой Р. Бленчем в докладе и основанной на анализе генетических и археологических данных, расселение современных людей по Земле происходило из одного источника, локализованного в северо-восточной Африке. Начавшись здесь, распространение *Homo sapiens* продолжилось в Евразии, а затем в Австралии, Океании и Новом Свете. Одновременно с расселением людей происходила языковая диверсификация, приведшая к современному языковому разнообразию. Обращаясь к распределению изолятов и мелких макросемей на языковой карте мира, Р. Бленч утверждает, что это распределение не случайно. Количество изолятов и мелких макросемей резко возрастает по мере движения с запада на восток, от Европы и Африки до Нового света. При этом закономерным было бы полностью противоположное распределение, так как, по мнению Р. Бленча, высокая степень языкового разнообразия того или иного региона должна свидетельствовать в пользу древности его заселения¹². В этом смысле лингвистическое единообразие Африки выглядит особенно странно, учитывая африканское происхождение человечества.

По мнению Р. Бленча, у этого противоречия могут быть следующие причины:

а) Африка когда-то была также лингвистически разнообразна, как и другие регионы мира, однако это разнообразие было уничтожено расселением предков носителей языков современных африканских макросемей;

б) интеллектуальные традиции, касающиеся процедуры генетической классификации языков, существенно отличаются в других регионах мира и в действительности, например, америндские, папуасские и австралийские языки также образуют генетические когерентные группы, существование которых пока не признано;

в) существующие генетические классификации африканских языков в корне неверны.

Разбирая эти три возможности, Р. Бленч признает, что в африканской лингвистической традиции изначально существовала некая негласная установка на объединение всех африканских языков в несколько крупных макросемей с минимальным количеством изолятов. Эта особенность африканистики, в сочетании с аналогичными устремлениями Дж. Гринберга в отношении языков мира в целом, сильно повлияла на современные классификации языков Африки. Однако, несмотря на это, Р. Бленч настаивает на том, что в своих существенных чертах гринберговская классификация верна, поскольку последняя, по его мнению, в действительности повторяет уже существовавшие до Дж. Гринберга генетические гипотезы, использовавшие гораздо более надежные с современной точки зрения методы, чем *mass comparison* Гринберга. В качестве примера Р. Бленч приводит работу Westermann (1935), в которой впервые был представлен сравнительно-исторический анализ морфологии языков нигер-конго.

В оставшейся части доклада Р. Бленч сконцентрировался на первой гипотезе, обсудив возможности обнаружения в современных африканских языках элементов субстрата, которые сохранили бы в себе следы бывшего африканского лингвистического разнообразия. По его мнению, языковые элементы, относящиеся к субстрату, гораздо легче идентифицировать в лексике, чем в грамматике. При этом исследователь должен обладать конкретной гипотезой относительно того, в каких именно социальных и экологических условиях происходил переход автохтонного населения на языки пришельцев. Так, например, по мнению Р. Бленча, экспансия предков носителей современных африканских макросемей, ставшая причиной лингвистической унификации Африки, во многих случаях сопровождалась переходом автохтонного населения от охоты и собирательства к земледелию. В рамках подобной гипотезы закономерным видится, например, поиск субстратной лексики в технической охотничьей терминологии, названиях растений и животных и т. д.

Особый интерес представляют также географические области, в которых пришлое население сталкивается с совершенно незнакомой ему до этого средой и поэтому вынуждено конструировать новый словарь обозначений растений и животных. Естественным образом в этом процессе активно заимствуются термины из языков автохтонного населения.

¹² Следует отметить что, по мнению Бленча, принятая в археологии датировка заселения Америки должна быть пересмотрена, поскольку она не позволяет понять, каким образом за столь короткий срок был достигнут столь высокий уровень языкового разнообразия. По мнению Бленча, заселение Америки должно было происходить примерно в тот же период, что и заселение Папуа и Австралии (Blench 2011).

В качестве яркого примера, не относящегося, впрочем, ко времени формирования современных африканских макросемей, Р. Бленч приводит словарь названий млекопитающих в малагасийском языке, носители которого колонизовали Мадагаскар в середине первого тысячелетия нашей эры. Он содержит лишь очень небольшое количество терминов с прозрачной австронезийской этимологией. Большая часть терминов, очевидно, происходит из языков банту, распространенных на африканском побережье Индийского океана. Наконец, третий, сравнительно небольшой, сегмент этого словаря составляют термины, которые по своему происхождению не являются ни австронезийскими, ни бантусскими. Согласно объяснению, предлагаемому Р. Бленчем, австронезийские колонисты сначала достигли восточного побережья Африки. Часть живших здесь носителей языков банту была обращена в рабство и вывезена на Мадагаскар для выращивания риса и разведения животных. В результате в малагасийском слове млекопитающих сформировался наибольший сегмент терминов, заимствованных из языков банту. Что касается той небольшой части словаря, которая не поддается этимологизации, то, по мнению Р. Бленча, эти слова могут происходить из языков, распространенных на Мадагаскаре до появления австронезийцев¹³.

Что же касается обсуждаемой гипотезы о лингвистической унификации Африки в результате миграций предков носителей языков современных африканских макросемей, Р. Бленч также приводит несколько примеров, в которых, по его мнению, мог иметь место похожий сценарий.

Согласно Р. Бленчу, носители иджоидных языков, на которых говорит население дельты Нигера, мигрировали из регионов, близких к верхнему течению Нигера около 3000 лет назад, столкнувшись по прибытии с новыми экологическими условиями. Среди прочего новой, не освоенной в словаре частью окружающей среды было море, морская фауна и флора. Традиционным промыслом иджоидных народов является рыболовство. При этом, по данным Р. Бленча, в этих языках морская часть ихтиологического словаря резко выделяется полным отсутствием как этимологических связей с пресноводной терминологией, так и следов внут-

языкового происхождения любого другого характера. По гипотезе Р. Бленча, эта часть словаря может происходить из языков автохтонного населения, жившего в дельте Нигера до прихода иджоидных народов.

Другой зоной, интересной в указанном смысле, является Сахара. Археологические данные, в частности, обсуждаемые самим Р. Бленчем и его коллегами в работе (Drake, Blench et al. in press), свидетельствуют о чрезвычайно давнем заселении Сахары. При этом современная языковая ситуация в Сахаре, характеризующаяся очень малым генетическим языковым разнообразием, является результатом недавних миграций населения, говорящего на бедуинских диалектах арабского и близкородственных друг к другу берберских языках. По мнению Р. Бленча, потомками автохтонного населения Сахары могут быть некоторые небольшие арабоязычные этнические группы, такие как немади или имарген (в Мавритании). Однако их арабский не подвергался систематическому исследованию, и на сегодняшний день у нас нет данных о следах доарабского субстрата в этих диалектах.

Согласно Р. Бленчу, в языках туарегов (южноберберские языки < берберская семья < афразийская макросемья) словарь названий растений и животных обнаруживает в своем составе, помимо ряда исконных терминов, заимствования из других берберских языков, с одной стороны, и слова, не имеющие четкой берберской этимологии, с другой. По мысли исследователя, туареги, населяющие сейчас Сахель, вероятно, пришли сюда с севера Африки. Двигаясь на юг, они сталкивались с новой экологической ситуацией. Ее освоение в словаре происходило за счет заимствования из берберских языков, распространенных здесь до появления туарегов, а также отчасти из языков доберберского населения.

В заключение доклада Р. Бленч еще раз вкратце изложил суть отстаиваемой им гипотезы, подчеркнув особую роль, которую играют исследования словаря флоры и фауны африканских языков в реконструкции бывшего африканского разнообразия, и выразил сожаление в связи с общим падением качества лингвистических описаний в этой его части.

Заседания рабочей группы завершились общей дискуссией, посвященной методологическим вопросам определения генетического родства. Эта тема несколько раз затрагивалась в докладах, посвященных отдельным языкам, и ее обсуждение, продолжившееся в конце второго дня, еще раз обозначило две основные позиции по этому во-

¹³ В работе (Blench 2007) приводятся аргументы в пользу гипотезы о присутствии на Мадагаскаре небольших групп населения, начавших проникать на остров с африканского континента примерно с 400 года до н. э. До недавнего времени считалось, что Мадагаскар был впервые заселен австронезийцами в середине первого тысячелетия н. э.

просу. Разница между этими позициями заключается в наборе аргументов, которые могут считаться достаточными для признания генетического родства установленным.

Большинство классификаций африканских языков, охватывающих как отдельные семьи, так и континент в целом, основывались на сравнении базовой лексики, чаще всего из списка Сводеша или его вариантов. При этом во многих случаях такие сравнения делались без предварительной сравнительно-исторической обработки (установления регулярных фонетических соответствий и т. д.) и сводились, по существу, к обнаружению похожих (по форме и по семантике) слов. Этот метод определения языкового родства не раз подвергался серьезной критике и признается ненадежным большинством исследователей. Однако специалисты расходятся в вопросе о том, насколько надежным может быть лексическое сравнение в принципе. По мнению одних, лексические сближения вкупе с регулярными фонетическими соответствиями, при помощи которых эти сближения устанавливаются, являются достаточным аргументом для постулирования языкового родства. Для других единственным способом продемонстрировать языковое родство является установление соответствия между двумя фрагментами грамматики. При этом речь идет не о простом типологическом подобии определенных грамматических подсистем в двух или более языках, а о соответствии, связывающем как системы в целом (например, структуру парадигмы именных показателей), так и отдельные их части (сами именные показатели). В основе последней позиции лежит аргументация (см. Nichols 1996), согласно которой именно в таких случаях как возможность заимствования, так и независимого случайного образования является достаточно низкой для того, чтобы генетическое родство было признано наиболее вероятным объяснением выявленного сходства. Лингвисты, использующие лексические данные при определении языкового родства, обычно соглашались с тем, что такие соответствия являются одними из самых надежных, однако отмечают, что метод лексического сравнения, широко использовавшийся в лингвистике во второй половине двадцатого века, оправдал себя на практике и поэтому также заслуживает доверия со стороны исследователей. Кроме того, эффективность этого метода, как представляется, может быть серьезно увеличена при более строгом учете вероятных лексических заимствований (Старостин 1989). С другой стороны, в ряде случаев сравнение грамматических подсистем может быть затруднено в силу

серьезной типологической дистанции между языками, которая в частном случае может быть результатом долгого независимого развития, последовавшего за отделением языков общего языка-предка. К примеру, такую аргументацию довольно сложно использовать при установлении родства семьи манде с языками, составляющими ядро нигер-конго, поскольку первые практически лишены именной морфологии, а гипотеза о генетическом единстве последних во многом основывается именно на соответствии именных показателей (В. Ф. Выдрин, уст. сообщ.)¹⁴.

В лингвистической практике два описанных метода установления языкового родства в целом соотносятся с двумя тенденциями в построении генетических классификаций, обсуждавшимися выше. Классификации, построенные на основе соответствия грамматических подсистем, очевидно, имеют заложенную тенденцию к «сплиттерскому» моделированию языкового разнообразия, поскольку считают генетическое родство недоказанным, если такие соответствия не удастся обнаружить. С другой стороны, классификации, построенные на лексических сближениях, обычно характеризуются выделением малого числа крупных генетических объединений и минимального количества изолятов, и, таким образом, более подходят «ламперам».

Что же касается установления изолированного статуса определенного языка, то, очевидно, на сегодняшний день в лингвистике не существует общепринятой процедуры, позволяющей это сделать¹⁵. Однако необходимо подчеркнуть, что в рамках двух указанных подходов отношение исследователей к языкам-изолятам различается. Для компаративиста, стремящегося к объединению максимального количества языков в рамках крупных генетических единиц, существование языков с неопределенной классификацией является исключением, исследовательской загадкой и даже своего рода «вызовом» сравнительно-историческому методу. Для «сплиттера» же, наоборот, существование одиночного языка-изолята является ничуть не менее естественным, чем существование макросе-

¹⁴ Ср., впрочем, обсуждение возможных следов системы именных классов в языках манде в (Выдрин 2006).

¹⁵ В современной лингвистике, безусловно, существуют методы опровержения гипотезы о генетическом родстве. Однако даже если удастся показать, что ни одна из предложенных гипотез в отношении генетической классификации потенциального изолята не может быть принята, это, строго говоря, не исключает того, что в отношении этого языка может быть выдвинута другая, более убедительная генетическая гипотеза.

мы, объединяющей сотни языков. Поскольку контактное влияние в сплиттерской модели языкового разнообразия по умолчанию считается более экономным объяснением языкового сходства, чем генетическое родство, последнее связывает одновременно гораздо меньшее число языков, что ведет, в частности, к увеличению числа изолятов.

Можно предположить, что усиление «сплиттерского» подхода, наметившееся в африканистике, в будущем приведет к появлению еще большего числа изолятов на лингвистической карте Африки.

Литература

- ВЫДРИН В. Ф. 2006. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // *Труды Института лингвистических исследований*. Т. 2, Ч. 2. СПб: Наука. С. 3–246 [VYDRIN V. F. 2006. K rekonstrukcii fonologicheskogo tipa i imennoi morfologii pra-mande // *Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanii*. T. 2, Ch. 2. SPb: Nauka. S. 3–246.]
- ПРОХОРОВ, Кирилл. 2009. Тональная морфология имени в языках догон // ВЫДРИН, В. Ф. (ред.). *Африканский сборник 2009*. СПб.: МАЭ РАН. С. 214–234 [PROKHOROV, Kirill. 2009. Tonal'naya morfologiya imeni v yazykakh dogon // VYDRIN, V. F. (red.). *Afrikanskii sbornik 2009*. SPb.: MAE RAN. S. 214–234.]
- СТАРОСТИН С. А. 1989. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Часть 1. 1989. С. 407–447 [STAROSTIN S. A. 1989. Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie i leksikostatistika // *Lingvističeskaya rekonstrukcija i drevnejšaya istoriya Vostoka*. Chast' 1. 1989. S. 407–447.]
- BENDER, L. 1979. Gumuz: a sketch of grammar and lexicon. *Afrika und Übersee*, 62: 38–69.
- BENDER, L. 1991. Subclassification of Nilo-Saharan. In: BENDER, L., *Proceedings of the Fourth Nilo-Saharan Linguistics Colloquium, Bayreuth, Aug. 30 – Sep. 2, 1989*. NISA 7. Hamburg: Helmut Buske Verlag: 1–35.
- BENDER, L. 2000. Nilo-Saharan. In: HEINE, B. and D. NURSE. *African languages: an introduction*. Cambridge University Press: 43–73.
- BLAŽEK, V. 2005. Cushitic and Omotic strata in Ongota, a moribund language of uncertain affiliation from Southern Ethiopia. *Archiv Orientální* 73: 43–68.
- BLENCH, R. 1995. Is Niger-Congo simply a branch of Nilo-Saharan?, in NICOLAI & ROTTLAND (eds), *Fifth Nilo-Saharan Linguistics Colloquium, Nice, 24–29 August 1992. Proceedings*. (Nilo-Saharan 10). Koeln: Koeppel Verlag, 1995: 36–49.
- BLENCH, R.. 2007. New palaeogeographical evidence for the settlement of Madagascar. *Azania* XLII: 69–82.
- BLENCH, R. 2010. Why is Africa so linguistically univocal? The issue of substrates and isolates. A paper presented on the workshop *Language Isolates in Africa*, Lyon, December 3 and 4, 2010.
- BOYELDIEU, P. 1977. Eléments pour une phonologie du laal de Gori (Moyen-Chari), in CAPRILE, J.-P. *Etudes phonologiques tchadiennes*. Paris: SELAF (Bibliothèque, 63–64): 186–198.
- BOYELDIEU, P. 1982a. *Deux Etudes laal (Moyen-Chari, Tchad)*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.
- BOYELDIEU, P. 1982b. Quelques questions portant sur la classification du laal (Tchad). In: JUNGRAITHMAYR H (ed). *The Chad languages in the Hamitosemitic-Nigrific Border Area (Papers of the Marburg Symposium, 1979)*. Berlin: Dietrich Reimer: 80–93.
- BOYELDIEU, P. 1983. Vestiges de suffixes de classes nominales dans les langues du groupe boua (Tchad, Adamawa–13 de J.H. Greenberg). In: *Current Approaches to African Linguistics (Actes du 13ème Colloque Annuel de Linguistique Africainiste, Montréal, Canada)*. Dordrecht: Foris Publications, p. 3–15.
- BOYELDIEU, P. 1987. Détermination directe/indirecte en laal. In: BOYELDIEU P. (ed). *La maison du chef et la tête du cabri: des degrés de la détermination nominale dans les langues d'Afrique centrale*. Paris: Geuthner, p. 77–87.
- CLEMENTS, Nick and Annie RIALLAND. 2008. Africa as a phonological area. In: HEINE and NURSE (eds.), 36–87.
- CULY, Ch., KODIO, K. and P. TOGO. Dogon Pronominal Systems: Their Nature and Evolution. *Studies in African Linguistics* 23, no. 3: 315–344.
- DRAKE, N. BLENCH, R. M. et al. (in press). Holocene watercourses and biogeography in the Sahara with implications for the peopling of the desert and the 'out of Africa' hypothesis. To appear in: *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*.
- DOORBOS, P. and L. BENDER. 1983. Languages of Wadai-Darfur. In: BENDER L. (ed). *Nilo-Saharan Language Studies*. African Studies Center, Michigan State University: 42–79.
- DIMMENDAAL, G. J. 2001. Areal diffusion versus genetic inheritance: an African perspective. In: AIKHENVALD, A. Y. and R. M. W. DIXON (eds), *Areal diffusion and genetic inheritance: problems in comparative linguistics*. Oxford: Oxford University Press: 358–392.
- DIMMENDAAL, G. 2008. Language ecology and linguistic diversity on the African continent. *Language and Linguistics Compass* 2, 5: 840–858.
- LEWIS, M. P. (ed.), 2009. *Ethnologue: Languages of the World*, Sixteenth edition. Dallas, Tex.: SIL International. Online version: <http://www.ethnologue.com/>.
- FLEMING, H. 1969. The classification of West Cushitic within Hamito-Semitic. In: MCCALL, D., BENNETT, N and J. BUTLER, *Eastern African history* (Boston University Studies in African History III). New York, NY: Praeger: 3–27.
- FLEMING, H. 2006. *Ongota: A Decisive Language in African Prehistory*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- FLEMING, H., A. YILMA, A. MITIKU, R. HAYWARD, Y. MIYAWAKI, P. MIKEŠ, and J. M. SEELIG 1992/93 Ongota or Birale: A moribund language of Gemu-Gofa (Ethiopia). *Journal of Afroasiatic Languages* 3/3: 181–225.
- GREENBERG, J. 1963. *The Languages of Africa* (International Journal of American Linguistics 29.1). Bloomington, IN: Indiana University Press.
- GREGERSEN E. 1972. Kongo-Saharan. *Journal of African Languages*, 11, 1: 69–89.
- GÜLDEMANN, Tom. 2004. Reconstruction through 'de-construction': the marking of person, gender, and number in the Khoe family and Kwadi. *Diachronica* 21, 2: 251–306.
- GÜLDEMANN, Tom. 2008. The Macro-Sudan belt: towards identifying a linguistic area in northern sub-Saharan Africa. In: Bernd HEINE & Derek NURSE (eds), *A linguistic geography of Africa*. 151–185. Cambridge: Cambridge University Press.

- GÜLDEMANN, T. 2010. Proto-Bantu and Proto-Niger-Congo: Macro-areal typology and linguistic reconstruction. To appear in Christa KÖNIG & Osamu HIEDA (eds), *International Symposium of the Center of Corpus-Based Linguistics and Language Education* (CbLLE). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- GÜLDEMANN, T. forthcoming. Kwadi: Phonology, morphology, syntax. In: VOËN, R. (ed.), *The Khoisan languages*. Routledge Language Family Series. London: Routledge.
- GÜLDEMANN, T. and E. ELDERKIN. 2010. On external genealogical relationships of the Khoe family. In: BRENZINGER, Matthias and Christa KÖNIG (eds.), *Khoisan languages and linguistics: proceedings of the 1st International Symposium January 4–8, 2003, Riezlern/Kleinwalsertal*. Quellen zur Khoisan-Forschung 24. Köln: Rüdiger Köppe: 15–52.
- GÜLDEMANN, T. and R. VOËN. 2000. Khoisan. In: HEINE, B. & D. NURSE (eds.), *African languages: an introduction*. Cambridge: Cambridge University Press: 99–122.
- HASPELMATH, M., DRYER, M., GIL, D., & COMRIE, B. (2005). *The World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press.
- HEATH J. *A Grammar of Jamsay*. Berlin — New-York: Walter de Gruyter, 2008.
- HEINE, B. and H. HONKEN. 2010. The Kx'a Family: A New Khoisan Genealogy. *Journal of Asian and African Studies* (Tokyo), 79: 5–36.
- HOMBERT J.-M. and G. PHILIPPSON. 2009. The linguistic importance of language isolates: the African case. In: Peter K. AUSTIN, Oliver BOND, Monik CHARETTE, David NATHAN & Peter SELLS (eds). *Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory 2*. London: SOAS. www.hrelp.org/eprints/ldlt2_15.pdf
- HUELSENBECK, J., & RONQUIST, F. 2001. Bayesian inference of phylogenetic trees. *Bioinformatics*, 17 (8): 754–755.
- HUSON, D. 1998. SplitsTree: A program for analyzing and visualizing evolutionary data. *Bioinformatics*, 14 (10): 68–73.
- HYMAN, L. 2011. The Macro-Sudan Belt and Niger-Congo Reconstruction. To appear in *Language Dynamics and Linguistic Change* 1.1.
- MIKKOLA, P.. 1999. Nilo-Saharan revisited. *Nordic journal of African studies* 8: 108–138.
- MOUGUJAMA-DAOUDA, P. 2006. *Remplacement, extinction et mélanges des langues : situation gabonaise et perspectives théoriques*. Paris: l'Harmattan.
- MUKAROVSKY, H.-G. 1987. Grundzahlwörter im Tschadischen, Kuschitischen und Omotischen. In: H. JUNGRAITHMAYR and W. MÜLLER (eds). *Proceedings of the fourth international Hamito-Semitic Congress*. Amsterdam: John Benjamins: 25–46.
- NEWMAN, P. 1980. *The Classification of Chadic within Afroasiatic*. Leiden: Universitaire Pers Leiden.
- NICOLAÏ, R. 2003. *La force des choses ou l'épreuve nilo-saharienne: Questions sur les reconstructions archéologiques et l'évolution des langues*. Cologne, Germany: Rüdiger Köppe.
- NICHOLS, J. 1996. The Comparative Method as Heuristic. In: DURIE M. & ROSS M. (eds). *The Comparative Method Reviewed: Regularity and irregularity in language change*. Oxford University Press. Oxford: 39–71.
- OLLOMO ELLA, R. 2008. *La syntagmatique du shiwa, langue bantu du Gabon*. Mémoire de Master2, recherche sciences du Langage; didactique des langues, Paris, Université de la Sorbonne Nouvelle Paris 3 http://lacito.vjf.cnrs.fr/membres/documents/pdf/Ollomo_M2_shiwa.pdf
- PLUNGIAN, V. et I. TEMBINÉ. 1994 Vers une description sociolinguistique du pays dogon: attitudes linguistiques et standardisation. In: DUMESTRE, Ch. (ed.) *Stratégies communicatives au Mali: langues régionales, bambara, français*. Paris: 163–195.
- PLUNGIAN, V. *Dogon*. LINCOM Europa. München: 1995.
- SAVÀ, G. and M. TOSCO. 2000. A sketch of Ongota, a dying language of Southwest Ethiopia. *Studies in African Linguistics* 29/2: 59–135.
- SAPIR, J. D. 1971. West Atlantic: an inventory of the languages, their noun class systems and consonant alternation. In: SEBEEK, T. A. (ed.), *Current trends in linguistics, 7: Linguistics in sub-Saharan Africa*. The Hague & Paris : Mouton & Co: 45–112.
- SEGERER, G. 2010. 'Isolates' in 'Atlantic'. A paper presented on the workshop *Language Isolates in Africa*, Lyon, December 3 and 4, 2010.
- STAROSTIN, G. 2008. *Macro-Khoisan Etymology*. The Tower of Babel Evolution of Human Languages Project. <http://starling.rinet.ru/>
- TEFERRA, A. 1991. A sketch of Shabo grammar. In M. L. BENDER (ed.), *Proceedings of the Fourth Nilo-Saharan Conference Bayreuth*, Aug. 30. Köln, Köppe Verlag. Hamburg: Helmut Buske: 373–389.
- TEFERRA, A. 1995. Brief phonology of Shabo (Mekeyir). In: NICOLAÏ R., and F. ROTTLAND (eds), *Fifth Nilo-Saharan Linguistics Colloquium*. Nice, Aug. 24–29 1992: 169–193.
- TEFERRA, A. and P. UNSETH. 1989. Toward the classification of Shabo (Mikeyir). In: M. L. BENDER (ed.), *Topics in Nilo-Saharan linguistics*. Nilo-Saharan 3. Hamburg: Helmut Buske: 405–418.
- TEMPLE, O. 1922. *Notes on the Tribes, Provinces, Emirates and States of the Northern Provinces of Nigeria*. Argus Printing and Publishing Co. Cape Town.
- TUCKER, A. 1967. Erythraic elements and patternings: Some East African findings. *African Language Review*, 6: 17–25.
- VOËN, R. 1997. *Die Khoe-Sprachen: Ein Beitrag zur Erforschung der Sprachgeschichte Afrikas* (Quellen zur Khoisan-Forschung, 12.) Köln: Rüdiger Köppe.
- VOËN, R., ed. Forthcoming. *The Khoisan Languages*. London: Routledge.
- WESTERMANN, Diedrich. 1927. *Die westlichen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu*. Berlin: Walter de Gruyter.
- WESTERMANN, Diedrich. 1935. Nominalklassen in westafrikanischen Klassensprachen und in Bantusprachen. *MSOS*, 38: 1–52.
- WESTERMANN, Diedrich. 1940. Die Sprachen. In: BAUMANN H., THURNWALD R. und WESTERMANN D (eds). *Völkerkunde von Afrika*. Essen: Essener Verlagsanstalt: 375–433.
- WESTPHAL, E. 1971. The Click Languages of Southern and Eastern Africa. *Linguistics in Sub-Saharan Africa*, ed. by Thomas A. SEBEEK (= Current Trends in Linguistics, 7.) The Hague/Paris: Mouton: 367–420.
- WICHMANN, S. and HOLMAN, E. 2009. *Assessing temporal stability for linguistic typological features*. München: LINCOM Europa.
- WILLIAMSON, K. 1989. Niger-Congo Overview. In: BENDOR-SAMUEL J. (ed.). *The Niger-Congo languages*. University Press of America: 3–45.